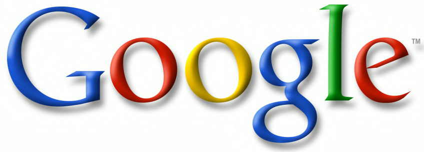

ИСТОРІЯ

МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

ВЪ РОССІИ.

ТОМЪ I.

ВВЕДЕНІЕ.

УѢЗДЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

А. Д. Градовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

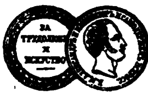
ИСТОРІЯ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

ТОМЪ I.

ВВЕДЕНІЕ.

УѢЗДЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

А. Д. Градовскаго.

С. Петербургъ.

Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

1868.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAY 22 1972

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый І-й томъ исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи имѣетъ собственно значеніе введенія къ главной части этого труда — къ исторіи Русской губерніи. Авторъ первоначально не думалъ давать этому введенію размѣры тома. Онъ думалъ въ общихъ чертахъ указать значеніе вопроса о провинціи въ ряду другихъ вопросовъ государственнаго права, выяснить общія основы мѣстнаго управленія и самоуправленія и затѣмъ представить небольшую характеристику областнаго общества и мѣстной администраціи Московскаго государства. Затѣмъ должна была слѣдовать исторія губерніи. Вышло иначе. Не говоря уже о томъ, что изслѣдованіе общихъ отношеній государства и провинціи, заняло довольно мѣста въ этомъ трудѣ, выясненіе состава областнаго общества и уѣздной администраціи до-Петровской Россіи потребовало многихъ соображеній, которыя авторъ не счелъ себя въ правѣ изложить въ сжатомъ видѣ. Никто не станетъ отрицать, что введеніе земскихъ учрежденій и ихъ дѣятельность должны придать вопросу нашей провинціи особенное значеніе какъ въ догмѣ, такъ и въ исторіи государственнаго права Россіи. Учрежденія эти съ горячимъ сочувствіемъ приняты нашимъ обществомъ, какъ новый и цѣнный даръ Царя-Освободителя. Отчего зависитъ это сочувствіе? Оттого-ли, что учрежденія эти суть новый успѣхъ западно-европейской цивилизаціи, прививаемой къ нашему быту, или оттого, что они являются новою организаціею нашихъ народныхъ элементовъ, на началахъ столь же древнихъ, какъ самое слово «земство»? Авторъ позволяетъ себѣ думать, что исторія нашихъ

губернскихъ учрежденій вообще и земскихъ въ особенности тѣсно связана съ исторіею нашихъ сословій; что форма мѣстной администраціи въ Россіи всегда зависѣла отъ того, въ какомъ отношеніи сословія эти находились къ государству и между собою; что элементы административной свободы послѣ долгаго закрѣпощенія сословій, были внесены въ область съ освобожденіемъ дворянства и должны получить окончательное развитіе съ освобожденіемъ крестьянъ; что, слѣдовательно, исторія древней области, тѣсно связана съ исторіею губерніи и губернскаго общества. Поэтому авторъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на исторіи важнѣйшихъ составныхъ частей нашего древняго областнаго общества — исторіи дворянства и общинъ сельскихъ и городскихъ. Изслѣдованіе же состава областнаго общества дало ему возможность остановиться подробно на вопросѣ объ административномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Московскаго государства. По окончаніи этой работы оказалось, что написанное можетъ составить цѣлый томъ. Авторъ не думалъ сокращать написаннаго; при изученіи матеріала онъ наталкивался на разные выводы, которыхъ ему не приходилось встрѣчать въ нашей юридической литературѣ, а потому онъ не счелъ себя въ правѣ опускать какія бы то ни было доказательства въ пользу своихъ положеній. Если автору удалось установить связь между уѣздомъ XVII и губерніею XVIII ст., въ указанномъ выше смыслѣ, цѣль его достигнута.

Впрочемъ читающей публикѣ это изслѣдованіе должно быть нѣсколько знакомо. Часть его была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, за Январь, Февраль и Мартъ 1868 г., подъ заглавіемъ «Государство и Провинція», а остальныя главы въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за Апрѣль, Май, Іюнь и Іюль того же года, подъ заглавіемъ «Общественные классы въ Россіи до Петра I».

А. Градовскій.

Павловскъ,
25 Іюля 1868 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Уѣздъ Московскаго Государства.

РАЗДѢЛЪ I.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ ВЪ РОССІИ XVI и XVII в.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
27	4 прим. 1.	воев. и губн. стар.	воев. и губ.
80	17	Напримѣръ въ Новгородѣ, въ Москвѣ, необходимо было etc.	Напримѣръ въ Новгородѣ, Москвѣ необходимо было etc.
205	22	которыя сбирались подъ надзоромъ 23 Московскихъ приказовъ.	которыя сбирались подъ надзоромъ 2—3 Московскихъ приказовъ.
262	прим. 5.	Время кн. II.	Временникъ, кн. XI.
382	24	ихъ дѣятельности	ихъ экономической дѣятельности.
384	4 снизу	зашли нѣсколько далеко; такъ камъ etc.	зашли нѣсколько далеко, такъ какъ etc.

ВВЕДЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Государство и провинція.

Въ политической литературѣ немного можно назвать вопросовъ, порождающихъ такія противорѣчивыя мнѣнія, какъ вопросъ о провинціи. Эти несогласія нельзя объяснить однимъ разнообразіемъ политическихъ убѣжденій и воззрѣній. Когда границы спора опредѣлены, предметъ несогласія ясенъ, — споръ близокъ къ окончанію. Еслибы всѣ несогласія въ области политической зависѣли только отъ различныхъ политическихъ стремленій, преслѣдующихъ опредѣленныя цѣли, несогласія эти не длились бы такъ долго, не порождали бы такихъ недоразумѣній, какъ это часто приходится видѣть въ политикѣ. Когда каждая изъ партій, находящихся въ борьбѣ, видитъ основанія своего несогласія съ другою, откровенно преслѣдуетъ ясно сознанную задачу, рѣшеніе вопроса зависитъ отъ успѣха спорящихъ сторонъ, своевременности ихъ стремленій, искренности убѣжденій, словомъ, отъ условій, которыя можно взвѣсить, результаты которыхъ можно предусмотрѣть. Партія, сознательно дѣйствующая, сознательно относящаяся къ стремленіямъ другихъ партій, на половину облегчаетъ задачу публициста. Большинство недоразумѣній, главная причина продолжительности борьбы, зависитъ отъ неясности пониманія элементовъ спора, отъ того что въ вопросъ, составляющій предметъ полемики, вводится масса понятій, не имѣющихъ ничего общаго съ началами изслѣдуемаго предмета. Общеизвѣстная истина, что для разрѣшенія какого-нибудь спора должно знать о чемъ споришь, не сознается еще въ политикѣ, подобно многимъ общеизвѣстнымъ истинамъ. Причины этого заключаются отчасти въ томъ, что борьба начинается въ то время, когда сами партіи еще не созрѣли и не выяснили своего положенія, которое и выяснено можетъ быть только чрезъ эту борьбу;

когда, вмѣстѣ съ неясностію положенія партій, по необходимости неясны элементы спора. Затѣмъ продолжительныя враждебныя отношенія, примѣсь эгоистическихъ побужденій въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, стремленіе уронить противника какими бы то ни было средствами, всевозможные софизмы, — все это вредно отражается на политическихъ вопросахъ, и ихъ рѣшеніе рѣдко поднимается на ту высоту истинно-научныхъ положеній, гдѣ нѣтъ мѣста ничему кромѣ безпристрастнаго служенія истинѣ. Почти каждый доводъ, какъ бы онъ не былъ научно построенъ, всегда содержитъ въ себѣ нѣсколько мотивовъ, вытекающихъ изъ соображеній, чуждыхъ научнаго безпристрастія.

Въ такомъ положеніи находится и вопросъ о провинціи. До настоящаго времени споръ этотъ не введенъ въ должныя границы. Собственно спора о провинціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ. Подъ видомъ спора о провинціи въ настоящее время ведутся пренія объ автономіи и единствѣ, о самоправленіи и централизаціи, децентрализаціи, индивидуализмѣ, гувернаментализмѣ, чуть не о сепаратизмѣ, федераціи, свободѣ, деспотизмѣ и другихъ подобныхъ предметахъ, которые способны скорѣе разжечь страсти, запутать политическихъ дѣятелей, чѣмъ привести къ какимъ бы то ни было благопріятныхъ результатамъ.

Немного сдѣлано для того, чтобы ввести этотъ важный вопросъ въ настоящіе предѣлы. Токвилль [1]), а за нимъ Леонъ Фоше, показали разницу между государственною и административною централизаціей, т.-е между политическою и административною самостоятельностію его частей. Нельзя сомнѣваться въ важности такого различенія, разъясняющаго истинное значеніе самостоятельности провинцій. Государственное единство Англіи не препятствуетъ сильному развитію самоуправленія, и наоборотъ. Напротивъ, мѣстныя учрежденія всегда поддерживаютъ въ народѣ политическую жизнь, устанавливаютъ среди него общіе интересы и слѣдовательно служатъ лучшею опорой государ-

---

[1]) *De la démocratie en Amerique,* I, p. 104. „Concentrer dans un même lieu, ou dans une même main le pouvoir de diriger les intérêts communs, c'est fonder ce que j'appellerai la centralisation gonvernementale. Concentrer de la même manière le pouvoir de diriger les intérêts spéciaux à certaines parties de la nation, c'est fonder ce que j'apellerai la centralisation administrative.“ Изъ самого тона Токвилля и года изданія его книги видно, что ему принадлежитъ честь этого различенія, а не Леону Фоше, какъ говоритъ г. Лохвицкій въ своей книгѣ: *Губернія.*

ственному единству. Но въ государственныхъ наукахъ мало сказать, что извѣстная форма администраціи не препятствуетъ осуществленію государственной идеи. Должно доказать еще государственную необходимость извѣстныхъ установленій, для того чтобъ они сдѣлались прочнымъ достояніемъ государственной теоріи. Государство многое можетъ допустить, но наука должна останавливаться только на томъ, что̀ для него необходимо.

Публицисты, разграничившіе понятіе объ административной и государственной централизаціи, не остановились на простой возможности совмѣщенія государственнаго единства съ самостоятельностію мѣстностей. Они и ихъ послѣдователи краснорѣчиво доказывали вредъ административной централизаціи, выставляли необходимость уменьшенія правительственной опеки и развитія личной и общественной инициативы. Несмотря однако на то, что труды ихъ указали на множество темныхъ сторонъ въ строѣ государствъ, грѣшащихъ излишествомъ централизаціи, нельзя сказать, чтобъ они выставили солидныя основанія, на которыхъ могла бы продолжаться дальнѣйшая разработка провинціальнаго вопроса.

Вслѣдствіе этого я не счелъ себя въ правѣ обойти этотъ предметъ въ трудѣ, имѣющемъ цѣлію выяснить вопросъ о нашемъ мѣстномъ управленіи и преимущественно земствѣ. Многія причины побудили меня къ этому. Понятіе о нашей губерніи, съ тѣхъ поръ какъ земскія учрежденія получили законное существованіе, значительно усложнилось. Въ составъ ея вошли новые элементы, произошелъ рядъ новыхъ и сложныхъ комбинацій. Показать, *что̀ такое* наша губернія въ ряду русскихъ учрежденій, значитъ покончить съ цѣлою массой недоразумѣній, порождаемыхъ неясными понятіями о принципѣ и кругѣ дѣятельности прежнихъ и новыхъ ея установленій. Для того, чтобы понять ихъ истиное значеніе, должно выяснить сначала, въ какой мѣрѣ каждое правительство нуждается въ самостоятельности мѣстныхъ учрежденій и дѣятельности общества, и затѣмъ въ какомъ смыслѣ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ исторіей даннаго народа.

Идея, говоритъ Гегель, должна быть разграничена въ понятіи и бытіи. Отсюда двѣ задачи для изслѣдователя. Онъ долженъ ознакомиться съ понятіями, входящими въ составъ изслѣдуемаго вопроса, прежде чѣмъ онъ встрѣтится съ ними въ исторіи учрежденій. Простое историческое изложеніе никогда не поведетъ къ разъясненію вопроса. Если опасно приступать къ фактамъ съ предвзятыми идеями, съ непремѣннымъ намѣреніемъ найти въ нихъ то или другое, то еще хуже,

когда изслѣдователь ничего не ищетъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ, когда нѣтъ у него вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ бы ждалъ отъ нихъ. Дурно подсказывать отвѣты, но еще хуже не имѣть никакихъ вопросовъ для разрѣшенія. Работа, не имѣющая такой опредѣленной цѣли, можетъ остаться безплодною, хотя бы окончилась накопленіемъ громады матеріала. Вотъ почему намъ необходимо разсмотрѣть общія основанія, историческое происхожденіе и современное положеніе вопроса о провинціи.

Этимъ будетъ закончена одна сторона задачи. Мы поймемъ, насколько каждое правительство можетъ уклониться отъ административной самостоятельности провинціи. Затѣмъ изслѣдованіе перейдетъ къ оцѣнкѣ конкретныхъ явленій, къ обсужденію мѣста губернскихъ учрежденій въ нашемъ государственномъ организмѣ. Явились ли они вслѣдствіе необходимаго историческаго закона, какъ продуктъ коренныхъ условій нашей общественности, или ихъ появленіе есть случайный, хотя и счастливый фактъ, удачная комбинація законодательныхъ сферъ? Удовлетворяютъ ли они дѣйствительнымъ потребностямъ *нашего* общества, или суть роскошь чуждой намъ цивилизаціи? гдѣ ихъ жизненное начало: въ насъ, или въ непреодолимомъ успѣхѣ торжествующей, хотя и внѣ насъ стоящей, цивилизаціи?

Отвѣтомъ на эти вопросы долженъ служить предпринимаемый нами трудъ, въ которомъ мы старались сгруппировать всѣ факты касательно постепеннаго развитія нашей провинціи.

I.

Провинціальный вопросъ, какъ и сама провинція, есть произведеніе новыхъ европейскихъ государствъ и находится въ тѣсной связи съ понятіями о національности. Новое европейское государство отличается именно тѣмъ, что каждая страна, входящая въ его составъ, необходимо должна слиться съ нимъ въ одно цѣлое, вступить съ нимъ въ органическое соединеніе, сдѣлаться неразрывною частью одного великаго цѣлаго. Пока существуютъ въ государствѣ племенные оттѣнки, мѣстныя различія на столько сильныя, что они могутъ внести рознь въ общегосударственную жизнь, развитіе его нельзя считать оконченнымъ. Оно не достигло кореннаго условія своего существованія — національнаго единства. Въ этомъ отношеніи современныя государства рѣзко отличаются отъ государствъ древнихъ. На первый

взглядъ, правительства древнихъ государствъ представляли картину, которая могла бы порадовать поклонниковъ провинціальной автономіи. Бытъ провинцій, входившихъ въ составъ Персидской и Римской монархій, почти ни въ чемъ не измѣнялся формально. Персія даже вполнѣ сохраняла автономію провинцій. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла оказывается, что эта самостоятельность (и притомъ видимая) провинціи была послѣдствіемъ разныхъ несовершенствъ тогдашней культуры, невыгодныхъ столько же для государствъ, сколько и для провинцій. Характеристическая черта древности заключалась въ томъ, что *государство* собственно не распространялось, то-есть, оно не принимало въ себя никакихъ новыхъ странъ и народностей. Раздѣленныя религіозными догматами, приводившими къ замкнутости и отчужденію, древнія государства не могли распространять свои учрежденія на подвластныя имъ страны и народы. Они подчиняли ихъ своей власти (imperium), но не давали имъ своего государственнаго быта. Римъ распространилъ свое владычество по всему свѣту, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ сдѣлалъ все человѣчество гражданами Римскаго государства. Вѣчный городъ до самаго конца остался муниципіей и упорно отказывался расширить ея предѣлы даже тогда, когда легіоны и проконсулы его расположились по всѣмъ странамъ міра. Отсюда шаткость государствъ и рабство провинцій. Лишившись самостоятельнаго политическаго устройства, они не получали ничего въ замѣнъ. Единственнымъ учрежденіемъ въ нихъ былъ проконсулъ, единственнымъ закономъ — его эдикты. Въ еще большей степени должно сказать это относительно Персидской и сродныхъ съ нею восточныхъ монархій. Онѣ не трогали государственнаго устройства завоеванныхъ странъ, но не въ силу какихъ-нибудь общихъ государственныхъ соображеній, а скорѣе вслѣдствіе отсутствія всякихъ понятій объ управленіи. Завоеватели располагались, такъ-сказать, военнымъ становъ среди покоренныхъ земель, мало сливаясь съ туземнымъ народонаселеніемъ.

Въ настоящее время жизненность каждаго государства соразмѣряется умѣніемъ коренной національности не только связать съ собою подчиненныя народности, но и *претворить* ихъ природныя особенности, ассимилировать племена, вошедшія въ ея составъ. Существованіе мѣстныхъ особенностей, а тѣмъ болѣе элементовъ чуждой цивилизаціи, среди извѣстнаго народа доказываетъ его несовершенное политическое развитіе. Чѣмъ больше мы видимъ въ данномъ государствѣ мѣстностей и племенъ, *состоящихъ на особомъ положеніи,*

тѣмъ дальше это государство отъ полнаго развитія своихъ національныхъ началъ, тѣмъ больше препятствій и трудовъ предстоитъ ему преодолѣть.

Не вдаваясь здѣсь въ подробное изслѣдованіе причинъ этого различія между древнимъ міромъ и новымъ, можно сказать, что главное его основаніе заключается въ различіи элементовъ, обусловливающихъ національность теперь, отъ того, что̀ представлялъ въ этомъ отношеніи древній міръ. Лучше сказать, іерархія этихъ элементовъ теперь иная, сравнительно съ тѣмъ, что̀ была она прежде. Въ древности различіе національностей установлялось элементами скорѣе общественнаго, чѣмъ политическаго характера. Религія, культъ, очерчивали границы муниципіи, которыхъ никто уже не могъ переступать. Языкъ, племя, являлись также существенными ея основами. Вслѣдствіе этого національности носили исключительный характеръ не только въ смыслѣ устойчивости ихъ особенностей, что̀ было бы выгодно, но и въ смыслѣ невозможности сліянія народностей, входившихъ въ составъ государства. Новѣйшія національности создаются подъ вліяніемъ болѣе широкихъ, но въ то же время болѣе прочныхъ началъ. Религія перестала раздѣлять людей, какъ это было въ древности: напротивъ, она сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ къ ихъ соединенію. Племя потеряло свое значеніе, когда при смѣшеніи и сліяніи человѣческихъ породъ, при образованіи, подъ вліяніемъ общей политической жизни, вторичныхъ и даже третичныхъ породъ, явилась возможность самыхъ сложныхъ государственныхъ комбинацій. Языкъ также не ведетъ необходимо къ образованію особыхъ національностей; нѣсколько языковъ мирно уживаются подъ однимъ общимъ политическимъ устройствомъ. Съ ослабленіемъ этихъ первоначальныхъ элементовъ національнаго различія *политическій бытъ* занимаетъ первое мѣсто. Общность историческихъ воспоминаній, единство государственныхъ интересовъ скрѣпляютъ людей больше, чѣмъ какія бы то ни было общественныя различія.

Два факта являются результатомъ этой перемѣны. Вопервыхъ, политическій бытъ можетъ объединять бо̀льшее количество странъ и народностей, чѣмъ въ древности, затѣмъ, сліяніе всѣхъ этихъ народностей въ отношеніи культурныхъ различій сдѣлалось не только возможнымъ, но и необходимымъ. Догматъ единобожія снялъ сѣть разнообразныхъ культовъ, общая историческая жизнь сгладила нравы, сблизила языки, слила, смѣшала племена. Далѣе, государственная власть не является уже такимъ продуктомъ религіозныхъ и другихъ

общественныхъ учрежденій, гдѣ ея объемъ и характеръ опредѣлялся исключительно объемомъ и характеромъ извѣстнаго общества, тоже заранѣе опредѣленнаго. Робертъ фонъ-Моль вѣрно опредѣляетъ характеръ новаго общества, по отношенію его къ государству. «Съ идеей общества, говоритъ онъ [1]), не соединяется представленія о замкнутости его въ границахъ опредѣленнаго пространства и о необходимости равномѣрнаго распространенія однородныхъ общественныхъ группъ среди одного и того же народа. Между тѣмъ строго начертанные рубежи между различными частями человѣческаго рода положительно необходимы для правильной организаціи человѣческаго общежитія, ибо только при такомъ условіи возможенъ предѣленный планъ организаціи, разчитанныя мѣропріятія, точное опредѣленіе правъ и обязанностей, образованіе и признаніе необходимой общественной власти». Мы не безъ основанія назвали эту характеристику характеристикой новаго общества. Общественныя формы древности, напротивъ, давали опредѣленное содержаніе государству и заранѣе опредѣляли его объемъ. Только съ выдѣленіемъ юридической, равно ко всѣмъ относящейся государственной власти изо всѣхъ общественныхъ элементовъ, послѣдніе получили такой неопредѣленный, то-есть *свободный* характеръ. Въ древности была римская религія, въ связи съ нею развивалась *римская* семья, *римская* собственность; развитіе это опредѣлялось «строго начертанными рубежами между различными частями человѣческаго рода». Новое государство сдѣлало ихъ простыми элементами юридическаго быта, одинаково удобными для всякаго общества. Итакъ, съ одной стороны бо̀льшее единство, а съ другой бо̀льшая свобода общественныхъ элементовъ — существенный признакъ новаго государства. Такимъ образомъ оно дѣйствительно становится единственнымъ условіемъ для «начертанія рубежей между различными частями рода человѣческаго». Въ христіанско-европейскомъ мірѣ приблизительное единство догматовъ, появленіе громадныхъ сложныхъ племенъ, говорящихъ однимъ языкомъ, дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ заключеніе религіи, языка, и другихъ элементовъ культуры въ предѣлы государства. Они ищутъ высшей формы соединенія въ международномъ союзѣ. Съ другой стороны, свобода религіи, мысли и имущественнаго оборота указываетъ на невозможность сообщенія имъ государственнаго значенія, отождествленія съ ними государства. Государство, оставаясь такимъ образомъ главнымъ мотивомъ національнаго различія, должно заботиться

[1]) *Энциклопедія государственныхъ наукъ*, стр. 24 русскаго перевода.

о развитіи и равномѣрномъ распространеніи всѣхъ особенностей даннаго народа по всѣмъ его частямъ. Національная идея, лежащая въ основаніи извѣстной культуры, должна сдѣлаться такимъ же всеобщимъ фактомъ, какъ сама государственная власть и ея законодательство. Свобода вѣроисповѣданія и языка среди общества не предполагаетъ необходимости особеннаго положенія ихъ въ *правѣ государственномъ*. Здѣсь они явятся важнымъ препятствіемъ къ народному единству и могутъ повлечь за собой непріятныя столкновенія между различными расами и цивилизаціями. Единство религіи, языка должно быть осуществлено прежде всего въ законодательствѣ и государственномъ управленіи, а затѣмъ сильнѣйшіе элементы общества сами собой докончатъ дѣло государства.

Образованіе новыхъ европейскихъ государствъ открылось ассимилированіемъ различныхъ племенъ и языковъ, причемъ работа значительно облегчалась единствомъ религіи, постепенно охватившей всю историческую Европу. Идея единства, не осуществившаяся въ учрежденіяхъ папства и священной Римской имперіи, помогла при образованіи единства національнаго, единаго осуществимаго. Произносится формула, двигавшая, напримѣръ, французскихъ королей: une foi, une loi, un roi,—рѣшительно невозможная въ древности. Становится ясно, что политическую роль и продолжительное существованіе получатъ тѣ государства, въ которыхъ сила ассимиляціи наиболѣе сильна. Становится ясно, что каждая часть государства должна быть органически связана съ своимъ цѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ; что государства, успѣвшія объединить наибольшее количество народностей, получатъ наибольшее значеніе.

Такимъ образомъ, предѣлы новыхъ государствъ неминуемо должны были расшириться сравнительно съ предѣлами государствъ древнихъ. Они не могли уже ограничиваться тѣсными предѣлами муниципій. Громадныя политическія комбинаціи все больше и больше занимали мѣсто прежнихъ мелкихъ политическихъ единицъ. Объемъ государственной территоріи, количество народонаселенія, сложность его элементовъ, во всемъ этомъ новое государство существенно отличается отъ древняго.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на разрѣшеніе новаго государства представляются многіе вопросы, не затруднявшіе древнихъ. Оно состоитъ изъ множества частей, *органически* связанныхъ между собою и съ центромъ, живущихъ подъ одними законами и однимъ правительствомъ. Въ какихъ отношеніяхъ будутъ состоять эти части къ центральному

правительству? Автономія провинцій Персидской монархіи не мыслима въ новомъ государствѣ; она обусловливалась тѣмъ, что завоеватели не въ силахъ были создать никакой политической системы, не въ силахъ были дать покореннымъ странамъ какія бы то ни было учрежденія, такъ какъ у нихъ самихъ ихъ не было. Части новаго государства не могутъ стоять на степени римскихъ провинцій. Жалкое положеніе послѣднихъ обусловливалось тѣмъ, что Римъ не давалъ имъ своихъ учрежденій. Ни того, ни другаго нѣтъ уже въ новыхъ государствахъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ стремятся къ тому, чтобъ этого не было. Но можетъ ли объединеніе государства дойти до уничтоженія не только политической самостоятельности, но и мѣстныхъ особенностей экономическаго быта, уничтожить не только отдѣльную, но и всякую государственную жизнь своихъ частей? Можетъ ли оно перенести въ центръ не только верховныя политическія права, но и стянуть въ него всякое проявленіе общественной жизни?

Съ разрѣшеніемъ политическаго вопроса, начинается рядъ административныхъ задачъ, которыя не вездѣ разрѣшаются одинаковымъ образомъ. Сложности и трудности этихъ административныхъ вопросовъ много способствовала неясность понятій, господствующихъ доселѣ въ политическихъ наукахъ. Начнемъ съ анализа этихъ понятій.

II.

Въ политической литературѣ господствуетъ мнѣніе, перенесенное и къ намъ [1]), что происхожденіе провинціи можетъ быть двоякое. Иногда она произведеніе исторіи, иногда въ основаніи ея лежатъ теоретическія, административныя соображенія. Отсюда противоположность между провинціей какъ естественнымъ организмомъ, и провинціей какъ административнымъ тѣломъ. Напримѣръ, старыя французскія провинціи сложились несомнѣнно подъ вліяніемъ историческихъ условій; департаменты являются продуктомъ теоретическихъ соображеній [2]); провинціи Австрійской имперіи организмы естественные, въ противоположность искусственно образовавшимся губерніямъ Русской имперіи.

Мы не видимъ, въ чемъ заключается практическая польза подобной классификаціи. Если подъ именемъ провинціи разумѣть только

[1]) См. *Губернія*, г. Лохвицкаго, глава I.

[2]) См. Jules Chévillard: *La division administrative*. 1865.

извѣстное дѣленіе страны, да и здѣсь принимать въ разчетъ только границы этого дѣленія, то такое разграниченіе, пожалуй, вѣрно. Но если признавать провинцію извѣстнымъ организмомъ въ ряду другихъ государственныхъ и общественныхъ организмовъ, то такая классификація не можетъ удовлетворить изслѣдователя. Всякое явленіе совершается во времени, и потому можетъ быть названо историческимъ; всякая комбинація требуетъ извѣстныхъ теоретическихъ соображеній, а потому можетъ быть названа искусственною. Учрежденіе департаментовъ было продуктомъ всей исторіи дореволюціонной Франціи, точно такъ, какъ въ прежнемъ провинціальномъ дѣленіи можно найдти извѣстныя логическія основанія. Изъ того, что въ настоящее время наша логика несхожа съ логикой нашихъ предковъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе жили по законамъ одной необходимости, безъ всякихъ теоретическихъ соображеній. Учрежденія различаются началами, лежащими въ ихъ основаніи, а не способомъ происхожденія, такъ какъ каждое изъ нихъ одинаково есть произведеніе совокупнаго дѣйствія историческихъ условій и комбинацій человѣческаго разума. Въ иныхъ странахъ административное дѣленіе покоится на извѣстныхъ общественныхъ элементахъ, хотя послѣдніе сами по себѣ не создавали провинціи какъ вполнѣ самостоятельнаго тѣла. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы такая провинція не имѣла историческаго значенія?

Съ этой точки зрѣнія можно будетъ приблизительно понять, что хотѣли выразить словами *историческій* и *искусственный*.

Каждое изъ нынѣ существующихъ государствъ въ западной Европѣ сложилось изъ массы организмовъ, предшествовавшихъ его развитію. Безъ сомнѣнія, до появленія государственной власти каждый изъ этихъ организмовъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Онъ имѣлъ свои цѣли, задачи, не подчинявшіяся высшимъ цѣлямъ; для достиженія своихъ цѣлей онъ имѣлъ свои средства, коими могъ располагать по своему усмотрѣнію. Понятно, что организація подобныхъ тѣлъ сообразовалась съ условіями ихъ развитія, что каждое изъ нихъ имѣло свой центръ. Эта самостоятельность не прекратилась тотчасъ съ появленіемъ государственной власти. Власть не сразу занимаетъ верховное положеніе въ обществѣ. Она долгое время довольствуется внѣшнимъ подчиненіемъ, возможностію объединенія такихъ сторонъ управленія, которыя тѣсно связаны съ существомъ верховной власти. Ея усилія идутъ прежде всего на сосредоточеніе суда, военныхъ силъ, финансовъ. Она не можетъ пока взять въ свои руки внутреннее управленіе со всѣми его сложными и трудными задачами. Мало-по-малу внѣшнее

подчиненіе становится поглощеніемъ разныхъ частей государства; власть, вліявшая на поверхность общества, становится живою, неразрывною его связью. Расширяется общественное сознаніе, сфера прежнихъ организмовъ становится узкою для окрѣпшаго умосозерцанія новаго общества, прежнія цѣли кажутся мелкими для лицъ, имѣвшихъ уже случай служить общенаціональнымъ задачамъ. Власть все болѣе и болѣе становится въ непосредственное отношеніе къ каждому гражданину, который уже тяготится прежними организмами, заслонявшими отъ него эту власть. Организмы эти теряютъ свое самостоятельное существованіе. Прежде они вмѣщали въ себѣ всѣ стремленія людей; ихъ цѣли, идеи привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ; теперь выросли другія задачи, предъ которыми прежнія цѣли имѣютъ только второстепенное значеніе. Феодальное междуусобіе мелко въ сравненіи съ національною войной, „патріотизмъ колокольни“ узокъ въ сравненіи съ народнымъ самосознаніемъ. Жизнь этихъ организмовъ дѣлается лишь дополненіемъ къ общегосударственной жизни. Формально они продолжаютъ свое существованіе; предѣлы ихъ территорій остаются неприкосновенными; но жизненныя силы перемѣстились уже въ другія организаціи. Придетъ время, и государство измѣнитъ даже эти внѣшнія отличія сообразно съ своими намѣреніями. Этимъ закончится продолжительный внутренній процессъ объединенія страны и установленія единой государственной власти.

Наконецъ страна управляется на основаніи высшихъ соображеній; преслѣдуется общія государственныя цѣли, предъ которыми должны молчать всѣ второстепенныя соображенія, будничные разчеты. Но здѣсь и начинается противоположеніе между такъ-называемою историческою и искусственною провинціей. Государственный интересъ долженъ стоять на первомъ планѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое движеніе мысли, каждый будничный разчетъ, должны были войти въ сферу государственныхъ интересовъ. Правительственная дѣятельность подчинила себѣ всю массу народныхъ силъ для удовлетворенія высшихъ потребностей государства, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ обществѣ не было другой дѣятельности кромѣ правительственной.

Отрицаніе и уничтоженіе общественныхъ историческихъ организмовъ во имя высшаго государственнаго организма должно имѣть свои предѣлы. Подчиненіе ихъ высшимъ началамъ государственной жизни есть необходимость; совершенное ихъ уничтоженіе есть вредъ. Мы не можемъ себѣ представить правильно развившееся государство безъ тѣхъ организмовъ, которые дали ему существованіе. Даже въ тѣхъ

государствахъ, гдѣ общественные элементы не составляли прочныхъ мѣстныхъ организмовъ, государство, понимающее свое призваніе, рано или поздно группируетъ ихъ, даетъ имъ организацію въ виду этихъ мѣстныхъ интересовъ.

Слабость семейныхъ началъ въ Спартѣ, уничтоженіе муниципальнаго быта въ древнемъ Римѣ, несуществованіе его въ первыя времена феодальнаго государства, вредно отражались на судьбѣ этихъ государствъ. Цивилизація и образованіе новаго государства начинаются въ новой Европѣ именно послѣ общиннаго движенія, организовавшаго въ первый разъ народныя силы. Воспользовавшись услугами этихъ силъ, государство должно сохранять ихъ въ эпоху своего могущества, какъ его главную основу. Безъ нихъ государство дѣлается простымъ логическимъ отвлеченіемъ, не имѣющимъ никакой органической связи съ страной. Тогда его могущество вредно отражается и на недѣлимыхъ. Если между недѣлимымъ, отдѣльно взятымъ, и государствомъ, во всей его совокупности, не будетъ никакихъ посредствующихъ группъ, свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ недѣлимаго и даже его матеріальному благосостоянію грозитъ серіозная опасность. При отсутствіи такихъ союзовъ, государство является единственнымъ твердымъ учрежденіемъ среди разрозненной, а потому безсильной массы недѣлимыхъ, которые не замедлятъ стушеваться предъ этимъ колоссальнымъ могуществомъ. Къ числу такихъ организмовъ, существованіе которыхъ должно продолжиться въ государствѣ, принадлежитъ и провинція.

Она должна имѣть извѣстную степень самостоятельности, безъ которой достиженіе ея цѣлей сдѣлается невозможнымъ. Выраженіе самостоятельность требуетъ оговорки. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о той степени самостоятельности, какую провинція имѣла до образованія государственнаго единства. Мы имѣемъ въ виду ту долю самостоятельности, которая необходима провинціи въ уцѣлѣвшей для нея, послѣ конфискаціи различныхъ ея правъ государствомъ, сферѣ отношеній. Государство низвело ее изъ сферы самостоятельныхъ политическихъ отношеній въ сферу отношеній подчиненныхъ. Но разъ она введена въ надлежащіе предѣлы, въ этихъ предѣлахъ должно продолжиться ея самостоятельное существованіе. Это значитъ, что съ появленіемъ государственныхъ цѣлей не теряютъ своего значенія цѣли низшихъ организмовъ, хотя онѣ и отступаютъ на второй планъ. Признаніе же за извѣстнымъ организмомъ самостоятельныхъ цѣлей пред-

2 вида провинции

полагаетъ за этимъ организмомъ извѣстную совокупность правъ, дающихъ ему возможность ихъ осуществленія.

Сказанное, полагаемъ, разъясняетъ, какое значеніе можетъ имѣть дѣленіе провинціи на историческую и искусственную. Провинціей историческою можно назвать организацію мѣстности подъ вліяніемъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ вполнѣ самостоятельное существованіе, хотя бы даже они первоначально не выразились въ формѣ провинціи. По мѣрѣ подчиненія этихъ общественныхъ элементовъ государству, происходитъ другая организація мѣстности, на основаніи административныхъ соображеній. Этимъ сохраняется связь всѣхъ общественныхъ элементовъ съ верховною властью, и совокупность первоначальныхъ организмовъ получаетъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе.

Трудно сказать, гдѣ границы между этими двумя видами провинціи. Иногда историческая провинція внѣшнимъ образомъ продолжаетъ свое существованіе даже во время полнаго торжества государственной администраціи. Обыкновенно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда границы историческихъ дѣленій не представляютъ особенныхъ неудобствъ въ административномъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, организація общественныхъ элементовъ въ мѣстныхъ организмахъ должна происходить подъ вліяніемъ, руководствомъ и надзоромъ государственной власти. Ни одна провинція, составляя часть государства, не можетъ обходиться безъ представителя высшей правительственной власти, стоящаго въ главѣ ея и чрезъ котораго устанавливалась бы связь между мѣстностію и верховнымъ правительствомъ; затѣмъ, въ виду различныхъ правительственныхъ задачъ, въ мѣстности появляется рядъ учрежденій, имѣющихъ чисто исполнительный характеръ.

Но рядомъ съ этими органами продолжаютъ свое существованіе общественные элементы, введенные въ сферу экономическихъ отношеній. Опредѣлить ихъ отношеніе къ органамъ правительства и къ правительственной дѣятельности вполнѣ необходимо. Если вліяніе общественнаго склада отражается даже на государственной формѣ, то еще больше должно оно отразиться на мѣстномъ управленіи. Только въ одномъ случаѣ можно бы устранить это вліяніе, именно въ предположеніи, что всѣ общественные классы станутъ въ несвободное отношеніе къ государству, что ихъ трудъ, собственность, промышленность, торговля, словомъ, весь экономическій оборотъ подчинится неограниченному господству и распоряженію государственной силы. Ис-

торія знаетъ такіе примѣры, но они относятся къ моментамъ переходнымъ, къ временамъ излишняго напряженія правительственной власти. Они не могутъ совмѣщаться съ юридическою, нормальною дѣятельностію власти. Напротивъ, государство, опредѣливъ сферу каждаго права, каждой дѣятельности, предполагаетъ затѣмъ полную свободу дѣйствія въ этихъ опредѣленныхъ предѣлахъ. Совокупность такихъ свободныхъ элементовъ съ ихъ свободною дѣятельностью не можетъ не имѣть значенія въ мѣстномъ управленіи.

Слѣдовательно, провинція не представляется простымъ дѣленіемъ государства на части, но предполагаетъ необходимую самостоятельность этихъ частей въ двухъ отношеніяхъ: самостоятельность правительственныхъ органовъ и тѣсно съ нею связанную самостоятельность общественныхъ элементовъ.

Самостоятельность правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія основывается отчасти на общихъ началахъ государственнаго права, отчасти на соображеніяхъ практическихъ, свойственныхъ каждому конкретному государственному устройству. Посылая различныхъ правительственныхъ лицъ въ провинціи, государство не можетъ не возлагать на нихъ отвѣтственности за положеніе этой провинціи. Всякая исполнительная власть, по самому существу своему, можетъ дѣйствовать благотворно только подъ условіемъ строжайшей отвѣтственности. Имѣя совершенно самостоятельныя задачи, подобно всѣмъ другимъ властямъ въ государствѣ, она въ то же время пользуется несравненно большею свободой дѣйствій. Законодательная власть устанавливаетъ только нормы для дѣятельности органовъ власти и отдѣльныхъ гражданъ; судебная власть охраняетъ эти нормы, наблюдаетъ, чтобы дѣятельность тѣхъ и другихъ не переступала указанныхъ предѣловъ. Но какъ только нормы опредѣлены, какъ только неприкосновенность ихъ гарантирована судомъ, должна начаться въ этихъ предѣлахъ самостоятельная дѣятельность исполнительной власти, на которой главнымъ образомъ лежитъ обязанность осуществленія разнообразныхъ государственныхъ задачъ.

Отвѣтственность и самостоятельность, тѣсно связанныя въ государственномъ правѣ, опредѣляютъ такимъ образомъ положеніе органовъ исполнительной власти въ провинціи. Осуществляя государственныя задачи въ *мѣстности*, эти органы нуждаются въ полной самостоятельности своихъ дѣйствій, въ виду разнообразныхъ условій, представляемыхъ каждою мѣстностію, условій, необходимо видоизмѣняющихъ общее направленіе власти сообразно потребностямъ времени и

мѣста. Общій государственный интересъ и интересы мѣстнаго населенія въ особенности будутъ гарантированы лишь въ томъ случаѣ, когда дѣятельность власти въ провинціи будетъ направляться совокупностію мѣстныхъ условій, когда особый характеръ мѣстности отразится и на особомъ характерѣ управленія, когда непредвидѣнныя затрудненія будутъ получать скорое разрѣшеніе, когда каждый новый фактъ въ жизни мѣстнаго общества будетъ вызывать соотвѣтствующую дѣятельность администраціи, когда управленіе, такъ сказать, будетъ рости вмѣстѣ съ обществомъ. Очевидно, эти условія не будутъ достигнуты, когда власть дѣйствительнаго управленія будетъ сосредоточена въ центральномъ правительствѣ, а въ мѣстности будутъ находиться простые эмиссары, агенты этого правительства, для простаго исполненія его предписаній. Центральное правительство прежде всего дѣйствуетъ общими мѣрами, въ которыхъ, правда, выражаются высшія начала національнаго права, но которыя не могутъ ни уловить всѣхъ мѣстныхъ оттѣнковъ національной жизни, ни предвидѣть разныхъ комбинацій, случаевъ, неизбѣжныхъ въ жизни каждаго развивающагося, дѣйствующаго общества. А всѣ эти обстоятельства предъявятъ свои требованія при практическомъ примѣненіи общей мѣры. Всякій недосмотръ вредно отразится въ административныхъ сферахъ и можетъ повести къ важнымъ замѣшательствамъ. Безъ сомнѣнія, центральное правительство увидитъ въ этомъ замѣшательствѣ и безпорядкахъ неумѣнье или нежеланіе мѣстныхъ органовъ исполнять его предписанія и, въ томъ и другомъ случаѣ, можетъ подвергнуть ихъ отвѣтственности. Но врядъ ли это будетъ справедливо. Одно изъ коренныхъ положеній государственнаго права гласитъ, что мѣра отвѣтственности опредѣляется степенью власти, данной лицу, т.-е. тою или другою степенью самостоятельности. Несправедливо подвергнуть мѣстныя власти отвѣтственности за плохое исполненіе предписаній центральнаго правительства въ томъ случаѣ, когда власти эти не обставлены всѣми условіями успѣшной дѣятельности. Когда онѣ не имѣютъ права тотчасъ разрѣшать всѣ недоумѣнія, а обязаны о каждомъ случаѣ спрашивать власть центральную; когда онѣ не имѣютъ возможности принимать въ разчетъ мѣстныя особенности, а обязаны ломить ихъ подъ неумолимыя требованія общаго распоряженія; когда новая комбинація въ жизни извѣстной мѣстности не можетъ быть удовлетворена тотчасъ, а должна ждать, чтобы во всей странѣ была сознана эта новая потребность и вызвала общую мѣру,—тогда нечего разчитывать на успѣхъ мѣстной администраціи, нечего привлекать ее къ отвѣтственности. Отвѣтственность

въ этомъ случаѣ, не только несправедлива, но и безполезна. Новая администрація неминуемо впадетъ въ тѣ же ошибки. Слѣдовательно, придется сквозь пальцы смотрѣть на самую бездѣятельность мѣстной администраціи. Поставленная для исполненія предписаній центральнаго правительства, она будетъ ограничиваться только однимъ исполненіемъ. Собственной инціативы, въ виду постепенно развивающихся интересовъ общества, она имѣть не будетъ. И такъ вялое исполненіе предписаній центральной власти, лѣнивое отношеніе къ обществу, отсутствіе всякой самодѣятельности, вотъ результаты такого положенія мѣстной власти. Центральная власть не будетъ въ состояніи слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народныхъ силъ, потому что главное орудіе ея для этой цѣли,—мѣстныя власти, вовсе не заинтересованы этою задачей. Центральная власть должна постоянно ожидать самыхъ непріятныхъ затрудненій, разрѣшить которыя она не всегда въ состояніи, по незнанію мѣстныхъ условій, ихъ вызвавшихъ. Мѣры, кажущіяся полезными въ первую минуту, могутъ оказаться безполезными впослѣдствіи. Столкновенія, ничтожныя въ началѣ, могутъ разростись до самыхъ неожиданныхъ размѣровъ, пока центральная власть получитъ увѣдомленіе о случившемся и пришлетъ предписаніе. Вслѣдствіе этого центральное управленіе можетъ ограничиться слабыми мѣрами, когда нужно энергическое вмѣшательство власти, и наоборотъ, прибѣгнуть къ суровымъ средствамъ, когда затрудненія уже начали улаживаться мирными средствами.

Притомъ несамостоятельность органовъ мѣстнаго управленія и сильная централизація власти существуетъ всегда скорѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Мѣстныя власти всегда пріобрѣтаютъ значительную долю самостоятельности вопреки положеніямъ законодательства. Это совершается отчасти вслѣдствіе политики самого центральнаго правительства, отчасти вслѣдствіе невозможности довести до конца дѣло централизаціи.

Само центральное правительство сознаетъ, что его регламентація не можетъ уловить всѣхъ случаевъ народной жизни, а потому допускаетъ самостоятельную дѣятельность своихъ органовъ въ мѣстности, на сколько это не вредитъ его интересамъ. Оно даетъ имъ извѣстную долю самовластія (pouvoir discretionnaire), подъ единственнымъ условіемъ успѣшнаго исполненія его требованій. Иногда это положительно выражается въ дозволеніи принимать всѣ мѣры, необходимыя для достиженія видовъ правительства. Съ другой стороны, мѣстная администрація всегда на столько останется въ предѣлахъ, ей указанныхъ,

на сколько у центральнаго правительства есть средствъ контролировать ея дѣйствія. При ненадежности контроля, самая слабая степень власти можетъ перейти въ безграничный произволъ. Притомъ, въ силу одного того, что мѣстная власть удалена на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ власти центральной, рѣчь о контролѣ заходитъ уже тогда, когда дѣло доходитъ до отвѣтственности, то-есть, когда вмѣсто предупрежденія зла, необходимо уже его пресѣченіе. Если даже предположить, что центральное правительство изобрѣтетъ какую-нибудь систему дѣйствительнаго контроля, оно врядъ ли достигнетъ цѣли. Администрація не можетъ быть организованною системой недовѣрія. Построенная на такомъ началѣ, она убиваетъ всякую энергію у своихъ агентовъ; ни одинъ администраторъ не будетъ имѣть мужества усердно служить правительству, предполагающему въ немъ преступника. Такой взглядъ унижаетъ его въ собственныхъ глазахъ; онъ заставляетъ его заботиться лишь о формальномъ отправленіи своихъ обязанностей, думать объ одномъ: уйти отъ придирокъ высшаго начальства. Далѣе, такая власть, не пользующаяся кредитомъ даже своего начальства, конечно не будетъ имѣть вѣса въ обществѣ, ввѣренномъ ея попеченію.

Слѣдовательно, правительство, не сообщая мѣстному управленію опредѣленной доли самостоятельности, рискуетъ тѣмъ, что управленіе это или пріобрѣтетъ ее помимо его воли, силою самой необходимости, или потеряетъ кредитъ въ обществѣ, въ ущербъ правительственнымъ задачамъ. Самостоятельность, пріобрѣтенная самимъ мѣстнымъ управленіемъ, какъ это доказалъ опытъ, не будетъ знать границъ и, не признаваемая закономъ, всегда останется внѣ правительственнаго контроля. Напротивъ, сообщая этому управленію *опредѣленную* степень самостоятельности, правительство достигаетъ этимъ двухъ цѣлей: мѣстная власть знаетъ что̀ она можетъ и должна сдѣлать, высшее правительство—чего оно можетъ отъ нея требовать. Опредѣленность отношеній сообщаетъ болѣе точный характеръ самому управленію.

Обращаясь къ дѣятельности судебной, еще нагляднѣе можно видѣть необходимость самостоятельности мѣстнаго управленія. Вопервыхъ, судъ никогда не можетъ быть чисто исполнительнымъ органомъ, простымъ агентомъ высшей власти. *Сужденіе* составляетъ необходимое свойство его дѣятельности, и въ опредѣленной сферѣ сужденіе это вполнѣ самостоятельно. Каждое судебное мѣсто по необходимости имѣетъ опредѣленный кругъ дѣлъ, гдѣ рѣшенія его окончательны. Какъ бы ни ничтожна была сумма иска, предоставленнаго окончательному рѣшенію того или другаго судебнаго мѣста,—это зависитъ отъ различ-

ныхъ условій;—но никогда ни одно изъ нихъ не должно быть лишаемо возможности постановленія окончательныхъ приговоровъ. За тѣмъ даже и по дѣламъ, восходящимъ въ высшія инстанціи въ ревизіонномъ и аппелляціонномъ порядкѣ, судебныя мѣста пользуются полною самостоятельностію сужденій и дѣйствій. Ни одно мѣсто не можетъ потребовать дѣло, пока оно находится на обсужденіи низшей инстанціи, никто не можетъ подсказать ей рѣшеніе; словомъ, рѣшеніе, даже подлежащее ревизіи и аппелляціи, должно быть постановляемо такъ, какъ еслибъ оно имѣло значеніе окончательнаго. По общему характеру судебной дѣятельности, не можетъ быть не самостоятельныхъ судебныхъ мѣстъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что провинція должна обладать всѣми извѣстными инстанціями. Но съ практической стороны важно, чтобы провинція, или дѣленіе, подходящее къ провинціальному, имѣла самостоятельныя судебныя инстанціи. Правосудіе, сказалъ одинъ изъ англійскихъ королей, должно находиться у дверей каждаго гражданина. Дѣйствительно, какой порядокъ судопроизводства мы ни возьмемъ, уголовный или гражданскій, вездѣ мы встрѣчаемся съ необходимостью держать органы судопроизводства какъ можно ближе къ управляемымъ. Дѣятельность уголовнаго судьи обусловливается возможностію стоять какъ можно ближе къ самой обстановкѣ преступленія. Характеръ мѣстности, образъ жизни жителей, сфера, въ которой находился предполагаемый убійца, обычаи общества и образъ мыслей ближайшаго кружка преступника, всѣ эти обстоятельства, независимо отъ ближайшихъ уликъ, могутъ навести на слѣды преступленія, выяснить его истинный характеръ. Далѣе, одно изъ важнѣйшихъ средствъ доказательства, свидѣтельскія показанія, есть средство, такъ сказать, по преимуществу мѣстное. Есть разница между свидѣтелемъ, дающимъ свои показанія въ обстановкѣ родныхъ и знакомыхъ, въ присутствіи лицъ, знающихъ его образъ жизни и обстановку, исполняющимъ свои обязанности, не отрываясь отъ домашнихъ занятій, и свидѣтелемъ, который долженъ ѣхать въ отдаленный центръ, бросая свои занятія, и давая свои показанія не подъ контролемъ знающаго его, а среди чужаго ему общества. Отъ этого страдаютъ прежде всего его домашніе интересы, затѣмъ интересы правосудія. Онъ принужденъ нести издержки, часто значительныя, и если ему приходится ѣхать на свой счетъ для дачи показаній, онъ естественно съ самаго начала старается уклониться отъ всякаго участія въ дѣлѣ, вслѣдствіе чего правосудіе часто теряетъ самыя драгоцѣнныя показанія. Гражданскій процессъ еще болѣе вызываетъ

необходимость поставить судебные органы какъ можно ближе къ тяжущимся, потому что сосредоточеніе суда въ одномъ мѣстѣ увеличитъ судебныя издержки до такой степени, что правосудіе можетъ сдѣлаться достояніемъ однихъ зажиточныхъ классовъ.

Мы не станемъ дольше останавливаться на доказательствѣ необходимости самостоятельныхъ правительственныхъ органовъ въ провинціи. Она сознается даже крайними защитниками централизаціи. Немногіе возстаютъ противъ такого перемѣщенія власти отъ центральныхъ правительствъ къ мѣстнымъ. Это децентрализація въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ею разрѣшается только вопросъ объ организаціи силъ правительственныхъ, она ничего не говоритъ объ обществѣ [1]). Между тѣмъ въ этомъ заключается существенная часть вопроса о мѣстномъ управленіи.

Сообщеніе самостоятельности правительственнымъ органамъ въ мѣстности необходимо предполагаетъ организацію общественныхъ силъ, какъ противовѣсъ этой самостоятельности, противовѣсъ, безъ котораго она легко можетъ выродиться въ произволъ. Высшее правительство, облекая мѣстную администрацію властью, опредѣляетъ ея границы и ставитъ ее подъ свой контроль. Но какъ бы ни были строго опредѣлены границы этой власти, какъ бы бдителенъ не былъ контроль, мѣстная администрація всегда можетъ переступить свои предѣлы, если ея дѣятельность не будетъ задерживаться рядомъ корпорацій и организмовъ сферы общественной. Ограниченія не могутъ сдержать ненормальнаго развитія права; *одно право можетъ ограничиваться другимъ такимъ же правомъ.* Дѣятельность администраціи можетъ найдти должное ограниченіе только въ той средѣ, въ которой она дѣйствуетъ. Только такое ограниченіе дѣйствительно, только при немъ виды высшаго правительства получаютъ осуществленіе. Когда мѣстный администраторъ не только имѣетъ въ виду ограниченія, постановленныя его дѣятельности законодательствомъ, но и встрѣчается съ положительными правами разныхъ общественныхъ организацій; когда онъ не только обязанъ отдавать отчетъ высшему правительству, но и раздѣлять свою дѣятельность съ органами общества, допущенными въ правительствен-

[1]) Французскіе публицисты мало разработали этотъ вопросъ, по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже. Они знаютъ только централизацію и децентрализацію, какъ противоположные термины. Нѣкоторые прибавляютъ еще сюда понятіе о self-government, но тутъ же смѣшиваютъ его съ децентрализаціей, или различаютъ два вида децентрализаціи. См. J. Chévillard, ib. II, p. 221. Batbie: *Traité de droit public,* IV, p. 422 и слѣд.

2*

ную сферу; когда не только сознаніе долга удерживаетъ его отъ правонарушеній, но и возможность отпора со стороны общественныхъ элементовъ, — лишь тогда самостоятельность мѣстной администраціи можетъ быть благотворна. Напротивъ, дѣйствуя среди безправной массы, администрація всегда выйдетъ изъ назначенныхъ ей границъ. Затѣмъ, какъ бы не были обширны права, предоставленныя мѣстной администраціи, права, дающія ей возможность примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, она не можетъ своими средствами удовлетворить всѣмъ сложнымъ правительственнымъ задачамъ. Слагаясь изъ людей, чуждыхъ извѣстной мѣстности, не знакомыхъ съ ея потребностями, она способна часто примѣнять къ своей дѣятельности чисто теоретическія соображенія, вмѣсто насущныхъ потребностей извѣстнаго общества. Отсюда возможность колебаній и даже радикальныхъ видоизмѣненій взглядовъ въ дѣлѣ управленія извѣстными практическими задачами, въ особенности въ дѣлѣ народнаго хозяйства. Все это приводитъ къ необходимости порученія нѣкоторыхъ задачъ органамъ общества, члены которыхъ близко знакомы съ условіями мѣстности и могутъ согласовать правительственную дѣятельность съ преданіями мѣстнаго общества.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы можемъ придти къ слѣдующимъ положеніямъ. Въ государствѣ, окончательно сформировавшемся, составившемъ одну національность [1]), не можетъ быть рѣчи о провинціи, какъ о политически самостоятельномъ тѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вызываетъ появленіе государственнаго единства? Прежде всего уничтоженіе племенныхъ особенностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и племенной вражды, раздѣлявшихъ страну, затѣмъ единство законовъ и правъ, единство политической жизни; словомъ, государство появляется съ уничтоженіемъ всѣхъ узкихъ, эгоистическихъ стремленій предъ одною великою національною цѣлью. Доказывать необходимость такой централизаціи значитъ доказывать необходимость самаго государства. Страна, не представляющая такой централизаціи, есть недоразвившееся или неспособное къ развитію государство.

Но государство не стираетъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей: въ виду этихъ особенностей, мѣстное населеніе должно быть снабжено извѣстною суммой правъ, дарованныхъ ему общимъ законодательствомъ, а мѣстная администрація должна быть поставлена въ возможность дѣйствовать сообразно съ условіями времени и мѣста. Отсюда возни-

---

[1]) Мы принимаемъ здѣсь національность какъ начало чисто политическое въ противоположность ея племенному, филологическому и религіозному значенію.

каетъ необходимость самостоятельности провинціи какъ подчиненнаго государственнаго организма. Самостоятельность эта проявляется въ двухъ направленіяхъ: въ сферѣ ировительственно и въ сферѣ общественной. Провинція является административнообщественнымъ организмомъ. Вотъ почему и самый вопросъ о провинціи слагается изъ двухъ необходимыхъ частей: изъ вопроса о правительствѣ съ одной и объ обществѣ съ другой стороны.

Безъ самостоятельности общества самостоятельность администраціи не можетъ повести ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Общество должно входить въ организмъ провинціи, для того чтобъ организмъ этотъ явился однимъ живымъ цѣлымъ. Но и дѣятельность общественныхъ элементовъ безъ объединяющей, организующей дѣятельности правительства не можетъ составить такого цѣлаго, или если и составитъ, то съ явнымъ ущербомъ для государства. Общественные элементы, достигшіе самостоятельности помимо правительства, всегда стремятся выйдти изъ сферы простаго административнаго значенія и получить значеніе политическое. Напомнимъ мѣстныя сословныя собранія въ средніе вѣка. Какъ одни правительственные элементы не создаютъ провинціи, — она является въ такомъ случаѣ простымъ механическимъ дѣленіемъ страны безъ самостоятельной жизни, — такъ не создаетъ ея и администрація, основанная на однихъ общественныхъ элементахъ. Въ Англіи, напримѣръ, правительственный персоналъ сосредоточенъ весь въ центральномъ управленіи. Мѣстная администрація представляетъ развитіе общественныхъ элементовъ. Всѣ лица, дѣйствующія въ графствѣ, не говоря уже о выборныхъ должностяхъ, являются скорѣе членами общества, чѣмъ чиновниками. И что̀ же? Никто не скажетъ, что англійскія графства представляютъ одно цѣлое, одинъ организмъ. Въ Англіи нѣтъ провинцій въ строгомъ смыслѣ, хотя мѣстность и имѣетъ свои опредѣленныя задачи. На совершенно другихъ основаніяхъ можно сказать, что и Франція не имѣетъ настоящей провинціи, а скорѣе чисто правительственный персоналъ въ мѣстности. Результаты невыгодны и здѣсь, и тамъ. Если въ Англіи правительству трудно было ввести единство во внутреннее управленіе даже по такимъ капитальнымъ вопросамъ, какъ реформа полиціи, законъ о бѣдныхъ, то во Франціи обществу трудно соблюсти свои интересы и отстоять свои самыя законныя потребности.

При такомъ взглядѣ на провинцію очевидно, что вопросъ о самоуправленіи не есть противоположеніе сферы правительственной сферѣ общественной. Это не есть вопросъ о правительственномъ вмѣшатель-

ствѣ и личной иниціативѣ, о свободѣ и опекѣ, гувернаментализмѣ и индивидуализмѣ. *Это есть вопросъ о правильномъ распредѣленіи дѣлъ въ самой правительственной сферѣ.* Мы имѣемъ въ виду не разграничить сферу правительственную отъ свободной дѣятельности общества, а рѣшить, насколько задачи самого правительства не могутъ быть достигнуты съ помощію однихъ правительственныхъ органовъ, безъ участія общества. Это совершенно видоизмѣняетъ вопросъ.

Мы не должны будемъ вести съ государствомъ споръ за права человѣческой личности; не должны будемъ удерживать личность отъ посягательствъ на государственную власть. Напротивъ, мы будемъ искать разрѣшенія провинціальнаго вопроса въ органическомъ соединеніи и совокупномъ дѣйствіи правительственныхъ силъ и общественныхъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія, провинціальный вопросъ слѣлается интегральною частью государственнаго права, частью, безъ которой система учрежденій будетъ являться чѣмъ-то неполнымъ, односторонне или не вполнѣ развившимся.

Всматриваясь въ государственное устройство существующихъ государствъ, нельзя не замѣтить, что всѣ законодательства инстинктивно, такъ-сказать, понимаютъ вопросъ именно въ этомъ смыслѣ. Французское законодательство, несмотря на свою централизацію, допускаетъ однако зародыши самоуправленія въ свои департаменты. Англійское правительство старается уже ввести начало серіознаго государственнаго контроля въ мѣстное управленіе. Прусское законодательство еще больше подходитъ къ выставленному нами понятію о провинціи. Но между тѣмъ въ наукѣ, какъ только зайдетъ рѣчь о теоріи мѣстнаго управленія, тотчасъ ученые и публицисты раздѣляются на самыя противоположныя партіи. Несмотря на множество ихъ оттѣнковъ, они могутъ быть подведены подъ двѣ главныя группы: защитниковъ правительственной централизаціи съ одной и защитниковъ самоуправленія съ другой стороны.

Изъ самаго ихъ названія можно видѣть, что они имѣютъ въ виду не всю совокупность провинціи, а только одинъ изъ ея элементовъ. Провести вездѣ идею единой центральной власти, подчинить всю массу разрозненныхъ общественныхъ интересовъ общимъ государственнымъ цѣлямъ, вотъ совершенно законное желаніе однихъ. Ограничить правительственную дѣятельность сферою общихъ задачъ, оставивъ подробности управленія, частные интересы на попеченіи общества, замѣнить по этимъ вопросамъ правительственную регламентацію личною иниціативой, поддержать энергію общественной жизни, вотъ совер-

шенно законное стремленіе другихъ. Систему централизаторовъ нельзя назвать системой деспотизма. Напротивъ, установленіе правильныхъ юридическихъ отношеній въ обществѣ, опека общественныхъ организмовъ въ виду высшихъ задачъ государства,—обыкновенные ихъ мотивы. Государство, говорятъ они какъ орудіе прогресса, должно имѣть всѣ средства для осуществленія своихъ задачъ. На его отвѣтственности лежитъ не только попеченіе о настоящихъ поколѣніяхъ, но и о будущихъ. Оно должно принимать на себя всѣ обязанности, которыя не могутъ быть наложены на общество и отдѣльныя личности. Есть вопросы, достаточно обезпеченные личнымъ интересомъ дѣятелей: здѣсь государство можетъ ограничить свое участіе охраненіемъ правъ каждаго изъ членовъ общества. Но есть вопросы, которые съ одной стороны не могутъ быть предметомъ принудительныхъ предписаній, а съ другой не могутъ быть вообще или въ данную минуту предоставлены на попеченіе частной дѣятельности: нельзя предписать человѣку быть благотворительнымъ; нельзя въ извѣстные моменты общества образованіе оставить на попеченіи частной дѣятельности. Тогда государство беретъ-де эти задачи на себя: оно дѣлается благотворителемъ, воспитателемъ и т. д. Эта дѣятельность государства не останавливается съ развитіемъ общества. Государство должно расти вмѣстѣ съ нимъ, его сила возрастать рядомъ съ возрастаніемъ общественныхъ силъ, его дѣятельность увеличиваться съ увеличеніемъ общества, усложняться съ усложеніемъ его отношеній. Крайній индивидуалистъ, говоритъ Дюпонъ-Вайтъ, согласится съ тѣмъ, что прогрессъ творитъ среди людей новыя явленія въ сферѣ нравственной, политической и экономической, и что эти приращенія въ жизни приводятъ къ усиленію общественной власти. «A plus de force il faut plus de règle; à plus de vie, il faut plus d'organes. Or la règle d'une société c'est l'Etat» [1]).

Защитники самоуправленія, съ своей стороны, требуютъ развитія общественныхъ силъ не только въ интересахъ общества, но также и для пользы государства. «Административная централизація, говоритъ Токвилль, постоянно стремится къ ослабленію гражданскаго духа. Ей, правда, удается соединить въ данную эпоху всѣ свободныя силы націи въ одномъ мѣстѣ; но она вредитъ *воспроизведенію* этихъ силъ. Она можетъ доставить націи побѣду въ день борьбы, но уменьшаетъ съ теченіемъ времени ея могущество. Она много можетъ сдѣлать для

---

[1]) См. Dupont-White: *L'individu et l'Etat.*

временнаго величія одного человѣка, но не для прочнаго благосостоянія народа [1])».

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, раціонально-юридическаго порядка, раціональной пользы, теорія централизаторовъ представляетъ много выгодныхъ сторонъ. Децентрализаторы правы съ точки зрѣнія частныхъ, общественныхъ интересовъ, имѣющихъ законное право существованія подлѣ общихъ государственныхъ цѣлей. Какъ бы ни были сильны прогрессивныя стремленія правительства, какъ бы ни было законно его желаніе основать всю общественную жизнь на общихъ началахъ, выраженныхъ имъ въ законодательствѣ, но никогда его логическая дѣятельность не можетъ отрѣшиться на столько отъ бытовыхъ условій конкретнаго общества, чтобы на немъ не отразился извѣстный общественный складъ. Мало того, даже условія его прогрессивнаго развитія требуютъ, чтобъ оно ни на минуту не прерывало связь съ живыми силами страны.

Въ этомъ, можно сказать, и состоитъ причина несогласія между двумя школами. Централизаторы большею частію отрицаютъ значеніе бытовыхъ условій страны. Внѣ правительства для нихъ не существуетъ возможности правильной государственной жизни. Что представляетъ собою общество, какъ не совокупность разрозненныхъ, противорѣчивыхъ, находящихся въ борьбѣ интересовъ, готовыхъ своимъ эгоистическимъ стремленіямъ принести въ жертву общую пользу? Внѣ правительства вы наталкиваетесь на личныя стремленія, на развитіе эгоизма, индивидуализма, ведущаго къ анархіи, или на сословія, готовыя подчинить себѣ всѣ другія, или на общины, корпораціи, стремящіяся къ политическому значенію. Среди всей этой неурядицы, одно-де государство является представителемъ порядка и единства, и дажа прогресса. Слѣдовательно, чѣмъ меньше будетъ въ администраціи мѣста этимъ разнороднымъ стремленіямъ, чѣмъ больше она будетъ основываться на идеѣ общихъ интересовъ, тѣмъ больше надежды на успѣхъ. Въ противоположность централизаторамъ, защитники самоуправленія являются съ требованіями уваженія къ народной жизни. Общество лучше знаетъ свои интересы чѣмъ правительство, отстоящее отъ него слишкомъ далеко и по самой природѣ своей преслѣдующее общія цѣли въ ущербъ частнымъ. Устраненіе обществаотъ административныхъ вопросовъ есть говорятъ они совершенное поглощеніе всѣхъ частныхъ, общественныхъ интересовъ, какъ бы законны они не

[1]) *De la Democratie en Amerique.*

были, интересами общими. Это есть отрицаніе не только личности, но и всѣхъ общественныхъ организмовъ, слѣдовательно и всего общественнаго порядка, настоящаго и прошедшаго, въ пользу отвлеченной идеи государства.

Такъ или иначе, централизаторы имѣютъ въ виду общій, хотя отчасти отвлеченный, государственный порядокъ; защитники самоуправленія поневолѣ отстаиваютъ общественно-историческія основы государства.

Это зависитъ отчасти отъ того, что первые обыкновенно имѣютъ въ виду Францію, какъ представительницу идеи всемогущества государства, всемогущества, предъ которымъ исчезаютъ всѣ общественные организмы, при которомъ между недѣлимыми и массой государства нѣтъ никакихъ посредствующихъ комбинацій; послѣдніе—Англію, какъ страну, построенную на исторически выработанныхъ элементахъ общества, гдѣ положеніе человѣка въ обществѣ опредѣляетъ заранѣе и его роль и значеніе въ государствѣ.

На этомъ основываются отчасти и возраженія, дѣлаемыя централизаторами своимъ противникамъ. Отъ этого же зависитъ и трудность соглашенія двухъ школъ. Мы уже видѣли, что ни французское, ни англійское государственное устройство не представляетъ провинціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ провинціи, какъ организма sui generis. Исключительность, односторонность господствующихъ здѣсь началъ устанавливаетъ и односторонній характеръ самой организаціи. Отсюда вытекаетъ и самый характеръ аргументаціи двухъ школъ. Замѣчая, что одни напираютъ на построеніе администраціи на общественныхъ началахъ, централизаторы съ большимъ основаніемъ возражаютъ, что историческое развитіе этихъ общественныхъ началъ должно быть таково, чтобъ участіе ихъ въ управленіи не вредило общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Положеніе общественныхъ организмовъ и классовъ бываетъ-де таково, что кромѣ усиленной правительственной дѣятельности ничто не можетъ установить среди ихъ правильной юридической жизни. Если мы прибавимъ къ этому, что защитники самоуправленія черпали свои доказательства большею частію изъ англійскаго быта, то намъ понятно будетъ, почему централизаторы признали самоуправленіе формой администраціи, исключительно свойственною едвали не одной Англіи. Во всякомъ случаѣ они утверждаютъ, что система самоуправленія, для того чтобы не повредить государственному и общественному развитію, нуждается во многихъ условіяхъ, которыя нахо-

дятся не во всѣхъ государствахъ и зависятъ-де отъ исключительнаго положенія страны и особенностей ея историческаго развитія. Напротивъ, система администраціи, построенная исключительно на государственныхъ началахъ, по своей общности и независимости отъ общественныхъ элементовъ, можетъ-де примѣняться къ государствамъ съ самыми различными общественными элементами. Такая система можетъ держаться одною логичностью своихъ построеній; она-де легко можетъ подлаживаться къ временнымъ, историческимъ общественнымъ условіямъ и въ то же время не забывать своего высокаго назначенія. Опираясь въ администраціи на одни общественные элементы, какъ въ Англіи, правительству слишкомъ-де много приходится сообразоваться съ тѣмъ или другимъ настроеніемъ общества. Напротивъ, здѣсь оно скорѣе можетъ видоизмѣнять общественные элементы сообразно своему желанію.

Дѣйствительно, благодаря такой діалектикѣ и нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя мы разсмотримъ ниже, въ политическихъ сферахъ установилось убѣжденіе, что участіе общества въ мѣстномъ управленіи требуетъ такихъ условій, что только немногія страны, и то не въ одинаковой степени, способны его принять. Можно однако смѣло сказать, что это положеніе можно отнести къ разряду тѣхъ политическихъ софизмовъ, которые такъ хорошо изслѣдованы Бентамомъ.

Каждая политическая и административная организація, вопервыхъ, есть продуктъ извѣстныхъ причинъ, а вовторыхъ, нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ, для того чтобъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Централизація, подобно самоуправленію, нуждается также въ извѣстныхъ условіяхъ, безъ которыхъ она, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ странѣ и изъ орудія прогресса превратится въ орудіе застоя или даже разрушенія. А за тѣмъ, и это самое важное, она всегда есть продуктъ извѣстныхъ причинъ, свойственныхъ не всѣхъ странамъ одинаково.

Независимо отъ этихъ недоразумѣній, въ споръ о томъ или другомъ устройствѣ провинціи входятъ многія начала, мало имѣющія связи съ существомъ дѣла. Такъ, напримѣръ, защитники самоуправленія непремѣнно провозглашаютъ начало личной свободы, въ ея различныхъ проявленіяхъ, обвиняютъ противниковъ въ стремленіи къ деспотизму, и споръ, вмѣсто обыкновенныхъ административныхъ соображеній, принимаетъ политическій характеръ.

Усложненію спора весьма много способствуетъ и то, что не только централизаторы вообще имѣютъ въ виду Францію, но и самый во-

просъ о провинціи главнымъ образомъ возникъ въ этой странѣ. Можно сказать, что нигдѣ не имѣтъ онъ такого значенія какъ здѣсь. Для Французовъ этотъ вопросъ имѣетъ не только административое, но и общеполитическое значеніе; французскіе публицисты имѣютъ въ виду неудовлетворительность не только административнаго порядка, но и всего государственнаго строя современной Франціи. Вслѣдствіе этого аргументація ихъ принимаетъ иногда такое направленіе, которое очень пригодно для ихъ особыхъ цѣлей, но мало годится для научнаго изслѣдованія. Вотъ почему для ученаго, желающаго спеціально заняться французскою литературой по этому предмету, необходимо отдѣлить всѣ эти временные, случайные элементы спора отъ тѣхъ положеній, которыя дѣйствительно могутъ занять мѣсто въ научной разработкѣ вепроса о провинціи.

Мы попытаемся выяснить здѣсь въ общихъ чертахъ причины, вызвавшія появленіе вопросб о провинціи въ современной Франціи. Въ особенности намъ необходимо будетъ показать, почему вопросъ этотъ принялъ здѣсь такой оттѣнокъ, какого онъ, очевидно, не можетъ имѣть ни въ какой другой странѣ.

III.

Государственный строй западной Европы вообще и Франціи въ особенности долгое время основывался на поземельныхъ отношеніяхъ, такъ сказать, исходилъ изъ факта землевладѣнія. Два результата были послѣдствіемъ этого факта. Вопервыхъ, территорія получила тамъ громадное, преобладающее значеніе, вслѣдствіе чего вся совокупность земель, входившихъ въ составъ того или другаго владѣнія, получила совершенно самостоятельное значеніе, независимо отъ понятія народнаго, племеннаго единства и верховныхъ правъ центральной власти. Парализуя, такимъ образомъ, два объединяющія начала тогдашнихъ государствъ,—національное сознаніе и дѣятельность верховной власти,—феодальный порядокъ далъ особенное значеніе оттѣнкамъ различныхъ племенъ, соединенныхъ подъ ихъ властью. Всѣ племенныя отличія, оттѣнки, зависящіе отъ географическихъ и этнографическихъ условій, оттѣнки, которые при другихъ условіяхъ прошли бы безъ особеннаго вліянія, получили здѣсь особенное политическое значеніе. Земля, на которой строилась феодальная система, давала особое государственное значеніе не только факту собственности, но и всѣмъ особенностямъ

народонаселенія, обитавшаго на ней. Здѣсь сила такъ-называемой исторической провинціи. Второй результатъ, вытекающій изъ перваго, состоитъ въ томъ, что государству для выполненія его задачъ предстояла борьба самая затруднительная. Оттого, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, результаты его дѣятельности превзошли первоначальную цѣль. Государство не только поставило одинъ общій законъ вмѣсто множества мѣстныхъ, но и уничтожило всякую самостоятельность провинцій; не только объединило подъ своею верховною властью всю территорію, но и отвергло законное вліяніе мѣстныхъ условій и особенностей на ходъ администраціи; не только создало единую націю, но и стерло всѣ отличія, которыя такъ много способствуютъ разностороннему развитію національнаго характера.

Особенно замѣтно это во Франціи [1]). Принципы, смѣнявшіеся въ ея исторіи, говоритъ одинъ изъ ея публицистовъ, были неуступчивы. Они или владычествовали безгранично, или падали безусловно. Ни одна страна не знала такого раздробленія, ни одна потомъ не видѣла такой централизаціи. Но ошибочно было бы думать, что одна королевская власть установила всю эту централизацію. Если Токвилль основательно доказалъ, что централизація не есть продуктъ революціи, а наслѣдіе стараго порядка, развитое революціей, то съ такимъ же основаніемъ можно доказать, что въ старомъ порядкѣ она была произведеніемъ не одной королевской власти, а всѣхъ условій національной жизни. Не одни короли были заинтересованы паденіемъ феодализма; не они одни подняли знамя національнаго единства противъ феодальнаго раздробленія. Государственная идея зародилась одновременно на тронѣ и среди третьяго сословія. Для королей феодалы были преградой, задерживавшею ихъ власть. Для промышленныхъ и земледѣльческихъ классовъ они являлись классомъ привилегированнымъ, котораго преимущества тяжело отзывались на народной промышленности. Королевская власть сверху, третье сословіе снизу, старались подорвать основы этого феодальнаго общества: короли, — потому что съ правами землевладѣнія были соединены державныя права, которыя

---

[1]) Относительно постепеннаго образованія французской централизаціи см. *Histoire de l'administration en France et des progrès du pouvoir royal,* par Dareste de la Chavanne. *L'ancienne régime et la révolution*, Токвилля. *Geschichte der Rechtsverfassung Frankreich's*, Шеффнера. *Etudes d'administration*, par J. Chévillard. E. Regnaud: *La Province,* особенно приложеніе къ этому труду. *La révolution et L'empire*, par de Meaux. *La liberté politique*, par J. Simon. Guizot: *Histoire de la civilisation en France.*

имъ необходимо было собрать въ свои руки; общины — потому что благодаря исключительности принциповъ феодальнаго государства, онѣ, какъ не имѣющія самостоятельныхъ правъ въ землевладѣльческой аристократіи, стояли внѣ феодальной организаціи, въ качествѣ безправной массы. Вслѣдствіе этого политика королей должна была состоять въ постепенномъ присоединеніи территорій къ коронѣ и постепенномъ уничтоженіи державныхъ правъ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя признавали его сузеренную власть. Сузеренитетъ долженъ былъ превратиться въ суверенитетъ. Политика общинъ заключалась въ томъ, чтобы сначала войдти въ феодальное общество въ качествѣ самостоятельныхъ его членовъ и затѣмъ постепенно преобразовать это общество по своимъ планамъ. Сначала былъ подорванъ принципъ землевладѣнія, какъ исключительнаго источника политическихъ правъ; общины вошли въ составъ феодальной іерархіи. Хартіи, завоеванныя ими, дали имъ права подобныя тѣмъ, какія бароны имѣли въ своихъ участкахъ. Они сдѣлались юридическими лицами по феодальному праву. Высшая, средняя, и низшая юрисдикція, право налоговъ, предводительство войскомъ, сосредоточивалось въ рукахъ ихъ сановниковъ. Но если для феодаловъ мѣстная самостоятельность была альфой и омегой ихъ политическихъ стремленій, то для общинъ дѣло не могло на этомъ остановиться. Ни сами общины, ни короли не могли видѣть въ муниципіяхъ послѣдней ступени государственнаго развитія. Общины вошли въ феодальное устройство какъ самостоятельный элементъ, короли были очень довольны этимъ, потому что каждый самостоятельный членъ третьяго сословія увеличивалъ количество непосредственныхъ подданныхъ короля, и общины ставили его въ прямыя отношенія чуть не съ цѣлою массой народа, заслоненнаго до тѣхъ поръ стѣной феодаловъ. Но они не забывали, что съ появленіемъ общинъ, какъ равноправныхъ членовъ феодальнаго общества, въ то же время увеличивается количество феодальныхъ организмовъ, которые могутъ стать на пути развитія королевскаго могущества. Дѣйствительно, логическимъ послѣдствіемъ общинныхъ идей вовсе не было національное единство, или, по крайней мѣрѣ, оно должно было осуществиться въ формѣ федераціи городовъ подъ верховнымъ сузеренитетомъ короля [1]). Но скоро неизбѣжный ходъ событій показалъ и третьему сословію, что его споръ съ феодализмомъ не можетъ разрѣшиться въ узкихъ рамкахъ муниципій. Общины скоро увидѣли, что въ мѣстномъ самодер-

[1]) См. въ *Histoire du tiers état*, Ог. Тьерри, исторію движенія 1386 г.

жавіи нѣтъ ничего драгоцѣннаго. Въ ряду феодальной іерархіи онѣ явились съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ настоящіе феодалы. Несмотря на пышные титулы городскихъ сановниковъ, на громкія имена патриціевъ, перовъ, консуловъ, члены общинъ не сдѣлались настоящими патриціями, и для аристократіи оставались презрѣнными мѣщанами; новыя права не вполнѣ обезпечивали ихъ гражданскую свободу, хотя они, подобно рыцарямъ, обзавелись крѣпкими стѣнами, надѣли латы и стали учиться военному искусству, которое здѣсь сдѣлало даже значительные успѣхи. Но что значили они, взятые сами по себѣ, въ сравненіи съ военнымъ дворянствомъ? Несмотря на всѣ ихъ усилія, промышленность все еще страдала отъ дикаго баронства. Итакъ ни честолюбіе, ни скромныя потребности мира и тишины, выраженныя общинами, не могли быть удовлетворены въ узкой сферѣ мѣстнаго самоуправленія. И то и другое нуждалось для своего осуществленія въ болѣе возвышенной цѣли. Зародыши государственнаго порядка начали вырабатываться въ общинахъ, но развиться могли они только на широкомъ поприщѣ національности; военная служба и искусство получили новое значеніе въ муниципіяхъ, но подорвать феодальную армію они могли только въ формѣ постояннаго войска. Изученіе римскаго права и зародышъ правильнаго законодательства должны были привести къ положительнымъ результатамъ въ формѣ общаго государственнаго законодательства. Вотъ почему королевская служба явилась поприщемъ, на которомъ должна была продолжаться борьба третьяго класса съ феодализмомъ. Вотъ чѣмъ объяснятся странный, повидимому, фактъ, что съ паденіемъ общинъ значеніе этого третьяго сословія не только не уменьшается, но увеличивается. Магистратура, парламенты, администрація, вотъ гдѣ буржуазія могла не только бороться съ своими противниками, но даже заставить ихъ преклониться предъ собою.

Вслѣдствіе этого общины рано приходятъ въ упадокъ; онъ начинается уже въ XIV столѣтіи [1]). Что было дѣлать буржуа въ узкой сферѣ роднаго города? Какъ бы онъ ни былъ богатъ, онъ только въ немъ могъ пользоваться почетомъ, въ формѣ должностей и другихъ отличій. Но какъ скоро переступалъ за черту своего города, онъ не встрѣчалъ не только уваженія, но даже и безопасности. Онъ, быть-можетъ, знаменитый патрицій своего города, робко проѣзжалъ мимо горделивыхъ замковъ могущественныхъ бароновъ, съ завистью поглядывая на ихъ стройныя башни. Рано понялъ онѣ тщету общинныхъ

---

[1]) Гизо: *Histoire de la civilisation en France,* T. IV.

привилегій и спѣшилъ въ другую сферу, гдѣ его капиталъ могъ дать ему болѣе значенія. Онъ сталъ добиваться должностей, и для этого пускалъ въ ходъ всѣ средства: римское право, изученіе котораго впервые началось въ городахъ; образованіе, въ которомъ онъ не находилъ соперниковъ между полуграмотными баронами; капиталъ, который такъ мало помогалъ ему въ узкой сферѣ муниципій.

Короли спѣшили воспользоваться всѣмъ этимъ. Образованность и знаніе римскаго права, которое они видѣли въ буржуазіи, давали имъ возможность подготовить господство общаго закона надъ мѣстными правами; капиталы улыбались ихъ истощенной казнѣ. Явилось сословіе юристовъ съ новыми государственными идеалами, съ понятіями о суверенитетѣ, съ своимъ девизомъ une foi, un roi, une loi [1]). Изъ него сложилась могущественная бюрократія. Явилась продажность должностей, это оригинальное и, повидимому, загадочное явленіе тогдашняго государственнаго устройства. Продажность должностей была путемъ, посредствомъ котораго третье сословіе проложило себѣ дорогу къ общегосударственному, національному значенію. Вкусъ къ должностямъ и офиціальному положенію, говоритъ Дюпонъ Вайтъ, есть общій фактъ во французской исторіи. Замѣчательно, что должности покупались не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей, а исключительно для власти. «Правосудіе, говоритъ Франклинъ въ своихъ письмахъ, раздается во Франціи даромъ и даже болѣе чѣмъ за даромъ, потому что члены парламента покупаютъ свои должности и выручаютъ на затраченную сумму не болѣе трехъ процентовъ въ формѣ разныхъ доходовъ и приношеній (такъ называемыхъ epices), тогда какъ законная норма 5%. Можно слѣдовательно сказать, что они даютъ, кромѣ времени и трудовъ, еще два процента, лишь бы имъ позволили управлять».

Цѣна этихъ должностей доказываетъ до какой степени буржуазія угождала власти. Въ 1639 г. правительство создало 16 должностей рекетмейстеровъ, предполагая выручить изъ нихъ 11 милліоновъ [2]). Даже Монтескье, основатель конституціонной теоріи, не возстаетъ противъ этого обычая. По его мнѣнію, продажность должностей хороша (est bonne) въ монархическихъ государствахъ, потому что она превра-

---

[1]) Или, какъ говорилъ Лудовикъ XI, «une seule monnoie, un seul poid, une seule coutume».

[2]) *L'individu et l'etat,* стр. 101.

щаетъ въ семейное ремесло то, что граждане не берутъ на себя изъ добродѣтели [1]).

Такъ общины, въ борьбѣ съ феодализмомъ, налагали руки на собственное существованіе. Двѣ причины повели къ полному упадку муниципальнаго быта. Лучшіе люди стремились въ центръ, оставляя городское управленіе въ рукахъ ничтожныхъ людей, которые злоупотребляли властью, но не могли отстоять городскихъ вольностей. Затѣмъ, подъ вліяніемъ дурнаго управленія, сами общины начали призывать королевскихъ чиновниковъ, членовъ бюрократіи, вышедшей изъ рядовъ той же буржуазіи. Вотъ первый зародышъ централизаціи. Общины покинули сферу мѣстнаго управленія, которое ихъ мало занимало, даже отталкивало, и перенесли свои интересы въ высшія сферы государственности, выставивъ такихъ дѣятелей какъ Боденъ, л'Опиталь, Кольберъ и многіе другіе.

Нужно ли говорить, что общины сошлись въ этомъ направленіи съ политикой королей? Послѣдніе, конечно, воспользовались такимъ ходомъ вещей, чтобы совершенно устранить дѣятельность феодальнаго общества и замѣнить его дѣятельностью правительственныхъ органовъ. Теперь имъ легко было это сдѣлать. Они не находили противодѣйствія въ общинахъ. Послѣ немногихъ и неудачныхъ вспышекъ свободнаго общиннаго духа, буржуазія окончательно установилась въ своемъ стремленіи къ центральной администраціи и равнодушіи къ городскимъ вольностямъ. Затѣмъ королямъ уже легко было справиться съ сопротивленіемъ феодаловъ. Они были не одни, за ними было могущественное движеніе національныхъ элементовъ и первое созданіе этого движенія — постоянная армія. Одно право за другимъ отпадало отъ феодальныхъ владѣльцевъ, сосредоточиваясь въ рукахъ королевскихъ чиновниковъ. Централизація не видѣла предѣловъ своимъ успѣхамъ. Вмѣстѣ съ необходимыми, державными, государственными правами, переходили сюда и такія, которыя являются необходимымъ условіемъ мѣстнаго самоуправленія. Бюджетъ и мелкіе мѣстные расходы, публичныя зданія, государственныя дороги и мостъ на какомъ-нибудь про-

[1]) *Esprit des lois,* liv. V, chap. XI. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы продажность должностей была хороша сама по себѣ. Уже въ тѣ времена это явленіе вызывало сильные протесты со стороны лучшихъ публицистовъ, мыслителей и государственныхъ людей Франціи. См. относительно этого вопроса *Traité des offices,* par Eug. Durand, Rennes, 1863, и добросовѣстную статью *Etudes sur l'abolition de la vénalite des offices,* M. Thereau, помѣщенную въ *Journal des Economistes,* за 1867 г.

селкѣ — все одинаково сосредоточивалось въ рукахъ бюрократіи, все дѣлалось по усмотрѣнію и съ разрѣшенія правительства.

Общественные элементы были устранены отъ управленія, буржуазія добровольно покинула муниципіи, феодалы силой обращены въ придворную аристократію. Что̀ же оставалось въ мѣстности? На это намъ отвѣчаетъ Ло. «Никогда, говорилъ онъ маркизу д'Аржансону, я не повѣрилъ бы тому, что̀ видѣлъ въ мою бытность контролеромъ финансовъ. Знайте, что Франція управляется тридцатью интендантами. У насъ нѣтъ ни парламентовъ, ни собраній, ни губернаторовъ; отъ этихъ тридцати провинціальныхъ докладчиковъ зависитъ счастіе и несчастіе провинцій, ихъ довольство или скудость» [1]).

Революція осталась вѣрна тѣмъ же взглядамъ. Осуществленіе стремленій буржуазіи, отрицаніе всего историческаго порядка во имя отвлеченныхъ идей и національныхъ вольностей, — она не могла повернуть къ провинціальному быту. Провинціальныя вольности, основанныя на значеніи представителей мѣстныхъ интересовъ, кажутся двигателямъ революціи возвращеніемъ къ феодальному порядку, который они только-что добили. Буржуазія, достигшая власти, желаетъ не только удержать то значеніе, которое она уже пріобрѣла, но еще усилить его. А въ чемъ же могло заключаться это усиленіе, какъ не въ усиленіи самой централизаціи, этого исконнаго стремленія третьяго сословія? Вотъ почему первымъ актомъ революціи было уничтоженіе провинціи даже какъ простаго географическаго термина, послѣ того какъ утратилось ея государственное значеніе: департаменты замѣнили эту умершую политическую единицу.

Послушаемъ, въ заключеніе, одного изъ историковъ провинціи, наиболѣе проникнутаго взглядами третьяго сословія. Г. Томасъ [2]) не сѣтуетъ подобно Токвилю на установленіе централизаціи, но зато онъ вѣрнѣе выражаетъ понятія изучаемаго нами времени. Для него провинція является главною противницей національнаго единства; каждый шагъ къ уничтоженію ея вольностей—торжествомъ національнаго единства. И что̀ такое были эти вольности? Въ нихъ мы не видимъ никакого единства: ни единства смысла, ни единства происхожденія. Онѣ ни истекали отъ одной центральной власти, не были произведеніемъ одной законодательной мысли. Нѣкоторыя изъ нихъ, тѣсно связанныя съ феодальнымъ порядкомъ, какъ привилегіи первыхъ двухъ

[1]) Появленіе интендантовъ относится къ министерству Ришельё въ 1635 г.
[2]) *Une province sous Louis* XIV.

сословій, были прямо враждебны государственнымъ интересамъ. Привилегіи муниципій вытекали изъ другихъ началъ, но онѣ не могли привести ни къ какимъ результатамъ безъ дѣятельности сильной центральной власти. Самая борьба, которую онѣ ведутъ съ феодализмомъ, не можетъ привести ни къ какому полезному результату. Безъ руководства центральной власти эта борьба пораждаетъ одинъ безпорядокъ. Парламенты борются съ провинціальными чинами, чины съ городами, города съ сельскими общинами, общины съ корпораціями, нигдѣ нѣтъ руководящаго начала, вездѣ явный ущербъ національному интересу.

Королевская власть если и дала Франціи національное единство, то единство это далеко не удовлетворяло тѣмъ понятіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящее время объ этомъ предметѣ. Она не сдѣлала изъ народа одного общества. Дѣло объединенія она провела на столько, на сколько это нужно было съ точки зрѣнія ея интереса. Это было единство власти, но не единство всѣхъ интересовъ и стремленій. Классы были раздѣлены еще сильнѣе тѣмъ во время феодализма. Отъ прежнихъ привилегій осталась внѣшность, но эта внѣшность оскорбляла и раздражала народъ больше чѣмъ дѣйствительныя права феодаловъ. Такимъ образомъ къ тому времени, когда нація готовилась организовать свой бытъ на новыхъ основаніяхъ, она представляла не массу людей, стремящихся къ одной возвышенной цѣли, а множество партій, преслѣдовавшихъ только свои цѣли. Единство Французской монархіи не представляетъ того блестящаго продукта политики королей, какимъ его рисуютъ многіе историки [1]). Одинъ изъ лучшихъ писателей современной Франціи превосходно рисуетъ намъ эту картину разъединенія, какую представляло намъ пресловутое единство монархіи Лудовика XIV.

«Онъ основалъ, говорятъ намъ, единство.... единство чего? Было ли это единство территоріи? Но карта Франціи напоминала кафтанъ арлекина.

«Единство администраціи? Но мы видимъ двѣ Франціи въ самой Франціи — одна называется pays d'Etat, другая — pays d'élections.

«Единство законодательства? Но кодексамъ того времени позавидовалъ бы самъ Хаосъ; здѣсь правосудіе отправлялось на основаніи обычнаго, тамъ — писаннаго права.

«Единство правосудія? Но юрисдикцій было столько же, сколько и подсудимыхъ и родовъ предступленій.

---

[1]) Гизо, Ог. Тьерри и ихъ послѣдователи.

«Единство арміи? Но армія говорила на всѣхъ языкахъ Европы.

«Единство собственности? Но пропасть раздѣляла собственность феодальную и крестьянскую.

«Единство промышленности? Но корпорація создала аристократію блузы и фартука.

«Единство религіи? Но преслѣдованіе во имя клочка бумаги, называвшагося буллою Unigenitus, породила въ королевствѣ расколъ, исчезнувшій только съ прекращеніемъ преслѣдованія.

«Единство націи наконецъ? Но дворянство, но церковь, но буржуазія, составляли отдѣльныя націи въ государствѣ, каждая съ своимъ управленіемъ и одеждой.

«Гдѣ же это единство, дарованное Лудовикомъ XIV Франціи? И если онъ далъ его ей въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ революціи было давать его въ другой разъ» [1]).

Картина, можетъ-быть, слишкомъ рѣзка. Но основаніе ея вѣрно: третьему сословію надо было докончить то, чего не могли или не хотѣли докончить короли.

Всѣ интересы третьяго сословія сосредоточились въ центральныхъ учрежденіяхъ, какъ ихъ жизнь сосредоточилась въ Парижѣ. Для нихъ только здѣсь было государство. Внѣ Парижа и центральныхъ учрежденій не существовало для нихъ ничего. Безъ всякой жалости уничтожены были всѣ организмы стараго общества; даже самыя названія ихъ исчезли изъ новаго законодательства. Вмѣсто провинцій—департаменты, вмѣсто общинъ—муниципалитеты, кантоны.

Между тѣмъ это страшное сосредоточеніе не только власти, но и всѣхъ національныхъ силъ въ центрѣ, не могло обойдтись безъ протестовъ со стороны національнаго чувства. Будущая картина провинціи не улыбалась патріотамъ. Будущее значеніе центральной власти внушало всѣмъ серіозныя опасенія.

Вопросъ о самостоятельности частей государства, объ освобожденіи ихъ отъ преобладающаго вліянія столицы возникъ одновременно съ раздѣленіемъ Франціи на департаменты и муниципалитеты. Но почва, на которой строились эти теоріи, рѣзко отличается отъ основаній, выставленныхъ нами въ началѣ статьи. Нигдѣ не заходило рѣчи о самостоятельныхъ правительственныхъ агентахъ, дѣйствующихъ среди самостоятельныхъ общественныхъ организмовъ. Напротивъ, прави-

[1]) E. Pelletan: *Décadance de la monarchie Française*. Мѣсто это цитировано г. Реньйо въ его книгѣ: *La Province*.

тельственная практика Конвента устраняла всякій вопросъ о самостоятельности правительственныхъ органовъ въ провинціи, предъ его эмиссарами слагали свои обязанности всѣ чиновники. Съ другой стороны, становилось ясно, *что между правительственнымъ организмомъ и отдѣльною личностію не будетъ болѣе никакихъ посредствующихъ организмовъ.* Этотъ фактъ многое объясняетъ въ современной исторіи Франціи и прежде всего непомѣрное поглощеніе личности государствомъ: непосредственное противоположеніе общаго, въ формѣ государства, и частнаго, въ формѣ недѣлимаго, необходимо ведетъ къ такому результату. Для того, чтобы недѣлимое со всѣми его интересами не исчезло въ государствѣ, нужно чтобъ ихъ раздѣляли посредствующіе и непремѣнно самостоятельные организмы.

Государство не состоитъ изъ простаго собранія недѣлимыхъ, оно стоитъ не среди безформенной массы гражданъ. Послѣдніе, подчиняясь государству какъ высшему организующему началу, въ то же время не составляютъ простой толпы по отношенію къ власти. Наполеонъ былъ правъ съ точки зрѣнія французскаго государственнаго человѣка, когда говорилъ: «что̀ такое общество? Правительство, судъ, администрація, нѣсколько другихъ учрежденій: остальное прахъ [1])!» Но онъ не былъ правъ съ точки зрѣнія науки. Если бы безъ государства недѣлимые были только прахомъ, то самому государству угрожала бы серіозная опасность. Есть идеи, есть цѣли, осуществленіе которыхъ не можетъ быть дѣломъ отдѣльной личности, но которыя въ то же время не могутъ быть задачей цѣлаго государства, иначе оно уклонилось бы отъ своего прямаго назначенія. Замкнуть такія отношенія, какъ религія, нравственность, имущественный оборотъ, наука въ индивидуальную сферу, значитъ породить хаосъ въ важнѣйшихъ основахъ общежитія, привести къ субъективной морали, къ субъективной или, много, семейной религіи, къ замкнутому эгоизму въ имущественныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, поручить всѣ эти и подобные имъ интересы государству, значитъ ввести въ сферу принудительныхъ отношеній то, что̀ должно оставаться въ области свободы. Далѣе, въ историческомъ порядкѣ существуютъ организмы предшествующіе государству и не умирающіе въ немъ—семья, общины, провинція. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно выступаютъ изъ жизни государственной, но за то составляютъ необходимую часть организма общественнаго. Другіе, напротивъ, осуществляютъ подробности государственной цѣли, кото-

---

[1]) «Le reste de la poussière!»

рыя не могутъ входить въ кругъ дѣятельности государственной власти, безъ явнаго ущерба ея достоинства. Изъ всей этой массы разнообразныхъ цѣлей, элементовъ, организмовъ, охарактеризованныхъ однимъ обще-національнымъ духомъ, составляется одно цѣлое, называемое обществомъ. Это область разнообразія и свободы, въ противоположность единству и принужденію, характеризующему дѣятельность государственной власти.

Эти понятія не выяснены до настоящаго времени во французской публицистикѣ. Перечитывая труды французскихъ политическихъ мыслителей, убѣждаемся, что у нихъ между идеей государства и недѣлимаго существуетъ странный, ничѣмъ не пополненный пробѣлъ [1]). Тѣмъ болѣе замѣтно было это явленіе въ эпоху революціи. Всѣ мыслители того времени, говоря объ общемъ въ противоположность частному, имѣли въ виду лишь государство. Съ одной стороны, ихъ ненависть ко всѣмъ историческимъ организмамъ, существовавшимъ въ формѣ привилегированныхъ корпорацій, съ другой, идеалъ всемогущаго античнаго государства, воплощавшаго въ себѣ всякую общественную и политическую жизнь, — уклоняли ихъ изслѣдованія съ настоящей дороги. Наконецъ, въ самыхъ способахъ практическаго осуществленія ихъ стремленій видно, что они не знали или не хотѣли знать другихъ организмовъ кромѣ государства. Самое слово общество (société) означало у нихъ именно государство, соединеніе для политическихъ цѣлей, какъ это видно изъ самаго заглавія сочиненія Руссо: *Contrat social.* Они не мыслили человѣческаго общества внѣ государства. Естественная философія представляла имъ человѣка внѣ всякихъ формъ общежитія, въ естественномъ состояніи; но разъ начиналось общежитіе, оно появлялось для нихъ въ формѣ государства, всѣ цѣли человѣческія сосредоточивались въ немъ. Рано или поздно мыслители и публицисты должны были замѣтить внутреннее противорѣчіе между такимъ всемогущимъ учрежденіемъ и основнымъ началомъ всей естественной философіи, личною свободой. Если человѣкъ можетъ себя мыслить внѣ государства, то неужели съ появленіемъ государства онъ долженъ отказаться отъ своей самостоятельности? Съ особенною силой противорѣчіе это должно было обнаружиться, когда идеи естественнаго

---

[1]) Понятіе объ обществѣ начало разъясняться съ появленіемъ такъ называемаго органическаго ученія о государствѣ, родоначальниками котораго должно считать Краузе и отчасти Гербарта. Наилучше разработанъ вопросъ этотъ Л.Штейномъ, Молемъ и Трейчке. Во Франціи онъ, такъ сказать, отрицательно выясняется въ ученіи соціалистовъ.

права нашли себѣ практическое примѣненіе во французской революціи, когда, съ одной стороны, всемогущее государство со всѣми средствами централизаціи готово было задавить всякую жизнь въ провинціи, а съ другой — идея неотчуждаемаго народнаго суверенитета подготовляла право вооруженнаго возстанія. Прежнее логическое противорѣчіе системы естественнаго права, противорѣчіе между логикой и свободой, между неотчуждаемыми правами и свободой договора, должно было разрѣшиться уже не въ кабинетѣ ученыхъ, а на гражданской, политической сценѣ. Отдастъ ли человѣкъ всю свою свободу государству, какъ это утверждалъ Руссо, или его дѣятельность должна имѣть сферу свободную отъ вторженія правительства? Далѣе, гдѣ должна помѣститься сумма власти? Суверенитетъ принадлежитъ народу, онъ не отчуждаемъ, слѣдовательно, онъ долженъ осуществляться всѣмъ народомъ, всѣ части котораго должны имѣть одинакія права. Но что̀ дѣлать съ преобладающимъ вліяніемъ Парижа, съ возвышающимся значеніемъ столичной черни?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ безпокоило не только жирондистовъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе въ федерализмѣ, но и предводителей «горы», которыхъ ужь никакъ нельзя заподозрить въ отвращеніи отъ централизаціи.

Посмотримъ, на какихъ основаніяхъ думали они разрѣшить этотъ вопросъ. Власть, говорилъ Робеспьеръ, должна быть раздѣлена. Лучше увеличить количество должностныхъ лицъ, чѣмъ сосредоточить въ рукахъ немногихъ опасныя права. Избѣгайте стремленій старыхъ правительствъ, которыя хотѣли управлять слишкомъ много. Позвольте отдѣльнымъ лицамъ, семьямъ, дѣлать все, что̀ не вредитъ другимъ. Предоставьте общинамъ завѣдываніе дѣлами, которыя не касаются общей администраціи республики. Предоставьте личной свободѣ то, что̀ не принадлежитъ существенно свободѣ общественной [1]).

Итакъ *личная свобода*, вотъ во имя чего требуютъ теперь самостоятельности провинцій. Республика должна предоставить личной дѣятельности то, что̀ не относится непосредственно къ общегосударственнымъ задачамъ. Дѣятельность этой свободной личности высвободитъ-де изъ-подъ государственной опеки общины и провинціи. Онѣ будутъ свободны, потому что свободна личность. Основаніе весьма шаткое! Мы увидимъ ниже, что общинное и провинціальное самоуправленіе способствуютъ развитію личной свободы. Но это далеко не единствен-

[1]) Louis Blanc: *Hist. de la Révolution*. Regnaud: *La Province*.

ное основаніе. Признать личную свободу за высшій принципъ самоуправленія, значитъ связать послѣднее съ условіями чисто политическаго характера, постоянно измѣняющимися, сообразно со взглядами верховнаго правительства. Степень самостоятельности провинціи обусловливалась бы степенью личной свободы, какую правительство признаетъ за гражданами. Съ другой стороны, защитники личной свободы требовали самостоятельности провинціи во имя человѣческихъ правъ. Но между государствомъ и личностію не ставилось никакихъ организмовъ, независимыхъ отъ личности съ одной и разграниченныхъ отъ государства съ другой стороны. Если и существовало понятіе объ организмахъ, то преимущественно о тѣхъ, которые ближе всего стоятъ къ недѣлимому, о семьѣ и, много, общинѣ. Провинція совершенно исчезла изъ политическаго словаря того времени. Если жирондисты и говорили о правахъ департаментовъ, то во имя правъ личной свободы и значенія каждаго отдѣльнаго гражданина. Деспотизмъ Парижа возмущаетъ ихъ потому что онъ, какъ департаментъ, составляетъ 1/83 Франціи, слѣдовательно долженъ имѣть значеніе какъ и всякая 1/83 часть Франціи, т.-е. какъ всякій департаментъ. Политическое значеніе должно быть распредѣлено поровну между всѣми частями народа, въ силу равенства всѣхъ гражданъ. «Должно разрушить аристократію городовъ, какъ разрушена аристократія между людьми».

Шаткость этого основанія не замедлила обнаружиться. Личная свобода есть вѣнецъ политической организаціи и ея главный результатъ, но не можетъ быть ея основаніемъ. Когда мы скажемъ свободѣ: бери то, чтò не принадлежитъ государству, она естественно будетъ стремиться взять и то, чтò ему принадлежитъ; съ другой стороны, когда мы говоримъ государству: отдай свободѣ то, чтò ей принадлежитъ, мы рискуемъ услышать отъ него отвѣтъ, что въ сущности *ему* принадлежитъ все.

Другаго отвѣта нельзя было услышать отъ государства и гражданъ временъ революціи. Революціонеры не понимали государственной власти съ другимъ значеніемъ, кромѣ того, которое издавно принадлежало королевской власти. Для нихъ вопросъ заключался не въ объемѣ и степени власти, а въ томъ, кому должна она принадлежать. Ихъ оскорблялъ абсолютизмъ королей, но восхищало самовластіе народа. «Подобно тому, говоритъ Руссо, какъ природа даетъ каждому человѣку неограниченное право надъ его членами, общественный договоръ даетъ также неограниченное право соціальному тѣлу надъ его членами». Такъ гласитъ книга, которою, по справедливости, должно

считать политическимъ евангеліемъ того времени. Результаты легко можно было предвидѣть: личная свобода не осуществилась, не осуществилась вмѣстѣ съ нею и правильная провинціальная организація; централизація дошла до крайнихъ размѣровъ.

Одинъ изъ публицистовъ современной Франціи, Батби, мѣтко характеризуетъ дѣятельность правительства въ это время. «Законодатели 1790 г., говоритъ онъ, построили, правда, департаментскую и муниципальную систему, основанную на выборномъ началѣ, и въ этомъ отношеніи ихъ работа была попыткой къ самоуправленію [1]), которая могла обмануть децентрализаторовъ, ищущихъ прецедентовъ для своей теоріи. Въ сущности, редакторы этого закона повиновались больше *политическимъ стремленіямъ своего времени чѣмъ какой-либо административной теоріи.* Народъ былъ идоломъ той минуты; голосованіе (suffrage) народное было преобладающею идеей, къ которой все должно было придаживать. Иная система въ то время не могла бы войдти въ голову законодателя; создать власть, стоящую внѣ народныхъ выборовъ, было бы принято за невообразимую аномалію, даже за измѣну. Но уступая требованіямъ времени, преслѣдовали ли законодатели 1790 г. идею децентрализаціи или самоуправленія? Чтобъ убѣдиться въ противномъ, стоитъ только вспомнить о той ярости, которую возбуждало нѣсколько времени спустя слово федерализмъ. Децентрализація показалась бы благопріятнымъ условіемъ для этой идеи, и въ силу этого руководители революціи должны были относиться къ ней неблагопріятно. Революція убила провинціальный духъ не тронутый старою монархіей. Она нанесла ему самый сильный ударъ, какой только могъ онъ получить, и въ этомъ отношеніи можно сказать, что демократія докончила централизаціонную работу французскихъ королей. Конвентъ и комитетъ общественной безопасности организовали въ центрѣ самую энергическую и всепоглащающую власть, какая когда-либо существовала. Ея органы въ департаментахъ, — обращенные въ эмиссаровъ представители народа, — не допускали сопротивленія своимъ распоряженіямъ, и все что было экзальтированнаго и покорнаго, было увлечено великимъ движеніемъ, выставившимъ четырнадцать армій на границы Франціи. Это была, правда, политическая централизація, но въ эту эпоху военной и па-

---

[1]) Self-government, какъ говоритъ Батби. У Французовъ рѣшительно нѣтъ слова для обозначенія понятія самоуправленія, кромѣ слова *децентрализаціи,* которое, какъ мы видѣли и увидимъ ниже, означаетъ совсѣмъ иное.

тріотической лихорадки, административные вопросы были слишкомъ холодны чтобы привлечь общественное вниманіе. Центральная власть была слишкомъ озабочена высшими интересами, чтобы направлять мелкіе мѣстные интересы. Она занималась ими однако всякій разъ, когда этого требовали интересы *отечества въ опасности*. Арміи нужны были съѣстные припасы и обувь, эмиссаръ конвента удовлетворялъ конечно этимъ нуждамъ, не обращая вниманія на мѣстныя власти. Онъ издавалъ свои распоряженія безъ согласія муниципальныхъ властей, и никто не помышлялъ о сопротивленіи» [1]).

Такимъ образомъ провинціальная самостоятельность была основана на политическихъ правахъ отдѣльныхъ гражданъ, правахъ, дававшихъ существованіе какъ муниципалитетамъ, такъ и центральному правительству. Но мѣра свободы мѣстныхъ учрежденій была связана съ мѣрой свободы предоставленной гражданамъ. Департаменты и муниципалитеты не существовали какъ органическое, историческое явленіе. Они были простое соединеніе опредѣленнаго числа гражданъ. Такой характеръ имѣютъ мѣстныя учрежденія во времена директоріи. Ея кантональные муниципалитеты являются чисто искусственными, безъ силы въ настоящемъ, безъ прочнаго будущаго. Учрежденія эти, не имѣя самостоятельнаго существованія, независимаго отъ судьбы личныхъ правъ гражданъ, естественно теряли свое значеніе съ уменьшеніемъ этихъ правъ. Консульство уже ограничило выборное начало, имперія ввела строго-правительственную систему, сохранившуюся до настоящаго времени.

Революція прошла, но ея политическія ученія остались. Вопросъ о провинціи связался съ вопросомъ о личной и политической свободѣ недѣлимыхъ, какъ съ главнымъ основаніемъ ея собственной самостоятельности. Вотъ почему самостоятельность провинціи и ослабленіе централизаціи требуется теперь во Франціи небольшимъ кружкомъ людей сохранившихъ любовь къ свободѣ. Нужно ли говорить, что начало личной свободы играетъ первенствующую роль во всѣхъ ихъ изслѣдованіяхъ?

Предъ нами лежитъ много сочиненій написанныхъ въ пользу самостоятельности провинціи, и вездѣ *личная свобода* служитъ исходною точкой и руководящимъ началомъ. Вотъ, напримѣръ, небольшая брошюра Одиллона Барро [2]). Авторъ ея принадлежитъ, какъ извѣстно,

---

[1]) Batbie, IV, стр. 428 и слѣд.

[2]) Od. Barrot: *De la centralisation et de ses effets*.

къ старой либеральной партіи. Для него начала 1789 г. имѣютъ неотразимую прелесть. И вотъ какъ онъ строитъ свои разсужденія. Начнемъ съ *эпиграфа:* онъ характеризуетъ уже духъ сочиненія. Од. Барро взялъ его изъ Вивьена *(Etudes administratives)*. «Свобода, гласитъ этотъ эпиграфъ, есть такая святая и сладостная вещь, что я взялъ бы ее изъ всякихъ рукъ. Я былъ счастливъ получить ее отъ Вашингтона; она помирила бы меня съ Стюартами; я благодарилъ бы за нее даже Кромвеля, еслибъ онъ могъ мнѣ ее дать». Изложеніе еще яснѣе обнаруживаетъ точку зрѣнія и цѣль автора. Вотъ его главныя положенія. Вопросъ о централизаціи не могъ возникнуть въ древности, потому что классическія государства не имѣли настоящаго понятія о личной свободѣ. Въ древности, какъ извѣстно, свободенъ былъ тотъ, кто участвовалъ въ государственномъ управленіи [1]), составлялъ часть государственной власти, но никто не дерзалъ положить предѣлы этой власти: смотря по тому принадлежала ли эта власть многимъ, немногимъ или одному, политическая жизнь была распространена, сосредоточена или поглощена. Древній взглядъ на вещи сохранился до нашего времени. Мы до сихъ поръ не понимаемъ выраженія Монтескье, что «власть народа смѣшиваютъ съ его свободой, тогда какъ ихъ должно различать». Слѣдовательно, задача народа и его публицистовъ заключаются въ томъ, чтобы ввести власть, кому бы она ни принадлежала, въ такіе предѣлы, гдѣ бы она не вредила личной свободѣ. Отсюда ясно слѣдуетъ несостоятельность тѣхъ, которые придерживаются прежняго дѣленія формъ правленія, по чисто внѣшнимъ признакамъ, на монархію, аристократію и демократію. Есть только двѣ группы правительствъ, какова бы ни была ихъ внѣшняя форма [2]) правительства поглащающія личную свободу и самодѣятельность и правительства дающія имъ просторъ. Публицисты временъ республики не поняли этого и потому оставили централизацію, измѣнивъ только ея формы.

Итакъ централизація, съ точки зрѣнія автора, есть не что иное какъ напряженіе правительственной дѣятельности, сосредоточеніе въ рукахъ правительства всей власти. Мы увидимъ ниже, къ какимъ результатамъ можно придти на основаніи этого положенія. Теперь будемъ слѣдовать за дальнѣйшими положеніями и выводами Од. Барро.

---

[1]) См. *Полит.* Аристотеля, кн. III.

[2]) Эта мысль вполнѣ вѣрна и заслуживаетъ вниманія, хотя и не по отношенію къ вопросу о провинціи, какъ увидимъ ниже.

Задача каждаго благоустроеннаго государства состоитъ въ томъ, чтобы развивать самодѣятельность личности. Трудно понять, какъ государственная форма, ослабляющая способности человѣка, можетъ способствовать благосостоянію государства (стр. 123). *Государство есть только соединеніе личныхъ силъ.* Оно не живетъ само собою, у него нѣтъ собственныхъ силъ. Каждое правительство, ослабляющее личность, ослабляетъ государство. Эта истина сознается всѣми болѣе или менѣе. Всѣ правительства въ настоящее время ищутъ разрѣшенія этого сложнаго вопроса. Міръ въ настоящее время представляетъ двѣ цивилизаціи: одна истекаетъ изъ сосредоточенной дѣятельности власти, поглощающей индивидуальныя силы, другая развивается путемъ усилій отдѣльныхъ лицъ. Кто изъ нихъ побѣдитъ?

Мы никакъ не можемъ понять, почему эти положенія относятся къ вопросу о провинціи. Од. Барро, очевидно, смѣшиваетъ двѣ вещи: самоуправленіе и централизацію съ одной стороны, съ гувернаментализмомъ и индивидуализмомъ, съ другой. Самоуправленіе, какъ мы видѣли, заключается въ распредѣленіи правительственныхъ задачъ между органами центральной власти и органами общества. Органы общества, призванные для этихъ задачъ, входятъ чрезъ это самое въ правительственную сферу, становятся частью администраціи. Индивидуализмъ Од. Барро будетъ заключаться въ томъ, что извѣстныя задачи будутъ выдѣлены изъ правительственныхъ сферъ. Расширяя дѣятельность свободной личности, мы выдѣлимъ въ пользу общества не только частныя дѣла но и правительственныя задачи, не только введемъ въ провинцію массу общественныхъ элементовъ, что̀ полезно и даже необходимо, но и уничтожимъ значеніе правительственныхъ органовъ, что̀ невозможно. Далѣе, связывая вопросъ о провинціи съ личною свободой вообще и съ политическою свободой лицъ въ особенности, писателямъ одной школы съ Од. Барро приходится вести провинціальную самостоятельность такъ же далеко, какъ и свободу лица, то-есть дать ей политическое значеніе. Такой выводъ логически вытекаетъ изъ основныхъ положеній школы. Личная свобода можетъ осуществляться въ различныхъ сферахъ и различныхъ отношеніяхъ. Она слагается, такъ сказать, изъ нѣсколькихъ видовъ свободы. Между ними существеннымъ элементомъ является свобода политическая. Самостоятельность провинціи, одно изъ проявленій личной свободы, должна слагаться изъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этой свободы. Слѣдовательно, провинція должна имѣть нѣкоторую долю политической самостоятельности, безъ чего провинціальная жизнь бу-

детъ не полна. Отсюда смѣшеніе автономіи, то-есть одного изъ признаковъ недоразвившагося государства, съ самоуправленіемъ, однимъ изъ результатовъ настоящаго государственнаго единства. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію автора, италіянская революція, реформа въ Венгріи, Австріи, чуть ли не движеніе панславизма, суть стремленія къ децентрализаціи. Основаніе широко, и выводы широки. Но дѣло настоящей децентрализаціи отъ этого ничего не выиграетъ.

Еще опредѣленнѣе высказывается по этому поводу Реньйо, авторъ *La Province*. «Провинція, говоритъ онъ (стр. 38), должна требовать доли въ общественной жизни, мѣста въ политической и умственной сферѣ, во имя свободы, правъ и основныхъ началъ новѣйшаго общества». Далѣе (стр. 39): «Славу и силу народовъ составляетъ политическая жизнь, и ея-то не достаетъ провинціи. Вотъ чего должна она требовать не отъ Парижа, но отъ закона, не во имя завистливаго соперничества, но во имя началъ свободы, которыя повелѣваютъ, чтобы въ великой территоріи, составляющей націю, жизнь, воля и умъ могли проявляться на всякомъ мѣстѣ, и которыя протестуютъ противъ порядка вещей, гдѣ мысль и интересы всѣхъ сферъ подчинены фантазіямъ центра». Въ чемъ же состоитъ эта несамостоятельность провинціи? Г. Реньйо поясняетъ намъ это. Провинція не имѣетъ самостоятельныхъ политическихъ мнѣній; она послушно слѣдуетъ за указаніями центра. Въ 1814 году она восклицаетъ: да здравствуетъ король; съ 1830 года послѣ изгнанія Карла X: да здравствуетъ хартія; чрезъ нѣсколько времени: да здравствуетъ Лудовикъ-Филиппъ; въ 1848 году: да здравствуетъ республика, — и такъ далѣе. Непосредственнымъ результатомъ такой несамостоятельности является ея равнодушіе къ политическимъ дѣламъ, ея пассивное отношеніе къ интересамъ отечества. Отсюда безсиліе провинціи даже предъ внѣшними врагами. Два завоеванія Франціи иностранцами доказываютъ это. Наконецъ бѣдность литературы, недостатокъ умственнаго движенія во французскихъ провинціяхъ — всѣмъ извѣстный фактъ. Реньйо во всемъ винитъ правительство. «Par une inexplicable imprévoyence les gouvernements de tous les régimes ont encouragé plutôt que de le combattre ce funeste mouvement de la centralisation». Должно согласиться, что это по меньшей мѣрѣ наивно. Человѣкъ провозглашаетъ безграничную свободу личности и въ то же время ожидаетъ, чтобы правительство уничтожило развитіе централизаціи. Реньйо въ этомъ отношеніи вполнѣ Французъ, онъ ждетъ отъ правительства всего, даже свободы, и ожидаетъ этого въ то время, когда самъ провозглашаетъ, что жизнь го-

сударствъ прежде всего зиждется на дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Какой самостоятельности просить авторъ у правительства для провинціи? Политической? Но гдѣ найдетъ онъ правительство, которое согласится на это? Административной? Но общество во Франціи сдѣлало все, чтобы перенести всю правительственную дѣятельность въ центръ. Что же удивительнаго, что правительство послѣдовало за общественнымъ движеніемъ? Это вполнѣ согласно съ положеніями самихъ индивидуалистовъ, по которому государство есть совокупность и произведеніе недѣлимыхъ. Во всякомъ случаѣ послѣдуемъ за изложеніемъ автора; посмотримъ, чего желаетъ онъ для провинціи.

Откуда бы ни пришла такая самостоятельность провинціи, будетъ ли она продуктомъ общественнаго движенія, или результатомъ правительственной политики, она должна проявляться въ политической сферѣ столько же, сколько въ административной, и даже въ первой больше чѣмъ въ послѣдней. Авторъ категорически высказывается по этому предмету [1]). «Несмотря на торжественныя и неоднократныя восклицанія противъ федерализма, говоритъ онъ (стр. 64), мы осмѣливаемся утверждать, что теперь разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи провинціи можетъ произойдти только въ федеративной системѣ». Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ федеративной системы, онъ указываетъ на примѣръ греческихъ амфиктіоній (?), швейцарскихъ кантоновъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: отдѣльныя части государства жертвуютъ-де частью мѣстнаго самодержавія въ пользу самодержавія общаго. Но никто изъ лицъ, знакомыхъ съ государственными началами Соединенныхъ Штатовъ, не станетъ искать самодержавія въ центральномъ правительствѣ. Оно цѣликомъ принадлежитъ этимъ отдѣльнымъ частямъ, или, лучше сказать, массѣ народа, сгруппированной по этимъ отдѣльнымъ частямъ. «Въ Америкѣ, говоритъ Токвилль, имѣются два правительства, совершенно разграниченныя и независимыя: одно обыкновенное и неопредѣленное, соотвѣтствующее ежедневнымъ потребностямъ страны; другое *исключительное* и *опредѣленное*, имѣющее въ виду только *нѣкоторые общіе* интересы. Это: штаты, — маленькія самодержавныя націи, — съ одной, и союзное правительство, съ другой стороны.... Федеральное правительство есть исключеніе; правительство государствъ (штатовъ) общее правило» [2]).

---

[1]) Стр. 64 и слѣдующія, главы VI и VII.

[2]) *De la democratie en Amérique,* I, p. 69.

Этого ли хочетъ г. Реньйо для Франціи? Онъ спѣшитъ оговориться. «Понятно, говоритъ онъ, что федерализмъ въ смыслѣ американскаго не можетъ имѣть мѣсто во Франціи. Территоріальныя подраздѣленія этой страны не имѣютъ никакихъ державныхъ правъ, отъ которыхъ бы они могли отказаться. Они поставлены въ другія условія. Составляя коллективныя личности, они должны требовать того, что̀ можетъ требовать каждая личность, то-есть, свободнаго управленія своими имуществами, свободнаго развитія своихъ способностей (какихъ это?), свободнаго пользованія политическими вольностями. Другими словами, они нуждаются прежде всего въ расширеніи правъ, и притомъ правъ не суверенныхъ, а личныхъ» (ibid., стр. 66).

Итакъ г. Реньйо не даетъ самодержавныхъ правъ провинціи, дѣлаетъ эту уступку странѣ, нѣсколько столѣтій работавшей надъ своимъ государственнымъ единствомъ! Но онъ требуетъ какихъ-то личныхъ правъ для провинціи. Провинція личность — но какая? По-нашему, юридическая, то-есть созданная закономъ, или видоизмѣненная имъ, и дѣйствующая въ предѣлахъ указанныхъ закономъ. Самое существованіе ея вытекаетъ изъ закона, или признается имъ. По мнѣнію автора, она, повидимому, физическая личность, или, по крайней мѣрѣ, *продолженіе физической личности;* въ ней живутъ тѣ права и свойства, какія мы замѣчаемъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Не даромъ Реньйо назвалъ свою будущую провинцію личностію собирательною. Эти лица, соединенныя въ провинцію, могутъ-де имѣть всѣ права, какія имѣетъ отдѣльная личность. Врядъ ли это такъ. Отдѣльное лицо имѣетъ собственность, и справедливость требуетъ, чтобъ оно̀ могло распоряжаться ею вполнѣ свободно. Но провинціи можетъ ли принадлежать это право? Имущество провинціальное принадлежитъ не только наличному составу ея членовъ, но и будущимъ поколѣніямъ. Слѣдовательно, воля современнаго поколѣнія, дѣйствующаго въ провинціи, должна сдерживаться государствомъ въ виду этихъ будущихъ поколѣній. Этого требуютъ всѣ начала справедливости. Имущество провинціи пріобрѣтено не частными лицами, а такъ сказать оффиціальнымъ путемъ, въ виду не временныхъ нуждъ, *а постоянныхъ интересовъ*. Далѣе, даже наличное поколѣніе провинціальныхъ гражданъ, не всегда дѣйствуетъ единогласно, *какъ одна личность*. Въ большинствѣ случаевъ мы видимъ существованіе партій, иногда весьма разнообразныхъ, но во всякомъ случаѣ, по каждому вопросу масса гражданъ раздѣляется на *большинство* и *меньшинство*. При этомъ на сторонѣ меньшинства можетъ быть больше законныхъ правъ чѣмъ

на сторонѣ большинства. Гдѣ сыщетъ оно защиту противъ несправедливыхъ притязаній? Наконецъ, мѣстность не перестаетъ быть частью государства; интересы, порученные ея завѣдыванію, могутъ близко касаться общегосударственныхъ интересовъ, и государство *обязано*, въ виду огражденія этихъ интересовъ, не допускать черезчуръ свободнаго распоряженія провинціальною собственностію. Справедливо, чтобы каждая провинція, за удовлетвореніемъ обще-государственныхъ потребностей, имѣла *свой бюджетъ*, составленный въ виду ея потребностей и средствъ, и не служила другимъ провинціямъ. Реньйо основательно доказываетъ эту мысль и справедливо нападаетъ на жалкое положеніе департаментовъ, обязанныхъ платить, по прихоти Сенскаго департамента, за сооруженія, которыми имъ не придется пользоваться. Несправедливо заставлять ихъ поддерживать роскошь, въ то время какъ они, быть-можетъ, не имѣютъ необходимаго. Но и въ этомъ удовлетвореніи необходимаго, неужели они должны быть избавлены отъ правительственнаго контроля, въ виду выставленныхъ выше соображеній? Слѣдовательно, даже въ сферѣ, наиболѣе свойственной мѣстному управленію, въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ, провинція не можетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ частное лицо съ имуществомъ, принадлежащимъ ему на правѣ полной собственности. Этого требуетъ, наконецъ, самый интересъ той личной свободы, которая такъ воодушевляетъ школу индивидуалистовъ. Къ числу правъ, необходимо вытекающихъ изъ самостоятельности провинціи, принадлежитъ право обложенія податьми частныхъ лицъ въ пользу общественныхъ нуждъ. Предоставляемъ самимъ индивидуалистамъ судить, что̀ сдѣлалось бы съ священнымъ правомъ частной собственности, если бы права провинціальнаго большинства, не находили границы, а право частныхъ лицъ — защиты, въ общемъ правѣ, охраняемомъ государствомъ? Пойдемъ дальше. Какія еще права принадлежатъ провинціи, по мнѣнію Реньйо? Отождествленіе правъ провинціи съ правами личной свободы доводитъ его до куріозныхъ положеній. Въ числѣ этихъ *правъ* онъ ставитъ *развитіе способностей*. Какихъ? Умственныхъ, нравственныхъ, физическихъ. Провинція должна учиться гимнастикѣ, пѣнію, сочинять книги? Если здѣсь имѣется въ виду развитіе провинціальной литературы, то, кажется, оно достаточно обезпечивается общими законами о печати. Создавать же какія-нибудь особенныя условія для развитія мѣстной литературы, какъ чего-то отличнаго отъ литературы общенаціональной, по меньшей мѣрѣ безполезно. Наконецъ мы доходимъ до какихъ-то политическихъ вольностей, принадлежащихъ про-

винціи. Чтò разумѣетъ г. Реньйо подъ именемъ политическихъ вольностей? Главнымъ образомъ тѣ права, которыя Англія даетъ своимъ графствамъ, и привилегіи, предоставленныя англійскимъ колоніямъ. Мы разсмотримъ сначала первый примѣръ, чтобы не долго останавливаться на второмъ.

Свободой, говоритъ Реньйо, мы называемъ то, чтò Англичане называютъ self-government, то-есть завѣдываніе мѣстными интересами тѣми кто въ нихъ заинтересованъ. «Англичане, продолжаетъ онъ, дѣлаютъ широкое примѣненіе этого принципа ко внутреннему управленію своихъ провинцій. Каждое графство имѣетъ свой мѣстный бюджетъ, свою выборную администрацію, свои муниципальныя корпораціи и такъ далѣе». Мы видѣли выше, что Англія не имѣетъ, собственно говоря, провинціи: графства и приходы не являются такими цѣльными организмами, какъ тѣ, о которыхъ мечтаетъ Реньйо. Къ этому мы прибавимъ еще одно замѣчаніе. Самоуправленіе въ Англіи не есть просто мѣстное управленіе. Оно идетъ гораздо дальше. Парламентское устройство, судъ присяжныхъ и тому подобныя установленія суть также послѣдствія самоуправленія. Все чтò противоположно чисто правительственному персоналу, который въ Англіи весьма невеликъ, входитъ въ сферу самоуправленія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ органы этого самоуправленія не носили правительственнаго характера. Вопервыхъ, они не исходятъ изъ одного выборнаго начала. Старое англійское самоуправленіе, за исключеніемъ городовъ, не знало этого начала. Въ управленіи графствъ нѣтъ выборныхъ должностей, за исключеніемъ должности коронера. Всѣ члены управленія отправляютъ должность въ силу королевскаго порученія и пока угодно королю. Основа англійскаго самоуправленія, — мировые судьи — назначаются королевскимъ патентомъ. «Das Friedensrichteramt, говоритъ Гнейстъ [1]), beruht auf persönlicher Verleihung des Königs, und kann von *Niemanden* beansprucht werden von Besitz oder Standes wegens». Они находятся въ подчиненіи центральной власти и подлежатъ строжайшей отвѣтственности за свои дѣйствія [2]). То же самое еще въ большей степени слѣдуетъ сказать о шерифахъ. Эта система порученій создала все управленіе графствъ. Одна статья за другою поручалась различнымъ должностнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего управленіе это составляетъ скорѣе совокупность порученій чѣмъ органическіе

---

[1]) *Gesch. und heut. Gestalt der Engl. Communalverf.* II. стр. 819.

[2]) Ibid. стр. 835 и слѣд.

аттрибуты самостоятельнаго организма. Вникая за тѣмъ въ сущность этого самоуправленія, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ началъ, которыя не совсѣмъ ладятъ съ тѣмъ, что̀ Реньйо говоритъ о личной свободѣ, какъ о главномъ принципѣ самоуправленія. Управленіе мѣстными интересами ввѣрено исключительно мировымъ судьямъ, соединеннымъ въ четвертныя засѣданія. Здѣсь составляется бюджетъ графства, опредѣляется и повѣряется распредѣленіе налоговъ. Имъ же принадлежитъ главный надзоръ за исполненіемъ правительственныхъ задачъ, возложенныхъ на другія корпораціи и управленія. Мы не знаемъ, что̀ сказалъ бы человѣкъ, проникнутый началами 1789, еслибъ ему предложили отдать важнѣйшіе интересы мѣстности въ руки крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, притомъ не избранныхъ обществомъ, а назначенныхъ отъ короны. Онъ, вѣроятно, усомнился бы въ вѣрности опредѣленія самоуправленія, которое даетъ Реньйо: онъ не нашелъ бы здѣсь администраціи интересовъ лицами, наиболѣе заинтересованными. Въ области приходскаго управленія, гдѣ наиболѣе развито выборное начало, система множественности голосовъ заставляетъ сомнѣваться въ широкомъ и равномъ для всѣхъ примѣненіи личной свободы. Мы увидимъ ниже въ чемъ заключается эта система. Пока остановимся на другихъ выдающихся фактахъ. Если графства не имѣютъ признаковъ настоящей провинціи, какъ цѣльнаго законченнаго организма, то, можетъ-быть, *города* соединяютъ въ себѣ эти признаки? Исторія и современное состояніе доказываютъ иное. Первоначально города, за исключеніемъ важнѣйшихъ и такъ-называемыхъ инкорпорированныхъ графствъ, не выходили изъ сферы общаго земскаго управленія. Въ послѣдствіи разныя перемѣны и въ особенности законъ 1835 г. дали имъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, съ широкимъ выборнымъ началомъ. Но, тѣмъ не менѣе, они не представляютъ законченныхъ организмовъ, кругъ ихъ дѣятельности все еще слагается изъ различныхъ данныхъ имъ порученій. Во-первыхъ, по отношенію къ судебной власти не всѣ они вышли изъ-подъ вліянія мировыхъ судей, то-есть не всѣ имѣютъ отъ короны порученія относительно мировой юстиціи, и въ этомъ отношеніи подчиняются общему земскому управленію. Наиболѣе самостоятельности представляетъ административная дѣятельность городовъ. Начиная съ самой организаціи городскаго управленія, до его правъ на распоряженіе городскимъ имуществомъ, все говоритъ о большей цѣльности этого организма сравнительно съ графствомъ. Въ силу органическаго акта 1835 г. муниципальнымъ совѣтамъ принадлежатъ слѣдующія задачи:

a) управленіе имуществами и доходами города и общеполезными учрежденіями, за исключеніемъ установленій благотворительныхъ; b) содержаніе мѣстныхъ судебныхъ установленій и администрація исправительныхъ и тюремныхъ домовъ; c) управленіе полиціей. Въ послѣдствіи разные законодательные акты прибавили новые аттрибуты къ дѣятельности муниципальнаго совѣта. Такъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣется отдѣльная мировая юстиція, на совѣтъ возложенъ надзоръ за мѣрами и вѣсами, умалишенными, дорогами и такъ далѣе [1]). Впрочемъ, по существеннымъ вопросамъ мѣстной администраціи они должны дѣйствовать подъ контролемъ центральнаго правительства.

Устройство приходовъ къ исходу среднихъ вѣковъ было поставлено въ непосредственное соотношеніе съ одною изъ общегосударственныхъ потребностей — заботой о бѣдныхъ. Главная его цѣль есть налогъ въ пользу бѣдныхъ, значительнѣйшій между всѣми мѣстными налогами. «При разсмотрѣніи устройства прихода, говоритъ Фишель (*Государственный строй Англіи*, стр. 312), нельзя не замѣтить, что въ немъ нѣтъ теперь главнаго, единственнаго представителя, общаго единственнаго учрежденія, которое бы соединяло въ себѣ всѣ его функціи. Мы видимъ множество должностныхъ лицъ, завѣдующихъ различными частями, но между ними нѣтъ никакой общей связи. Поэтому, если что не входитъ въ опредѣленный закономъ кругъ извѣстнаго вѣдомства, то остается чуждымъ и для приходскихъ должностныхъ лицъ и для приходскихъ собраній. Поэтому приходъ не есть община самобытная, удовлетворяющая сама всѣмъ своимъ потребностямъ». Можно сказать болѣе. Законодательство устраиваетъ эти организмы скорѣе въ виду лучшаго осуществленія государственныхъ задачъ чѣмъ для чисто мѣстныхъ потребностей. Слѣдовательно сельской общины, которую индивидуалисты считаютъ главнымъ основаніемъ самоуправленія, въ Англіи нѣтъ; остается далеко несовершенная община городская.

Но, можетъ-быть, всѣ эти учрежденія соединяются въ какомъ-нибудь высшемъ мѣстномъ организмѣ? Несамостоятельныя сами по себѣ, можетъ-быть, они получаютъ самостоятельность чрезъ какую-нибудь высшую организацію? И этого нѣтъ. Между графствами, городами и приходами нѣтъ прочной іерархической связи. Каждое изъ этихъ учрежденій дѣйствуетъ совершенно самостоятельно въ сферѣ предоставленныхъ ему задачъ, которыя притомъ не вытекаютъ изъ внутреннихъ и

---

[1]) Относительно этихъ вопросовъ смотри между прочимъ Fisco u. v. d. Stroeen: *Institutions et taxes locales en Angleterre*, стр. 95 и слѣд.

разнообразныхъ потребностей этого организма, а связаны съ идеей общихъ государственныхъ повинностей. Вслѣдствіе этого государство, по своему усмотрѣнію, устанавливаетъ задачи общинъ, приходовъ и графствъ и опредѣляетъ мѣру ихъ участія въ сферѣ государственнаго управленія. По его усмотрѣнію, извѣстная задача изъ мѣстной можетъ сдѣлаться государственною и наоборотъ. Такъ управленіе бѣдными, сосредоточенное прежде въ мѣстности, теперь централизовано въ Лондонѣ и породило тамъ нѣчто въ родѣ континентальнаго министерства [1]). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ Англіи угрожала континентальная бюрократія. Отчетность, гласность и, что̀ самое важное, независимое положеніе суда навсегда предохраняютъ эту страну отъ увлеченій материка Европы. Дѣйствительно, судъ является единственнымъ связующимъ началомъ среди этой разбросанной административной дѣятельности; онъ сдерживаетъ каждое изъ этихъ тѣлъ въ предѣлахъ, установленныхъ скорѣе обычаемъ чѣмъ закономъ, скорѣе характеромъ возложенныхъ на нихъ порученій, чѣмъ сущностію разнородныхъ организмовъ. Въ какой степени всѣ мѣстныя установленія Англіи мало подходятъ подъ идею провинціи, видно между прочимъ изъ того, что одинъ изъ политическихъ мыслителей, основательно знающихъ ея бытъ, представилъ весьма вѣрное замѣчаніе, что провинціей въ Англіи можно считать каждое изъ трехъ соединенныхъ ея королевствъ [2]).

Итакъ англійская *провинція* не представляетъ того, чего въ ней ищутъ континентальные децентрализаторы. Еще меньше можетъ имѣть значенія для вопроса о самоуправленіи отношеніе Англіи къ ея колоніямъ. Г. Реньйо съ особенною любовью и долго останавливается на англійскихъ колоніяхъ. По его мнѣнію, онѣ вполнѣ должны разрѣшить вопросъ о провинціи. Мы съ своей стороны не долго остановимся на этомъ фактѣ, ибо онъ вовсе не разрѣшаетъ провинціальнаго вопроса. Колоніи не считаются органическими частями Англійскаго королевства. Ихъ самоуправленіе есть независимость частей, *не слитыхъ* съ общимъ государственнымъ организмомъ.

Направленіе французскихъ децентрализаторовъ, выразившееся въ книгѣ Реньйо, еще въ большей степени отразилось на трудахъ Жюля Симона. Онъ уже формально связываетъ вопросъ о децентрализаціи

---

[1]) Относительно этого смотри Dupont White: *la Centralisation*, стр. 35, 95 и слѣд.

[2]) Смотри Le Play: *La réforme sociale en France*, II, § 59, p. 291.

съ вопросомъ о свободѣ. Онъ изложилъ первоначально свои взгляды въ книгѣ *La Libreté;* въ послѣдствіи (въ 1867 г.) онъ выдѣлилъ вопросъ о свободѣ политической и обработалъ сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ[1]). Въ этомъ трудѣ важное мѣсто занимаетъ разсужденіе объ административныхъ реформахъ (глава IV). «Нужно, говоритъ авторъ, опредѣлить, что̀ принадлежитъ власти и что̀ принадлежитъ свободѣ, ибо безъ власти нѣтъ общества, безъ свободы нѣтъ человѣка». Итакъ вопросъ о централизаціи и децентрализаціи представляется у него размежеваніемъ власти и свободы. Дѣйствительно, онъ продолжаетъ: «свобода, надо съ этимъ согласиться, немного синонимъ децентрализаціи; и та, и другая достигается чрезъ обезоруженіе центральной власти». Исходная точка Симона, слѣдовательно, та же самая какъ и у Од. Барро и у Реньйо; только онъ высказывается еще рѣзче ихъ. Централизація для него есть система угнетенія, выражающаяся въ дѣятельности бюрократіи, которую всѣ ненавидятъ и къ которой поневолѣ всѣ обращаются. «Свобода, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать три упрека французской администраціи, въ томъ видѣ какъ она сложилась въ началѣ этого столѣтія: она управляетъ слишкомъ много, употребляетъ для этого слишкомъ много агентовъ, и эти агенты слишкомъ мелки». Не подлежитъ сомнѣнію, продолжаетъ онъ, что во Франціи мало уважаютъ чиновниковъ. На нихъ смотрятъ скорѣе какъ на надсмотрщиковъ чѣмъ какъ на покровителей, какъ на лицъ привилегированныхъ чѣмъ какъ на полезныхъ агентовъ, и т. д. И между тѣмъ, по странной непослѣдовательности, въ этой странѣ, гдѣ такъ мало уважаютъ чиновниковъ, можетъ-быть, съ наибольшею жадностію гоняются за должностями. Мы видѣли выше причины этого страннаго противорѣчія. Онѣ заключаются именно въ томъ, что французская централизація есть столько же созданіе общества, какъ и правительства. Исторія могла бы доказать это Ж. Симону и его сотоварищамъ. Но разъ укрѣпившись въ томъ убѣжденіи, что децентрализація есть торжество личной свободы и общества надъ правительствомъ, какъ приписать этому обществу централизаціонныя стремленія!

Притомъ общество, какъ мы видѣли, почти не существуетъ для лицъ, исходною точкой для которыхъ служитъ идея недѣлимаго и его свободы. Для нихъ между недѣлимымъ и государствомъ нѣтъ связующихъ организмовъ; власть есть общее, въ противоположность недѣлимому. «Государство, говоритъ Ж. Симонъ, само общество. *Безъ*

---

[1]) *La liberté politique,* par J. Simon.

власти, нѣтъ общества, безъ свободы нѣтъ недѣлимаго». Печальное положеніе человѣчества, когда свобода будетъ осуществляться только въ индивидуальной сферѣ, когда общество будетъ синониномъ авторитета! Тамъ гдѣ вопросъ о децентрализаціи являтся такою эквилибристикой между личною свободой и иниціативой, съ одной стороны, и авторитетомъ общества, отождествленнаго съ государствомъ, съ другой, разрѣшеніе сложнаго вопроса о провинціи едва ли возможно. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во многихъ мѣстахъ у разсматриваемыхъ нами писателей проглядываетъ стремленіе стать на настоящую дорогу. Но эти замѣчанія отрывочны и могли бы получить практическое значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы во французской политической литературѣ распространилось истинное ученіе объ обществѣ. Теперь же эти бѣглыя замѣчанія о чемъ-то, существующемъ между государствомъ и недѣлимымъ, являются какъ стремленіе къ лучшей гарантіи той же личной свободы. Лучше всего это доказываетъ слѣдующее мѣсто въ брошюрѣ Од. Барро. «Чтобы *лицо,* говоритъ онъ, *сдѣлалось силой въ государствѣ, т.-е.* чтобъ *его права были уважаемы*, его природная энергія не была стѣснена, *оно не должно быть изолировано,* иначе государство задавитъ и поглотитъ его непремѣнно. Нужно слѣдовательно группировать личныя силы и соединять эти отдѣльныя группы такъ, чтобы, по мѣткому выраженію Ройе-Коллара, при пораженіи одной части этого цѣлаго остальныя издавали продолжительный стонъ».

Не для того только чтобы гарантировать личную свободу,—для этого есть много другихъ средствъ,—но главное, чтобы дать возможность всестороннему развитію народныхъ силъ, чтобъ удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ и интересамъ различныхъ частей націи, важно существованіе различныхъ организмовъ, сложившихся такъ же исторически и постепенно, какъ и само государство. Это не простая группировка лицъ, собраніе недѣлимыхъ: такъ опредѣлять можно казарму или гостинницу. Это живой организмъ, а не механическое соединеніе. Разрушеніе историческихъ организмовъ ведетъ за собой упадокъ государства, равно какъ и порабощеніе лица. Искуственными мѣрами трудно уже будетъ замѣнить уничтоженное. Механизмъ не замѣнитъ организма. *Эти группы* индивидуальныхъ силъ не будутъ имѣть жизненности и устойчивости, свойственныхъ живымъ организаціямъ. Онѣ не *издадутъ того продолжительнаго стона,* о которомъ мечталъ Ройе-Колларъ. Нужно было прислушиваться къ этимъ *стонамъ* тогда, когда въ теченіе трехъ столѣтій стиралось все ис-

торическое во имя отвлеченныхъ стремленій и теорій. Почему бюрократія такъ сильна въ Франціи? На это отвѣтитъ лучше всего національное собраніе 1791 г., этотъ возстановитель правъ человѣка. Парижскіе работники, послѣ уничтоженія цеховыхъ корпорацій, скоро почувствовали свое изолированное положеніе, или, лучше сказать, разобщеніе между отдѣльными лицами рабочаго люда. Въ трудныя времена, когда имъ желательно было потолковать о мѣрахъ взаимнаго обезпеченія противъ разныхъ бѣдствій, они потребовали права сходокъ, столь обыкновенныхъ при старомъ порядкѣ. Національное собраніе отвѣчало имъ на это слѣдующее: «Гражданамъ не можетъ быть дозволено собираться для ихъ *воображаемыхъ* интересовъ. *Нація* и чиновники отъ ея имени должны доставлять нуждающимся работу и помогать немощнымъ». Итакъ между гражданиномъ и націей нѣтъ ничего. Есть правда: officiers publics, дѣйствующіе во имя націи, но не надолго; скоро la grande nation заслонится par la grande armée съ императоромъ во главѣ, и officiers publics займутъ подобающее имъ мѣсто. «Послѣ революціи, власть бюрократіи, говоритъ Ле-Пле, не перестаетъ возвышаться, благодаря ея выгодному положенію среди другихъ общественныхъ властей. Вопервыхъ, она не возбуждаетъ зависти, потому что управляя государствомъ съ бо̀льшею властью чѣмъ старая администрація, она больше чѣмъ послѣдняя налагаетъ на главу государства и его министровъ почести, отвѣтственность и опасность власти. Вовторыхъ, она составляетъ, среди всеобщей шаткости людей и вещей, единственное прочное учрежденіе французскаго общества: ибо французскія правительства, сдѣлавшись регулярнѣе, не сдѣлались прочнѣе. Между тѣмъ какъ соціальный организмъ ослабленъ революціями, парализованъ противорѣчивыми правительственными системами, бюрократія спокойно пользуется плодами своихъ побѣдъ и съ жаромъ стремится къ новымъ пріобрѣтеніямъ».

Такимъ образомъ бюрократія является послѣдствіемъ, а не причиной упадка свободы и нравственнаго чувства, какъ это выходитъ по мнѣнію Ж. Симона. А причина этого упадка тѣсно связана именно съ индивидуализаціей всѣхъ національныхъ силъ и интересовъ, т.-е.. съ развитіемъ того самаго начала, которому поклоняется такъ-называемая французская либеральная школа. Не должно думать, чтобы централизація и индивидуализмъ были такими противорѣчивыми, непримиримыми понятіями. Напротивъ, централизація именно привела къ тому индивидуализму, къ той разрозненности, которая такъ поражаетъ во Франціи и государствахъ развившихся въ рамкахъ фран-

цузской культуры. Правительство тамъ любитъ имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ; его стѣснялъ бы организмъ высшаго порядка.

IV.

Аргументація децентрализаторовъ не только не выяснила вопроса о государствѣ и провинціи, но и вредно отразилась на полемикѣ по его поводу. Децентрализація есть уступка авторитета, государства или, что по ученію французскихъ публицистовъ одно и то же, — общества въ пользу свободы и притомъ свободы личной, другими словами, уступка цѣлаго въ пользу лица. Этого, говорятъ децентрализаторы, требуетъ прогрессъ человѣчества, ибо авторитетъ есть орудіе порядка, а одна свобода есть двигатель прогресса. Вопросъ слѣдовательно сводится на отношенія лица и государства къ дѣлу прогресса. Указать каковы дѣйствительныя отношенія лица и государства къ прогрессу, естественно, должно было стать исходною точкой и для централизаторовъ. И дѣйствительно, труды самаго талантливаго представителя этой школы, Дюпонъ-Уайта цѣликомъ построены на этой мысли. Достаточно внѣшняго обзора его сочиненій, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Полемику противъ децентрализаціи онъ открылъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ *Личность и Государство.* Все оно посвящено изслѣдованію роли государства въ прогрессивномъ движеніи общества и необходимости подчиненія ему личности. Введеніе (въ третьемъ изданіи 1865 г.) занимается вопросомъ о государственной инициативѣ, Первая глава разсматриваетъ какой видъ власти благопріятенъ прогрессу; въ слѣдующихъ главахъ изслѣдуется дѣятельность государства въ политическомъ, экономическомъ и нравственномъ прогрессѣ общества. За тѣмъ идетъ изслѣдованіе роли государства во Франціи и другихъ странахъ, опроверженіе возраженій, дѣлаемыхъ школой индивидуалистовъ, нѣсколько исключеній въ пользу личной дѣятельности. Книга заключается изслѣдованіемъ роли личной инициативы по отношенію къ прогрессу, при чемъ значеніе индивидуализма значительно умаляется въ пользу коллективной или государственной дѣятельности. Послѣдующій трудъ Дюпонъ-Уайта носитъ заглавіе *Централизація, продолженіе Личности и Государства* [1]), и слѣдова-

---

[1]) *La Centralisation, suite de l'Individu et l'Etat.*

тельно обѣщаетъ продолжать изслѣдованія соотношеній личности или свободы, государства или власти. Только эти элементы принимають здѣсь уже болѣе конкретную форму: вопросъ о власти превращается въ вопросъ о централизаціи, на мѣсто индивидуализма выступаетъ децентрализація. Полемика ведется противъ тѣхъ же началъ, только подъ другими названіями. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ окончательно устанавливаются воззрѣнія автора, которыя приводятся за тѣмъ во всѣхъ его трудахъ. Ими проникнуты предисловія къ его переводамъ трудовъ Милля. Они весьма подробно развиты въ его трудѣ *О политической свободѣ въ ея отношеніяхъ къ мѣстному управленію* [1]. Трудно найдти болѣе солидныя возраженія противъ индивидуализма чѣмъ тѣ, какія выставляетъ Дюпонъ-Уайтъ. Онъ искренній другъ и защитникъ прогресса. Нѣтъ болѣе сильнаго противника деспотизма. Нечего и говорить про его строгую добросовѣстность по отношенію къ противникамъ. Антагонистъ Милля, онъ гордится именемъ его друга, переводитъ его лучшіе политическіе труды на французскій языкъ. Тѣмъ любопытнѣе изучить его воззрѣнія и аргументы.

Что̀ такое государство для Дюпонъ-Уайта? Государство есть власть, существующая не сама собою, но чрезъ общество и для общества; безъ абсолютнаго восточнаго права надъ душами, тѣлами и имуществомъ, но съ ограниченіями, налагаемыми на него нравственнымъ закономъ, котораго оно истолкователь, въ силу делегаціи всѣхъ, дѣйствительной или предполагаемой, съ цѣлію порядка и общаго блага. Сущность государства въ томъ, что оно *власть разума выраженнаго въ законѣ;* оно дѣйствуетъ по общимъ соображеніямъ и общими предписаніями, а не въ силу капризовъ властителя, импровизованныхъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ и отдѣльныхъ лицъ. Его благодѣянія заключаются въ замѣнѣ властей частныхъ, непосредственныхъ и произвольныхъ, властями публичными, находящимися на опредѣленномъ разстояніи отъ управляемыхъ.

Государство не существуетъ въ рождающемся обществѣ. Идея правительства смѣшана въ немъ съ идеями собственности, семьи, религіи. Порядокъ поддерживается силой владѣтеля, отца, жреца. *Человѣкъ владычествуетъ надъ человѣкомъ.* Этотъ порядокъ свойственъ первымъ вѣкамъ человѣчества. Нужны уроки столѣтій, чтобы доказать человѣку, что онъ не долженъ имѣть другаго владыки, кромѣ разума, другаго раба и собственности, кромѣ природы. Нѣтъ въ ис-

---

[1]) *La liberté politique considerée dans ses rapports avec l'administration locale.*

торіи зрѣлища, которое бы могло сравниться съ этимъ разрушеніемъ личнаго владычества, замѣненнаго государствомъ, то-есть закономъ, разумомъ. Римъ великъ не столько тѣмъ, что завоевалъ много народовъ, сколько тѣмъ, что оставилъ имъ идею, неизвѣстную Востоку, идею государства, общественнаго дѣла.

Цивилизація застаетъ правительства въ состояніи факта, затеряннаго въ ряду другихъ фактовъ. Она извлекаетъ ихъ изъ этого смѣшенія и возводитъ въ область права. Выдѣляя изъ частныхъ властей то, что̀ нужно для поддержанія порядка, она создаетъ для этой задачи особенный органъ, спеціальную функцію. Извлечь начало власти изъ элементовъ унижающихъ или усиливающихъ ее черезъ мѣру; поднять ее на высоту, откуда она можетъ обозрѣвать всю совокупность вещей и дѣйствовать на нее какъ на одно цѣлое, — значитъ установить среди людей не только могущественную принудительную силу чтобы сдерживать ихъ эгоизмъ, но еще бо̀льшую силу *примѣра* и нравственнаго побужденія, чтобы вести общества къ той степени совершенства, къ которой они способны. Разъ государство установлено, прогрессъ точно такъ же, какъ и порядокъ находитъ въ немъ свой органъ. Государства, порожденіе цивилизаціи, дѣлаются самымъ энергичнымъ ея агентомъ [1]).

При такомъ понятіи о государствѣ, вѣрномъ въ общихъ чертахъ, въ теоретическомъ и историческомъ смыслѣ, Дюпонъ-Уайтъ получаетъ громадный перевѣсъ надъ индивидуалистами. Онъ поражаетъ эту школу на ея же собственной почвѣ. При той исторической роли, какую государство имѣетъ въ его теоріи, ему легко настоять на томъ, что индивидуализмъ не способенъ осуществить даже свободу какъ общій фактъ юридическаго быта. Свобода, какъ одинаковое достояніе всѣхъ членовъ общества, есть произведеніе государства.

Нѣтъ, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ, противоположенія между понятіями свобода и государство, ибо государство есть формав ласти, появляющаяся въ тотъ моментъ, когда человѣкъ выходитъ изъ-подъ власти человѣка. Появленіе государства есть вмѣстѣ появленіе человѣческихъ правъ; его развитіе есть ихъ безостановочное покровительство, съ начала и до конца оно есть освобожденіе и опека.

Выдѣляя политическій элементъ повсюду, гдѣ оно его находило, и собирая его въ однѣ руки, государство сдѣлало своимъ удѣломъ область принудительныхъ отношеній, а чрезъ это всѣ остальныя сферы

---

[1]) *L'Individu et l'Etat.* Введеніе къ первому изданію, LXVI и слѣд.

человѣческой дѣятельности стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе свободы. Религія въ соединеніи съ политическимъ, принудительнымъ элементомъ есть теократія; безъ него — это свободное прославленіе Всемогущаго; собственность, соединенная съ политическою властью есть феодализмъ; безъ нея — это лучшая гарантія личнаго развитія. Роль государства въ этомъ отношеніи можно формуловать слѣдующимъ образомъ: оно уменьшаетъ объемъ власти, но укрѣпляетъ принципъ права. Государство отняло у феодаловъ рабовъ, крѣпостныхъ, массу феодальныхъ сервитутовъ, но укрѣпило поземельную собственность. Недѣлимые, очевидно, выиграли при этомъ. Укрѣпился принципъ недвижимой собственности, движимая собственность получила равныя съ нею права, которыхъ она не имѣла при политической роли землевладѣнія. Слѣдовательно, господство государства распространило право собственности на большее количество предметовъ и тѣмъ расширило сферу свободнаго имущественнаго оборота. Собственность, болѣе ограниченная по отношенію къ объекту, выиграла по отношенію неприкосновенности своихъ правъ [1])», Тоже самое, прибавляетъ Дюпонъ-Уайтъ, если не въ большей степени, должно замѣтить относительно свободы мысли. Съ уничтоженіемъ господства надъ человѣкомъ, понятіе нравственнаго равенства сдѣлалось достояніемъ общества. Всѣ получили одинаковое право на выраженіе своихъ мнѣній, и никто не можетъ подавлять это проявленіе въ другомъ. Тѣмъ менѣе возможно подчиненіе различныхъ проявленій мысли одному какому-либо разряду идей, напримѣръ, религіознымъ идеямъ. Стоитъ вспомнить положеніе философіи въ средніе вѣка, когда она была *прислужницей* теологіи, и сравнить его съ послѣдующимъ ея развитіемъ и выдѣленіемъ изъ нея множества отраслей знанія. Государство предохраняетъ общество отъ исключительнаго служенія одной идеѣ, эманципируетъ его, такъ-сказать, отъ рабства мысли, ставитъ его въ критическое отношеніе къ проявленіямъ собственнаго духа. Общество, подчинившееся одной мысли, отличается быстротой первоначальнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безпримѣрнымъ застоемъ, неподвижностію въ послѣдствіи. «Общества не живутъ, а засыпаютъ подъ вліяніемъ словъ учителя. Это, впрочемъ, старая исторія, — исторія Индіи, Китая, Арабовъ, этихъ *отсталыхъ* рода человѣческаго, прежде бывшихъ его авангардомъ и свѣточемъ [2])!» Государство, сосредоточивая *принудительность*

[1]) См. ibid. стр. 236; вообще превосходныя замѣчанія относительно развитія собственности подъ охраной государства встрѣчаемъ на стр. 228 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 219; вообще относительно этихъ вопросовъ см. стр. 210—244.

въ сферѣ политической, освобождаетъ мысль. Гдѣ нѣтъ правонарушенія, нѣтъ и вмѣшательства власти. Но правонарушеніе выражается въ положительныхъ дѣйствіяхъ, возможность которыхъ обусловливается главнымъ образомъ организаціей, іерархіей извѣстныхъ общественныхъ элементовъ. Потому чѣмъ больше извѣстная общественная сфера стремится къ собственной организаціи, собственному *правительству*, тѣмъ сильнѣе противодѣйствіе государства, ибо тѣмъ возможнѣе политическое значеніе этой сферы. Чѣмъ ближе мысль къ политическому дѣйствію, тѣмъ болѣе затрудняется ея проявленіе, и на оборотъ чѣмъ менѣе мысль превращается въ актъ, дѣйствіе, тѣмъ больше она имѣетъ правъ быть свободной. Въ этомъ отношеніи книга можетъ быть свободнѣе журнала, журналъ свободнѣе сходки, сходка свободнѣе ассоціаціи. Наиболѣе сильныя ограниченія касаются вѣроисповѣданій, такъ какъ они болѣе всего стремятся создать собственную іерархію и играть политическую роль. Этимъ однако и ограничивается репрессивная дѣятельность государства. Его занимаетъ исключительно область дѣйствій и именно дѣйствій политическихъ. Чистая мысль, подавленная при кастовомъ устройствѣ, получаетъ полную свободу. «Государство, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ, подозрительно только въ отношеніи къ своей прерогативѣ. Оно отдаетъ свободному обсужденію все остальное — нравственность, религію, общественныя привилегіи... Касты, уязвимыя въ тысячи пунктахъ, охотно уничтожили бы человѣческую мысль во всей ея совокупности. Тамъ, гдѣ онѣ уничтожены, свобода мысли сомнительна только въ одномъ отношеніи, относительно обсужденія правительственныхъ дѣйствій. Тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, эта свобода не можетъ касаться ни религіи, ни дворянства, ни юстиціи, ни монополій, ни корпорацій и пр. и пр. Лучше всего доказываетъ это *Эмиль*, напечатанный съ дозволенія правительства и осужденный парламентомъ».

Мы нарочно со вниманіемъ остановились на положеніяхъ Дюпонъ-Уайта. По своей оригинальности они не имѣютъ ничего подобнаго во французской литературѣ; по ихъ особому направленію, извѣстность ихъ весьма ограничена, и обыкновенно о Дюпонъ-Уайтѣ знаютъ лишь, что онъ централизаторъ, *слѣдовательно* поборникъ деспотизма. Рѣдко у кого, повторяемъ, можно встрѣтить такое обширное разностороннее образованіе, такое добросовѣстное и научное отношеніе къ предмету. Выходя съ исторической точки зрѣнія, Дюпонъ-Уайтъ смотритъ на государство какъ на продуктъ исторіи, видитъ въ немъ фактъ, необходимый для развитія человѣчества. Государство образовалось потому,

что идея права побѣдила личный эгоизмъ, и представляетъ раціональный юридическій порядокъ въ противоположность общественно-историческимъ элементамъ, задерживающимъ осуществленіе этого порядка. Торжество юридическаго порядка зависитъ отъ большей или меньшей степени самостоятельности государства среди общественныхъ элементовъ. Оно не должно давать имъ государственнаго значенія. Власть не должна стать достояніемъ какого-либо общественнаго класса. Иначе государство потеряетъ свою личность и сознаніе своихъ цѣлей, сольется съ однимъ изъ классовъ общества и приметъ участіе въ соперничествѣ, борьбѣ между различными классами общества, а это легко можетъ повести къ извращенію и гибели государственныхъ формъ. Во всемъ этомъ есть большая доля научной истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ и тѣ недостатки, какіе составляютъ удѣлъ большинства французскихъ публицистовъ. Отъ верховнаго положенія государства въ обществѣ до уничтоженія общественныхъ организмовъ въ политическомъ смыслѣ еще далеко. Среди самыхъ развитыхъ государствъ сохраняются общественные организмы, живущіе особенною жизнью и участвующіе въ осуществленіи государственныхъ задачъ. Отождествлять эти организмы съ жизнью недѣлимыхъ, не видѣть внѣ государства ничего кромѣ индивидуальныхъ стремленій—большое увлеченіе и очевидная ошибка. Винить въ этомъ Дюпонъ-Уайта, конечно нельзя. Такой взглядъ естественъ въ странѣ, гдѣ дѣйствительно между личностію и государствомъ нѣтъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Затѣмъ политическая цѣль автора невольно привела его къ необходимости воспользоваться оружіемъ своихъ противниковъ для ихъ же пораженія, съ помощію историческаго и критическаго анализа. Но разъ критическая задача выполнена, остается спросить, сдѣлано ли имъ что-либо для разрѣшенія провинціальнаго вопроса?

На это приходится отвѣтчать отрицательно. Провинція, община, корпорація, какъ организмы, для него не существуютъ. Для него это собранія недѣлимыхъ; ихъ дѣятельность — индивидуализмъ, эгоизмъ. Они остатокъ стараго порядка, тѣхъ временъ, когда *человѣкъ владычествовалъ надъ человѣкомъ*. Какъ только кончилось это владычество и начинается торжество разума, ихъ дѣятельность должна быть стѣснена до крайняго предѣла, поставлена подъ опеку государства. Такимъ образомъ вопросъ о централизаціи и самоуправленіи есть вопросъ о роли индивидуума и государства. Что же можетъ сдѣлать личность на пользу общества? Послѣдній отдѣлъ сочиненія *Личность и Государство* посвященъ этому вопросу. Неутѣшительную картину представляетъ намъ ав-

торъ. Онъ не вѣритъ въ способность человѣка сдѣлать что-нибудь полезное, внѣ сферы его личныхъ интересовъ; какъ только интересы усложняются, касаются цѣлой группы, лицо становится безсильно, и начинается роль государства [1]). Государство беретъ на себя охраненіе правъ, потому что личность къ этому неспособна; армія никогда не организовалась бы подъ вліяніемъ одного личнаго интереса. То же самое должно сказать объ обихъ условіяхъ народнаго богатства—дорогахъ, колоніяхъ, банкахъ, школахъ. Словомъ какую бы сферу мы ни взяли, вездѣ дѣятельность государства если не господствуетъ исключительно, то по крайней мѣрѣ стоитъ на первомъ планѣ. Мало того. Индивидуализмъ въ глазахъ Дюпонъ-Уайта является препятствіемъ къ прогрессу. Иначе это и быть не можетъ. Въ силу его теорій индивидуализмъ для него синонимъ эгоизма; эгоизмъ не способенъ на самоотверженіе, а всякій прогрессъ болѣе или менѣе есть актъ самоотверженія. «Чѣмъ больше люди знаютъ другъ друга, тѣмъ сильнѣе ихъ взаимная ненависть. Какъ только они сталкиваются, начинается ненависть». Плохой залогъ для общежитія! «Общее благо, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ въ другомъ мѣстѣ, не есть ни результатъ, ни предметъ человѣческихъ стремленій къ благосостоянію. Какъ бы ни называлось это стремленіе: эгоизмомъ, индивидуализмомъ, свободой — оно не думаетъ о соціальномъ прогрессѣ и не стремится къ нему». Весь историческій порядокъ до появленія государствъ — эгоизмъ; все что стоитъ внѣ государства — эгоизмъ; все индивидуальное — ложь. Любопытно взглянуть что можно выстроить на этомъ основаніи.

Всякое дѣло, касающееся общей пользы, должно оставаться въ рукахъ государства. Поручать его обществу значитъ внести мелкія эгоистическія стремленія туда, гдѣ должно дѣйствовать высшее сознаніе. Всякая уступка обществу есть торжество индивидуализма. Нѣтъ общественныхъ интересовъ, которые бы въ то же время не были государственными. Внѣ государства можетъ быть только индивидуальная дѣятельность. Всякаго организація индивидуальныхъ силъ есть уже естественная противница государства. Подобно тому какъ индивидуалисты, исходя изъ принципа личной свободы, требуютъ для провинціи политическихъ вольностей, Дюпонъ-Уайтъ, исходя изъ своей критики

[1]) Мы излагаемъ здѣсъ общій взгядъ Люпонъ-Уайта на личность. Изъ него не должно выводить заключенія, чтобъ онъ не признавалъ пользы личной иниціативы. Есть, по его мнѣнію, области, гдѣ личный интересъ является достаточнымъ двигателемъ прогресса, какъ напримѣръ земледѣліе, промышленность, обмѣнъ.

индувидуализма, боится, чтобы доля самостоятельности, предоставленная мѣстности, не повела къ распаденію государственной власти. Его воззрѣніе можно назвать антитезой индивидуализма, какъ труды де-Местра названы антитезой революціонныхъ теорій. Тамъ источникъ прогресса и правъ есть личность; здѣсь личность есть скорѣе источникъ зла, она получаетъ соціальный характеръ только подъ вліяніемъ государства, какъ представителя права и прогресса. Естественный выводъ ученія индивидуалистовъ: чѣмъ ближе къ личности, чѣмъ больше правъ; наибольшая сумма задачъ разрѣшается личною дѣятельностію, затѣмъ идетъ община, затѣмъ провинція и наконецъ государству предоставляется только то, что необходимо для общихъ задачъ. Ученіе Дюпонъ-Уайта приводитъ къ противоположнымъ результатамъ. Для индивидуалистовъ децентрализація — законное пріобрѣтеніе личной свободы. Для Дюпонъ-Уайта централизація — непреложное условіе торжества государственной власти.

«Мы намѣрены, говоритъ онъ въ своей книгѣ о централизаціи, изучить здѣсь слѣдующій вопросъ: Полезно ли сосредоточить *суверенитетъ* въ одномъ мѣстѣ, или между привилегированными классами: дворянствомъ, церковью etc. Необходимо знать, будутъ ли правительственныя задачи сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, или государство *откажется* отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пользу мѣстностей или кастъ».

По этому началу можно подумать, что авторъ не различаетъ административной и политической централизаціи. По крайней мѣрѣ иначе нельзя понять его вопросъ: будетъ ли правительство едино и многообразно? Но далѣе онъ различаетъ эти два вида централизаціи, и принимая во вниманіе, что необходимость политическаго единства не подвергается сомнѣнію, онъ объявляетъ, что единственнымъ предметомъ его изслѣдованій будетъ централизація административная [1]).

Что же такое административная централизація для Дюпонъ-Уайта? Централизація, говоритъ онъ, похожа на законъ. Древніе опредѣляли законъ слѣдующимъ образомъ: *разумъ безъ страсти*. Не должно ли правительство, помѣщенное въ центрѣ, обладать именно этимъ качествомъ? Находясь на извѣстномъ разстояніи отъ лицъ и мѣстностей, не будетъ ли оно чуждо ихъ страстямъ, холодно какъ цифра, все предано общему благу и справедливости? Надо быть чуждымъ *страсти*. Но это само по себѣ еще ничего не опредѣляетъ. Стрем-

---

[1]) *La Centralisation*, p. 2—5.

леніе къ общему благу, справедливости, великимъ открытіямъ тоже страсть и иногда очень сильная. Сенъ Симонъ говоритъ даже, что для того чтобы дѣлать великія вещи надо быть *страстнымъ*. Мы увидимъ ниже, что книга Дюпонъ-Уайта тоже продуктъ страсти своего рода. Очевидно, авторъ разумѣетъ страсти эгоистическаго характера. *Такія* страсти извращаютъ правительственную дѣятельность, ихъ боится авторъ. Чѣмъ ближе къ недѣлимому, тѣмъ больше эгоизма, вотъ его вѣчный исходный пунктъ. Съ этой точки зрѣнія два призрака пугаютъ его воображеніе: въ прошедшемъ — привилегированныя сословія и феодализмъ, въ настоящемъ — индивидуализація общества. «Вамъ нравятся, говоритъ онъ индивидуалистамъ [1]), мечты простора и независимости для лицъ и для мѣстностей. Что же! Франція знала соціальную организацію, подходящую къ этому типу, который насъ соблазняетъ: разсѣянныя власти, суверенныя общины, личности существующія сами по себѣ. Феодализмъ былъ именно таковъ: если въ немъ и царствовала анархія, за то индивидуализмъ разливался чрезъ край. И это самое отвратительное воспоминаніе, какое только сохранилось въ человѣческой памяти». Слѣдуетъ изложеніе всѣхъ невыгодъ феодальной системы, невыгодъ для общаго блага, для національнаго единства и т. д. Исторія не новая. Странно лишь то, что авторъ, обѣщая оставаться въ сферѣ вопросовъ административной централизаціи, говоритъ о феодализмѣ, который былъ не административною только, но и политическою децентрализаціей, въ которомъ дурно было не то что мѣстность имѣла извѣстную долю самостоятельности въ мѣстныхъ дѣлахъ, а то, что мѣстность заступала мѣсто государства, что она не только раздѣляла власть, съ центральнымъ правительствомъ, но лишала его власти. Не менѣе странно слышать, что государство можетъ быть организмомъ, люди могутъ здѣсь являться патріотами, героями, а въ мѣстности они необходимо чуть не дикіе звѣри, готовые продать все изъ-за удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ. Почему государство есть нѣчто большее чѣмъ простая совокупность недѣлимыхъ, а провинція, община только эманаціи индивидуализма, которыя, будучи предоставлены сами себѣ, могутъ дойти до самыхъ вопіющихъ злоупотребленій [2]). Это подало поводъ Одиллону Барро сказать, что основа централизаціи презрѣніе къ человѣчеству.

---

[1]) Ibid. стр. 8.
[2]) Ibid., стр. 54 и слѣд.

Основа централизаціи во Франціи въ томъ, что дѣйствительно въ ней нѣтъ никакого организма кромѣ государства. Общество не представляетъ никакихъ признаковъ строенія. Что разрушеніе феодализма не было необходимо тождественно съ разрушеніемъ мѣстной самостоятельности, это признаютъ писатели индивидуалистической школы. И они любятъ иногда вспоминать о добромъ старомъ времени. Конечно, они дѣлаютъ это со всевозможными оговорками, колѣнопреклоненіями предъ началами 1789 года, но все-таки дѣлаютъ. Дюпонъ-Уайтъ остался вѣренъ своему взгляду до конца. Ни малѣйшей уступки прошлому. Что разрушено, то разрушено. Индивидуализмъ признанъ неспособнымъ къ общественной дѣятельности. Онъ осужденъ во всѣхъ его проявленіяхъ: въ феодалѣ, общинѣ, парламентахъ, провинціи. Такъ и должно быть. Мѣстность навсегда должна остаться несовершеннолѣтнею по отношенію къ государству.

Дюпонъ-Уайтъ является, такъ сказать, поэтомъ революціи. Онъ видитъ очень хорошо, что централизація есть продуктъ не только правительства, но и общества. *Это національный фактъ* Франціи. Централизація не могла остановиться на организаціи правительственныхъ сферъ. Стремленіе къ единству, сосредоточивающее власть въ одномъ центрѣ, должно было въ одномъ же центрѣ сосредоточить работу общественной жизни, идей и мнѣній: отсюда преобладаніе столицы. Свобода въ мѣстности—индивидуализмъ, эгоизмъ, распущенность. Въ центрѣ она орудіе прогресса, противовѣсъ и контроль правительства. Такимъ образомъ въ централизованномъ государствѣ, въ видахъ единства направленія и дѣйствія, все должно помѣщаться въ центральныхъ учрежденіяхъ, причемъ мѣстные правительственные органы должны имѣть какъ можно меньше самостоятельности; осуществленіе же свободы обезпечивается: a) народнымъ представительствомъ, b) представительствомъ центра, пропорціональнымъ качеству и могуществу мнѣній здѣсь сосредоточенныхъ, c) исключительнымъ значеніемъ столицы, созданной централизаціей, и которая есть готовый противовѣсъ исключительному вліянію исполнительной власти [1]).

Лучше не сформулировалъ бы централизацію Конвентъ. Но удивительно только, что послѣ столькихъ испытаній французскій умъ еще не убѣдился въ безполезности свободы въ Парижѣ, когда ея нѣтъ въ провинціяхъ. Что значитъ народное представительство на верху, когда въ провинціяхъ нѣтъ признака жизни? Что значитъ напряженіе обще-

[1]) Ibid., стр. 275—276.

ственнаго мнѣнія, сосредоточеніе умственныхъ силъ, экономическаго оборота въ столицѣ, когда провинція не имѣетъ ни общественнаго мнѣнія, ни журналистики, ни самостоятельной экономической дѣятельности? Вся эта комбинація ведетъ къ результатамъ, предсказаннымъ еще Ламне,—къ параличу частей и апоплексіи сердца. Рѣшительно Дюпонъ-Уайтъ поэтъ не только революціи, но и французскаго государственнаго устройства. Его лира настроена, правда нѣсколько иначе чѣмъ труба индивидуалистовъ. Индивидуалисты увлекаются декларацiей правъ человѣка, какъ ее поняла конституція 1791 года, съ прибавкой англійскаго самоуправленія. Дюпонъ-Уайтъ свободу, равенство, всѣ эти требованія революціи понялъ въ духѣ Конвента, Наполеона I и Наполеона III. Впрочемъ, нѣтъ! Наполеонъ III отступилъ отъ этого плана. Онъ начинаетъ сообщать мѣстнымъ правительственнымъ агентамъ больше власти чѣмъ они имѣли прежде. Декретъ 25-го марта 1852 г. началъ собой эру того что Французы называютъ децентрализаціей. Въ 1861 и послѣдующихъ годахъ начала выраженныя въ немъ получили дальнѣйшее распространеніе. Эти акты чрезвычайно любопытны. Императоръ не соглашается въ нихъ съ школой централизаторовъ относительно выгодъ сосредоточенія власти въ одномъ мѣстѣ. „Принимая во вниманіе, говоритъ декретъ, что послѣ паденія имперіи злоупотребленія и излишества разнаго рода извратили принципъ нашей административной централизаціи, замѣнивъ быструю дѣятельность мѣстныхъ властей продолжительными формальностями центральной администраціи; что *направлять можно издали, а хорошо управлять можно только вблизи;* что слѣдовательно насколько нужно централизовать правительственную дѣятельность государства, настолько же необходимо децентрализовать чисто административную дѣятельность» и т. д.

Это не совсѣмъ согласно съ выводами Дюпонъ-Уайта. Но противорѣчія императорскихъ декретовъ съ централизаціонной теоріей, идущія, повидимому, весьма далеко, суть только общія и въ подробностяхъ формальныя или, лучше сказать, кажущіяся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совокупность этихъ декретовъ служитъ лучшимъ средствомъ разрушить фантасмагорію централизаторовъ или, по крайней мѣрѣ, одну изъ существенныхъ ея частей, теорію преобладающей и *свободной* столицы.

Вопервыхъ, юристамъ не совсѣмъ ясна была мысль выраженная въ декретѣ 1852 года. Въ немъ выражено, говоритъ Шевильяръ, только желаніе замѣнить медленность центральнаго управленія быстротой мѣстныхъ властей. Но о какихъ мѣстныхъ властяхъ

здѣсь говорится? Идетъ ли здѣсь рѣчь о выборныхъ муниципальныхъ должностяхъ, этой основѣ мѣстнаго самоуправленія, или дѣло состоитъ въ передачѣ префекту тѣхъ вопросовъ, которые прежде разрѣшались министерствомъ и главой государства? Постановленія декрета разрѣшаютъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Префектъ одинъ выигрываетъ отъ этой перемѣны.

Министерскіе циркуляры напрасно стараются замаскировать это стремленіе. Вотъ что̀ говорится въ одномъ изъ нихъ; «Г. префектъ, мысль, диктовавшая декретъ 25-го марта, имѣла въ виду дать департаменту болѣе *личное существованіе* и для этого *дала вамъ* больше свободы въ управленіи тѣми вопросами, которые до него касаются». Вотъ настоящая децентрализація! Дѣло идетъ о *личности* департамента, и для этого усиливаютъ не значеніе такъ-называемыхъ генеральныхъ совѣтовъ, а власть префектовъ!

Весьма естественно, что въ лагерѣ децентрализаторовъ такая децентрализація не произвела благопріятнаго впечатлѣнія. Они отозвались объ этихъ декретахъ невыгодно и даже невѣжливо. Барантъ въ своей книгѣ *Des communes et de l'aristocratie,* такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Въ послѣднее время придумали передать префектамъ нѣкорые аттрибуты департаментовъ, чтобъ уменьшить, какъ говорятъ, централизацію. Но въ сущности это значитъ менѣе контролировать дѣйствія агентовъ абсолютной власти; это значитъ идти тѣмъ же путемъ, который привелъ къ такому быстрому вырожденію должности интендантовъ».

Другой писатель, г. Фьеве (Fievée), выражается еще рѣзче: «Децентрализація 1852 года есть домашняя сдѣлка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и префектами; онъ предоставляетъ послѣднимъ ничтожныя подробности, восходившія прежде въ Парижъ, и это называется *уничтоженіемъ стѣсненій*, установленныхъ излишнею наклонностію къ централизаціи.... Префектамъ, какъ странствующимъ прикащикамъ (commis-voyageurs) министра, предоставлено то, что̀ надоѣло дѣлать его осѣдлымъ прикащикамъ (commis-fixes), и чего они часто не дѣлали. Дѣло пойдетъ скорѣе, говорятъ намъ; но пойдетъ ли лучше и въ болѣе благопріятномъ смыслѣ для свободы»?

Сказаннаго нами, полагаемъ, достаточно, чтобы выставить, какъ неоспоримое положеніе, что централизація есть произведеніе національной исторіи Франціи и тѣхъ исключительныхъ условій, которыя, быть-можетъ, неповторимы въ другой странѣ. Дюпонъ-Уайтъ говоритъ, что для самоуправленія нужна особенная раса людей. Принимая подъ сло-

вомъ раса столь же физіологическій, сколько и политическій фактъ, мы можемъ сказать, что для осуществленія такой централизаціи, какъ во Франціи, нужны особыя племенныя качества и исключительныя политическія условія. Страна, не испытавшая такихъ коренныхъ преобразованій, національность которой не представляетъ безформенной массы людей, между которыми единственное учрежденіе—государство; страна, гдѣ общество не породило еще взамѣнъ всякихъ организмовъ одно живое тѣло — столицу, въ такой странѣ можетъ ли идти рѣчь о централизаціи? Но во Франціи централизація несомнѣнно имѣетъ глубоко національное значеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ общественному мнѣнію, или политическимъ мыслителямъ, приходилось серіозно высказываться о значеніи централизаціи, они не колеблясь утверждали ея необходимость.

Еще въ тѣ времена, когда Наполеонъ III не раздражалъ политическихъ страстей, когда, слѣдовательно, возможно было спокойное обсужденіе административныхъ вопросовъ, замѣчательные публицисты и государственные люди осуждали децентрализацію.

Кормененъ является главнымъ представителемъ такого направленія. Его можно назвать основателемъ новѣйшаго французскаго административнаго права [1]). «Предоставьте большей половинѣ нашихъ общинъ, говоритъ онъ, свободу дѣйствовать, и у насъ не будетъ ни учителей, ни солдатъ, ни священниковъ, ни проселочныхъ дорогъ, ни большихъ проселочныхъ дорогъ, ни департаментскихъ дорогъ, ни первоначальныхъ школъ, ни поземельнаго налога etc.... У насъ платятъ только потому, что законъ говоритъ: платите. Дѣлаютъ то или другое, потому что законъ гласитъ: дѣлайте».

Вивьенъ не принадлежитъ къ числу крайныхъ централизаторовъ, онъ не поетъ ей, подобно Корменену, диѳирамбовъ; напротивъ, онъ представляетъ рѣдкое безпристрастіе по отношенію къ этому богу Французовъ. Онъ сомнѣвается въ вѣрности предположенія г. Тьера, что вся Европа завидуетъ французской централизаціи. Онъ видитъ ясно, что доведенная до крайности, она убиваетъ свободу, порождаетъ рабство. Но, говоритъ онъ, «несмотря на глубокія измѣненія, внесенныя парламентскимъ правительствомъ, централизація все еще есть основный фактъ нашей администраціи. Вѣками сложилась эта система, и къ этой продолжительной школѣ примѣнились и нравы, под-

[1]) Робертъ Фонъ-Моль признаетъ его заслуги, хотя по своимъ воззрѣніямъ склоняется на сторону децентрализаторовъ, съ точки зрѣнія личной свободы. См. его *Gesch. und Lit. der Staatswiss.* III. 203, 206.

держивающіе значеніе централизаціи. Вслѣдствіе постояннаго вмѣшательства центральнаго правительства во всѣ дѣла, граждане отвыкли отъ личной дѣятельности. Всѣ сбрасываютъ съ себя личную отвѣтственность; отъ центральнаго правительства ожидаютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше ему сдѣлано уступокъ, и если французскій умъ щедръ на критику этого правительства, личныя честолюбія не стараются занять его мѣсто. Положеніе, къ какомъ находится общество, семья и собственность, поддерживаетъ это направленіе. Нѣтъ болѣе гражданскихъ состояній, готовыхъ вступить въ конкуренцію съ государствомъ для удовлетворенія публичныхъ обязанностей, законъ о раздѣлѣ имуществъ [1]) раздробляетъ наслѣдство и разсѣеваетъ плодъ долгихъ трудовъ и сбереженій. Нѣтъ болѣе великихъ именъ, посвятившихъ себя патріотическимъ дѣламъ: стремленіе къ ревнивому равенству отстраняетъ ихъ или безпокоитъ. Нѣтъ болѣе религіозныхъ обществъ, съ большими доходами и обширнымъ патронатомъ; законъ ихъ не признаетъ; нравы воздвигаютъ стѣны мѣжду ними и интересами этого міра. Дѣятельность каждаго сосредоточивается въ развитіи своего благосостоянія и созерцаніи своихъ домашнихъ интересовъ. Среди этого крушенія крупной собственности, наслѣдственнаго вліянія и личнаго патріотизма, правительство располагаетъ обширными средствами, его патронатъ не знаетъ границъ, оно является посредникомъ во всѣхъ общественныхъ затрудненіяхъ, раздавателемъ всѣхъ милостей, исполнителемъ всѣхъ великихъ предпріятій».

Авторъ *Etudes administratives* принадлежитъ къ числу дѣятелей 1848 года, когда началось обсужденіе проектовъ преобразованія французской администраціи. Французское національное собраніе категорически высказалось по этому предмету. Бешаръ, авторъ сочиненія о внутреннемъ управленіи Франціи (*L'administration intérieure de la France*, 1851), и одинъ изъ горячихъ защитниковъ децентрализаціи, г. Радо, возбудили вопросъ объ этомъ предметѣ въ одномъ изъ засѣданій собранія. Два члена произнесли рѣчи, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбу спора. Дюфоръ и Буленвилье провозгласили, что правительство дало личной свободѣ все, чего отъ него можно ожидать; мало того: что оно осуществляетъ эту свободу лучше чѣмъ могло бы осуществить его мѣстное управленіе.

[1]) Вотъ до чего дошло! Г. Вивьену жаль что во Франціи нѣтъ болѣе майоратовъ. Такъ оправдывается замѣчаніе, сдѣланное нами выше, что каждый кто желаетъ усиленія провинціи во Франціи, невольно обращаетъ свои взоры къ «старому порядку».

Итакъ, всѣ писатели и авторы на сторонѣ этого страннаго явленія. Даже такіе публицисты какъ Вивьенъ, которые ничего не имѣютъ противъ самоуправленія, даже иногда обращаютъ свои взоры на Англію, и они говорятъ: нѣтъ личности, а потому не можетъ быть самоуправленія. Ниже мы еще увидимъ эту связь личности съ самоуправленіемъ, а теперь укажемъ еще на одинъ любопытный фактъ.

Извѣстно, что въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ внутренняго управленія Франціи есть вопросъ о сооруженіи проселочныхъ дорогъ (такъ-называемыхъ chemins vicinaux). Въ августѣ 1867 года императоръ рѣшился энергически подвинуть это дѣло впередъ, съ тѣмъ чтобы въ десять лѣтъ всѣ сооруженія были кончены. Энергія правительства представляется неизлишнею. Дѣятельность общинъ, на которыя прежде возложено было это дѣло, не удовлетворяла своему назначенію. Вотъ что̀ говоритъ французскій министръ внутреннихъ дѣлъ [1]: «Сооруженіе проселочныхъ дорогъ, возложенное законодательствомъ 1791 г. на общины, въ теченіе полустолѣтія исполнялось медленно и съ большимъ равнодушіемъ. Законъ 1824 г., предоставившій въ распоряженіе муципальныхъ совѣтовъ новыя средства, не могъ подстрекнуть ихъ усердіе: они заботились больше объ обязанностяхъ настоящаго, чѣмъ о выгодахъ будущаго времени. Вслѣдствіе этого за все время до 1836 г. дорогъ было выстроено не болѣе какъ на 30,000 килом., тогда какъ по разчету, сдѣланному настоящею администраціей, проселочныя дороги занимаютъ 345,000 килом., кромѣ большихъ и среднихъ дорогъ, гдѣ работы идутъ успѣшнѣе, благодаря дѣятельности департаментовъ и помощи правительства. Правда, послѣ закона 1836 г. работы пошли успѣшнѣе; 118,000 килом., сооружено вновь; на 68 тыс. начались работы, но остается еще 168 тыс., которыя такъ или иначе нужно соорудить, въ видахъ интересовъ земледѣлія и промышленности». Вотъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ пробныхъ камней способности народа къ самоуправленію! Наше новорожденное земство уже конкуррируетъ съ правительствомъ относительно построенія желѣзныхъ дорогъ; при ничтожныхъ средствахъ, окруженное всевозможными препятствіями, оно подвигается впередъ, упрочивая будущность русскаго самоуправленія....

Но пора закончить нашъ длинный обзоръ французской литературы о провинціи. Мы можемъ уже вывести изъ него нѣкоторыя положенія, которыя будутъ необходимы для нашего дальнѣйшаго изложенія.

---

[1]) См. *Moniteur* 18 Aout. 1867 г.

V.

Мы указывали на запутанность понятій, вслѣдствіе которой по отношенію къ вопросу о провинціи такъ перемѣшались между собою партіи, раздѣляющія французское общество. Либералы являются здѣсь консерваторами, консерваторы либералами. Вивьенъ приводитъ въ связь съ развитіемъ централизаціи паденіе крупной собственности и наслѣдственныхъ отличій; на тѣхъ же соображеніяхъ проклинаютъ ее легитимисты, и Октавъ Фелье, въ своемъ *Господинъ де-Каморъ* не даромъ влагаетъ горячія рѣчи въ пользу самостоятельности провинцій въ уста легитимиста. Централизація даетъ большое значеніе власти, и между тѣмъ именно среди поклонниковъ власти встрѣчаются ея сильные противники. Она стѣсняетъ личную свободу, и именно защитники свободы воспѣваютъ ея величіе и благодѣянія (достаточно вспомнить Тьера). Имперіалистская газета *Patrie* говоритъ, обращаясь къ г. Реньйо, заявляющему себя вѣрнымъ сыномъ «великихъ началъ 1789 года»: «До настоящаго времени главные враги централизаціи во Франціи выходили изъ рядовъ приверженцевъ стараго порядка. Къ чему же голосъ революціонера присоединяется къ хору старой аристократіи»? Жюль Симонъ, говоря о децентрализаціи, какъ о единственномъ способѣ административнаго преобразованія, заранѣе слагаетъ съ себя упреки революціонной партіи. «Произнося слово децентрализація, говоритъ онъ, мы знаемъ, что многіе подозрительные умы подумаютъ, будто мы желаемъ покинуть то, что устанавливаетъ національное единство, что составляетъ силу демократіи противъ феодализма и Франціи противъ Европы». Вопросъ слѣдовательно поставленъ такъ, что каждый кто хочетъ говорить о провинціи, какъ о живомъ организмѣ, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ федерализмѣ и феодализмѣ. Единственное средство провести свои теоріи есть протестовать противъ централизаціи во имя личной свободы. Такъ и дѣлаютъ Симонъ и всѣ писатели одного съ нимъ направленія. Но и это не обезпечиваетъ ихъ отъ нападокъ друзей революціи, которые въ этомъ случаѣ раздѣляютъ вполнѣ убѣжденія защитниковъ имперіализма. Это, замѣчаетъ г. Ле-Пле [1]), единственный пунктъ, гдѣ эти двѣ противоположныя партіи примиряются и дѣйствуютъ дружно. Провинціальный духъ кажется подозрительнымъ революціо-

[1]) *La Reforme sociale en France II,* p. 491.

нерамъ. Они помнятъ, что провинція стараго порядка, въ особенности тѣ, гдѣ господствовала сельская жизнь, мало сочувствовали и даже прямо противились революціи, возглашенной Парижемъ и другими большими городами. Возстановленіе провинціализма будетъ де препятствовать окончательному осуществленію началъ 1789 г.; развитіе провинціальнаго самоуправленія внесетъ-де въ политическую жизнь всѣ мелкія страсти, которыя вредно отзовутся на національномъ единствѣ.

Такъ несовершенна теоретическая постановка вопроса о провинціи во французской литературѣ. Причина этого несовершенства зависитъ отъ построенія всей системы на одномъ отвлеченномъ началѣ, способномъ ко всевозможнымъ превращеніямъ. Подобно всѣмъ понятіямъ отрицательнаго характера, свобода не носитъ въ себѣ указанія на какую-либо положительную организацію. Напротивъ, самыя разнообразныя организаціи способны прикрываться ея именемъ. Защитникъ централизаціи съ успѣхомъ можетъ употребить слѣдующую аргументацію. Между свободой и децентрализаціей нѣтъ такой необходимой, причинной связи, какъ полагаютъ ея защитники. Чью свободу имѣютъ они въ виду? Большинства, потому что оно явится главнымъ дѣйствующимъ элементомъ мѣстнаго управленія. Но что же будетъ дѣлать меньшинство въ тѣхъ случаяхъ, когда право будетъ на его сторонѣ? Пользованіе своими правами есть одинъ изъ существенныхъ видовъ свободы, а не доказано, чтобы мѣстное управленіе служило единственною гарантіей этихъ правъ. Далѣе, само большинство будетъ не всегда составляться въ силу стремленія массъ къ одному общему интересу; напротивъ, оно будетъ составляться иногда подъ вліяніемъ элементовъ чуждыхъ общему интересу. Вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и даже мѣстной администраціи могутъ замѣнить эту предполагаемую общественную волю. Во всякомъ случаѣ, борьба общественныхъ элементовъ неизбѣжна и можетъ кончиться въ ущербъ самымъ существеннымъ интересамъ общества и государства. Не лучше ли же оставить администрацію въ рукахъ единаго, сильнаго правительства, способнаго осуществить общее благо, правительства, котораго независимая дѣятельность дѣйствительно оградитъ свободу всѣхъ и каждаго? И притомъ о какой свободѣ идетъ здѣсь рѣчь? Децентрализаторы напираютъ на политическую свободу, безъ которой невозможны всѣ другіе виды ея. Централизаторы настаиваютъ на общественной или, лучше сказать, гражданской свободѣ, которая лучше всего можетъ быть ограждена государствомъ. И, можетъ-быть, послѣдніе болѣе правы чѣмъ первые. Новыя государства, относительно понятія свободы, рѣзко

тличаются отъ государствъ древнихъ. Въ древности степень не только политической, но и всякой свободы гражданина опредѣлялась участіемъ его въ народномъ собраніи, въ судѣ и администраціи. Изъ политической свободы вытекали всѣ остальные ея виды. Но въ новомъ государствѣ для человѣка явилась возможность быть свободнымъ, не участвуя въ политической жизни страны; не участвуя въ палатахъ, въ земскомъ управленіи, не подавая голоса въ законодательствѣ и судѣ, современный гражданинъ можетъ быть свободенъ какъ отецъ, какъ промышленникъ, какъ членъ религіознаго общества, какъ писатель, ученый, и по отношенію къ этимъ видамъ свободы еще Богъ знаетъ гдѣ можно встрѣтить больше гарантій, въ мѣстномъ или въ центральномъ управленіи.

Слѣдовательно, исходя изъ понятія свободы, не всегда можно придти къ децентрализаціи. Послѣдняя предполагаетъ существованіе извѣстныхъ организмовъ, облеченныхъ извѣстными правами надъ отдѣльными личностями. Вслѣдствіе этого, кромѣ государственной власти, явится еще рядъ другихъ властей, имѣющихъ возможность располагать имуществомъ и, до нѣкоторой степени, свободой согражданъ. Этой оборотной стороны дѣла обыкновенно не видятъ децентрализаторы. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія личной свободы, нѣтъ ничего естественнѣе вопроса, что лучше — непосредственное отношеніе каждаго гражданина къ общей государственной власти и ея органамъ, или установленіе новаго порядка властей, съ двойнымъ, такъ-сказать, подчиненіемъ личности? Централизаторы говорятъ, что если имѣть въ виду личную свободу, то нѣтъ ничего выгоднѣе помѣщенія власти въ одномъ верховномъ организмѣ, свободномъ отъ всѣхъ мелкихъ общественныхъ страстей. Напротивъ, власть низведенная въ подчиненные организмы отразится вредно на свободѣ отдѣльныхъ людей. И не правы ли они?

Самоуправленіе есть прежде всего *жертва,* приносимая свободой общему благу. Вслѣдствіе этого ей иногда приходится переносить тиранію мѣстныхъ властей, *облеченныхъ довѣріемъ общества.* Самоуправленіе требуетъ больше денегъ, больше людей, больше времени, словомъ, на него расходуется больше частной *свободы* чѣмъ думаютъ децентрализаторы. Оно одинъ изъ видовъ распредѣленія *власти.* Если вопросъ о самоуправленіи долженъ быть изучаемъ въ государственномъ правѣ, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ быть сопоставленъ съ высшимъ, основнымъ элементомъ этой науки, съ понятіемъ *власти.* Какое бы установленіе, отношеніе, право мы ни разсматривали съ

точки зрѣнія этой науки, вездѣ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоятъ изслѣдуемые предметы къ государственной власти?

Подъ вліяніемъ этой общей идеи видоизмѣняется смыслъ разныхъ понятій, а иногда они получаютъ два различные смысла. Слово *право*, означающее въ правѣ гражданскомъ возможность пріобрѣтенія или распоряженія тѣми или другими вещами въ виду своихъ личныхъ интересовъ, въ государственной наукѣ означаетъ долю власти, данной тому или другому лицу для осуществленія извѣстныхъ интересовъ болѣе или менѣе общаго свойства. Такимъ же образомъ слово *свобода* означаетъ или независимость лица отъ государства въ сферѣ его индивидуальной дѣятельности, или участіе гражданъ въ государственномъ управленіи. Гражданинъ можетъ быть свободенъ или потому, что онъ можетъ свободно заниматься своею экономическою дѣятельностію, или потому, что онъ составлятъ часть государственной власти. Какъ будемъ мы разсматривать *право* и *свободу* органовъ самоуправленія?

Децентрализаторы основываютъ необходимость и законность самоуправленія на личной свободѣ, то-есть на индивидуализмѣ. Индивидуализмъ имѣетъ самъ по себѣ нѣкоторыя хорошія стороны, преимущественно же онъ привлекателенъ тою свободой дѣйствій въ частной жизни, къ которой нообходимо приводитъ. Но оцѣнка его, *какъ принципа общественной жизни*, привела централизаторовъ къ справедливымъ и важнымъ возраженіямъ. Ихъ критика, какъ мы видѣли, можетъ логически дойдти до полнаго отрицанія индивидуализма въ общественной жизни. *Но могутъ ли они дойдти до отрицанія разнообразныхъ интересовъ въ обществѣ?* Могутъ ли они отрицать положеніе, что каждый интересъ порождаетъ особое учрежденіе, а совокупность интересовъ вызываетъ къ жизни цѣлые организмы?

Свобода является послѣдствіемъ и условіемъ мѣстнаго самоуправленія, а не его принципомъ и источникомъ. Притомъ свобода эта будетъ уже не личная, а общественная. Свобода эта имѣетъ въ виду больше массу чѣмъ отдѣльное лицо. Она устанавливается въ видахъ общаго блага, а не въ виду правъ отдѣльныхъ личностей. Призваніе гражданъ къ правительственной дѣятельности влечетъ за собой сообщеніе имъ извѣстныхъ правъ, необходимыхъ для такой дѣятельности. Затѣмъ, въ видахъ огражденія личныхъ интересовъ, остальной массѣ гражданъ предоставляется право обсужденія дѣйствій своихъ представителей, право жалобы на нихъ въ суды и т. д., словомъ,

вводится гласность и свобода обсужденія. Въ этомъ смыслѣ свобода есть послѣдствіе самоуправленія и въ этомъ качествѣ тѣсно связана съ его принципомъ. Самоуправленіе съ вытекающею изъ него свободой есть результатъ разнообразныхъ интересовъ, которые не могутъ быть удовлетворены дѣятельностію центральнаго правительства. Жизнь разнообразныхъ организмовъ, входящихъ въ составъ государства, не всегда можетъ быть уложена въ законодательныя рамки; программа дѣятельности органовъ правительства, которымъ поручается осуществленіе государственныхъ задачъ, не всегда можетъ быть опредѣлена. Вслѣдствіе этого каждый органъ исполнительной власти пользуется извѣстною долей власти, нерегулированною прямо закономъ. Это то, что̀ во французскомъ административномъ правѣ называется pouvoir discrétionnaire. Необходимость этой власти растетъ по мѣрѣ приближенія органовъ власти къ самому источнику народной жизни со всѣмъ ея разнообразіемъ, по мѣрѣ того какъ они съ высоты общихъ соображеній и общаго направленія административной дѣятельности, спускаются въ сферу сложныхъ практическихъ соображеній. Но мы уже видѣли выше, что какъ бы ни былъ великъ объемъ этой власти и велико усердіе этихъ органовъ, они не могутъ исчерпать всѣхъ задачъ общественной жизни и удовлетворить всѣмъ ея интересамъ. Отсюда необходимость участія въ правительственной дѣятельности общественныхъ органовъ и тѣсно-связанное съ нимъ сообщеніе имъ правъ. Въ этомъ смыслѣ свобода есть *условіе* самоуправленія.

Это не есть споръ о словахъ. Свобода — начало индивидуальное; она всегда имѣетъ въ виду лицо. Коллективная свобода, то-есть свобода въ массѣ или, лучше сказать, въ группѣ, не тождественна съ идеей свободы вообще. Человѣкъ можетъ быть свободенъ какъ членъ того или другаго организма, но порабощенъ какъ отдѣльная личность. Истинная свобода осуществляется въ независимости отдѣльныхъ личностей. Многія государства умѣютъ освятить свободу парламента, форума, но не знаютъ истинной неприкосновенности семейнаго очага. Классическая муниципія была свободна, но члены ея не были свободны, и истинная свобода не осуществилась въ древнемъ мірѣ. Осуществленіе ея началось съ эманципаціи личности, доведенной до послѣднихъ границъ въ естественномъ правѣ, которое до настоящаго времени осталось юридическимъ ученіемъ либеральной школы, какъ конституціонализмъ ея политическою теоріей [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ,

[1]) См. Шталь: *Gesch. d. phil. d. R.*

являясь такимъ индивидуальнымъ, атомистическимъ началомъ, свобода по отношенію къ общежитію есть начало отрицательное. Идея организаціи не есть логическій выводъ изъ него. Равновѣсіе силъ, ненарушеніе правъ, вотъ его послѣдній результатъ. Чего требуетъ свобода въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку? Послушаемъ декларацію правъ, этотъ символъ вѣры естественнаго права. «Право каждаго состоитъ въ развитіи своихъ способностей, органиченномъ единственно подобнымъ же правомъ другихъ лицъ. *Обязанность* каждаго состоитъ въ уваженіи права другаго [2])». Изъ такого соотношенія личностей нельзя вывести ничего, кромѣ цѣлаго ряда механизмовъ, имѣющихъ цѣлію установить равновѣсіе между этими различными правами.

Между тѣмъ понятіе о государствѣ на этомъ не могло остановиться. Государство служитъ прогрессу, вопервыхъ, тѣмъ что запрещаетъ зло и, вовторыхъ, тѣмъ что дѣлаетъ добро, которое не всегда можно оставить на попеченіе личной дѣятельности. Для выясненія этой стороны его дѣятельности недостаточно одного понятія свободы. Для органическаго ученія о государствѣ и сродныхъ съ нимъ организмахъ необходимо понятіе *интереса*. Если мы желаемъ построить правильное ученіе о группахъ, организмахъ, каковыми должны быть само государство и всѣ подчиненныя ему установленія, мы должны обратиться къ понятіямъ прямо противоположнымъ идеѣ недѣлимаго. Идея свободы ведетъ къ идеѣ атомистическаго общества, опредѣляетъ положеніе въ немъ государства лишь какъ уравновѣшивающаго механизма, не давая ему самобытнаго существованія. Группа должна имѣть свою цѣль и свои начала, независимыя отъ идеи недѣлимаго. Она находитъ ихъ въ идеѣ интереса. Сама по себѣ эта идея, конечно, можетъ относиться къ личности такъ же какъ и къ государству и сроднымъ съ нимъ организмамъ. Точно также и свободу мы можемъ разсматривать и какъ общественный, и какъ индивидуальный фактъ. Но дѣло въ томъ, что свобода и интересъ въ этихъ двухъ сферахъ приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Понятіе интереса для полнаго своего развитія нуждается *въ группѣ*. Выходя единственно изъ идеи свободы, естественное право дошло до отрицанія національности, до космополитизма; тѣмъ менѣе можно ожидать отъ этого начала признанія какого бы то ни было историческаго организма. Выходя изъ началъ простой логической необходимости и всеобщей свободы, мыслители, подготовившіе *начала* 89 г.,

---

[1]) *Déclaration des droit de l'homme,* art. 7, 8.

развиваемыя теперь французскою публицистикой, дошли до отрицанія всякаго историческаго строенія общества. Напротивъ, идея интереса не сходитъ съ практической почвы историческаго развитія и требуетъ для себя извѣстнаго общественнаго строенія. Въ группѣ находитъ она истинное выраженіе и дальнѣйшее развитіе. Здѣсь ея истинная сфера, здѣсь она получаетъ свое настоящее значеніе. Замкнутая въ индивидуальную сферу, она тождественна съ эгоизмомъ и не можетъ сдѣлаться высшимъ началомъ общежитія. Подобно тому какъ свобода достигаетъ своего высшаго развитія въ личности, интересъ получаетъ всеобщее, идеальное значеніе въ группѣ. Свобода осуществленная только въ группѣ приведетъ къ деспотизму. Интересъ, осуществленный только въ отдѣльной личности, приводитъ къ борьбѣ, къ bellum omnium contra omnes Гоббса, потрясаетъ самыя основы общежитія. Только превращаясь въ понятіе *общаго блага*, онъ становится животворящимъ принципомъ соціальнаго организма. А такое превращеніе можетъ произойдти только въ томъ случаѣ, когда идея интереса постепенно очищается отъ эгоистическихъ элементовъ въ цѣломъ рядѣ организмовъ, соединяющихъ отдѣльную личность съ государствомъ, гдѣ идея общаго блага находитъ высшее выраженіе и окончательное развитіе. Въ этомъ великое значеніе государства; въ этомъ неоспоримое значеніе другихъ группъ и организмовъ, развившихся въ государствѣ и прежде него. Они очищаютъ интересы отъ всего, чтò въ нихъ есть индивидуальнаго, и претворяютъ ихъ въ общія цѣли или, чтò то же, въ принципы общежитія.

Такіе интересы не должно смѣшивáть съ частною пользой, частными интересами, которые всегда и вездѣ должны находить себѣ законное удовлетвореніе. Не должно видѣть въ группахъ простое продолженіе частныхъ интересовъ, подъ общимъ благомъ не слѣдуетъ разумѣть совокупность частныхъ пользъ. Общее благо есть именно то, чтò не состоитъ въ непосредственной связи съ частною пользой. Обыденный языкъ инстинктивно формулировалъ это. Извѣстна поговорка: «общее дѣло-ничье дѣло». Та же самая обыденная жизнь даетъ намъ и другое указаніе. Никто не станетъ хвалить человѣка за то, что онъ уладилъ свои собственныя дѣла; напротивъ, всѣ чувствуютъ невольное почтеніе къ полезному общественному дѣятелю. Значитъ, здѣсь есть какая-то глубокая разница, которая инстинктивно чувствуется всѣми. Отождествить такіе интересы съ интересами личными и сдѣлать ихъ принципомъ личную свободу значитъ не понимать истиннаго смысла государства и другихъ общественныхъ организмовъ.

Съ этой точки зрѣнія самое выраженіе *самоуправленіе* пріобрѣтаетъ другое значеніе или, лучше сказать, пріобрѣтаетъ опредѣленное значеніе, тогда какъ иначе оно имѣетъ столь же неопредѣленный и разнообразный смыслъ, какъ понятіе личная свобода, выставляемое его принципомъ [1]).

Самоуправленіе рѣзко отличается отъ политической самостоятельности частей государства. Оно необходимо предполагаетъ существованіе сильнаго центральнаго правительства, которому органы самоуправленія подчиняются наравнѣ съ органами этой самой власти. Самоуправленіе прежде всего дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, установленнаго тою же общею для всѣхъ верховною властію.

Оно предполагаетъ предварительное раздѣленіе вѣдомствъ, разграниченіе властей и послѣдующее затѣмъ распредѣленіе правительственныхъ задачъ между органами правительства и органами самоуправленія. Въ этомъ отношеніи оно рѣзко отличается отъ тѣхъ первобытныхъ формъ мѣстнаго управленія, которыми централизаторы любятъ попрекать своихъ противниковъ, отъ формъ феодальныхъ, покоившихся на полномъ смѣшеніи властей и вѣдомствъ.

Оно отличается и отъ простаго перемѣщенія власти изъ центра въ мѣстность, то-есть отъ того, что̀ можно назвать децентрализаціей въ тѣсномъ смыслѣ. Напротивъ, при самоуправленіи, кромѣ простаго перемѣщенія, предполагается еще новая организація власти, участіе въ администраціи новыхъ элементовъ, не участвовавшихъ въ ней прежде.

Наконецъ, самоуправленіе не есть освобожденіе личности доведенное до послѣднихъ предѣловъ. Вопросъ о самоуправленіи есть вопросъ объ *организаціи власти, а не о предѣлахъ этой власти и ея правахъ надъ отдѣльною личностью.* Въ самоуправленіи всегда идетъ рѣчь объ общихъ, а не о частныхъ интересахъ. Масса, группа въ немъ выигрываетъ, то или другое отдѣльно лицо можетъ проиграть. Тѣмъ не менѣе, право участія каждаго гражданина въ самоуправленіи не подлежитъ сомнѣнію. Система, построенная на исключительныхъ интересахъ одного сословія, можетъ привести къ самымъ вреднымъ результатамъ. Въ этомъ смыслѣ самоуправленіе есть участіе всѣхъ общественныхъ классовъ въ администраціи. Самоуправленіе

---

[1]) Относительно этихъ и послѣдующихъ замѣчаній см. классическій трудъ Л. Штейна: *Verwaltungslehre* I, стр. 363 и сл., хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ можно согласиться.

прежде всего государственное явленіе, то-есть предполагаетъ существованіе сильной и единой государственной власти. Существованіе такой власти отражается на общественномъ строѣ тѣмъ, что ставитъ *каждаго гражданина* въ непосредственное отношеніе къ верховной власти, отъ которой онъ былъ заслоненъ различными организмами и лицами до полнаго осуществленія государственнаго порядка. То же непосредственное отношеніе всѣхъ гражданъ къ государственной власти обезпечиваетъ ихъ свободу и уничтожаетъ возможность мѣстнаго деспотизма. Въ этомъ отношеніи должно различать самоуправленіе въ новомъ смыслѣ отъ общаго понятія о самоуправленіи, какъ о правительственной дѣятельности неправительственныхъ лицъ. Самоуправленіемъ нельзя назвать ту или другую форму администраціи потому только, что она не основана на дѣятельности чиновникомъ. Сосредоточеніе всѣхъ земскихъ интересовъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, облеченныхъ правомъ суда, вотчинной полиціи, не будетъ самоуправленіемъ, а остаткомъ средневѣковыхъ порядковъ. Самоуправленіе начинается съ призванія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ къ завѣдыванію мѣстными интересами. Слѣдовательно, политическое равенство и предварительная организація общества есть признакъ новаго самоуправленія.

Политическое равенство, впрочемъ, не находитъ себѣ въ мѣстномъ управленіи такого широкаго примѣненія какъ въ сферѣ общегосударственной. Это объясняется исключительностью, спеціальностью интересовъ мѣстности и мѣстной администраціи. По отношенію къ послѣдней принципъ равенства по необходимости подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ. Признавая равныя политическія права всѣхъ лицъ предъ государствомъ, законодательство иногда должно ограничивать эти права въ управленіи мѣстномъ, вслѣдствіе спеціальности нѣкоторыхъ задачъ возложенныхъ на мѣстное управленіе. Самоуправленіемъ нѣкоторые писатели называютъ такую систему управленія, гдѣ администрація поручается всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ. Законодательная практика нѣкоторыхъ государствъ прибавляетъ къ этому положенію, что участіе это опредѣляется степенью интереса, который эти лица могутъ имѣтъ въ томъ или другомъ дѣлѣ. Столько правъ, сколько интереса. Это практическое положеніе идетъ, вопервыхъ, въ разрѣзъ съ обыкновеннымъ понятіемъ о мѣстномъ управленіи какъ проявленіи личной свободы, а вовторыхъ, опредѣляетъ условія мѣстнаго самоуправленія со всѣми его особенностями.

Въ чисто-политической, общегосударственной сферѣ положеніе, что

мѣра участія отдѣльнаго лица въ политической жизни опредѣляется степенью его интересовъ въ томъ или другомъ вопросѣ, могло бы оказаться практически непримѣнимымъ. Политическія дѣла въ такой степени общи, вопросы до такой степени отвлеченны, что для опредѣленія того, въ какой степени тотъ или другой гражданинъ заинтересованъ въ нихъ, нужно было бы пуститься въ психологическій анализъ, отвлеченныя умозрѣнія, неумѣстныя въ практической сферѣ политики. Подобные интересы общи всѣмъ гражданамъ государства и притомъ, если не de facto, то de jure, въ одинакой степени. Напротивъ, по отношенію къ мѣстному управленію интересы специальнѣе, а потому осязательнѣе, доступнѣе измѣренію. Принимая во вниманіе, что задачи мѣстнаго самоуправленія характеризуются хозяйственными нуждами края, слѣдовательно элементами экономическими, доступными исчисленію, степень интереса можетъ бытя выражена въ цифрахъ. Тотъ, напримѣръ, кто платитъ 200 руб. налогу, болѣе заинтересованъ въ порядочномъ веденіи дѣлъ, чѣмъ тотъ, кто платитъ 1 руб. Каждая надбавка чувствительнѣе отзовется на человѣкѣ, которому она принесетъ нѣсколько десятковъ рублей лишнихъ платежей, чѣмъ на человѣкѣ, для котораго разница выразится въ нѣсколькихъ копѣйкахъ. Слѣдовательно, здѣсь степень интереса удобно можетъ опредѣлять мѣру правъ.

Одинъ этотъ признакъ опредѣляетъ уже сферу мѣстнаго управленія, какъ сферу конкретныхъ, специальныхъ интересовъ, въ противоположность общимъ, болѣе отвлеченнымъ интересамъ государства. Интересъ здѣсь является и движущимъ началомъ, и высшимъ принципомъ. Вслѣдствіе того, что извѣстные интересы не могутъ быть удовлетворены правительствомъ, призываются къ участію въ управленіи общественныя силы. И если въ виду общности политическихъ интересовъ, отнованное на равенствѣ построеніе общества есть существенное, часто необходимое условіе для законодательной дѣятельности, то съ другой стороны мѣстные интересы предполагаютъ въ обществѣ строеніе и организацію въ формѣ извѣстныхъ классовъ и т. п. Въ виду этихъ интересовъ дѣятельноеть государства, осуществляя равное юридическое положеніе для всѣхъ лицъ, не можетъ отказаться отъ историческихъ организмовъ какіе есть въ обществѣ. По мѣрѣ того какъ организуется государство въ качествѣ *прогрессивнаго* общественнаго органа [1]), его историческіе организмы и элементы полу-

[1]) Мы готовы согласиться въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ Дюпонъ-Уайта.

чаютъ охранительное значенiе и въ скромной сферѣ мѣстнаго управленiя подготовляютъ будущiй прогрессъ государства, дѣлая мѣстную администрацiю надежнымъ регуляторомъ высшей государственной политики.

До окончательнаго образованiя государства всѣ интересы распредѣлены между различными организмами. Всѣ общественные вопросы замкнуты въ узкой сферѣ; узкость и исключительность стремленiй характеризуетъ власть дѣйствующую въ мѣстности. Государство конфискуетъ державныя права присвоенныя мѣстности. Оно открываетъ этимъ юридическую жизнь для всей массы гражданъ и вводитъ подчиненные организмы въ соотвѣтствующую имъ сферу дѣятельности. Общество, высвобожденное изъ прежнихъ узкихъ рамокъ, начинаетъ безостановочно развиваться. Освободившее его государство служитъ первымъ его руководителемъ на этомъ пути. Всѣ части умственной, нравственной и даже экономической жизни получаютъ отъ него могущественный толчокъ. Общество быстро подымается и даже какъ будто забываетъ о тѣхъ организмахъ, чрезъ которые совершилось его первоначальное развитiе. Но должны ли государства и общества идти постоянно по этому пути? Та же исторiя доказываетъ есть вредъ такого развитiя. Общество, отказавшееся отъ естественныхъ организмовъ и ихъ практическихъ интересовъ, легко увлекается отвлеченными соображенiями, привыкаетъ не соразмѣрять своихъ силъ съ требованiями, ступаетъ на опасную дорогу переворотовъ. Государство, долгое время бывшее единственнымъ руководителемъ общества, въ виду тѣхъ же общественныхъ интересовъ оказывается не въ состоянiи удовлетворять нуждамъ общества на основанiи однихъ правительственныхъ отношенiй. Итакъ, вопервыхъ, историческiе организмы общества громко заявляютъ о своихъ интересахъ и призываютъ на служенiе имъ общество, увлекшееся шумною общегосударственною жизнiю и, за отвлеченными интересами, забывшее конкретныя потребности. Съ другой стороны, государство начинаетъ замѣчать несоотвѣтствiе между своею дѣятельностiю и разнообразными нуждами общества.

Дѣло въ томъ, что государство, по мѣткому опредѣленiю Л. Штейна, есть общность людей, возвысившаяся до личности, до личнаго сознанiя, до личной воли и дѣятельности. Его дѣятельность является намъ независимою отъ всѣхъ общественныхъ историческихъ элементовъ; только при этомъ условiи оно является истинно юридическимъ учрежденiемъ. Но выдѣляясь изъ общества, прiобрѣтая значенiе истинной личности, дошедшей до самосознанiя, государство часто склоняется

къ преслѣдованію интересовъ своей государственной личности, предпочтительно предъ всѣми другими, или осуществляетъ общественные интересы съ государственной точки зрѣнія. Между тѣмъ различные общественные элементы нуждаются въ болѣе конкретномъ выраженіи своихъ интересовъ нежели то, которое можетъ дать имъ государство.

Вопросъ слѣдовательно сводится на то, можетъ или не можетъ государство осуществить всѣ интересы, извѣстные подъ названіемъ общественныхъ? Если государство явится единственнымъ организмомъ среди безформенной массы гражданъ, если оно, какъ единственное *общее*, явится противоположностію всей массы *частнаго*, то, конечно, не можетъ быть и спора о первенствующей роли государства. Общественная жизнь, сведенная на борьбу индивидуальныхъ интересовъ, не особенно утѣшительное зрѣлище. Если бы пришлось выбирать только между частною и государственною иниціативой, то идея общей пользы требовала бы предпочтенія государственной дѣятельности. Но мы уже видѣли, что отчасти исторія оставляетъ въ государствѣ организмы, предшествовавшіе его развитію, отчасти само правительство организуетъ общественныя, исторически выработавшіяся силы, въ виду лучшаго осуществленія правительственныхъ задачъ.

Государство, направляя разнообразіе общественныхъ стремленій къ одной цѣли, не можетъ, однако, соединить всѣ цѣли подъ своимъ верховнымъ руководствомъ. *Разнообразіе* не можетъ быть уничтожено во имя *единства*. Предположимъ, что государство въ данную минуту (и это часто бываетъ въ обществахъ мало развитыхъ) можетъ не только воплотить въ себѣ всю совокупность общественныхъ цѣлей, но даже поставить обществу большее количество задачъ чѣмъ выработала ихъ сама общественная жизнь. Но очевидно, это состояніе общества и такое положеніе въ немъ государства будетъ нѣчто переходное. Наростаніе общественныхъ силъ, а вмѣстѣ съ ними и интересовъ общества, будетъ идти не останавливаясь, и въ этомъ отношеніи сосредоточеніе общественной дѣятельности въ однѣхъ официальныхъ сферахъ будетъ гибельно для общественнаго развитія. Въ этомъ смыслѣ Токвилль совершенно правъ, говоря, что централизація гибельна для *воспроизведенія* національныхъ силъ.

Общія цѣли должны имѣть свою іерархію. Должна быть извѣстная постепенность между чисто-индивидуальными цѣлями и совершенно отвлеченными общими цѣлями государства. Между человѣкомъ и націей долженъ быть рядъ организмовъ, въ которыхъ индивидуальность постепенно сглаживается, а общность выступаетъ на первый планъ.

Такіе организмы въ совокупности съ государствомъ осуществляютъ общественные интересы въ противоположность частнымъ. Но въ то же время ихъ совокупность рѣзко отличается отъ органически развившейся государственной личности и ея дѣятельности. Ихъ интересы уже потеряли часть узкой индивидуальности частныхъ стремленій, но въ свою очередь являются частнымъ явленіемъ въ сравненіи съ дѣйствительно государственными задачами. На такіе интересы и соотвѣтствующіе имъ организмы можно смотрѣть какъ на переходъ отъ государственнаго единства къ разнообразію единичныхъ стремленій. Съ одной стороны, по нимъ и ихъ іерархіи можно прослѣдить постепенное развитіе государственнаго начала, съ другой, эта же іерархія лучше всего показываетъ постепенное убываніе государственной всеобщности интересовъ до полной индивидуализаціи ихъ въ личности. Въ провинціи есть еще значительная часть государства; въ сословіи его меньше; въ общинѣ его мало; въ семьѣ совсѣмъ нѣтъ.

Самостоятельность существованія дается этимъ организмамъ, безъ сомнѣнія, самостоятельностію интересовъ. Сказать что они преслѣдуютъ тѣ же цѣли что и государство было бы грубою ошибкой. Но съ другой стороны, государство возлагаетъ на нихъ свои задачи, въ особенности тѣ, гдѣ оно является представителемъ общества. Это не значитъ чтобы задачи эти выходили изъ государственной сферы; повторяемъ, это значитъ, что тѣ или другіе общественные элементы получаютъ участіе въ правительственной сферѣ, становятся правительствомъ.

Для того чтобы полнѣе охарактеризовать это соотношеніе между личностью, государствомъ и общественными органами, участвующими въ управленіи, мы возьмемъ здѣсь два наиболѣе выдающіеся примѣра изъ частной и общественной дѣятельности. Предположимъ, что идетъ рѣчь о томъ, чтобъ опредѣлить роль частной, общественной и правительственной инщіативы въ области чисто-экономической дѣятельности, и, напримѣръ, въ области благотворительности.

Начала политической экономіи со временъ Адама Смита гласятъ, что всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, сохраняетъ полную свободу слѣдовать пути, указанному ему личнымъ его интересомъ, и направлять куда ему заблагоразсудится свой капиталъ и промышленность, вмѣстѣ съ другими людьми или цѣлымъ классомъ людей [1]). Причины этого очевидны. Личный интересъ

---

[1]) А. Смитъ: *Richesse des nations,* III, p. 29.

служитъ здѣсь достаточною гарантіей прогресса. Отдѣльныя личности или ассоціаціи лицъ выведутъ и капиталы, и трудъ на настоящую дорогу. Всякое правительственное вмѣшательство извратило бы истинное соотношеніе между экономическимъ прогрессомъ и его рычагомъ, личнымъ интересомъ. Бываютъ минуты, когда государство беретъ на себя починъ въ промышленныхъ улучшеніяхъ. Оно служитъ имъ усердно, но въ то же время заставляетъ *служить* имъ общество [1]). Тотчасъ правильное соотношеніе элементовъ прекращается; заинтересованнымъ лицомъ является государство, а частныя лица разыгрываютъ роль самоотверженныхъ служителей этихъ интересовъ, изъ частныхъ превратившихся въ государственные. Между тѣмъ, образованіе государства обусловливается отрѣшеніемъ его отъ всякихъ экономическихъ личныхъ стремленій: государство отдѣлило власть отъ землевладѣнія, слитыя въ феодализмѣ, вышло изъ-подъ гнетущаго вліянія промышленности въ торговыхъ республикахъ, отказалось отъ государственныхъ монополій, послѣдняго признака неразвитаго государства, удерживая за собой тѣ, гдѣ интересы личности не могутъ быть иначе гарантированы; оно отказывается даже отъ государственнаго землевладѣнія и отъ другихъ казенныхъ имуществъ. Оно не желаетъ быть похоже на *хозяина*. Лично заинтересованнымъ въ экономическихъ вопросахъ можетъ быть только частное лицо. Оно въ отдѣльности или въ соединеніи съ другими можетъ лучше всего осуществить экономическій прогрессъ. Личный интересъ является главнымъ основаніемъ экономической дѣятельности — laissez faire!

Но благотворительность представляетъ другія условія. По отношенію къ благотворительности, въ числѣ индивидуальныхъ стремленій нѣтъ такого могущественнаго рычага, какъ личный интересъ. Индивидуальное чувство ничего не подскажетъ человѣку при видѣ нищаго, кромѣ обыкновенной жалости, состраданія. Чувство слишкомъ шаткое, чтобы на немъ построить какое-либо прочное учрежденіе! Предположимъ, что въ простое, неподдѣльное чувство состраданія будутъ внесены какія-нибудь сознательныя идеи; явится сознаніе, что такой-то нищій и ему подобныя лица постигнуты несчастьемъ, въ которомъ иногда виной общество, и которое могло произойдти отъ недостатка труда, внезапнаго прекращенія работы, голода, недостатка образованія, эпидеміи и т. п. Но всѣ эти соображенія все же приведутъ только къ тому же чувству жалости, можетъ-быть, въ усиленной степени. И

[1]) Какъ, напримѣръ, въ Россіи во времена Петра I.

то не всегда. Понятіе о недостаткѣ труда, какъ причинѣ бѣдности можетъ легко замѣниться понятіемъ о *нежеланіи* работать. Отсюда одинъ шагъ до обращенія съ нищимъ какъ преступникомъ. Во всякомъ случаѣ, частная благотворительность въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ палліативными мѣрами. Упорная, раціональная борьба съ нищенствомъ удѣлъ немногихъ избранниковъ, составляющихъ исключеніе. Къ счастію, есть лицо, положительно заинтересованное прекращеніемъ нищенства. Это лицо есть государство. Для него нищенство ненормальный общественный фактъ; нищіе нехорошій общественный элементъ. Съ этой точки зрѣнія, разборъ отношеній труда, продовольствія, образованія, къ вопросу о бѣдности, приводитъ его къ болѣе практическимъ результатамъ чѣмъ сострадательнаго человѣка, о которомъ мы говорили выше. Словомъ, отдѣльные люди имѣютъ дѣло съ бѣдными, одно государство имѣетъ дѣло съ бѣдностію.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только началось образованіе новѣйшихъ обществъ, благотворительность перестала быть частнымъ дѣломъ. До образованія государствъ, благотворительницей являлась церковь, для которой милосердіе было догматомъ, долгомъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ бѣдный считался церковнымъ человѣкомъ [1]. Съ секуляризаціей церковныхъ имуществъ, государство не оставляетъ благотворительности въ частныхъ рукахъ, а дѣлаетъ изъ нея или общественную повинность, какъ въ Англіи, или беретъ ее на себя, какъ въ другихъ державахъ.

Но изъ того, что благотворительность не можетъ быть дѣломъ частнымъ, не слѣдуетъ, чтобъ она производилась одними правительственными органами. Напротивъ, участіе въ этомъ дѣлѣ органовъ общественныхъ необходимо, и часто правительственные органы не могутъ выдержать съ ними конкурренцію. Общественные органы ближе знакомы съ экономическимъ бытомъ извѣстной мѣстности, съ формами

---

[1]) Уставъ Владиміра: «а се люди церковніи.... слѣпець, хромець....» Въ посланіи одного владимірскаго епископа къ сыну Александра Невскаго мы находимъ слѣдующее: «Дано клирошанамъ на потребу старости, и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ много, кормленіе нищихъ, кормленіе обидимыхъ, помоганіе страннымъ, пособіе въ пожарѣ и въ потопѣ, плѣнныхъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе»... См. Милютина: «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», въ *Чт. Им. Общ. Ист.* и *Др. Росс.* 1859, 4, стр. 64. Неволина: *О пространствѣ церковнаго суда* (въ VI т. его соч. стр. 257). То же самое мы видимъ въ Византіи и другихъ европейскихъ государствахъ.

труда, собственности, съ нравами жителей, словомъ, обладаютъ всѣми познаніями, необходимыми для того чтобы дѣйствовать на причины бѣдности. Затѣмъ правительственные органы придаютъ благотворительности слишкомъ оффиціальный характеръ, отталкивающій отъ ихъ благодѣяній всѣхъ истинно-нуждающихся. Далѣе, правительство, поручивъ благотворительность только своимъ чиновникамъ, обыкновенно уничтожаетъ частную иниціативу. Правительственное благотворительное заведеніе мало внушаетъ довѣрія частнымъ лицамъ, которыя бы желали пожертвовать всѣмъ или частью своего имущества въ пользу бѣдныхъ. Безконтрольность, негласность, безотвѣтственность такихъ учрежденій отталкиваютъ каждаго. Напротивъ, общественные органы, несущіе эти правительственныя задачи, удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ и вполнѣ способны внушить къ себѣ довѣріе частныхъ благотворителей.

На этихъ двухъ примѣрахъ мы могли прослѣдить два вопроса, о которыхъ упоминали нѣсколько разъ въ теченіе этой главы. Первый примѣръ указываетъ намъ на отличіе частной (индивидуальной или общественной) дѣятельности отъ государственной. Эта сфера характеризуется тѣмъ, что личный интересъ служитъ здѣсь достаточною гарантіей для прогресса, котораго главный представитель есть государство. Въ этой сферѣ непосредственная дѣятельность государства оказалась бы излишнею и даже вредною. Пока охраняемый имъ юридическій порядокъ не нарушается, пока частныя силы достаточны для преодолѣнія всѣхъ препятствій, оно можетъ оставаться спокойнымъ. Масса частныхъ лицъ, заинтересованныхъ вопросами чисто-хозяйственной дѣятельности неизмѣримо превосходитъ количество лицъ, которыя могутъ быть выставлены по этому предмету правительствомъ. Притомъ интересы первыхъ болѣе конкретны, относятся къ болѣе осязательнымъ предметамъ, чѣмъ интересъ послѣднихъ, который можетъ быть только отвлеченная идея общаго блага [1]). Наконецъ интересы первыхъ воспитываются и руководятся въ практической школѣ непосредственной экономической дѣятельности, а послѣдніе руководятся общими теоретическими соображеніями.

Но какъ только личный интересъ перестаетъ быть главнымъ руководящимъ мотивомъ дѣятельности, начинается роль правительствен-

[1]) Любопытные факты относительно вреда правительственнаго вмѣшательства въ экономическое производство, находимъ въ сочиненіи Dunoyer: *De la liberté du travail.*

ныхъ органовъ. Сила личнаго интереса далеко не одинакова даже въ сферѣ чисто экономической. Пока рѣчь идетъ о производствѣ — значеніе его первостепенно. Но въ болѣе сложныхъ вопросахъ обмѣна и распредѣленія богатствъ, онъ не можетъ уже быть единственнымъ руководителемъ общественнаго прогресса. Бываютъ, говоритъ Д. С. Милль, такія времена и положенія націи, когда почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, ибо частные люди, хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло; тогда не будетъ ни дорогъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство: публика или такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ къ тому, или такъ не развита умственно, что не можетъ оцѣнить ихъ пользу, или такъ непривычна къ общему дѣйствованію, что не умѣетъ распоряжаться этими дѣлами [1]).

Въ задачу нашего труда не входятъ изслѣдованія этого важнаго и труднаго вопроса. Степень цивилизаціи націи, образъ правленія, матеріальныя средства общества и другія историческія условія опредѣляютъ соотношеніе между двумя сферами, сферою частной и сферою правительственной дѣятельности. Это вопросъ объ *индивидуализмѣ и гувернаментализмѣ,* имѣющій мало общаго съ вопросомъ осамоуправленіи и централизаціи, такъ какъ послѣдній есть вопросъ о распредѣленіи *правительственныхъ* задачъ между органами центральнаго правительства и органами общества, вошедшими въ правительственную сферу. Передавая извѣстныя задачи въ ихъ вѣдомство, центральная власть не отказывается отъ нихъ совершенно. Между дѣятельностію органовъ самоуправленія и правительствомъ устанавливается прочная связь. Нѣкоторые акты органовъ самоуправленія требуютъ *утвержденія* правительства, большая часть ихъ подлежатъ правительственному *контролю,* подвергаются *протесту* и подлежатъ *отвѣтственности* въ установленномъ порядкѣ. Въ случаѣ неисполненія ими нѣкоторыхъ обязанностей, правительство предоставляетъ своимъ органамъ право исполнить ихъ собственными средствами. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ и Милль, говоря о мѣстномъ управленіи. «Мы не будемъ разсуждать, говоритъ онъ, о границахъ правительственной дѣятельности, вопросѣ не составляющемъ особенности представительнаго правленія. Въ сочиненіи моемъ «О Свободѣ» я сказалъ

---

[1]) *Начала политич. экономіи.* II, кн. V.

уже все существенное относительно этого предмета. Но *исключая изъ функцій, выполняемыхъ большею частію европейскихъ правительствъ, задачи, которыя не должны бы подлежать никакой общественной власти*, мы въ остаткѣ получимъ такую совокупность разнообразныхъ и многочисленныхъ обязанностей, что онѣ должны быть, хотя бы по началу раздѣленія труда, распредѣлены между центральными и мѣстными властями».

На основаніи какихъ началъ происходитъ это распредѣленіе правительственной и общественной дѣятельности? Вопервыхъ, государство, подчиняя себѣ всю совокупность общественныхъ организмовъ, не можетъ дойдти, безъ ущерба для общества и самого правительства, до полнаго уничтоженія ихъ самобытности и забвенія ихъ интересовъ. Полная диктатура государства, закрѣпленіе сословій, превращеніе общины въ тяглую единицу, можетъ быть временнымъ, переходнымъ фактомъ, но не можетъ сдѣлаться постояннымъ явленіемъ. Вслѣдствіе этого мѣстныя особенности получаютъ снова значеніе, а мѣстные элементы — организацію. Совокупность этихъ задачъ не составляетъ правительственной сферы въ строгомъ смыслѣ слова, напротивъ онѣ вызываются самостоятельною жизнью организмовъ, наполняющихъ пространство между отдѣльною личностію и государствомъ. Это сфера необязательныхъ задачъ, признаваемыхъ государствомъ за тѣмъ или другимъ организмомъ, но не интересующихъ государство на столько, чтобы признать ихъ составною частью правительственной дѣятельности. Иногда задачи эти остаются достояніемъ общинъ, приходовъ и другихъ организмовъ; иногда, съ развитіемъ государственныхъ средствъ, правительство считаетъ нужнымъ принять ихъ подъ свое ближайшее наблюденіе. Прежде къ этимъ скромнымъ задачамъ присоединялись еще разныя права, сдѣлавшіяся въ послѣдствіи достояніемъ государственной власти. Вмѣстѣ съ этимъ видоизмѣнилось и положеніе организмовъ по отношенію къ государству. По немногимъ вопросамъ они сохранили свою самостоятельность — всѣ другія задачи вытекаютъ уже не изъ ихъ самобытнаго существованія, а исполняются какъ порученіе государства. Слѣдовательно, въ немногихъ отношеніяхъ они являются дѣйствующими для себя: въ большинствѣ случаевъ они дѣйствуютъ какъ части одного великаго цѣлаго. Въ древности общины сосредоточивали въ своихъ рукахъ судъ, законодательство, финансы. Теперь законодательство перешло въ руки центральной власти, а по отношенію къ суду общины являются одною изъ инстанцій общаго государственнаго суда. Вотъ почему эта, такъ-ска-

зать, *естественная сфера* нисходитъ на второй планъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ вовсе утрачивается вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій. Во всякомъ же случаѣ естественныя единицы являются съ административными обязанностями, и отъ этого преимущественно зависитъ ихъ государственное значеніе. Все это, при изслѣдованіи вопроса о самоуправленіи, выдвигаетъ на первый планъ чисто-правительственныя задачи, распредѣленныя между правительственными и общественными органами. Такое распредѣленіе чисто-правительственныхъ задачъ обусловливается самимъ понятіемъ общественной пользы и прогресса. Какъ бы ни было прогрессивно и благонамѣренно правительство, все же оно, при осуществленіи разныхъ задачъ, руководится своими личными соображеніями. На первомъ планѣ стоитъ единство государственныхъ интересовъ, которое необходимо въ каждомъ государствѣ; но доведенное до крайнихъ предѣловъ, стремленіе это можетъ оставить безъ вниманія различныя мѣстныя особенности и повести къ одностороннему и даже фальшивому разрѣшенію многихъ вопросовъ. Напротивъ самоуправленіе является органомъ этихъ мѣстныхъ особенностей и частныхъ интересовъ. Одинъ примѣръ разъяснитъ намъ это положеніе.

Вопросъ о путяхъ сообщенія поднятъ и поставленъ на настоящую дорогу почти во всѣхъ государствахъ Европы правительствомъ. Большая часть сооруженій по этому предмету возникла благодаря правительственной иниціативѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ навсегда остался въ рукахъ правительства? Когда убѣжденіе о необходимости извѣстнаго предмета уже вошло въ общественное сознаніе, общество можетъ вести дѣло лучше правительства. Послѣднее, во времена общественной неразвитости, можетъ, удовлетворяя своимъ потребностямъ, способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворенію общественныхъ нуждъ, на сколько онѣ развиты въ то время. Обыкновенныя почтовыя дороги, проложенныя для административныхъ потребностей, могутъ въ то же время служить для перевозки тяжестей и другихъ частныхъ потребностей. Но по мѣрѣ того какъ возрастаютъ общественныя силы, руководство правительства оказывается недостаточнымъ и наконецъ безсильнымъ. Народная промышленность избираетъ себѣ другіе пути сообщенія и другіе центры торговли. Правительственныя дороги глохнутъ, прежніе административные центры приходятъ въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе техническихъ улучшеній въ путяхъ сообщенія, направленіе ихъ становится уже вопросомъ первостепенной важности, а не безразличнымъ

какъ прежде. При существованіи однѣхъ грунтовыхъ дорогъ, обществу все равно гдѣ правительство ни проложитъ свои дороги; оно уже значительно заинтересовано тѣмъ куда пойдетъ шоссе; направленіе желѣзной дороги сильно волнуетъ умы. Исключительная правительственная дѣятельность въ этомъ отношеніи часто можетъ даже идти въ разрѣзъ съ ближайшими народными потребностями.

Такимъ образомъ, съ одной стороны необходимость организовать разные неправительственные интересы и сохранить существованіе разныхъ организмовъ, съ другой стремленіе распредѣлить эти интересы между правительственными и общественными органами, съ цѣлію болѣе полнаго ихъ осуществленія, вотъ два главныя обстоятельства приводящія страну къ самоуправленію. Но это апріористическое распредѣленіе задачъ и признаніе разныхъ самостоятельныхъ элементовъ и интересовъ не рѣшаетъ еще вопроса о томъ, какіе организмы могутъ существовать и существуютъ въ государствѣ соотвѣтственно всѣмъ этимъ задачамъ и элементамъ. Тѣмъ менѣе могутъ они разрѣшить специально интересующій насъ вопросъ, вопросъ о провинціи. Составляетъ ли она необходимый, естественный фактъ, или она есть произведеніе законодательныхъ соображеній? Другими словами, слагается ли провинціальная жизнь изъ однихъ правительственныхъ порученій, или же провинція является средоточіемъ самобытныхъ элементовъ, окончательно организованныхъ правительствомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что названіе *естественныхъ* ближе всего подходитъ къ организмамъ, непосредственно развившимся изъ какихъ-нибудь простыхъ экономическихъ фактовъ. Такова община, исторія которой такъ или иначе связана съ исторіей землевладѣнія, развитія промышленности и т. д. Такіе организмы, даже подчинившись вполнѣ общему административному дѣленію, сохраняютъ значеніе не только административныхъ, но и естественныхъ единицъ [1]). Напротивъ, въ провинціи мы замѣчаемъ другія начала. Простые факты экономической жизни заслоняются уже здѣсь болѣе сложными отношеніями. Вопросы принимаютъ болѣе общій характеръ. Въ провинціи люди связываются уже болѣе единствомъ политическихъ [2]), или по крайней мѣрѣ единствомъ высшихъ административныхъ соображеній. Въ провинціи общество выходитъ уже изъ своего первоначальнаго дробленія; оно

---

[1]) Даже во Франціи мы встрѣчаемъ понятіе объ общинѣ какъ объ естественномъ организмѣ, въ противоположность департаменту и округу.

[2]) Многіе изъ нихъ и были дѣйствительно самостоятельными политическими тѣлами.

не имѣетъ уже дѣла съ разрозненными естественными организмами, а тѣмъ менѣе съ отдѣльными личностями. Общество сельское, сословіе дворянское, могутъ и должны собирать своихъ членовъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ; провинція нуждается уже въ представительствѣ [1]). Она слагается изъ разнообразныхъ элементовъ, въ виду болѣе общихъ и возвышенныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого въ ней труднѣе различить то, что мы назвали естественными задачами общественнаго организма, отъ задачъ, переданныхъ правительствомъ въ руки органовъ самоуправленія. Многія задачи, осуществлявшіяся прежде въ провинціи, конфискованы государствомъ въ послѣдствіи. Судъ, отчасти полиція, здѣсь получили свое первое развитіе, и притомъ не въ тѣхъ патріархальныхъ формахъ какъ въ общинѣ, а въ болѣе усовершенствованныхъ, подходящихъ уже къ идеѣ государственной дѣятельности. Власть провинціальная не есть уже власть *міра* надъ отдѣльнымъ лицомъ, помѣщика надъ крѣпостнымъ, а власть, уже нѣсколько отвлекшаяся отъ простыхъ экономическихъ элементовъ. Вслѣдствіе этого между государствомъ и провинціей мы замѣчаемъ весьма сильное сродство. Въ нѣкоторыя эпохи историческаго развитія провинціи сами считаютъ себя за государство. Только сильное движеніе національнаго духа и появленіе высшихъ цѣлей разрушаютъ это убѣжденіе, и нерѣдко обнаруживается другая крайность. Развитіе государственнаго единства до такой степени уничтожаетъ мѣстныя различія, что онѣ вполнѣ забываютъ о своемъ самостоятельномъ существованіи. Общины, корпораціи, сословія сохраняютъ свои отличительные признаки въ государствѣ, провинція легче сливается съ обще-государственнымъ тѣломъ, безъ всякаго слѣда. Вотъ почему большая часть задачъ такъ-называемаго провинціальнаго самоуправленія составляется скорѣе изъ правительственныхъ порученій, чѣмъ изъ *естественныхъ* задачъ этого организма. Провинціяотъ другихъ тѣлъ отличается, какъ мы видѣли, бòльшею общностію, слѣдовательно бòльшею отвлеченностію интересовъ, въ чемъ и состоитъ ея сходство съ государствомъ. Ея естественныя задачи скорѣе всего походятъ на естественныя задачи государства. Лучше сказать, она не имѣетъ дѣйствительно самостоятельныхъ задачъ: ея задачи чисто производныя. Однѣ изъ нихъ являются продолженіемъ и дальнѣйшею организаціей менѣе сложныхъ общественныхъ элементовъ, другія переносятся на провинцію центральною

---

[1]) Милль требуетъ даже муниципальнаго и приходскаго представительства.

властью. Роль государства по отношенію къ провинціи напоминаетъ въ извѣстной степени отношеніе сюзерена къ вассалу. Задачи, составлявшія прежде полное достояніе провинціи, конфискуются государствомъ и потомъ снова отчасти возвращаются ей, но уже подъ условіями *службы* и контроля. Что простые общественные элементы получаютъ дальнѣйшую организацію въ мѣстности, это понятно, и значеніе этого факта для общественной и государственной жизни мы укажемъ ниже. Но почему государство считаетъ необходимымъ переносить въ провинцію часть своей власти и задачъ? Почему самыя централизаціонныя правительства хлопочутъ «о личности (la personnalité) департаментовъ»?

Мы останавливались выше на *количественномъ* распредѣленіи правительственныхъ задачъ. Теперь подвергнемъ анализу *качественное* ихъ распредѣленіе.

VI.

Сказать, что правительство сообщаетъ своимъ мѣстнымъ органамъ долю власти, значитъ разъяснить дѣло на половину. Нужно еще показать, что именно изъ власти центральной передается въ мѣстность? Передача власти изъ центра въ мѣстность не есть простое дробленіе власти; различіе между высшею и мѣстною властью не просто количественное. Онѣ различаются между собою способами и задачами дѣятельности.

Главная задача центральной власти, говоритъ Милль, должна бы состоять въ распоряженіи, направленіи; дѣятельность властей мѣстныхъ — въ примѣненіи этихъ распоряженій. Онъ сходится, повидимому, съ мнѣніемъ высказаннымъ Наполеономъ III въ декретѣ, о которомъ мы упоминали въ предыдущей статьѣ: править можно издали, а управлять хорошо можно только вблизи. Итакъ высшее направленіе, надзоръ, сосредоточиваются въ рукахъ центральной власти, примѣненіе ея распоряженій — въ рукахъ мѣстныхъ властей. Но мы видѣли, что дѣятельность исполнительныхъ органовъ не можетъ быть замкнута въ сферу простаго, пассивнаго исполненія. Напротивъ, имъ сообщается извѣстная доля самостоятельности для разрѣшенія разныхъ подробностей администраціи, недоступныхъ синтетической дѣятельности госу-

дарственной власти. Слѣдовательно, качественная разница между высшею государственною властью и мѣстными ея органами заключается въ томъ, что въ центрѣ сосредоточиваются установленіе общихъ нормъ дѣятельности, или законодательная власть, общій надзоръ и общее направленіе, а *власть дѣйствительнаго управленія* переносится въ мѣстность.

Такое раздѣленіе, конечно, не устанавливается государствомъ à priori, не появляется тотчасъ съ появленіемъ центральной власти. Напротивъ, оно есть плодъ долговременнаго развитія государства среди общества. Первоначально государство посылаетъ въ области правителей, облеченныхъ всѣми аттрибутами центральной власти; они связаны съ верховною властію чисто внѣшними узами, подчиненіе выражается въ формѣ дани, исправной высылки податей и т. д. Такова система Карла Великаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что она породила феодализмъ. Въ послѣдствіи государство впадаетъ въ другую крайность. Уничтожая самостоятельность провинцій, оно соединяетъ въ своихъ рукахъ не только аттрибуты, необходимые для національнаго единства, но и задачи, касающіяся подробностей управленія. Вотъ почему съ полнымъ торжествомъ монархической власти, напримѣръ, въ германскихъ государствахъ появляются *коллегіи,* какъ такая форма установленій, гдѣ власть надзора соединяется съ властью дѣйствительнаго управленія. Такъ было и въ Россіи. Кромѣ сената, гдѣ сосредоточивался высшій административный и судебный контроль и направленіе, отдѣльныя части управленія имѣли свои коллегіи, гдѣ подробности администраціи смѣшивались съ высшею правительственною дѣятельностью. Появленіе министерскаго начала положило конецъ этому порядку вещей. Министерства въ администраціи прежде всего представляютъ собой единство направленія и высшій надзоръ, отвлеченный отъ подробностей мѣстнаго управленія. Они должны обезпечивать высшему правительству повсемѣстность и однообразіе въ исполненіи закона, а для массы гражданъ являться гарантіей права отдѣльныхъ лицъ, обезпечивать возможность безпристрастнаго пересмотра дѣла. Съ образованіемъ ихъ, бывшія центральныя управленія переносятся въ мѣстность, именно на томъ основаніи, что хорошо управлять можно только вблизи; коллегіи перемѣщаются въ губернію, *для лучшаго устроенія частей,* какъ говорила Екатерина II.

Для многихъ весьма заманчивою представляется картина высшаго правительства, лично исполняющаго всѣ правительственныя задачи. Картина эта кажется особенно привлекательною въ представительныхъ

правленіяхъ. Правительство, поставленное здѣсь подъ контроль общественнаго мнѣнія, составленнаго изъ лучшихъ силъ страны и сосредоточеннаго въ столицѣ, представляетъ, говорятъ приверженцы такого порядка, всѣ гарантіи общественнаго благосостоянія. Оно состоитъ изъ людей, устраненныхъ отъ всѣхъ мелкихъ страстей и спеціально подготовленныхъ для того и другаго вѣдомства. Дѣятельность его имѣетъ всѣ признаки безпристрастія и разносторонняго пониманія дѣла. Само общество по отношенію къ центральному правительству имѣетъ всѣ средства контроля. Въ столицѣ сосредоточена образованнѣйшая часть націи; здѣсь процвѣтаетъ журналистика. Словомъ, централизація является, при такомъ воззрѣніи, дѣятельностію образованнаго правительства среди образованнаго общества.

Но, во-первыхъ, ни одно центральное правительство не можетъ заниматься лично всѣми задачами. Исторія доказываетъ, что *оно управляетъ всегда въ мѣстности*. Это фактъ, съ которымъ должно помириться, — возражать противъ него значитъ отрицать исторію. Вслѣдствіе этого образованная публика, сосредоточенная въ столицѣ, не всегда въ состояніи дѣйствовать противъ произвола администраціи. Она имѣетъ дѣло съ высшимъ правительствомъ, а часть правительственнаго дѣйствія, и притомъ существенная, остается внѣ ея контроля, ибо сосредоточена въ мѣстности, гдѣ отсутствіе самостоятельныхъ общественныхъ органовъ естественно даетъ просторъ произволу. Наконецъ, образованная публика не всегда сосредоточивается только въ столицѣ. Это вѣрно по отношенію лишь къ тѣмъ странамъ, гдѣ провинція не представляетъ никакихъ живыхъ элементовъ, гдѣ абсентеизмъ гонитъ лучшіе соки страны въ столицу.

Такъ или иначе, но правительство имѣетъ свои органы въ мѣстности. Присутствіе ихъ тамъ чрезвычайно важно и для поддержанія государственнаго единства. Но изъ идеи этого единства конечно не вытекаетъ безполезность общественныхъ органовъ въ дѣлѣ управленія. Отношеніе административной централизаціи къ государственному единству вновь затронуто недавно нашимъ публицистомъ, г. Чичеринымъ. Онъ очевидно становится на сторону централизаціи; очевиденъ также его не совсѣмъ точный анализъ этого вопроса. «Государство, говоритъ онъ [1]), требуетъ единства дѣйствія не только во внѣшнихъ сношеніяхъ, но, прежде всего, въ ходѣ внутреннихъ дѣлъ. Само внѣшнее единство зависитъ отъ внутренняго; на послѣднемъ основана

---

[1]) *О народномъ представительствѣ*, стр. 517.

вся сила государства. Внутреннее же единство состоитъ не только въ установленіи политической связи и въ подчиненіи всѣхъ частей общему закону и единой власти, а главнымъ образомъ, въ общеніи всѣхъ интересовъ... Отъ этого согласія зависитъ и сила власти, которая должна имѣть возможность безпрепятственно дѣйствовать по всему государству. *Изъ центра идутъ только предписанія; самое же исполненіе* [1]) *происходитъ на мѣстахъ.* Полное развитіе мѣстнаго самоуправленія, съ уничтоженіемъ *всякой* централизаціи, ведетъ къ тому, что правительство лишается средствъ дѣйствовать въ областяхъ. Если оно и сохраняетъ нѣкоторые органы, то они не могутъ служить ему опорой, когда они завѣдываютъ *ничтожнымъ количествомъ дѣлъ* и лишены вліянія на остальныя... Кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ необходимо долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи».

Эта выписка интересна въ томъ отношеніи, что весьма ясно указываетъ, въ чемъ состоитъ заблужденіе централизаторовъ вообще и нашихъ отечественныхъ въ особенности. Не подлежитъ спору, что единство административнаго дѣйствія необходимо для единства государственнаго; не подлежитъ сомнѣнію, что защитники самоуправленія придали слишкомъ много значенія различію между политическою и административною централизаціей. Не подлежитъ сомнѣнію, что государственное единство не прочно, когда высшее правительство не увѣрено въ *исполненіи* своихъ *предписаній* въ мѣстности. Но чѣмъ устанавливается это единство: непосредственнымъ ли административнымъ дѣйствіемъ по всѣмъ частямъ управленія, или чѣмъ-нибудь другимъ? Г. Чичеринъ, кажется, склоняется къ первому мнѣнію; по крайней мѣрѣ, онъ съ нѣкоторымъ ужасомъ говоритъ о томъ порядкѣ вещей, когда правительство сохранитъ въ мѣстности лишь *нѣкоторые* органы, завѣдующіе *ничтожнымъ* количествомъ дѣлъ. Не есть ли прямой выводъ отсюда, что правительство должно имѣть много органовъ и поручить имъ большое количество дѣлъ? Отъ подобныхъ пріемовъ трудно ждать дѣйствительнаго разрѣшенія вопроса. Обратимся лучше къ правительственной практикѣ, дѣйствующимъ законодательствамъ. Отъ нихъ мы получимъ настоящія указанія. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько положеній нашего права. Во главѣ нашей губерніи, какъ извѣстно, стоитъ губернаторъ. Обязанности его и сущность его власти характеризуются правительствомъ слѣдующимъ образомъ: «Губерна-

[1]) *Предписаніе*, но какое! имѣются ли въ виду подробности администраціи, или только общее ея направленіе?

торы, какъ непосредственные начальники ввѣренныхъ имъ высочайшею волею Государя Императора губерній, суть первые въ оныхъ блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія, пользъ государства и повсемѣстнаго, точнаго исполненія законовъ, уставовъ, высочайшихъ повелѣній, указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства. Имѣя постепенное и тщательное попеченіе о благѣ жителей всѣхъ сословій управляемаго ими края и вникая въ истинное его положеніе и нужды, они обязаны дѣйствіемъ данной имъ власти охранять повсюду общественное спокойствіе, безопасность всѣхъ и каждаго и соблюденіе установленныхъ правилъ, порядокъ и благочиніе. Имъ поручено и принятіе мѣръ для сохраненія народнаго здравія, обезпеченія продовольствія въ губерніи, доставленіе страждущимъ и безпомощнымъ надлежащаго призрѣнія и высшій надзоръ за скорымъ отправленіемъ правосудія и немедленнымъ исполненіемъ всѣхъ законныхъ требованій и постановленій» [1]).

Статья эта заключаетъ въ себѣ нѣсколько совершенно различныхъ положеній. Вообще она имѣетъ въ виду установить всѣ задачи губернатора, опредѣлить сферу его дѣятельности. Но въ числѣ этихъ задачъ нельзя не замѣтить три группы дѣлъ, по отношенію къ коимъ дѣятельность губернатора можетъ выражаться различно. На первомъ планѣ стоятъ обязанности, которыя меньше всего можно назвать мелкими административными задачами. Охраненіе верховныхъ правъ самодержавія, пользы государства, попеченіе о повсемѣстномъ исполненіи закона, близко подходятъ къ тому роду государственной дѣятельности, который можно назвать *предписаніемъ*, а никакъ не простымъ *исполненіемъ*. Слѣдовательно *предписаніе* не есть такой отличительный признакъ центральной власти. Если предписаніе и надзоръ не будутъ имѣть органовъ въ провинціи, а встрѣтятъ здѣсь простыхъ исполнительныхъ агентовъ, то администрація дѣйствительно не будетъ имѣть необходимаго единства. Двѣ остальныя группы ближе подходятъ къ идеѣ непосредственной административной дѣятельности, или исполненія. Но поставить задачу не значитъ еще опредѣлить самый способъ дѣятельности. 357 ст. II т. Св. Зак., выставляя эти задачи губернатора, не имѣетъ въ виду забросать губернатора подробностями администраціи. Напротивъ, оно вездѣ старается оставить его на постѣ наблюдателя, контролера. Личная губернаторская дѣятельность, въ особенности въ подробностяхъ администраціи, противна духу на-

[1]) II т. Св. Зак. ст. 357.

шего законодательства. Если она и существовала, то какъ исключеніе и вслѣдствіе непониманія духа губернаторскаго наказа. Дѣйствительное управленіе со всѣми его подробностями находилось въ рукахъ разныхъ установленій, или входившихъ въ кругъ общихъ губернскихъ учрежденій или стоявшихъ внѣ его. Нормальная дѣятельность губернатора проявлялась главнымъ образомъ въ средѣ первыхъ; послѣднія только въ опредѣленныхъ случаяхъ испытывали на себѣ его вліяніе. И что же? Именно въ кругу общихъ губернскихъ учрежденій администрація не была исключительно построена на дѣятельности губернатора. При исполненіи своихъ обязанностей, губернаторы должны были въ точности сообразжаться съ порядкомъ, для каждаго рода дѣлъ начертаннымъ [1]. Слѣдовательно законодательство предполагаетъ рядъ особыхъ установленій, учрежденныхъ въ виду такихъ особыхъ порядковъ для каждой части администраціи. Личная дѣятельность не нуждается въ особыхъ порядкахъ. Даже если бы законодательство ихъ и установило, то они перемѣшались бы при сосредоточеніи дѣлъ въ сферѣ личной дѣятельности одного человѣка. Вслѣдствіе этого дѣятельность губернатора должна проявляться чрезъ другія установленія, которыя отчасти должны служить проводникомъ его распоряженій, отчасти имѣютъ свои самостоятельныя задачи. «Губернаторы дѣйствуютъ или 1) чрезъ состоящія подъ ихъ предсѣдательствомъ губернскія правленія, или 2) чрезъ особыя, учрежденныя для нѣкоторыхъ предметовъ, мѣста» [2]. Губернаторъ, для осуществленія своихъ разностороннихъ задачъ предсѣдательствовалъ въ 15 мѣстныхъ установленіяхъ, самаго разнообразнаго свойства. Сюда входили: губернское правленіе, приказъ общественнаго призрѣнія, коммиссіи народнаго продовольствія, строительная и дорожная, комитетъ земскихъ повинностей и т. д. [3]. Очевидно, законодательство не предполагало, что губернаторъ можетъ замѣнить собой всѣ эти коммиссіи и установленія, и не желало смотрѣть на послѣднія, какъ на чисто-исполнительныхъ агентовъ. Напротивъ, коммиссіи эти наполнялись или спеціально для нихъ выбранными лицами отъ сословій, или въ нихъ ex officio присутствовали разные представители сословій. Они должны были, слѣдовательно, наполняться лицами, облеченными общественнымъ довѣріемъ, связь ихъ съ обществомъ должна была поддерживаться постоян-

---

[1]) II. т. Св. Зак. ст. 359.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же. Ст. 352.

но. Далѣе, обязанности губернаторскаго надзора распространялись и на судебныя мѣста, въ дѣятельность которыхъ онъ не имѣлъ однако права вмѣшиваться.

Дѣятельность губернатора характеризуется такимъ образомъ обязанностію *контроля, надзора*. Здѣсь центръ тяжести его должности. Надзоръ, смотрѣніе, попеченіе, наблюденіе, — вотъ выраженія, наполняющія собой губернаторскій наказъ. Такъ, напримѣръ, губернаторы, по обязанности охранять исполненіе законовъ и пользы казны, имѣютъ наблюденіе за дѣйствіями и состояніемъ *всѣхъ* управленій по дѣламъ казеннымъ во ввѣренной имъ губерніи [1]). Это общее положеніе, которымъ устанавливается отношеніе губернатора къ цѣлому ряду установленій. Затѣмъ, въ отношеніи отдѣльныхъ вопросовъ мы встрѣчаемъ подобныя же выраженія. Такъ по отношенію къ благотворительнымъ заведеніямъ, говорится: «Они имѣютъ общій высшій надзоръ за всѣми сего рода заведеніями и должны неослабно требовать, отъ кого слѣдуетъ, точнаго исполненія постановленныхъ по сей части правилъ» [2]).

Опредѣляя должность губернатора какъ организацію надзора и вытекающаго изъ него понужденія подчиненныхъ управленій къ исполненію законовъ, законодательство не останавливается на этомъ. Самый надзоръ можетъ впасть въ подробности; надзирающее лицо можетъ быть обязано провѣрять каждый актъ, выходящій изъ присутственныхъ мѣстъ. Очевидно законодательство не имѣло этого въ виду относительно губернаторскаго надзора. Мы встрѣчаемъ въ законодательствѣ до послѣдняго времени раздѣленіе надзора на общій и ближайшій. Первый принадлежитъ губернатору, второй прокуратурѣ, или такъ-называемому губернскому надзору въ тѣсномъ смыслѣ. Законодательство не ожидаетъ отъ губернатора однихъ протестовъ по отдѣльнымъ случаямъ, оно требуетъ отъ него общаго направленія администраціи. Вотъ почему въ этой должности право ревизіи, принадлежащее всякому начальству по отношенію къ подчиненнымъ, получаетъ такое особенное значеніе. Эта обязанность приводитъ губернатора въ соприкосновеніе съ верховною властію. Всеподданнѣйшіе годовые отчеты являются однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ губернатора, и постановленія о порядкѣ обозрѣнія губерніи и отчетовъ изложены во II томѣ вмѣстѣ съ постановленіями объ отвѣтственности губернаторовъ [3]). Ревизія эта

[1]) Тамъ же. Ст. 549.
[2]) Тамъ же. Ст. 538.
[3]) Тамъ же. Ст. 667—683.

распространяется и на тѣ мѣста, гдѣ губернаторъ не является непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, говоря о ревизіи губернскаго правленія, законодательство постановляетъ: губернаторъ обязанъ ревизовать дѣлопроизводство губернскаго правленія ежегодно, независимо отъ внезапныхъ и частныхъ ревизій, коимъ подлежатъ со стороны *его всѣ безъ изъятія* губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, и о коихъ онъ доноситъ каждый разъ по тому вѣдомству, куда мѣсто принадлежитъ [1].

Въ этомъ общемъ стремленіи законодательства организовать должность губернатора сообразно потребностямъ контроля замѣчались до послѣдняго времени нѣкоторыя отступленія. Такъ въ губернаторскомъ наказѣ встрѣчается обширный отдѣлъ, гдѣ личная непосредственная дѣятельность губернатора выступаетъ на первый планъ, хотя онъ и обставленъ разными коммиссіями. Мы говоримъ объ обязанностяхъ губернатора по полиціи благоустройства [2]. Но съ введеніемъ земскихъ учрежденій, вся эта обширная часть слагается съ губернатора, и онъ въ отношеніи къ ней становится въ положеніе контролера и даже прокурора. Наконецъ, съ реформой въ 1865 году губернскаго правленія, множество дѣлъ вышло изъ губернаторской канцеляріи, то-есть изъ сферы личной дѣятельности губернатора, и сосредоточилось здѣсь.

Итакъ, вотъ какое положеніе законодательство создаетъ для высшаго представителя власти въ мѣстности; идея надзора, контроля, охраненія закона все болѣе и болѣе преобладаетъ по отношенію къ этой должности. Любопытно изслѣдовать мотивы такого стремленія нашего права; но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ нимъ и къ тѣмъ выводамъ, которые можно изъ нихъ сдѣлать, необходимо остановиться еще на нѣсколькихъ любопытныхъ фактахъ, взятыхъ изъ иностранныхъ законодательствъ. Сравненіе всегда полезно при изученіи началъ государственнаго права.

Въ Пруссіи во главѣ провинціяльнаго управленія поставленъ оберъ-президентъ. Учрежденіе этой должности относится именно къ тому времени, когда, съ постепеннымъ образованіемъ министерствъ, провинціи наполнились коллегіями, между которыми распредѣлились всѣ административныя задачи. Не должно, впрочемъ, думать, чтобы провинція и другіе организмы Прусской монархіи являлись простыми административными дѣленіями. Независимо отъ государственнаго значенія, они имѣютъ самостоятельную жизнь, которая главнымъ образомъ вы-

[1]) Тамъ же. Ст. 938.

[2]) Тамъ же. См. вообще ст. 428—458.

ражается въ сословной жизни и провинціяльномъ представительствѣ. Слѣдовательно, рядомъ съ преобразованіемъ административныхъ установленій шла организація сословныхъ правъ. Должность оберъ-президента должна была удовлетворить потребностямъ этой двоякой организаціи; она учреждена въ 1808 году и преобразована въ 1809 году. Въ силу этихъ узаконеній, получившихъ въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе, оберъ-президенты поставлены именно въ положеніе надзирающихъ лицъ, что̀ отчасти доказывается самымъ названіемъ этой должности. Всѣ административныя задачи распредѣлены между различными коллегіями, во главѣ которыхъ стоятъ особые президенты. Оберъ-президентъ поставленъ какъ бы внѣ этихъ управленій, съ цѣлію равномѣрнаго распространенія правительственнаго надзора на всѣ части администраціи. Кромѣ того, его личная дѣятельность должны восполнять дѣятельность мѣстныхъ управленій, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть имъ подчинены. Такимъ образомъ сфера дѣятельности оберъ-президентовъ слагается изъ слѣдующихъ задачъ: 1) изъ вопросовъ, касающихся интересовъ цѣлой провинціи или касающихся нѣсколькихъ вѣдомствъ; 2) изъ тѣхъ задачъ, гдѣ оберъ-президентъ является представителемъ высшихъ государственныхъ учрежденій, въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 3) изъ высшаго надзора надъ дѣятельностью подчиненныхъ учрежденій. Наконецъ, въ качествѣ представителя власти, оберъ-президентъ имѣетъ опредѣленныя обязанности по отношенію къ мѣстному представительству и къ провинціальнымъ собраніямъ.

Въ Россіи и въ Пруссіи, двухъ государствахъ, которыя нельзя, конечно, обвинить въ правительственной слабости, центромъ мѣстнаго управленія является, слѣдовательно, лицо, задача котораго состоитъ въ надзорѣ за исполненіемъ предписаній, идущихъ изъ центра, и повсемѣстномъ охраненіи закона. Такимъ образомъ самая первая должность, какую мы встрѣчаемъ въ провинціи, не есть простой исполнительный агентъ высшаго правительства. Должность эта, какъ видимъ, ничего еще не говоритъ о той централизаціи, какая изображена г. Чичеринымъ: направляясь къ обезпеченію административнаго единства, она вовсе не предполагаетъ необходимости правительственнаго состава прочихъ мѣстныхъ учрежденій, ни пассивности высшихъ представителей мѣстной администраціи. Ни одно здравое, то-есть построенное на историческихъ началахъ, законодательство не превратитъ высшее провинціяльное начальство въ исполнительнаго агента центральныхъ учрежденій. Какъ только началась правильная организація нашего государства при Петрѣ Великомъ, тотчасъ въ провинціи появляются

самостоятельные органы. Затѣмъ съ упадкомъ его учрежденій, провинціальныя власти становятся временно въ такое подчиненіе къ коллегіямъ, что Екатерина II съ ужасомъ говоритъ о бѣдствіи провинцій и рабской зависимости губернаторовъ. Сравнимъ же губернаторовъ временъ Бирона и намѣстниковъ временъ Екатерины II! Первые находятся въ безусловномъ подчиненіи коллегіямъ; вторые стоятъ во главѣ этихъ коллегій, перенесенныхъ въ провинціи, и подчинены непосредственно верховной власти и ея непосредственному органу—сенату. Этого довольно, чтобы показать громадную разницу между двумя эпохами. Перенося въ провинцію разныя правительственныя задачи, давая имъ самостоятельное существованіе, законодательство не можетъ не подумать объ организаціи провинціальной личности. До образованія государства, провинція имѣетъ личность независимо отъ него. Подобная личность, очевидно, не согласна съ требованіями національнаго и государственнаго единства. Государству необходимо дать провинціи личность соотвѣтствующую съ требованіями новаго времени. Оно даетъ ей представителя власти, вокругъ котораго группируются всѣ части администраціи и даже сословная жизнь. Этимъ путемъ толчекъ, данный въ центрѣ, разносится по всѣмъ концамъ земли, какъговоритъ г. Чичеринъ. Но очевидно, отъ этого установленія личности провинціи до централизація во французскомъ смыслѣ еще далеко. Личность провинціи выражается въ лицѣ мѣстнаго представителя власти столько же въ видахъ государственнаго единства, сколько и въ интересахъ общественныхъ элементовъ. Изъ того, что во главѣ провинціи находится правительственное лицо, еще не слѣдуетъ, чтобы въ мѣстности не было ни чего, кромѣ правительственнаго персонала. Дѣйствительное *исполненіе* административныхъ задачъ можетъ быть предоставлено и общественнымъ органамъ, и это даже во многихъ случаяхъ необходимо, въ видахъ согласованія административной дѣятельности съ разнообразными потребностями мѣстности. Заключеніе мѣстной администраціи въ тѣсную сферу правительственныхъ органовъ ведетъ къ страшной односторонности административной дѣятельности. Мы видѣли уже, что государство можетъ разрѣшить многіе существенные вопросы исключительно съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ соображеній, и что это можетъ вредно отразиться на интересахъ страны. Отношеніе государства къ обществу опредѣляютъ какъ отношеніе единства къ разнообразію. Положеніе это часто повторяютъ въ теоріи, но мало примѣняютъ къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ внутренняго управленія. Единство есть такой же законъ государственной жизни какъ

разнообразіе, и равномѣрное дѣйствіе, какъ органовъ единства, такъ и органовъ разнообразія, есть необходимое условіе государственнаго развитія. Единство представляется государствомъ и его оффиціальными органами, разнообразіе проявляется въ дѣятельности общества. Уничтожать одно въ пользу другаго значитъ уничтожать условія правильнаго общественнаго развитія.

Прежде всего подобное сочетаніе необходимо для того, чтобы личность провинціи стала дѣйствительнымъ, жизненнымъ фактомъ. Должность главы провинціи только формально изображаетъ эту личность. Дѣйствительное содержаніе дается ей только общественными элементами. Вотъ почему французскіе департаменты, коихъ личность опирается только на должность префекта, не имѣютъ никакой жизненности, они чисто механическое дѣленіе. Вотъ почему, напротивъ, наши губерніи все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ жизненное значеніе. Если бы дѣятельность Екатерины II остановилась на учрежденіи о губерніяхъ, русская область получила бы только лучше организованныя правительственныя учрежденія, но осталась бы механическимъ дѣленіемъ, основаннымъ на числовомъ отношеніи жителей и пространства мѣстности. Но къ учрежденію о губерніяхъ присоединилась жалованная грамота дворянству и городамъ, и провинція, въ качествѣ живаго организма, продолжаетъ свое развитіе до настоящаго времени.

На основаніи приведенныхъ соображеній, нельзя не замѣтить многихъ существенныхъ выгодъ, даваемыхъ странѣ самоуправленіемъ.

Оно устанавливаетъ правильныя и постоянныя отношенія между государствомъ и всѣми экономическими элементами страны. Правительство, управляющее посредствомъ однихъ официальныхъ органовъ, привыкаетъ смотрѣть на страну какъ на простую совокупность недѣлимыхъ. Оно нигдѣ ни въ чемъ не видитъ преградъ своимъ распоряженіямъ; подъ именемъ преградъ мы разумѣемъ здѣсь не совокупность провинціяльныхъ *вольностей*, на основаніи которыхъ провинціяльное населеніе могло бы противиться законнымъ требованіямъ правительства; здѣсь имѣются въ виду тѣ историческія условія и экономическія начала, которыми должна опредѣляться дѣятельность каждаго правительства, которыя дѣлаютъ его политику истинно національною. Безъ этихъ условій правительство легко превращается въ отвлеченнаго мыслителя, a priori устанавливающаго разные законы. Эти условія иногда требуютъ нововведеній, иногда задерживаютъ ихъ, если они не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ общества. Благодаря имъ, правительство двигается вмѣстѣ съ обществомъ; историческая

жизнь и ея постепенное развитіе дѣлается мотивомъ и критеріумомъ правительственной дѣятельности, и государство становится *глубоко историческимъ*. На это можно возразить, что народная жизнь во всякомъ случаѣ отбрасываетъ нововведенія, если они противорѣчатъ духу народа, и вызываетъ нововведенія, если созрѣли соотвѣтствующіе общественные элементы; что маіораты, гильдіи, цехи, несмотря на старанія Петра Великаго, не удались въ Россіи; что учрежденіе о губерніяхъ и дворянская грамота сами собой вышли изъ предшествующей исторіи нашего отечества. Народные инстинкты и сила общественнаго развитія дѣйствительно направляютъ правительственную дѣятельность, но положиться на одни инстинкты и на одно умѣнье чутьемъ понимать смыслъ историческаго движенія страны болѣе чѣмъ неразчетливо. Сознательная дѣятельность во всемъ, а въ особенности въ государственной политикѣ, непремѣнное условіе успѣха. Сознательность же эта возможна только при возможности слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ наростаніемъ общественныхъ силъ, выражающемся въ положительной дѣятельности органовъ самоуправленія. Иначе государство легко можетъ отвыкнуть отъ историческихъ соображеній. А извѣстно, къ какимъ результатамъ ведетъ систематическое отрицаніе историческихъ условій. Когда наступаетъ эпоха такого отрицанія, правительство перестаетъ провѣрять свои *мѣропріятія* на общественныхъ потребностяхъ; общество превращается, въ его сознаніи, въ безформенную массу гражданъ, которой можно дать какую угодно форму. Забываются живые интересы созданные исторіей, силу получаютъ чисто отвлеченныя понятія. Предъ сознаніемъ политическихъ дѣятелей, лишеннымъ національной основы, начинаютъ носиться смутныя понятія объ отвлеченныхъ человѣческихъ правахъ. Мѣсто исторіи заступаетъ для нихъ разумъ. Прислушаемся, напримѣръ, что̀ говоритъ въ подобную эпоху дѣятель, котораго воззрѣнія на значеніе историческаго прогресса до настоящаго времени не утратили своего интереса. «Права людей, соединенныхъ въ общества, восклицаетъ Тюрго, основаны *не на исторіи ихъ*, но на *ихъ природѣ*». Скоро на мѣсто природы становится *разумъ*. Бретань проситъ у учредительнаго собранія 1790 года возстановленія ихъ прежнихъ земскихъ чиновъ. Мирабо возмущается противъ этого требованія. «Національныхъ правъ, говоритъ онъ, должно искать не въ старыхъ хартіяхъ, а въ разумѣ: его права столь же древни какъ время и столь же священны какъ законы природы!» Мало того. Представитель историческаго порядка, человѣкъ, думавшій даже востановить мѣстное самоуправленіе, Лудовикъ XVI,

и тотъ *во имя разума* торжествуетъ замѣну провинцій департаментами. Что же удивительнаго, если чрезъ нѣсколько времени Робеспьеръ велитъ служить молебны богинѣ *разума?*

Указывая на важное значеніе историческихъ условій въ политической жизни общества, авторъ извѣстнаго сочиненія *Die bürgerliche Gesellschaft,* г. Риль, обращается съ рѣзкою критикой къ тому старому либерализму, «который въ мелочахъ боролся противъ бюрократіи, но, самъ того не замѣчая, шелъ съ нею рука объ руку во всѣхъ главныхъ пунктахъ». «Не имѣть исторической почвы, говоритъ Риль, значило для него быть свободномыслящимъ, изъ-за государства, онъ забывалъ общество [1]). Онъ признавалъ только государственныхъ гражданъ. Абстрактное понятіе свободнаго государства было нравственнымъ топоромъ, который долженъ былъ срубить всякую культурно-историческую способность народной жизни. Только свобода считалась правомъ, вольности же несправедливостію. Но это понятіе лишь всеобщей оффиціальной свободы государства не могло никогда привиться къ народу. Сдѣлавшись свободнымъ, онъ хотя и воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ и восхвалялъ въ своихъ бесѣдахъ эту свободу, но на самомъ дѣлѣ всегда добивался не свободы, а «вольности». Старый либерализмъ нивелировалъ общество во имя оффиціальной опеки».

VII.

Все это такъ, скажутъ намъ; но къ чему заставлять провинцію жить своею самостоятельною жизнью? Зачѣмъ государственной власти искать общественнаго мнѣнія по разнымъ частямъ территоріи? Зачѣмъ прислушиваться ей къ массѣ противорѣчивыхъ мнѣній, толковъ мало просвѣщеннаго провинціяльнаго народонаселенія? Оно можетъ собрать всѣ эти разрозненныя мнѣнія въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, соединить этихъ представителей въ одномъ мѣстѣ и руководствоваться ихъ указаніями, какъ мнѣніемъ страны стройно организованнымъ. Словомъ, правительству достаточно прибѣгнуть къ народному представительству. При этой системѣ сохранится единство административнаго дѣйствія съ необходимою долей участія общества въ управленіи. Возраженіе это обыкновенно дѣлается централизато-

---

[1]) Мы сказали бы: не зналъ его. Наука объ обществѣ выработалась только въ новѣйшее время, чему не мало способствовалъ самъ Риль.

рами, когда они хотятъ показать *какъ централизація можетъ быть согласована съ свободой.* Но оно основано на смѣшеніи понятій. Если бы дѣло шло объ *установленіи свободы*, то дѣйствительно представительныя учрежденія явились бы полезнѣйшимъ орудіемъ, хотя и не исключали бы необходимости мѣстныхъ учрежденій. Но, какъ мы видѣли, въ вопросѣ о самоуправленіи рѣчь идетъ не о политической организаціи и свободѣ, а объ административной организаціи, въ виду лучшаго обезпеченія разнообразныхъ общественныхъ интересовъ. Здѣсь представительныя учрежденія не могутъ замѣнить мѣстнаго самоуправленія. Интересъ понятіе въ высшей степени конкретное. Оно не можетъ быть переносимо изъ выработавшей его сферы въ другую, хотя бы и высшую. Положеніе, что самоуправленіе есть завѣдываніе различными предметами администраціи чрезъ лицъ непосредственно въ нихъ заинтересованныхъ, до настоящаго времени понимается весьма односторонне. Высказывая его, преимущественно имѣютъ въ виду *право* каждаго лица участвовать въ дѣлахъ, въ коихъ онъ заинтересованъ, слѣдовательно самоуправленіе является однимъ изъ видовъ гражданскихъ вольностей. Но есть и другая сторона этого положенія. Участіе въ администраціи лицъ непосредственно заинтересованныхъ *необходимо* въ виду самихъ этихъ разнообразныхъ интересовъ общества и государства. Оно выводитъ на сцену дѣйствительно насущныя потребности, и выводитъ ихъ по мѣрѣ ихъ появленія въ различныхъ общественныхъ организмахъ. Между тѣмъ сознаніе этихъ потребностей утрачивается, какъ скоро обсуждающая власть покидаетъ мѣстность и сосредоточивается исключительно въ центрѣ. Отсюда проистекаютъ весьма важныя невыгоды для мѣстности, для государства и для самихъ представительныхъ учрежденій. Мѣстныя нужды начинаютъ обсуждаться подъ вліяніемъ однихъ общегосударственныхъ соображеній. Можетъ-быть, отъ этого выигрываетъ *единство,* но каждый согласится, что *разнообразіе* не принимается въ такомъ случаѣ въ разчетъ. Не только самый способъ обсужденія, но и предѣлы его видоизмѣняются съ большою невыгодой для мѣстности. Обсужденіе мѣстныхъ учрежденій остается въ предѣлахъ дѣйствительныхъ нуждъ. Разсужденія представительныхъ собраній могутъ быть увлечены разными отвлеченными идеями о требованіяхъ цивилизаціи, общечеловѣческаго прогресса, національной славы и т. д. Мало-по-малу, собранія эти могутъ оставить практическую почву интересовъ и руководствоваться одними теоретическими соображеніями, переставъ соразмѣрять свои требованія съ наличными средствами націи и даже требуя

вещей неосуществимыхъ. Находясь въ критическомъ отношеніи къ правительству, они, съ точки зрѣнія теоретическихъ соображеній, склонны возлагать на него неумѣренныя надежды, и въ случаѣ неосуществленія ихъ, подвергать его безпощадному порицанію. При отсутствіи мѣстныхъ учрежденій, и вмѣстѣ съ ними лицъ, знакомыхъ съ дѣйствительными потребностями и средствами края, порицаніе это ведетъ къ большимъ бѣдствіямъ. Масса гражданъ, устраненная отъ администраціи, незнакомая съ правительственною практикой, охотно читаетъ и слушаетъ горячія рѣчи «своихъ защитниковъ», и масса недовольныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Напротивъ, мѣстныя учрежденія, дѣйствуя на основаніи положительныхъ данныхъ, являются болѣе снисходительными судьями. Они даютъ возможность правительству шагъ-за-шагомъ осуществлять національныя потребности, по мѣрѣ ихъ наростанія; они обезпечиваютъ твердое, постепенное, то есть историческое развитіе страны. Наконецъ, при отсутствіи самоуправленія извращается самое значеніе палатъ. Изъ сферы высшихъ политическихъ вопросовъ они спускаются въ подробности администраціи и легко погрязаютъ въ подробностяхъ управленія, занимаясь безпощаднымъ регламентерствомъ.

Этимъ не ограничиваются услуги, оказываемыя свободными мѣстными учрежденіями въ дѣлѣ установленія связи между правительствомъ и всѣми элементами общества. Они проводятъ идею единства не только въ государственныя, но и въ общественныя отношенія.

Здѣсь прежде всего мы должны высказать афоризмъ, который имѣетъ характеръ довольно избитой, но не доказанной истины. Именно, мы должны высказать положеніе, что органы самоуправленія служатъ лучшею политическою школою, болѣе всего содѣйствуютъ развитію гражданскаго духа. *Избитость* этого положенія объясняется тѣмъ, что каждый защитникъ самоуправленія приводитъ его какъ солидное доказательство своей теоріи; *недоказанность* его заключается въ томъ, что сила этого аргумента покоилась на соображеніяхъ индивидуализма и личной свободы. Свободныя мѣстныя учрежденія, говорятъ намъ, полезны, потому что въ нихъ развивается сила частной инціативы, что здѣсь человѣкъ привыкаетъ къ общественной дѣятельности, воспитывается какъ гражданинъ одного великаго государства. Возраженія противъ этого ясны сами собою: индивидуализмъ въ дѣлѣ управленія дѣлаетъ администрацію орудіемъ личныхъ цѣлей, эгоистическихъ стремленій; мѣстные интересы, по природѣ своей, не способны образовать гражданина, община съ ея узкими стремленіями мало чѣмъ от-

личается отъ личности; превосходный членъ общины можетъ оказаться плохимъ гражданиномъ, напротивъ истинный гражданинъ бываетъ иногда принужденъ забыть свои мѣстные интересы, принести ихъ въ жертву великимъ государственнымъ цѣлямъ и т. д. Я не стану продолжать эту аргументацію, которая можетъ быть продолжена до безконечности. Эта аргументація есть развитіе, такъ сказать оборотной, вредной стороны индивидуализма, подобно тому какъ теорія децентрализаторовъ есть развитіе его хорошихъ качествъ. Если бы споръ постоянно долженъ былъ оставаться въ сферѣ индивидуальныхъ качествъ человѣка, трудно было бы предвидѣть ему конецъ, невозможно было бы придти къ какому-нибудь удовлетворительному разрѣшенію. Но вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ не на основаніи только тѣхъ или другихъ человѣческихъ свойствъ, а на основаніи болѣе положительныхъ соображеній.

Если бы между человѣкомъ, какъ простымъ экономическимъ дѣятелемъ, и человѣкомъ, какъ гражданиномъ, не было никакихъ посредствующихъ понятій, тогда дѣйствительно не было бы никакихъ основаній предпочитать дѣятельность его въ кругу мѣстныхъ учрежденій участію его въ государственной жизни. Но исторія доказываетъ что человѣческія общества не сразу дошли до государства и его отвлеченныхъ цѣлей; можетъ ли иначе быть съ отдѣльнымъ человѣкомъ? Можетъ ли онъ, вступая въ общежитіе, быть только гражданиномъ вездѣ и во всемъ? Можетъ ли онъ забыть интересы, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ цѣлую жизнь? Въ наше время громадныхъ государствъ, когда непосредственная государственная жизнь каждаго человѣка сдѣлалась невозможностію и нелѣпостью, масса отдѣльныхъ людей фактически могутъ пробыть членами общества и только изрѣдка выступать въ качествѣ активныхъ членовъ государства. Между тѣмъ, гражданское чувство воспитывается активною дѣятельностію, а не пассивнымъ участіемъ въ томъ или другомъ учрежденіи. Гражданское чувство не можетъ быть воспитано въ народѣ только его обязанностію платить подати, поставлять рекрутъ, строить дороги и т. д. Между тѣмъ рѣдкое изъ государствъ можетъ доставить своимъ гражданамъ активное участіе въ политической жизни. Даже въ тѣхъ странахъ гдѣ процвѣтаетъ политическая свобода, гдѣ есть народное представительство, и тамъ гражданинъ дѣйствуетъ какъ часть великаго цѣлаго только выбирая членовъ разныхъ государственныхъ установленій, то-есть въ нѣсколько лѣтъ разъ. Не имѣя самъ никакой активной политической и общественной жизни, онъ привы-

каетъ равнодушно относиться и къ этимъ немногимъ собственнымъ гражданскимъ актамъ, и къ дѣятельности избранныхъ имъ лицъ. Замкнутый въ свою индивидуальную сферу со всѣми ея эгоистическими интересами, онъ отвыкаетъ отъ пониманія интересовъ коллективныхъ, тѣмъ болѣе такихъ отвлеченныхъ, какъ интересы государственные.

Человѣчество во всей его совокупности воспитывалось постепенно къ общежитію, оставляя при переходѣ отъ одного организма къ другому часть своихъ эгоистическихъ свойствъ, пока наконецъ не сдѣлалось способнымъ къ высшимъ формамъ общежитія. Не то же ли самое представляетъ жизнь отдѣльнаго человѣка? Конечно, подъ вліяніемъ развитой общественной сферы, въ которой онъ живетъ, подъ вліяніемъ готоваго политическаго порядка, онъ болѣе *общественное животное* чѣмъ его предки. Онъ сознаетъ бо̀льшую сумму общественныхъ интересовъ. Но между сознаніемъ этихъ интересовъ и должнымъ ихъ пониманіемъ разстояніе громадное. Масса рабочихъ во Франціи сознаетъ себя Французами и высоко ставитъ свое государство. Но общественному строю плохо приходится отъ подобнаго сознанія. Вѣруя во всемогущество государства, они предъявляютъ ему всевозможныя требованія, осуществленіе которыхъ часто грозитъ существованію той или другой общественной формы. Общество осуществляется и выражается для нихъ только въ государствѣ; они отчасти и правы, потому что, начиная съ XV столѣтія, французское правительство старалось увѣрить въ этомъ націю. При такомъ порядкѣ дѣлъ масса не чувствуетъ зарожденія общественныхъ интересовъ, не видитъ постепеннаго образованія государственныхъ силъ, не осязаетъ средствъ этого государственнаго общества, отъ котораго она такъ много требуетъ. Отъ нея закрыты тайны этой громадной лабораторіи, называемой общественно-государственною жизнью. Она видитъ только готовые результаты дѣятельности этой могущественной, невидимой руки, въ образѣ театровъ, желѣзныхъ дорогъ, больницъ, школъ, академій, дворцовъ. Чего только не даетъ эта рука, и чего, слѣдовательно, нельзя отъ нея ожидать! Когда государство беретъ такимъ образомъ въ свои руки всѣ интересы, его дробная общественная дѣятельность заслоняетъ его высокое общественное призваніе. Погрязшее въ подробностяхъ администраціи, оно само легко утрачиваетъ сознаніе своихъ высшихъ цѣлей. Тѣмъ болѣе сознаніе этихъ цѣлей утрачивается у людей стоящихъ внѣ государства въ тѣсномъ смыслѣ. Видя исключительно будничную дѣятельность правительства, они легко убѣждаются, что его призваніе служитъ исключительно индивидуаль-

нымъ интересамъ, и мало-по-малу это убѣжденіе переходитъ въ положительное стремленіе подчинить эту силу своимъ эгоистическимъ стремленіямъ. Вотъ почему безмѣрная централизація часто приводитъ къ потерѣ общественнаго сознанія и способствуетъ развитію индивидуальныхъ стремленій. Высшее государственное сознаніе въ обществѣ засыпаетъ, если государство беретъ на себя удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ общества. Это еще лучшій исходъ. Удовлетворяя матеріальнымъ стремленіямъ общества, государство хотя сколько-нибудь удовлетворяетъ своему назначенію, но что̀ будетъ, если оно только за собой признаетъ право устанавливать общественныя цѣли? Итакъ, съ одной стороны, государство служащее лишь матеріальнымъ цѣлямъ общества и нерѣдко превращающееся въ орудіе партій, съ другой, государство вовсе непризнающее общественныхъ цѣлей, вотъ два возможные исхода централизаціи. Или индивидуальныя стремленія разрознятъ общественный строй, *понесутъ землю розно*, или установится единство, убійственное для жизни общества. Первый случай есть путь къ анархіи; второй открываетъ дорогу деспотизму, и тотъ и другой результатъ убиваетъ національное чувство въ корнѣ.

Напротивъ, здраво установленная и организованная іерархія общественныхъ цѣлей есть самое могущественное орудіе для воспитанія гражданскаго чувства. Французы жалуются, что члены общихъ совѣтовъ (conseils généraux) плохо исполняютъ свои обязанности, что мѣстныя нужды мало ихъ интересуютъ, что вообще они мало способны къ самоуправленію. Но что̀ же дѣлать! Въ теченіе вѣковъ Французъ привыкалъ сознавать себя *только* членомъ de le grande nation; другія соединенія и группы были ему не понятны и даже подозрительны съ точки зрѣнія національнаго единства; департаменты въ его глазахъ (и совершенно справедливо) представляются простымъ механическимъ дѣленіемъ. Какъ же онъ можетъ быть дѣятельнымъ органомъ самоуправленія? Нѣтъ ничего удивительнаго, если по отношенію къ провинціи онъ вполнѣ равнодушенъ, а на центральное правительство смотритъ съ точки зрѣнія индивидуальныхъ интересовъ.

Централизаторы охотно дѣлаютъ еще такое возраженіе противъ мѣстныхъ учрежденій. Мѣстныя учрежденія, говорятъ они, суть арена для мелкихъ страстей. Истинныхъ гражданскихъ доблестей здѣсь нельзя встрѣтить. Напротивъ, истинно великіе таланты чуждаются этой узкой сферы: великій человѣкъ бываетъ смѣшонъ въ мѣстномъ собраніи. Наоборотъ, ораторъ, отличающійся въ провинціальныхъ учрежденіяхъ, обыкновенно оказывается ничтожествомъ въ государ-

ственномъ управленіи. Дюпонъ-Уайтъ не можетъ себѣ представить Юлія Цезаря членомъ какого-нибудь conseil général.

Можно подумать, что централизаторы имѣютъ въ виду такой образъ правленія, гдѣ вся масса активныхъ гражданъ непосредственно участвуетъ въ государственномъ управленіи, и что рѣчь идетъ о томъ, какъ бы она для своихъ мѣстныхъ интересовъ не забыла государственнаго блага. Они какъ будто имѣютъ въ виду государства древности. Не даромъ Дюпонъ-Уайтъ вспоминаетъ Юлія Цезаря. Но новыя государства построены на иныхъ началахъ. Жизнь гражданина древняго государства имѣла одинъ для всѣхъ общій центръ — народное собраніе, форумъ. Распредѣленіе занятій и общественныхъ классовъ происходило съ точки зрѣнія интересовъ этого народнаго собранія и интересовъ государства. Государство разсматривалось какъ общество живущее только политическою жизнью. Какъ бы ни была полезна и необходима дѣятельность человѣка съ экономической точки зрѣнія, она не давала ему правъ считаться гражданиномъ. Хотя, говоритъ Аристотель [1]), государство есть и должно быть довлѣющею себѣ массою гражданъ, но не всѣ лица, необходимыя для существованія государства, должны считаться гражданами. Вслѣдствіе этого земледѣльцы, ремесленники, промышленники не могли считаться полноправными гражданами. «Гражданинъ, прибавляетъ Аристотель, долженъ имѣть философскій досугъ». Новое государство иначе устроило свои отношенія. Оно заботливо ограждаетъ гражданскими правами каждаго, чей трудъ обезпечиваетъ существованіе государства въ томъ или другомъ отношеніи. Каждый долженъ являться не только гражданиномъ, но и извѣстною экономическою единицей. Государственная жизнь состоитъ не только въ исполненіи извѣстныхъ политическихъ обязанностей, но преимущественно въ поддержаніи національнаго экономическаго, умственнаго, нравственнаго быта страны. Отсюда другія основанія раздѣленія труда чѣмъ въ древности. Всякое занятіе берется государствомъ въ разчетъ, и каждому сообщается гражданскій характеръ. Человѣкъ можетъ избрать занятіе, имѣющее, повидимому, мало отношеній къ общегосударственной жизни, и остается гражданиномъ.

Но это обстоятельство, столь выгодное для всесторонняго развитія національной жизни, то-есть для *разнообразія,* можетъ вести къ результатамъ невыгоднымъ для государственной жизни со стороны *единства.* Раздѣленіе труда, въ томъ видѣ какъ оно можетъ быть осуществлено въ настоящее время, можетъ спеціализировать трудъ до

---

[1]) *Политика,* кн. III и II.

такимъ предѣловъ, гдѣ уже теряется сознаніе общности интересовъ. Можетъ установиться порядокъ вещей, когда государственныя задачи станутъ занимать только тѣхъ, для кого онѣ стали ремесломъ. Самоуправленіе является именно тѣмъ средствомъ, помощію котораго индивидуальная жизнь легче всего связывается съ государственною. Съ помощію самоуправленія каждый человѣкъ хотя навремя можетъ перестать быть только сапожникомъ, башмачникомъ, столяромъ, мѣдникомъ, землевладѣльцемъ, фабрикантомъ и стать гражданиномъ. Слово *гражданинъ*, оставаясь отвлеченнымъ понятіемъ, еще не способно само по себѣ породить гражданское чувство. Послѣднее порождается прежде всего массой привязанностей, начиная съ любви къ семейному очагу и общинѣ и кончая національною гордостію, постояннымъ участіемъ въ какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ, начиная съ небольшой проселочной дороги и кончая защитой государственныхъ границъ. Для того чтобы слово это имѣло смыслъ, необходимо, чтобы вся совокупность общественныхъ интересовъ лежала въ основѣ дѣятельности каждаго гражданина. Гражданское чувство не можетъ опираться лишь на отвлеченныя понятія общей пользы, блага отечества и т. д. Такими общими представленіями способны увлекаться только исключительныя натуры. Для массы людей нужны болѣе конкретныя понятія. Общественный и государственный строй проченъ тогда, когда большинство людей можетъ чувствовать свою связь съ другими людьми и государствомъ, *не выходя изъ сферы своихъ обыденныхъ занятій*. Государственныя задачи нуждаются въ исполнителяхъ кромѣ людей, спеціально посвятившихъ себя публичной дѣятельности. Значительная часть ихъ такъ связана съ будничными вопросами, что гражданинъ, не выходя изъ сферы своихъ обыденныхъ занятій, можетъ являться вполнѣ удовлетворительнымъ администраторомъ. Можно даже сказать, что скопленіе всѣхъ этихъ задачъ на рукахъ высшаго правительства скорѣе чѣмъ что-либо можетъ привести къ тому результату, на который указываетъ Дюпонъ-Уайтъ, воображая Юлія Цезаря членомъ conseil général. Ему не хочется, чтобы геній былъ замкнутъ въ сферу мѣстнаго управленія и исполнялъ дѣло посредственности: при централизаціи онъ долженъ будетъ взяться за эти дѣла, съ тою только разницей, что ему придется дѣйствовать не на практической почвѣ мѣстныхъ соображеній, а въ области рутинныхъ началъ центральной администраціи.

Если мѣстное самоуправленіе устраняетъ, такимъ образомъ, вредное разобщеніе между правительствомъ и общественными классами, то не меньшую услугу оказываетъ оно относительно общенія этихъ

классовъ, установляя для нихъ общія точки прикосновенія. Общественное единство существенная опора единства политическаго. Оно важнѣе административнаго единства. Послѣднее есть только результатъ политическаго единства; напротивъ, единство общественное порождаетъ всѣ другіе виды національнаго единства. Лишь когда всѣ силы народа проникнуты одною мыслію, возможна истинно-крѣпкая національность. Потребность общественнаго единства въ особенности ощущается въ новое время, когда понятіе общества выдѣлилось изъ понятія государства, когда общество стремится жить своею самостоятельною жизнью, и государственное устройство все болѣе и болѣе становится внѣшнею формой того или другаго общественнаго содержанія.

Наконецъ, совокупность мѣстныхъ общественныхъ учрежденій представляетъ серіозныя гарантіи для повсемѣстнаго и прочнаго господства закона. Противники самоуправленія обыкновенно возражаютъ, что учрежденія эти развиваютъ въ гражданахъ духъ неповиновенія по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Это утвержденіе лишено всякаго основанія. Должно прежде всего различать, какіе законы имѣютъ при этомъ въ виду? Если законы основные и органическіе, то всякое опасеніе неумѣстно. Основными законами опредѣляются высшія основанія государственной жизни, касаться которыхъ органы мѣстнаго самоуправленія не имѣютъ права; законы же органическіе сами по себѣ дороги органамъ самоуправленія: ими устанавливаются ихъ права, дается имъ прочное положеніе. Можно сказать, что нѣтъ лицъ болѣе заинтересованныхъ въ точномъ исполненіи законовъ, какъ органы самоуправленія, потому что съ этимъ исполненіемъ связано самое ихъ существованіе. Опасность *неповиновенія* возникаетъ только по отношенію къ такъ-называемымъ административнымъ распоряженіямъ. Дѣйствительно, органы самоуправленія склонны критически относиться къ этимъ распоряженіямъ. Административныя мѣры нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ органическими законами, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что органы саммоуправленія сопротивляются имъ столько же въ видахъ охраненія органическихъ законовъ, сколько и съ цѣлію отстоять самое свое существованіе, которое тѣсно связано съ соблюденіемъ сихъ законовъ. Въ этой борьбѣ возможны два случая. Административныя рапоряженія могутъ идти въ разрѣзъ съ законодательствомъ, и тогда органы самоуправленія, очевидно, должны отстаивать силу существующаго закона установленными для того путями. Или административное распоряженіе можетъ быть вполнѣ согласно съ дѣйствующимъ законодательствомъ; сопротивленіе же органовъ самоуправ-

ленія явится актомъ ничѣмъ не оправдываемой оппозиціи правительству. Но какую опасность представляетъ эта оппозиція? Органы самоуправленія не занимаютъ верховнаго положенія въ мѣстной администраціи; право контроля, надзора, общаго направленія дѣлъ принадлежитъ не имъ; не въ ихъ средѣ находится лицо, облеченное довѣріемъ высшей власти и полномочіемъ такъ или иначе осуществлять задачи государства. Въ рукахъ правительства находятся всѣ средства, чтобы ввести органы самоуправленія въ надлежащую сферу. Притомъ трудно представить себѣ, чтобъ они рѣшились на какое-либо сопротивленіе безъ особенно важныхъ поводовъ. Иногда, наконецъ, такое столкновеніе есть результатъ внутренняго противорѣчія въ самомъ законодательствѣ, плодъ неясной редакціи статей его, невыработанность общихъ началъ кодекса. Иногда дѣятельность общественныхъ органовъ обставлена такими условіями, что какъ они ни повернись, непремѣнно задѣнутъ какое-нибудь правительственное учрежденіе. Въ этихъ случаяхъ вина лежитъ не на общественныхъ органахъ, которые, повторяемъ, по сущности своей заинтересованы прежде всего строгимъ и точнымъ исполненіемъ органическихъ законовъ.

Усиливая значеніе закона для общественной жизни, самоуправленіе въ то же время даетъ бóльшую силу государственной власти, въ томъ смыслѣ, что съ помощію его разные общественные элементы, стоявшіе прежде внѣ государственной жизни, получаютъ организацію и поступаютъ подъ контроль правительства. Государство, которое думаетъ ограничиться одними офиціальными органами, можетъ быть увѣрено, что всегда найдутся извѣстныя стороны экономической, умственной и общественной жизни, которыя развиваются помимо его. Наростаніе ихъ, сначала незамѣтное, въ послѣдствіи образуетъ силу, стоящую внѣ государственной дѣятельности и нерѣдко враждебно относящуюся къ правительству. Проникнуть въ такія сферы съ помощію однихъ правительственныхъ органовъ неудобно, а иногда и опасно: это значило бы иногда подчинить правительственному надзору такія сферы, гдѣ правительственная дѣятельность ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ. Напротивъ, съ организаціей общественныхъ элементовъ въ формѣ мѣстныхъ учрежденій, каждое новое стремленіе въ обществѣ находитъ для себя законный исходъ и даетъ возможность правительству слѣдить за каждымъ шагомъ народнаго развитія, совершающагося у него на глазахъ.

Мы указали выгоды, представляемыя самоуправленіемъ, ограничиваясь разсмотрѣніемъ ихъ съ точки зрѣнія общегосударственной пользы

и оставляя въ сторонѣ все ихъ разнообразіе съ точки зрѣнія пользъ мѣстнаго населенія.

Почти ни одно государство не можетъ обойтись безъ участія общества въ управленіи. Но вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ участіе это выражается далеко не въ одинаковой степени и формѣ. По мнѣнію Лоренца Штейна, которое мы въ общихъ чертахъ раздѣляемъ, три системы раздѣляютъ въ настоящее время Западную Европу въ этомъ отношеніи.

Первая система основывается на строгомъ разграниченіи дѣлъ центральнаго правительства и задачъ мѣстныхъ, причемъ мѣстныя задачи вполнѣ представляются мѣстнымъ властямъ. За правительствомъ остается только право надзора, чтобы задачи его, возложенныя на мѣстныхъ органовъ, дѣйствительно были исполнены. Вслѣдствіе этого правительственный персоналъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ судебныхъ мѣстахъ, которыя охраняютъ интересы закона и общей государственной власти. Органы самоуправленія имѣютъ всѣ функціи самостоятельной власти; они могутъ издавать разныя постановленія и приводить ихъ въ исполненіе. Исполнительная власть соединена тамъ съ совѣщательной или въ одномъ лицѣ, или въ цѣломъ собраніи. Мэръ напр., какъ исполнительная власть, не можетъ не быть членомъ муниципальнаго совѣта; постороннее лице, не принадлежащее къ составу муниципальнаго совѣта, не можетъ занять этой должности; оттого органы самоуправленія имѣютъ здѣсь полную свободу дѣйствій. Система эта главнымъ образомъ господствуетъ въ Англіи.

Во второй системѣ нѣтъ строгаго разграниченія между дѣлами центральнаго правительства и мѣстности. Всѣ они составляютъ сферу общей правительственной дѣятельности. Участіе общества допускается только въ формѣ совѣта, заключенія и постановленія, которое приводится въ исполненіе не органами общества. Общественные организмы не имѣютъ своихъ исполнительныхъ органовъ. Эта система главнымъ образомъ развита во Франціи и другихъ государствахъ, заимствовавшихъ ея государственныя формы. По мысли учредительнаго собранія въ департаментскихъ собраніяхъ сосредоточивалось и обсужденіе (délibération) и дѣйствіе (l'action). Но законъ VIII года республики, учредившій префектовъ, положилъ начало этому раздѣленію, причемъ дѣятельность перешла въ руки правительственныхъ органовъ, а обсужденіе осталось въ рукахъ административныхъ тѣлъ [1]).

[1]) Marquis de S-te Hermine. Traité de l'organisation municipale, p. 23., относитъ эту перемѣну еще къ 1789: «d'après les dispositions de la loi du 18 de-

Не имѣя своихъ исполнительныхъ органовъ, различные совѣты, въ которыхъ проявляется участіе общества въ управленіи, и преимущественно такъ называемые генеральные совѣты, не имѣютъ такой связи съ общею администраціей мѣстности, какъ это необходимо для огражденія мѣстныхъ интересовъ.

Наконецъ третья система устанавливаетъ различныя степени самостоятельности органовъ самоуправленія. Нѣкоторыя задачи поступаютъ въ полное завѣдываніе этихъ органовъ, какъ дѣйствительныхъ органовъ правительства, другія совершенно извлекаются изъ ихъ вѣдомства, по отношенію къ третьимъ допускается совѣщательное ихъ участіе. Конечно эта система допускаетъ всевозможныя видоизмѣненія. Тѣмъ не менѣе въ сферѣ ихъ дѣятельности можно замѣтить двѣ существенныя части — сферу, гдѣ эти органы дѣйствуютъ какъ представители правительства, и сферу, гдѣ они дѣйствуютъ въ силу права на самоуправленіе, т. е. на завѣдываніе собственными своими интересами. Л. Штейнъ предлагаетъ назвать первую сферу *должностною* (amtlicher Wirkungskreis), вторую *свободною* (freier Wirkungskreis). Это дѣленіе соотвѣтствуетъ тому, которое уже существуетъ въ Австрійскомъ законодательствѣ подъ названіемъ для 1-го übertragener Wirkungskreis и для 2-го natürlicher Wirkungskreis.

Соглашаясь въ общихъ чертахъ съ классификаціею знаменитаго публициста мы не можемъ однако не замѣтить, что принципы, выставленные имъ какъ ея основанія, далеко не могутъ исчерпать всѣхъ отношеній государственной власти къ провинціи. Исходя изъ полнаго соединенія совѣщательной и исполнительной власти въ земскихъ органахъ, какъ отличительнаго признака классическихъ странъ самоуправленія, въ противуположность Франціи, авторъ не приводитъ различія между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. По его мнѣнію правительственная система этихъ двухъ странъ вполнѣ тождественна; онъ

cembre 1789... l'autourité municipale cesse de resider dans l'assemblée générale, et l'on commence à distinguer, dans son organisation, l'autorité qui exécute et la faculté qui delibère». Но всѣ эти власти были выборныя и составляли одно цѣлое, слѣдовательно исполнительныя органы не имѣли еще такого значенія какъ послѣ. Напротивъ существованіе исполнит. органовъ среди совѣщательнаго тѣла способствуетъ самостоятельности послѣдняго и успѣшности дѣлопроизводства, какъ напр. существованіе земскихъ собраній и управъ. Вслѣдствіе этого гораздо основательнѣе мнѣніе la Brêm'a, въ его трудѣ Conseils Généreaux, гдѣ онъ относитъ это разграниченіе къ VIII г. Этого же взгляда держится и Л. Штейнъ Verwaltungslehre I. стр. 438 и слѣд.

такъ и называетъ ее англо-американской. Между тѣмъ нельзя не замѣтить существенной разницы между двумя странами. Англія не знаетъ, собственно говоря общины, какъ естественнаго организма (или какъ Штейнъ называетъ ее Ortsgemeinde). Жизнь дается имъ разными опредѣленными государственными задачами возложенными на нихъ, слѣдовательно она ближе всего подходитъ къ идеѣ административной общины. Затѣмъ вторая система есть принадлежность Франціи и Бельгіи. Но хотя эти страны сходятся въ одномъ пунктѣ, т. е. что въ обѣихъ исполнительная власть отдѣлена отъ совѣщательной, но они расходятся въ одномъ очень существенномъ признакѣ. Во Франціи исполнительная власть мало того что отдѣляется отъ совѣщательной, но и признается исключительнымъ достояніемъ правительства. Правительство не только назначаетъ ее само, но и избираетъ этихъ исполнительныхъ органовъ внѣ сферы общественной. Напротивъ въ Бельгіи правительственный выборъ долженъ ограничиваться сферою лицъ избранныхъ обществомъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ муниципальнаго управленія. Далѣе, провинціальные совѣты въ Бельгіи, соотвѣтствующіе генеральнымъ совѣтамъ во Франціи, имѣютъ гораздо больше автономіи, чѣмъ во Франціи имѣютъ ея генеральные совѣты. Между тѣмъ какъ во Франціи совѣты собираются только въ силу императорскаго декрета, провинціальный совѣтъ въ Бельгіи собирается въ силу своего права. Онъ самъ избираетъ себѣ президента, который во Франціи назначается правительствомъ. Наконецъ, генеральный совѣтъ во Франціи считается существующимъ только во время сессій, послѣ чего отъ него не остается ничего. Напротивъ провинціальный совѣтъ въ Бельгіи избираетъ т. наз. *постоянную депутацію*, которая имѣетъ значеніе совѣщательнаго собранія при губернаторѣ. Всѣ эти различія и многія другія, о которыхъ мы скажемъ подробно въ третьемъ томѣ этого изслѣдованія, не позволяютъ слить эти обѣ системы въ одну, подъ общимъ названіемъ Французско-Бельгійской.

Независимо отъ этого намъ кажется, что Штейнъ мало остановился на одномъ общемъ признакѣ, который можетъ и долженъ играть не малую роль при надлежащей классификаціи самоуправленія. Въ какой мѣрѣ то или другое законодательство способствуетъ образованію *личности* провинціи? По справедливому замѣчанію Штейна, только одна Германія (и, прибавимъ мы, Россія) должнымъ образомъ осуществила эту личность. Въ Англіи мѣстность представляетъ массу разрозненныхъ организмовъ; во Франціи личность департамента въ пол-

номъ объемѣ представляется только префектомъ [1]). Слѣдовательно ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ провинціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ Англіи дѣйствительное сочетаніе разрозненныхъ общественныхъ элементовъ привело бы къ федеративному устройству королевства, столь противному духу этой страны, раньше и полнѣе другихъ осуществившей идею государственнаго единства. Во Франціи должность префекта даетъ только формальное бытіе личности департамента. Настоящая провинція осуществляется только въ сочетаніи этихъ двухъ элементовъ. Формально личность провинціи можетъ осуществиться только въ лицѣ правительственнаго органа; безъ представителя и самостоятельнаго представителя верховной власти немыслимо существованіе провинціи. Но практическое содержаніе этой формально очерченной личности дается только самобытнымъ существованіемъ общественныхъ элементовъ. Въ заключеніе остановимся на нѣкоторыхъ условіяхъ, опредѣляющихъ правильное соотношеніе провинціи, какъ самостоятельной личности, къ государству.

Являясь тѣлами sui generis, провинціи служатъ не однимъ своимъ интересамъ, напротивъ, онѣ являются отчасти продолженіемъ правительственной дѣятельности. Чѣмъ выше мѣстный организмъ, тѣмъ сильнѣе его связь съ государствомъ. Допуская необходимость разнообразія въ общественной жизни, государство однако не можетъ терпѣть различныя конкретныя явленія, какъ постоянныя и необходимыя учрежденія. Оно признаетъ только общій планъ, *общую идею* извѣстнаго явленія, но не обязано признавать разнообразныя проявленія этой идеи. Оно признаетъ провинцію вообще, но не обязано свято хранить то или другое провинціяльное устройство. Оно хорошо дѣлаетъ, когда даетъ льготы провинціямъ, управляемымъ на общихъ основаніяхъ; оно поступаетъ неразчетливо, поддерживая отдѣльность провинцій, управляемыхъ на особыхъ положеніяхъ, какъ бы съ намѣреніемъ на вѣки вѣчные сохранить эти учрежденія. Всѣ мѣстныя учрежденія должны представлять такой же общій, повсемѣстный, однообразный фактъ, какъ само государство. Каждый гражданинъ долженъ имѣть право во всѣхъ мѣстностяхъ своего отечества найдти однообразный юридическій и административный порядокъ. Вслѣдствіе этого государство, признавая въ принципѣ существованіе мѣстныхъ организмовъ, видоизмѣняетъ ихъ, даетъ имъ новыя формы, сообразно выс-

[1]) Batbie. Droit pub et adm. t. IV, p. 143. Les préfets representent les départements, comme personnes morales.

шимъ потребностямъ государства, отнимаетъ у нихъ нѣкоторые аттрибуты и даетъ новые, такъ что въ концѣ концовъ они являются столько же произведеніемъ законодательства, сколько и общественныхъ элементовъ.

Если мѣстные организмы должны удовлетворять требованіямъ *государственнаго* единства, то въ большей еще степени они должны быть произведеніемъ *національнаго единства*. Для того чтобы мѣстные орнизмы являлись установленіемъ столь же однообразнымъ какъ само государство, чтобъ они являлись продолженіемъ той же единой мысли, которой высшимъ выраженіемъ служитъ государство, необходимо, чтобы самые классы общества являлись произведеніемъ одной и той же культуры, развитіемъ однородныхъ элементовъ. Въ мѣстностяхъ, не представляющихъ такого единства, самоуправленіе неспособно дать удовлетворительныхъ результатовъ. Нагляднымъ примѣромъ такихъ мѣстностей могутъ служить западныя окраины нашего отечества. Общество построено тамъ не только на разнообразныхъ, но даже на противоположныхъ началахъ. Часть его, по особенностямъ экономической жизни, по вѣроисповѣданію, по правамъ, принадлежитъ къ общему строю русской національности. Другая часть, напротивъ, является воплощеніемъ иныхъ началъ. Введеніе въ эти мѣстности настоящаго самоуправленія дало бы легальную жизнь не только сроднымъ намъ общественнымъ элементамъ, но и враждебнымъ для насъ началамъ. Поставленныя другъ подлѣ друга, начала эти вступили бы въ борьбу, и принимая во вниманіе низкій уровень образованія и слабое экономическое положеніе дружелюбной для Россіи части общества, обезпечили бы преобладаніе враждебныхъ ей стремленій. Самоуправленіе въ этихъ областяхъ означало бы освященіе сепаративныхъ, антигосударственныхъ, антинаціональныхъ и даже противуобщественныхъ стремленій, которыя привели бы къ подавленію здоровыхъ общественныхъ силъ и торжеству враждебной для насъ политики. Попеченіе правительства въ такихъ мѣстностяхъ естественно должно быть направлено къ поддержанію русскихъ началъ, а не къ развитію земскихъ учрежденій, въ томъ видѣ какъ они возможны въ другихъ областяхъ нашего отечества, гдѣ общество построено на однихъ и тѣхъ же началахъ, гдѣ всѣ отъ мала до велика проникнуты любовью и уваженіемъ къ Россіи и ея Царю.

УѢЗДЪ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Общественные классы въ Россіи XVI и XVII вѣка.

ГЛАВА I.

Первоначальная исторія Россіи опредѣляется двумя важными фактами, неизвѣстными западной Европѣ: понятіемъ о единствѣ территоріи и бродячимъ состояніемъ народонаселенія. Государственная территорія, очерченная оружіемъ первыхъ Рюриковичей, считалась общимъ наслѣдіемъ всего княжескаго рода и всѣхъ русскихъ людей. Междуусобія княжескія не мѣшали князьямъ думать объ этомъ единствѣ. „Мы несемъ Русскую землю розно"! съ печалію говорили князья и прекращали войну. Ничѣмъ не гордились они такъ, какъ прозваніемъ *добрыхъ страдальцевъ* за Русскую землю [1]). Народонаселеніе не знало тѣхъ замкнутыхъ, узкихъ сферъ, въ которыхъ проходила жизнь западно-европейскаго земледѣльца и горожанина. Вольно ходилъ и переходилъ онъ по общему отечеству. Онъ не рисковалъ, выходя изъ своего города или волости, наткнуться на чуждую область, на враждебное государство. Вездѣ была одна и та же Русская земля, раскинувшаяся на необъятное пространство. Отдѣльныя ея части не составляли самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, ни въ глазахъ князей, ни въ глазахъ служилыхъ людей и крестьянъ. Князья смотрѣли на свою волость какъ на временное владѣніе, въ которомъ они сидѣли до первой перемѣны въ Кіевскомъ княженіи и до слѣ-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. II, 10: «Преставися благовѣрный, христолюбивый и великій князь *всея Руси*, Владиміръ Мономахъ... братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю». Никонов. лѣтоп. II, 57: «Преставися благовѣрный великій князь Владиміръ Мономахъ... украшенъ былъ добрыми нравами, и прославился въ побѣдахъ за Русскую землю съ погаными Половцы».

довавшаго за нимъ перемѣщенія княжескихъ родовъ [1]). Бояре и служилые люди, извѣстные подъ общимъ названіемъ дружины, обыкновенно слѣдовали за своими князьями, перемѣщавшимися въ другія волости. Прочіе классы безпрепятственно переходили изъ одного княжества въ другое, отыскивая бо́льшихъ льготъ, лучшей земли, а иногда просто изъ страсти къ передвиженію. Переходы и кочеванье не ограничивались предѣлами государственной территоріи. Съ каждымъ годомъ расширялись предѣлы Русской земли, и это расширеніе зависѣло столько же отъ дѣятельности князей, сколько отъ успѣховъ добровольной колонизаціи [2]). При оцѣнкѣ относительнаго значенія этихъ двухъ факторовъ для распространенія Русскаго государства, современная исторія не знаетъ, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе. „Важное значеніе *вооруженной* борьбы Россіи съ Азіей, говоритъ Ешевскій, оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты *мирнаго* завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ послѣдствія несравненно многочисленнѣе". Съ тѣхъ поръ какъ среди славянскихъ племенъ появились государственныя формы и христіанская вѣра, безостановочное разлитіе великорусскаго племени среди другихъ племенъ по русскимъ равнинамъ продолжалось съ изумительною быстротой. Бродники, повольники, монастыри, казаки, раскольники, неутомимо двигались на востокъ и сѣверъ, расширяя предѣлы государственной территоріи, или лучше сказать, Русской земли. Правительство едва успѣвало слѣдовать за этимъ народнымъ движеніемъ. Между тѣмъ какъ оружіе Московскихъ царей едва успѣло подчинить себѣ Казань, повольники уже поклонились имъ Сибирью. Не всегда государственныя формы

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи II, 6: «Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ этимъ старшинствомъ стола Кіевскаго». Никонов. л. II, 265: «И сице согласившеся вси... яко отселѣ не искати и не хотѣти имъ Кіева... Но яко же отъ прадѣдъ нашихъ *лествицею кождо восхождаше* на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ и вамъ, возлюбленная и другая братія, лествичнымъ восхожденіемъ, кому аще Богъ дастъ, взыти на великое княженіе великаго Кіева».

[2]) Обширный и важный вопросъ о нашей колонизаціи едва затронутъ въ нашей литературѣ, между тѣмъ какъ разъясненіе его освѣтило бы не мало темныхъ сторонъ въ нашей исторіи. Мы не можемъ здѣсь не указать на весьма дѣльную статью г. Бестужева-Рюмина «О колонизаціи Великорусскаго племени», читанную имъ въ засѣданіи географическаго общества и затѣмъ помѣщенную въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за іюль 1867 г. Кромѣ того есть талантливый очеркъ покойнаго Ешевскаго — «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края» въ *Вѣстникѣ Европы*, т. I, 1866 г.

слѣдовали за колонизаціей. Бродники опережали правительство, и основанные ими города оставались вольными общинами, пока окрѣпшее внутри государство Московское не подчинило ихъ своей власти [1]).

Такое безпрерывное движеніе народонаселенія не могло не имѣть значительнаго вліянія на организацію государственной власти. Она не могла прикрѣпиться къ одному мѣсту, сосредоточиться въ одномъ центрѣ. При слабости государственнаго начала, при скудости правительственныхъ средствъ, она могла бы легко порвать связь съ народомъ, если бы не слѣдовала за нимъ, такъ-сказать, по пятамъ. Личное присутствіе членовъ княжескаго рода въ различныхъ областяхъ замѣняло силу крѣпкихъ административныхъ органовъ. Отъ этого, между прочимъ, зависѣло оригинальное явленіе, что раздѣленіе Руси на волости не препятствовало единству ни княжескаго рода, ни Русской земли. Громадное пространство Россіи препятствовало ея объединенію посредствомъ простаго сосредоточенія государственной власти въ одномъ мѣстѣ. Нужно было непрерывное движеніе княжескаго рода среди этого бродячаго, не установившагося народонаселенія, чтобы поддерживать связь между обществомъ и правительствомъ [2]). Сами князья смотрѣли на свои волости какъ на части одной Русской земли, а на себя какъ на членовъ одного рода. Въ правильномъ распредѣленіи и владѣніи волостями они видѣли главное условіе единства. „Отселѣ имемся въ едино сердце и станемъ блюсти русскія земли, кождо да держитъ отчину свою“, говорятъ они на съѣздѣ въ Любечѣ. Выходъ изъ рода считался величайшимъ несчастіемъ, былъ удѣломъ изгоевъ. Изгой обособлялся отъ рода, и вмѣстѣ съ нимъ обособлялась и добытая имъ волость. Результаты такого от-

---

[1]) Ничѣмъ инымъ по крайней мѣрѣ, какъ отсутствіемъ дружинно-правительственнаго начала, нельзя объяснить развитіе вѣчеваго начала въ Новгородскихъ колоніяхъ и даже въ самомъ Новгородѣ.

[2]) Солов., Исторія Россіи т. XIII, 10: «Чтобъ удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобъ движеніе не прекращалось, чтобъ представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, перебѣгали бы огромныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ безпрерывно къ общей жизни». Слѣдовательно, если даже остановиться на точкѣ зрѣнія г. Соловьева, что князья и дружина были единственными представителями историческаго движенія, централизація власти является для тѣхъ временъ невозможною и неумѣстною. Тѣмъ яснѣе должна быть сознана эта невозможность, если мы примемъ во вниманіе положеніе общества,-движеніе этихъ колонизаторовъ, слишкомъ мало, сколько намъ кажется, оцѣненное г. Соловьевымъ.

дѣленія были невыгодны и для Русской земли. Единство ея территоріи нарушалось; цѣлыя области (напримѣръ, Галицкая) выдѣлялись изъ общаго строя исторической жизни Россіи. Не смотря, однако, на эти частныя уклоненія, понятіе о единствѣ Русской земли было сильно и у князей, и у народа. Сознаніе это шло такъ далеко, что во времена самыхъ сильныхъ княжескихъ усобицъ князья не смѣшивали своихъ частныхъ дѣлъ съ интересами Русской земли. Такъ, въ 1193 г. одинъ изъ князей останавливаетъ другаго, имѣвшаго намѣреніе уйдти на зиму изъ земли для своихъ дѣлъ (орудій) слѣдующимъ упрекомъ: „Брате и свату, ажь ты идешь изъ вотчины своея на свое орудіе, а азъ паки иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудѣй, а въ Русской землѣ кто ны ся останетъ“ [1])?

Но этого сознанія было недостаточно для практической жизни; фактическое единство Русской земли было далеко неполно. Ни въ политическомъ, ни въ административномъ отношеніи, государственный организмъ не представлялъ такой цѣльности, какая обусловливается полнымъ развитіемъ національной жизни. Единство княжескаго рода поддерживалось практически только любовью и согласіемъ всѣхъ его членовъ; эта любовь поддерживалась признаніемъ ихъ равенства. Старшинство Кіевскаго князя не было настоящею государственною властью. Младшіе князья не считали себя его *подручниками,* а его своимъ господиномъ. Признавая волости свои частью Русской земли, то-есть, частью своего общаго наслѣдія, они не признавали однако за старшимъ княземъ права вмѣшиваться во внутреннее управленіе ихъ волости [2]). Это, конечно, не исключало возможности междукняжескихъ договоровъ касательно общихъ имъ всѣмъ предметовъ. Такъ, договоры о новомъ распорядкѣ волостей, о разныхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, даже объ общихъ уставахъ нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Договоръ, рядъ, какъ главное основаніе междукняжескихъ отношеній, является въ полной силѣ и тогда, когда Русь готова уже объединиться подъ властью Московскихъ государей [3]). Обстоятельства эти слишкомъ извѣстны, и распространяться о нихъ нѣтъ особенной надобности.

---

[1]) Сергѣевичъ, «Князь и Вѣче», стр. 100, прим. 2.

[2]) «Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями». Солов., Ист. Р. т. II стр. 10.

[3]) А жити намъ брате по сей грамотѣ... Тобѣ знати моя отчина, а мнѣ знати своя отчина... а въ твой ми удѣлъ данщиковъ и приставовъ не всылати... Собр. Госуд. Грам. и Догов. № 27, 28 и много другихъ.

Но не въ одномъ раздѣленіи княжеской власти заключалась причина разрозненности волостей. Мы видѣли, что раздѣленіе княжеской власти обусловливалось болѣе общею причиной, состояніемъ общества, среди котораго дѣйствовалъ княжескій родъ. Дѣйствуя среди бродящаго населенія, представители этого рода сами принуждены были бродить вслѣдъ за народомъ, и то не всегда успѣвали поспѣвать за безостановочнымъ образованіемъ новыхъ волостей, которыя получали свою организацію независимо отъ княжеской власти. Точно также послѣдующее единство Русской земли, государственную и административную его централизацію нельзя объяснить однимъ развитіемъ правительственныхъ началъ. Безъ изслѣдованія общественнаго состава русскихъ волостей нельзя понять административнаго объединенія Россіи.

Изслѣдованіе этихъ чисто народныхъ началъ и условій до настоящаго времени мало обращало на себя вниманіе. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что составомъ и формою общества объясняется характеръ администраціи и формъ государственной власти. Весьма многихъ фактовъ въ нашей государственной исторіи нельзя разъяснить безъ внимательнаго изученія тѣхъ условій, среди которыхъ дѣйствовала княжеская власть. Знаменитый вопросъ *о собираніи земли* не выясненъ до настоящаго времени какъ слѣдуетъ. Объяснять централизацію Русскаго государства однимъ усиленіемъ княжеской власти значитъ довольствоваться эмпирическимъ объясненіемъ, за незнаніемъ болѣе общихъ законовъ явленія. Централизація государственной власти — фактъ общій всѣмъ народамъ, достигшимъ политическаго развитія; но причины и результаты этой централизаціи далеко не вездѣ одинаковы. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для доказательства необходимости искать причинъ нашего государственнаго единства не въ одной дѣятельности правительства. Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ политической централизаціи на западѣ было освобожденіе всѣхъ сословій изъ-подъ феодальной зависимости; напротивъ, дѣятельность нашего правительства начинается съ постепеннаго прикрѣпленія сословій, и полное развитіе централизаціи совпадаетъ съ полнымъ закрѣпощеніемъ всѣхъ сословій. По отношенію къ административной централизаціи мы замѣчаемъ такія же особенности. Освобожденіе сословій на западѣ требовало подчиненія всѣхъ гражданъ непосредственно государственной власти. Вслѣдствіе этого необходимо было образованіе сильнаго правительственнаго организма, поставленнаго въ совершенно независимое отношеніе ко всѣмъ общественнымъ

элементамъ. Идея свободы, доведенная на западѣ до послѣднихъ предѣловъ, требовала сильнѣйшей административной централизаціи. Декларація правъ человѣка, установляя равенство и свободу всѣхъ членовъ общества, обезпечиваетъ привилегированное положеніе чиновничества. Земскіе классы Россіи могутъ поддерживать централизацію только въ періодъ несвободнаго своего отношенія къ правительству. Съ первыми признаками ихъ освобожденія начинаютъ складываться у насъ мѣстныя учрежденія. На западѣ сосредоточеніе политической власти въ рукахъ королей, совершившееся вслѣдствіе перенесенія державныхъ правъ изъ мѣстности въ центръ, не уничтожило мѣстныхъ особенностей. Франція Людовика XIV представляла сочетаніе сильнѣйшей централизаціи съ невообразимою пестротою мѣстныхъ особенностей; то же самое, еще въ большей степени, представляютъ другія государства западной Европы. Напротивъ, единство и однообразіе Россіи [1]) было вполнѣ обезпечено послѣ уничтоженія представителей княжескаго рода въ отдѣльныхъ волостяхъ, то-есть, съ сосредоточеніемъ князей въ Москвѣ.

Все это приводитъ къ необходимости анализа самихъ волостей княжескихъ, въ отношеніи ихъ внутренней политической самостоятельности. Самостоятельность эта не устанавливается только тѣмъ, что въ данной мѣстности присутствуетъ лицо, облеченное аттрибутами верховной власти. Пока та или другая страна не представляетъ признаковъ *общества*, готоваго къ самостоятельной политической жизни, нельзя говорить о ея государственномъ значеніи. Единство общества предшествуетъ единству государства и обусловливаетъ послѣднее. То же самое должно сказать и о провинціи, области, въ смыслѣ цѣльнаго организма. Самобытность областей и крѣпость федеративнаго начала не обезпечивается отдѣльнымъ правительствомъ, установленнымъ для каждой мѣстности. Для этого необходимо, чтобы каждая мѣстность представляла крѣпкій общественный союзъ, со всѣми признаками государственности.

Многія условія вліяютъ на образованіе такого общественнаго единства. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ установленіе прочной связи жителей мѣстности между собою и съ землею, на которой они сидятъ. Установленіе такой связи есть первое условіе для образованія различныхъ общественныхъ союзовъ, въ которыхъ вырабатываются начала общежитія, необходимыя для будущей государственной жизни.

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь тѣ ея области, которыя остались внѣ вліянія чуждыхъ цивилизацій, какъ напримѣръ, внѣ вліянія польскаго владычества.

Появленіе частнаго землевладѣнія, общиннаго быта, сильныхъ церковныхъ установленій суть условія этого рода. Но эти дробные союзы, необходимые для начала общежитія, не устанавливаютъ еще возможности прочнаго провинціальнаго быта. Провинція не есть простое соединеніе опредѣленнаго числа лицъ, обведенныхъ извѣстною межою; она не есть даже непосредственное соединеніе разныхъ владѣльцевъ, общинъ, свѣтскихъ и духовныхъ корпорацій. Необходима продолжительная дѣятельность всѣхъ этихъ элементовъ въ какихъ-нибудь общихъ имъ всѣмъ учрежденіяхъ, для того чтобъ установилась между ними дѣйствительно прочная связь, чтобы провинція превратилась въ законченный организмъ. Однимъ словомъ, необходимо, чтобы всѣ классы общества получили дѣйствительно мѣстное значеніе и чтобы провинція держалась на мѣстномъ значеніи своихъ классовъ. Короли западной Европы уничтожали государственное раздробленіе, но не уничтожали провинціи: это фактъ всѣмъ извѣстный. Мало изслѣдованы только причины этого факта, которыхъ, сколько намъ кажется, слѣдуетъ искать именно въ томъ, что европейскія провинціи, кромѣ герцоговъ, графовъ и другихъ обладателей верховной власти, имѣли еще провинціальные чины, коими главнымъ образомъ обусловливалось существованіе провинціи, какъ самостоятельнаго тѣла. Вотъ почему провинціальныя вольности не уничтожились и не могли уничтожиться, даже когда провинціи подчинились верховной власти центральнаго правительства.

Что представляло собою общество русскихъ областей до и послѣ возвышенія Москвы? Гдѣ были условія ея самостоятельности? Гдѣ причины безмѣрной централизаціи Московскаго государства?

Не подлежитъ сомнѣнію, что самостоятельность западно-европейскихъ провинцій обусловливалась присутствіемъ въ нихъ сильнаго землевладѣльческаго класса. Феодальные замки были первыми центрами, вокругъ которыхъ начало группироваться долго бродившее народонаселеніе. Города потеряли значеніе центровъ администраціи и политической жизни, какое они имѣли въ древнемъ мірѣ [1]). Притомъ даже въ послѣдствіи, когда они освободились изъ-подъ феодальнаго владычества, они смотрѣли на мѣстное самоуправленіе какъ на переходную ступень къ дѣйствительному торжеству третьяго сословія въ центральномъ управленіи. Дѣйствительное значеніе дано мѣстности феодализмомъ. Феодальное землевладѣніе, какъ всякое

---

[1]) См. A. Thierry — Hist. du tiers état I. p. 20.

землевладѣніе вообще, служитъ лучшею связью между различными организмами общества мѣстнаго. Лишенная хорошо организованнаго частнаго землевладѣнія, провинція никогда не можетъ выработать общности отношеній и интересовъ между жителями мѣстности. Сельская община слишкомъ замкнута въ узкую сферу сельско-хозяйственныхъ отношеній. Города мало имѣютъ непосредственной связи съ жителями селъ. Главною связью между тѣми и другими является классъ землевладѣльцевъ, члены котораго разсѣяны по всему пространству области, не связаны съ дробными организмами мѣстности, а потому нуждаются въ болѣе обширныхъ соединеніяхъ. Крестьяне въ Россіи довольствовались и продолжаютъ довольствоваться сферою сельскаго общества; горожане соединены въ предѣлахъ своего города, дворянская корпорація есть уже губернское общество [1]). Независимо отъ своихъ сословныхъ преимуществъ, оно являлось легальнымъ представителемъ интересовъ губерніи [2]). Во всѣхъ странахъ землевладѣльческое сословіе являлось основою и центромъ народнаго представительства. Городскія и сельскія общины болѣе способны къ непосредственному участію гражданъ въ управленіи. Страна, остановившаяся на городскихъ и сельскихъ общинахъ, неспособна къ обширнымъ политическимъ и административнымъ сочетаніямъ. Федерація городовъ, а тѣмъ менѣе сельскихъ обществъ, самая искусственная, а потому непрочная организація. Сочетаніе тѣхъ и другихъ безъ посредствующаго землевладѣльческаго элемента не способно составить настоящую провинцію.

Кромѣ того организація землевладѣльческаго сословія, въ особенности привилегированнаго, какъ наше дворянство, имѣетъ большое вліяніе на складъ самой администраціи. Существованіе или несуществованіе мѣстнаго землевладѣльческаго сословія отзывается неминуемо на централизаціи и децентрализаціи администраціи. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ и положеніе другихъ сословій не вліяло на характеръ государственнаго управленія. Независимость общинъ сельскихъ и городскихъ есть первое условіе самоуправленія. Но для того, чтобъ эти тѣла были способны къ дальнѣйшимъ комбинаціямъ, нужна или развитая форма народнаго представительства [3]),

[1]) Св. Зак. т. IX ст. 88: «Дворяне *каждой губерніи* составляютъ отдѣльное дворянское общество».

[2]) Св. Зак. IX т. 112—115 ст.

[3]) Такъ, въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ община является главнымъ центромъ мѣстнаго управленія; но возможность дальнѣйшихъ поли-

или крѣпкій классъ, имѣющій общепровинціальное, а не мѣстное значеніе. Лучше всего эту связь видоизмѣнявшагося положенія служилаго класса съ характеромъ администраціи можно прослѣдить на исторіи нашего дворянства. Исторія другихъ классовъ, безъ сомнѣнія, можетъ служить важнымъ пособіемъ для выясненія судебъ нашей администраціи. Мы прослѣдимъ, какъ отразились на нихъ общія начала нашего управленія; но самыя начала эти могутъ быть главнымъ образомъ выяснены на исторіи дворянства и его поземельной собственности.

Всѣ эти соображенія устанавливаютъ для историка русской провинціи необходимость прослѣдить судьбу сословія, съ которымъ долгое время почти исключительно была связана судьба нашего землевладѣнія: сословія служилаго, или дворянства.

Для полнаго и всесторонняго разъясненія роли этого сословія въ развитіи мѣстнаго управленія необходимо паралельное изслѣдованіе какъ исторіи его корпоративныхъ правъ, такъ и исторіи дворянскаго землевладѣнія. Не входя здѣсь въ изслѣдованіе вопроса, на сколько землевладѣніе, какъ одинъ изъ видовъ собственности, вліяетъ на распредѣленіе и организацію общественныхъ классовъ, какъ общегосударственнаго явленія, мы должны обратить вниманіе на спеціальное значеніе этого вопроса для мѣстнаго управленія. Служилый классъ можетъ являться осѣдлымъ въ мѣстности или не имѣть никакихъ признаковъ земскаго значенія; онъ можетъ обладать поземельною собственностію, и не быть связанъ съ мѣстностію; иногда напротивъ, задачи мѣстной администраціи могутъ быть соединены съ экономическою дѣятельностію служилаго сословія, получившаго мѣстное значеніе. Всѣ эти разнообразныя отношенія зависятъ отъ того, какъ законодательство опредѣляетъ отношеніе служилаго сословія къ центральной власти и какое значеніе придаетъ оно его собственности. Сословіе это можетъ быть закрѣплено на вѣчную службу государству, и собственность его можетъ служить исключительно для доставленія ему средствъ нести эту службу. Или напротивъ, и оно само, и его собственность можетъ находиться въ свободномъ отношеніи къ государству. Очевидно, что въ томъ и въ другомъ случаѣ организація мѣстной администраціи будетъ представлять совершенно различный характеръ.

Въ первыя времена Русской исторіи, можно сказать до окончательнаго образованія Московскаго государства, служилое сословіе не

тическихъ и административныхъ комбинацій обусловливается здѣсь тою школою народнаго представительства, которою для Америки служила Англія.

было связано съ землею, на которой оно находилось. Связанное личными договорами съ князьями оно слѣдовало за ними повсюду. Неосѣдлость княжескаго рода естественно обусловливала и неосѣдлость ихъ дружины всѣхъ видовъ [1]). Понятно, что они не могли получить земскаго значенія ни въ качествѣ землевладѣльцевъ [2]), ни въ качествѣ лицъ, наслѣдственно обладающихъ разными должностями [3]). Слѣдовательно, два факта, способствовавшіе преобладающему вліянію аристократіи на западѣ, не были извѣстны у насъ. Но независимо отъ того, что дружина по необходимости переходила за княземъ, положеніе ея какъ осѣдлаго класса не могло выработаться уже вслѣдствіе того обстоятельства, что она пользовалась неограниченнымъ правомъ перехода не только вмѣстѣ съ своимъ княземъ, но и отъ одного князя къ другому.

Такимъ образомъ съ самаго начала область была лишена класса, существованіе котораго составляетъ одно изъ существенныхъ условій мѣстной автономіи. Что это обстоятельство должно было и могло имѣть большое значеніе для русскихъ областей, видно изъ того, что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ успѣло образоваться земское боярство, областная автономія получила гораздо больше твердости, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ [4]). Разумѣется, такое положеніе служилаго класса не лишало его возможности пріобрѣтать недвижимыя имущества въ различныхъ волостяхъ. Оно могло пріобрѣтать землю наравнѣ со всѣми

---

[1]) Чичеринъ, Опыты по исторіи рус. права стр. 74: «Дружина состояла изъ вольныхъ лицъ, связанныхъ съ княземъ посредствомъ свободнаго договора, который всегда могъ быть уничтоженъ въ случаѣ неудовольствія». Солов., Ист. Рос. т. III стр. 13: «Вслѣдствіе перемѣщеній княжескихъ и дружина не могла получить осѣдлости; но бояре оставались боярами князей, а не княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами князей, а не изъ выгодъ сословныхъ».

[2]) Неволинъ, Ист. Рус. Гражд. Зак. т. IV ст. 129: «Пока князья не осѣлись, не утвердились окончательно въ извѣстныхъ областяхъ, безпрерывно перемѣняли одни княжества на другія, для служилыхъ людей не могло образоваться твердаго поземельнаго владѣнія».

[3]) См. Солов., тамъ же, замѣчаніе о должности тысяцкаго, которая болѣе другихъ, вслѣдствіе земскаго ея значенія, могла утвердиться въ одномъ и томъ родѣ; ср. также замѣчанія Сергѣевича: «Князь и Вѣче», въ статьѣ о тысяцкомъ.

[4]) Примѣръ представляютъ Новгородъ Великій, Галицкая область, отчасти Смоленская и нѣкоторыя другія; см. Костомарова — Сѣверныя русскія народоправства т. II стр. 21 и слѣд.; Солов. т. III, стр. 14.; Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. т. V стр. 373.

другими классами [1]). Существованіе поземельной собственности у дружинниковъ, въ древнѣйшія времена, на сколько объ этомъ можно судить по скуднымъ извѣстіямъ о Кіевскомъ періодѣ, весьма вѣроятно [2]). Поземельная собственность долго не была главнымъ средствомъ содержанія дружины. Мы увидимъ ниже, въ чемъ состояли эти средства; но вообще поземельныя владѣнія составляли только придатокъ къ содержанію дружины, и притомъ придатокъ весьма непрочный. При переходѣ князя изъ одного удѣла въ другой, при обыкновенномъ переходѣ дружинника, при изгнаніи князя изъ волости, дружина лишалась своихъ поземельныхъ владѣній. До XII-го вѣка мы не находимъ извѣстій объ обыкновеніи бояръ пріобрѣтать недвижимыя имущества. Въ этомъ столѣтіи, эти имущества, какъ кажется, были уже довольно значительны. Въ 1156 г. Изяславъ говорилъ дружинѣ своей: „Вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився“. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1183 г. находится слѣдующее извѣстіе: „А Ростовци и боляръ всѣ повязаша, а у Всеволодова полку не бысть пакости, Богомъ и крестомъ честнымъ, а *села* болярьская взяша, и кони и скотъ“. Затѣмъ... „Глѣбъ *села* пожже боярьская“ [3]). Къ XII вѣку относятся и первые акты, касающіеся недвижимыхъ имуществъ. Впрочемъ они касаются не столько дружины, сколько другихъ лицъ, — духовенства, торговыхъ людей и проч., и относятся къ Новгороду, гдѣ дружинный элементъ былъ крайне слабъ [4]). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Русскаго государства, а въ особенности съ большею осѣдлостію князей, развивалась и частная поземельная собственность дружины. Осѣдлость служилаго сословія обу-

---

[1]) Неволинъ, т. IV стр. 129, не безъ основанія полагаетъ, что вотчинниками въ это время скорѣе были постоянные осѣдлые жители княжества, чѣмъ люди служилые.

[2]) Русская правда (Троицкій списокъ) въ статьяхъ о наслѣдствѣ (92 — 94), ничего не говоритъ о поземельной собственности, о *селѣ*. Между тѣмъ о движимой собственности и способахъ ея охраненія она говоритъ весьма много (см. Карамзинскій списокъ стат. 39 — 73). Но изъ другихъ статей видно, что она имѣла въ виду этотъ видъ собственности. Такъ, она различаетъ кражу сдѣланную съ поля (стр. 38 Троицк. сп.): «Аже крадетъ скотъ на поли», говоритъ о неуменьшеніи закупу его поземельнаго участка (отарицы — см. Карам. ст. 73, Бѣляева — Крестьяне на Руси стр. 18, прим.), о поврежденіи межъ, хотя это обстоятельство не прямо указываетъ на существованіе частной собственности, ибо тутъ могли имѣться въ виду вервьныя, то-есть, общинныя земли.

[3]) Неволинъ, тамъ же, стр. 13, прим. 36.

[4]) См. Доп. къ Акт. Ист. I № 5; Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. II, прим. 210.

словила, такъ-сказать, и осѣдлость государственной власти. Появленіе осѣдлыхъ бояръ въ какомъ-нибудь княжествѣ упрочивало власть князя, а пріобрѣтеніе ими недвижимыхъ имуществъ въ другихъ волостяхъ пролагало дорогу власти ихъ князя. Среди народонаселенія появлялся прочный правительственный элементъ, связанный вполнѣ съ личностію князя. Отсюда стремленіе не допускать въ свои владѣнія чужихъ бояръ и дворянъ въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ. Первые поняли значеніе этого факта Новгородцы. Начиная съ XIII столѣтія, они запрещаютъ князю, княгинѣ, боярамъ и дворянамъ князя пріобрѣтать села въ своихъ областяхъ [1]). Иногда принимались даже весьма суровыя мѣры для прекращенія этого пріобрѣтенія [2]). То же самое встрѣчаемъ мы въ послѣдствіи въ договорахъ между князьями. Частная покупка земель могла распространить государственную власть въ чужомъ удѣлѣ. Вотъ почему ни самъ князь, ни его бояре и дворяне не могли покупать земель въ чужихъ удѣлахъ. Это ограниченіе не распространяется на другихъ частныхъ лицъ, не связанныхъ съ княземъ службою [3]).

Князья начали уже смутно сознавать государственное значеніе поземельной собственности своихъ служилыхъ людей; но этотъ взглядъ мало отразился на положеніи боярскихъ вотчинъ. По прежнему бояре связывались съ князьями только службою, опредѣлявшеюся вольнымъ договоромъ. Этимъ договоромъ опредѣлялись ихъ обязанности относительно князей. Поземельныя же владѣнія были частнымъ дѣломъ бояръ

---

[1]) Древнѣйшая грамота относится къ 1265 г. С. Г. Г. и Д: I № 1, 2, 3, «А въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ недьржати, ни купити, ни даромъ принимати, *и по всей волости Новгородьской*».

[2]) Такъ, въ 1305 г. многія села и слободы, пріобрѣтенныя въ Новгородской землѣ княжими людьми, были отобраны на Новгородъ. «А что свободъ Дмитріевыхъ и Андреевыхъ и что сельцъ тягнуло къ тымъ свободамъ того всего тобѣ съступитися, то все къ Новогороду бесъ кунъ». Или: «А что, княже, селъ твоихъ, и владычьныхъ, и княгининыхъ, и бояръ твоихъ и слугъ на Новгородской землѣ, которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ пойдетъ къ Новгороду» и т. д. С. Г. Г. и Д. т. I, № 6, 7 и 8.

[3]) Условіе это играетъ большую роль въ особенности между великими князьями Московскими и удѣльными. См. Догов. грам. Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ (третью): «Такъже мнѣ, и моимъ дѣтямъ и моимъ боярамъ селъ не искупити въ твоемъ удѣлѣ». Тамъ же № 33, 71 и 72 и мног. др. Впрочемъ эти ограниченія имѣютъ въ виду главнымъ образомъ князей; во многихъ договорахъ, о боярахъ и слугахъ относительно этого условія вовсе не упомянуто, напримѣръ, въ № 57, 55 и 75 и друг.

и вольныхъ слугъ. Какъ землевладѣлецъ, бояринъ не имѣлъ никакихъ служебныхъ обязанностей относительно князя. Каждый бояринъ и слуга, владѣя вотчинами въ одномъ удѣлѣ, могъ переходить на службу въ другой (а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля). Когда онъ не находился на службѣ своего князя и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ удѣлѣ чужаго, онъ пользовался полною неприкосновенностію своего имущества [1]).

Какъ частный владѣлецъ онъ долженъ былъ нести нѣкоторыя обязанности по отношенію къ тому князю, въ чьемъ удѣлѣ находилась его вотчина. Такъ, онъ долженъ былъ платить дань, подчинялся суду князя [2]), что̀ составляло также одну изъ повинностей, тѣсно связанныхъ съ землевладѣніемъ всѣхъ видовъ и формъ. Всѣ люди, сидѣвшіе на землѣ, подчинялись суду и платили дань тому лицу, кто владѣлъ удѣломъ или кому дана была волость. Это можно было видѣть изъ ввозныхъ грамотъ XV и XVI вѣка, даваемыхъ кормленщикамъ [3]). Тѣмъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ должны были принадлежать эти права князьямъ удѣльнымъ, по отношенію ко всѣмъ, поселеннымъ въ ихъ удѣлѣ. Разумѣется, удѣльные князья ревниво охраняли эти права свои. Вездѣ почти въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ мы постановленіе: „а судомъ и данью тянути по землѣ и водѣ“ [4]). Отсюда запрещеніе всылать даньщиковъ и приставовъ въ чужіе удѣлы [5]). Запрещеніе всылать приставовъ и даньщиковъ понятно само собою. Гораздо затруднительнѣе вопросъ о жалованныхъ грамотахъ. Для того,

---

[1]) «А кто иметь бояръ моихъ или слугъ жити Великаго князя въ вашей отчинѣ и вамъ блюсти како и своихъ», «а кто иметь жити у меня въ Великомъ княженьи вашихъ бояръ и слугъ, и мнѣ ихъ также блюсти какъ и своихъ». Тамъ же № 47, 52 и 53 и друг. Тамъ же № 76: «а боярамъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати».

[2]) «А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ *дань* и *судъ* какъ на своихъ». Тамъ же стр. 173. Также № 27.

[3]) А. Юр. № 161. II. «Се язъ Кн. В. Вас. Васил.... пожаловалъ есми Ив. Григ. Росла въ кормленіе городами Елатьмою и Кодомою, съ мыты, и съ перевозы и со всѣми намѣстничи доходы... и вы всѣ люди тѣхъ городовъ чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, а судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку».

[4]) Такъ постановлено еще въ первой догов. грамотѣ В. Кн. Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. С. Г. Г. и Д. № 28.

[5]) См. Догов. грам. Дмитрія Ивановича съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ (Рум. Собр. стр. 50): «А въ вотчину ти, Господине, въ мою и въ удѣлъ даньщиковъ ти своихъ, ни приставовъ не всылати, ни грамотъ жалованныхъ не давати».

чтобы понять значеніе этого запрещенія, необходимо вспомнить содержаніе жалованныхъ грамотъ по отношенію къ судебной власти. Жалованныя грамоты устанавливали для вотчинника или кормленщика 1) право суда внутри его владѣній и 2) избавляли его отъ суда мѣстныхъ властей, подчиняя его исключительно суду того князя, отъ котораго дана жалованная грамота [1]). И въ томъ, и въ другомъ отношеніи онѣ противорѣчили верховнымъ правамъ удѣльнаго князя. Дозволить какому-нибудь князю выдачу жалованныхъ грамотъ своимъ боярамъ значило допустить установленіе привилегій, ограничивавшихъ власть князя удѣльнаго и наносившихъ ущербъ выгодамъ его намѣстниковъ и волостелей. Между тѣмъ князья нерѣдко дозволяли себѣ выдачу такихъ грамотъ, вслѣдствіе чего договорныя грамоты часто требуютъ ихъ уничтоженія [2]). Кромѣ того землевладѣльцы несли даже нѣкоторыя служебныя обязанности по отношенію къ тѣмъ князьямъ, гдѣ находились ихъ вотчины. По общему правилу, постоянно подтверждавшемуся договорными грамотами, бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, у котораго они служили [3]). Но это общее правило знало исключеніе — именно случай осады. Обязанность защищать городъ возлагалась на бояръ *какъ на землевладѣльцевъ*, независимо отъ ихъ служебныхъ отношеній. Это была одна изъ зем-

[1]) Мы не говоримъ здѣсь уже о жалованныхъ грамотахъ монастырямъ, пользовавшимся такими обширными правами по отношенію къ суду и дани; значеніе ихъ будетъ разсмотрѣно ниже. Но и частнымъ лицамъ жалованныя грамоты давали много льготъ. Такъ, напримѣръ, жалованная грамота Вел. кн. Василія Васильевича (1449 г.) Марьѣ Копниной и сыну ея Ѳедору. (А. А. Э. I, № 44). Всѣ люди ихъ освобождены отъ дани и повинностей на опредѣленное число лѣтъ. Судъ надъ ними (кромѣ душегубства) предоставленъ владѣльцу. Относительно волостныхъ людей и людей Копниныхъ устанавливается смѣстный судъ съ раздѣленіемъ пошлинъ пополамъ. Сами Копнины подлежать велико-княжескому суду: «А кому будетъ искати на Марьѣ и на сынѣ ея Ѳедорѣ ино сужу ихъ язъ самъ Кн. Вел. или мой бояринъ введеный». Пожалованіе такими грамотами частныхъ лицъ весьма древне. До насъ дошла грамота В. К. Ивана Даниловича, подтвержденная Вас. Вас. (А. А. Э. I № 46). Обыкновенно судъ предоставлялся полный, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, а иногда кромѣ одного душегубства. См. А. И. I № 1, 15; А. А. Э. I № 120, 132, 141, 149, 160, 162, 205, 374 и много другихъ.

[2]) С. Г. Г. и Д. № 49 и 50: «А у кого будутъ въ Бѣжыцкомъ версѣ грамоты жалованныя отца твоего Великаго Князя или твои у бояръ, или на слободы, или у иного у кого; и въ тѣхъ грамотахъ воленъ язъ Князь Юрьй Дмитріевичъ, кого какъ хочю жаловати».

[3]) Тамъ же № 46: «А хто, господине, которому князю служить, *гдѣ бы ни былъ*, поѣхати ему съ тѣмъ княземъ, которому князю служить».

скихъ повинностей, имѣвшихъ преимущество предъ служебными отношеніями слуги. Договорныя грамоты, подтвердивъ свободный переходъ бояръ и слугъ (а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля) вслѣдъ за тѣмъ продолжаютъ: „а городная осада гдѣ кто живетъ, тому туто и сидѣти, опричь путныхъ (въ друг. грам. *введенныхъ*) бояръ" [1]). Послѣдніе, очевидно, исключались вслѣдствіе того, что они получали отъ князя особое содержаніе за свою службу, въ формѣ кормленія или намѣстничества. Здѣсь, слѣдовательно, можно видѣть глубокую разницу между бояриномъ, владѣвшимъ вотчиною, и слугою, пользовавшимся кормленіемъ. Кормленщики (путные и введенные бояре) владѣли извѣстными доходами не на вотчинномъ правѣ [2]). Притомъ они пользовались не землею и ея плодами, а доходами съ разныхъ актовъ (пошлиною, мытомъ, пятномъ, судными пошлинами). Иные изъ этихъ доходовъ касались почти всей совокупности гражданскихъ отношеній (намѣстники, введенные бояре), другіе характеризовались опредѣленною должностію (путные бояре); но всѣ они обусловливались службою. Вотчинное право не существовало для кормленщиковъ. Пожалованіе волостію не означало пожалованія вотчиною.

---

[1]) См. всѣ договорныя грамоты. Также Соловьева — Ист. Россіи, т. IV стр. 199 и слѣд.

[2]) Вопросъ о томъ, что̀ такое были путные, а въ особенности введенные бояре, до настоящаго времени не выясненъ какъ слѣдуетъ. Г. Соловьевъ (IV, стр. 200) говоритъ, что «объяснить названія — бояринъ введенный и путный, мы можемъ только по соображенію съ другими подобными названіями». Слѣдовательно, прямое объясненіе невозможно даже для такого историка какъ г. Соловьевъ. Мы и подавно не можемъ предпринять такое объясненіе. Тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько положительныхъ выводовъ относительно значенія этихъ названій, съ помощію однихъ отрицательныхъ признаковъ. Званіе введенныхъ и путныхъ бояръ соединялось съ какими-нибудь постоянными должностями при князѣ, при чемъ они пользовались доходами, соединенными съ этою должностію. Бояринъ введенный занималъ высшія должности въ княжеской дружинѣ. Онъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ, а иногда вмѣсто князя (а сужу язъ или бояринъ мой введеный), и посылался намѣстникомъ въ разные города, данные ему въ кормленіе. Путные бояре занимали одну опредѣленную должность и получали доходы (путь), соединенные съ этою должностію. Такъ, былъ стольничій, конюшій путь. Можетъ-быть, слово *введеный* бояринъ можно объяснить по аналогіи съ *ввозными* грамотами. Въ старину князья лично приводили своихъ намѣстниковъ въ города (вводили ихъ), а послѣ посылали ихъ, давая имъ ввозныя грамоты. Но каково бы ни было объясненіе этого слова, для нашей цѣли достаточно, что они тѣснѣе связаны были съ княземъ вслѣдствіе пользованія извѣстными доходами, что акты того времени прямо противополагаютъ ихъ дворянамъ и боярамъ землевладѣльцамъ.

Въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ князей волость, какъ предметъ государственнаго владѣнія, противополагается селу, какъ предмету владѣнія частнаго [1]).

Въ нашей историко-юридической литературѣ нѣтъ словъ, болѣе смѣшиваемыхъ, чѣмъ волость и вотчина. Мы не говоримъ уже о попыткѣ г. Чичерина не столько выяснить, сколько смѣшать эти понятія [2]). У другихъ писателей мы встрѣчаемъ такую же неясность. Въ наукѣ мало одного заявленія, что князья различали волости отъ селъ, какъ это дѣлаетъ г. Бѣляевъ [3]). Вслѣдствіе этого и попытка г. Чичерина осталась безъ надлежащаго отпора. Въ кругъ нашего изслѣдованія не входитъ разъясненіе этого вопроса; мы остановимся на немъ на столько, на сколько это нужно для вопроса о служебныхъ правахъ служилаго сословія.

Говоря о духовной грамотѣ Ивана Калиты, г. Чичеринъ [4]) замѣчаетъ: „Всѣ распоряженія этого князя носятъ совершенно частный характеръ. Иванъ Калита владѣлъ небольшимъ пространствомъ земли, которое онъ дѣлитъ между женою и дѣтьми, какъ свою собственность. Онъ раздаетъ имъ города, волости, села, разные доходы, движимыя вещи, стада,—все, что̀ ему принадлежитъ *на совершенно одинаковомъ* основаніи. Нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы наслѣдники владѣли одного рода имуществомъ по государственному праву, другимъ по частному“. Весьма естественно, что авторъ не видитъ особенной разницы между селомъ и волостью. „Отсюда ясно, продолжаетъ онъ [5]), что князья владѣли селами, владѣли на совершенно томъ же правѣ, какъ и своими удѣлами“. Но должна же быть однако какая-нибудь разница между этими вещами, ибо сами духовныя грамоты различаютъ ихъ вездѣ. Г. Чичеринъ признаетъ эту разницу и даже устанавливаетъ ее довольно вѣрно. „Города [6]), съ присоединенными къ нимъ селами, и волости составляли округи, въ которые входили разнаго рода владѣнія: земли черныя княжескія, земли, принадлежавшія боярамъ и другимъ слугамъ, наконецъ, монастырскія и вообще церковныя. Эти округи назначались собственно для кормленія кня-

---

[1]) Бѣляевъ (И. Д.), О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Временникъ. Кн. 11-я стр. 2.

[2]) Духовн. и догов. грамоты князей въ Опытахъ по исторіи русскаго права.

[3]) См. l. c.

[4]) Тамъ же, стр. 240.

[5]) Тамъ же, стр. 245.

[6]) Тамъ же, стр. 277.

жескихъ слугъ; они отдавались въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Села же, которыя въ позднѣйшихъ памятникахъ назывались *подклѣтными* и *дворцовыми*, доставляли все нужное для домашняго обихода князей. Они управлялись хозяйственнымъ образомъ". Начало разграниченія сдѣлано; стоило только идти по этому пути и докончить разграниченіе. Но авторъ не можетъ отстать отъ *системы внутреннихъ противорѣчій*, а потому спѣшитъ въ другую сторону. „Слово волость, продолжаетъ онъ [1]), имѣло весьма неопредѣленный смыслъ... волостью называлось *всякое имѣніе*, все на что простиралась власть лица". Князья же всѣмъ владѣли на одинаковомъ правѣ [2]); слѣдовательно, между различными видами ихъ имущества точнаго различія и не могло установиться. Не смотря на это г. Чичеринъ допускаетъ однако [3]), что въ волостяхъ права князя были ограничены правами другихъ лицъ, что слѣдовательно, онъ владѣлъ ими иначе, чѣмъ селами.

Дѣло въ томъ, что дѣйствительно князь владѣлъ волостями иначе, чѣмъ селами. Г. Чичеринъ останавливается главнымъ образомъ на томъ, какъ князья распоряжались различными имуществами и доходами [4]). Но характеръ разныхъ правъ опредѣляется не столько способомъ распоряженія этими правами, сколько самимъ ихъ объектомъ. Для того, чтобы точно различить волость и село, необходимо изслѣдовать, *чѣмъ князь владѣлъ въ волости и въ селѣ*. Мы начнемъ съ первой же дошедшей до насъ духовной грамоты, то-есть, съ грамоты Ивана Калиты. Въ первой его грамотѣ мы не встрѣчаемъ слова „волость" въ смыслѣ областнаго дѣленія, округа, кромѣ

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 277.

[3]) Тамъ же, стр. 280.

[4]) Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ, которыми авторъ думаетъ доказать частный характеръ княжеской власти и ея отношеній, заключается въ томъ, что во всѣхъ духовныхъ грамотахъ на первомъ планѣ стоитъ воля завѣщателя (ibid. стр. 265, 270). Но онъ самъ же признаетъ въ послѣдствіи (стр. 274), что личная воля завѣщателя явилась у насъ проводникомъ государственныхъ стремленій. Онъ самъ не можетъ не видѣть въ указѣ Петра I о наслѣдованіи престола глубоко задуманной (хотя непрактичной) государственной мѣры. Стоитъ прочесть указъ 5-го февраля 1722 года, знаменитую «правду воли Монаршей», чтобъ убѣдиться, что Петръ здѣсь старается провести то начало, которое онъ уже провелъ по отношенію къ служилому сословію — начало личной заслуги и государственной пользы.

одного весьма двусмысленнаго мѣста [1]). Великій князь весьма опредѣлительно выражается о томъ, что̀ такое волость, въ слѣдующемъ мѣстѣ, на которое г. Чичеринъ обратилъ вниманіе только вскользь: „А изъ *городскихъ* волостей даю княгинѣ своей *осмничее;* а *тамгою* и иными волостьми городскими подѣлятся сынове мои такоже и *мыты, которыи въ которомъ уѣздѣ*, по тому; а оброкомъ медовымъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои“. Подъ именемъ города великій князь разумѣлъ здѣсь Москву, а подъ городскими волостями то, что̀ тянуло къ городу изъ доходовъ княжескихъ, какъ находившихся въ личномъ завѣдываніи князя, такъ и отданныхъ боярамъ въ кормленіе, или просто *приказанныхъ* имъ для управленія [2]). Москва, какъ извѣстно, не дѣлилась между княжескими сыновьями; они раздѣляютъ между собою только доходы, приписанные къ ней. Иногда эти доходы дѣлились по статьямъ (даю княгинѣ своей осмничее): Иногда доходъ со всѣхъ статей дѣлился между всѣми дѣтьми безъ опредѣленія ихъ частей (какъ въ духовной Калиты). Иногда вся сумма доходовъ (и это въ большинствѣ договорныхъ и духовныхъ грамотъ) дѣлилась на опредѣленныя части, обыкновенно на трети [3]). Прежде всего, слѣдовательно, волость означала доходъ, принадлежавшій князю, какъ представителю государственной власти. Онъ владѣлъ ими по государственному, а не по частному праву. Объектомъ волостнаго права не были земля или люди, пріобрѣтенные княземъ въ качествѣ частнаго владѣльца. Всѣ духовныя и договорныя грамоты дѣлаютъ различіе между волостными землями и селами, какъ частнымъ владѣніемъ князя. Передавая какую-нибудь волость въ наслѣдіе сыну или въ кормленіе боярину, князь не передавалъ имъ землю, какъ частную собственность, и людей, какъ рабовъ. Хотя князь считался господиномъ всей земли, но въ значеніи не хозяина, а государя. Говоря о

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I № 21: «А по моимъ грѣхамъ ци имутъ искать Татарове которыхъ волостій, а отоимуться, вамъ сынамъ моимъ и княгинѣ моей подѣлити вы ся опять тыми волостьми на то мѣсто».

[2]) Такъ, изъ многихъ грамотъ мы видимъ, что нѣкоторые суды тянули къ Москвѣ. «А которые суды потягли къ городу къ Москвѣ при нашихъ отцѣхъ, тѣ суды и ноньчи потянутъ къ городу». С. Г. Г. и Д. I. ст. 56 и А. А. Э. I. № 115.

[3]) Тамъ же стр. 58. Духовн. Дм. Донск.: «А сына своего князя Василія благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сынамъ моимъ половина, «а въ пошлинахъ въ городскихъ половина»; стр. 56: «А чимъ благословилъ тебя отецъ твой князь Андрей, въ городѣ Москвѣ и станѣхъ *треть*, а пошлинъ всѣхъ *треть*»...

волости, князья употребляютъ, слѣдовательно, это слово не въ прямомъ его смыслѣ (то-есть, не въ смыслѣ областнаго дѣленія), а въ переносномъ. *Они прилагали его къ тому предмету, который имъ дѣйствительно принадлежалъ.* Волостная земля имѣла государственное значеніе въ томъ смыслѣ, что она находилась во владѣніи лицъ, несшихъ съ нея государственныя повинности. Князья имѣли на нее не право частной собственности, а право на тягло, то-есть, на совокупность повинностей, лежавшихъ на ней и на владѣющихъ ею людяхъ. Оттого въ послѣдствіи волостной и тяглый, черный, были однозначащія выраженія [1]). Вотъ почему, дѣлясь свободно доходами волостными, князья не предоставляли себѣ такого права относительно волостной земли и волостныхъ людей. Князья „блюдутъ ихъ съ одного", то-есть, не дѣлятъ ихъ, а владѣютъ ими сообща; они не имѣютъ права покупать ихъ земель и лишаютъ этого права своихъ бояръ [2]). Различіе между волостными землями и частными заключается въ томъ, что послѣдними можно было владѣть безъ служебныхъ обязанностей, а первыми нельзя [3]). Черные люди, отбывая различныя повинности, тѣмъ самымъ обезпечивали себѣ право на землю; община распоряжалась ими вполнѣ [4]). Сами князья постоянно различали два предмета, принадлежащіе имъ въ каждой области—повинности и доходныя статьи съ одной и села съ другой стороны. Въ одной изъ духовныхъ грамотъ [5]) говорится слѣдующее: „А изъ волостей изъ Дмитровскихъ даю ему Василью:

---

[1]) А. Юр. № 3: «То, господине, пустоши Великаго князи нашіе волости Южскіе... тѣ пустощи Великаго князя, а тянули къ Югу». № 4: «А тѣ, господине, поволоки тянутъ *къ нашей земль,* къ Овсяниковской къ тяглой, къ черной изъ старины».

[2]) «А что наши Ордынцы и дѣлюи..., а тымъ знати своя служба, како было при отцахъ нашихъ; а численныхъ людей блюсти ны съ единаго, а земль ихъ не купити. А которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тыхъ въ службу не пріимати, а блюсти ны ихъ съ единаго, а земль ихъ не купити...» «А кто будетъ (изъ бояръ) покупилъ земли данные (отъ *дань*), служни или черныхъ людей, по отца своего животѣ по князѣ Великомъ по Ивановѣ, а тѣ кто взможетъ выкупити, инъ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, *инъ потянутъ къ чернымъ людямъ;* а кто не всхочетъ тянути, инъ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людямъ даромъ». С. Г. Г. I № 33.

[3]) См. конецъ предыдущаго примѣчанія.

[4]) А. Юр. № 6: «А мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста съ крестьяны, и язъ, господине, избу поставилъ; а по господине лѣсъ Великаго князя Волоцкой». № 7: «Далъ ми, господине, дворской и вся братія селище Суховерково, то мѣсто наше, земля городская».

[5]) С. Г. Г. и Д. I № 51, стр. 106.

Селну, Гуслицу, Вахру, Загорье, Рогожь, Куней, или что будетъ въ тѣхъ волостяхъ *села или пути*, а то все ему даю сыну своему Василью" и т. д. Слѣдовательно, волость слагается изъ двухъ элементовъ — частной собственности князя (села) и мѣстностей, въ которыхъ онъ владѣлъ разными доходами по праву государственному (пути). Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы волость представляла полувладѣльческій, полугосударственный характеръ: иначе понятіе это было бы крайне смутно. Села, какъ частное владѣніе, отличались отъ массы волостныхъ земель; но они *тянули* къ извѣстной волости, потому что жившіе на нихъ крестьяне были приписаны къ извѣстному волостному центру для отбыванія повинностей, для администраціи, суда и дани.

Отъ дани и другихъ повинностей не былъ избавленъ ни одинъ крестьянинъ, какъ свободный членъ общества, гдѣ бы онъ ни жилъ. Дань не взималась только съ холоповъ. За тѣмъ ни бояре, ни вольные слуги, ни крестьяне не были избавлены отъ дани, тѣсно связанной съ поземельнымъ владѣніемъ. Всѣ тянули судомъ и данью по землѣ и водѣ [1]). Очевидно, что прежде всего эта обязанность лежала на волостныхъ крестьянахъ, и князья отличали ихъ отъ другихъ подвластныхъ имъ людей. Князья дѣлятъ своихъ купленныхъ, то-есть, принадлежащихъ имъ на правѣ частной собственности, и прямо противополагаютъ ихъ людямъ чернымъ, не подлежащимъ дѣлежу [2]). Если такимъ образомъ ни земля, ни люди не составляли предмета волостнаго права, то намъ приходится отнести его къ разряду правъ государственныхъ, принадлежавшихъ князьямъ, какъ носителямъ верховной власти. Въ каждомъ удѣлѣ имъ принадлежали пути и села. Администрація путей сосредоточивалась въ опредѣленныхъ центрахъ, большею частію въ городахъ, къ которымъ по отношенію суда и дани тянули какъ волостныя села (слободы), такъ и села, составлявшія частную собственность разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и князей.

~~Мы видѣли, что~~ къ Москвѣ (къ *городу*) были спеціально приписаны нѣкоторые пути. Точно также и къ другимъ городамъ приписы-

---

[1]) Это подтверждается исключеніями изъ общаго правила, — исключеніями, устанавливаемыми такъ-называемыми жалованными грамотами.

[2]) Духовн. 1-я Ив. Калиты: «А численыи люди (числяки, вошедшіе въ *число*, то-есть, въ перепись, — тогдашнее названіе тяглыхъ людей), тѣ вѣдають сынове мои собча, а блюдуть вси съ единаго: а что мои люди куплены вси въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлятъ сынове мои». См. также С. Г. Г. и Д. I. стр. 164, 183.

вались разные доходы и пути[1]). Это было первоначальное значеніе волости; здѣсь лежитъ причина различія волостей отъ селъ. Безъ сомнѣнія, слово это въ то же время означало извѣстное дѣленіе страны, значеніе котораго мы увидимъ ниже. Но князья въ раздѣлахъ своихъ и договорахъ имѣли въ виду не эту территорію съ поселенными на ней людьми, а именно совокупность извѣстныхъ правъ государственнаго свойства, принадлежавшихъ имъ по отношенію къ этой землѣ и къ этимъ людямъ. Городъ являлся главнымъ средоточіемъ управленія, а слѣдовательно, и путей, присвоенныхъ этому управленію. Независимо отъ того въ уѣздѣ имѣлось большое число низшихъ административныхъ дѣленій, извѣстныхъ подъ названіемъ волостей, куда тянули въ отношеніи повинностей всѣ волостные и неволостные люди, то-есть, все свободное крестьянство[2]).

Теперь намъ понятны будутъ различныя выраженія, встрѣчающіяся въ разныхъ грамотахъ. Понятно, почему города и волости отличаются отъ селъ; князья владѣли въ нихъ не тѣмъ, чѣмъ въ селахъ. Великій князь Иванъ Ивановичъ даетъ сыну своему Дмитрію Можайскъ со всѣми волостьми и съ селы и съ бортью и съ тамгою, и со всѣми пошлинами[3]). Это значитъ, что князь Дмитрій Ивановичъ получилъ: 1) какъ государь, право на разные доходы въ Можайскѣ и волостяхъ, 2) какъ частный владѣлецъ—разныя села.

Въ такомъ же двоякомъ отношеніи къ государственной территоріи находились и лица служилаго сословія. Нѣкоторые доходы принадлежали имъ въ силу государственнаго положенія, какъ слугамъ княжескимъ; другіе предметы принадлежали имъ, какъ частнымъ людямъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія. Владѣніе первыми обусловливалось ихъ служебными обязанностями; владѣніе вторыми не налагало

---

[1]) Эти различныя повинности и тягла подробно исчисляются въ жалованныхъ и отчасти въ ввозныхъ грамотахъ. Такъ, напримѣръ, освобождая крестьянъ Савво-Старжевскаго монастыря отъ повинностей, жалованная грамота князя Юрія Дмитріевича такъ перечисляетъ эти послѣднія: «И которые люди имутъ жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчея бѣлка, ни осьмничее, ни костка, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, также ни къ сотцкому, ни къ десятцкому, съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ которыи проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которыи пошлины». Отъ этихъ доходовъ отличались такъ-называемые кормы въ пользу намѣстниковъ и волостелей. См. А. И. т. I. № 16.

[2]) Объ этомъ подробно см. ниже.

[3]) С. Г. Г. и Д. I. стр. 39, № 25.

на нихъ пока никакихъ обязанностей. Они распоряжались ими совершенно по своему усмотрѣнію. Наши древніе акты наполнены сдѣлками всякаго рода относительно ихъ недвижимаго имущества, гдѣ они дѣйствують вполнѣ самостоятельно безъ всякихъ ограниченій. Они совершаютъ на нихъ купчія [1]), мѣняются своими вотчинами [2]) безъ всякаго посредства правительства, дѣлятся своимъ наслѣдствомъ [3]), передаютъ ихъ другимъ лицамъ и своимъ наслѣдникамъ посредствомъ духовныхъ завѣщаній [4]). Сдѣлки эти не ограничивались предѣлами служилаго сословія: его члены могли совершать всѣ такіе акты и съ князьями. Послѣдніе весьма часто покупали села у своихъ бояръ. Извѣстія объ этомъ сохранились съ древнѣйшихъ временъ [5]). Бояре покупали села у князей [6]). Имѣніе это считалось ихъ неотъемлемою собственностью, вотчиною [7]). Права ихъ подтверждались даже при переходѣ вотчинѣ изъ одного удѣла въ другой. Договорныя грамоты постоянно под-

---

[1]) А. Ю. № 75, 76, 78.

[2]) Ibid. № 101, 102, 103.

[3]) Ibid. № 263, 264, 265. Впрочемъ по отношенію къ мѣнѣ мы встрѣчаемъ доклады Великому Князю; см., напримѣръ, мѣновныя (1456—1458) между частными лицами и монастырями въ А. отн. до юр. б. др. Россіи т. II № 156, I, II.

[4]) Ibid. 410, 411, 413, 415, 421.

[5]) Духовн. грамота Великаго Князя Симеона Ивановича: «Село Семеновское Володимерьское волости что есмь купилъ у Овцы у Ивана, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ, что есмь купилъ у Ивана у Дрюцьскаго, и Заберегъ, что есмь купилъ у Семена у Новосильскаго»....

[6]) С. Г. Г. I. № 78, 79... «язъ, противъ тѣхъ городовъ и волостей твоей дѣдины, пожаловалъ тебѣ, отступилъ ти ся есмь своей вотчины Бѣжицкаго верха съ волостьми и съ путьми и съ селы.... опричь тѣхъ селъ, и что есмь продалъ своимъ боярамъ, князю Семену Ивановичу Оболенскому Толстиково и съ деревнями, да Θедору Михайловичу село....»

[7]) Относительно слова *вотчина* мы должны замѣтить, что оно не относится исключительно къ выраженіямъ, означающимъ способъ пріобрѣтенія имуществъ (какъ полагаетъ это Неволинъ, Ист. Росс. Гражд. Зак. т. II стр. 117). Вотчина весьма рано начинаетъ означать не столько имущество, дошедшее отъ отца, сколько имущество, которое могло переходить отъ отца къ сыну; слѣдовательно, означаетъ не способъ пріобрѣтенія правъ, сколько характеръ извѣстнаго права. Это видно изъ выраженій договорныхъ грамотъ. Такъ, князь Вас. Вас. (см. предыдущее примѣч.) говоритъ: «Также, брате, пожаловалъ тя есмь, отступилъ тя есмь во вотчину и въ удѣлъ Звенигорода съ волостьми и съ путьми». Особенно важно будетъ для насъ это значеніе вотчины при изслѣдованіи поземельнаго владѣнія. Такъ, въ выраженіи *продать въ вотчину*, слово вотчина, очевидно, не означаетъ имущества, дошедшаго по наслѣдству, такъ какъ оно относится къ селу перваго пріобрѣтателя. Впрочемъ самъ Неволинъ ниже признаетъ употребленіе этого слова въ послѣднемъ смыслѣ.

тверждаютъ права бояръ и другихъ владѣльцевъ [1]). Отнятіе такихъ имѣній у служилаго сословія безъ вины считалось поступкомъ предосудительнымъ [2]). Мы встрѣчаемъ, конечно, такіе случаи, когда князья лишали бояръ ихъ вотчинъ. Но, вопервыхъ, они дѣлали это съ боярами, находящимися у нихъ на службѣ, и притомъ, когда села находились въ ихъ же отчинѣ; вовторыхъ, они всегда поясняютъ, что села тѣ отняты за ихъ вину. Такъ, Великій Князь Василій Васильевичъ лишилъ селъ боярина Ивана Дмитріевича, который, какъ извѣстно, измѣнилъ ему и причинилъ много зла. Великій Князь и поясняетъ это въ договорной грамотѣ съ Юріемъ Дмитріевичемъ Суздальскимъ и сыновьями его. Онъ уступаетъ имъ Бѣжицкій верхъ — „опричь селъ Ивановыхъ Дмитріевича, *что есмь у него взялъ въ своей винѣ*" [3]). Относительно бояръ, имѣющихъ села въ однихъ вотчинахъ и отъѣхавшихъ на службу въ другія, сохранялось общее правило: „а намъ на нихъ нелюбья не держати".

Такимъ образомъ мы не можемъ не признать того важнаго факта, что бояре и другія лица служилаго сословія *въ качествѣ землевладѣльцевъ* не имѣли никакого правительственнаго, административнаго значенія для той мѣстности, гдѣ находились ихъ села. Частное землевладѣніе въ древней Россіи не было источникомъ политическихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностей къ государю, какъ въ феодальной Европѣ. Оно оставалось частнымъ дѣломъ владѣльцевъ и не получало чрезъ нихъ значенія общественнаго и государственнаго явленія. При томъ понятіи о единствѣ Русской земли, которое не только не ослабѣвало, но усиливалось, они, не совершая измѣны, могли переходить изъ одной области въ другую, не опасаясь потери имущества,

---

[1]) См. мѣновыя и разъѣздныя грамоты въ С. Г. Г. и Дог. II, № 129: «а бояре и дѣти боярскіе и монастыри держатъ свои земли по старинѣ».

[2]) Духовенство въ своемъ посланіи къ Дмитрію Шемякѣ, вычисляя, въ чемъ онъ «разбойнически» нарушилъ договорную грамоту съ Великимъ Княземъ Вас. Вас. (А. И. I. № 70), говоритъ, что по той грамотѣ «боярамъ и слугамъ межъ васъ вольнымъ воля; а кто служитъ твоему брату старѣйшему великому князю, а живетъ въ твоей вотчинѣ, и тѣхъ ти блюсти какъ своихъ. А опослѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованія, которыи бояре и дѣти боярскіе отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити и села и домы ихъ въ твоей вотчинѣ; и ты, черезъ то докончаніе и крестное цѣлованіе, тѣхъ селъ бояръ и дѣтей боярскихъ *пограбилъ*».

[3]) С. Г. Г. и Д. стр. 103. Подобное право должно было быть признаваемо за князьями тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ вотчинъ были пожалованы ими боярамъ за ихъ прежнюю службу.

обезпеченнаго за ними договорными грамотами. Они, какъ и въ періодъ слабаго развитія частной собственности, продолжали быть связанными только съ личностію князя, которому служили. Связь ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ проявлялась въ немногочисленныхъ или въ случайныхъ отношеніяхъ. Такъ, они иногда являлись судьями въ своихъ земляхъ. Право это сообщалось имъ жалованными грамотами и далеко не было достояніемъ всѣхъ землевладѣльцевъ. Неволинъ [1]) предполагаетъ, что землевладѣльцы вообще обладали въ своихъ земляхъ многими княжескими правами. „Въ древнія времена, говоритъ онъ, владѣльцамъ земель особенными грамотами князей предоставлялись права чрезвычайно обширныя. На основаніи этихъ грамотъ поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ". Г. Чичеринъ даетъ этимъ правамъ еще болѣе широкое значеніе [2]). Наврядъ ли можно согласиться съ этими выводами. Жалованныя грамоты касаются главнымъ образомъ вотчинъ, пожалованныхъ князьями, при чемъ пожалованіе извѣстныхъ правительственныхъ правъ могло имѣть лишь дополнительное значеніе по отношенію къ вотчиннымъ правамъ. Князья жаловали вотчину и *кромѣ того* разныя княжескія права. Они не были тѣсно связаны съ самимъ фактомъ землевладѣнія. По общему правилу, ни самъ бояринъ, ни лица, поселенныя на его землѣ, не были избавлены отъ различныхъ повинностей. Они платили дань, подчинялись суду княжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Крестьяне, сидѣвшіе на частной землѣ, тянули къ старостамъ и дворскимъ по разнымъ разрубамъ и разметамъ. Жалованныя грамоты составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Вотъ почему нельзя согласиться съ Неволинымъ, что несудимыя грамоты были переходомъ отъ того времени, когда державныя права вотчинниковъ были общимъ правиломъ, къ тому, когда они подъ вліяніемъ развитія княжеской власти вовсе должны были уничтожиться [3]). Онъ полагаетъ, что несудимыя

[1]) Истор. Рос. Гражд. Зак. ч. II стр. 149.

[2]) Опыты по ист. рус. пр. стр. 219: «Каждая частная вотчина представляла отраженіе большой княжеской вотчины.... землевладѣлецъ былъ не столько хозяинъ, сколько князь своей вотчины».

[3]) Знаменитый юристъ нашъ подкрѣпляетъ это многими доказательствами и сближеніями (ibid. стр. 151). «Старый порядокъ не могъ быть вдругъ уничтоженъ. Переходъ отъ уничтоженія его составляютъ несудимыя грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику *въ силу вотчиннаго права*, было теперь знатнѣйшимъ вотчинникамъ обезпечиваемо жалованными грамотами, какъ особенное преимущество. Замѣчательно, что первыя жалованныя частнымъ лицамъ гра-

грамоты стали выдаваться, независимо отъ вотчиннаго владѣнія, только послѣ Ивана IV. Намъ кажется, что и во время, предшествующее этому государю, хотя жалованныя грамоты на вотчины и заключали въ себѣ разныя права, кромѣ права на землю, но онѣ не были тѣсно связаны съ правами вотчиннаго владѣнія. Это былъ одинъ изъ видовъ пожалованія судомъ, мытомъ и другими повинностями, учрежденными собственно для князя, но никакъ не единственный. Всѣ эти права жаловались независимо отъ вотчиннаго владѣнія, подъ именемъ путей, доходовъ, кормовъ. Всѣ они составляли содержаніе такъ-называемаго кормленія. Кормленіе могло распространяться на цѣлую область, волость, но могло и ограничиваться однимъ участкомъ земли, соединяться съ правами вотчинника. Но и въ этомъ случаѣ они составляли также государево жалованье, какъ и кормленіе. Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы замѣтили выше, несудимыя грамоты относились къ вотчинамъ, пожалованнымъ князьями; но иногда онѣ жаловались и лицамъ, владѣвшимъ вотчинами независимо отъ пожалованія. Они имѣли характеръ льготы какъ для владѣльцевъ, такъ и для ихъ крестьянъ, — льготы, освобождавшей ихъ отъ часто обременительной обязанности подчиняться суду и расправѣ намѣстниковъ и волостелей [1]). Что право на судъ и пошлины не составляло части владѣльческихъ правъ, видно уже изъ того, что грамоты сообщали владѣльцамъ эти права далеко не въ одинаковой степени. Иногда судъ давали полный, иногда съ ограниченіями. Обыкновенно владѣлецъ получалъ право суда опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ; но иногда князь жаловалъ весь судъ, „опричь одного душегубства" [2]), иногда „опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ", такъ что татьба также поручалась завѣдыванію владѣльца. Въ иныхъ случаяхъ (впрочемъ, рѣдкихъ) жаловался весь судъ безъ всякихъ ограниченій [3]). Все зависѣло отъ усмотрѣнія князя, жаловавшаго грамоту. Если количество жалуемыхъ правъ зависѣло отъ воли князя, то и срокъ, на который жаловалась грамота, зависѣлъ отъ нея же. Иныя гра-

---

моты на право суда и другія преимущества являются со времени монгольскаго владычества, когда разрушены были многія древнія установленія Русскаго народа, когда какое-либо право обладающій имъ могъ не иначе сохранить, какъ съ помощію монгольскаго ярлыка или грамоты отъ князя, какъ намѣстника ханскаго».

[1]) См., напр., А. А. Э. т. I № 149 — жалован. грамота Дмитровскаго князя Юрія Ивановича Григорію Нелидову съ дѣтьми; также № 111.

[2]) А. А. Э. I № 44.

[3]) Напр., тамъ же, № 215, 95 (монастырю).

моты даруютъ эти права потомственно, иныя только лицу, которому грамота пожалована и его ближайшему наслѣднику. Иногда крестьяне извѣстной вотчины освобождаются отъ суда на опредѣленный срокъ (на урочные годы), послѣ чего они должны были тянуть всѣ повинности съ волостными людьми *по силѣ* (то-есть, по правиламъ). Во всякомъ же случаѣ каждая жалованная грамота подтверждалась новымъ княземъ, то-есть, переписывалась на его имя. Такъ, жалованная грамота, данная Петилину Иваномъ Калитою, переписывается на имя всѣхъ его преемниковъ до Великаго Князя Василія Васильевича включительно. Эта грамота подтверждаетъ не его право на село, а именно на судъ и льготы крестьянамъ. „Пожаловалъ есьми Ивана Петилина, говоритъ грамота, село его въ Кинелѣ Синятково съ деревнями, а кто у него въ томъ селѣ иметъ жить людей, и коимъ не надобѣ имъ (и проч. пошлины).... ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянуть ни въ которые проторы ни въ разметы“.... (А. А. Э. I, № 46). Слѣдовательно, село разсматривалось какъ неотъемлемая собственность боярина, независимо отъ его служебнаго положенія; напротивъ судъ и кормленіе, какъ государево жалованье, зависѣли отъ воли князя. Слѣдовательно, они, вмѣстѣ съ жалованными грамотами монастырямъ, являлись какъ одинъ изъ способовъ ограниченія намѣстниковъ, неудовлетворительность которыхъ начала чувствоваться съ XV вѣка, а можетъ-быть, и раньше, и повела къ полному ихъ упраздненію въ XVI вѣкѣ. Этими двумя причинами, то-есть, *кормовымъ* происхожденіемъ жалованныхъ грамотъ съ одной, и стремленіемъ, постепенно развивавшимся, ограничить власть намѣстника, можно объяснить значеніе жалованныхъ грамотъ гораздо полнѣе, чѣмъ на основаніи предположенія Неволина. Жалованныя грамоты никогда не имѣли въ виду превратить служилое сословіе въ постоянную административно-судебную власть относительно мѣстнаго населенія. Землевладѣльцы получали право суда и пошлинъ въ своей вотчинѣ какъ слуги *центральнаго* правительства, а не какъ части организованнаго мѣстнаго класса, которымъ они никогда не были. Напротивъ, жалованная грамота выдѣляла вотчину изъ общаго состава мѣстнаго управленія. Въ періодъ самостоятельности удѣловъ жалованныя грамоты являлись посягательствомъ на право удѣльнаго князя [1]), а потому выдача ихъ чужимъ княземъ запрещалась договорными грамотами. Въ періодъ объединенія Русской земли, онѣ служили для ограниченія

---

[1]) См. выше.

власти мѣстной администраціи по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, *пожалованнымъ* княземъ, государемъ. „Землевладѣлецъ совершенно, или большею частію освобождался изъ подвѣдомственности мѣстному начальству и поставлялся въ непосредственную зависимость отъ князя: чиновники княжескіе не могли въѣзжать въ его вотчину, чтобы отправлять здѣсь какія-либо дѣйствія своей власти“ [1]). Вслѣдствіе этого они съ одной стороны усиливали значеніе центральной власти, а съ другой, увеличивали раздробленіе и безъ того разъединенной мѣстности, которая поэтому не могла представить того единства, коимъ отличается истинно-развитая провинція.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія своихъ владѣльческихъ правъ, дворянство не является мѣстнымъ сословіемъ, даже въ періодъ государственнаго раздѣленія Россіи. Оно не сдѣлалось настоящимъ земскимъ классомъ, для котораго участіе въ мѣстной администраціи, въ качествѣ права или обязанности, было бы тѣсно связано съ фак-

[1]) См. всѣ жалованныя грамоты частнымъ лицамъ у Неволина, ibid. стр. 149. Въ нашей юридической литературѣ было высказано мнѣніе, заслуживающее большаго вниманія, но не вполнѣ доказанное. Именно, г. Андреевскій (О намѣстн., воев. и губн. стар., стр. 30) высказываетъ предположеніе, что одною изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ появленіе жалованныхъ грамотъ, были начавшіе уже появляться элементы крѣпости, начала фактической зависимости земледѣльцевъ отъ владѣльца земли, на которой они сидѣли. На этомъ основаніи а) всѣ лица, владѣвшія землею, просили князя объ освобожденіи его земли и всѣхъ людей, ее населявшихъ, отъ намѣстника, и б) на этомъ же основаніи родился обычай, при пожалованіи кого-нибудь землею, давать ему вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе отъ намѣстника. Но начало крѣпости выступаетъ впервые при Иванѣ III и съ характеромъ не столько частнымъ, сколько государственнымъ (см. Бѣляева, «Крестьяне на Руси») и во всякомъ случаѣ не вытекало изъ владѣльческихъ правъ служилаго сословія. Крѣпостное право, какъ мы увидимъ ниже, развивается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ помѣстнаго владѣнія, слѣдовательно, въ тотъ періодъ, когда начала настоящей свободной собственности — вотчины начали уже сильно колебаться, когда собственность изъ института гражданскаго права готова была превратиться въ учрежденіе права государственнаго. Слѣдовательно, образованіе крѣпостнаго права вышло не изъ идеи частнаго землевладѣнія, а изъ потребностей государственнаго управленія. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что выдача жалованныхъ грамотъ прекращается въ XVI вѣкѣ, крѣпостное же право устанавливается окончательно только въ началѣ XVII, а соединяется окончательно съ владѣльческими поземельными правами только въ XVIII вѣкѣ. Итакъ, если начало закрѣпощенія людей срослось съ идеею землевладѣнія только чрезъ два столѣтія послѣ прекращенія жалованныхъ грамотъ, то тѣмъ менѣе возможно допустить, чтобы столь важныя права государственной власти, какъ судъ и дань, соединялись съ землевладѣльческими правами въ XIV и XV вѣкѣ.

томъ землевладѣнія. Правительству ни разу не приходитъ на мысль положить губное дѣло на ихъ души, какъ оно это сдѣлало съ общинами, или вообще возложить на нихъ задачи мѣстнаго управленія въ качествѣ тягла. Тѣмъ менѣе замѣтно стремленіе со стороны самого дворянства воспользоваться своимъ владѣльческимъ положеніемъ для усиленія самостоятельности провинціи. Присутствіе бояръ въ томъ или въ другомъ удѣлѣ обусловливалось ихъ личнымъ договоромъ съ княземъ этого удѣла. Они не стремятся составить между собою союзъ, корпорацію, для пріобрѣтенія какого-нибудь дѣйствительнаго мѣстнаго значенія. Еще меньше стараются они войдти въ какія бы то ни было соотношенія, связи съ другими мѣстными элементами, съ городскими и сельскими общинами. Пока они были довольны своимъ привилегированнымъ положеніемъ, они оставались въ удѣлѣ; въ случаѣ неудовольствія они отъѣзжали и уговаривались съ другимъ княземъ, болѣе щедрымъ и податливымъ. По мѣрѣ того, какъ Москва становилась дѣйствительнымъ центромъ Русскаго государства и право отъѣздовъ сократилось фактически, а потомъ и юридически, дворянство потеряло уже всякое административное значеніе въ области. Государственная служба стала возможною только въ Москвѣ, а потому и все служилое сословіе потянуло въ Москву, оставляя область, гдѣ не было ничего привлекательнаго для дворянъ. Закрѣпленіе дворянства должно было сопровождаться сильнѣйшею централизаціей этого сословія. Ниже мы подробно разсмотримъ послѣдствія этого закрѣпленія, а теперь взглянемъ на причины, вызвавшія его.

Дѣйствительное значеніе для управленія бояре и дѣти боярскія имѣли только на службѣ. Не имѣя никакихъ отношеній къ мѣстному народонаселенію въ качествѣ землевладѣльцевъ, они приходили съ нимъ въ столкновеніе въ качествѣ служилыхъ людей. Отношенія эти устанавливались ихъ обязанностями, возлагавшимися на нихъ правительствомъ, и выражались въ формѣ различныхъ повинностей, отбываемыхъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ въ пользу правительства, такъ и въ пользу служилыхъ людей. Вслѣдствіе этого только со стороны службы можно было ожидать развитія постоянныхъ отношеній дворянства къ правительству и къ другимъ классамъ общества; родъ и характеръ службы, способы содержанія служилыхъ людей, все это должно было имѣть сильное вліяніе на судьбу дворянства. Въ качествѣ простаго земскаго класса, въ качествѣ землевладѣльцевъ, дворяне, очевидно, не могли получить никакой организаціи; слѣдова-

тельно, самъ по себѣ классъ этотъ не носилъ никакихъ признаковъ строенія. Организація его должна была сдѣлаться задачею правительства, а потому она должна была, естественно, сообразоваться съ видами правительства. Уже a priori можно сказать, въ чемъ должна была состоять эта организація. Дворянство было связано съ князьями не въ качествѣ землевладѣльческой корпораціи, а въ качествѣ вольныхъ слугъ, поступавшихъ къ нимъ на службу по свободному договору, заключенному каждымъ слугою отдѣльно, и въ силу того же договора отъѣзжавшихъ отъ нихъ въ случаѣ неудовольствія. *Боярское землевладѣніе постоянно имѣло значеніе частнаго факта,* не имѣвшаго никакого отношенія къ государственной жизни. На немъ нельзя было построить никакихъ прочныхъ государственныхъ отношеній. Приходилось дѣйствовать на личную свободу служилаго сословія. *Приходилось постепенно превращать лично-свободныя въ лично несвободныя, то-есть, въ крѣпостныя отношенія.* Короли западной Европы главнымъ образомъ вели войну противъ различныхъ державныхъ правъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ. Только этимъ путемъ они могли сосредоточить государственную власть въ своихъ рукахъ. Раздробленіе нашей государственной власти зависѣло отъ множества членовъ княжескаго рода и не выработавшихся началъ престолонаслѣдія; съ измѣненіемъ того и другаго условія, единодержавіе утвердилось безпрепятственно. Нашему правительству не приходилось принимать на себя тяжелый трудъ выдѣленія государственныхъ правъ изъ сферы частныхъ отношеній, отдѣлять судъ и администрацію отъ факта землевладѣнія,—словомъ, совершать все, что характеризуетъ дѣятельность королевской власти въ исторіи западной Европы. *Земля* была достаточно подчинена государственной власти; никто не оспаривалъ ея верховныхъ правъ. Жалованныя грамоты не могли создать въ Россіи феодальнаго баронства, ни его замковъ, ни феодальнаго права. Верховная власть не должна была бороться противъ мѣстныхъ привилегій, основанныхъ на фактѣ частной собственности: *развитіе ея задерживалось личными правами членовъ русскаго общества.* Между этими правами боярскіе отъѣзды и вольный переходъ крестьянъ занимали самое видное мѣсто. Уничтожить эту совокупность личныхъ правъ, уничтожить свободное лицо и на мѣсто его поставить закрѣпощенное сословіе, вотъ руководящее начало и конечная цѣль Московской политики.

Образованіе этихъ закрѣпощенныхъ сословій должно было имѣть большое вліяніе на характеръ нашей администраціи. Сословія могутъ

имѣть общегосударственное значеніе или исключительно мѣстный характеръ. Они могутъ быть прикрѣплены къ службѣ центральнаго правительства или организованы въ качествѣ мѣстныхъ корпорацій. И въ томъ и въ другомъ случаѣ историческое развитіе администраціи получаетъ различный исходъ. Послѣдующая исторія служилаго сословія въ особенности докажетъ намъ это. Но теперь мы должны остановиться на томъ знаменательномъ фактѣ, что закрѣпощеніе служилаго сословія положило прочныя основы административной централизаціи въ Россіи, подобно тому, какъ уничтоженіе удѣловъ упрочило единство государственное. Дворянство, не имѣя твердой точки опоры въ мѣстности, гдѣ оно пребывало временно, въ силу служебныхъ отношеній къ тому или другому князю, должно было получить дальнѣйшую организацію подъ вліяніемъ этихъ служебныхъ отношеній. Съ сосредоточеніемъ власти въ однихъ рукахъ, служить можно было только въ одномъ мѣстѣ; служба и вмѣстѣ съ нею служилое сословіе были централизованы.

Централизація эта была завершена закрѣпленіемъ служилаго сословія. Закрѣпленіе это было однимъ изъ главнѣйшихъ условій ея развитія. Вотъ почему изслѣдованіе постепеннаго закрѣпощенія служилаго класса совершенно необходимо въ видахъ лучшаго разъясненія исторіи нашей администраціи. Уничтоженіе личной свободы есть общій и несомнѣнный фактъ этого закрѣпленія. Но для того, чтобы понять вполнѣ значеніе этого явленія, нельзя останавливаться на одномъ этомъ общемъ результатѣ. Въ нашей историко-юридической литературѣ слишкомъ много останавливаются на уничтоженіи права отъѣзда, какъ на главнѣйшей причинѣ, превратившей прежнія свободныя отношенія дружины къ князю въ несвободныя. Не подлежитъ сомнѣнію, что уничтоженіе права отъѣзда было чрезвычайно важною мѣрой, остановившею *бродничество* служилаго класса. Но врядъ ли ей можно придавать значеніе единственнаго факта, вліявшаго на закрѣпленіе служилаго класса. Само по себѣ уничтоженіе отъѣздовъ должно было только сообщить необходимую осѣдлость этому важному классу русскаго общества. Право отъѣзда уничтожилось какъ бы само собою, фактически, съ уничтоженіемъ удѣловъ, когда отъѣзжать можно было только въ Польшу, то-есть, покидать не только того и другаго князя, но и Россію. Безъ важныхъ видоизмѣненій въ экономическомъ бытѣ дворянства, эта осѣдлость не превратилась бы въ крѣпостное состояніе служилаго класса. На какихъ условіяхъ стало осѣдлымъ наше служилое сословіе? Осѣдлость отдѣльнымъ человѣкомъ, также какъ и цѣ-

лымъ обществомъ, пріобрѣтается поземельною собственностію, постояннымъ промысломъ, опредѣленными повинностями. Но между всѣми этими условіями обладаніе недвижимою собственностію занимаетъ первое мѣсто. Оно главнымъ образомъ даетъ не только отдѣльному человѣку, но и цѣлымъ поколѣніямъ, прочную точку опоры для всей ихъ экономической и политической дѣятельности, оно же кладетъ неизгладимый отпечатокъ на характеръ этой дѣятельности, устанавливаетъ отношенія этихъ лицъ къ обществу. Отъ того, владѣетъ ли извѣстное лицо или классъ полною или неполною, свободною или несвободною собственностью, зависитъ его политическое и общественное положеніе. Классъ, сдѣлавшійся осѣдлымъ вслѣдствіе пріобрѣтенія свободной собственности, останется свободнымъ, какъ и до неосѣдлаго своего состоянія. Напротивъ, классъ, осѣдлость котораго опредѣляется условною собственностью, будетъ несвободенъ. Это замѣчаемъ мы, между прочимъ, и на исторіи нашего служилаго сословія. Осѣдлость его, опредѣлившаяся съ уничтоженіемъ права отъѣзда, совпадаетъ съ паденіемъ началъ свободной собственности въ Русскомъ государствѣ. Изъ безусловной принадлежности лица, собственность становится владѣніемъ, обладаніе которымъ опредѣляется разными условіями. Для дворянства этимъ условіемъ, опредѣлявшимъ его поземельное владѣніе, была служба. Несвободное же положеніе дворянства опредѣляется тѣмъ, что оно стало осѣдлымъ на основаніи владѣнія несвободною собственностію. Мы видѣли выше, что свободная поземельная собственность, которою оно владѣло до окончательнаго образованія Московскаго государства, не превратила его въ осѣдлый классъ. Оно продолжало бродить, переходить изъ княжества въ княжество; другими словами, жить службою больше, чѣмъ экономическою дѣятельностью. По неимѣнію статистическихъ данныхъ трудно рѣшить, на сколько вліяла на это явленіе самая величина поземельныхъ участковъ, принадлежавшихъ дворянамъ [1]). Но весьма вѣроятно, что ничтожность боярскихъ селъ, постоянно дробившихся вслѣдствіе равнаго раздѣла имущества послѣ смерти вотчинника между всѣми его сыновьями, заставляла дворянство обра-

[1]) Г. Соловьевъ (т. XIII стр. 30) прямо полагаетъ, что бояре и прежніе княжескіе роды были слишкомъ бѣдны, чтобъ удержать за собою какое-нибудь значеніе послѣ усиленія Москвы. «Князья и бояре, говоритъ онъ, бѣдны, а великій князь очень богатъ. Онъ примыслилъ себѣ множество земель, а земля при младенческомъ состояніи Московскаго государства, государства земледѣльческаго... составляла единственное богатство. Это земельное богатство даетъ князю средство окончательно утвердить свое могущество».

щать вниманіе на службу больше, чѣмъ на свои поземельныя владѣнія. Дружина продолжала жить на счетъ княжескаго прибытка, какъ и во времена Владиміра Святаго. Иначе, по крайней мѣрѣ, трудно объяснить эту легкость перехода бояръ изъ одной мѣстности въ другую, трудно понять, какъ они по большей части служили не въ той мѣстности, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія, и наконецъ, невозможно объяснить этого быстраго и безостановочнаго сосредоточенія служилаго класса въ Москвѣ, подлѣ государева двора. *Итакъ осѣдлость дворянства, не выработавшаяся подъ вліяніемъ свободной собственности, устанавливается подъ вліяніемъ собственности несвободной, сложившейся подъ вліяніемъ Московскаго правительства.*

То, что мы называемъ несвободною собственностію, извѣстно въ исторіи нашего права подъ именемъ *помѣстнаго владѣнія*. Вопросъ о помѣстьяхъ до такой степени характеризуетъ положеніе служилаго класса въ Московскомъ государствѣ, такъ выясняетъ значеніе службы, способы и устройство администраціи, что изученіе его становится совершенною необходимостью для каждаго, кто хочетъ познакомиться съ управленіемъ Московскаго государства.

Идея помѣстья есть условное, несвободное обладаніе такою собственностью, которая по самой природѣ своей и въ силу экономическихъ потребностей каждаго цивилизованнаго государства, должна быть и безусловна и свободна, — то-есть, землею. Русское государство до московскаго періода знало обладаніе разными предметами, обусловленное службою. Но безъ всякаго сомнѣнія это не было помѣстье въ настоящемъ смыслѣ слова. Мы должны съ точностью выяснить признаки помѣстья, безъ чего исторія его будетъ совершенно непонятна. Исторію нашего помѣстья многіе ученые начинаютъ издалека. Г. Погодинъ видитъ помѣстья въ тѣхъ городахъ и волостяхъ, которые раздавались нашими князьями съ самыхъ древнихъ временъ [1]). Рюрикъ роздалъ мужамъ своимъ грады, Олегъ взялъ Смоленскъ и Любечъ, Ольга имѣла для содержанія своего Вышгородъ, бояре получаютъ города въ кормленіе, — все это, по его мнѣнію, помѣстья. Словомъ, онъ смѣшиваетъ кормленія съ помѣстьями. Кормленія, по его мнѣнію, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи являются въ видѣ помѣстій. Неволинъ, строго говоря, не раздѣляетъ этого мнѣнія; но твердой границы между помѣстьемъ и кормленіемъ провести не рѣшается. Если она сама собою выходитъ изъ смысла его сочиненія, то

[1]) См. VII т. его изслѣдованій.

это должно приписать его необыкновенному юридическому смыслу, который невольно привелъ его къ разграниченію этихъ несходныхъ между собою предметовъ. „Названіе помѣстья и заимствованныя отсюда имена, говоритъ онъ, являются не ранѣе какъ въ XV столѣтіи Но вещь существовала издавна". Можно, слѣдовательно, подумать, что по мнѣнію Неволина, одно названіе помѣстья выработано въ XV столѣтіи и приложено къ явленію, выработавшемуся гораздо раньше. Какія же были эти явленія? Вопервыхъ, *нѣчто похожее* на пожалованіе помѣстій авторъ видитъ въ обычаѣ русскихъ князей обезпечивать содержаніе членовъ своей дружины, предоставляя въ ихъ пользованіе различные источники княжескаго дохода, а въ особенности поручая имъ въ управленіе города и волости [1]). Онъ, очевидно, приписываетъ кормленію значеніе помѣстья. Затѣмъ онъ подробно разсматриваетъ разные виды кормленія. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что нашъ великій юристъ считаетъ кормленія помѣстьями. Въ этомъ должно разубѣдить слѣдующее мѣсто его труда: „Но все это не были собственно такъ-называвшіяся помѣстья. Ихъ начала должно искать въ тѣхъ земляхъ, селахъ и деревняхъ, которыя давали князья служащимъ лицамъ въ пользованіе на такомъ же правѣ, на какомъ вотчинникъ пользовался своими вотчинными землями, хотя пользованіе и владѣніе только временное" [2]). Трудно пріискать болѣе вѣрное юридическое опредѣленіе помѣстья, нежели это. Итакъ, прежде всего помѣстья различаются отъ кормленій по ихъ предмету. Помѣщикъ становился временнымъ вотчинникомъ пожалованнаго ему имѣнія. Слѣдовательно, имѣніе должно было представлять возможность вотчиннаго владѣнія. Князь могъ пожаловать въ помѣстье только такіе предметы, по отношенію къ которымъ онъ самъ могъ быть вотчинникомъ. Мы видѣли выше, какъ въ договорныхъ грамотахъ были разграничены предметы, по отношенію къ которымъ князь являлся вотчинникомъ, отъ тѣхъ, которые подлежали его власти какъ государя. Въ кормленія жаловали послѣдній разрядъ предметовъ, въ помѣстья — первый. Судъ, мыть, тамга, вѣсчее, различные пути, должность намѣстника и волостеля, могли быть предметомъ кормленій, но не помѣстій, ибо князь, не владѣя ими самъ на вотчинномъ правѣ, не могъ сдѣлать другихъ вотчинниками ихъ. Помѣстное право могло относиться именно только къ землямъ, селамъ, деревнямъ, предметамъ, которыми можно было поль-

[1]) Ист. Росс. Гражд. Зак. II, 192 и слѣд.
[2]) Тамъ же стр. 195.

зоваться не на государственномъ, а на частномъ правѣ. Правда, кормленія носятъ на себѣ нѣкоторые признаки частнаго права, а помѣстья первоначально сложились по началамъ права государственнаго. Но здѣсь-то и видна глубокая разница между тѣми и другими. Въ кормленіяхъ мы видимъ стремленіе подчинить предметы государственнаго управленія частнымъ интересамъ; но съ развитіемъ государственныхъ началъ стремленіе это должно было уничтожиться и государственные интересы восторжествовать надъ частными. Намѣстники смѣнились воеводами, воеводы уступили мѣсто болѣе правильному государственному управленію. Напротивъ, въ помѣстной системѣ мы замѣчаемъ обратное движеніе. Система эта была попыткой подчинить государственнымъ интересамъ такія стороны экономической жизни, которыя должны развиваться по началамъ частнаго права, попыткой внести начала государственнаго права въ сферу права частнаго. Съ развитіемъ общества и государства стремленія эти должны были рушиться и начала свободной частной собственности восторжествовать надъ несвободнымъ владѣніемъ по праву государственному. Развитіе помѣстнаго права не могло задержать развитія права вотчиннаго, вотчины развивались рядомъ съ помѣстьями и часто на счетъ послѣднихъ. Параллельное ихъ развитіе привело къ смѣшенію этихъ двухъ формъ собственности, и послѣ неудавшейся попытки Петра I разрѣшить это смѣшеніе исключительно по началамъ государственнаго права, вотчинная, то-есть, полная собственность должна была восторжествовать и выразиться въ изданіи жалованной грамоты дворянству.

Но и кромѣ этихъ чисто-юридическихъ основаній, можно найдти нѣсколько признаковъ, различающихъ помѣстья отъ кормленій. Признаки эти заключаются въ различіи положенія служилаго класса въ періодъ развитія кормленій и въ эпоху развитія помѣстій. Кормленія представляютъ средство удовлетворить свободную дружину, связанную съ княземъ однимъ договоромъ. Помѣстья являются средствомъ распредѣленія, разверстанія службы сословія закрѣпленнаго. Кормленія относятся къ той эпохѣ, когда лицо и его частная собственность были вполнѣ свободны; помѣстья возникаютъ и развиваются въ эпоху, когда подъ вліяніемъ тяглъ образовались закрѣпленныя сословія, и частная собственность была стѣснена въ ея свободномъ обращеніи, когда обращеніе это было ограничено предѣлами одного какого-либо сословія или даже его частью, — словомъ, когда собственность также была разверстана на службѣ, какъ и самыя лица, владѣвшія ею.

Итакъ, ни по эпохѣ, въ которую они появились, ни по началамъ, на которыхъ они были построены, помѣстья не имѣютъ ничего сходнаго съ кормленіями. Единственная общая имъ идея, которая, вѣроятно, и повела къ смѣшенію этихъ двухъ понятій, заключается въ томъ, что и тамъ и здѣсь мы видимъ пользованіе извѣстными предметами, обусловленное государственною службою. Но начало это само по себѣ не можетъ произвести такого полнаго смѣшенія понятій. Обладаніе предметами, отданными въ кормленіе, дѣйствительно обусловливалось государственною службой. Но предметы эти никогда и не могли сдѣлаться предметомъ частной собственности; ими нельзя было обладать иначе, какъ подъ условіемъ службы. Отсюда и до перенесенія этихъ началъ на такіе предметы, которые могутъ, и въ развитомъ государствѣ должны, быть предметомъ частнаго права, еще разстояніе большое.

Во всякомъ случаѣ идея условнаго (то-есть, подъ условіемъ службы) обладанія извѣстными предметами впервые выработалась на кормленіяхъ, и отсюда, въ соединеніи съ другими началами, перешла на помѣстья. Съ самыхъ древнихъ временъ мы замѣчаемъ, что пользованіе разными доходами обусловливается службою и не составляетъ частной, то-есть, свободной собственности лицъ, которымъ они пожалованы. Въ духовной грамотѣ Симеона Ивановича мы встрѣчаемъ постановленіе, что бояре, служащіе у его княгини, съ своихъ волостей даютъ ей половину доходовъ [1]). Въ договорной грамотѣ В. кн. Димитрія Ивановича съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчается постановленіе, по которому бояринъ, отъѣзжая къ другому князю, не сохранялъ своего кормленія [2]). Это нисколько не противорѣчитъ праву свободнаго перехода бояръ, ни неприкосновенности ихъ частной собственности. Въ той же договорной грамотѣ подтверждается извѣстное правило, что боярамъ и слугамъ вольнымъ воля. Кормленіе потому обусловливалось службою, что кормленщикъ иначе не могъ получать свой доходъ какъ при отправленіи извѣстныхъ служебныхъ обязанностей: онъ не могъ получать судныхъ пошлинъ, если не судилъ. Понятно также, что доходы эти не были неопредѣленнаго свой-

[1]) С. Г. Г. и Д. I № 24. «А кто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имутъ вѣдати, даютъ княгини моей прибытъка половину».

[2]) Тамъ же № 27, стр. 45: «А который бояринъ поѣдетъ и съ кормленія отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тебѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленіе по исправѣ (то-есть, по то время, когда кончилась его служба), а любо служба, отъслужити ему».

ства. Они опредѣлялись или уставными грамотами, даваемыми великими князьями разнымъ волостямъ, или наказными списками, по которымъ должны были ходить намѣстники и волостели. Это достаточно доказывается ввозными и другими грамотами, опредѣлявшими отношенія волостелей къ управляемымъ. Такъ, въ Актахъ Юридическихъ мы находимъ нѣсколько примѣровъ кормленій въ волости, долго остававшейся въ одномъ и томъ же родѣ — Протасьевыхъ. Великій князь пожаловалъ Ивана Протасьева и сына его Конона волостью Лузою за его выѣздъ (то-есть, службу) въ кормленіе. „И вы всѣ люди тое волости, заключаетъ грамота, чтите ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ, и судити ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку“ [1]). Въ послѣдствіи тотъ же великій князь пожаловалъ Протасьевыхъ уже двумя городами Елатьмою и Кадомою съ мытами, перевозами, и со всѣми намѣстничьими доходами, которые имъ велѣно взимать по наказному списку [2]). При Василіѣ Ивановичѣ другой Протасьевъ, Протасій Акинфовичъ, получилъ также кормленіе въ Мещерѣ и Мещерскомъ уѣздѣ; но ему дана одна пошлина: „пожаловалъ есми Протасья... въ Мещерѣ и Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, кто что купитъ, продастъ или промѣнитъ“ [4]). При чемъ, промытъ и пошлины велѣно имать по наказному списку. Потомъ онъ получилъ въ кормленіе Лузу, но уже со всѣми правами и доходами волостеля, и это пожалованіе осталось и за сыномъ его Петромъ Протасьевичемъ по грамотѣ Ивана IV [3]). Наконецъ, сынъ Петра, Келарь былъ пожалованъ опять городами Елатьмою и Кадомою, которыхъ его предки, какъ видно, были лишены, потому что Царь Өедоръ Ивановичъ приказываетъ Елатомскимъ и Кадомскимъ людямъ слушаться его какъ *прежнихъ намѣстниковъ*. Итакъ, пожалованіе кормленіемъ, даже въ томъ случаѣ, когда кормленіе оставалось въ томъ же родѣ, не имѣло характера частной собственности, было обусловлено службою, и самые предметы его опредѣлены. В. князь могъ пожаловать всю совокупность намѣстничьихъ доходовъ или только часть ихъ, перевести кормленщика изъ города въ простую волость и наоборотъ, — словомъ, не много нужно доказательствъ для того, чтобы понять, что служебные доходы были тѣсно связаны со службою.

Примѣненіе этихъ началъ къ поземельному владѣнію до Ивана III

[1]) А. Ю. I, № 161.
[2]) Тамъ же II.
[3]) Тамъ же III.
[4]) Тамъ же IV.

представляется намъ въ формѣ отдѣльныхъ случаевъ, не имѣющихъ особенной связи между собою. Безъ сомнѣнія, князья рано начали жаловать разныя недвижимыя имущества не въ потомственное владѣніе, а подъ условіемъ службы. Такъ, еще въ духовной грамотѣ В. кн. Ивана Калиты находится распоряженіе относительно одного имѣнія, отданнаго имъ Борису Воркову. Неизвѣстно, кто такой былъ этотъ Ворковъ; но врядъ ли онъ занималъ какую-нибудь важную должность при князѣ, потому что князь зоветъ его уничижительнымъ именемъ, что не вошло еще въ обыкновеніе относительно бояръ и другихъ старшихъ членовъ служилаго сословія. Поэтому трудно видѣть что-либо особенно важное относительно всѣхъ дружинниковъ въ распоряженіи Калиты, оставлявшемъ за Ворковымъ имѣніе только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить одному изъ его сыновей [1]). Затѣмъ до В. кн. Ивана III, мы чрезвычайно мало встрѣчаемъ такихъ условныхъ пожалованій землями. Только въ духовной грамотѣ В. кн. Василія Васильевича находится указаніе на право князя распоряжаться имуществомъ своихъ слугъ. Великій князь отдаетъ въ полное распоряженіе своей княгини ея бояръ, слугъ и холоповъ, со всѣми ихъ пожалованными и купленными селами [2]). Это мѣсто духовной грамоты нельзя впрочемъ истолковать именно въ смыслѣ условнаго обладанія этою землею боярами и слугами; князь передаетъ ихъ въ ея власть, но не ставитъ боярамъ въ непремѣнную обязанность служить ей, подъ страхомъ лишенія села. Гораздо полнѣе слѣдующее мѣсто въ той же духовной: „А кому буду давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтемъ боярскимъ свои села въ *жалованье* или хотя и въ куплю кому далъ; ино то мои села моимъ дѣтямъ, въ чьемъ удѣлѣ будетъ ино тому и есть“. Но и это мѣсто можетъ означать только распредѣленіе означенныхъ селъ по удѣламъ дѣтей Василія Васильевича, а не отнятіе ихъ у собственниковъ [3]). Между этими извѣстіями, во весь періодъ отъ Ивана Калиты до В. кн. Ивана III, встрѣчаются только отрывочныя указанія объ отнятіи разныхъ селъ у отдѣльныхъ бояръ; но

---

[1]) «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское а далъ есмь *Бориску Воръкову*, еже иметъ сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметъ ли служить дѣтемъ моимъ, село отоимуть».

[2]) Духовн. грам. В. Кн. Вас. Вас. С. Г. Г. и Д.: «А которые дѣти боярскіе служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, и вси холопи ее, и кому буду язъ князь В. тѣмъ давалъ свои села, или моя княгиня имъ давала свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина или купля: и въ тѣхъ своихъ людехъ во всихъ вольна моя княгиня и въ тѣхъ селѣхъ; а дѣти мои въ то не вступаются».

[3]) См. сочиненія г. Кавелина, т. III, стр. 39.

нигдѣ мы не встрѣчаемъ попытки обусловить службою обладаніе недвижимою собственностью. Начало, принципъ помѣстнаго владѣнія не былъ еще выясненъ, и выясненіе его, кажется, совершилось не въ сферѣ русской государственной практики. Юридическое основаніе помѣстнаго владѣнія заключается въ понятіи неотчуждаемости земли, принадлежащей, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, одному постоянному владѣльцу, который можетъ уступить временное пользованіе ею подъ различными условіями другому лицу. Это лицо, конечно, будетъ весьма ограничено въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ, благодаря этой идеѣ неотчуждаемости собственности, принадлежащей одному общему верховному владѣльцу. Такой идеи не могла выработать русская государственная жизнь до монгольскаго періода. Князь считался государемъ, но не владѣльцемъ земли. Частная собственность князя существовала наряду съ частною собственностью бояръ и нисколько не стѣсняла послѣдней [1]). Только въ монгольскій періодъ появляется понятіе о князѣ, не только какъ о государѣ, но и какъ о владѣльцѣ всей земли. Великіе князья постепенно становились къ своимъ подданнымъ въ такое же отношеніе, въ какомъ монгольскіе ханы стояли по отношенію къ нимъ самимъ. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся вообще земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностью; подданные хана могли быть только простыми владѣльцами земли" [2]). Во всѣхъ областяхъ Россіи, кромѣ Новгорода и Западной Руси, эти начала должны были отразиться и на началахъ русскаго права. Князья, какъ правители своихъ областей, какъ представители хана, естественно пользовались въ своихъ удѣлахъ тѣми же правами, какъ онъ во всемъ своемъ государствѣ. Съ паденіемъ монгольскаго владычества князья явились наслѣдниками ханской власти, а слѣдовательно, и тѣхъ правъ, которыя съ нею соединялись. Съ развитіемъ такихъ понятій начала полной частной собственности естественно должны были поколебаться.

---

[1]) Г. Погодинъ въ своей критикѣ на г. Ланьера (О вотчинахъ и помѣстьяхъ, Спб. 1848 г.) весьма мѣтко и остроумно возражаетъ автору, который держится противоположнаго мнѣнія. Авторъ (г. Ланьеръ) говоритъ: «До XVIII-го столѣтія частныя лица въ Россіи не имѣли полнаго права собственности на недвижимыя имѣнія». «Несправедливо — если сами князья покупали имѣнія у частныхъ лицъ, то какого же имъ болѣе полнаго права было надо?» (См. *Москвитянинъ* 1848 г. часть 3-я, критика, стр. 88). См. то же замѣчаніе въ критикѣ на ту же книгу, г. Кавелина въ III т. его соч., стр. 38.

[2]) См. Ист. Росс. Гражд. Зак. т. II. стр. 136 и слѣд.

Но проявиться въ какихъ-нибудь существенныхъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ они не могли. Все что̀ они сдѣлали на первое время, это̀ то, что князья стали произвольнѣе обращаться съ имуществомъ своихъ бояръ и служилыхъ людей, какъ это доказываетъ между прочимъ духовная грамота Василія Васильевича. Но отъ такихъ отдѣльныхъ актовъ до цѣлой системы землевладѣнія, построенной на идеѣ несвободной, неотчуждаемой собственности, конечно, было далеко.

Но прежде изслѣдованія развитія помѣстій въ Московскомъ государствѣ, мы позволимъ себѣ привести еще нѣсколько фактовъ въ доказательство того, что учрежденіе помѣстій было тѣсно связано съ развитіемъ идеи о верховномъ собственникѣ и его неотчуждаемой собственности. Факты эти показываютъ, что вездѣ, гдѣ была эта идея, появлялось и помѣстье. Прежде чѣмъ идея ея развилась въ государствѣ, мы видимъ ее въ церкви. Духовенство и монастыри издавна смотрѣли на свои земли какъ на неотъемлемую и неотчуждаемую собственность, такъ какъ земля продавалась, жертвовалась въ монастырь или вообще духовенству на имя Христа Спасителя или Пресвятой Дѣвы [1]). Въ настольной грамотѣ Новгородскому архіепископу Іоанну митрополитъ Кипріанъ (1391 г.) такъ выражается о церковныхъ имуществахъ: „А что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягли къ церкви Божьи, или купли, или кто далъ по душѣ памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не вступается; а кто вступится, того не благословляютъ божественныя правила". То же самое повторяетъ онъ въ своей грамотѣ Псковичамъ [2]). На этомъ основаніи все, что̀ пріобрѣталось въ монастыри, пріобрѣталось въ прокъ, безъ права выкупа для родственниковъ продавца и отчужденія для духовныхъ властей [3]). Въ данныхъ вкладныхъ грамотахъ прямо встрѣчается запрещеніе монастырскимъ властямъ отчуждать

[1]) См. напр. жалов. грам. Рязан. в. к. Олега Солочинскому монастырю. (А. И. т. I № 13): «Се язъ князь в.... придалъ есьмъ святѣй Богородици на Солодшѣ игумену Ѳедору Ѳедиркова селище.... а кого зоветъ къ себѣ людей.... а тѣ знаютъ св. Богородицу и игумена Ѳедора». Тамъ же № 15 — Звенигород. князя Юрія Дмит. Савво-Старжев. монастырю: «Пречистыя ради милости и честнаго ея Рождества (т. е. Спасителя) се язъ.... что далъ Пречистой въ домъ.... село свои въ Звенигор. уѣздѣ».... См. также всѣ другія жалованныя грамоты монастырямъ, а также Акты, относящіеся до юр. быта др. Россіи, I, № 63.

[2]) Акт. И. I. № 7 и 9.

[3]) Относительно купчихъ см. Акты, относ. до юр. б. др. Россіи, II, № 147; IV, V, VI, VII и т. д. вездѣ выраженія: «а купили мы то село въ домъ Пречистыя Богородици въ прокъ безъ выкупа».

вложенное въ монастырь село [1]). Мы встрѣчаемъ продажу монастырскихъ земель частнымъ лицамъ, но эта продажа не имѣетъ значенія полнаго отчужденія церковнаго имущества; земля уступалась покупателю или пожизненно, или на срокъ [2]). Единственно, что могло быть допущено по отношенію къ церковнымъ имуществамъ, это *мѣна* съ частными лицами и то съ разрѣшенія митрополита [3]). Между тѣмъ духовенству приходилось раздавать свои земли. Обладая вполнѣ независимымъ положеніемъ, пользуясь громадной юрисдикціей не только надъ своими членами, но и надъ множествомъ лицъ, признанныхъ *церковными*, а равно и завѣдывая массою вопросовъ, предоставленныхъ ей исключительно, церковь естественно имѣла свою самостоятельную администрацію. Необходимость послѣдней вызывалась еще тѣмъ, что кромѣ массы дѣлъ, предоставленныхъ церкви, она обладала еще обширными имѣніями, населенными людьми, также подлежавшими церковной администраціи. Всѣ эти обстоятельства создали въ церковной сферѣ особый классъ служилыхъ людей: митрополитъ имѣлъ своихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, даже свой дворъ, подобно великому князю. Благодаря богатству церкви и льготамъ, которыя могли предоставить служилымъ людямъ ея владыки, ряды митрополичьихъ и владычнихъ слугъ постоянно наполнялись. По отношенію къ этимъ служилымъ людямъ развилось явленіе, подобное тому, которое въ послѣдствіи получило такое широкое развитіе въ сферѣ свѣтской администраціи. Благодаря идеѣ неотчуждаемости церковной земли, митрополиты и владыки весьма рано начали раздавать ее служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Въ XV столѣтіи выдаются уже жалованныя грамоты митрополитовъ разнымъ лицамъ, состав-

[1]) См. Акты, отн. до юр. быта др. Россіи. I, № 63. VIII, грамота, данная на село Оксиньинское Успен. соб. церкви въ Москвѣ (1433—1448 г.). Какой-то Игнатій Васильевичъ далъ свою вотчину святой Богородицѣ и митропотиту и прибавляетъ: «А господинъ мой (митрополитъ) держитъ то село въ дому Пречистыя Богородици, *а не продастъ его, ни дастъ никому, ни мѣнитъ ни съ кѣмъ;* а далъ есмь то село на поминокъ своимъ родителемъ и себѣ и всему своему роду». XII, XIII, I, особ. XVIII и XIX.

[2]) Въ одной купчей 1453 г. рѣчь идетъ о покупкѣ частнымъ лицомъ монастырской земли. Иванъ Пополутовъ, *должа* Іонѣ митрополиту, купилъ село Спасское у Введенскаго монастыря, но въ концѣ купчей мы читаемъ: «А купилъ есмь (то село) до своего живота, а послѣ моего живота то Спасское и Борокъ и съ всѣмъ тѣмъ Пречистой Богородици въ домъ въ новой монастырь на поминокъ моихъ родителей, и по моей душѣ и по моихъ дѣтокъ». Акт., отн. до юр. быта др. Россіи. Т. II, № 147, I.

[3]) См. тамъ же, № 156, I—V.

ленныя совершенно въ смыслѣ помѣстныхъ, то-есть, имъ предоставляется простое право владѣнія безъ права распоряженія, которое можетъ принадлежать полному собственнику. Такъ, митрополитъ Симеонъ пожаловалъ двумъ своимъ дѣтямъ боярскимъ земли, съ тѣмъ чтобъ они не могли ихъ ни освоить, ни продать[1]). Нѣсколько раньше митрополитъ Ѳеодосій пожаловалъ Борису Тютчеву во владѣніе церковное село въ Суздали и получилъ отъ него запись объ отдачѣ по смерти его того села обратно въ церковное вѣдомство. Къ тому же времени относится запись Григорія Киселева объ отдачѣ по смерти его въ церковное вѣдомство пожалованной ему митрополитомъ Зосимою Пертовской пустыни. Даже крестьяне жаловались землею на этихъ же условіяхъ[2]). Въ отпускныхъ записяхъ, напечатанныхъ въ Актахъ, относящихся до юр. быта древней Россіи, находится много примѣровъ такого пожалованія частныхъ лицъ, митрополичьихъ слугъ, церковными землями[3]).

Такимъ образомъ понятіе объ условномъ пожалованіи частною собственностью вырабатывается тамъ, гдѣ прежде выработалось понятіе объ общемъ, верховномъ собственникѣ цѣлаго разряда земель, въ церкви. Условіемъ, на которомъ владѣлись эти земли, не была служба. Въ этомъ смыслѣ церковь не выработала понятія помѣстья, въ его государственномъ значеніи. Земли церковныя жаловались, правда, митрополитами ихъ слугамъ за службу; но затѣмъ обладаніе

[1]) Грамота эта приведена въ судномъ дѣлѣ, въ Акт. юр., № 8. Она по формѣ и содержанію похожа на всѣ грамоты этого рода, а потому мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ: «В. М. се язъ Симонъ митрополитъ всея Руси, пожаловалъ есмь Некраса да Дрозда, Васильевыхъ дѣтей Юрьевича, церковными Пречистые Богородицы и святыхъ чудотворцевъ, Петра, Алексеа, Іоны и своими митрополскими деревнями съ сельци всѣми на Унарожѣ, въ Костромскомъ уѣздѣ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ сельцамъ потягло изстарины, да и съ своимъ митрополскимъ оброкомъ; а вѣдають и пашутъ тѣ деревни и селища Некраса и Дроздъ на себя.... а въ прокъ имъ себѣ тѣхъ деревень и селищь, не освоить, ни продать, ни закабалить, ни по душѣ не дать, ни иною ни которою хитростію отъ церкви Божіей не отстаивати, *занеже тѣ деревни церковные Пречистые Богородици...*».

[2]) См. А. А. Э. Т. I, № 74: «А тѣхъ деревень ему (крестьянину Милентію Новикову)... не освоивати, ни окняжити, ни обоярити, ни продати, ни заложити, ни по душѣ не дати, ни иною никоторою хитростію отъ церкви Божіей не отстаивати, занеже то земли и лѣсы и воды извѣчные домовные св. Богородицы и великаго чудотворца».

[3]) Т. I. № 118. Мы имѣемъ здѣсь въ виду акты, относящіеся къ XV вѣку; ихъ здѣсь нѣсколько: I, 1461 г. II, 1461 г. (они помѣщены также въ А. А. Э. I, стр. 74), III того же года, IV 1492, V 1493, VI 1496 г.

ими не обусловливается службою. Митрополичьи дворяне и дѣти боярскіе становятся въ силу данныхъ имъ жалованныхъ грамотъ полными владѣльцами земли пожизненно.

Обладаніе поземельнымъ имуществомъ подъ условіемъ службы впервые развивается въ сферѣ государственнаго управленія; но начало это первоначально относится не къ помѣстьямъ, ибо ихъ еще не было, а къ вотчинамъ. Въ XV столѣтіи Московскіе князья дѣйствительно стали уже первенствующими князьями Русской земли. Они не только одни *знали* орду (то-есть, сносились съ ханомъ); но и въ дѣлѣ внутренняго управленія ихъ сильная рука чувствовалась всюду. Многіе князья Рюрикова дома не имѣли уже возможности поддерживать свое самостоятельное положеніе удѣльныхъ князей и шли на службу великаго князя, подъ условіемъ сохраненія нѣкоторыхъ своихъ княжескихъ правъ въ своихъ бывшихъ удѣлахъ. Съ подчиненіемъ такихъ князей, власть великаго князя распространялась на новыя области. Для него, очевидно, важно было удержать такихъ князей въ своей власти; отъѣздъ ихъ лишилъ бы его только-что пріобрѣтенныхъ областей. Удержать же ихъ можно было только однимъ средствомъ, именно постановивъ, что отъѣздъ къ другому князю лишитъ ихъ вотчинъ. Дѣйствительно, въ XV вѣкѣ[1]) право отъѣзда такъ-называемыхъ служебныхъ князей было ограничено. Василій Васильевичъ въ договорной грамотѣ съ своими дядями постановляетъ: „А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною собѣ въ службу не пріимати; а которыи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину не въступатися". Ограниченіе это вызывалось самымъ положеніемъ служебныхъ князей. Они не были простыми частными владѣльцами, подобно боярамъ и вольнымъ слугамъ; переходя на службу Московскихъ князей, они сохраняли многія права своей прежней власти. Они имѣли своихъ подданныхъ, чиновниковъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, правили и судили въ предѣлахъ своего удѣла независимо отъ Московской администраціи. Поэтому они не только владѣли селами и деревнями, какъ каждый частный вотчинникъ; но, кромѣ того, пользовались разными доходами и повинностями, которыя могли принадлежать только князю. Словомъ, ихъ удѣлы находились въ такомъ положеніи, что только ихъ служба обезпечивала великому князю возможность распоряжаться ихъ удѣлами для обще-государственныхъ потребностей: возникавшее

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I, № 43, 44. Кажется, это первый примѣръ, гдѣ говорится о служебныхъ князьяхъ.

государственное единство первоначально держалось ихъ службою. Особое положенiе вотчинъ давало, слѣдовательно, особое значенiе ихъ службѣ, какого не имѣла обыкновенная боярская служба. Бояринъ и вольный слуга обыкновенно ничего не приносили князю кромѣ своей личности, да развѣ еще болѣе или менѣе значительной толпы слугъ. Главное, чего искали въ нихъ князья, это способностей и службы, за которыя они сами готовы были жаловать ихъ селами и деревнями[1]). Напротивъ, удѣлы, приносимые служебными князьями, были гораздо важнѣе ихъ службы. Но такъ какъ ихъ служебное положенiе было пока единственнымъ средствомъ удержать удѣлы эти въ подчиненiи великому князю, то послѣднiй, очевидно, долженъ былъ стремиться всѣми мѣрами удержать ихъ на этой службѣ. Отъѣздъ бояръ и вольныхъ слугъ не лишалъ князя ничего въ матерiальномъ отношенiи; отъѣзды же служебныхъ князей могли отнять у него цѣлыя волости. Вотъ почему этотъ отъѣздъ ограничивается съ самаго начала XV столѣтiя, тогда какъ воля, предоставленная боярамъ и вольнымъ слугамъ, сохраняется до XVI столѣтiя; обладанiе княжескими вотчинами обусловливается службою, а владѣнiе боярскими селами сохраняетъ всѣ признаки полной частной собственности. Конечно, ограниченiе, касавшееся княженецкихъ вотчинъ, не превращало ихъ въ помѣстья въ истинномъ смыслѣ слова. Они были по прежнему имуществами наслѣдственными, переходили отъ отца къ дѣтямъ, пока извѣстный родъ служебныхъ князей оставался на службѣ великаго князя[2]). Но во всякомъ случаѣ это была первая попытка Московскихъ государей подчинить частную собственность служебнымъ началамъ, и это ограниченiе нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что служебные князья, кромѣ общихъ вотчинныхъ правъ на свои села, сохраняли еще часть государственныхъ правъ на свои бывшiе удѣлы, и это присутствiе государственнаго элемента въ правахъ, начинавшихъ уже входить въ область права гражданскаго, естественно открыло возможность государственной власти постепенно ограничить ихъ. Вполнѣ частное землевладѣнiе оставалось пока безъ всякихъ ограниченiй.

На основанiи этихъ фактовъ можно, кажется, придти къ заключе-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, в. кн. Иванъ Калита вызвалъ боярина Родiона Несторовича, съ которымъ пришли сынъ его Иванъ и княжатъ, дѣтей боярскихъ и слугъ до 1.700 человѣкъ. За его службу были ему пожалованы полъ Волокаламскаго и другихъ земель въ область на 15 верстъ (Карамзинъ, т. IV, прим. 324).

[2]) Дальнѣйшiя ограниченiя правъ служебныхъ князей, по отношенiю къ ихъ вотчинамъ, начались уже при Иванѣ III; см. Неволина, т. II, стр. 158.

нію, что идея ограниченія частной собственности и организація ея въ видахъ государственной службы не выработалась вполнѣ до Ивана III. Вмѣстѣ съ этимъ и появленіе помѣстной системы не было возможно до этого государя. Причина этого понятна изъ тѣхъ историческихъ условій русскаго общества, которыя мы выставили выше. Тѣ отношенія, которыя у насъ устанавливались чрезъ землю, были слабѣе, чѣмъ тѣ, которыя были основаны на личномъ договорѣ. Въ особенности это замѣтно на исторіи служилаго сословія. Со стороны своихъ поземельныхъ владѣній оно имѣло весьма мало обязанностей къ князю. Главнѣйшимъ образомъ отношенія его опредѣлялись службою, то-есть, личною дѣятельностью каждаго изъ его членовъ. Благодаря этому, оно не успѣло составить крѣпкой корпораціи; благодаря этому, оно не получило надлежащаго мѣстнаго значенія. Очевидно, что политика князей должна была опредѣляться и дѣйствительно опредѣлялась такимъ положеніемъ служилаго класса. Они не могли закрѣпить его на постоянную, пожизненную службу посредствомъ подчиненія государственнымъ цѣлямъ поземельныхъ его владѣній, которыми оно не дорожило. *Они не могли сообщить настоящаго тяглаго значенія всей землѣ, прежде чѣмъ не была закрѣплена личность;* это фактъ несомнѣнный и многое объясняющій въ исторіи нашего управленія. Тяглыя и помѣстныя земли въ западной Европѣ способствовали тамъ осѣдлости народонаселенія; у насъ земля сдѣлалась настоящею тяглою единицею съ тѣхъ поръ, какъ была закрѣплена личность всѣхъ членовъ общества, начиная съ бояръ и кончая крестьянами. Вслѣдствіе печальнаго, но необходимаго хода событій, постоянныя отношенія народонаселенія къ землѣ начались только тогда, когда все общество стало крѣпостными различныхъ степеней и наименованій, или, какъ они названы въ уложеніи, разныхъ чиновъ. Несвободная собственность у насъ могла развиться только при полномъ закрѣпощеніи всѣхъ людей земли Русской. Помѣстье развилось и установилось окончательно съ уничтоженіемъ права отъѣзда и воли бояръ и вольныхъ слугъ. Кромѣ этой причины невозможность полнаго развитія помѣстной системы заключалась еще въ томъ, что количество земель, которыми Московскіе государи могли располагать для разселенія и разверстанія служилаго сословія, было весьма невелико. Только новыя завоеванія, сдѣланныя Иваномъ III и его преемниками, дали возможность настоящему распространенію помѣстнаго владѣнія. Постепенно образовался цѣлый разрядъ земель, которыми великіе князья и цари могли распоряжаться по своему усмотрѣнію. До того

были только тяглыя общинныя земли, которыми князья не могли распоряжаться такъ свободно. Завоеванія Ивана III положили прочное основаніе *тяглымъ служебнымъ землямъ*, на которыхъ развились начала истиннаго помѣстнаго владѣнія, въ послѣдствіи перешедшія и на вотчины боярскія.

Карамзинъ первый изъ русскихъ историковъ высказалъ положеніе, что помѣстье появляется только при Иванѣ III. Знаменитый историкъ нашъ, впрочемъ, не выяснилъ надлежащимъ образомъ своей мысли. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, говоря объ организаціи нашего служилаго сословія до 1462 г., онъ говоритъ уже о *помѣстныхъ боярахъ*, которыхъ отождествляетъ съ путными [1]). Но въ VI т. онъ уже прямо говоритъ: „Онъ (Иванъ III) первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ, обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья“. Въ примѣръ такой раздачи Карамзинъ приводитъ пожалованье Новгородскихъ земель, завоеванныхъ Иваномъ III [2]). Того же мнѣнія держится и Неволинъ, который подкрѣпляетъ его новыми соображеніями [3]). Увлекаясь отъ одного мнѣнія къ другому, Карамзинъ приписываетъ даже Ивану III учрежденіе такихъ установленій, которыя явились гораздо позже. Выставляя Ивана III какъ государя, съ котораго началась правильная система русскаго государственнаго управленія, Карамзинъ готовъ отнести къ его царствованію зародыши всѣхъ установленій въ частности. Такъ, онъ полагаетъ, что Иванъ III не только ввелъ помѣстную систему, но и учредилъ помѣстный приказъ для управленія помѣстьями [4]). Но врядъ ли можно говорить о помѣстной

---

[1]) Т. IV., стр. 389... «Главные чиновники государственные: бояре старшіе, большіе, путные (*или помѣстные*, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе)»... Слѣдовательно, опять смѣшеніе кормленія съ помѣстьемъ.

[2]) Т. VI стр. 349 и прим. 580.

[3]) Стр. 196: «Со времени Ивана III, какъ становится употребительнымъ названіе помѣстья, такъ являются основанія помѣстнаго права, развившагося и дѣйствовавшаго въ XVI и XVII ст. Можетъ-быть, бракъ Іоанна съ греческою царевною не былъ безъ вліянія на то, что именно съ его времени начинаетъ образоваться у насъ правильная помѣстная система. По крайней мѣрѣ слово помѣстье составлено по примѣру греческаго τοπίον. Такъ назывались въ Византійской имперіи поземельные участки, которые были даваемы лицамъ отъ правительства, подъ условіемъ воинской службы, и переходили подъ тѣмъ же условіемъ отъ отца къ дѣтямъ».

[4]) Т. VI прим. 600.

системѣ во всемъ ея объемѣ до Ивана IV. Его дѣдъ, вводя помѣстную систему, можетъ-быть, не имѣлъ еще въ виду окончательнаго закрѣпленія служилаго сословія, правильной организаціи *службы* дворянства. Раздавая завоеванныя земли, онъ, вѣроятно, гораздо больше имѣлъ въ виду заселеніе вновь покоренныхъ областей *своими* людьми, Москвичами, — что̀, конечно, должно было утвердить его власть въ тѣхъ мѣстахъ, — чѣмъ полное подчиненіе и организацію служилаго сословія у себя до̀ма. До Ивана IV не встрѣчается, напримѣръ, правильная и систематическая раздача помѣстій въ Московскомъ уѣздѣ. Вѣроятно, помѣстная система первоначально развивалась въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ требовалась дѣятельная колонизація Московскихъ служилыхъ людей, въ видахъ утвержденія власти Московскаго государя. Но во всякомъ случаѣ пожалованіе земель на помѣстномъ правѣ сильно распространяется при Иванѣ III. Въ первомъ Судебникѣ уже говорится о помѣстныхъ земляхъ и помѣщикахъ. Начала, на которыхъ построено помѣстное владѣніе, уже достаточно выяснены. Помѣщики признаются временными владѣльцами земли, которой собственникъ великій князь. Помѣщичьи земли перечисляются между другими несвободными, неотчуждаемыми землями [1]). Условіе службы также выступаетъ на первый планъ. На этомъ основаніи государь, давшій помѣстье, считается полнымъ господиномъ земли. Помѣщики обязаны служить за данную имъ землю, но служба эта не обезпечиваетъ за ними обладанія землею. Въ этомъ отношеніи помѣстная система того времени не имѣетъ той правильности, которой она достигла въ послѣдующія царствованія. Не только великій, но и удѣльные князья располагаютъ помѣстною землею по своему усмотрѣнію. Великій князь Иванъ даетъ сыну своему Василію Ивановичу всѣ земли и села, бывшія въ помѣстьи за Нижегородскими дворянами и дѣтьми боярскими, безъ всякаго поясненія о судьбѣ этихъ послѣднихъ [2]). Углицкій князь Дмитрій Ивановичъ (внукъ Ивана III) завѣщаетъ монастырямъ помѣстныя земли, бывшія за его боярами [3]).

---

[1]) См. Судеб. 1497 г. ст. о земляхъ судъ. «А взыщетъ черный на чорномъ или помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ земли Великаго Князя». А. И. I. № 105. См. также Переписную Новгородскую книгу Вотьской Пятины, пом. во *Временникѣ* кн. 11. стр. 11 и слѣд.

[2]) «А которые села и деревни въ Новѣгородѣ нижнемъ за моими князьми и за бояры и за дѣтми за боярскими, за кѣмъ ни буди, и то все сыну же моему Василью». С. Г. Г. стр. 392.

[3]) С. Г. Г. I. стр. 406.... «А въ Переславль къ Никите къ чудотворцу сельцо Микитино.... што за Алешкою за Упинымъ помѣстье; а на Угличе въ мона-

Тѣмъ рѣзче выступала разница между этими землями и селами, находившимися въ вотчинномъ владѣніи. Духовная грамота Ивана III подтверждаетъ право бояръ и дѣтей боярскихъ на ихъ села [1]). Разумѣется, самый фактъ такого подтвержденія уже нѣсколько указываетъ на то, что право частной собственности начинало становиться сомнительнымъ. Въ духовномъ завѣщаніи предыдущаго времени великаго князя мы видѣли совершенно противоположное распоряженіе. Князь Василій Васильевичъ [2]) отдаетъ своимъ сыновьямъ не только села, данныя имъ своимъ боярамъ въ жалованье, но и въ куплю. Иванъ III, очевидно, могъ сдѣлать то же самое. Но недостаточное развитіе помѣстной системы не давало еще Московскимъ государямъ возможности примѣнить начало этой системы къ вотчинамъ. Произвольное распоряженіе боярскими вотчинами не доказываетъ еще серіознаго намѣренія приписать вотчины къ государеву тяглу. Только въ частныхъ случаяхъ высказывается эта мысль. Духовная Ивана III утверждаетъ пожалованныя села за боярами, но дѣлаетъ ограниченія относительно Ярославскихъ вотчинниковъ [3]). То же самое въ 1477 году дѣлаетъ князь Волоцкій (Борисъ Васильевичъ, братъ Великаго Князя Ивана III [4]). Эти отдѣльныя распоряженія, конечно, не могли подчинить всей массы вотчинъ новому порядку. Въ межевыхъ грамотахъ временъ Ивана III мы встрѣчаемъ массу частныхъ вотчинъ, которыя служатъ для опредѣленія границъ между князьями, слѣдовательно, признаются какъ бы вѣчными, постоянными [5]).

стыри: къ Воскресенью Христову въ монастырь сельцо Синцево за деревнями въ Кодне, што за Яковомъ за Поплевинымъ помѣстье, да сельцо Олиѳниково, што къ Синцеву пришло, а къ нему шесть деревень, што за Васильемъ за Волынскимъ помѣстье», и т. д.

[1]) «А что есми давалъ свои села боярамъ своимъ и княземъ и дѣтемъ боярскимъ, и грамоты свои жалованные подавалъ на тѣ села *прочно имъ и ихъ дѣтемъ*, или кому буду въ куплю далъ свои грамоты: и въ тѣ села сынъ мой Василей и мои дѣти у нихъ не вступаются». С. Г. Г. I. стр. 398.

[2]) С. Г. Г. I. стр. 205.

[3]) С. Г. Г. I. стр. 391: «А боярамъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями отъ сына моего Василья не отъѣхати ни кому ни куда, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ни у ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей».

[4]) Тамъ же стр. 252: «А что есмь пожаловалъ бояръ своихъ князя *Андрѣя Федоровича* и князя Петра Микитича подавалъ есмь имъ *отчину въ ихъ отчины* мѣсто..., до колѣ служатъ мнѣ и моимъ дѣтемъ и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ и есть»....

[5]) С. Г. Г. I № 137, 138, 139 и много другихъ. Здѣсь на стр. 352 читаемъ

Полное подчиненіе вотчинъ государственнымъ цѣлямъ ждало предварительно полнаго закрѣпощенія служилаго сословія и окончательнаго развитія помѣстной системы, гдѣ идея условнаго, несвободнаго обладанія землею въ противоположность свободной частной собственности, установилась бы окончательно. Законодательство Ивана Грознаго представляетъ окончательное развитіе того и другаго явленія. Клятвенныя записи на вѣрную службу, безъ отъѣзда и измѣны, даваемыя боярами великому князю [1]), кончились, напослѣдокъ, полнымъ превращеніемъ бояръ въ вѣчныхъ и потомственныхъ государевыхъ холоповъ. Помѣстная система развивается съ поразительною быстротой, и начала ея сильно преобразуютъ вотчинное владѣніе.

Для выясненія того, въ чемъ состояла новая система, мы остановимся на важнѣйшихъ актахъ того времени, а затѣмъ подробности помѣстнаго владѣнія можно будетъ прослѣдить на различныхъ жалованныхъ, послушныхъ и другихъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ. Въ 1550 году встрѣчается распоряженіе царя Ивана Васильевича касательно испомѣщенія въ Московскомъ уѣздѣ 1.000 человѣкъ боярскихъ дѣтей. Новые помѣщики были расположены въ 60 и 70 верстахъ отъ Москвы. Впрочемъ, этотъ указъ касался не только боярскихъ дѣтей, но и бояръ и окольничихъ, „которымъ быть готовымъ въ посылку“, то-есть, на службу. Каждому чину соотвѣтствовалъ опредѣленный размѣръ помѣстья. Такъ, боярамъ и окольничимъ дано 200 четвертей земли, дѣтямъ боярскимъ первой статьи 200, второй 150, третьей 100 четвертей. Кромѣ того имъ назначено сѣна по стольку копенъ, сколько за каждымъ изъ нихъ четвертей; крестьянамъ, поселеннымъ на той землѣ, велѣно давать по 30-ти копенъ сѣна. Опредѣленный такимъ образомъ участокъ земли долженъ былъ служить постоянною податною единицей, которой непремѣнно долженъ былъ соотвѣтствовать служилый человѣкъ, „готовый для посылокъ“. Поэтому онъ могъ переходить отъ отца къ дѣтямъ только подъ условіемъ службы. „А который по грѣхамъ изъ той тысячи вымретъ, сказано въ указѣ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, *и въ то мѣсто прибрать иного*“ [2]). Указъ оканчивается примѣрнымъ разверстаніемъ

слѣдующее: «А которые земли монастырскіе и боярскіе, села и деревни по сему списку перешли чрезъ тотъ рубежъ въ Дмитровскія станы и въ волости; и тѣмъ монастыремъ и боярамъ землями тянути къ Дмитрову» и т. д.

[1]) См. напр. № 159, 162, 163 и мног. друг.

[2]) См. А. А. Э. I. № 225. Древн. Росс. Вивліоѳика ч. VIII и XX, стр. 159 и слѣд.

назначенныхъ помѣстій. Это разверстаніе касается не только Московскихъ, но и другихъ земель [1]). Замѣчательно, что указъ этотъ касается только тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ недвижимаго имущества въ Московскомъ уѣздѣ. Правительство, раздавая помѣстья, очевидно, руководится мыслію, чтобы служилымъ людямъ было съ чего государеву службу служити; въ случаѣ, если служилый человѣкъ достаточенъ, онъ обязанъ служить и безъ помѣстья. Слѣдовательно, безусловное подчиненіе служилаго сословія волѣ государя, было въ то время несомнѣннымъ фактомъ. Впрочемъ указъ 1550 года принимаетъ въ разчетъ только вотчины, находящіяся въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы [2]). Дѣятельность царя по отношенію къ организаціи помѣстной системы приняла обширные размѣры и вызвала удивленіе современниковъ. Лѣтописи сообщаютъ намъ, что онъ разверсталъ военную службу по количеству земли. Со 100 четвертей земли велѣно представлять вполнѣ вооруженнаго всадника. Кто не представлялъ людей, съ тѣхъ велѣно брать деньги [3]). Изъ этихъ же извѣстій видно, что обязанность службы была возложена не только на помѣщиковъ, но и на вотчинниковъ (а съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учиниша). На основаніи этихъ извѣстій можно вывести заключеніе, что первоначально помѣстье должно было служить замѣной вотчиннаго владѣнія, давая постоянныхъ слугъ государству, даже не обезпеченныхъ частнымъ землевладѣніемъ. Въ то же время оно служило могущественнымъ средствомъ ввести въ среду прежняго родоваго боярства исключительно государевыхъ людей, вполнѣ

[1]) «А всѣхъ дѣтей боярскихъ во всѣхъ статьяхъ, Московскія земли, и Новгородскихъ, и Торопецкихъ, и Луцкихъ, и Ржевскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, 1.050 человѣкъ, а земли имъ дати 112.600 четвертей, опричь бояръ; а бояръ и окольничьихъ и съ казначеи 28, а земли имъ дати 5.600 четвертей. И всѣхъ, бояръ и окольничьихъ и дѣтей боярскихъ 1.079 челов., а земли имъ дати 118.000 четвертей».

[2]) «А за которыми боярами и дѣтьми боярскими *вотчины* въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко къ Москвѣ, верстъ за 50 или 60, тѣмъ помѣстья не дати».

[3]) Никонов. Лѣтоп. подъ 1556 г. См. также Бѣляева — о поземельномъ владѣніи, и пр. *Временникъ* книга II, стр. 27. См. Судебникъ изъясн. Татищевымъ № 104. «Великій государь, царь и В. Кн. повелѣлъ разсмотрѣти которые вельможи и дѣти боярскіе многими землями завладали, а службою оскудѣли, не противъ государева жалованья и *своихъ отчинъ* въ службахъ бываютъ. Государь же имъ повелѣлъ въ помѣстьяхъ землемѣріемъ уверстати, и учинити комуждо, что достойно, а излишки раздѣлити неимущимъ». См. Указатель Максимовича т. I. стр. 71, 72.

подчиненныхъ цѣлямъ правительства. Хотя по общему правилу обязанность военной службы лежала какъ на вотчинахъ, такъ и на помѣстьяхъ; но послѣднія больше обезпечивали правительству правильное и постоянное исполненіе обязанностей со стороны владѣтелей помѣстьевъ.

Если владѣніе помѣстьемъ обусловливалось личною службою, то оно, очевидно, не могло быть наслѣдственно. Въ принципѣ помѣстье считалось *вымороченнымъ* и шло въ казну по смерти каждаго его владѣльца, не смотря на то, были ли, или не были у него дѣти. Но на практикѣ правительство, строго говоря, не особенно держалось за начало *ненаслѣдственности* помѣстій. Принимая во вниманіе, что дворянство превратилось въ наслѣдственныхъ слугъ правительства, послѣднее, съ своей стороны, должно было озаботиться, чтобъ эта наслѣдственная служба была обезпечена наслѣдственнымъ же имуществомъ. Главное стремленіе правительства заключалось въ томъ, чтобы съ каждаго участка земли, поступавшаго въ помѣстную раздачу, постоянно отбывалась опредѣленная доля государевой службы; правительство въ помѣстныхъ земляхъ, какъ и въ черныхъ, заботилось о томъ, чтобы помѣстныя доли (а въ черныхъ земляхъ выти) не лежали впустѣ. Удобнѣйшимъ же средствомъ обезпечить помѣстныя земли отъ этого запустѣнія было, какъ доказали это послѣдствія, оставленіе ихъ въ одномъ и томъ же родѣ. Это обусловливалось еще однимъ практическимъ соображеніемъ. Запустѣніе черной выти не тотчасъ отражалось на казнѣ. Повинности отбывались цѣлою общиной, обязанною отвѣчать и за убылыхъ своихъ членовъ, и только при бѣгствѣ или иномъ *запустѣніи* цѣлой волости казна окончательно теряла возможность получить свои подати. Напротивъ, служилое сословіе не представляло такой взаимной связи своихъ членовъ; служба, какъ государственная повинность, оставалась и осталась личнымъ дѣломъ его членовъ. Посему пустое помѣстье прямо отражалось на выгодахъ государства: никто не отбывалъ государевой службы за убылью дворянина или сына боярскаго. Правительству необходимо было прибрать кого-нибудь на мѣсто убылаго человѣка, и нѣтъ ничего удивительнаго, если оно спѣшило воспользоваться услугами дѣтей покойнаго, поспѣвшихъ въ службу [1]). Итакъ,

[1]) Ниже мы увидимъ, что правительство, не желая, чтобъ опустѣвшія помѣстныя земли оставались безплодными для службы, продавало ихъ въ вотчину, вслѣдствіе чего они опять получали значеніе, такъ какъ вотчинники также были обязаны службою правительству.

въ практическомъ своемъ примѣненіи помѣстная система не противорѣчила началу наслѣдственности. Условность обладанія помѣстьемъ выражалась именно въ обязанности службы, которая одинаково начала распространяться и на вотчины. Это обстоятельство поставляло владѣльца въ полную зависимость отъ правительства: хотя оно и не отрицало прямо начала наслѣдственности, но въ сущности не обезпечивало помѣстья не только за дѣтьми помѣщика, но даже и за нимъ самимъ. Помѣстье по закону не было не только наслѣдственнымъ, но даже пожизненнымъ владѣніемъ. Оно принадлежало помѣщику, пока онъ служилъ. Немилость, отставка, опала, неявка на службу, болѣзнь одинаково могли лишить его имущества. Причина этого понятна. Каждый участокъ въ глазахъ правительства представлялъ извѣстное число ратниковъ, которые по первому зову должны были прибыть на службу; неявка того или другаго прямо указывала на необходимость замѣстить ихъ другими, и они замѣщались на то помѣстье, съ котораго не прибыли служилые люди.

Тѣ же самыя стремленія проглядываютъ и по отношенію къ вотчинамъ. Правительство, очевидно, намѣревалось обусловить владѣніе и этого рода имуществомъ также службою. Вслѣдствіе этого оно старается поколебать здѣсь начало наслѣдственности и ограничить права распоряженія владѣльцевъ ихъ имуществами. Прежде всего ограниченія эти коснулись, какъ и слѣдовало ожидать, княженецкихъ вотчинъ. Въ 1562 году князьямъ Ярославскимъ, Стародубскимъ, Ростовскимъ, Оболенскимъ, Бѣлозерскимъ и инымъ служилымъ князьямъ запрещено было продавать, мѣнять и давать ихъ земли въ приданое за дочерьми и сестрами. Если князь, умирая, не оставлялъ сыновей, вотчина бралась на государя, который могъ уже давать деньги или часть имущества родственникамъ, *смотря по службѣ* [1]). Въ 1573 году [2]) подобныя же ограниченія постигли и боярскія вотчины. Во первыхъ, всѣ пожалованныя вотчины только тогда могли переходить по наслѣдству, когда въ грамотѣ именно было это сказано. Въ противномъ случаѣ, равно какъ и въ случаѣ утраты грамоты, вотчина бралась на государя. Затѣмъ наслѣдованіе ограничено только родственниками первыхъ трехъ степеней (а далѣ внучатъ вотчинъ не давать роду), послѣ чего вотчины также шли въ казну. Наконецъ, въ этомъ же году подтверждено важное ограниченіе касательно права отдавать свои

---

[1]) См. Доп. указы къ Судебнику Ивана IV. въ Собр. Пам. Утина и Лазаревскаго. Указъ XVIII.

[2]) См. тамъ же ук. XIX.

земли монастырямъ. Въ богатые монастыри вовсе запрещено жертвовать вотчины, а въ бѣдные дозволено только съ доклада государю. Замѣчательно, что въ этомъ постановленіи правительство, которое только-что ограничило право наслѣдованія, является какъ бы защитникомъ интересовъ родственниковъ, ибо оно предписало вотчины, жертвуемыя въ богатые монастыри, отдавать роду. Но оно, очевидно, охраняетъ только свои собственные интересы, то-есть, *службу* и служилыхъ людей, какъ представителей этой службы. Это ясно изъ самыхъ словъ дополнительнаго указа: „А отдавать ее (вотчину) роду и именно служилымъ людемъ, чтобы въ *службѣ убытка не было*, и земли бы изъ службы не выходили". Правительство стремилось разложить служебное тягло на частное землевладѣніе, на вотчину и на помѣстье, подобно тому, какъ другія тягла раскладывались на другіе виды имущества. Вотчина меньше поддалась этой политикѣ; ея начала, развиваясь постепенно, послужили отпоромъ идеѣ совершеннаго рабства служилаго сословія и безмѣрной централизаціи Русскаго государства, подобно тому, какъ помѣстье служило сильнымъ проводникомъ стремленій государственной власти въ сферу прежнихъ вольныхъ дружинниковъ. Такъ, вотчина, придавленная одно время началами помѣстнаго владѣнія, при первой возможности дальнѣйшаго развитія увлекла за собою и помѣстье, установивъ по всей Русской землѣ свободу частнаго землевладѣнія. Но XVI и XVII вѣка не должны были видѣть этого развитія частной собственности. Помѣстье, казалось, должно было поглотить все частное землевладѣніе, подобно тому, какъ служба исключить всякую другую дѣятельность дворянства.

Въ помѣстьѣ должно различать два начала: начало государева жалованья и начало тягла. Служилые люди верстались помѣстьями для службы; слѣдовательно, каждое помѣстье представляло тяглую единицу, съ которой отбывалось извѣстное количество военной службы. На этомъ основаніи каждое помѣстье считалось вытью, подобно другимъ тяглымъ единицамъ[1]). Правительство наблюдало за тѣмъ, чтобы выти эти по возможности были равны для служилыхъ людей. Указъ 1550 года, какъ мы видѣли, прямо назначаетъ, сколько за какимъ человѣкомъ того или другаго чина должно находиться помѣстной земли. Для поддержанія этого порядка отъ времени до времени предпринималось всеобщее описаніе и разверстаніе земель, имѣвшее цѣлью

[1]) Доп. къ А. И. I. № 52. VI. «...и послѣ деи того верстанія брата ихъ Петрока не стало, и ту деи брата ихъ Петрокова *вытъ* придали имъ же тремъ къ ихъ *вытемъ*», См. также многіе другіе указы въ этомъ родѣ.

Tr. 11

между прочимъ уравнять помѣстныхъ владѣльцевъ сообразно ихъ службѣ [1]). Въ силу этихъ началъ каждое лицо должно было владѣть помѣстьемъ, по скольку и пока оно служило. Но рядомъ съ этимъ стремленіемъ образовать постоянныя тяглыя единицы, другое начало, начало *жалованья*, слѣдовательно, милости, вносило сильнѣйшее разнообразіе въ эту по идеѣ однообразную помѣстную систему. Служба продолжала считаться личною, личная заслуга продолжала награждаться, а потому однообразная норма помѣстья видоизмѣнялась сообразно этой личной заслугѣ. Въ практикѣ это начало личной службы отражалось на всемъ распредѣленіи помѣстныхъ земель, и въ послѣдствіи должна была совершенно видоизмѣнить первоначальную систему Московскаго правительства. Въ первыя времена начало это уничтожило по отношенію къ помѣстью всѣ признаки полной собственности; въ послѣдствіи оно приравняло помѣстье къ вотчинѣ. Въ XVI вѣкѣ начало личной службы отразилось на переходѣ помѣстья изъ одного поколѣнія въ другое, на отношеніяхъ отца къ взрослымъ сыновьямъ, на потерѣ имущества и новомъ разверстаніи помѣстій [2]).

Каждый несшій государеву службу имѣлъ право на помѣстье. Это было общее правило. Вслѣдствіе этого каждый взрослый сынъ имѣлъ право требовать части въ отцовскомъ помѣстьѣ (чтобъ онъ былъ къ нему *припущенъ*) или помѣстнаго оклада, независимо отъ отцовской выти [3]). *Припускъ* къ отцовскому помѣстью при жизни отца имѣлъ значеніе въ томъ отношеніи, что этимъ обезпечивался переходъ помѣстья отъ отца къ сыну. Возможность наслѣдованія обезпечивалась ихъ личною службой или способностью служить. Поэтому для припуска къ помѣстью необходимо было или находиться на дѣйствительной службѣ, или поспѣть на службу, то-есть, достигнуть 15-лѣтняго возраста, съ котораго начиналось служебное поприще дворянина. Правительство различно разрѣшало подобныя челобитныя. Оно или просто припускало дѣтей къ отцовскому помѣстью,

---

[1]) См. выше и статью Неволина объ успѣхахъ госуд. межеванія въ Россіи, пом. въ VI т. его соч. стр. 463 и слѣд.

[2]) Мы разсмотримъ здѣсь кратко эти правила, на сколько они имѣли вліянія на положеніе дворянства, какъ мѣстнаго класса.

[3]) См. Д. къ А. И. I. № 52, I: «Билъ намъ челомъ Микитка Константиновъ сынъ Сабуровъ, пришедъ съ нашіе службы изъ Казани, а сказываетъ, что деи за нимъ нашего жалованья помѣстья двадцать двѣ обжи, а опричь деи у отца его у Константина три сына, а ему братья, Васюкъ нашу службу служить, а Офонка да Иванко въ нашу службу поспѣли, а къ отцу деи и къ нему въ помѣстье не припущены и въ отводъ отъ отца помѣстьемъ не пожалованы».

или увеличивало при этомъ помѣстный окладъ, или верстало выросшихъ сыновей новымъ помѣстьемъ, независимо отъ отцовскаго. Въ только-что приведенномъ примѣрѣ, Никита Сабуровъ имѣлъ отдѣльное отъ отца помѣстье въ десять обжъ, къ которому, по его просьбѣ, было придано еще двѣ обжи, а меньшіе его братья были припущены къ отцовскому помѣстью. То же самое видимъ мы въ XXXIX грамотѣ того же № [1]), гдѣ Никита Зеленый получилъ часть отцовскаго помѣстья себѣ на *вытъ*. На первый взглядъ ничего не могло показаться выгоднѣе, какъ полученіе особаго помѣстья. Но не надобно забывать, что съ каждаго помѣстья отправлялась извѣстная служба и что отдѣльное помѣстье удерживалось за владѣльцемъ только личною службою. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ выгоднѣе было быть припущеннымъ къ отцовскому помѣстью, ибо тогда служба, лежавшая на помѣстьѣ, раскладывалась на нѣсколько лицъ, что давало имъ возможность отправлять службу по очереди и по очереди оставаться дома для хозяйственныхъ занятій. Это было особенно выгодно, когда помѣстье было достаточно велико, чтобы содержать большую семью. Въ послѣдствіи съ большимъ развитіемъ помѣстной системы установились прочныя правила относительно верстанія помѣстьями. Въ XVII вѣкѣ, какъ мы увидимъ ниже, отправлялся съ этою цѣлью одинъ изъ бояръ, который, при помощи окладчиковъ, избранныхъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ тѣхъ городовъ, куда онъ былъ посланъ, версталъ всѣхъ поспѣвшихъ въ службу — „новиковъ“. При этомъ соблюдалось общее правило: у которыхъ новиковъ отцы имѣли до 500 и болѣе четвертей, а сыновей отъ 3-хъ до 5-и, то верстались только три старшихъ сына, а два младшіе оставались на отцовскомъ помѣстьѣ; у которыхъ было меньше 500 четвертей, а сыновей 5, то верстались 4, а одинъ оставлялся на отцовскомъ помѣстьѣ. Впрочемъ, это правило имѣло силу только въ томъ случаѣ, если всѣ сыновья поспѣли на службу; иначе верстали только поспѣвшихъ, а остальные оставались на отцовскомъ помѣстьѣ. Въ помѣстьяхъ, отданныхъ дѣтямъ послѣ смерти отца, также придерживались нормы 500 четвертей

---

[1]) Тамъ же: «Били намъ челомъ Михалко да Тимошка Ильины дѣти Зеленаго, и въ отца своего Ильина мѣсто, а сказываютъ, что деи за отцомъ ихъ за Ильею было нашего жалованья стараго помѣстья патьдесятъ съ полуобжею, и съ того деи помѣстья наши службы служилъ ихъ отецъ, да они Михалко, да Тимошка, да братъ ихъ Микитка; и нынѣ деи отецъ ихъ боленъ и впередъ деи ему нашіе службу служити немочно, а братъ деи ихъ Микитка отъ отца и отъ нихъ въ тому помѣстьѣ въ отдѣлѣ лѣтъ съ десять».

на двоихъ. Если трое братьевъ владѣли 500 четвертями, одного изъ нихъ верстали. Если же на нѣсколько человѣкъ сыновей приходилось 200—300 четвертей, верстали каждаго (см. Иванова—„Обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей". № 1836, стр. 7). Впрочемъ, это правило не имѣло повсемѣстнаго примѣненія, такъ какъ количество помѣстнаго оклада въ разныхъ мѣстностяхъ опредѣлялось различно, какъ это мы увидимъ ниже. Иногда однако подобное нераздѣльное пользованіе имуществомъ имѣло свои невыгоды. Владѣть помѣстьемъ вмѣстѣ съ отцомъ было необидно. Но со смертью отца его помѣстье иногда справлялось за старшимъ братомъ, такъ какъ младшіе не поспѣли еще на службу; тогда приходилось зависѣть отъ старшаго брата и служить службу, не пользуясь выгодами помѣстья [1]). Тогда естественно приходилось просить о раздѣлѣ помѣстья, при чемъ каждому давалась равная часть имущества. Каковы бы ни были порядки перехода имущества, несомнѣненъ тотъ фактъ, что право на полученіе доли помѣстья, въ отцовскомъ ли имуществѣ, или отдѣльно, опредѣлялось тѣмъ, что человѣкъ служилъ или поспѣлъ на службу. Родство при такомъ переходѣ имущества не имѣло особеннаго значенія. Въ 1556 году Ѳедоръ Гурьевъ билъ челомъ царю [2]), чтобы выть убитаго брата его Алексѣя была справлена за сыномъ его, Ѳедора, Иваномъ, поспѣвшимъ, по достиженіи 15-лѣтняго возраста, на службу, который за то обязывался уплатить долги своего дяди и содержать его вдову. Царь приказалъ осмотрѣть того Ивана, и буде онъ годится на службу, отдать ему часть дядиной выти, съ обязанностію служить съ Новгородскими помѣщиками и платить долги Алексѣя, а другую часть помѣстья велѣлъ отдать на прожитье его вдовѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ помѣстье справлялось за малолѣтними, которые, по достиженіи совершеннолѣтія, должны были нести службу наравнѣ съ другими [3]).

---

[1]) Тамъ же II: «Билъ намъ челомъ Васка Михайловъ, сынъ Волнина, и сказываетъ, что деи онъ Васка наши службы служить, а нашего деи за нимъ жалованья помѣстья нѣтъ нигдѣ, и за отцомъ деи его за Михайломъ было нашего жалованья стараго помѣстья 39 обежъ, и отца деи его не стало.... и писцы деи наши того стараго отца ихъ помѣстья 32 обжи написали за братомъ его за большимъ за Семейкою.... а онъ деи Васка и братья его къ брату своему въ отцовское помѣстье не припущены и въ отводъ отъ брата помѣстьемъ не пожалованы...». Тамъ же IV.

[2]) Тамъ же, XVII.

[3]) Тамъ же X. Помѣстье справлено за малолѣтнимъ Тимоѳеемъ Пушкинымъ: «А какъ будетъ Тимошка въ пятнадцать лѣтъ, и вы бы его велѣли написати въ служебныя книги, и нашу бы есте ему службу велѣли служити съ Новгородцкими помѣщики».

Если такимъ образомъ, дѣйствительная служба или возможность службы давала право на полученіе помѣстья, то всѣ лица, не имѣвшія возможности служить, были лишены этого права. При Иванѣ IV это правило было особенно сильно, когда именно *личная* служба требовалась отъ каждаго дворянина. Женщины, не имѣвшія возможности лично отправлять службу, исключались изъ помѣстнаго владѣнія вовсе. Только въ видѣ вознагражденія за службу мужа или отца давалась имъ часть помѣстья, величина которой вполнѣ зависѣла отъ усмотрѣнія государя. Это такъ-называемыя прожиточныя помѣстья, дававшіяся семьѣ убитаго (или умершаго, но преимущественно убитаго на войнѣ) служилаго человѣка — на опредѣленный срокъ. Срокъ этотъ былъ различенъ по отношенію къ женѣ и дочерямъ, такъ какъ помѣстья поступали въ личное ихъ пользованіе, пока онѣ не получатъ другихъ средствъ существованія. Но, разумѣется, въ глазахъ правительства эта возможность получить другія средства была весьма не одинакова для вдовъ и дочерей. Вдова рѣдко могла думать о замужствѣ; притомъ религіозныя понятія того времени не особенно благопріятствовали второму, а тѣмъ болѣе третьему браку [1]). Правительство поэтому не имѣло права положительно разчитывать на новый бракъ вдовы, а тѣмъ менѣе могло оно принуждать ее къ нему. На этомъ основаніи вдовы пользовались прожиточнымъ помѣстьемъ, *de facto*, пожизненно. Помѣстныя грамоты жалуютъ имъ участки по смерть, или пока онѣ не пострнгутся, или не выйдутъ за мужъ. Первыя два условія, очевидно, дѣлали прожиточный участокъ выморочнымъ, и онъ шелъ въ новую помѣстную раздачу. Вступленіе въ новый бракъ, давая вдовѣ средства къ жизни, слагало съ правительства обязанность содержать ее и служило поводомъ къ отобранію помѣстья. Въ то время еще не выработалось правило, по которому новый мужъ вдовы могъ отбывать службу, лежавшую на помѣстьѣ, — правило, вслѣдствіе котораго помѣстья женщинъ стали справляться за ихъ женихами. По отношенію къ дочерямъ правила помѣстной системы были еще суровѣе. Вдова получала отъ правительства помѣстный участокъ впредь до своей смерти или замужства, безъ прямаго или косвеннаго понужденія вступить въ новый бракъ. Напротивъ, дочери получали свой участокъ только до опредѣленнаго возраста, послѣ котораго помѣстья отбирались отъ нихъ, не смотря на то, вышли или не вышли онѣ замужъ. Такой возрастъ полагался въ 15 лѣтъ [2]). Слѣдовательно, эти прожи-

---

[1]) См. *Стоглавъ*, изд. Кожанчикова, стр. 81—90.

[2]) Доп. къ А. И. I. № 52. IV. «А какъ Китайцовы дочери, а Дружинины да

точныя помѣстья вполнѣ соотвѣтствовали идеѣ жалованья; это была поземельная пенсія, которою государь жаловалъ вдовъ и дочерей за службу ихъ родителей и мужей.

Размѣръ помѣстья опредѣлялся главнымъ образомъ количествомъ службы; но и качество ея имѣло вліяніе на размѣръ жалованья. Главною службою считалась служба военная; всякая другая служба была лишь дополненіемъ къ ней, или лучше сказать, отдыхомъ, льготою. Меньшая служба требовала и меньшаго жалованья. Еще въ XVI столѣтіи проведено было различіе между службою въ войскѣ, въ центрѣ, на *посылкахъ*, и службою въ мѣстности. Какъ ни старалось правительство сосредоточить дѣятельность дворянства въ Московскихъ полкахъ и въ Московскихъ посылкахъ, оно не могло не признать легальнаго значенія мѣстной службы, хотя какъ исключенія изъ общаго правила. По отношенію къ помѣстью этотъ взглядъ правительства имѣлъ то практическое послѣдствіе, что оно не считало себя обязаннымъ вознаграждать мѣстную службу такъ, какъ оно вознаграждало полковую. Отъ временъ Ивана Грознаго сохранился любопытный указъ, касающійся этого предмета; его можно разсматривать, сколько намъ кажется, какъ общую мѣру, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Новгородскимъ помѣстьямъ. Въ силу этого распоряженія на городовую службу отпускалось по пяти вытей. Поэтому у служилаго человѣка, поступившаго на городскую службу, отписывалось все помѣстье, кромѣ пяти вытей. Помѣстье это отписывалось навсегда, если у помѣщика не было дѣтей, или на время, если у него были дѣти. Въ послѣднемъ случаѣ помѣстье отписывалось на царя, пока дѣти эти не поспѣютъ въ службу, послѣ чего помѣстье отдавалось имъ подъ условіемъ службы. Но во всякомъ случаѣ прежній помѣщикъ навсегда терялъ уже свое помѣстье [1]). Въ этомъ смыслѣ разрѣшенъ былъ случай,

---

Сенкины племянницы, выйдутъ замужъ, *или будутъ пятнадцати лѣтъ*, или которые не станетъ, и выбъ тогды тѣ обжи велѣли отписати на меня царя и великаго князя». Сюда также № XXVI, XXXV, XXXVI.

[1]) Указъ этотъ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ. Но онъ выписанъ въ одной грамотѣ по помѣстнымъ дѣламъ (Д. къ А. И. I. стр. 108). «А нашъ указъ у васъ; которымъ дѣтемъ боярскимъ велѣно быти въ городовыхъ приказѣхъ, а дѣтей у нихъ нѣтъ, а за тѣми помѣстей учинити по пяти вытей, а лишки за тѣмъ у нихъ велѣно отписывати на меня царя и великаго князя; а у которыхъ приказчики въ городовыхъ дѣти есть малы, въ нашу службу не поспѣли, и у тѣхъ помѣстья велѣно отписывати и приказывати вѣдать на меня царя и великаго князя, до куды дѣти ихъ въ нашу службу поспѣютъ; а какъ дѣти ихъ въ нашу службу поспѣютъ, и тогды тѣ помѣстья велѣно дѣтемъ ихъ отдати, и

приведенный въ Доп. А. И. [1]). Невѣжа Лопатинъ, прослуживщій 25 лѣтъ въ полковой службѣ, выбранъ былъ въ городовой приказъ всею Торопецкою землею. Изъ его помѣстья пять вытей были выдѣлены ему, а остальное велѣно взять на государя, пока не выростутъ дѣти Лопатина. Иногда государь склонялся на милость. Нѣкій Курцовъ, прослуживъ 40 лѣтъ, поступилъ на городовую службу. Дьяки хотѣли отписать у него помѣстье кромѣ пяти обжъ. Но государь, во вниманіе къ его сорокалѣтней службѣ и по просьбѣ митрополита Макарія, повелѣлъ оставить за нимъ все его помѣстье [2]).

Всѣ эти правила показываютъ, что помѣщику въ то время не было возможности выслужить себѣ помѣстье даже въ пожизненное владѣніе, безъ обязанности служить. Это ясно вытекало изъ того обстоятельства, что самая служба была пожизненна. Служилый человѣкъ отставлялся отъ службы только за совершенною дряхлостію или негодностію. Но онъ не могъ при отставкѣ сохранить за собою помѣстья, ибо помѣстье было служилою государственною единицей. Онъ долженъ былъ поставить на свое мѣсто сына, за которымъ и записывалось помѣстье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отецъ вычеркивался изъ списка служилыхъ людей, а на мѣсто его писался сынъ [3]). Исключеніе составляли только отпуски, дававшіеся для излѣченія болѣзни [4]).

При такомъ взглядѣ на службу, помѣщикъ терялъ свое помѣстье всякій разъ, какъ правительство имѣло поводъ быть недовольнымъ

наши службы велѣно имъ служити». Слово *выть* здѣсь, очевидно, употреблено не въ переносномъ значеніи, для обозначенія всего помѣстнаго участка (см. выше), а въ значеніи опредѣленнаго размѣра платежной единицы (о значеніи *выти* въ послѣднемъ смыслѣ, см. Бѣляева — о по земельномъ владѣніи въ Москов. госуд. стр. 64). Слѣд., *выть* употреблено здѣсь вмѣсто *обжа*.

[1]) № 52, XXVII.

[2]) Тамъ же, XXXIII.

[3]) См. Доп. къ А. И. I № 47, 1554 — 1556 г. Грамоты объ отставкахъ отъ службы. Три изъ нихъ (I, III, IV) говорятъ именно о такого рода отставкахъ. Въ I-й князья Владиміръ и Василій Бѣлосельскіе отставлены отъслужбы, «потому что стары и больны». А на мѣсто ихъ: «Володимерову *сыну* служить Курбатку, а во княже Васильево мѣсто служить внуку его Семейкѣ княжъ Андрееву сыну Бѣлосельскаго». «И вы бы ихъ *въ десятницѣ* (то-есть въ десятномъ спискѣ) погладили (вычеркнули), а въ ихъ мѣсто написали... Курбатка и Семейку». То же говорятъ III и IV грамоты.

[4]) Id. II. «Осматриванъ въ Москвѣ Новгородской помѣщикъ... Микифоръ Леонтьевъ сынъ Харламовъ: и Микифоръ боленъ, съ Казанскихъ ранъ нога испорчена. И вы бы (дьяки) Микифора въ Шелонскомъ спискѣ помѣтили, доколѣ ся Микифоръ обможетъ»..

его службою. Въ особенности имѣла вліяніе неявка на службу. Служилые люди, помѣченные воеводою *въ нѣтехъ*, подвергались опалѣ и отобранію помѣстья. Вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ они теряли право служить, ибо это право возвращалось имъ вмѣстѣ съ помѣстьями [1]). Стремленіе организовать помѣстное владѣніе исключительно въ видахъ государственнаго интереса естественно должно было стѣснить право пользованія и распоряженія для владѣльцевъ. На первый взглядъ, судя по жалованнымъ грамотамъ, можно подумать, что владѣльцамъ представлялись тѣ же права, какъ и вотчинникамъ. Земли жаловались помѣщику со всѣмъ доходомъ, *большимъ* и мелкимъ, и даже судомъ [2]). Неволинъ утверждаетъ, что первоначально право помѣщика пользоваться пахотною землею и ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другаго рода доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ, а отъ ней ему были предоставлены [3]). Кажется, почтенный ученый не желалъ этими словами охарактеризовать самыхъ правъ владѣльца, такъ какъ на той же страницѣ онъ говоритъ, что „владѣльцамъ помѣстныхъ населенныхъ земель несудимыми грамотами весьма часто предоставлялись такія же обширныя права, какія подобными грамотами предоставлялись вотчинникамъ“. Выдача этихъ несудимыхъ грамотъ помѣщикамъ прекратилась со второй половины царствованія Ивана Грознаго. Но независимо отъ права суда, права помѣщика по объему мало чѣмъ отличались отъ правъ вотчинника. Казна уступала во временное пользованіе помѣщика тѣ права, какія она сама имѣла на помѣстную землю. Извѣстно же, что она имѣла на нихъ право полной собственности; слѣдовательно, и помѣщикъ пользовался помѣстною землею какъ полный собственникъ. Въ ввозныхъ грамотахъ эти права по отношенію къ крестьянамъ опредѣляются такъ: „И вы бъ всѣ крестьяне (такого-то) и его приказщика слушали во всемъ, и пашню на него пахали и доходъ ему помѣстной хлѣбной и денежной и всякой мелкой доходъ платили, чѣмъ васъ (такой-то) изоброчитъ“. Грамоты не опредѣляютъ безусловно доходовъ помѣщика: онѣ даютъ ему право

---

1) Тамъ же, № 52. VIII, XIX, XXV, XXIX. Въ XXV: «... и азъ Царь В. кн., для своего царевича Иванова здоровья, тогды же всѣхъ нѣтчиковъ Казанскихъ пожаловалъ, опалу свою и помѣстья ихъ велѣлъ имъ отдати, а службу свою впередъ велѣлъ имъ служити...»

2) Акты, относящіеся до юр. б. др. Россіи I, № 29, 44. Доп. къ А. И. I № 36 и многіе другіе.

3) Ист. Рос. Зак. II стр. 211.

на пользованіе силами крестьянъ и на разные поборы, изъ которыхъ только нѣкоторые предусмотрѣны закономъ, а другіе зависятъ отъ усмотрѣнія самого владѣльца. Онъ являлся полнымъ хозяиномъ своего помѣстья. Но были нѣкоторыя обстоятельства, которыя, если не *de jure*, то *de facto*, приводили владѣльца къ пользованію именно только доходами съ помѣстья и ограничивали до нѣкоторой степени его произволъ. Помѣщикъ не имѣлъ возможности извлекать свои доходы посредствомъ личной экономической дѣятельности. Преданный службѣ, которая обусловливала его помѣстное право, онъ не имѣлъ времени личнымъ хозяйственнымъ трудомъ участвовать въ какихъ-нибудь экономическихъ предпріятіяхъ. Онъ не могъ отдать землѣ трудъ, принадлежавшій службѣ. Мало было надежды и на прикащиковъ, которые и въ болѣе благопріятныя для частной собственности времена мало способствовали успѣхамъ сельскаго хозяйства. Тѣмъ менѣе могли они сдѣлать тогда, когда сами владѣльцы мало были связаны съ своими помѣстьями. Владѣлецъ помѣстья, еслибъ и могъ отдавать свой трудъ хозяйственной дѣятельности, не сталъ бы дѣлать этого по разчету. Ему не было выгоды предпринимать какія бы то ни было улучшенія въ хозяйствѣ, или, говоря экономическимъ языкомъ, вкладывать новые капиталы въ свое помѣстье, когда онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра онъ не будетъ долженъ идти въ дальній походъ и надолго бросить свои сельскія занятія. Ему представлялись на выборъ двѣ крайности — или не явиться на службу, попасть въ нѣтчики и лишиться помѣстья вслѣдствіе опалы, или пойдти на службу и бросить свое помѣстье на произволъ судьбы, что тоже равнялось его совершенному раззоренію. Помѣстье, съ точки зрѣнія владѣльца, было постояннымъ, неизмѣннымъ фондомъ, въ который онъ не хотѣлъ и не могъ вкладывать никакихъ новыхъ капиталовъ. Онъ не могъ рѣшаться на улучшенія помѣстья, не могъ производить никакихъ производительныхъ затратъ; простое извлеченіе доходовъ въ такомъ размѣрѣ, чтобъ ему было съ чего служить государеву службу, вотъ въ чемъ состояла его единственная цѣль. Также относилось къ этому вопросу и правительство. Смотря на службу, какъ на главное и даже единственное назначеніе дворянства, оно, оставаясь послѣдовательнымъ, не могло предполагать возможности личной хозяйственной дѣятельности помѣщика. Оно также должно было смотрѣть на помѣстье, какъ на неизмѣняющійся, постоянный фондъ, съ котораго должна была отбываться государева служба. Этотъ общій и для правительства и для помѣщиковъ взглядъ въ практическомъ его примѣненіи первымъ и

послѣдними приводилъ однако къ весьма различнымъ результатамъ. Помѣщикъ, устраняясь отъ личной экономической дѣятельности, ограничивался извлеченіемъ опредѣленныхъ, преимущественно оброчнаго характера, доходовъ, для обезпеченія себя на службѣ. Но, разумѣется, онъ не былъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы помѣстье постоянно могло приносить одинъ и тотъ же доходъ; онъ не стремился сохранять свои владѣнія въ должномъ видѣ, подобно тому, какъ онъ не имѣлъ выгоды и возможности улучшать его. Раззореніе помѣстья не особенно страшило его. Новый походъ и милость государя могли увеличить его помѣстный окладъ, ставшій недостаточнымъ; онъ могъ быть переведенъ въ другіе уѣзды, испомѣщенъ, напримѣръ, не въ Новгородскихъ, а въ Московскихъ земляхъ; онъ могъ просить о перемѣнѣ помѣстья, вслѣдствіе его оскудѣнія или раззоренія. Причинъ такого раззоренія и основаній къ перемѣнѣ помѣстья всегда можно было выставить много. То походъ заставилъ его истратиться, войдти въ долги, то крестьяне разбѣжались, то Нѣмцы, Татары или Поляки пограбили все достояніе помѣщика. Затѣмъ онъ каждую минуту могъ лишиться помѣстья, и послѣ прощенія получить владѣніе въ другомъ мѣстѣ. Ему не было никакихъ выгодъ беречь свое достояніе. Извлекать какъ можно больше доходовъ, пока ихъ можно было извлекать, а затѣмъ, когда изъ помѣстья уже ничего нельзя было выжать, воспользоваться благопріятною минутой, чтобъ увеличить или перемѣнить свой помѣстный окладъ, вотъ его естественная политика. Правительство иначе должно было смотрѣть на этотъ вопросъ. Оно было естественнымъ и единственнымъ хозяиномъ помѣстья. Каждый помѣстный участокъ долженъ былъ обезпечивать служебную дѣятельность не только того владѣльца, за которымъ это помѣстье находилось въ данную минуту, но и всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ извѣстный участокъ могъ перейдти вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Не имѣя возможности и повода разчитывать на увеличеніе внутренней цѣнности участка, путемъ постояннаго вклада въ него новыхъ трудовъ и капиталовъ, оно должно было по крайней мѣрѣ заботиться о томъ, чтобы *status quo* помѣстья не измѣнялось вслѣдствіе недобросовѣстности или небрежности владѣльца. Оно слѣдило за тѣмъ, чтобы жадность владѣльца и тяжесть поборовъ, налагаемыхъ имъ на крестьянъ, не разогнали сихъ послѣднихъ и не превратили населеннаго помѣстья въ ненаселенное; оно заботилось, чтобы помѣщики не пустошили своихъ владѣній, не уводили крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя и т. д. На этомъ основаніи правительство весьма подозрительно относилось къ просьбамъ владѣльцевъ перемѣнить имъ помѣстья вслѣд-

ствіе ихъ опустошенія: оно всегда предписывало строго изслѣдовать, не произошло ли это запустѣніе по винѣ самого помѣщика [1]). Въ случаѣ запустѣнія помѣстья правительству приходилось заботиться самому объ его исправленіи: на дѣятельность помѣщиковъ, конечно, нечего было надѣяться. Часто это исправленіе было связано съ новыми жертвами. Приходилось усиливать льготы крестьянамъ, сбавлять оброкъ, уменьшать службу, — словомъ, дѣйствовать не хозяйственными, а правительственными мѣрами тамъ, гдѣ могла пособить только правильная экономическая дѣятельность.

Разъ сведенное на почву государственныхъ стремленій и соображеній, изъятое изъ сферы свободной экономической дѣятельности, управленіе помѣстьями должно было дойдти до результатовъ, которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть сначала. Правительство долгое время принуждено было удерживать помѣстья отъ запустѣнія и возстановлять запустѣвшія посредствомъ льготъ, предоставляемыхъ крестьянамъ. Это былъ путь единственно-возможный въ то время, когда личная свобода крестьянъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, не была еще уничтожена. Но скоро правительство должно было оставить этотъ путь, какъ совершенно для него невыгодный. Свободный переходъ крестьянъ не могъ удержаться въ странѣ, въ которой началось уже всеобщее закрѣпленіе сословій. Скоро правительство пришло къ заключенію, что единственное средство поддержать значеніе помѣстій и сдѣлать ихъ установленіемъ, дѣйствительно обезпечивающимъ службу дворянства, заключается въ пре-

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Помѣщикъ Палицынъ, долго бывшій въ опалѣ, по прощеніи его царемъ, просилъ, чтобъ ему отдано было не старое его помѣстье, совершенно запустѣвшее, а какое-нибудь новое. Царь распорядился такъ: «И выбъ дьяки наши въ то помѣстье Палицына послали кого будетъ пригоже, и велѣли бы есте около того помѣстья обыскати на всѣ стороны, версты по три и по четыре и по пяти больши того, игумены и попы и дьяконы по священству, а дѣтьми боярскими и крестьяны по нашему крестному цѣлованію, отчего то помѣстье запустѣло, отъ голоду ли и отъ лихого повѣтрія и отъ тягла, или отъ самаго отъ Палицына или отъ иныхъ отъ кого? И будетъ въ обыску скажутъ, что то помѣстье запустѣло отъ Палицына и отъ его небреженья, а не отъ голоду и не отъ лихого повѣтрія и ни отъ кого, и выбъ Палицыну отдали старое его помѣстье. А будетъ въ обыску скажутъ, что то помѣстье запустѣло не отъ Палицына, и выбы у него то старое помѣстье на меня Царя и В. кн. и въ оброки и на льготу велѣли отдать, посмотря по землѣ и угодьямъ, на сколько лѣтъ будетъ пригоже льготы дати, а Палицыну въ то мѣсто велѣли помѣстье отдѣлити индѣ въ той же пятинѣ» (Доп. къ А. И. I. 52, VIII; см. тамъ же XIX, XXV, XXIX). Относительно льготъ, дававшихся правительствомъ по случаю запустѣнія помѣстья см. тамъ же № XXI.

вращеніи этихъ крестьянъ въ составную часть помѣстья. Если дворянство не могло, вслѣдствіе своей обязательной службы, имѣть никакихъ прочныхъ отношеній къ своимъ помѣстьямъ, то оставалось прикрѣпить къ нимъ крестьянъ. Мы увидимъ ниже, какъ это обстоятельство, въ числѣ многихъ другихъ, вліяло на измѣненіе судьбы крестьянства.

Если помѣстье должно было служить постояннымъ и вѣрнымъ обезпеченіемъ службы дворянства, то правительство естественно должно было ограничивать у помѣщиковъ право распоряжаться своими владѣніями. То же стремленіе, которое побуждало правительство ограничивать произволъ владѣльца въ пользованіи помѣстьемъ, приводило къ разнымъ ограничительнымъ мѣрамъ относительно этого распоряженія. Разумѣется само собою, что помѣщики были лишены права продавать свои помѣстья и отчуждать ихъ какимъ бы то ни было образомъ. Единственно доступными для нихъ актами были сдача и мѣна помѣстья. Помѣщикъ могъ, и то съ разрѣшенія правительства, сдать свое помѣстье сыну. Мы видѣли выше, что это дѣлалось при отставкѣ отъ службы, то-есть, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для владѣльца, когда онъ принужденъ бывалъ отказаться отъ службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ помѣстья. Съ юридической точки зрѣнія, эта сдача помѣстья первоначально была основана на правѣ, которое правительство фактически признавало за владѣльцами: *прибирать* на свое мѣсто другихъ слугъ, которые бы, подобно имъ, служили съ даннаго имъ помѣстья. Это была уступка тѣхъ условныхъ правъ, принадлежавшихъ владѣльцу помѣстья, другому, который могъ владѣть имъ тоже условно. Съ точки зрѣнія правительства, дѣйствительно, эта сдача была приборомъ людей на мѣсто выбывающихъ изъ службы. Оно не могло смотрѣть на этотъ актъ, какъ на частную сдѣлку между двумя частными лицами. Вслѣдствіе этого частная сторона этого акта, какъ напримѣръ, вопросъ о вознагражденіи за сдачу, а равно и другія сдѣлки между старымъ и новымъ владѣльцемъ постоянно находятся на заднемъ планѣ, хотя въ послѣдствіи изъ этой сдачи развилась формальная продажа помѣстій, облеченная только въ иныя формы. Но въ XVI вѣкѣ сдача имѣла весьма необширное значеніе. Она въ то время ограничивалась правомъ отца сдавать свое помѣстье и свою службу одному изъ сыновей, который за это обязывался кормить его. На это требовалось разрѣшеніе правительства, которое предписывало внести сына въ служебные списки вмѣсто отца и записать за нимъ помѣстье[1]).

[1]) Напримѣръ, въ Доп. къ А. И. I, № 52, VII: «Билъ намъ челомъ Чмутъ Ачкасовъ, и сказалъ, что онъ старъ и впередъ ему нашіе службы служити не мочно,

Мѣна помѣстій вызывала точно такую же ограничительную дѣятельность правительства. Основанія этихъ мѣръ очевидны. Разсматривая мѣну, какъ одинъ изъ способовъ отчужденія имущества, правительство заботилось о томъ, чтобы *земля не выходила изъ службы*. На этомъ стремленіи было основано общее правило, чтобы помѣстныя земли не обмѣнивались на вотчинныя. До Уложенія постоянно встрѣчаются запрещенія касательно этого предмета. Они подтверждены не за долго до изданія Уложенія, въ 1636 г., царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Но это весьма естественное и понятное ограниченіе постоянно развивалось во множествѣ стѣснительныхъ правилъ, касавшихся какъ рода промѣниваемаго имущества, такъ и лицъ, между которыми могла происходить эта мѣна. Что она могла происходить только между помѣщиками, это мы видѣли выше; но принимая во вниманіе, что служба этихъ помѣщиковъ была весьма различна, и что этой службѣ соотвѣтствовали и различныя помѣстья, правительство не могло допустить обмѣна помѣстій между лицами, несшими различныя службы. Однородность службы была главнымъ условіемъ для обмѣна. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ различнаго рода службъ все болѣе и болѣе стѣснялись многообразные круги лицъ, между которыми было допущено обращеніе помѣстій. Уже весьма рано правительство разграничиваетъ лица по мѣстности, въ которой они служили и были испомѣщены. Смѣшенія между этими помѣстьями не допускались. Такъ, еще при Иванѣ Грозномъ лицо, получившее помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ, и слѣдовательно, несшее службу по Московскому списку, не могло владѣть помѣстьями въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего всѣ прежнія его помѣстья отписывались на государя и шли въ новую помѣстную раздачу[1]). Этимъ не ограничивались заботы правительства. Являясь единственнымъ хозяиномъ помѣстій, оно заботилось о томъ, чтобы при мѣнѣ помѣстій владѣльцы не понесли какихъ-нибудь потерь. Одно помѣстье по величинѣ своей

и мы его отъ службы для старости отставили, а въ его мѣсто въ его помѣстья велѣли есмы служити сыну его Бориску».... Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ Неволинымъ, который утверждаетъ, что сдача помѣстій началась при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. По его мнѣнію (II, стр. 214 и слѣд.), прежде сыновья только припускались къ отцовскимъ помѣстьямъ. Но ему стоило принять въ соображеніе грамоты объ отставкахъ, чтобы убѣдиться въ противномъ.

[1]) См. тамъ же, XXX: «Какъ къ вамъ (дьякамъ) ся наша грамота придетъ, и выбъ послали кого пригоже, а велѣли бы естя Семена помѣстье Александрова сына Аксакова отписати и приказати вѣдати.... и въ раздачу раздати, а Семена Аксакова пожаловали естя помѣстьемъ въ московскихъ городѣхъ...,

и по количеству земли должно было представлять полнѣйшій эквиваленть другаго; въ противномъ случаѣ мѣна не допускалась [1]. Такимъ образомъ правительство преслѣдовало тѣ интересы, которые въ сущности ближе всего касались владѣльцевъ.

Таковъ былъ характеръ помѣстной системы, въ томъ видѣ, какъ она организовалась въ половинѣ XVI столѣтія. Съ одной стороны она должна была видоизмѣнить всѣ прежнія основанія частной собственности, съ другой — замѣнить собою всѣ прежніе виды царскаго жалованья. Помѣстье, вознаграждая службу *обязаннаго,* закрѣпощеннаго служилаго сословія, должно было замѣнить кормленіе, которымъ вознаграждалась служба свободныхъ бояръ и вольныхъ слугъ. Кормленіе не уничтожилось однако сразу; уничтоженіе это должно было происходить постепенно, какъ постепенно установлялась помѣстная система. Изъ приведеннаго выше мѣста Никоновской лѣтописи видно, что кормленіе продолжало существовать какъ особая форма жалованья, вознаграждавшая лицъ, хорошо отправлявшихъ свои обязанности съ помѣстья. „А кто послужитъ по земли, говоритъ лѣтопись, и государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленіемъ, и на уложенные люди дастъ денежное жалованье". Дѣйствительно рядомъ съ раздачею помѣстій идетъ пожалованье кормленіями [2]. Правительство никогда не смѣшивало, подобно нѣкоторымъ нашимъ ученымъ, кормленій съ помѣстьями. Такъ, оно строго запрещало въ послѣдствіи, мѣнять помѣстье на кормленіе. Уложеніе дозволило было эту мѣну; но въ 1679 г. она вовсе запрещена. Итакъ, не кормленіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи перешло въ помѣстье, какъ нѣкогда утверждалъ г. Погодинъ, а помѣстье въ дальнѣйшемъ своемъ разви-

[1]) Тамъ же, V. Помѣщики городовые (ибо они названы пятиобежниками) били царю челомъ о дозволеніи помѣняться помѣстьями. Не смотря на то, что они владѣли одинаковымъ количествомъ земли, по пяти обежъ, царь велѣлъ произвести Новгородскимъ дьякамъ слѣдствіе, и «по нашему сыску тѣ ихъ обжи пашня пашнѣ землею и всякими угодьи и доходомъ будетъ ровны и не пусты, а *нашей будетъ службѣ* и нашимъ податямъ въ той ихъ мѣнѣ убытка не будетъ, и на обѣ стороны, по вашему сыску и по книгамъ, мѣна ихъ будетъ ровна, и вы бы имъ велѣли предъ собою записи мѣновные положити». То же самое см. XXII.

[2]) Такъ, въ 1555 г. Өедоръ Крюковъ пожалованъ былъ въ Новгородѣ ясельничимъ путемъ, за тѣмъ М. Хлудневъ получилъ въ кормленіе половину Новгородскихъ ямскихъ пошлинъ; М. Глинскій судную пошлину съ половины Новгорода; въ 1511 году Дмитрій и Семенъ Аминевы кормленія въ волостяхъ и городахъ. (Доп. къ А. И. I, 53, 54, 105, 109, 215). Наконецъ, существованіе намѣстниковъ и волостелей, которыхъ доходы прямо опредѣлялись въ уставныхъ грамотахъ, говоритъ о существованіи кормленій рядомъ съ развитіемъ помѣстій.

тіи видоизмѣнило кормленіе. Составляя прежде вознагражденіе вольныхъ дружинниковъ, кормленіе въ послѣдствіи, подобно помѣстью, соотвѣтствовало обязательной службѣ бояръ и дворянъ, стало дѣйствительнымъ государевымъ жалованьемъ. Съ уничтоженіемъ намѣстниковъ и волостелей кормленія не являются болѣе въ формѣ судныхъ и другихъ пошлинъ, взыскиваемыхъ должностнымъ лицомъ при отправленіи его обязанности. Только немногія придворныя должности, соединенныя съ извѣстнымъ доходомъ, продолжаютъ свое существованіе. Но во всѣхъ другихъ службахъ, кормленія превращаются въ простыя кормовыя деньги или хлѣбъ. Эти кормовыя деньги являются дополненіемъ къ номѣстью. Изъ русскихъ служилыхъ людей ихъ получаютъ лица, не имѣющія помѣстій. Разборная книга исчисляетъ стольниковъ до дворянъ, „которые емлютъ кормъ изъ двора да изъ большаго приходу, а помѣстій за ними нѣтъ“ [1]. Въ послѣдствіи, съ большимъ испомѣщеніемъ служилаго сословія, такими кормовщиками являются иностранцы, которымъ правительство не сразу давало помѣстья, или, если и давало, то подъ особыми условіями, на началахъ кормленія, почему и самыя помѣстья назывались кормовыми. Слѣдовательно, кормленіе, по немногу превращавшееся въ жалованье, давалось только лицамъ, не имѣвшимъ или не имѣющимъ права имѣть помѣстья.

Видоизмѣняя кормленіе, какъ признакъ свободныхъ отношеній дружины къ князю, начала помѣстной системы должны были отразиться и на частной недвижимой собственности. Предѣлы этого сочиненія не дозволяютъ намъ останавливаться на постепенномъ развитіи этихъ началъ и на переходѣ ихъ въ систему вотчиннаго права. Мы остановимся здѣсь на одномъ актѣ, въ которомъ сведены въ одно цѣлое всѣ постановленія, изданныя въ разное время касательно вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія. Мы говоримъ объ Уложеніи Алексѣя Михайловича. Ни одинъ актъ не имѣетъ такого права почитаться за итогъ древне-русской юридической жизни. Его главы могутъ служить превосходною программой для каждаго изслѣдователя русской старины, его статьи—центромъ, вокругъ котораго могутъ и должны группироваться всѣ извѣстія, дошедшія до насъ о какомъ-нибудь предметѣ отъ прежнихъ временъ. Здѣсь не примирены, но сопоставлены начала самыя противоположныя, и сопоставленіе это могло одинаково разрѣшиться и въ ту и въ другую сторону. Вотъ почему и само Уложеніе и выставленныя въ немъ начала являются поворотнымъ пунк-

---

[1]) Неволинъ, т, II, стр. 208, прим. 393.

томъ въ исторіи нашего законодательства, послѣ котораго неизбѣжно должна была наступить эпоха самыхъ радикальныхъ реформъ.

На Уложеніи лучше всего можно видѣть, какъ вотчина, бывшая прежде достояніемъ всѣхъ частныхъ лицъ, постепенно была пріурочена къ интересамъ службы и служилаго сословія. Владѣніе вотчиной обусловливается службою, въ томъ смыслѣ, что неслужилый человѣкъ, и даже сынъ служилаго человѣка, не могутъ владѣть вотчиною. Главная цѣль Уложенія, какъ мы увидимъ ниже, состояла въ окончательной санкціи земскаго строенія, предпринятаго еще царемъ Михаиломъ Өедоровичемъ и его земскими соборами [1]), — строенія, котораго необходимость была настоятельна послѣ ужасовъ смутнаго времени, перепутавшаго всѣ отношенія, перемѣшавшаго всѣ классы общества и затемнившаго ихъ отношенія къ государству. Сообразно этой общей цѣли, по отношенію къ сословіямъ, правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы люди и земли были возвращены каждый къ своему таглу. То же самое было сдѣлано по отношенію къ вотчинамъ. Законодательство закрѣпило установившееся на практикѣ правило, что землею можетъ владѣть только служилый человѣкъ. Оно приказываетъ отбирать тѣ земли, которыя въ прежнее время попали въ руки другихъ классовъ [2]). Не желая, впрочемъ, лишить безусловно всѣхъ неслужилыхъ лицъ пріобрѣтенныхъ ими вотчинъ, Уложеніе предоставляетъ имъ возможность записаться въ службу и тѣмъ сохранить свое пріобрѣтеніе. Въ противномъ случаѣ вотчина должна идти въ помѣстную раздачу. Эта льгота предоставлена только лицамъ, служащимъ у важнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ: у патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Другимъ не предоставлено и этого права. Боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ запрещено покупать и принимать въ закладъ вотчины. Если кто изъ нихъ нарушитъ это постановленіе, каждый могъ бить о томъ челомъ государю, и вотчина отбиралась у нарушителя и отдавалась челобитчику [3]).

[1]) См. прекрасную статью г. Бѣляева о земскихъ соборахъ, въ *Московскихъ унив. извѣстіяхъ* за 1867 г. № 1.

[2]) Улож. глав. XVII ст. 37: «А которые патріарши же, и митрополичьи, и архіепископли и епископли дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти, и не природные дѣти боярскіе покупали *себѣ вотчины:* и тѣхъ патріаршихъ и проч. дворовыхъ людей, *по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу въ городы*. А будетъ кто изъ тѣхъ патріаршихъ и т. д.... дѣтей боярскихъ государеву службу служить не похочетъ и у него *купленная его вотчина взявъ*, отдать въ раздачу кому государь укажетъ».

[3]) Улож. XVII, 41.

Какъ бы исключеніемъ изъ такого правила является продажа порозжихъ помѣстныхъ земель „боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и *гостемъ* и всякимъ служилымъ и *не служилымъ* людямъ"[1]. Но 1) этотъ указъ относится къ землямъ, единовременно проданнымъ по распоряженію Михаила Θедоровича въ 1636 году, а 2) это дозволеніе относится главнымъ образомъ къ гостямъ, которые пользовались нѣкоторыми служебными правами, и 3) скоро послѣ Уложенія, именно въ 1666 г.[2]), даже гостямъ запрещено было покупать и принимать вотчины въ закладъ, безъ особаго разрѣшенія государя. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, это исключеніе, сдѣланное въ пользу гостей, не противорѣчило общему правилу, что вотчины могутъ принадлежать только служилымъ людямъ. Этого мало. Право пріобрѣтенія порозжихъ помѣстныхъ земель въ другихъ городахъ, кромѣ Московскихъ, было предоставлено только тѣмъ дворянамъ, кои уже владѣли помѣстьями. Не верстанные дворяне не могли пріобрѣсти вотчины[3]).

Съ проведеніемъ этихъ общихъ началъ помѣстнаго владѣнія въ прежній свободно-дружинный бытъ, служба съ вотчины сдѣлалась для служилаго человѣка такою же обязанностію, какъ для помѣщика служба съ помѣстья. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что поземельное владѣніе сосредоточилось въ рукахъ служилаго сословія, кромѣ земель, принадлежащихъ духовенству, которыя однако также должны были доставлять государству достаточныхъ людей или деньги по рассмотрѣнію.

Безъ сомнѣнія, Уложеніе не вводило въ этомъ отношеніи ничего новаго. Оно подтверждало только то, что уже было издавна установлено царемъ Иваномъ IV. Мы видѣли выше, что обязанность службы съ опредѣленнаго числа четвертей земли была установлена имъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для вотчинниковъ. Это подтверждалось неоднократно въ послѣдствіи. При Борисѣ Годуновѣ изданъ былъ указъ, имѣвшій въ виду облегченіе вотчинниковъ и помѣщиковъ. Имъ увеличенъ былъ участокъ земли, съ котораго долженъ былъ являться

[1]) Тамъ же, 45.

[2]) 1. П. С. З. № 390.

[3]) Улож. глав XVII, стр. 47: «Да и въ иныхъ городѣхъ будетъ кто пріищетъ помѣстныя пустыя земли... и тѣ земли продавати въ вотчину дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ верстанымъ, которые государеву службу служать по тѣмъ городамъ, которыхъ городовъ тѣ порозжія земли.... А не верстаннымъ, и которые государевы не служатъ, такихъ земель не продавати».

вооруженный человѣкъ (человѣкъ на войну совсѣмъ гожій), со ста на двѣсти четвертей (это было отмѣнено въ послѣдствіи). Далѣе, служба эта не должна была отправляться непремѣнно лично: вотчинникъ и помѣщикъ могъ вмѣсто себя и своего сына выслать своего холопа. Но строгость требованій правительства осталась та же самая, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ указа: „А которые имѣютъ *помѣстья* и *отчины*, сами, или ихъ дѣти не въ войскѣ, и холопей не пошлютъ, а сыщется про то допрямо, что они огурствомъ не пошлютъ, и у тѣхъ, со сколькихъ четвертей службы не будетъ, толико четвертей взяти, и отдати безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, кои служатъ, дѣтемъ боярскимъ и иныхъ чиновъ людемъ“. Правительственная практика со времени изданія Уложенія указываетъ, на сколько это начало окрѣпло въ законодательствѣ.

Въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича послѣдовалъ указъ о возвращеніи лицъ, которыя, „не *хотя* государевой службы служить, покинули свои помѣстья и вотчины и били челомъ въ боярскіе дворы; къ боярамъ, и къ окольничимъ и къ стольникамъ, и къ стряпчимъ, и къ дворянамъ московскимъ и во всей братьѣ всякихъ чиновъ“.

Правительство съ самаго начала земскаго строенія поставило себѣ задачею возвратить всѣхъ къ ихъ мѣсту и къ ихъ тяглу. Ниже мы увидимъ, что оно сдѣлало съ городскимъ классомъ. По отношенію къ служилому сословію, ему необходимо было возвратить къ государственной службѣ тѣхъ лицъ, которыя сбѣжали съ своихъ помѣстій и вотчинъ и поступили въ знакомцы (или держальники, какъ ихъ называлъ Татищевъ) и другія должности въ частныхъ домахъ. Вслѣдствіе этого царь съ боярами приговорилъ, „что которые дворяне не хотятъ государевой службы служити, воровствомъ изъ службы побѣжали и иные, покиня помѣстныя и вотчинныя земли били челомъ въ дворы къ боярамъ и всякихъ чиновъ людемъ, и кабалы служилые на себя дали и во дворѣхъ поженилися на крѣпостныхъ дѣвкахъ: и тѣхъ всякихъ съ женами и съ дѣтьми, указалъ государь и бояре приговорили, изъ боярскихъ дворовъ взяти *въ службу и написати съ городы по помѣстью и по вотчинѣ*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство постоянно воспрещало служилымъ людямъ поступать въ услуженіе и закладываться за кого бы то ни было, считая это *воровствомъ*, нежеланіемъ служить государеву службу. (См. Утина и Лазар. Доп. ук. къ суд. № LXI). Это запрещеніе начинается съ очень давнихъ поръ; еще въ царскомъ судебникѣ (ст. 81) находится запрещеніе принимать въ службу и въ холопи дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служи-

вали, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставить. Оно возобновлялось нѣсколько разъ (Доп. ук. къ суд. XII, XXII, LVIII). Всѣ эти мѣры должны были достигнуть одной громадной цѣли, преслѣдуемой неуклонно правительствомъ: сосредоточенія лицъ и ихъ имущества въ государевой службѣ. Уложеніе довершило это дѣло и подкрѣпило прежнія постановленія строгими карательными мѣрами. Въ 1665 г., напримѣръ, изданъ государевъ указъ служилымъ людямъ, гдѣ воспрещалось не являться къ службѣ на срокъ и *похваляться* этимъ: „а кто дерзнетъ впредь такія рѣчи говорить, а великому государю про то будетъ вѣдомо, и ему быть въ жестокомъ наказаніи и въ государевой опалѣ, а помѣстье и вотчины отдать въ раздачу“. То же самое повторялось, какъ прежде, такъ и послѣ Уложенія.

Обязанность службы окончательно связалась съ землевладѣніемъ. Каждый участокъ земли долженъ былъ поставлять извѣстное количество вооруженныхъ людей государству. Отъ этой обязанности не было избавлено и духовенство въ качествѣ землевладѣльца. Оно должно было высылать съ опредѣленнаго числа четвертей вооруженныхъ ратниковъ. Разумѣется, государство не могло грозить ему отобраніемъ вотчинъ. Еще не настало время, когда государство сознало свои права на монастырскія земли; но оно не избавляло духовныхъ за неисполненіе этихъ обязанностей отъ штрафовъ болѣе или менѣе значительныхъ. Еще при Борисѣ Годуновѣ изданъ былъ указъ, строго подтверждающій эту обязанность [1]).

Подчиняя поземельное владѣніе началамъ государственной пользы, Уложеніе съ особенною подробностью должно было остановиться и дѣйствительно остановилось на опредѣленіи помѣстной системы, въ которой главнымъ образомъ развились эти начала. XVI глава его

---

[1]) Указъ 1604 г.: «А которые митрополиты, архіепископы и епископы, или монастыри, холопей годныхъ въ службу не высылаютъ или вышлютъ безъ доспѣха (безъ ружья) и безъ запасовъ и сыщется про то допрямо, и за тѣхъ людей, колико будетъ не выслано, доправити съ отчинъ того владыки, или монастыря, за всякаго человѣка, сколько годныхъ будетъ не выслано, по пятнадцати рублевъ, а слугъ тѣхъ писати въ стрѣльцы безъ пощады». Вообще, относительно приводимыхъ фактовъ см. Указат. Максимовича, I стр. 129, и П. С. З. № 160, 489, 492 и мног. друг. Въ 1655 г. съ помѣстій и вотчинъ велѣно взять даточныхъ людей, если владѣльцы ихъ отставлены отъ службы за болѣзнью (№ 155, 158): «Которые дворяне и дѣти боярскіе по смотру стары, и увѣчны и больны, въ нашу службу ихъ не будетъ, и тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ нашей службы отставливать, и съ помѣстій и съ вотчинъ достаточныхъ людей имать». №№ 177, 234, 260, 297, 302, 323, 353, 481, 482, 529, 602, 604, 612.

представляетъ полный сводъ всѣхъ постановленій относительно этого предмета, со всѣми видоизмѣненіями, сдѣланными въ предшествующія царствованія. Подобно знаменитому указу Ивана IV, законодательство начинаетъ съ опредѣленія, сколько четвертей помѣстной земли должно соотвѣтствовать каждому чину служилаго класса. Подобно этому же указу, опредѣленія XVI главы касаются только разверстанія земель въ Московскомъ уѣздѣ [1]). Количество помѣстной земли въ другихъ уѣздахъ, какъ мы видѣли, вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія правительства, во всякомъ же случаѣ оно было больше, чѣмъ въ Московскомъ уѣздѣ [2]). Земля въ Московскомъ уѣздѣ имѣла особенное значеніе въ глазахъ правительства, вслѣдствіе особеннаго положенія самаго сословія Московскихъ служилыхъ людей и количества этой земли. Вопервыхъ, правительство въ Московскомъ уѣздѣ не могло располагать такимъ огромнымъ количествомъ земли, какое имѣлось въ его распоряженіи въ другихъ областяхъ, присоединенныхъ и постепенно присоединяемыхъ къ Московскому государству. Вовторыхъ, Москва рано сдѣлалась сосредоточіемъ служилаго сословія, которое сюда стремилось, какъ къ главнѣйшему центру служебной дѣятельности. Служба по *Московскому списку* считалась и почетнѣе и выгоднѣе службы въ другихъ городахъ; такъ-называемые городовые дворяне въ іерархическомъ отношеніи стояли ниже дворянъ Московскихъ. Обѣ эти причины привели къ тому, что въ Московскомъ уѣздѣ не развились тѣ обширныя помѣстья, которыми такъ богаты были украинные уѣзды. Уже въ тѣ времена подмосковная деревня была весьма пріятнымъ, но далеко не доходнымъ имуществомъ. Вотъ почему правительство принуждено было сдѣлать въ пользу Московскаго дворянства исключеніе изъ общаго правила, запрещавшаго мѣну по-

[1]) «А въ Московскомъ уѣздѣ быти помѣстьямъ: 1) за бояры по 200 четвертей за человѣкомъ» и т. д. глава XVI ст. 1.

[2]) См. тамъ же стр. 40: «А Украинскихъ городовъ дѣтемъ боярскимъ,... которымъ отсюды по 400 четвертей, и по 300 четвертей». Въ Московскомъ уѣздѣ даже боярамъ давалось только 200 четвертей. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича оклады такъ-называемыхъ выборныхъ дворянъ (слѣдовательно, городовыхъ, а не Московскихъ) были отъ 600—900 четвертей, а въ Новгородѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ выборные дворяне верстались помѣстьями отъ 550 — 1000 четвертей. См. Описаніе государственнаго разряднаго архива Иванова, стр. 35—38. Въ послѣдствіи количество помѣстныхъ окладовъ увеличилось еще такъ-называемыми «дикими полями», поступившими въ помѣстную раздачу, въ прибавку къ пахатной землѣ.

мѣстій между дворянами различныхъ уѣздовъ [1]). За тѣмъ Московское помѣстье составляло только небольшое дополненіе къ различнымъ окладамъ деньгами и натурой, которыми дворянство пользовалось *у дѣлъ*, а въ прочихъ городахъ помѣстье было главнымъ средствомъ содержанія служилаго человѣка.

Нѣтъ необходимости входить здѣсь въ подробности постановленій Уложенія о помѣстьяхъ: за немногими исключеніями оно развиваетъ начала, выработанныя еще въ XVI вѣкѣ. Но нельзя не остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ особенностяхъ помѣстнаго владѣнія въ XVII вѣкѣ, — особенностяхъ, указывающихъ, что помѣстная система переживала переходный моментъ своего развитія. Подчинивъ служилое сословіе и его собственность интересамъ государства, правительство дошло до весьма важнаго результата, который имѣлъ большое вліяніе на послѣдующее развитіе служилаго сословія. Какъ помѣстья, такъ и вотчины были поставлены почти въ одно и то же положеніе въ отношеніи къ государству; одни и тѣ же начала проведены были чрезъ всю систему поземельнаго владѣнія; несвободное положеніе служилаго сословія опредѣляло и несвободное положеніе его собственности. Но именно вслѣдствіе того обстоятельства, что помѣстья и вотчины почти уравнялись въ своемъ положеніи, правительству не предстояло уже необходимости такъ рѣзко разграничивать помѣстное и вотчинное владѣніе, какъ это было нужно въ XVI вѣкѣ. Смѣшивая вотчины съ помѣстьями въ интересахъ государства, правительство допустило въ помѣстную систему много началъ вотчиннаго владѣнія, подобно тому, какъ начала помѣстнаго владѣнія проникли въ вотчины. Черта, раздѣлявшая эти двѣ системы, постепенно начинаетъ сглаживаться. Правительство, увѣренное въ вѣчной и безповоротной службѣ дворянства, начинало быть равнодушно къ тому, какою собственностью будетъ владѣть человѣкъ, обязанный ему вѣчною службой. Оно допускаетъ переходъ помѣстій въ вотчины. Служилый человѣкъ получаетъ возможность выслужить все или часть помѣстья въ вот-

[1]) См. объ этомъ обстоятельствѣ подробно Неволина II стр. 201 и слѣд., также 3 ст. XVI гл. Улож.: «А мѣняти помѣстья Московскимъ всякихъ чиновъ людямъ съ Московскими же всякихъ чиновъ людьми и со городовыми дворяны и дѣтьми боярскими иноземцы», и пр. Вскорѣ правительство пошло еще дальше. Московскіе дворяне получали помѣстья во всѣхъ городахъ Московскаго царства, напримѣръ, во Владимірѣ. Наконецъ, въ 1642 г. Московскіе стольники, окольничіе, стряпчіе и пр. были поверстаны помѣстьями въ заокскихъ городахъ. См. П. С. З. № 522.

чину [1]). Помѣстныя земли переходятъ въ вотчину не только вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, но и по волѣ частныхъ лицъ. Уложеніе допускаетъ мѣну помѣстій на вотчины, что прежде строго запрещалось [2]). Въ сферѣ помѣстнаго владѣнія все болѣе и болѣе утверждается начало наслѣдственности, чѣмъ постоянно стирается послѣдній признакъ, разграничивавшій помѣстье отъ вотчины, которыя были уравнены во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Прожиточныя помѣстья дѣвицъ, прежде (при Иванѣ Грозномъ) дававшіяся имъ только до 15-лѣтняго возраста, теперь могли быть ими сданы ихъ женихамъ. Это же правило было распространено и на вдовъ [3]). Самый порядокъ раздачи прожиточныхъ помѣстій получаетъ теперь больше правильности сравнительно съ прежнимъ временемъ. Законодательство опредѣляетъ, какой процентъ помѣстья, смотря по службѣ служилаго человѣка, долженъ идти на прожиточные участки [4]). Что касается лицъ мужескаго пола, то они являются естественными наслѣдниками отцовскаго помѣстья. Въ Уложеніи прочно уже устанавливается начало, что помѣстье только тогда идетъ въ чужой родъ или въ новую помѣстную раздачу, когда у бывшаго помѣщика не осталось ни жены, ни дѣтей. Въ прежнее время каждое помѣстье, послѣ смерти лица, владѣвшаго имъ, считалось выморочнымъ; теперь *выморочность* помѣстья опредѣляется совершеннымъ отсутствіемъ рода и племени бывшаго владѣльца, и только въ этомъ случаѣ помѣстье идетъ въ помѣстную раздачу [5]). Независимо отъ этого *сдача* помѣстій получила во времена Уложенія болѣе широкіе размѣры. Она могла совершаться не

[1]) Во времена царя Михаила Ѳеодоровича почти каждый счастливый походъ оканчивался пожалованіемъ дворянамъ части ихъ помѣстья въ вотчину. См. тоже Улож. гл. XVI ст. 47: «А которымъ людемъ даны... изъ помѣстья въ вотчину за службу»....

[2]) Тамъ же, ст. 5: «А которые помѣщики и вотчинники всякихъ чиновъ учнутъ межъ себя мѣняти вотчинныя земли на помѣстныя земли, или помѣстныя земли на вотчинныя земли».....

[3]) «А которая вдова сговоритъ замужъ съ помѣстьемъ своимъ и съ дочернимъ: и жениху дать одинъ жеребій вдовинъ, будетъ ея пойметъ, или дѣвкинъ будетъ, кто дѣвку пойметъ. А будетъ дѣвка останется; и тѣмъ помѣстьемъ владѣть дѣвкѣ, покамѣсть поспѣетъ замужъ, и она также съ тѣмъ своимъ жеребьемъ замужъ выйдетъ». Тамъ же, ст. 17.

[4]) Тамъ же, стр. 30—33.

[5]) Тамъ же, стр. 37. Здѣсь вполнѣ выясняется это начало: «А которые дворяне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ помѣщики учнутъ государю бити челомъ о выморочныхъ помѣстьяхъ, а въ челобитныхъ своихъ напишутъ, что послѣ умершихъ женъ и дѣтей и роду не осталось: и тѣмъ челобитчикамъ велѣти къ

только между отцами и сыновьями, но и между другими родственниками, при чемъ за сданное помѣстье прежній владѣлецъ иногда удовлетворялся деньгами, такъ что мало по малу сдача превратилась въ замаскированную продажу помѣстій [1]).

Это постепенно начавшееся смѣшеніе помѣстій и вотчинъ не означало прямо того, что начала частной собственности начали брать верхъ надъ безусловнымъ подчиненіемъ землевладѣнія интересамъ государства. Во времена Уложенія это смѣшеніе скорѣе означало, что начало таглой зависимости сословій распространилось по всѣмъ сферамъ гражданскихъ и экономическихъ отношеній. Подъ вліяніемъ такой зависимости, организація служилаго сословія и положеніе его среди другихъ государственныхъ классовъ приняли оригинальный складъ. Прежде всего нельзя не замѣтить того знаменательнаго факта, что по своей служебной дѣятельности дворянство имѣло мало отношеній къ мѣстному населенію. Завѣдываніе самимъ служилымъ сословіемъ и его собственностью было сосредоточено въ Москвѣ, централизовано. Являясь въ мѣстность, дворянинъ являлся *наѣзжимъ* человѣкомъ, отправлявшимъ свои обязанности подъ руководствомъ центральнаго правительства, преслѣдующимъ его интересы и вовсе не связаннымъ съ нуждами мѣстнаго населенія. Строго говоря, предъ глазами закона мѣстное дворянство не имѣло легальнаго существованія. Дворянинъ жилъ въ мѣстности, когда онъ былъ въ отпуску, — это была особенная милость государя,—или когда онъ уклонялся отъ службы, — это было преступленіе, за которое онъ могъ поплатиться потерею помѣстья и вотчины. Вообще же онъ не имѣлъ въ качествѣ землевладѣльца никакихъ правъ и обязанностей по отношенію къ мѣстному населенію, когда онъ не отправлялъ какихъ-либо служебныхъ обязанностей по назначенію центральнаго правительства. Право суда и расправы не предоставлялось болѣе въ прежнемъ смыслѣ несудимыми и жалованными грамотами помѣщикамъ и вотчинникамъ со временъ Ивана Грознаго. Водвореніе крѣпостнаго права развило

тѣмъ челобитнымъ своимъ руки прикладывать. Да кому такія выморочныя помѣстья будутъ даны, а послѣ того на тѣхъ челобитчиковъ учнутъ государю бити челомъ тѣхъ умершихъ жены и дѣти или родъ, что тѣ челобитчики ихъ въ челобитьи своемъ утаили, *хотя помѣстьемъ ихъ завладѣти напрасно*, и сыщется про то допрямо, что ихъ первые челобитчики утаили: и у тѣхъ первыхъ челобитчиковъ тѣ выморочныя помѣстья взявъ, отдати умершихъ женамъ и дѣтямъ и родственникамъ, кому доведется».

[1]) См. Неволина, II стр. 217 и слѣд.

судъ вотчинника надъ его людьми; но этотъ судъ не былъ какою-нибудь должностію, соединенною съ общественнымъ положеніемъ дворянина. Не развить мѣстное самоуправленіе, а убить всѣ его условія въ средѣ крестьянскаго сословія суждено было этому владѣльческому суду. Онъ былъ выраженіемъ не общественнаго положенія дворянъ въ мѣстности, котораго они не имѣли и которое они получили еще нескоро, а частію владѣльческихъ правъ, ухудшавшихъ и безъ того плохое состояніе крестьянина. Изданіе Судебника, централизируя судъ, должно было уничтожить всѣ грамоты, данныя прежде частнымъ владѣльцамъ. За исключеніемъ духовенства (по отношенію къ правамъ котораго впрочемъ также были сдѣланы нѣкоторыя попытки ихъ уничтоженія) всѣ частные владѣльцы потеряли предоставленное имъ прежде право суда надъ своими людьми; судъ былъ отданъ въ руки лицъ, находившихся въ службѣ. „Судъ Царя и Великаго Князя судити боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ и діакомъ", говоритъ Судебникъ. Люди всѣхъ чиновъ были росписаны въ отношеніи суда по различнымъ вѣдомствамъ, порученнымъ боярамъ, окольничимъ, и казначеямъ и приказнымъ людямъ. Землевладѣніе, поставленное въ зависимость отъ службы, не давало владѣльцамъ никакихъ общественныхъ правъ и не возлагало на нихъ никакихъ обязанностей. Нашъ землевладѣлецъ не только не стоялъ по отношенію къ мѣстному населенію въ положеніи феодала, но даже не имѣлъ ничего общаго съ классомъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, которымъ Англія обязана своимъ самоуправленіемъ. Дворянство составляло такую же тяглую единицу, какъ и всѣ другіе классы; положеніе его въ государствѣ среди другихъ сословій опредѣлялось возложеннымъ на него тягломъ; это тягло опредѣляло его организацію и способъ администраціи этимъ сословіемъ.

Въ служебномъ отношеніи вся масса дворянскаго сословія была подчинена разряду. Съ подчиненіемъ служилаго сословія правительству, въ рукахъ этого учрежденія сосредоточилось завѣдываніе дворянскою службою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ служилымъ сословіемъ, О существованіи этого приказа можно говорить съ XVI вѣка, то-есть, съ того времени, когда помѣстная система получила уже свою окончательную организацію [1]. Въ XVII стол. онъ получилъ особенное зна-

[1]) Карамзинъ (т. VI стр. 349 и прим. 582) полагаетъ, что появленіе разряда и разрядныхъ книгъ относится еще къ 1441 г. Того же мнѣнія держится и Неволинъ (т. VI стр. 146); но тутъ же онъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что точныя

ченіе: не только распредѣленіе служилыхъ людей на службу, но и всѣ средства для содержанія войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и управленіе городами, гдѣ были расположены полки, было поручено ему[1]). Подъ его вліяніемъ изъ разрозненныхъ членовъ прежней велико-княжеской дружины составилось одно сословіе служилаго дворянства; но вмѣстѣ съ тѣмъ его дѣятельность еще больше отрѣшила дворянство отъ мѣстности, чѣмъ удѣльно-вѣчевой періодъ. Составляя учрежденіе, установленное главнымъ образомъ для военной администраціи, оно выдвинуло на первый планъ значеніе полковой службы предъ всѣми прочими видами служебной дѣятельности. Мало по малу сложилось убѣжденіе, что только военная служба есть истинная служба, а всякая другая, въ особенности же мѣстная служба, является только исключеніемъ. Даже воеводская служба считалась льготою, отдохновеніемъ, а не настоящею службою. На этомъ основаніи Уложеніе, напримѣръ, не даетъ имъ отсрочекъ по суднымъ дѣламъ, какія оно даетъ лицамъ, находящимся въ полковой службѣ[2]). Назначеніе служилыхъ людей въ какую бы то ни было службу, кромѣ военной, не могло происходить безъ особеннаго разрѣшенія государя[3]). При такомъ взглядѣ правительства на службу, вся масса дворянства должна была превратиться и дѣйствительно превратилась въ войско, расположенное военнымъ станомъ по всей землѣ Русской.

Больше всего сосредоточивалось дворянство въ Москвѣ и въ Мо-

извѣстія о существованіи разряда относятся къ 1535 г. См. также Успенскаго Повѣствов. о древн. Руси, I стр. 302.

[1]) Котошихинъ, гл. VII ст. 3: «А вѣдомы въ томъ приказѣ всякіе воинскіе дѣла, и города строеніями и починкою и ружьемъ и служилыми людьми, также вѣдомы бояре и окольничьи и думные ближніе люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы и дворяне городовые, и дѣти боярскіе, и казаки и солдаты всякою службою. И кого случится послати на службу, въ войну и въ воеводство въ города», и пр. Миллеръ (Извѣстіе о дворянахъ русскихъ) говоритъ, что думный дьякъ, обыкновенно управлявшій этимъ приказомъ, имѣлъ надъ сими дворянами всю власть... даже до того, что могъ сажать ихъ въ тюрьму и наказывать тѣлесно. См. Успенскаго, стр. 303.

[2]) Улож. X ст. 149: «А службою тѣмъ воеводамъ въ тѣхъ дѣлехъ не отговариваться, потому что имъ та служба не полковая». См. также № 784, подтверждающій это правило.

[3]) П. С. З. № 474 «А которые начальные жъ люди и иныхъ полковъ, учнутъ ему Великому Государю бить челомъ на воеводства и на приказы и на головы, о тѣхъ докладывать себя Великого Государя». Въ 1661 г. правительство распорядилось опредѣлять въ воеводы и приказные люди раненыхъ на службѣ и бывшихъ въ плѣну, слѣдовательно, «за полонное терпѣніе». См. № 259.

сковскомъ уѣздѣ. Здѣсь главнымъ образомъ служило оно правительству; здѣсь же было больше всего средствъ добиться почета, сохранить выгодное положеніе для цѣлаго рода своего, что̀ было такъ важно по мѣстническимъ понятіямъ того времени. Съ уничтоженіемъ удѣловъ и возвышеніемъ Москвы здѣсь сосредоточивается важнѣйшая и многочисленнѣйшая часть служилаго сословія. Въ мѣстности не остается лицъ, которыя бы подходили подъ понятія аристократіи. Вся *старшая дружина* прежнихъ удѣльныхъ князей сосредоточилась въ столицѣ, и здѣсь вмѣстѣ съ знатнѣйшими родами служилыхъ людей, находившихся уже на службѣ Московскихъ князей, составила тотъ классъ лицъ, которымъ поручались первыя мѣста въ гражданской и полковой службѣ. Только въ Москвѣ встрѣчаются бояре, стольники, окольничіе; въ другихъ городахъ встрѣчаются только дворяне различныхъ наименованій и дѣти боярскія. Это обстоятельство не было только фактическимъ сосредоточеніемъ знатнѣйшаго дворянства въ столицѣ; въ другихъ городахъ не было служилыхъ людей *этого чину*, подобно тому, какъ нигдѣ почти, кромѣ Москвы, не было гостей и гостинной сотни, а были только простые тяглые люди; Московское государство не знало лицъ, высоко стоящихъ на іерархической лѣстницѣ дворянства и въ то же время живущихъ въ мѣстности, для отправленія различныхъ обязанностей, не столько въ качествѣ чиновниковъ, сколько въ качествѣ землевладѣльцевъ. Высокое положеніе лица, обусловливаемое исключительно службою, уничтожалось, какъ только оно отъѣзжало въ мѣстность. Всѣ стремились сохранить свое положеніе въ Московской службѣ; быть записаннымъ по служебному списку одного изъ другихъ городовъ считалось наказаніемъ, и правительство часто прибѣгало къ нему, въ случаѣ недовольства какимъ-нибудь служилымъ человѣкомъ. Напротивъ, за какія-нибудь доблести правительство переводило служилыхъ изъ разряда обыкновенныхъ дворянъ въ число дворянъ Московскихъ. Понятно, что каждый дворянинъ смотрѣлъ на службу внѣ Москвы и ея уѣзда или какъ на начало служебной карьеры, или какъ на наказаніе, и не имѣлъ никакихъ постоянныхъ, прочныхъ отношеній, привязывавшихъ его къ мѣстности. Въ мѣстности онъ могъ занимать только подчиненныя должности, принужденъ былъ постоянно находиться подъ командой одного изъ Московскихъ дворянъ, присланныхъ въ качествѣ воеводы въ тотъ или другой городъ. Этотъ воевода обыкновенно не имѣлъ ничего общаго съ людьми, подчиненными его управленію. Это былъ или бояринъ, окольничій, или другой знатный дворянинъ Московскій, отпущенный въ городъ для отдох-

новенія отъ настоящей полковой службы; въ мѣстности онъ не имѣлъ ничего: ни родныхъ, ни товарищей, ни помѣстья[1] всѣ его интересы сосредоточивались въ Москвѣ, изъ которой онъ былъ *отпущенъ* на воеводство. Въ двоякомъ отношеніи можно прослѣдить подчиненіе помѣстнаго дворянства Москвѣ: въ административномъ и сословномъ. Администрація служилаго сословія главнымъ образомъ была подчинена Московскому разряду; высшіе слои дворянства, изъ которыхъ выходили *начальные люди* для всей Русской земли, были сосредоточены здѣсь же. Собственно говоря, дворянское общество въ полномъ его составѣ существуетъ только въ Москвѣ; здѣсь встрѣчаются бояре, окольничіе, стольники, дворяне, жильцы и всякихъ другихъ чиновъ служилые люди. Вся эта масса безвыѣздно живетъ въ Москвѣ, ожидая дѣлъ: не пожалуетъ ли кого государь, не велитъ ли ему приказъ вѣдать, не отправитъ ли въ посольство, не отпуститъ ли на воеводство, не ушлетъ ли въ полкъ. Только здѣсь можно было добиться всего этого. Надобно, чтобы государь видѣлъ служилаго человѣка, вспомнилъ о немъ. Вотъ почему все наличное дворянство наполняетъ собою переднюю, крыльцо и дворъ государевы. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь мѣткую характеристику царскаго двора, сдѣланную г. Соловьевымъ въ превосходномъ введеніи къ XIII тому его Исторіи Россіи (стр. 66). „Первоначальный военный дружинный характеръ окружающихъ царя остался, говоритъ г. Соловьевъ: измѣнились отношенія къ вождю ея; члены прежней вольной дружины, могшіе переѣзжать отъ одного князя къ другому, потомъ прикрѣпились къ одному великому государю самодержцу и стали его холопями. Вся эта служня обязана быть постоянно на лицо при великомъ государѣ. Съ ранняго утра собираются они ко дворцу; старики ѣдутъ въ каретахъ, зимою въ саняхъ, молодые верхомъ; не доѣзжая до двора царскаго, вдалекѣ отъ крыльца, выходятъ изъ каретъ, слѣзаютъ съ лошадей, идутъ пѣшкомъ къ крыльцу. Пойдемъ за ними во дворецъ, тамъ обнаружится различіе между ними по степенямъ знатности и приближенія къ царю. Толпа не идетъ далеко, останавливается на постельномъ крыльцѣ, и здѣсь, на обширной площади его, дожидается,

[1]) Мы видѣли выше, что дворяне, поверстанные помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ, не могли получить помѣстнаго оклада ни въ какомъ другомъ городѣ. Запрещеніе это нѣсколько измѣнено Уложеніемъ, допустившимъ мѣну помѣстій между Московскими и городовыми дворянами. Но во всякомъ случаѣ воевода не могъ быть назначенъ въ городъ, гдѣ у него была поземельная собственность. П. С. З. № 508.

не будетъ ли какого приказанія: это молодые, то-есть, менѣе знатные люди. Здѣсь видимъ стольниковъ: это дѣти отцовъ, которые въ знатныхъ чинахъ, но не изъ первостепенной знати по происхожденію; ихъ будетъ человѣкъ 500; главная служба ихъ во дворцѣ, отъ которой и получили названіе, носить кушанье къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ же отправляютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, воеводами по городамъ, въ приказы.—Вмѣстѣ со стольниками дожидаются на крыльцѣ стряпчіе; мы уже видѣли ихъ въ придворной должности при торжественныхъ царскихъ выходахъ; и стряпчихъ, которыхъ будетъ человѣкъ съ 800, посылаютъ также въ разныя посылки, менѣе значительныя; не пошлютъ стряпчаго ни въ воеводы на городъ, ни въ послахъ въ иностранное государство. Далѣе крыльца, получившіе первое мѣсто передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ Московскому княжеству; у нихъ нѣтъ придворной должности; въ военное время это начальные люди въ полкахъ, въ мирное ихъ посылаютъ и воеводами по городамъ и для производства слѣдствія и посылки, и въ приказы... Между стольниками, стряпчими и дворянами на дворцовомъ крыльцѣ дожидаются и дьяки. Взадъ и впередъ бѣгаютъ жильцы: это двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дьячихъ и подъяческихъ дѣтей, изъ котораго по сорока человѣкъ ночуетъ на царскомъ дворѣ". [1]) Всѣ эти лица жили только службою; съ точки зрѣнія государства они существовали только для службы. Пріѣхалъ посолъ, его надо почтить и удивить великолѣпіемъ, и вотъ начиная съ самыхъ границъ дворяне призываются для встрѣчи его. Польскій король, Крымскій ханъ или Турецкій султанъ готовится напасть на Россію; дѣлается общій кличъ на войну, подъ страхомъ жестокаго наказанія. На границахъ нужно устроить новыя крѣпости, засѣки; наряжается нѣсколько воеводъ для пересмотра тамошнихъ служилыхъ людей и городоваго дѣла. Ежеминутно можетъ служилый человѣкъ быть потребованъ къ какому-нибудь дѣлу, а потому безъ указа не можетъ отлучаться изъ Москвы. Иногда впрочемъ ихъ дѣлили на перемѣны, для постояннаго пребыванія въ Москвѣ. Такъ, въ 1683 г. вышелъ указъ о пребываніи на Москвѣ на службѣ раз-

[1]) О различныхъ чинахъ Москов. государства см. Древн. Русск. Вивліо. ч. XX (самое полное описаніе). Малъгина, Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебн. мѣстъ С.-Пб. 1803 г. Успенскаго, Опытъ повѣствов. о древностяхъ Рус. I стр. 297 и слѣд. (составлено на основаніи Древ. Вивліо. Миллера и друг.). Характеристика царскаго двора сдѣлана г. Соловьевымъ по Котошихину, гл. II.

ныхъ чиновъ людямъ попеременно съ росписаніемъ ихъ на 5 переменъ[1]).

Эта значительнѣйшая часть дворянства была подчинена разряду, отъ котораго зависѣло верстаніе его помѣстьями, опредѣленіе годныхъ въ службу, назначеніе ко всякому дѣлу. Завѣдывая важнѣйшею частью служилаго сословія, Московскій разрядъ имѣлъ большое значеніе для всего сословія. Вообще онъ вѣдалъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ выходили начальные люди для всѣхъ городовъ. Онъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ свѣдѣній о состояніи служилаго сословія; сюда присылались изъ помѣстнаго приказа памяти о томъ, сколько за кѣмъ помѣстной и вотчинной земли; отсюда производились назначенія на всѣ важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Но служилое сословіе не исчерпывалось Московскимъ дворянствомъ. Другіе города имѣли своихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Причины, подъ вліяніемъ которыхъ развились эти классы, были различны. Въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ дворянство издавна существовало какъ земскій классъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, въ Москвѣ, необходимо было замѣнить его своими служилыми людьми. Вотъ почему Московскіе дворяне и дѣти боярскія скоро наполнили собою Новгородскую землю въ качествѣ помѣщиковъ; то же самое въ послѣдствіи повторялось въ другихъ мѣстностяхъ, присоединяемыхъ къ Московскому государству. Но Москва не имѣла при этомъ испомѣщеніи стремленія замѣнить одно землевладѣніе другимъ; ему нужно было имѣть своихъ служилыхъ людей въ завоеванныхъ областяхъ, держать свое государство, какъ выражался Иванъ III. Этими служебными цѣлями объясняется испомѣщеніе служилаго сословія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ правительству не было даже необходимости противодѣйствовать враждебнымъ стремленіямъ туземнаго населенія; напротивъ, правительство преслѣдовало при этомъ совершенно другія цѣли: защита противъ непріятеля, обезпеченіе нашихъ границъ (украинъ), вотъ что побуждало его создавать классъ помѣстнаго дворянства. Отсюда постепенно развилась въ Московскомъ государствѣ такъ-называемая станичная и сторожевая служба, которая имѣла такое значеніе для границъ Русской земли. Съ 1571 г. начинается систематическая организація этой важной

[1]) П. С. З. № 1.023. То же самое было сдѣлано еще въ 1663 г. (П. С. З. № 100). Стольники, стряпчіе и дворяне и жильцы раздѣлены на четверти; одна четверть должна была находиться въ Москвѣ, а прочіе *отпускались* въ помѣстья и вотчины: «и велѣно имъ на государеву службу готовиться и къ службѣ велѣно имъ ждать государева указа»,

службы [1]. Но и до царя Ивана IV существовала уже длинная цѣпь укрѣпленныхъ городовъ по всей степной Украйнѣ, отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля, и эта сторожевая служба была въ вѣдѣніи разряднаго приказа, въ который доставлялись всѣ росписи станицъ и сторожъ [2]). Количество служилыхъ людей, посылаемыхъ на эту службу, постоянно росло. Первоначально мы находимъ въ украинскихъ городахъ только дѣтей боярскихъ и низшихъ служилыхъ людей. Въ послѣдствіи всѣ города получили и дворянъ различныхъ разрядовъ, какъ было въ другихъ городахъ Московскаго государства [3]). Въ послѣдствіи къ нимъ прибавились стрѣльцы, казаки, черкесы, драгуны, рейтеры, копейщики и другія лица, входившія въ составъ войска по мѣрѣ его преобразованія. Вся эта масса лицъ, кромѣ главнаго ихъ подчиненія разряду, вѣдалась еще въ различныхъ приказахъ: стрѣлецкомъ, пушкарскомъ и т. д., сосредоточенныхъ также въ Москвѣ. Но независимо отъ этого всѣ служилые люди были росписаны по разрядамъ, которые назывались по тѣмъ мѣстамъ гдѣ были расположены полки [4]). Въ послѣдній годъ царствованія Ѳедора Алексѣевича существовало 9 разрядовъ: Московскій для Москвы и ея окрестностей, Сѣверскій для Путивля, Мценска и Курска, Владимірскій для Ярославля и Костромы, Новгородскій для Новгорода и Торжка, Казанскій, Смоленскій, Рязанскій, Бѣлгородскій и Тамбовскій. Конечно, это росписаніе видоизмѣнялось, разряды увеличивались, уменьшались, переименовывались; но существо дѣла не измѣнялось и заключалось въ томъ, что вся масса дворянства была росписана сообразно потребностямъ полковой службы и что эта служба составляла единственное назначеніе этого сословія.

Московскій разрядъ занималъ первое мѣсто между всѣми учрежденіями, которымъ была поручена администрація служилаго сословія,

[1]) О сторожевой, станичной и полевой службѣ см. статью Бѣляева *во Времен.* 1846 г., стр. 10 и 11. Въ 1571 г. царь Иванъ Васильевичъ, желая дать больше порядка сторожевой и станичной службѣ, приказомъ своимъ отъ 1-го января назначилъ главнымъ ея начальникомъ знаменитѣйшаго воина своего времени, боярина Воротынскаго, придавъ ему въ помощники для освидѣтельствованія сторожъ на мѣстѣ, со стороны Крымцевъ, князя М. Тюфякина и дьяка Ржевскаго, а съ Ногайской — Юрія Булгакова.

[2]) Бѣляевъ, l. c.

[3]) См. Воронеж. акты I, стр. III; въ другихъ городахъ они встрѣчаются раньше. Не говоря уже объ уставной Двинской грамотѣ, упоминающей о боярахъ Двинскихъ, губныя грамоты упоминаютъ о мѣстныхъ дворянахъ.

[4]) Устряловъ, Исторія Петра В. I стр. 173 и слѣд.

такъ какъ 1) ему порученъ былъ надзоръ за всѣми этими установленіями и 2) онъ завѣдывалъ всею службой чрезъ Московскихъ служилыхъ людей, которые посылались начальниками во всѣ области Россіи. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы показать характеръ этого росписанія служилаго сословія по городской и полковой службѣ и взглядъ правительства на его обязанности. Желая поддержать установленный разъ навсегда порядокъ полковой службы, правительство отъ времени до времени провѣряло наличный составъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изслѣдовало, всѣ ли служатъ съ своихъ помѣстій и всѣ ли *новики*, поспѣвшіе на службу, поступили на нее и поверстаны надлежащими помѣстными окладами. Съ этою цѣлью отправлялись изъ Москвы довѣренные люди, бояре или стольники, а для верстанія при нихъ должны были состоять *окладчики*, избираемые служилыми людьми, дворянами и дѣтьми боярскими тѣхъ городовъ, гдѣ производился смотръ и верстаніе. Самый порядокъ смотра и верстанія опредѣлялся каждый разъ особымъ наказомъ, даваемымъ изъ разряда. До насъ дошло множество примѣровъ такихъ верстаній. Иногда смотръ и верстаніе производилось въ самихъ городахъ, гдѣ были расположены полки, а иногда всѣ служилые люди должны были являться на смотръ въ Москву, куда они вызывались особыми сыщиками ~~(см. П. С. З. № 102)~~. Во всякомъ случаѣ о результатахъ своихъ дѣйствій такіе бояре и окольничіе должны были доносить въ разрядъ[1]). Въ 1652 г. такимъ образомъ поверстаны почти всѣ русскіе города, съ опредѣленіемъ, сколько за кѣмъ въ каждомъ городѣ должно быть помѣстнаго оклада[2]). Въ промежуткахъ между этими смотрами, правительство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы дворяне не уклонялись отъ городской и полковой службы. Московскіе дворяне раньше добились возможности хотя часть года проводить въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Столица была наполнена служилымъ сословіемъ, приказы были наполнены; для исполненія обыкновенной службы въ царскомъ дворцѣ, въ караулахъ, достаточно было, какъ это доказываютъ законодательные памятники, четвертой или пятой

[1]) См. П. С. З. № 86. «А что которымъ новикамъ, дѣтемъ боярскимъ и новокрещеннымъ, и татарамъ, кому именемъ помѣстной и денежный окладъ учинятъ, и что за кѣмъ въ которыхъ городѣхъ *помѣстій и вотчинъ*, и что въ помѣстьяхъ и вотчинахъ крестьянъ, и каковъ кто по окладчиковъ сказкѣ, на государевѣ службѣ будетъ коненъ и оруженъ, и люденъ... и тѣ всѣ именные списки съ помѣстными оклады велѣно прислать въ разрядъ. См. также № 121.

[2]) См. № 86 стр. 278 и слѣд.

части наличнаго числа дворянства; остальные, считаясь на службѣ *de jure*, могли жить въ отпуску, въ ожиданіи похода или какой-либо посылки. Городская служба представляла совершенно другое. Правительство могло удѣлить для полковой службы и городской службы весьма небольшое количество служилыхъ людей. Въ 1672 г. въ городахъ, вѣдавшихся службою въ разрядѣ, а землями въ помѣстномъ приказѣ, было слѣдующее число дѣтей боярскихъ [1]), кромѣ солдатъ, копейщиковъ и рейтаровъ, въ Тулѣ полковой службы 445 ч., въ Епифани для городовой службы 152 ч., въ Лебедяни полк. службы 4 чел., гор. служ. 120 ч., въ Данковѣ 209 ч. гор. служ., въ Бѣлевѣ п. сл. 70 ч., въ Мценскѣ п. сл. 16 ч., гор. служ. 65 ч., въ Ельцѣ п. сл. 7 чел., гор. служ. 1100 чел., въ Курскѣ полк. службы 175 чел., гор. сл. 439 чел., въ Бѣлгородѣ полк. служ. 54 чел., гор. служ. 164 чел., станичниковъ и ѣздоковъ 228 чел., въ Старомъ Осколѣ полк. службы 1, гор. сл. 514. Мы выбрали еще самыя значительныя цифры; въ другихъ городахъ, въ особенности же состоявшихъ и службою, и землею въ вѣдомствѣ разряда, они еще скромнѣе. Съ такими-то средствами правительство того времени шагъ за шагомъ раздвигало границы нашего отечества и удерживало Татаръ и Поляковъ отъ набѣговъ! Неудивительно, если оно не позволяло служилымъ залеживаться въ деревняхъ, если вездѣ мы встрѣчаемъ требованія, чтобы дѣти боярскія служили *безъ съѣзду*. Они отпускались по домамъ только въ случаѣ тяжкой болѣзни или въ случаѣ совершеннаго разворенія ихъ помѣстья. Въ 1675 г. стольнику Хованскому, а съ нимъ подъячему Дмитріеву велѣно, произвести смотръ и верстаніе дѣтей боярскихъ, „для того, что вѣдомо государю учинилось, по смотрѣнымъ спискамъ изъ полковъ бояръ и воеводъ, что тѣхъ городовъ [2]) дворяне и дѣти боярскія въ полкахъ съ ними бываютъ по наряду не сполна; а на смотру окладчики по городамъ сказали, что изъ тѣхъ нѣтчиковъ многіе устарѣли, а иные, будучи на государевыхъ службахъ въ полкахъ, на бояхъ побиты и изранены, и отъ тѣхъ ранъ увѣчны и на государевѣ службѣ въ полкахъ быти имъ немочно. А на Москвѣ, въ разрядѣ, Великому Государю челобитья ихъ объ отставкѣ отъ полковыя службы не было. А дѣти ихъ, братья и племянники и внучата въ полковую службу поспѣли, и служить имъ мочно, а на государеву

---

[1]) См. относительно этого перепись, сдѣланную въ 1672 г. въ статьяхъ о раздачѣ земель въ заокскихъ городахъ, П. С. З. № 522.

[2]) Владиміра, Суздаля, Юрьева-Польскаго, Мурома, Нижняго, Гороховца, Арзамаса.

службу, вмѣсто себя, они ихъ въ полки къ боярамъ и воеводамъ не посылаютъ, и въ разрядъ въ полковую службу ихъ не пишутъ". Но и кромѣ этихъ невольныхъ нѣтчиковъ, которыхъ надлежало отставить отъ службы и замѣстить дѣтьми и родственниками, правительство замѣтило важныя упущенія. „Да тѣхъ же городовъ дворяне и дѣти боярскія, по наряду на государеву службу, въ полки бояръ и воеводъ на указные сроки, и послѣ сроковъ *лѣнью своею и огурствомъ* не пріѣзжаютъ, а иные, побывъ на службѣ въ полку малое время, изъ полковъ бѣгаютъ, и живутъ въ домѣхъ своихъ въ избылыхъ, а люди они *полные*, и помѣстья, и вотчины за ними *жилыя*, и дачи не малыя, и съ тѣхъ *помѣстій* и съ *вотчинъ* полковая служба служить имъ мочно *безъ съѣзду*. А непріятельскіе люди, провѣдавъ про то малолюдство, приходятъ на полки бояръ и воеводъ и подъ государевы городы войною, и разоренье чинятъ большое". Правительство не допускало необходимости личной экономической дѣятельности; оно полагало, что служилые люди достаточно обезпечены крестьянскимъ трудомъ или оброчными статьями, которыя давались имъ сверхъ пашенныхъ земель. Такъ, Хованскому было предписано строго дознать, „въ которыхъ городѣхъ сколько за кѣмъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ на лицо крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и задворныхъ и дѣловыхъ людей, и мельницъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ пожиточныхъ угодій; и за кѣмъ крестьянъ и бобылей нѣтъ, и за тѣми сколько *сверхъ ихъ пашенъ*, отдается на оброкъ пашенныхъ полевыхъ земель, и пустошей, и сѣнныхъ покосовъ, и мельницъ, и рыбныхъ ловель и иныхъ какихъ пожиточныхъ угодій порознь, и почему кто съ какого угодья емлетъ на годъ оброку, денегъ и хлѣба" [1]. Независимо отъ подобныхъ пересмотровъ, въ рукахъ правительства было много средствъ удерживать дворянъ отъ уклоненія отъ службы; наказаніе кнутомъ, убавка помѣстнаго оклада, переводъ изъ высшаго чина въ низшій, совершенное лишеніе помѣстій и вотчинъ, все это грозило неисправнымъ дворянамъ.

Во всѣхъ этихъ мѣрахъ проглядывала одна мысль, выраженная еще при первомъ появленіи помѣстій, именно, чтобы съ каждаго опредѣленнаго участка земли было отбываемо извѣстное количество службы. Это обстоятельство прямо вело къ необходимости установленія, которое бы строго слѣдило за распредѣленіемъ земель между членами служилаго сословія, „верстало бы не верстанныхъ, уравнивало бы всѣхъ зе-

[1]) П. С. З. № 615.

млемѣріемъ", заботилось бы о поддержаніи доходности помѣстій,—словомъ, вѣдало бы города и служилое сословіе *землями*, какъ разрядъ вѣдалъ ихъ *службою*. Такимъ учрежденіемъ и былъ помѣстный приказъ, первоначально называвшійся помѣстной избой[1]. Первоначально здѣсь производилось верстаніе служилыхъ по помѣстьямъ, отводъ и укрѣпленіе помѣстныхъ земель; но при постепенномъ смѣшеніи вотчинъ съ помѣстьями, онѣ также стали вѣдаться въ этомъ центральномъ учрежденіи. Всѣ акты, какъ на вотчинныя, такъ и на помѣстныя земли: купчія, духовныя, стали записываться здѣсь, и безъ такой записи не имѣли обязательной силы. Иванъ IV, запрещая отказывать вотчины богатымъ монастырямъ, „чтобы земли изъ службы не выходили", запретилъ записывать такія духовныя въ помѣстной избѣ. Во времена Уложенія всѣ акты, касающіеся помѣстій и вотчинъ, совершались здѣсь, при чемъ съ нихъ взимались печатныя пошлины[2]. Это спеціальное назначеніе приказа не устанавливало однако за нимъ исключительнаго права завѣдыванія землями Московскаго государства. Принимая во вниманіе, что земля, подобно служилому сословію, была приписана къ службѣ, легко было ожидать, что приказы, вѣдавшіе дворянство службою, получатъ участіе въ завѣдываніи его землями. Такъ дѣйствительно и было. Мы видѣли выше, что часть заокскихъ городовъ была вѣдома въ разрядѣ, а землями въ помѣстномъ приказѣ, а другая часть была подчинена разряду и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Далѣе, разрядъ не былъ единственнымъ мѣстомъ, вѣдавшимъ службу дворянъ. Рядомъ съ нимъ существовали другіе приказы, имѣвшіе между прочимъ это назначеніе, иногда на равныхъ правахъ съ разрядомъ, какъ напримѣръ, Казанскій дворецъ, а иногда подъ его верховнымъ надзоромъ. Такимъ образомъ дѣятельность разряда и помѣстнаго приказа раздѣляли: Казанскій дворецъ, приказъ

---

[1]) Древняя Россійская Вивліое. (ч. XX стр. 358) относитъ появленіе помѣстнаго приказа ко временамъ осаднаго сидѣнья. Но это вполнѣ опровергается всѣми документами. Не подлежитъ сомнѣнію, что это установленіе существовало во времена Ивана IV. См. Успенскаго I стр. 304. Неволина т. VI стр. 168. О совершеніи различныхъ актовъ на землю въ помѣстной избѣ см. XIX дополнит. указъ къ Судеб., изд. въ 1572 г.

[2]) Доп. ук. къ Судеб. № XIX. Улож. гл. XVIII ст. 15, 17—19. Котошихинъ глава VII, ст. 8: «А вѣдома въ томъ приказѣ всего Московскаго государства земля, и что кому дано помѣстья и вотчинъ, или кто у кого вотчину купитъ и кому вновь дадутъ, указъ и записныя книги въ томъ приказѣ. А доходъ въ тотъ приказъ бываетъ, пошлины съ продажныхъ вотчинъ и съ новыхъ помѣстныхъ дачь съ четвертей»...

большаго дворца, Сибирскій, Новгородскій, Малороссійскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе *начальные люди* получали порученіе верстать и вѣдать службою дворянъ и дѣтей боярскихъ. Конечно, они занимались этимъ подъ надзоромъ центральныхъ учрежденій; но эта исполнительная власть, при слабости средствъ правительственнаго надзора, имѣла нерѣдко большіе размѣры. Такова дѣятельность намѣстниковъ, а послѣ воеводъ и даже дьяковъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани и Тобольскѣ. Въ первыя времена существованія помѣстій значеніе этихъ лицъ было весьма обширно: въ XVII вѣкѣ встрѣчаются нѣкоторыя ограниченія въ пользу центральныхъ установленій.

Дѣятельность разряда и помѣстнаго приказа въ значительной степени объединила и организовала дворянское сословіе. Расписанное по статьямъ, оно представляло стройную іерархію, гдѣ каждый зналъ свое мѣсто по важности происхожденія, по разряду, службѣ и помѣстью. Но отъ такой организаціи до дворянской корпораціи, пригодной для какихъ бы то ни было цѣлей управленія, было еще далеко. Отношенія дворянъ къ правительству и между собою были служебныя, то-есть, *личныя*. Какъ членъ *сословія*, дворянинъ не имѣлъ никакого значенія; какъ членъ рода, какъ служебное лицо, онъ составлялъ самостоятельную единицу среди своихъ собратій. Его положеніе совершенно напоминаетъ положеніе прежняго дружинника среди товарищей. Подобно дружиннику, онъ не былъ связанъ никакими сословными интересами съ своими содружинниками. Ни интересы свободнаго землевладѣнія, ни прочно установившіяся отношенія къ мѣстному населенію, не соединяли разрозненныхъ членовъ дружины; ихъ не было и между дворянами Московскаго государства. Дружинникъ былъ связанъ чисто личными отношеніями съ своимъ княземъ, за которымъ онъ слѣдовалъ повсюду; онъ *добывалъ* себѣ почетное мѣсто въ дружинѣ, какъ его князь добывалъ себѣ выгодную волость. Другихъ отношеній не было и у Московскаго дворянина; онъ также добывалъ себѣ выгодное мѣсто и хорошій помѣстный окладъ. Дружинникъ постоянно заботился о томъ, чтобъ его не *заѣхали* члены младшей дружины или какіе-нибудь пріѣзжіе мужи изъ другихъ волостей; боярину и дворянину московскаго періода угрожала другая опасность: его могли обойдти лица, стоявшія ниже его въ службѣ, а главное, въ родовой лѣстницѣ. Сохранить за собою и родомъ своимъ старинное мѣсто по разрядному списку было главнымъ его стремленіемъ, и съ этой точки зрѣнія всѣ другіе члены дворянства представлялись ему естественными соперниками и врагами. Никакой прочной лиги, кор-

порацiи, не могло составиться между лицами одинаково несвободными, соединенными только обязанностями, но не имѣющими никакихъ общихъ правъ. Индивидуализмъ въ самой грубой формѣ, подкрѣпляемый понятiями о родовой чести, устранялъ возможность какой бы то ни было корпоративной связи, полезной для общественныхъ и государственныхъ цѣлей. Оторванное отъ всякой связи съ обществомъ, установленной на постоянныхъ и прочныхъ экономическихъ отношенiяхъ, привыкшее въ теченiе долголѣтней практики мѣнять одного князя на другаго, ставить на первомъ планѣ интересы личности и рода, дворянство не могло имѣть никакихъ истинно земскихъ стремленiй. Въ перiодъ смутнаго времени оно также легко ополячилось, какъ при Петрѣ I онѣмечилось, а послѣ офранцузилось. Опытъ вскорѣ доказалъ, что только свободное землевладѣнiе въ соединенiи съ настоящими мѣстными учрежденiями можетъ возвратить народу его дворянство. Духъ перехода, броженiя, столь сильный въ дружинникахъ, не вымеръ въ Московскомъ дворянствѣ, а только принялъ другiя формы. Дружинникъ, связанный съ личностью князя, бродилъ съ нимъ изъ области въ область, и послѣднею цѣлью его стремленiй было кончить свою жизнь при старшемъ столѣ Русской земли, на службѣ у своего князя, сдѣлавшагося названнымъ отцомъ княжескаго рода. Съ прекращенiемъ *лѣствичнаго восхожденiя*, съ установленiемъ осѣдлости княжескихъ родовъ, то же самое чувство побуждало служилыхъ людей стремиться на службу въ сильнѣйшее княжество — въ Москву. Но и здѣсь, даже съ установленiемъ единовластiя, съ испомѣщенiемъ служилаго сословiя, не исчезъ прежнiй характеръ служилаго сословiя: дружинникъ не умеръ въ дворянинѣ. Подобно дружиннику, дворянинъ не имѣлъ органической связи съ мѣстностiю, въ которой онъ служилъ; первый старался переходить изъ младшей волости въ старшую и кончить службу въ Кiевѣ вмѣстѣ съ своимъ княземъ; второй изъ разрядовъ низшаго дворянства, городоваго, старался попасть въ Московскiй списокъ, и кончить свою службу въ Москвѣ, гдѣ только и можно было добиться какихъ-нибудь выгодныхъ должностей. При такомъ общемъ характерѣ служилаго сословiя въ удѣльной и единодержавной Россiи, между дружинниками и Московскими дворянами существовало только одно различiе: личныя отношенiя первыхъ были основаны на свободномъ договорѣ, личность вторыхъ была связана съ правительствомъ несвободными, такъ-сказать, крѣпостными отношенiями. Дружинники чуждались волости, потому что имъ былъ открытъ свободный доступъ во всѣ области Русской земли; Московскiе дворяне —

3ho

потому что вслѣдствіе условій обязательной для нихъ службы, они тяготѣли къ Москвѣ и смотрѣли на пребываніе въ области только какъ на низшую ступень своихъ служебныхъ успѣховъ.

Но броженіе и отчужденіе отъ области, бывшее результатомъ закрѣпленія, не могло быть такъ безпредѣльно, какъ тѣ же стремленія, основанныя на началахъ свободнаго перехода. Броженіе дружинниковъ могло быть прекращено только кровавыми мѣрами Грознаго и полнымъ закрѣпленіемъ дворянства. Отчужденіе дворянства отъ мѣстныхъ интересовъ въ видахъ его исключительно служебной дѣятельности, основанное на закрѣпленіи, должно было найдти себѣ предѣлъ въ видоизмѣненіи экономическаго положенія служилаго класса. Помѣстье, главное средство подчиненія всѣхъ интересовъ дворянства и его дѣятельности видамъ правительства, сдѣлалось въ послѣдствіи пунктомъ, на которомъ должна была произойдти рѣшительная борьба между централизаціей и закрѣпленіемъ служилаго класса и его свободою и децентрализаціей. Рано или поздно мѣстность должна была получить дворянство, соединенное съ нею прочными экономическими отношеніями; дворянство это должно было явиться въ область въ формѣ свободной корпораціи. Первоначальная свобода, которую мы видѣли въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, не дала области класса мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Каждая волость имѣла, правда, своихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, но они находились здѣсь вслѣдствіе присутствія княжескаго рода, отъ котораго отъѣзжали при малѣйшихъ признакахъ неудовольствія. Существованіе боярства въ области обусловливалось личностію князя, владѣвшаго волостію. Съ установленіемъ единодержавія, когда уничтожилась эта послѣдняя связь, удерживавшая дворянство въ области, оно все цѣликомъ было притянуто Москвою, какъ единственнымъ центромъ служебной дѣятельности. Отсюда воспитанное въ суровой школѣ государственныхъ началъ, проникнутое идеею государственнаго единства и блага, оно должно было возвратиться въ область, вооруженное корпоративными правами и внося сюда элементы не дикой дружинной, а государственной свободы!

Но эти результаты были дѣломъ отдаленнаго будущаго. Московскій періодъ не признавалъ легальнаго существованія мѣстнаго дворянства. Безграничная свобода дружинниковъ не установила самобытнаго существованія областей; закрѣпленіе дворянства по необходимости должно было держаться сильнѣйшею централизаціей. Кромѣ службы дворянинъ не имѣлъ никакихъ законныхъ интересовъ въ мѣстности. Немногія должности были открыты для него въ области, и почти всѣ онѣ имѣли

правительственный характеръ. Московскій періодъ въ этомъ отношеніи представляетъ рѣзкія особенности сравнительно съ удѣльно-вѣчевой эпохой. Князья кіевскаго періода не могли управлять областію чрезъ посредство однихъ своихъ дружинниковъ; нѣкоторая, а въ другихъ мѣстахъ значительная самостоятельность вѣча, сравнительная немногочисленность дружинниковъ, заставляла ихъ прибѣгать къ содѣйствію мѣстнаго общества и придавала большое значеніе земскимъ должностямъ, какъ напримѣръ, тысяцкому, посаднику и другимъ. Московскіе князья, а послѣ цари, располагали большимъ числомъ служилыхъ людей и подавили вездѣ вѣчевые порядки. Это дало имъ возможность и поставило ихъ въ необходимость управлять исключительно чрезъ своихъ людей. Московскіе люди вездѣ заняли первое мѣсто, другіе могли получить значеніе только на московской службѣ, — централизація сложилась.

Немногія должности имѣли мѣстный характеръ, и замѣщались по выбору; такова, напримѣръ, должность губнаго старосты. Но эта должность не имѣла значенія для сословнаго самоуправленія. Смыслъ ея глубоко связанъ съ общиннымъ самоуправленіемъ; губные старосты появились, потому что грозный царь положилъ на крестьянскія души губное дѣло и далъ имъ служилыхъ людей для занятія этихъ должностей. Эдуардъ Англійскій положилъ судебно-полицейское дѣло *на души* мѣстнаго джентри; у насъ дворяне были прикрѣплены къ общинному дѣлу. Вотъ почему вопросъ о губныхъ старостахъ необходимо разсмотрѣть въ связи съ вопросомъ о крестьянствѣ. По отношенію къ дворянству должность эта ничего не прибавила къ его мѣстному значенію [1]).

Въ теченіе всего XVII столѣтія законодательство не знало дворянства, какъ мѣстной корпораціи. Много важныхъ послѣдствій имѣлъ этотъ взглядъ. Благодаря ему, правительство пользовалось услугами дворянства только въ центральной и полковой службѣ; дворянинъ, не находящійся на такой службѣ, былъ безполезнымъ для него членомъ сословія. Внѣ этой службы, какъ мы видѣли, онъ могъ находиться или по болѣзни, или по случаю отпуска, даннаго для поправленія домашнихъ дѣлъ, то-есть, когда правительство или не могло,

[1]) Изъ Уложенія можно видѣть, что правительство и не смотрѣло на должность губнаго старосты какъ *на службу*. Оно предписываетъ быть въ губныхъ старостахъ дворянамъ добрымъ и прожиточнымъ, которые за старость или за раны отъ службы отставлены или за которыхъ служатъ дѣти ихъ и племянники. (гл. XXI, ст. 4).

или не имѣло надобности пользоваться его услугами. Слѣдовательно при всякомъ, болѣе или менѣе значительномъ накопленіи служилаго сословія въ мѣстности, правительство лишалось массы полезныхъ силъ, для возвращенія которой оно знало только одно средство — грозныя карательныя мѣры. Но воспользоваться его услугами въ мѣстности, независимо отъ полковой службы, оно не хотѣло или не могло. Странное движеніе въ дворянствѣ и законодательствѣ замѣчается въ XVII вѣкѣ. Естественное тяготѣніе дворянства къ Москвѣ изслѣдовано нами выше. Но рядомъ съ этимъ тяготѣніемъ замѣчается другое движеніе отъ центра къ окраинамъ, къ области. Оно не имѣетъ юридическаго значенія; дворянство наполняетъ области „*огурствомъ*, не хотя государевой службы служити", но все таки наполняетъ. „Если къ Москвѣ, сказалъ я въ другомъ мѣстѣ, тянули служилаго человѣка честь и временемъ освященныя понятія, къ области манили его новые, подъ вліяніемъ Москвы сложившіеся интересы". Установленіе помѣстій выразилось не только въ закрѣпленіи служилаго сословія на службу; подъ ихъ вліяніемъ должны были развиться новые экономическіе интересы, подготовлявшіе переворотъ въ исторіи русской администраціи. „Слабы еще были интересы, связывавшіе дворянство съ его землями. Хозяйствомъ заниматься не весело и трудно. Только-что закрѣпленные крестьяне бѣгутъ, хозяйственные пріемы просты, можно хозяйничать и заглазно. Притомъ для деревенской жизни надо оставить Москву, быть не у дѣлъ, а это большая обида служащему: родъ можетъ захудать и самъ потеряетъ почетъ; но постепенно помѣстья и вотчины пріобрѣтаютъ для него бо́льшую прелесть. Кому не повезло по службѣ чей родъ захудалъ, кто не хочетъ служить въ военной службѣ, бѣжитъ въ деревню. Тамъ убаюкивается онъ покоемъ, тамъ появляются у него новые интересы, и неохотно отрывается онъ на царскую службу, которая большею частью является для него въ формѣ службы военной, то-есть, наиболѣе сопряженной съ опасностями и издержками, вещами далеко не привлекательными для хозяина и мирнаго гражданина, какимъ сталъ служилый человѣкъ подъ вліяніемъ деревенскаго воздуха" [1]). Уклоненіе дворянства отъ службы скоро становится общимъ фактомъ. Къ концу XVII вѣка оно принимаетъ громадные размѣры. Даже грозное царствованіе Петра не могло удержать начавшагося движенія. „Се бо колико послано указовъ во всѣ городы о не доросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ, говоритъ Посошковъ [2])

---

[1]) См. мое изслѣдованіе: «Высшая администрація XVIII вѣка», стр. 11—12.
[2]) Сочиненія Посошкова I. стр. 89.

И аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того не скоро высылають, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи и указовъ царскаго величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, и на службѣ одною ногою не бывали".

Законодательство ничего не противопоставляетъ этому движенію кромѣ строгихъ карательныхъ мѣръ: кнутъ, убавка помѣстнаго оклада, отобраніе помѣстій и вотчинъ, смертная казнь, вотъ все, чѣмъ оно отвѣчаетъ на новое общественное явленіе. Государство, выросшее до значенія верховнаго руководителя общества, заботливо слѣдитъ за всякимъ движеніемъ народной жизни, за накопленіемъ новыхъ силъ, и спѣшитъ дать этому движенію правильный исходъ, этимъ силамъ организацію. Только при этомъ условіи у него не будетъ силъ втунѣ лежащихъ или даже враждебныхъ государству. Въ силу самой простой логики фактъ образованія класса мѣстныхъ землевладѣльцевъ требовалъ введенія мѣстныхъ учрежденій; здѣсь эти новыя силы могли получить законный исходъ, при такой организаціи у правительства не было бы праздныхъ или даже враждебныхъ ему силъ. Но это логика нашего времени, и то не всѣми усвоенная; Московское же государство думало отдѣлаться отъ этого новаго явленія, которое пока имѣло для него значеніе простаго *огурства,* кнутомъ и штрафами. Много нужно было времени, пока эти силы были вовлечены въ истинно-государственную жизнь учрежденіемъ о губерніяхъ и пока онѣ стали обѣщать болѣе роскошный расцвѣтъ *въ земскихъ учрежденіяхъ,* установленныхъ въ нынѣшнее благополучное царствованіе.

ГЛАВА II.

Мы видѣли, что дворянство не могло получить у насъ значенія въ мѣстномъ управленіи. Вмѣстѣ съ нимъ личное землевладѣніе не могло получить никакого значенія въ самоуправленіи. Единственными мѣстными классами можно назвать крестьянское и городское сословія. Они издавна выработали учрежденіе, которое могло служить органомъ мѣстнаго самоуправленія — общину. Долгое время община служила цѣлямъ выработавшихъ ее классовъ; наконецъ, правительство должно было воспользоваться ею для своихъ задачъ.

Изслѣдуя вопросъ объ общинѣ въ связи со всѣмъ бытомъ крестьянства древней Россіи, то-есть, въ связи съ его гражданскими и политическими правами, равно какъ и съ экономическими условіями его жизни, нельзя не придти къ заключенію, что она была не произведеніемъ государственный власти, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, а единственнымъ и необходимымъ организмомъ, на которомъ могло быть основано самоуправленіе въ древней Россіи. Самоуправленіе не могло получить у насъ той формы, какую оно имѣло въ феодальной Европѣ. И въ Россіи, и въ Европѣ общинный бытъ возникъ вслѣдствіе опредѣленныхъ отношеній народонаселенія къ землѣ. Но въ Европѣ эти поземельныя отношенія устанавливались и поддерживались властью землевладѣльцевъ. Каждый феодалъ требовалъ, чтобы всѣ лица, жившія на принадлежавшемъ ему участкѣ земли, тянули къ нему судомъ и данью. Въ Россіи эта формула не могла имѣть такого значенія. Въ Россіи также всѣ тянули данью и судомъ по землѣ и по водѣ. Но къ кому, къ правительству или къ частнымъ лицамъ? На феодальномъ языкѣ выраженіе это означало бы подчиненіе всѣхъ сословій владѣльцу, на землѣ котораго они жили; въ Россіи оно означало подчиненіе всѣхъ

государственной власти, обязанность являться на судъ къ правительственному лицу, жившему въ одномъ изъ административныхъ центровъ. Къ этому центру тянули разныя села и волости. Отъ этой обязанности не избавлялись и дружинники въ качествѣ землевладѣльцевъ; они также, какъ мы видѣли выше, тянули судомъ и данью по землѣ и водѣ. Поземельныя отношенія не устанавливали пока рабства и крѣпостнаго состоянія. Отношенія къ землѣ были вольныя. Рабство и крѣпость имѣли своимъ источникомъ личныя отношенія, вытекали изъ обязательствъ, устанавливавшихся отъ лица къ лицу непосредственно. Этимъ объясняется тотъ странный, повидимому, фактъ, что господство человѣка надъ человѣкомъ по началамъ частнаго права не видоизмѣнило юридическаго быта древней Россіи. Не смотря на то, что рабство имѣло много источниковъ, оно не захватило всего русскаго общества, и закрѣпленіе крестьянъ ожидало государева указа, изданнаго въ виду государственныхъ, а не частныхъ цѣлей. Законодательство до XVIII стол. различаетъ холоповъ отъ крестьянъ. Смѣшеніе этихъ классовъ послѣдовало также вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, именно, вслѣдствіе народной переписи 1719 года. Слѣдовательно, начала частнаго права не имѣли такого вліянія на развитіе нашего государственкаго быта, какъ это полагаетъ г. Чичеринъ [1]). „Личность и вытекающее изъ нея частное право, говоритъ онъ, служили кореннымъ началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частнаго подданства..... всякое обязательство вело къ укрѣпленію, что вытекало изъ коренныхъ условій нашего быта.... Самымъ яркимъ выраженіемъ этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею средою, было то, что нѣкоторыя зависимыя должности сами собою дѣлали человѣка рабомъ". Дѣйствительно, многія обязательства служили поводомъ къ закрѣпленію. Но какія? Очевидно, *личныя обязательства,* которыя могли перейдти въ домашнее, но никакъ не въ поземельное рабство. Феодалъ въ Западной Европѣ говорилъ, что право, принадлежащее ему надъ его вассалами, вытекаетъ изъ его землевладѣльческихъ правъ. Никто не могъ сказать этого въ Россіи.

Это имѣло важное значеніе для нашего государственнаго быта. Личная власть и личныя отношенія не могли захватить въ крѣпость такого громаднаго количества людей, какъ крѣпостное право, осно-

---

[1]) Опыты по исторіи русскаго права, стр. 163—165.

ванное на поземельныхъ отношеніяхъ. Существованіе свободнаго крестьянства могло у насъ держаться рядомъ съ сильнѣйшимъ холопствомъ. Личныя обязательства могли повести къ ограниченію свободы лица; по землѣ всѣ подчинялись только государству и потому считались свободными членами русскаго общества.

На этомъ основаніи важнѣйшій фактъ, устанавливавшій непосредственное тяготѣніе всѣхъ членовъ крестьянства къ государству, было общинное землевладѣніе. Люди, имѣвшіе прочныя отношенія къ землѣ, или лучше сказать, люди, отношенія которыхъ опредѣлялись чрезъ землю, были избавлены отъ случайностей чисто личныхъ отношеній, такъ много способствовавшихъ развитію рабства въ Россіи [1]). Эти поземельныя отношенія русскаго крестьянства, равно какъ и значеніе поземельной общины, лучше всего могутъ быть изслѣдованы на главномъ въ древней Россіи представителѣ общиннаго быта — общинѣ черной. Черные люди, до образованія помѣстнаго владѣнія, были почти единственнымъ классомъ общества, имѣвшимъ прочныя отношенія къ землѣ, на которой они сидѣли. Земля являлась главнымъ основаніемъ ихъ отношеній къ обществу и государству. Государство довольствуется повинностями, отбываемыми ими съ земли, и не касается ихъ личности.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ черные люди не дѣлятся подобно людямъ купленнымъ или находящимся въ личномъ услуженіи князей. Они считаются принадлежностью общею, земли ихъ не могутъ переходить въ частную собственность. „А численныхъ людей блюсти ны съ одного, а земль ихъ не купити.... а черные люди къ становщику, тыхъ въ службу не пріимати, а блюсти ны ихъ съ одного, а земль ихъ не купити“ — вотъ постановленіе, встрѣчающееся въ договорныхъ грамотахъ.

Но каковы были отношенія крестьянъ по землѣ, на которую они не могли сѣсть иначе какъ по договору съ ея владѣльцемъ? Здѣсь необходимо должно было произойдти столкновеніе между началами личнаго договора, который часто велъ къ закрѣпленію и ограниченію гражданской свободы, съ правами крестьянъ, какъ членовъ русскаго общества. На черныхъ земляхъ правительство не сносилось непосред-

[1]) Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 34: «Безъ земли можно было быть княжимъ бояриномъ, слугою княжимъ и боярскимъ, монахомъ, священникомъ, батракомъ, наемнымъ работникомъ.... но чтобы быть членомъ городской и сельской общины, для этого непремѣнно должно было имѣть какую-либо долю городской или сельской земли».

ственно съ каждымъ крестьяниномъ. Оно дѣйствовало чрезъ общину и ея выборное начальство. Община, слѣдовательно, заслоняла отдѣльное лицо отъ государственной власти, обезпечивала его свободу и устраняла пока возможность закрѣпленія. Пока сама община не сдѣлалась исключительно тяглою, она достаточно ограждала свободу своихъ членовъ. То ли было на владѣльческихъ земляхъ? Не должно ли было личное землевладѣніе поколебать начала крестьянской свободы? Мы видѣли выше, что личное землевладѣніе не имѣло большаго вліянія на бытъ самихъ дружинниковъ до развитія помѣстной системы. Количество боярскихъ селъ было слишкомъ невелико, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить положеніе крестьянскаго сословія. Черная община продолжала оставаться первенствующимъ типомъ крестьянской общины вообще. Къ нему приравнивались всѣ другія формы общины. Затѣмъ на всѣхъ владѣльческихъ земляхъ, какъ монастырскихъ, такъ и дружинныхъ, крестьянинъ сохранялъ свою свободу. Онъ не сталкивался ни съ однимъ правомъ землевладѣльца на личность людей, сидѣвшихъ у него на землѣ. Жалованныя грамоты давали монастырямъ и другимъ землевладѣльцамъ право суда надъ крестьянами. Но этотъ судъ не вытекалъ изъ правъ землевладѣльца на крестьянъ, какъ на часть его земли. Много встрѣчается жалованныхъ грамотъ, гдѣ судъ не давался монастырю. Въ 1453 году В. К. Василій Васильевичъ пожаловалъ Троицко-Сергіеву монастырю села, съ хлѣбомъ, животиною и со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ тѣхъ селахъ есть кромѣ суда, ибо судъ его, великаго князя. Въ другой жалованной грамотѣ мы находимъ извѣстіе, что въ Радонежскихъ селахъ и волостяхъ Троицкаго монастыря долгое время былъ княжескій волостель, который и судилъ монастырскихъ крестьянъ. Еще чаще попадаются такіе примѣры въ частныхъ имѣніяхъ. Многія села, принадлежавшія землевладѣльцамъ, не имѣли своего особаго суда, пока не перешли къ монастырю [1]). Но этотъ судъ былъ льготой и для землевладѣльца, и для крестьянина, и не уничтожалъ возможности личнаго княжескаго суда. Итакъ, свобода крестьянина охранялась, вопервыхъ, государствомъ. Но затѣмъ нельзя не признать важнаго значенія въ этомъ дѣлѣ общины. Вступая въ личныя отношенія съ землевладѣльцемъ, крестьянинъ не переставалъ быть членомъ общины, черезъ которую производились почти всѣ сношенія крестьянина, какъ съ правительствомъ, такъ и съ землевладѣльцемъ.

---

[1]) А. И. I, № 54, 55, 58, 70, 74 и мн. др.

Какъ членъ этой общины, онъ сохранялъ связь съ государствомъ; онъ участвовалъ въ платежѣ государственныхъ податей, отбывалъ повинности, тянулъ во всѣ разрубы и разметы, на ряду съ черными крестьянами [1]). Благодаря этому обстоятельству правительство прямо было заинтересовано тѣмъ, чтобы крестьянинъ сохранялъ свою свободу, ибо лишеніе этой свободы лишало казну плательщика. Холопъ не платилъ податей и не несъ повинностей; крестьянинъ несъ ихъ всѣ, за тѣмъ рѣдкимъ исключеніемъ, когда земля владѣльческая на всегда или на срокъ освобождалась отъ повинностей и подсудности намѣстнику или волостелю.

Всякая земля несла подати, тянула судомъ и данью, боярская, какъ и всякая другая; только въ послѣдствіи, съ образованіемъ обязанности военной службы, снимались съ земель служилаго сословія всѣ или часть податей, замѣнявшіяся обязанностію службы (бѣлыя земли). Подати эти отбывались по-сошно, какъ съ черныхъ, такъ и со всѣхъ другихъ сохъ, съ тою только разницею, что черныя сохи были меньше другихъ, а потому подати съ нихъ были тяжелѣе [2]). Распредѣленіе всѣхъ земель на сохи прямо устанавливало отношеніе всѣхъ крестьянъ къ правительству, которое за то предохраняло ихъ отъ закрѣпощенія по частному праву. Крестьяне боярскихъ и митрополичьихъ сохъ несли одинаковыя повинности съ черными; они дѣлали городъ, ставили дворъ волостеля, тянули во всѣ разметы къ старостѣ волостному, къ сотскому и къ прочему выборному и невыборному волостному начальству [3]). Въ этомъ отношеніи не рѣдко составляли одну волость съ черными крестьянами. Бѣляевъ (см. его соч. стр. 44) приводитъ одну жалованную грамоту (не изданную), которая освобождаетъ лю-

[1]) Такъ, уставная Бѣлозерская грамота (1488 г.) разлагаетъ намѣстничій кормъ на всѣхъ людей Бѣлозерцевъ горожанъ и становыхъ и волостныхъ: «На Рождество Христово намѣстникамъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ *грамотниковъ*, и со всѣхъ безъ отмѣнки за полоть мяса съ сохи два алтына» и т. д. см. А. А. Э. I, № 123.

[2]) Это лучше всего видно, напримѣръ, изъ слѣдующей жалованной грамоты вел. кн. Вас. Вас. (1460 г.). Крестьяне половины села Порѣцкаго, принадлежавшаго митроп. Іонѣ, по случаю пожара были освобождены отъ повинностей на 3 года: «Не надобѣ имъ — ни ямъ, ни подводы, ни къ *сотскимъ*, ни *къ десятскимъ*, ни къ дворскимъ Володимірскимъ ни въ какіе проторы, ни въ разметы... а отсидитъ свой урокъ три годы, и они потянутъ въ мою дань съ *своею братьею* съ митрополичьими сельчаны по силѣ» (то-есть, по положенію) А. А. Э. Т. I, № 63. А. И. I, № 28 (на 10 лѣтъ) № 36 (на 2 года) № 36 (на 20 лѣтъ).

[3]) А. А. Э. I, № 52, 53, 69. А. И. I, № 15, 49.

дей, живущихъ на землѣ одного владѣльца (Ворыпаева) отъ обязанности тянуть съ тяглыми людьми къ сотскому и десятскому [1]). То же самое, хотя не прямо, говорятъ всѣ жалованныя грамоты. Вообще самый фактъ жалованныхъ грамотъ указываетъ на установленіе привилегій въ пользу однихъ лицъ, которыхъ не имѣли другія. Если жалованная грамота освобождала крестьянъ, живущихъ на владѣльческой землѣ, отъ „проторей и разметовъ", то это для всякаго не предубѣжденнаго ума доказываетъ, что крестьяне, жившіе на землѣ владѣльца, не имѣвшаго жалованной грамоты, не избавлялись отъ этой обязанности.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія личныхъ правъ, крестьянство издавна составляло одно цѣлое. Во весь кіевскій періодъ, у насъ не образовалось ничего похожаго на крѣпостное право, то-есть, ни одинъ владѣлецъ изъ своихъ землевладѣльческихъ правъ не выводилъ никакой власти на лицъ, жившихъ на его землѣ. Тѣмъ менѣе могло развиться крѣпостное право изъ понятій частной собственности въ эпоху реформъ Ивана IV. Причина этого заключается въ томъ, что самыя понятія частной собственности поколебались въ это время, какъ это доказало предыдущее изложеніе. Для каждаго, смѣемъ думать, будетъ понятно положеніе, что землевладѣльцы не могли имѣть большихъ правъ на крестьянъ чѣмъ на землю; если образованіе помѣстнаго владѣнія, закрѣпленіе служилаго сословія способствовало утвержденію началъ условной собственности на землю, то какъ можно предполагать, что владѣльцы получатъ право полной собственности на лицъ, сидѣвшихъ на землѣ, составлявшей не полную собственность помѣщиковъ? Дѣйствительно, Судебникъ не только не сократилъ, но даже расширилъ, то-есть, далъ больше юридической опредѣленности личной свободѣ крестьянъ, какъ членовъ русскаго общества. Сносясь съ крестьянами чрезъ общину, имѣя дѣло больше съ землею чѣмъ

---

[1]) Также въ 1421 г. князь Вас. Дмит. освободилъ митрополиту Фотію деревню Яковлевскую волостную: «А что доселѣ та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ Тальшѣ, и нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ митрополиту, *опричь дани моей и яму* къ волости ей не тянути ничѣмъ. А. А. Э. I, № 20. Въ 1537 г. царь Иванъ Вас. освободилъ отъ пошлинъ и суда крестьянъ, жившихъ при Стародубскихъ и Киржацкихъ соляныхъ варницахъ, принадлежавшихъ Троицко-Сергіеву монастырю. Чрезъ 7 лѣтъ онъ подтвердилъ или переписалъ эту грамоту, но съ слѣдующими ограниченіями: «*опричь ямскихъ денегъ и посошныя службы, и тамги*, то ихъ дворнику давати. А кто у нихъ кромѣ дворника учнетъ жити, тѣмъ людямъ всякія подати давати *съ черными людьми ровно*. А. А. Э. I, № 15.

съ крестьянами, правительство не имѣло нужды пока касаться личной свободы крестьянъ, а тѣмъ менѣе желало оно закрѣпощать ихъ въ пользу частнаго владѣнія, которое оно само же расшатало. Ему гораздо выгоднѣе было сноситься съ крестьянствомъ, съ міромъ и его выборными непосредственно, чѣмъ чрезъ стѣну боярства и дворянства, которое во многихъ отношеніяхъ являлось помѣхою для его преобразованій. Этимъ объясняется странное, повидимому, противорѣчіе древней русской жизни—совмѣщеніе полнаго закрѣпленія высшихъ классовъ и сравнительно бо́льшая свобода крестьянства. Причина этого заключается, сколько мнѣ кажется, въ томъ, что *личныя* отношенія и обязательства, соединявшія старую дружину съ княземъ, должны были кончиться полнымъ ея холопствомъ, а крестьяне, постоянно сносившіеся съ нимъ чрезъ *землю и при посредствѣ общины, сохранили свою свободу дольше его*. Въ то время, когда уже знатнѣйшіе дружинники были холопами царя, правительство противилось закрѣпощенію крестьянъ и распространенію частнаго холопства. Право отъѣзда дружины утратилось, право крестьянскаго перехода подтверждается судебниками. Мало того: судебники не только подтверждаютъ право крестьянскаго выхода, но всѣми мѣрами обезпечиваютъ за крестьянами возможность его. Господинъ не могъ удержать его на землѣ своей долѣе положеннаго срока, подъ предлогомъ какихъ-нибудь обязательствъ кромѣ поземельныхъ, то-есть, пожилаго и повоза [1]). Ограждая его личную свободу, Судебникъ заботится и о его собственности; причина этой заботливости заключается отчасти въ томъ, что крестьянинъ наравнѣ со всѣми другими отбывалъ и государственныя повинности. Если у крестьянина при переходѣ оставался хлѣбъ, стоячій или молоченый, онъ платилъ за него владѣльцу два алтына и вносилъ подати въ казну съ того пространства земли, на которомъ была посѣяна рожь. Затѣмъ онъ могъ идти куда угодно: „а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати", прибавляетъ Судебникъ. Закрѣпощеніе такого свободнаго крестьянина помѣщику требовало совершенно особаго акта. Судебникъ весьма картинно изображаетъ эту сдѣлку. „А который крестьянинъ съ пашни (то-есть, съ своего участка) продасться кому въ полную, въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно-жь и пожилаго съ него нѣтъ".

Такимъ образомъ крестьянинъ, продаваясь въ холопство, сходилъ

[1]) См. Утина и Лазаревскаго Суд. 1497 г., стр. 183 и слѣд. Царск. Суд: ст. 88 исчисляетъ колич. пожилаго, ст. 88 прибавляетъ: «а опричь того на немъ (крестьянинѣ) пошлинъ нѣтъ».

съ своего участка, переставалъ быть членомъ общины. Для такого *перехода* онъ также долженъ былъ покончить свои разчеты. Законъ, правда, избавлялъ его отъ всѣхъ счетовъ съ землевладѣльцемъ („и пожилаго съ него нѣтъ“), но обязываетъ его внести подати царскія; иначе онъ лишался своего хлѣба. Какъ вообще Судебникъ смотрѣлъ на закабаленіе людей, видно изъ слѣдующихъ его постановленій. Въ ст. 76 онъ подтверждаетъ почти всѣ прежнія правила о вступленіи въ холопство. Вольный человѣкъ могъ сдѣлаться холопомъ по полной грамотѣ, по ключу по сельскому, по рожденію отъ родителей, находящихся въ холопствѣ и. т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ преграду тому распространенію холопства, которое видѣла древняя Россія. Желавшій поступить въ холопство по сельскому ключу, могъ сдѣлать это только съ доклада; иначе онъ не могъ быть холопомъ; то же самое было постановлено относительно тіунства [1]): обязанность доклада поставила всѣ эти сдѣлки подъ контроль центральнаго правительства. На поступленіе въ холопство требовалось свободное согласіе; родители не могли продать сына въ холопство, если они сами находились въ холопствѣ. Холопъ, взятый въ плѣнъ врагами, получалъ свободу (ст. 80). Вмѣстѣ съ тѣмъ Судебникъ рѣшительно отмѣняетъ старый обычай, который былъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ рабства въ прежнее время. Во времена господства Русской Правды, заемъ часто велъ къ укрѣпленію человѣка, такъ какъ должникъ обезпечичивалъ долгъ своею свободой, поступалъ на службу къ кредитору и служилъ у него „до искупа“. Судебникъ отмѣняетъ этотъ вредный обычай съ помощію весьма энергическихъ правилъ (ст. 82). Кто занималъ деньги, не долженъ былъ жить у заимодавца и служить ему: „а жити имъ о себѣ, а на деньги ростъ давати“. Если кто удерживалъ у себя должника, послѣдній могъ отъ него бѣжать, и получалъ свободу даже въ томъ случаѣ, если обкрадывалъ своего хозяина, который лишался даже денегъ, данныхъ въ ростъ [2]). Далѣе Судебникъ,

---

[1]) «А по тіунству безъ полныя и безъ докладныя не холопъ; и по сельскому ключу безъ докладныя не холопъ».

[2]) «А кто дастъ денегъ въ заемъ въ ростъ, да того человѣка станетъ держать у себя, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ накрадчи, и что снесётъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ». Еще нагляднѣе развито это стремленіе правительства въ одномъ указѣ 1556 г. Многіе владѣльцы, не желая отпускать отъ себя людей, послѣ ихъ *отказу* предъявляли на нихъ разные иски, преимущественно о такъ-называемомъ сносѣ. Вслѣдствіе этого царь приказалъ, что «которые люди учнутъ жить у кого добровольно, безъ крѣпостей, а пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они слу-

опредѣляя штрафъ за безчестье всѣмъ членамъ русскаго общества, перечисляетъ и крестьянъ (ст. 26). „А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а женѣ его вдвое“. Крестьяне владѣльческіе рѣзко отличались отъ холоповъ. Въ судныхъ дѣлахъ XVI вѣка находятся многочисленныя указанія на это. Въ 1555 году была прислана въ Новгородъ грамота, гдѣ говорится, что „Михалко, да Гриша Шубины дѣти Ростиславскаго били челомъ на Скобельцыныхъ, да ихъ *людей* (такихъ-то) и на ихъ *крестьянъ*“.

Во времена этой свободы народонаселенія черная община была общимъ правиломъ, владѣльческая исключеніемъ. Мы видѣли, какъ ничтожна была собственность бояръ и слугъ въ удѣльный періодъ и какъ даже такія невыгодныя формы владѣнія какъ помѣстье могли послужить могущественнымъ орудіемъ для закрѣпленія служилаго сословія. Незначительно было дворянское землевладѣніе, не велико было число и владѣльческихъ общинъ, такъ что черныя волости въ большинствѣ случаевъ продолжали составлять центръ крестьянской общественной жизни, къ нимъ тянули судомъ, данью или по крайней мѣрѣ пошлинами и повинностями всѣ другія села и починки. Монастырскія привилегіи одни нѣсколько видоизмѣняли эти отношенія; затѣмъ самыя владѣльческія общины, составляя даже особую единицу отъ черныхъ, не могли существенно отличаться отъ послѣднихъ. Онѣ составлялись изъ того же свободнаго крестьянства, и отношенія ихъ на владѣльческой землѣ должны были быть еще свободнѣе, ибо крестьянство искало на нихъ *льготы* и оставалось на нихъ, пока ему было выгодно. Съ закрѣпленіемъ сословій отношеніе это должно было измѣниться. Помѣстье расширило предѣлы частнаго владѣнія; тяглый характеръ крестьянства видоизмѣнилъ первоначальныя свободныя отношенія. По мѣрѣ того какъ община получала исключительно тяглое значеніе, закрѣпощалась, владѣльческая община, какъ наиболѣе удобная для развитія крѣпостнаго права, получила преобладающее значеніе. Мало по малу она стала общимъ правиломъ, а всѣ остальныя исключеніемъ. Черныя общины постепенно исчезали въ центрѣ государства и оставались только на его окраинахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ государственная власть не успѣла еще проникнуть во всѣ сферы общественной жизни, гдѣ она еще продолжала довольствоваться внѣшнимъ подчиненіемъ общины, какъ князья древней Россіи. Разница между двумя

жили, учнутъ на нихъ искати сносовъ, *на комко нибуди*, и тѣмъ людямъ, у которыхъ они служили, *на тѣхъ людей суда не давати*, потому что у него служитъ *добровольно, и онъ его не хотя отъ себя отпускати да на немъ ищетъ сносу»*.

эпохами развитія заключается въ томъ, что въ первый періодъ черная община являлась преобладающимъ типомъ, къ которому пріурочивались остальныя общины; послѣ такимъ типомъ стала закрѣпленная владѣльческая община, вытѣснившая почти всѣ другія формы. Затѣмъ въ XV и XVI вѣкѣ разница между разными видами общинъ была количественная, а не качественная. Всѣ эти виды составлялись изъ одинаковыхъ единицъ, съ тою только разницею, что одни отбывали больше, а другія меньше повинностей въ пользу государства; въ послѣдующее время установилось болѣе глубокое, качественное различіе между свободными и несвободными крестьянами.

Разсматривая крестьянское сословіе какъ одно цѣлое, съ точки зрѣнія личныхъ правъ крестьянъ, правительство признавало одинаковое значеніе и за тѣми организмами, въ которыхъ выражались корпоративныя права крестьянства всѣхъ наименованій, то-есть, за общинами. Поэтому вся совокупность крестьянскаго сословія получила участіе въ самоуправленіи, которое Грозный даровалъ своему народу. Нашъ трудъ не имѣетъ своею спеціальною задачей изслѣдовать всѣ подробности крестьянскаго самоуправленія. Вотъ почему для общей характеристики этого явленія мы сначала ознакомимся съ дѣятельностью только одной изъ важнѣйшихъ выборныхъ должностей мѣстнаго управленія, именно съ дѣятельностью губныхъ старостъ. Учрежденіе это для нашей цѣли важно, потому что 1) на немъ можно изслѣдовать, на сколько дробныя общественныя единицы и классы мѣстнаго общества могли составить одно цѣльное провинціальное общество; 2) оно можетъ показать степень участія крестьянъ различныхъ наименованій въ общеуѣздномъ управленіи, и 3) наконецъ, исторія этого учрежденія разъясняетъ, что̀ должно было сдѣлаться со всѣми видами самоуправленія, подъ вліяніемъ видоизмѣнявшагося характера сословій Московскаго государства. Въ прежнее время всѣ крестьяне, какъ владѣльческіе, такъ и черные, подчинялись суду намѣстниковъ и волостелей, которые и брали съ нихъ свой кормъ. Обязанность тянуть судомъ къ городу и волости была общая для всѣхъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи они безъ различія земли составляли одинъ округъ, присудъ [1]). По отношенію къ суду правительство менѣе всего

---

[1]) Мы не говоримъ объ исключеніяхъ, которыя устанавливались жалованными грамотами; см. уставную Онежскую грамоту (1536 г.): «Намѣстнику нашему имати у нихъ кормъ со всѣхъ сохъ, со моихъ, великаго князя (то-есть, съ дворцовыхъ), и со владычнихъ, и съ боярскихъ и съ монастырскихъ и съ черныхъ, и съ грамотниковъ со всѣхъ безъ омѣны.... а кормы.... старосты бе-

любило раздроблять крестьянское сословіе. Съ уничтоженіемъ жалованныхъ грамотъ частнымъ лицамъ въ царствованіе Ивана IV, волость и городъ положительно можно было считать центромъ суда, къ которому тянули всѣ крестьянскія общества.

Тѣмъ менѣе возможно было раздѣленіе ихъ въ этомъ отношеніи послѣ уничтоженія намѣстниковъ и волостелей. Оставляя намѣстниковъ и возлагая губное дѣло на души крестьянъ, царь пожаловалъ все крестьянство, а не одну какую-нибудь часть. Въ губной Бѣлозерской грамотѣ (1539 г.) царь обращается въ Бѣлозерскій уѣздъ, къ князьямъ, дѣтямъ боярскимъ, вотчинникамъ и помѣщикамъ, ко всѣмъ служилымъ людямъ, старостамъ, сотскимъ, десятскимъ, государевымъ крестьянамъ, митрополичьимъ, владычнымъ, княжимъ, боярскимъ, помѣщичьимъ, монастырскимъ, чернымъ „и всѣмъ безъ омѣны, чей кто ни буди". Принимая во вниманіе многіе разбои и безуспѣшныя дѣйствія сыщиковъ и недѣльщиковъ, которымъ прежде поручалось преслѣдованіе разбойниковъ и татей, царь дозволяетъ имъ: „свѣстясь всѣмъ за одинъ, учинить у себя въ волостяхъ и станахъ губныхъ головъ, человѣка три или четыре, а съ ними старостъ и десятскихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть". Грамота эта должна быть разослана по всѣмъ волостямъ Бѣлозерскаго уѣзда. Въ царскомъ наказѣ, данномъ въ 1571 году бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, имъ предписывается сдѣлать съѣздъ для сыску, „кто у нихъ въ губѣ, на Бѣлоозерѣ, на посадѣ и уѣздѣ тати и разбойники, и къ кому они рухлядь привозятъ, и отъ кого на разбой ѣздятъ", а на съѣздѣ у нихъ быть предписано всѣмъ сословіямъ, боярамъ, дворянамъ, духовнымъ и крестьянамъ всѣхъ наименованій, начиная отъ черныхъ до помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ—всѣмъ безъ омѣны чей кто ни буди — съ выти по человѣку [1]. Это участіе всего крестьянства въ губномъ дѣлѣ, какъ извѣстно, не было изолированнымъ явленіемъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи. Масса уставныхъ грамотъ, губныхъ грамотъ и другихъ актовъ правительства, изъ которыхъ одни относились къ отдѣльнымъ общинамъ, другіе къ цѣлымъ мѣстностямъ, показываютъ, что губные старосты и крестьянскіе старосты и цѣловальники были почти повсемѣстнымъ явленіемъ [2].

рутъ по деревнямъ, и даютъ намѣстнику и его тіуну и доводчику, на стану». А. А. Э. I, № 181, также № 123.

[1]) А. А. Э. I, № 187, 281.

[2]) См. А. А. Э. I. № 187, 192, 194, 196, 201, 224, 231, 234, 242, 243, 244, 250, 257, 269, 281 и мног. другіе; А. И. I, № 165, 295.

Не говоря уже о значеніи этого новаго судебнаго установленія для крестьянъ, жившихъ на казенныхъ и на собственныхъ земляхъ, они имѣли несомнѣнное значеніе для крестьянъ, жившихъ на частныхъ и монастырскихъ земляхъ. Мы видѣли, что царь призываетъ къ губному дѣлу всѣхъ крестьянъ, чей кто ни буди, безъ омѣны. Но и независимо отъ этого, встрѣчаются губныя грамоты, прямо относящіяся къ крестьянамъ, жившимъ на владѣльческихъ земляхъ; въ 1541 году крестьяне Троицко-Сергіева монастыря, въ Тверскомъ, Новоторжскомъ, Старицкомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ получили свои губные наказы (А. А. Э. I. № 194). Въ 1549 году встрѣчается такой же наказъ селамъ Кириллова монастыря, данный имъ, вслѣдствіе ихъ же челобитья. „Что били мнѣ челомъ (о томъ, что имъ, крестьянамъ, житья нѣтъ отъ разбойниковъ и отъ царскихъ сыщиковъ) и язъ царь и великій князь тѣ села *по ихъ* челобитью пожаловалъ" (Тамъ же, № 224). Въ Судебникѣ и въ дополнительномъ къ Судебнику указѣ 1556 года говорится о губныхъ старостахъ, какъ объ общегосударственномъ установленіи [1]). Въ Судебникѣ Ивана IV въ ст. 60-й читаемъ: „А приведутъ кого въ разбоѣ, или на кого въ судѣ доведутъ, что онъ вѣдомый разбойникъ, и намѣстникамъ тѣхъ отдавати губнымъ старостамъ". Въ Уложеніи впрочемъ указывается, что въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ губныхъ старостъ, и губныя дѣла въ такихъ мѣстностяхъ поручаются воеводамъ; но законодательство говоритъ объ этомъ какъ объ исключеніи изъ общаго правила, по которому разбойныя, убійственныя и татенныя дѣла вѣдати губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ [2]). Выбирать ихъ предписывается изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, посадскихъ и всякихъ чиновъ жилецкихъ и уѣздныхъ сошныхъ людей. Судя по нѣкоторымъ актамъ временъ Михаила Θеодоровича, можно видѣть, что разумѣло законодательство подъ именемъ этихъ всякихъ чиновъ сошныхъ людей. Это были крестьяне казенные, помѣщичьи и монастырскіе [3]).

Впрочемъ характеръ губнаго учрежденія, въ томъ видѣ, какъ мы его выставили, достаточно уже выясненъ въ нашей литературѣ почтенными трудами гг. Дмитріева и Чичерина [4]). Г. Дмитріевъ, можетъ-быть, даже слишкомъ увлекается предположеніемъ, что Иванъ IV сдѣ-

---

[1]) Доп. ук. V ст. 12—14.

[2]) Улож. г. XXI, ст. 3.

[3]) Воронежскіе Акты I, № XXXV.

[4]) См. Дмитріева — Исторію Судебн. Инстанцій стр. 52—58 и Чичерина — Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ стр. 449—500.

лалъ губныхъ старостъ повсемѣстнымъ учрежденіемъ. „Какъ общее повсемѣстное учрежденіе, говоритъ онъ, губные старосты были введены Иваномъ Грознымъ. Только съ этого времени избраніе это стало обязательнымъ для каждаго уѣзда. Прежде это было привилегіей". Онъ расходится въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ г. Чичерина, гораздо болѣе, по нашему мнѣнію, близкимъ къ истинѣ. Мы приводимъ здѣсь то мнѣніе, которое онъ высказалъ на 451 стр. [1]). „Учрежденіе губныхъ старостъ было далеко не повсемѣстнымъ; во многихъ городахъ губными дѣлами управляли воеводы, или посылаемые отъ правительства сыщики". Причина этой неповсемѣстности губнаго института заключается въ томъ, что ихъ учрежденіе явилось сначала какъ реакція противъ прежняго завѣдыванія этими дѣлами намѣстниками и волостелями, — реакція, ближайшимъ поводомъ къ которой были челобитныя крестьянъ и посадскихъ людей. Первоначально губныя грамоты имѣли одинаковое значеніе съ жалованными несудимыми грамотами, съ тою только разницею, что онѣ давались не дружинникамъ и духовенству, а крестьянамъ. Правда, онѣ касались совершенно другихъ предметовъ, чѣмъ обыкновенныя жалованныя грамоты; послѣднія освобождали крестьянъ, жившихъ на монастырскихъ и владѣльческихъ земляхъ, отъ суда намѣстниковъ и волостелей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы; губныя же грамоты касались исключительно этихъ предметовъ, составлявшихъ всегда неотъемлемую принадлежность суда намѣстниковъ и волостелей. Отставляя послѣднихъ, равно какъ и сыщиковъ, „ради великихъ продажъ и убытковъ", причиненныхъ ими крестьянству, царь передалъ это дѣло въ завѣдываніе самихъ общинъ. Но то, что было первоначально исключеніемъ, льготою, не могло стать общимъ правиломъ, сохраняя характеръ пожалованія, льготы, права, а не обязанности, повинности крестьянъ. Губныя грамоты первоначально имѣли въ виду уничтожить *права* намѣстниковъ и волостелей и передать это какъ такое же право общинамъ. Прежде намѣстники имѣли право вѣдать разбойныя дѣла, и этому праву соотвѣтствовала обязанность крестьянъ ходить къ нимъ на судъ, а не расправляться самимъ съ разбойниками. Крестьяне въ своихъ челобитныхъ прямо говорятъ, что они разбойниковъ межъ себя обыс-

---

[1]) На 450 стр. онъ держится одинаковаго мнѣнія съ г. Дмитріевымъ: «Правительство не могло довольствоваться пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, *а сдѣлало* губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи».

кивать и имати не смѣютъ, боясь опалы и продажи [1]). Слѣдовательно, въ первое время правительство устанавливало право для общинъ, привилегію, но никакъ не повинность. Поэтому нельзя принять предположенія г. Чичерина, что „правительство видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и что только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины". Намъ вообще кажется страннымъ убѣжденіе, что введеніе самоуправленія есть признакъ „государственной слабости". Но не вдаваясь въ изслѣдованіе этого вопроса, которому мы посвятимъ ниже много страницъ, нельзя не замѣтить, что въ первое время существованія губныхъ учрежденій не встрѣчается грамотъ, гдѣ на поимку воровъ смотрѣли бы исключительно какъ на повинность общины. Еслибъ это было такъ, то нельзя было бы не подивиться странному способу установленія такой повинности: повинность устанавливается по челобитью самихъ общинъ. Государство просто на просто одно изъ своихъ правъ, которымъ оно прежде жаловало бояръ и окольничихъ, пожаловало крестьянству — вотъ и все [2]). Но развитіе учрежденій, основанныхъ на правѣ заин-

---

[1]) «И вы бы тѣхъ разбойниковъ вѣдомыхъ межъ себя имали да обыскивали ихъ и доведчи на нихъ, пытали на крѣпко.... да тѣхъ разбойниковъ бивъ кнутьемъ да казнили смертью: то еси положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ мене и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи нѣтъ».

[2]) Государство, жалуя такія права общинамъ, не вполнѣ уничтожало и право намѣстниковъ и волостелей. Такъ, въ наказѣ селамъ Кириллова монастыря встрѣчается совокупная дѣятельность губныхъ старостъ и волостелей. «А съ татьми бы есте управу чинили: котораго татя поимаютъ и приведутъ къ вамъ къ старостамъ къ губнымъ, а поимаютъ его въ волости или въ которомъ селѣ и выбъ старосты губные того татя судили съ волостели тѣхъ волостей.... И котораго татя поимаютъ въ первой татьбѣ, и вы бы на томъ татѣ доправя исцевы иски отдавали исцемъ; и какъ намѣстники и волостели на татѣ продажу свою учинятъ, и выбъ старосты губные велѣли тѣхъ татей, бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ». Далѣе наказъ прямо доказываетъ, что губные старосты были первоначально установлены для той спеціальной отрасли суда, которою были пожалованы крестьяне, то-есть, для разбоя, убійства и татьбы. Имъ прямо запрещается вступаться въ дѣла, оставшіяся въ завѣдываніи намѣстниковъ и волостелей. «А въ намѣстничь бы есте судъ, у намѣстниковъ и волостелей и у ихъ тіуновъ, въ бои и грабежи и поличные не вступалися опричь вѣдомыхъ татей и разбойниковъ; а намѣстники и волостели въ вашъ судъ не вступалися» (А. А. Э. I, № 224). Передавая общинамъ свое право, правительство получало извѣстное вознагражденіе. Можетъ-быть, на этомъ основаніи можно сказать, что правительство, жалуючи крестьянство, «преслѣдовало въ то же время извѣстныя финансовыя цѣли». Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство выиграло отъ

тересованныхъ лицъ, было невозможно въ то время, когда общая исторія крестьянства развивалась подъ вліяніемъ тягла и должна была окончиться закрѣпленіемъ большинства этого сословія. При такихъ условіяхъ установленіе, явившееся вначалѣ въ качествѣ льготы, права, не могло получить общегосударственнаго значенія, не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ. Повсемѣстнымъ могло сдѣлаться въ то время только установленіе, соотвѣтствующее общему характеру того сословія, которое въ немъ дѣйствовало. На этомъ основаніи, пока губное учрежденіе было льготой, правомъ, продуктомъ простой реакціи противъ намѣстниковъ и волостелей, разорявшихъ крестьянство, оно продолжало оставаться исключеніемъ и не могло возвыситься на степень общаго правила. *Общее значеніе въ то время имѣли и могли имѣть не право, а повинности*, слѣдовательно, и учрежденія, основанныя не на правахъ, а на повинностяхъ.

Въ такомъ видѣ губное дѣло не всегда являлось дѣломъ всеуѣзднымъ. Въ короткій періодъ существованія его какъ льготы, губное учрежденіе представляетъ два момента развитія. Первоначально губные старосты установляются для каждаго уѣзда и избираются всѣми жителями его, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Слѣдовательно, правительство, возлагая губное дѣло на крестьянство, не сразу сообщило ему исключительно земскій характеръ, и оставило за нимъ нѣкоторую долю приказнаго, служебнаго значенія. Затѣмъ, около 1550 года оно сдѣлало шагъ впередъ и соединило губное дѣло съ земскимъ крестьянскимъ управленіемъ. Вмѣсто губныхъ старостъ дѣйствуютъ земскіе старосты, судьи съ цѣловальниками. Тогда губное дѣло изъ общеуѣзднаго становится просто общиннымъ или волостнымъ. Льгота выступала въ истинномъ своемъ видѣ, являлась въ формѣ правъ дробныхъ общественныхъ единицъ.

Видоизмѣненіе льготы въ повинность измѣнило и самое значеніе губнаго учрежденія. Губные старосты получаютъ постепенно общее значеніе, по мѣрѣ того какъ правительство первоначальную льготу

«отставки» намѣстниковъ и волостелей. «За намѣстничи, волостелины и праветчиковы доходы, за присудъ, за пошлины, посадскіе и волостные люди были пооброчены деньгами», которыя они должны были доставлять прямо въ царскую казну. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что правительство, корыстно или безкорыстно, уступало, жаловало крестьянамъ и посадскимъ *право*, а не возлагало на нихъ обязанность. *Обязанность* возлагалась, и подъ страхомъ жестокаго наказанія, только на старостъ и цѣловальниковъ. Для нихъ эта пожалованная крестьянамъ льгота была дѣйствительно повинностію, за отправленіе которой они не пользовались даже никакимъ вознагражденіемъ.

превращаетъ въ повинность, возложенную на крестьянство. Тогда и самые старосты и вся ихъ дѣятельность получаетъ другое значеніе и другой характеръ сравнительно съ прежними временами. Какъ льгота, право, они были исключительнымъ явленіемъ; какъ повинность, вмѣстѣ съ другими повинностями, они распространялись по всей землѣ. Какъ льготы, они были общинно-земскою должностью; какъ повинность, они тотчасъ получили приказный характеръ, поступили въ непосредственное завѣдываніе разбойнаго приказа, сдѣлались государственными людьми, а служба ихъ государственнымъ дѣломъ. Это превращеніе произошло довольно рано; самъ Иванъ Грозный подъ конецъ своего царствованія [1]) началъ распространять губныя учрежденія какъ повинность, возложенную на крестьянъ. При его преемникахъ губные старосты отчасти избираются къ государеву дѣлу земствомъ, отчасти назначаются правительствомъ, а губные цѣловальники *взимаются* съ сохъ, какъ всякая другая повинность [2]). Правительство *освобождаетъ* отъ этой повинности тяглыхъ людей, если на нихъ возложено другое тягло [3]). Неудивительно, если губные старосты получили чисто приказное значеніе, если „губное управленіе, говоря словами г. Чичерина, сдѣлалось государственнымъ установленіемъ, которое основывалось на государственныхъ законахъ и исправлялось повинностію земскихъ людей". Превращеніе это не вело однако къ исключительной дѣятельности губныхъ старостъ въ разбойныхъ и татенныхъ дѣлахъ. Изъ того, что они поступали въ разрядъ приказныхъ людей, вовсе не слѣдовало, что правительство должно было поручить это дѣло исключительно имъ или употреблять ихъ исключительно для этихъ

---

[1]) Г. Чичеринъ справедливо, кажется, полагаетъ, что начало этого преобразованія видно уже во второй Бѣлозерской грамотѣ 1571 г. стр. 453.

[2]) А. А. Э. II № 19, 1601 г.: «А *имати* въ цѣловальники крестьянъ съ сохъ, съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ,.... и съ боярскихъ, съ дворянскихъ... со всѣхъ земель, опричь посадовъ и нашихъ дворцовыхъ селъ; и первое велѣно имати съ большихъ помѣстій и вотчинъ, а послѣ того съ среднихъ, а за тѣмъ имати съ меньшихъ» и т. д. Словомъ, эта повинность *разверстывается* какъ и всякая другая, какъ и другія исчисленныя здѣсь повинности: обязанность поставлять сторожей, биричей и *палачей*. Вотъ что сдѣлалось съ прежнею льготой и «жалованьемъ крестьянству». Также А. А. Э. I № 300 (1578 г.) Одинъ изъ монастырей получилъ такую жалованную грамоту: «Ни въ которые проторы и разметы съ черными людьми не тянутъ, и цѣловальниковъ *къ губному дѣлу*, и къ денежному сбору, къ мыту,.... ихъ крестьянъ не выбираютъ».

[3]) Тамъ же. Освобождены отъ повинности губныхъ цѣловальниковъ посады и дворцовыя села, потому что «во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и по слободамъ всякіе наши таможенные пошлины указали есмя сбирати посадскимъ людямъ».

дѣлъ. Напротивъ, оно могло опредѣлять къ этимъ дѣламъ другихъ приказныхъ людей, напримѣръ, воеводъ и сыщиковъ, а губнымъ старостамъ, какъ и всякимъ приказнымъ людямъ могли быть поручаемы другія дѣла, кромѣ разбойныхъ. Ниже мы представимъ много примѣровъ такой правительственной практики.

Учрежденіе губныхъ старостъ не было, такимъ образомъ, поводомъ къ установленію мѣстнаго самоуправленія, хотя, быть-можетъ, ни одно учрежденіе во всей древней Россіи не заключало въ себѣ столько зародышей истинно земской дѣятельности всѣхъ сословій, какъ губное. Это дѣло было единственнымъ вопросомъ, сгруппировавшимъ вокругъ себя всѣ сословія и чины Московскаго государства [1]). Во всемъ, начиная съ выборовъ и кончая сыскомъ и судомъ, сословія и ихъ выборные дѣйствуютъ вмѣстѣ. Но при разнородности земскаго строенія Московскаго государства, учрежденіе это въ первоначальномъ своемъ видѣ не могло просуществовать долго. Пока губное учрежденіе было правомъ, оно не могло соединить уѣзда въ одно цѣлое, ибо въ то время каждое право являлось льготой и вело къ сильнѣйшему раздробленію общественныхъ организмовъ. Мы видѣли выше, что когда губное дѣло получило истинно земскій характеръ, тотчасъ значеніе отдѣльныхъ общинъ и волостей выступило впередъ, а общеуѣздное значеніе этого дѣла устранилось. Таковы уставныя грамоты Переславскимъ рыболовамъ Усѣцкой волости, Двинская грамота, грамоты вотчинамъ Соловецкаго монастыря и т. д.

Напротивъ, общеуѣздное значеніе губнаго дѣла окончательно устанавляется тогда, когда оно теряетъ уже значеніе земскаго интереса и становится повинностію для всѣхъ сословій. Впрочемъ для нѣкоторыхъ сословій оно никогда не имѣло значенія льготы. Дворяне, даже въ то время, когда губные старосты сдѣлались вполнѣ приказными людьми, могли занимать эти должности только въ случаѣ отставки и болѣзни. Въ тѣ же времена, когда губное дѣло имѣло характеръ настоящаго самоуправленія, для исправленія должности губнаго старосты требовалось особое разрѣшеніе правительства [2]). По

---

[1]) Г. Чичеринъ, тамъ же, стр. 454: «Въ земскую думу выбирались люди всѣхъ сословій, но здѣсь выборы производились въ каждомъ сословіи порознь; губныхъ же старостъ выбирали всѣ сословія вмѣстѣ. Это былъ единственный интересъ, общій всѣмъ жителямъ извѣстнаго округа».

[2]) А. А. Э. I № 224 «А которые старосты нашу службу служатъ, а отъ службы ихъ отставить не мочно, и тѣ бы старосты нашу службу служили, а товарищи ихъ, *которые не служатъ*, съ цѣловальники разбойныя дѣла дѣлали».

отношенію къ дворянству губное дѣло не было правомъ; правительство просто давало крестьянамъ своихъ служилыхъ людей, ему по чему-нибудь ненужныхъ, и позволяло имъ выбирать тѣхъ, кои къ тому дѣлу пригожи. Для дворянства должность губнаго старосты была, такъ-сказать, заштатной службой и очень невыгодной. Прежніе намѣстники смотрѣли на разбойныя и убійственныя дѣла какъ на доходную статью, губные же старосты за отправленіе своей должности не получали ничего. Вышло такъ, что правительство пожаловало крестьянъ не только губнымъ дѣломъ, но и даровыми губными старостами. Дворянство скоро поняло свое положеніе и по обыкновенію стало *отбывать* отъ этой службы, а правительство по обыкновенію грозило ему карательными мѣрами. Воеводѣ предписывалось, если которые дворяне и дѣти боярскіе учнутъ ослушаться и не придутъ на выборы, то у знатнѣйшихъ брать людей и крестьянъ и сажать въ тюрьму, пока не объявятся сами, менѣе же знатныхъ самихъ сажать въ тюрьму. Иногда правительство прямо назначало въ эту должность, и вообще сами губные старосты смотрѣли на себя какъ на лицъ, назначенныхъ правительствомъ. „Въ нынѣшнемъ, Государь, году, писалъ одинъ изъ губныхъ старостъ въ разбойный приказъ, по Твоему, Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, указу и по выбору города Воронежа людей, велѣно мнѣ, холопу твоему, быть на Воронежѣ въ губныхъ старостишкахъ“. Другіе писали, что имъ велѣно быть въ губныхъ старостахъ просто по Государеву указу [1]). Слѣдовательно, если для кого губное дѣло и могло имѣть значеніе самоуправленія, то для крестьянъ; но государство, не отказываясь отъ своего призванія, не могло выпустить изъ своихъ рукъ задачъ, которыя еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ были сосредоточены въ рукахъ правительства, которыя даже жалованными грамотами не отнимались у намѣстниковъ и волостелей. По мѣрѣ того какъ должность губнаго старосты получала приказное значеніе, активное участіе крестьянскихъ выборныхъ въ розыскѣ и судѣ уменьшалось и подъ конецъ уничтожилось. Въ XVII вѣкѣ губные цѣловальники брались отъ крестьянъ *для тюремнаго береженья*, а для разсылки и поимки разбойниковъ, губный староста бралъ отъ воеводы стрѣльцовъ, пушкарей и отставныхъ дѣтей боярскихъ [2]). Такимъ

---

[1]) Воронежскіе Акты I стр. 111—114, III стр. 196 и слѣд. О назначеніи губныхъ старостъ правительствомъ см. указъ царя Михаила Ѳеодоровича 1627 г. (А. А. Э. Т. III № 171).

[2]) Воронеж. Акты, Т. III стр. 200.

образомъ для крестьянъ губное дѣло состояло въ томъ, что они давали правительству двухъ цѣловальниковъ, да губнаго дьячка, да бирича, да палача [1]).

Такъ даже по отношенію къ этому интересу уѣздъ, какъ общественная единица, не успѣлъ организоваться. Если онъ представлялъ нѣкоторое единство, то развѣ въ правительственномъ отношеніи, какъ единица административная. Въ общественномъ отношеніи онъ представлялъ массу разрозненныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою единицъ. Для разныхъ задачъ мѣстнаго самоуправленія соединялись крестьяне разныхъ наименованій и городскіе обыватели, при чемъ тѣ и другія общины носили совершенно различный характеръ.

На вопросѣ о губномъ управленіи можно прослѣдить и общій характеръ всего мѣстнаго самоуправленія. Выводы, которые можно сдѣлать при изслѣдованіи различныхъ моментовъ развитія этого учрежденія, весьма полезны для характеристики мѣстнаго самоуправленія въ ту эпоху вообще. Выводы эти, сколько намъ кажется, заключаются въ слѣдующемъ. Заставъ общины въ качествѣ свободныхъ организмовъ, государство сначала обращается къ нимъ какъ къ свободнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого каждая задача мѣстнаго самоуправленія (мы говоримъ о правительственныхъ задачахъ) появляется въ мѣстности сначала въ видѣ изъятія изъ-подъ власти мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, поручается разнымъ организмамъ, въ видѣ льготы. Въ качествѣ такой льготы, она не создаетъ мѣстныхъ организмовъ высшаго порядка, а имѣетъ дѣло съ мелкими общественными организмами, ведетъ къ раздробленію, а не къ соединенію общества. Затѣмъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе усиливавшагося тяглаго характера населенія, первоначальная льгота не вырабатывается въ прочное право мѣстныхъ организмовъ, соотвѣтствующее какому-либо постоянному ихъ интересу, а получаетъ значеніе повинности, возложенной на эти организмы. Въ качествѣ повинности то или другое дѣло получаетъ уже общее значеніе, изъ общиннаго дѣлается уѣзднымъ дѣломъ. Можно бы предположить, что подъ вліяніемъ этой повинности выработаются организмы высшаго порядка, что мѣстность получитъ особенное значеніе. Дѣйствительно, при существованіи сильныхъ и правильныхъ правительственныхъ органовъ въ мѣстности, общественные ея организмы, соединенные хотя и повинностями, получили бы правильное развитіе, которое привело бы къ

[1]) Тамъ же Т. III, стр. 197.

дѣйствительному самоуправленію въ тотъ моментъ, когда свобода видоизмѣнила бы тяглое значеніе сословій. Но исключительное положеніе правительственныхъ органовъ въ мѣстности вело къ необходимости сильнѣйшей централизаціи всего управленія, и централизація не только не способствовала развитію области и объединенію дробныхъ организмовъ, но напротивъ усиливало это раздробленіе.

Ниже мы подробно разсмотримъ результаты этого явленія. Теперь для насъ достаточно будетъ того факта, что правительству во всѣхъ его земскихъ реформахъ пришлось имѣть дѣло не съ цѣльными провинціями, а съ дробными единицами. Говоря объ общинномъ самоуправленіи, мы должны бы имѣть въ виду какъ городскія, такъ и сельскія общины. Но мы намѣренно будемъ разсматривать ихъ отдѣльно, ибо эти два типа должны послужить въ нашемъ изслѣдованіи для достиженія двухъ различныхъ цѣлей. Крестьянское самоуправленіе должно выяснить намъ тотъ моментъ русской исторіи, когда общественные организмы были построены на вполнѣ земскихъ началахъ. Напротивъ исторія городской общины представитъ намъ исторію организма сословнаго. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы городская община первоначально не представляла земскаго характера. Но мы можемъ наблюдать развитіе этой общины въ тотъ моментъ, когда все остальное земство, съ которымъ оно нѣкогда составляло одно цѣлое, было закрѣпощено, раздѣлено на тяглыя сословія, когда и сами города являются податнымъ сословіемъ. Изслѣдовать исторію другихъ общинъ въ этотъ періодъ нѣтъ пока возможности, а потому городскія общины являются лучшимъ матеріаломъ для изслѣдованія нашего самоуправленія въ его сословный періодъ. Теперь мы главнымъ образомъ будемъ имѣть въ виду крестьянскія общины.

Въ XVI вѣкѣ крестьянскія общины имѣли двоякое значеніе. Вопервыхъ, онѣ представляли соединеніе лицъ, преслѣдовавшихъ свои интересы, независимо отъ какихъ бы то ни было правительственныхъ задачъ. Совокупность этихъ интересовъ опредѣляла значеніе общины какъ экономическаго организма, имѣвшаго значеніе независимо отъ правительственной дѣятельности. Вовторыхъ, мы замѣчаемъ совокупность задачъ, порученныхъ общинамъ отъ правительства, вслѣдствіе чего они получили государственное значеніе и способствовали образованію тяглаго крестьянскаго сословія. Характеръ послѣднихъ мы уже достаточно прослѣдили на одномъ вопросѣ, такъ что намъ теперь немного уже нужно будетъ сказать о другихъ вопросахъ этого рода, напримѣръ, о финансовой, судебной и прочей дѣятельности общинъ.

Государство нашло общину готовою и воспользовалось ею. И пока тягло окончательно не видоизмѣнило характера прежней общины, она была общекрестьянскимъ явленіемъ. Государство и прежде признавало ея существованіе и прежде пользовалось ею для достиженія своихъ цѣлей. Множество актовъ служатъ нагляднымъ подтвержденіемъ этого. При этомъ законодательство не различало крестьянъ, поселенныхъ на черныхъ земляхъ, отъ поселянъ, сидѣвшихъ на земляхъ владѣльческихъ. Волости, какъ центры, къ которымъ тянули судомъ и данью села, деревни, слободы и вотчины, состояли изъ черныхъ и бѣлыхъ земель одинаково. Ниже мы увидимъ, что волость и станъ были однозначащими единицами; грамоты не рѣдко говорятъ объ обязанности крестьянъ тянуть къ становщику [1]). Владѣльческія села также входили въ составъ становъ. Такъ, въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Ивана III митрополиту Симону, видно, что эти деревни, до пожалованія имъ льготъ, входили въ составъ тяглыхъ становъ и волостей [2]). Иногда владѣльческіе крестьяне составляли особыя волости для общественныхъ и административныхъ цѣлей [3]). И тамъ и здѣсь мы замѣчаемъ одинаковую самостоятельность общинъ, въ томъ смыслѣ, что и правительство и владѣльцы сносятся съ крестьянами чрезъ ихъ собственное начальство, ими выбранное. Старосты, какъ представители сельскаго общества, сносятся съ начальствомъ во всѣхъ случаякъ, когда отъ крестьянъ требуется какая-нибудь повин-

---

[1]) Напр. А. А. Э. I № 75, 90.

[2]) А. А. Э. I № 139: «Язъ Князь Великій отца своего для Симона Митрополита всея Руси, пожаловалъ есми тѣхъ его крестьянъ, которые живутъ въ домовныхъ въ церковныхъ... и митрополичьихъ селѣхъ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Соболевѣ стану въ селѣхъ и въ деревняхъ.... да въ Боховѣ стану да въ селѣ Пушкинѣ, да въ Лучинской волости села Телешева въ деревняхъ» и т. д. № 149. Въ грамотѣ 1512 г. (о починкѣ Бѣлозерскими сохами ямскаго строенія, дорогъ, мостовъ и проч.) В. К. Василій Ивановичъ велѣлъ подѣлать крестьянамъ бѣлозерскими сохами волостью Андолою да волостью Вотболомъ и пр., «моими В. Кн. сельчаны, и владычными и боярскими, и монастырскими, и черными и всѣми сельчаны безъ омѣны». А. А. Э. I № 154, 255.

[3]) Уставная грамота отчины Соловецкаго монастыря: «Такожъ благословилъ и пожаловалъ есмя крестьянъ своихъ Виремскія *волости*». Приговорная грамота Троицко-Сергіева монастыря собора: «Приказали есми своимъ крестьянамъ Присѣцкимъ Алешѣ Левкѣеву, да Тонкому Юрьеву сыну и всей волости не велѣли есми имъ въ волости держати, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни разбойниковъ». А. А Э. № 221, 244. Также уставн. грамот. (другая) Соловецкаго монастыря—«въ волость нашу въ Суму, старостамъ и цѣловальникамъ». А. А. Э. I № 268.

ность. Въ уставныхъ грамотахъ, начиная съ Бѣлозерской уставной грамоты 1488 года, предписывается давать кормъ намѣстникамъ и волостелямъ *со всѣхъ сохъ*, съ княжихъ, боярскихъ, монастырскихъ и черныхъ, но въ тоже время намѣстникамъ запрещается брать свои кормы чрезъ доводчиковъ въ станахъ; каждый сотскій, а въ другихъ мѣстахъ староста, долженъ собрать кормъ и отвезти его въ городъ [1]). Нерѣдко эти выборные люди имѣли въ глазахъ правительства гораздо больше административнаго значенія, чѣмъ самые ихъ владѣльцы, которые не могли имѣть никакого правительственнаго значенія внѣ службы. Вотъ почему, когда нужно было провести какую-нибудь административную мѣру, правительство обращалось не къ дворянамъ и монастырямъ, а къ общинѣ. Старцы Ниловой пустыни били челомъ великому князю Василію Ивановичу въ 1513 г., что ихъ не кому беречь отъ татей и разбойниковъ и что они не могутъ справиться даже со своими старцами, кои живутъ безчинно и не по ихъ уставу. Великій князь далъ грамоту въ волости Своару да Гнеку старостамъ, десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ, чтобъ они берегли ихъ отъ лихихъ людей и помогали имъ управляться съ безчинными старцами. Старостамъ же и десятскимъ тотъ же великій князь предписалъ о запрещеніи Бѣловерцамъ пріѣзжать для торговли въ Кирилловъ монастырь [2]). При царѣ Иванѣ IV, вслѣдствіе Стоглаваго собора, изданъ былъ окружной царскій наказъ, въ которомъ опредѣлялись правила о совокупной дѣятельности духовныхъ и земскихъ должностныхъ лицъ по отношенію къ церковному благочинію [3]). Охраненіе тишины и благочинія въ волостяхъ, не только черныхъ, но и владѣльческихъ, поручалось выборному сельскому и волостному начальству. Вслѣдствіе того же собора и изданія Судебника состоялся приговоръ собора Троицко-Сергіева монастыря о недопущеніи вредныхъ людей имѣть пристанище

---

[1]) А. А. Э. I № 123, 181, 150, 234.

[2]) Тамъ же. № 157, 177.

[3]) Здѣсь замѣчательны правила: «Такожъ бы есте берегли накрѣпко десятскіе священники и земскіе старосты и цѣловальники: коли пріѣдутъ владычни недѣльщики или десятинники съ суда на обыскъ, или по присланной отъ кого на поруку давати, а они бы на поруку давали предъ вами съ десятскими священники и предъ вами старостами земскими, а отъ поруки бъ не имали ничего...., Да такожъ по волостемъ и по селамъ и во всемъ Заволоцкомъ уѣздѣ велѣли бъ естя десятскимъ священникомъ и земскимъ старостомъ и цѣловальникомъ святительскую дань, и десятильничьи пошлины, кормъ и заѣздъ, и вѣнечную пошлину сбирати» и пр. (А. А. Э. I № 231). См. также наказные списки Стоглаваго собора, изданные г. *И. Бѣляевымъ*. М. 1863 г.

въ Присѣцкой волости [1]). Въ силу этой грамоты сотскимъ надлежало смотрѣть, чтобы въ волости Присѣцкой не было скомороховъ и ворожей, а если такіе окажутся, то ихъ надлежало, „бивъ, да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ“. Да имъ же сотскимъ надлежало въ своихъ сошныхъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ не таить, а явивъ Порѣцкому посельскому да старостамъ, отводить къ губнымъ старостамъ.

Но этимъ не ограничивалась роль общинъ въ дѣлѣ общаго управленія и суда. Бѣлозерская грамота приказываетъ намѣстникамъ „безъ сотскихъ и добрыхъ людей не судити судъ“. Ни самое понятіе добрыхъ людей, ни ихъ роль на судѣ не были произведеніемъ уставной грамоты: она только вводитъ это установленіе какъ общее средство для постепеннаго ограниченія власти намѣстниковъ и волостелей. Это право подтверждено въ Судебникѣ Ивана III [2]). Царскій Судебникъ повторяетъ его нѣсколько разъ и даже предписываетъ выбрать старостъ и цѣловальниковъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не было [3]). При самомъ внимательномъ чтеніи Судебниковъ нельзя отыскать ни одного указанія на то, чтобы право выставлять къ суду старостъ и цѣловальниковъ относилось къ однимъ черным крестьянамъ. Судебникъ (ст. 68) говоритъ только, что у намѣстниковъ и волостелей быть на судѣ старостамъ и цѣловальникамъ, *изъ которой волости кто ищетъ или отвѣчаетъ*. Право же иска во времена Судебника несомнѣнно принадлежало всѣмъ свободнымъ людямъ (и даже несвободнымъ), къ разряду которыхъ принадлежали и крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ. Это доказательство было бы, конечно, нагляднѣе, если бы Судебникъ прямо упоминалъ о старостахъ и цѣловальникахъ изъ владѣльческихъ общинъ. Но въ тѣ времена крестьянское сословіе представляло полное единство, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ихъ личнымъ правамъ, а потому законодательству не предстояло особенной надобности говорить о каждомъ его отдѣлѣ особо. Важская уставная грамота даруетъ право суда „Вожанамъ, Шенкурцамъ и

[1]) Тамъ же № 244: «Се язъ Троицк. Серг. монастыря игуменъ Іоасафъ, поговоря съ келаремъ съ Андреяномъ и съ соборными старцы, по соборному уложенію благочестиваго Царя и Государя Великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи».

[2]) А. И. т. I № 105: «А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостамъ и лучшимъ людямъ, а безъ дворскаго, безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити».

[3]) Цар. Судебн. ст. 62, 68.

Вельскаго стану посадскимъ людямъ и всего Важскаго уѣзда становымъ и волостнымъ крестьянамъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурью и Вельскому стану". Грамота не различаетъ здѣсь никакихъ крестьянъ исключая монастырскихъ, пользовавшихся жалованными грамотами: Шенкурцы получаютъ не только губное право, но и возможность судиться у выборныхъ судей во всякихъ дѣлахъ и по кабаламъ по Судебнику. Выборные земскіе судьи разбирали не только тяжбы между крестьянами, но и между посторонними лицами. Въ 1595 г. въ Шенкурскомъ стану игуменъ Богословскаго монастыря тягался съ крестьянами Химанешской волости о присадной землѣ; игуменъ съ братіею подали о томъ челобитную Шенкурскаго Илемскаго стану земскимъ судьямъ Василію Леонтьеву съ товарищами. Недовольные его рѣшеніемъ монахи били челомъ Борису Годунову, чтобъ онъ пожаловалъ ихъ мимо выборныхъ земскихъ судей. Годуновъ велѣлъ произвести новое слѣдствіе Шенкурскимъ приказнымъ людямъ вмѣстѣ съ земскими судьями Алексѣемъ Ильинымъ и Яковомъ Остафьевымъ съ товарищами, избранными на 1596 годъ [1]).

Признаніе за общинами правительственнаго значенія въ сферѣ суда не могло впрочемъ продолжаться долго. Напротивъ, въ области финансоваго управленія общины пользовались бо́льшими правами. Мы разсмотримъ здѣсь дѣятельность общинъ по отношенію къ разнымъ финансовымъ вопросамъ государственнаго управленія и экономическимъ интересамъ самой общины. Нельзя не замѣтить, что черные крестьяне не отличались и въ этомъ отношеніи отъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, такъ рѣзко, какъ обыкновенно утверждаютъ. Основаніемъ къ предположенію, что черные крестьяне одни пользовались правами самоуправленія, заключается въ томъ, что на это самоуправленіе смотрѣли съ точки зрѣнія финансоваго управленія, тягла, которое черные крестьяне отбывали будто бы одни въ противоположность другимъ крестьянамъ. Дѣйствительно, ближайшимъ поводомъ къ сообщенію крестьянскому самоуправленію государственнаго значенія было уничтоженіе при Иванѣ Грозномъ намѣстниковъ и волостелей и превращеніе ихъ дохода въ оброкъ, который крестьяне должны были доставлять прямо въ казну [2]). Этотъ оброкъ дол-

[1]) А. А. Э. I, № 234. См. также Двинскую грамоту ib., № 250. А. И. I, № 248.

[2]) А. А. Э. I, № 242...: «Велѣли есьми во всѣхъ городѣхъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому между крестьянъ управу чинити и намѣстничьи и волостелны и праветчиковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити», Тамъ же...: «а оброкъ есмя за волостелны доходы и за присуды... велѣли

женъ былъ отбываться по сохамъ, при чемъ разверстка предоставлялась самимъ крестьянамъ [1]). Важнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ актовъ касаются черныхъ и оброчныхъ крестьянъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы крестьяне, поселенные на владѣльческихъ земляхъ, не получили подобныхъ же правъ. Они не были избавлены отъ обязанности платить государственныя подати, а потому естественно получили право разверстывать ихъ сами „по животомъ и промысломъ". Яснымъ доказательствомъ этому служитъ уставная грамота крестьянамъ Сумской волости. Грамота эта дана Соловецкимъ монастыремъ крестьянамъ вслѣдствіе ихъ челобитья, что въ распредѣленіе между ними податей вкралась большая запутанность, хотя очевидно разверстка ихъ находилась въ рукахъ выборныхъ крестьянскихъ людей [2]). Грамота касается главнымъ образомъ разверстки казенныхъ пошлинъ и податей и имѣетъ харатеръ наставленія крестьянамъ, обратившимся къ его посредничеству, безъ чего монастырское начальство, конечно, не вмѣшалось бы въ ихъ дѣло. *Смущеніе* произошло между прочимъ отъ того, что многіе крестьяне, бобыли и казаки не повиновались волостному начальству и не шли въ тягло. Игуменъ Филиппъ обѣщаетъ общинѣ свое содѣйствіе [3]) для приведенія ослушниковъ въ повиновеніе, или лучше сказать, даетъ общинѣ право требовать у монастырскаго тіуна доводчика для доправливанія податей. Затѣмъ разверстка остается, какъ и прежде, въ рукахъ выборнаго сельскаго начальства. Это было еще во владѣніяхъ монастыря, который пользовался обширными правами на своихъ земляхъ, своимъ судомъ и

положить деньгами». Тоже № 243, 256: «А нынѣ имъ со всѣхъ съ тѣхъ деревень давати за день, за посошный кормъ, и за дворовое дѣло и за волостелинъ присудъ... и за тіуньскій и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ и за всѣ пошлины пятьдесятъ одинъ руб».

[1]) ... «А разводити Шенкурцамъ и Вельскаго стану посадскимъ людямъ въ Вельску... Себя самимъ по животомъ и промысломъ, а крестьянамъ... разводити по тому же, по животомъ по пашнямъ и по сохамъ». Тамъ же, № 234.

[2]) Тамъ же: «А придетъ по Государевѣ Царевѣ грамотѣ платити обежные деньги... да разныя деньги, намѣстничи, и дьячьи, и старостъ городовыхъ, и цѣловальницкіе, а полоняникомъ на окупъ, и пищальныя и посошныя, и въ городовое дѣло, и въ мостовщину и въ хлѣбныя»... Далѣе: «А Бѣлозерскаго волостеля кормъ платили бы естя въ обежъ», и т. д.

[3]) «А кого чѣмъ тѣ окладчики обложатъ земскихъ людей и козаковъ и тѣ бъ люди платили одноконно (непремѣнно) безъ всякаго переводу и смущенья, а кто упрямится, не учнетъ платити и вы бы у тіуна (нашего) просили доводчика и велѣли на тѣхъ людей ослушникѣхъ одноконно, безъ всякаго переводу, доправливати безъ срочно, кого чѣмъ обложатъ».

своимъ управленіемъ. Изъ грамоты видно, что крестьянъ судилъ игуменъ или его приказчики. Этимъ лицамъ, то-есть, тіуну, приказчикамъ и доводчикамъ запрещено брать свой кормъ прямо съ крестьянъ. Послѣдніе должны были разверстать ихъ между собою и взносить ихъ къ своему старостѣ Сумской волости, который уже отдавалъ ихъ тіунамъ и доводчикамъ. Такъ, рядомъ съ властью монастырскаго начальства мы видимъ власть выборныхъ общинныхъ людей, старостъ и цѣловальниковъ, которые одни сносились съ административными и вотчинными властями отъ имени общины.

Не смотря на все это, мы не должны упускать изъ вида обстоятельства, выясненнаго исторіею губныхъ учрежденій, что тягло никогда не можетъ послужить основаніемъ настоящаго самоуправленія. Легко было поэтому предвидѣть, что чѣмъ больше будутъ развиваться новыя административныя задачи общинъ, возложенныя на нихъ реформами Ивана IV, тѣмъ больше самыя общины будутъ утрачивать свое значеніе свободныхъ общественныхъ организмовъ. Административная община требуетъ другихъ условій, чѣмъ естественная. По мѣрѣ того какъ первая брала верхъ надъ послѣднею, самоуправленіе утрачивало свое значеніе.

Вліяніе отраслей самоуправленія, основанныхъ на тяглѣ, отразилось на внутреннемъ бытѣ общинъ и прежде всего на отношеніяхъ общинъ къ отдѣльнымъ ея членамъ. Отношенія эти прежде были вольныя. Но со времени Ивана Грознаго древнее сельское начальство и самая община получили особенное значеніе, благодаря системѣ разнообразныхъ повинностей, которыя размножались и росли вмѣстѣ съ государствомъ. Сообразно этому прежній характеръ общиннаго самоуправленія, основанный на свободной дѣятельности ея членовъ въ видахъ ихъ собственныхъ интересовъ, долженъ былъ видоизмѣниться. Элементъ повинности, тягла, получаетъ значительное развитіе сравнительно съ прежнимъ временемъ. Г. Дмитріевъ (стр. 67) довольно оригинально опредѣляетъ совершившуюся перемѣну. „За общинами, говоритъ онъ, была признана обязанность судиться и управляться самими собою". Въ этой странной фразѣ есть доля правды, есть научная мысль, но ее должно освободить изъ-подъ того таинственнаго покрова, которымъ она облечена. Чрезвычайно страннымъ можетъ показаться выраженіе, что за общинами была признана *обязанность самоуправленія*. Признаніе, *декларація*, всегда касается правъ, но не обязанностей. Повинности просто налагаются и отбываются. Но не подлежитъ сомнѣнію, что самоуправленіе крестьянское

получаетъ обязательный характеръ въ томъ смыслѣ, что оно получило государственное значеніе, котораго оно прежде не имѣло [1]), и получило это значеніе вслѣдствіе порученія имъ разныхъ государственныхъ задачъ, возложенныхъ на общины. Призваніе того или другаго общественнаго организма къ государственной дѣятельности устанавливаетъ для него цѣлый рядъ обязанностей, по той простой причинѣ, что государство даетъ ему извѣстную степень *власти*, а власть не предполагаетъ возможности свободнаго пользованія и непользованія ею. Она всегда обязанность. Пока село, волость имѣли значеніе исключительно общественныхъ организмовъ, государству было все равно, какъ ни будутъ крестьяне управляться своими дѣлами; но по мѣрѣ того, какъ оно превращало это самоуправленіе въ повинность, оно заговорило о карательныхъ мѣрахъ противъ лицъ, дурно отправляющихъ свои общественныя обязанности.

Начало закрѣпленію общинъ было положено, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало закрѣпляться и крестьянство. Слѣдовательно, по отношенію къ крестьянству государство дѣйствовало совершенно другими средствами, чѣмъ по отношенію къ служилому сословію. Закрѣпляя служилое сословіе, *мужей*, оно должно было дѣйствовать противъ каждаго мужа въ отдѣльности; при закрѣпленіи же крестьянства, ему не было необходимости дѣйствовать противъ каждаго *мужика* въ отдѣльности. Ему достаточно было закрѣпостить себѣ общину и предоставить ей закрѣпощеніе отдѣльныхъ ея членовъ. Вольный союзъ древней Россіи постепенно превращался въ тяглое общество; власть міра, издавна существовавшая, какъ продуктъ народнаго сознанія, получаетъ казенный характеръ, сильно видоизмѣнившій прежнее значеніе крестьянской общины. Не вдругъ и не повсемѣстно началось это закрѣпленіе; но не подлежитъ сомнѣнію, что оно касалось *всѣхъ общинъ*, какъ владѣльческихъ, такъ и черныхъ. Первыя ограниченія личной свободы крестьянъ, первые признаки крѣпостнаго права имѣли чисто государственное значеніе. Мы не говоримъ здѣсь объ отдѣльныхъ случаяхъ ограниченія крестьянскаго перехода, предшествовавшіе Судебникамъ. Ограниченія эти имѣли въ виду огражденіе столько же частныхъ, сколько и казенныхъ интересовъ [2]). Но когда эти отдѣльныя распоряженія стали общимъ правиломъ, интересы государственные выступили на первый планъ, такъ что огражденіе частной пользы получило второстепенное значе-

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ Московскомъ государствѣ.

[2]) См. напр. А. А. Э. I., № 48, 64, 83.

ніе. Судебникъ Ивана III говоритъ о крестьянскомъ отказѣ изъ волости въ волость и изъ села въ село, при чемъ не различаетъ черныхъ волостей отъ владѣльческихъ имѣній [1]). Важская уставная грамота прямо говоритъ о значеніи Юрьева дня для черныхъ и другихъ волостей. Это новое правило тотчасъ способствовало усиленію власти общины надъ ея членами. Общинѣ предоставлено было право не только называть на пустыя деревни и пустоши крестьянъ, чѣмъ оно пользовалось и прежде, но и право „старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того". Подобное же ограниченіе встрѣчается въ другихъ мѣстахъ. Въ двухъ жалованныхъ грамотахъ Строгоновымъ (1564—1568) имъ воспрещается принимать воровъ и боярскихъ бѣглыхъ людей (то-есть, холопей); относительно крестьянъ говорится только о черныхъ. Строгоновымъ запрещается принимать и перезывать тяглыхъ и письменныхъ людей, а если таковые явятся, они должны ихъ выдавать намѣстникамъ, волостелямъ и выборнымъ головамъ тѣхъ городовъ и волостей, откуда эти люди съѣхали. Такихъ людей розыскивали сами общины [2]).

Принудительный, тяглый характеръ крестьянскаго самоуправленія не видоизмѣнилъ впрочемъ сразу прежняго быта общинъ. Принудительность съ соотвѣтствующею ей уголовною отвѣтственностью касалась задачъ *вновь* возложенныхъ на крестьянство. Черныя волости и теперь, какъ въ прежнее время, распоряжались и пользовались своими землями. Тяглыя имущества съ давнихъ поръ находились въ вѣчномъ владѣніи общинъ, которымъ принадлежало пользованіе и распоряженіе ими. Разверстаніе участковъ и пользованіе ими оставалось частнымъ дѣломъ общинъ, въ которое правительство не вмѣшивалось. Они всѣмъ обществомъ отстаивали свою землю предъ су-

[1]) Утинъ и Лазар. стр. 183.

[2]) А. А. Э. I., № 234...: «Били намъ челомъ... что все у нихъ... многіе дворы и многія деревни запустѣли... а важескаго де имъ намѣстника и поселенныхъ людей впредь прокормити немочно... и крестьяне у нихъ изъ становъ и волостей разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу... и на тѣхъ де достальныхъ крестьянѣхъ наши Важскіе намѣстники и тіуны кормъ свой, а праветчики и доводчики наборы свои емлютъ сполна». Доп. къ А. И. I, 117, 119. См. грамоту 1555 г. къ Новгородскимъ дьякамъ о пособіи выборнымъ головамъ Пусторжевскихъ черныхъ деревень, о вывозѣ изъ-за дѣтей боярскихъ крестьянъ въ указные сроки. Тамъ же, № 56.

домъ [1]), раздавали земли [2]), мѣнялись землями съ другими владѣльцами [3]), даже продавали ихъ. Послѣднее обстоятельство должно бы возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія. Въ прежнее время князья рѣдко допускали переходъ черныхъ земель въ другія руки. Въ силу договорныхъ грамотъ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, бояре и слуги, купившіе черныя земли, должны были тянуть во всѣ разметы съ черными людьми, въ противномъ случаѣ лишались своихъ земель въ пользу общинъ. Но въ послѣдствіи, когда служебное тягло получило такое же значеніе, какъ и черное, князьямъ уже нечего было опасаться, что земля выйдетъ изъ тягла. Дозволяя пріобрѣтеніе черныхъ земель боярамъ и дворянамъ, они только переводили землю изъ чернаго тягла въ служебное, такъ что иногда они сами жаловали черныя деревни дворянамъ [4]). Независимо отъ того позволеніе пріобрѣсти черную землю могло быть особенною льготой, милостью со стороны князя. Но во всякомъ случаѣ продажею распоряжалась община, она вольна была продать и не продать [5]). Рас-

---

[1]) А. Ю. № 4: «Тягался Андрейко и всѣ крестьяне Залѣсскіе, со старцемъ съ Косьяномъ со Троицкимъ». № 8: «Тягалися Ликурзскіе волости крестьяне Мартынко Ларіоновъ, да Ермолко Ѳедоровъ, да Онцефоринъ Антоновъ, *и въ всѣхъ крестьянъ мѣста* Ликурзскія волости»; тамъ же № 9, 11.

[2]) Тамъ же, № 6: «А мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста съ крестьянами, и язъ, господине, избу поставилъ; а то, господине, лѣсъ князя Великаго Волоцкой». № 7: «Такъ рекъ Семянко: жалоба ми, господине, на того Ивана, далъ ми, господине, дворской и вся братья (то-есть, всѣ крестьяне) селище Суховерхово, а тотъ Иванъ не бралъ моего селища полосу». Тамъ же № 187. Въ примѣчаніяхъ къ своей критикѣ на соч. г. Чичерина (Областн. Учр.) г. Калачовъ приводитъ слѣдующій любопытный документъ касательно раздачи земель волостію: «Се азъ земской судья..., да судецкой староста, да земскій цѣловальникъ (такіе-то), да и всѣ крестьяне Кильченскія волости дали есмя данную грамоту Петру Гаврилову сыну Пантіеву, на пустой жеребей на четверть деревни Архиповскіе» и т. д..... «и дали есмя всѣмъ міромъ тотъ жеребей Петру». *Арх. истор. и практич. свѣд.* 1859, 3, критика, примѣч. 24.

[3]) А. Ю. № 151: «Что была Масленская же деревня пустая и отдали ее волостные крестьяне на промѣнъ монастырю противъ монастырскихъ земель».

[4]) Что таковъ именно былъ взглядъ князей на этотъ вопросъ, доказываетъ одна жалованная грамота въ А. Ю. № 9 (1503 г.): «Се язъ Князь Андрей Васильевичъ пожаловалъ есми Злобу Васильева сына, ослободилъ есми ему на Вологдѣ купити земли, боярскыхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ; и съ тое земли съ слугами и съ черными людьми не тянетъ; и служити своею братьею съ дѣтьми боярскими». Тоже А. А. Э. I, № 160 и мног. друг.

[5]) Это видно изъ словъ жал. грамотъ: «ослободилъ купить кто ему продастъ». См. также жалов. грамоту митрополиту Фотію (1426) А. А. Э. № 20: «ослобо-

кладка податей и повинностей по животамъ и промысламъ производилась общиною. Это видно изъ всѣхъ уставныхъ грамотъ. Изъ другихъ актовъ можно убѣдиться, что эти права общинъ имѣли практическое значеніе. Каждая община имѣла окладныя книги, по которымъ разверстывались подати и повинности и посылались въ четверть: „гдѣ кто былъ вѣдомъ“. Иногда центральное правительство, для повѣрки своихъ счетовъ, предписывало общинному начальству прислать ему свѣдѣніе о томъ, сколько которая волость платитъ въ казну. Например, при Василіѣ Шуйскомъ была отправлена грамота на Вагу, на посадъ и въ Важскій уѣздъ въ станы и въ волости старостамъ и цѣловальникамъ, отписать къ Москвѣ, сколько съ Ваги, и съ котораго стану и съ сколькихъ вытей или сошнаго тягла порознь, по станамъ, до Борисова владѣнья (Годунова) платили въ четверть дьяку Андрею Щелкалову (послѣ Нижегородскій приказъ. См. А. И. II № 348). Разверстка производилась по имуществу каждаго. „А тѣ кормы.... дворской съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечутъ съ стомза по доли и по пашнѣ; которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корму и поборовъ положатъ; а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корму и поборовъ наложатъ“ (А. А. Э. I № 150). Разумѣется, общины, жившія на владѣльческихъ земляхъ, не имѣли права продажи земель; но за то они пользовались другими правами и несли другія обязанности вмѣстѣ съ черными крестьянами. На нихъ также, какъ и на земли, на которыхъ они сидѣли, далеко не всѣ были освобождены отъ податей и повинностей. Жалованныя грамоты освобождали отъ нихъ многія земли, обѣляли ихъ; таковы были по преимуществу церковныя земли. Но другія земли продолжали тянуть судомъ и данью къ городу и волости. Сами монастыри далеко не всѣ пользовались одинаковыми правами. Нѣкоторые были освобождены отъ суда и тягла безсрочно, другіе на срокъ; нѣкоторые были освобождены отъ всѣхъ пошлинъ, другіе отъ нѣкоторыхъ, и продолжали отбывать прочія (напримѣръ, ямъ, городовое дѣло и проч.). Въ иныхъ эти повинности замѣнялись оброкомъ [1]). Всѣ финансовыя единицы стараго времени,

---

дилъ есми отцу своему Фотію.... купити въ Тольшѣ деревню Яковлевскую волостную».

[1]) А. А. Э. I. № 21: «Старожильцамъ льгота на 3 года, пришлымъ изъ другихъ княженій на 10 лѣтъ... А какъ отсидятъ тѣ люди пришлые урочныя лѣта и они потянутъ съ монастырскими людьми по силѣ». Въ № 19 за всѣ сборы полагается оброкъ. Въ № 20 крестьяне освобождаются отъ всѣхъ повинностей, ко-

крупныя и мелкія, сохи, обжи, выти, существовали одинаково и для частныхъ и для черныхъ земель. Подати эти рѣдко уплачивались самимъ землевладѣльцемъ; натуральныя повинности лежали на личности крестьянъ: и тѣ и другія разверстывались крестьянами по вытямъ и обжамъ, по животамъ и промысламъ. Разверстаніе ихъ производилось ихъ же собственнымъ начальствомъ, а если они тянули къ черной волости, то начальствомъ черныхъ волостей [1]). Въ 1597 г. крестьяне Новской волости били челомъ царю на крестьянъ Кандалосской и Керетской волости и на крестьянъ Соловецкаго монастыря, что они не тянутъ съ ними ни въ какія повинности и не хотятъ съ ними считаться. Старецъ Соловецкаго монастыря, бывшій въ то время въ Москвѣ, объяснялъ въ четверти дьяка Вахрамѣева (послѣ Новгородской четверти), что „которые ихъ Соловецкаго монастыря крестьяне, и казаки, и всякіе промышленные люди и торговые, живутъ у ихъ монастырскихъ промысловъ, живутъ въ Ковдѣ и Порьегубѣ, и они де съ Ковдянами и Порьегубцы всякія государевы подати, по расчету платятъ, и подводы даютъ, и во всемъ считаются по прежнему". Царь повелѣлъ произвести слѣдствіе объ этомъ предметѣ и

торыя деревня должна тянуть съ волостными людьми, кромѣ яму и дани. Въ № 28 полагается оброкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне не освобождаются отъ городоваго дѣла; въ № 35, освобождаются, кромѣ дани; въ № 39 освобожденіе отъ дани на срокъ и т. д.

[1]) А. А. Э. II № 68 (1607 г.). Царская грамота Звенигородскимъ старостамъ и цѣловальникамъ о невзысканіи съ селъ и деревень Сторожевскаго монастыря ямскихъ денегъ *за одинъ годъ*. Слѣдовательно, во всѣ предыдущіе и послѣдующіе годы они платили съ черными посадскими людьми. Еще опредѣлительнѣе № 85, тамъ же. Воскресенскій монастырь билъ челомъ царю о возобновленіи прежней грамоты ихъ, сожженной казанскими людьми. Послѣ этого происшествія Солигалицкія около-городныя волости объявили монастырское село черною землей, и старосты и цѣловальники ихъ брали съ монастырскихъ крестьянъ оброкъ. Царь повелѣлъ отписать это монастырское село особо и платить всякія подати *съ бѣлыми сохами* вмѣстѣ, «по тому жъ, какъ и съ иныхъ монастырскихъ вотчинъ всякія подати платить». См. А. Ю. № 209. Платежныя грамоты. Вездѣ перечисляются подати, взимавшіяся съ бѣлыхъ сохъ: напр. № IV. Ямскія и приметныя, и за хлѣбъ и за оброкъ, и дьячія и писчія, городовыя, засѣчныя, емчужное дѣло, за подъячихъ, за земскаго дьячка, плотниковъ, кузнецовъ, за присудъ Новгородскихъ намѣстниковъ...... были разложены по сохамъ и обжамъ. Уплаты производились монастырскимъ начальствомъ. Но это въ сущности не означало, что крестьянское начальство не принимало здѣсь никакого участія. Имъ выгоднѣе было сноситься съ сборщиками чрезъ келаря. Въ № VII мы видимъ, что и черныя деревни поручали уплачивать ближайшимъ монастырямъ. А. И. I № 195, 202, 211, 246, Д. къ А. И. I, 59, 140.

подтвердить „старцамъ и ихъ промышленникамъ, которые за ними живутъ, Ковды волости и Порьегубѣ съ старостами и съ цѣловальники и съ волостными крестьяны во всемъ считаться, и всякія подати давать съ волостными людьми вмѣстѣ, за одинъ, по прежнему". Раскладка этихъ податей по вытямъ, занимаемымъ крестьянами, сдѣлала даже изъ участковъ владѣльческой земли тяглыя единицы, которыя можно было обѣливать подобно вытямъ черныхъ земель. Любопытный примѣръ этого представляетъ одна изъ жалованныхъ грамотъ царя Михаила Өеодоровича [1]). Крестьяне Вяжицкаго монастыря, Поздѣй, Томила и Степанъ Тарутины, за услуги, оказанныя ими матери Государевой, были награждены слѣдующимъ образомъ: принадлежавшія имъ двѣ трети выти въ деревнѣ Тарутиной, да треть выти въ деревнѣ Граболовской и одна пожня были обѣлены, то-есть, избавлены отъ всѣхъ царскихъ податей, и монастырю запрещено взыскивать съ нихъ подати. Слѣдовательно, всѣ остальные крестьяне несли всѣ тѣ повинности, отъ которыхъ были избавлены Тарутины съ своихъ вытей. Такъ какъ эти подати лежали частью на землѣ, то весьма естественно, что землевладѣлецъ несъ отвѣтственность за всю совокупность этихъ податей. Но въ то же время отбываніе ихъ возлагалось на самихъ крестьянъ, входило въ условіе съ землевладѣльцемъ, и разверстка ихъ производилась самими крестьянами по вытямъ и обжамъ [2]). Нѣкоторыя повинности, какъ напримѣръ, губная и таможенная, отбывались и независимо отъ монастырей и другихъ владѣльцевъ. Ихъ отбывали крестьяне или своими волостями, или вмѣстѣ съ черными [3]).

[1]) А. А. Э. III № 30. Подобная же А. И. т. III № 105.

[2]) А. Ю. № 177 (1556 г.) Порядная крестьянина Өедора Кононова съ Вяжицкимъ монастыремъ. Онъ взялъ у нихъ обжу съ чет. земли, а давати ему оброку въ монастырь (столько-то), денежную дань въ монастырь же по книгамъ, «а тіунныя и ключничи и посельскія пошлины давати по старинѣ, какъ иные крестьяне даютъ, и иные разрубы всякіе давати по грамотѣ по книгѣ волостной». № 178 — подобная же (1576 г.): «А живучи намъ на той деревнѣ тягло государьское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху поставимъ съ 182 (1582 г.)... а дани Царя и Великаго Князя и оброки и всякія Государьскіе подати давати... какъ и прочіе крестьяне».

[3]) А. Ю. № 222 (1606 г.): «Суздальской таможеннаго сбору выборный голова Пятой Бабухинъ съ цѣловальниками взяли Покровскаго дѣвича монастыря съ вотчины, съ Суздальскаго уѣзда съ селъ и съ деревень и Володимірскаго уѣзда съ Талицкіе волости со крестьянъ (столько-то). А деньги платили Покровскіе крестьяне Талицкіе волости староста Кирило Родіоновъ да Игнатій Закорюковъ». № 223, II, — квитанція губнаго старосты, данная крестьянамъ Тихвинскаго мона-

Итакъ, вездѣ количество оброка и повинностей зависѣло отъ величины участка, занимаемаго крестьяниномъ, будь это на черной или на владѣльческой землѣ. Повинности и подати опредѣлялись высшимъ правительствомъ гуртомъ на цѣлую общину или даже на цѣлый уѣздъ; внутренняя же раскладка зависѣла отъ общины и количества животовъ и промысловъ каждаго члена волости [1]). Затѣмъ не только въ черныхъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ находимъ мы цѣлый штатъ сельскаго начальства, которое, кромѣ общественныхъ дѣлъ, имѣло еще и полицейскія обязанности [2]). Охраненіе волости отъ лихихъ людей, преслѣдованіе воровства, зерни и пр., было ихъ непремѣнною обязанностію [3]). Старосты и цѣловальники являлись органами центральной власти [4]).

Не смотря, слѣдовательно, на тяглый характеръ самоуправленія

стыря, въ томъ, что онъ получилъ отъ ихъ староста деньги на бумагу и свѣчи;— III, въ полученіи отъ вотчинныхъ крестьянъ денегъ на жалованье Суздальскимъ городовымъ воротникамъ отъ ихъ старосты и т. д. Тоже № 348,351,424. Духовная крестьянина Василья Муковоза: «Да издержалъ язъ *въ Государевы подати и въ монастырскіе доходы* и въ *мірскіе разрубы* три рубли денегъ». То же подтверждаютъ не изданные акты. См. *Бѣляева*—«Крестьяне на Руси» стр. 173 и слѣд.

[1]) А. А. Э. Т. II № 25.

[2]) Наказная память Вельскаго стана крестьянамъ Бориса Годунова, Вельскаго стану крестьянамъ, старостамъ и цѣловальникамъ, и сотскимъ и пятидесятскимъ. «Били вы челомъ.... чтобы у васъ кабакъ свести.... и Государь Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ.... кабакъ свести велѣлъ; и вы бы Петръ Діаконовъ, да Никита Ивановъ съ товарищи.... *и выборные судьи* и старосты и цѣловальники и сотскіе, и пятидесятскіе то берегли накрѣпко, чтобъ у васъ въ Вельскомъ стану продажнаго питья ни у кого не было, и зернью бы по деревнямъ крестьяне не играли, и воровства бы, татьбы, и душегубства, ни разбою, ни грабежу, ни иного котораго воровства не было, того всего беречи на крѣпко». А. А. Э. I. 301 А. Ю., № 349. II.

[3]) А. Ю. № 232 (1557—1581 г.) Крестоприводная запись Тавренской волости выборнаго судьи. Id. № 334 I и III, 340, 351, 354. Также заповѣдныя грамоты крестьянъ Тавренской волости. № 358, № 374. Роспись деньгамъ, собраннымъ съ крестьянъ сельскимъ старостою. Доп. къ А. И. IV стр. 54 ib. № 33, ib. т. VI. 10.

[4]) «А которые ищеи и отвѣтчики тяжутся предъ бояры *и во всѣхъ приказахъ*, а шлются на обыскъ, на многіе люди безъ именно, и въ тѣхъ дѣлѣхъ пошлютъ бояре обыскивати къ старостамъ и цѣловальникомъ». Доп. ук. къ Суд. № V. Или напр., см. царскую грамоту на Вагу становымъ и волостнымъ старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ судьямъ, о пріемѣ въ Важскихъ городкахъ, по переписному списку, огнестрѣльнаго наряда и запасовъ, приходорасходныхъ книгъ, судныхъ и всякихъ письменныхъ дѣлъ. А. И. II, № 67.

послѣ Ивана Грознаго, значеніе общинъ сохранилось долгое время. Тѣмъ не менѣе развитіе централизаціи не было остановлено этимъ общиннымъ самоуправленіемъ. Оно развивалось все сильнѣе, и самая общинная жизнь способствуетъ этому.

Гдѣ тягло, повинность, закрѣпленіе—тамъ и централизація, какъ это доказала исторія России [1]). Мы видѣли выше, что централизація служилаго сословія была естественнымъ продуктомъ его закрѣпленія. Централизація по отношенію къ крестьянскому сословію зависѣла, кромѣ его закрѣпленія, еще и отъ другихъ причинъ: ей, можно сказать, способствовалъ самый характеръ крестьянскаго самоуправленія.

Установленіе истиннаго самоуправленія зависитъ, между прочимъ, отъ организаціи въ мѣстности правительственныхъ органовъ. Присутствіе въ мѣстности органовъ высшей исполнительной власти, которымъ порученъ общій мѣстный надзоръ, власть разрѣшать сомнѣнія, возникшія въ администраціи, обусловливаетъ значеніе административной личности провинціи въ томъ видѣ, какъ она можетъ быть допущена государственнымъ единствомъ. Между высшимъ правительствомъ и мѣстностію долженъ находиться самостоятельный правительственный органъ, представляющій личность государства въ провинціи и личность провинціи предъ государствомъ. Присутствіе такого органа въ провинціи даетъ возможность сосредоточить въ ней всѣ органы дѣйствительнаго управленія, ближайшей администраціи провинціи. Въ противномъ случаѣ они должны быть сосредоточены подлѣ высшаго управленія въ столицѣ, что несомнѣнно ведетъ къ централизаціи. Не говоря уже о количественной причинѣ этого явленія, всѣмъ понятной (соединеніе всѣхъ вопросовъ администраціи въ рукахъ однихъ столичныхъ органовъ), оно зависитъ и отъ того, что при перенесеніи всего управленія въ столицу, мѣстное населеніе не можетъ быть призвано къ самостоятельному участію въ управленіи, что административныя задачи не могутъ быть распредѣлены между органами правительства и общества, участіе котораго въ столичныхъ установленіяхъ не мыслимо. Правительство, правда, можетъ дать мѣстному обществу нѣкоторое участіе въ управленіи, даже при сосредоточеніи всей администраціи въ столицѣ. Но участіе это не можетъ имѣть надлежащей самостоятельности. При слабости средствъ мѣстнаго надзора, правительство принуждено будетъ сосредоточить въ

---

[1]) Въ противоположность исторіи Западной Европы: тамъ закрѣпленіе народонаселенія установлялось и поддерживалось феодальнымъ раздробленіемъ.

столицѣ не только весь надзоръ, но и все управленіе, предоставивъ органамъ самоуправленія только роль пассивныхъ агентовъ администраціи центральной. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка будетъ превращеніе этого самоуправленія въ повинность, тягло, нисколько не выгодное для общества.

Что централизація была естественнымъ выводомъ изъ нашего мѣстнаго самоуправленія, можно видѣть: а) изъ причинъ, вызвавшихъ его и опредѣлившихъ его характеръ, б) изъ отношеній административныхъ единицъ въ мѣстности между собою, в) изъ того характера, которое получило самоуправленіе подъ конецъ своего существованія.

Съ того времени какъ правительство призвало общины къ участію въ государственной дѣятельности, оно имѣло характеръ льготы, *изъятія ихъ изъ-подъ вѣдомства мѣстныхъ властей*. Сильнѣйшее развитіе этого самоуправленія относится ко времени отставки намѣстниковъ и волостелей, отъ которыхъ царь избавлялъ крестьянство „ради великихъ продажъ и убытковъ". Это избавленіе, изъятіе вело естественно къ подчиненію ихъ Московскому управленію. Въ этомъ отношеніи льгота крестьянамъ имѣла одинаковыя послѣдствія со всѣми льготами, какія знало Московское государство. Жалованныя грамоты также избавляли тѣ или другія лица или группы лицъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Но землевладѣльцы и монастыри въ судебномъ отношеніи получили только право намѣстниковъ и волостелей, то-есть, значеніе суда первой инстанціи, и подчинялись сами суду великаго князя. „А кому будетъ чего искати на игуменовѣ приказчикѣ, или каково на него слово прійдетъ, ино его сужю самъ князь великій (или просто князь, смотря потому, кто давалъ жалованную грамоту) или мой бояринъ введеный", прибавляетъ почти каждая жалованная грамота.

То же случилось и съ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Губные старосты и цѣловальники подчинялись Московскому разбойному приказу. Разбойный приказъ извѣщался о томъ, кто избранъ въ губные старосты и цѣловальники [1]). Затѣмъ они по большей части присылались въ Москву для присяги, а съ видоизмѣненіемъ этой должности и для утвержденія. Дѣятельность старостъ и цѣловальниковъ подчинялась контролю приказа. Сюда присылались отчеты о коли-

---

[1]) «А которыхъ дѣтей боярскихъ и старостъ и десятскихъ и лутчихъ людей учинить въ головахъ, въ которой волости ни буди, и вы бъ о томъ отписали часа того къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны»,

честв казненныхъ разбойниковъ, взятыхъ съ нихъ животовъ для раздачи ограбленнымъ. Въ случаѣ недоумѣнія, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, когда требовалось разрѣшеніе высшаго правительства, *докладъ* совершался или чрезъ разбойный приказъ, или чрезъ казначея, какъ это предписано въ Важской уставной грамотѣ, или, наконецъ, чрезъ областной приказъ. То же было предписано относительно всѣхъ прочихъ видовъ суда, предоставленнаго крестьянству [1]). Въ большей еще степени требовался контроль центральнаго правительства относительно финансовыхъ обязанностей общинъ. Не имѣя своихъ самостоятельныхъ органовъ въ мѣстности для этой цѣли, правительство принуждено было взимать подати со всей Русской земли въ Москвѣ, куда должны были свозить ихъ земскіе старосты и цѣловальники [2]) изъ каждой волости особо.

Далѣе, самоуправленіе получаетъ истинное значеніе при полномъ объединеніи всѣхъ дробныхъ единицъ и корпорацій, принимающихъ въ немъ участіе, *въ самой мѣстности.* Только тогда мѣстность эта можетъ получить значеніе законченнаго организма. Между тѣмъ крестьянское самоуправленіе устанавливало *особливую* дѣятельность каждой волости и каждой мѣстности, которой оно было дано, въ томъ смыслѣ, что всякая мѣстная іерархія была уничтожена, и волости на равныхъ правахъ сносились съ центральнымъ правительствомъ, собраннымъ въ Москвѣ. Въ мѣстности, между волостями, получившими самоуправленіе, не было никакой посредствующей власти, которая бы могла разрѣшать ихъ пререканія и столкновенія. Во времена жалованныхъ грамотъ, всѣ смѣшанные иски и преступленія, въ коихъ были замѣшаны лица подсудныя какъ общему, такъ и льготному суду, судились такъ-называемымъ смѣстнымъ судомъ. Съ уничтоженіемъ же намѣстниковъ и волостелей, эта посредствующая власть по необходимости должна была сосредоточиться въ Москвѣ. По губнымъ дѣламъ, въ случаѣ пререканій и столкновеній между двумя губными округами, въ случаѣ не-

[1]) «А которыхъ дѣлъ тѣмъ выборнымъ судьямъ тѣхъ волостей и становъ безъ нашего вѣдома кончати не мочно, а выборнымъ судьямъ въ тѣхъ дѣлѣхъ, несроча къ Москвѣ обыскъ лицамъ, волокиты для, суда своего и обыска списки, съ своими приписьми и съ цѣловальниковыми и лучшихъ людей руками присылать къ намъ на Москву, съ нашею казною вмѣстѣ, и мы въ тѣхъ дѣлѣхъ велимъ управу учинити безпошлинно».

[2]) «А платить имъ тотъ оброкъ съ пошлиною, въ нашу казну, на Москвѣ, дьяку нашему Угрину Львову, въ году по два срока, по половинамъ»; или въ другой грамотѣ, привозятъ оброкъ въ Москву излюбленные старосты и съ ними лучшіе люди.

исполненія требованій начальства одной губы начальствомъ другой, должно было обращаться въ Москву [1]. По отношенію къ суду гражданскому встрѣчается еще смѣстный судъ [2]. Но кажется это было исключеніе; а по общему правилу, въ случаѣ столкновенія людей одной волости съ людьми другой, надлежало обращаться въ Москву [3]. Если, такимъ образомъ, вся административная власть сосредоточивалась въ Москвѣ, то съ другой стороны, всѣ мелкія административныя единицы получали вполнѣ самостоятельное значеніе. Правительство долгое время не имѣло даже никакихъ средствъ побуждать ихъ къ исполненію обязанностей, кромѣ посылки каждый разъ чиновниковъ изъ Москвы. Такъ, въ случаѣ недоставленія въ срокъ податей и оброка изъ какой-нибудь волости, изъ Москвы отправлялся царскій приставъ, который доправлялъ подати на неисправныхъ плательщикахъ вдвое. Централизація уживалась съ сильнѣйшимъ административнымъ дробленіемъ страны. Правительство не только допускало безпрепятственное сношеніе каждой общественной единицы съ Москвою, но постоянно допускало дробленіе уже существующихъ волостей на новыя. Въ 1591 г. крестьяне Глотовой слободки жаловались царю, что имъ неудобно подати платить съ другими волостями, потому что въ ней живутъ все молодщіе люди, которымъ нельзя состоять въ одномъ окладѣ съ лучшими и средними людьми. Царь пожаловалъ слобожанъ и велѣлъ имъ подати платить и къ Москвѣ привозить въ царскую казну, а въ прочія волости ни въ какія подати не тянуть ни чѣмъ [4]. То же самое дѣлало правительство и по отношенію къ другимъ волостямъ. Уставныя грамоты относились не только къ цѣлымъ волостямъ, но и къ отдѣльнымъ слободамъ, селамъ [5].

Общественно-административныя единицы древней Россіи не были,

---

[1]) «А не пришлютъ изъ иныхъ губъ старосты оговорныхъ людей по грамотамъ, и тѣмъ старостамъ, у которыхъ языки говорили, отписывати къ бояромъ въ разбойную избу».

[2]) Уставная Двинская грамота: «А случится у нихъ каково вобчее дѣло, промежъ посадскихъ людей и волостныхъ съ иными волостными людьми, и тѣ ихъ выборные судьи, а съ ними тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей съѣзжаются лутчіе люди всѣ вмѣстѣ, и тѣхъ людей судятъ вобче во всякихъ дѣлѣхъ и управу межъ ихъ чинятъ по нашему новому судебнику».

[3]) А. А. Э. I, № 234: «А кому будетъ чего искати опричнымъ людямъ на Шенкурцехъ и на Вельскихъ, на посадскихъ людяхъ и становыхъ крестьянѣхъ и тѣ опричные люди.... приходятъ о управахъ на Москву къ казначеемъ нашимъ».

[4]) А. А. Э. I. № 350.

[5]) Тамъ же, № 196, 192, 200, 201 и мног. друг.

такимъ образомъ, связаны между собою въ мѣстности ни правительственными органами, ни высшими общественными организмами. Понятіе объ области, провинціи, не успѣло выработаться надлежащимъ образомъ. Всѣ эти разрозненныя единицы связывались между собою только идеей единства земли, государственнымъ началомъ. Вотъ почему онѣ, хотя и были способны къ обще-государственнымъ подвигамъ, но не могли составить настоящей провинціи. Общинное раздробленіе, а въ послѣдствіи сословная рознь, уничтожало значеніе земскаго начала въ мѣстности. Оно изрѣдка прорывалось въ обще-государственной жизни, въ трудныя для народа минуты. Оно совершило блестящіе подвиги при изгнаніи Поляковъ, энергически дѣйствовало на земскихъ соборахъ, но создать мѣстнаго земства для постоянной, ровной работы надъ административными задачами оно не могло....

Такое административное раздробленіе древней Россіи, безъ сомнѣнія, не могло усилить роли этихъ мелкихъ единицъ въ управленіи. Распредѣленіе задачъ управленія между органами правительства и общества, какъ мы замѣтили, можетъ имѣть мѣсто только при существованіи въ мѣстности сильнаго объединяющаго правительственнаго начала. Если надзоръ сосредоточивается въ столицѣ, то по трудности отдѣлить его отъ дѣйствительнаго управленія онъ непремѣнно сольется съ нимъ. Разграниченіе надзора отъ дѣйствительнаго управленія можетъ быть произведено только въ мѣстности, гдѣ надзоръ, простираясь на многочисленныя вѣдомства и дѣйствуя равномѣрно на всѣ части управленія, не имѣетъ ни стремленія, ни возможности вдаваться во всѣ вопросы дѣйствительнаго управленія. Напротивъ, при сосредоточеніи надзора въ столицѣ, онъ будетъ разбитъ по вѣдомствамъ и до такой степени устремитъ дѣятельность контролирующей власти на одну часть управленія, что она невольно заберетъ въ свои руки и самое управленіе, не оставивъ мѣстности ничего, кромѣ простаго исполненія.

Это, по естественному ходу событій, случилось съ мелкими единицами, получившими самоуправленіе. Но и кромѣ этой причины, ослабленію ихъ значенія способствовало то обстоятельство, что дѣйствительно, въ Московскомъ государствѣ вырабатывался тяглый, финансовый взглядъ на значеніе крестьянства въ государствѣ. Установленіе крѣпостнаго права и подобныя ему мѣры должны убѣдить въ этомъ самый предубѣжденный умъ [1]). Если изъ финансовыхъ разчетовъ пра-

[1]) Въ этомъ отношеніи согласны писатели самыхъ противоположныхъ направленій: г. Бѣляевъ подаетъ руку г. Чичерину и «Разстроенное положеніе фи-

вительство не затруднилось отнять у народа личную свободу, то тѣмъ менѣе могло оно остановиться предъ общиннымъ самоуправленіемъ. Общины, въ началѣ свободныя, общественныя единицы, первоначально выступили въ качествѣ такихъ же свободныхъ дѣятелей и въ государственной, правительственной дѣятельности; но съ постепеннымъ закрѣпленіемъ крестьянства, значеніе общинъ, какъ это справедливо указалъ г. Чичеринъ, должно было уступить значеніе приказному элементу, приказамъ и постепенно развившемуся воеводскому институту. Въ глазахъ правительства, община имѣла только тяглое значеніе; прежнее общественное значеніе ея утратилось вслѣдствіе закрѣпленія крестьянскаго сословія. Дѣятельность приказовъ и подвѣдомственныхъ имъ управленій выступила на первый планъ. Управленіе крестьянскимъ сословіемъ сосредоточилось въ Москвѣ, хотя нѣкоторыя задачи остались на отвѣтственности общинъ.

Итакъ, община не создала провинціи. Это не было ея историческимъ призваніемъ. Единственная ея заслуга заключается въ томъ, что она сохранила и поддерживала въ самыя тяжелыя времена личность крестьянина и понятіе о государственномъ единствѣ. Общинное самоуправленіе установило тяготѣніе всѣхъ дробныхъ единицъ къ Москвѣ, постоянно поддерживало связь всѣхъ и каждаго съ центральною властію. Вслѣдствіе этого Россія не могла быть раздроблена на феодальные участки, а личная свобода не могла быть поглощена частнымъ землевладѣніемъ. Эти права крестьянскаго сословія доказываютъ, что частное землевладѣніе, какъ основа мѣстнаго самоуправленія въ древней Россіи, не имѣло того значенія, какъ въ Западной Европѣ. Это подтверждается тѣмъ, что когда правительство пожелало передать судъ и полицію въ руки общества, оно призвало не одинъ какой-либо классъ, а все земство, при чемъ крестьянство первоначально играло роль гораздо болѣе активную, чѣмъ служилый классъ. Ни право вотчиннаго суда, ни вотчинная полиція не были извѣстны древней Россіи, потому что владѣльцы земель не имѣли никакихъ правъ на своихъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ, кои вытекали изъ свободнаго между ними договора и касались экономическихъ отношеній, оброка, работы и проч. Первымъ установленіемъ, получившимъ нѣкоторую власть надъ крестьянами, была община.

нансовыхъ дѣлъ и отягощеніе народа вызвали Московское государство... къ общему прикрѣпленію свободныхъ крестьянъ къ землѣ» («Крестьяне на Руси», стр. 105). «Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, пріобрѣтеннымъ однимъ лицомъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на всѣ сословія» «(Опыты по исторіи р. права стр. 230)».

Уже въ послѣдствіи частное землевладѣніе явилось средствомъ закрѣпленія крестьянъ, и тогда само крѣпостное право измѣнило свой характеръ. Но эта общинная власть долгое время поддерживала гражданскую свободу крестьянъ. Въ качествѣ члена этого союза, крестьянинъ подчинялся власти міра и имъ выбранныхъ начальниковъ, но былъ избавленъ отъ дворянскаго и приказнаго самовластія. Въ качествѣ членовъ общинъ, крестьянство сносилось съ правительствомъ отъ своего имени, составляло независимый и свободный классъ русскаго общества. Составляя общины, оно пришло на выручку молодаго государства, когда оно подавляло дружинныя начала и искало опоры для новаго земскаго строенія. Оно дало возможность государству вести губное дѣло, финансовое управленіе, полицейскую дѣятельность, безъ „отставленныхъ" имъ намѣстниковъ и волостелей, сыщиковъ и всякихъ приказныхъ людей въ провинціи, — фактъ, слишкомъ еще мало оцѣненный въ нашей исторіи!

Общинный бытъ крестьянства обезпечилъ гражданскую свободу крестьянъ еще и въ томъ смыслѣ, что поставилъ крестьянство въ непосредственное отношеніе къ верховной власти, которая не была заслонена отъ него цѣпью феодаловъ, бароновъ и монастырей, какъ въ Западной Европѣ. Тамъ, монархической власти для сближенія съ общинами слѣдовало пробиться чрезъ цѣлую стѣну *властей*, отдѣлявшихъ ее отъ народа; здѣсь свободныя общины могли быть всегда выслушаны царемъ и послужили для него средствомъ сломить исключительное могущество боярства. На западѣ общины объявили себя непосредственными подданными короля послѣ долгихъ усилій и кровавыхъ побѣдъ надъ феодализмомъ [1]); въ Россіи роль земскаго князя и царя не только жила въ сознаніи всѣхъ и каждаго, но и была живою практическою дѣйствительностію. На западѣ стремленіе къ національному единству, къ гражданскому равенству и свободѣ, вышедшее изъ революціоннаго движенія, должно было обратиться въ стремленіе къ полнѣйшей нивеллировкѣ страны въ политическомъ и общественномъ отношеніи; въ Россіи единство общества было безспорнымъ фактомъ, а свобода его въ тѣ минуты, когда она существовала, поддерживалась существованіемъ многочисленныхъ союзовъ и организмовъ. Сознаніе единства земли и общества не было у насъ протестомъ противъ феодальнаго раздробленія, феодальнаго

[1]) Prise en elle même, la commune est une révolution, et une révolution, precédée d'une insurrection ou morale, ou materielle (Origines de la démocratie par Morin).

безправія; оно составляло древнее, неоспоримое достояніе русскаго народа, который былъ единъ и во времена удѣльновѣчеваго уклада, какъ и въ эпоху Грознаго, и говорилъ о своемъ единствѣ и въ пѣснѣ бродника и на земскихъ соборахъ.

При такихъ условіяхъ свобода медленно изчезала изъ русскаго общества. Самое закрѣпленіе крестьянъ въ первоначальномъ своемъ значеніи не могло окончательно видоизмѣнить общиннаго самоуправленія. Закрѣпленіе это было пока такимъ же земскимъ фактовъ, какъ и самоуправленіе и общины. Полное видоизмѣненіе и уничтоженіе крестьянскаго самоуправленія относится къ тому времени, когда закрѣпленіе получаетъ сословный характеръ, когда тягла специализируются и превращаютъ классы общества въ сословія. Приписаніе извѣстнаго класса общества спеціально къ одному тяглу должно было превратить самоуправленіе въ средство отбыванія этого тягла, то-есть, уничтожить его.

Въ такомъ смыслѣ крестьянство русское долго не составляло сословія.

Сознаніе свободы и единства русскаго общества, жившее въ народѣ долго, препятствовало образованію у насъ сословій, которыя въ сущности противны нашему національному чувству. Г. Чичеринъ правъ, говоря, что на западѣ сословія были произведеніемъ вольнаго корпоративнаго духа, а у насъ они были произведеніемъ разныхъ тяглъ, возложенныхъ на различные классы. Дѣйствительно, повинность, тягло, создали и поддерживали у насъ существованіе сословій; съ постепеннымъ освобожденіемъ народа отъ тягла, крѣпости, сословное дѣленіе теряетъ свой смыслъ, и старый земскій духъ съ неудержимою силой пробивается впередъ. Во всякомъ случаѣ общины не были произведеніемъ узкаго сословнаго духа и не были ближайшимъ поводомъ къ образованію крестьянскаго сословія въ томъ смыслѣ, какъ оно существовало въ XVIII и XIX вѣкѣ. Общинное устройство допускало количественное, но не качественное различіе между людьми: оно знало добрыхъ, среднихъ и молодшихъ людей, но не знало ни родовой аристократіи ни другихъ ихъ наслѣдственныхъ отличій. Община по принципу знала только людей тянущихъ въ разрубы и разметы въ большей или меньшей степени; другихъ различій не было. То же признавали и древніе князья. „А кто учнетъ жить на нашей черной землѣ сынъ боярскій или приказной человѣкъ или митрополичьи и владычень и монастырскій, или чей кто ни буди, и тѣ люди въ тѣхъ дворѣхъ, и въ волостяхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ, волостелю и намѣст-

нику судимы, и тягло съ черныхъ деревень и съ починковъ, наши оброки и разметы всякія, тянутъ на выти, что на нихъ цѣловальники положатъ", говорятъ они. Послѣдующее раздѣленіе на сословія развилось подъ вліяніемъ тяглъ, соотвѣтствовало не общественнымъ, а государственнымъ потребностямъ. Само государство допускало его на столько, на сколько требовали этого его потребности. Тѣмъ менѣе можно было думать объ установленіи правъ одного сословія надъ другимъ, въ интересахъ обыкновенной частной собственности, то-есть, крѣпостнаго права.

Установленіе крѣпостнаго права, наконецъ, совершенно видоизмѣнило значеніе крестьянской общины. Причины этого страннаго явленія находятся въ тѣсной связи съ исторіей служилаго сословія. Судебники, какъ мы видѣли выше, не допускали возможности поземельнаго рабства. На западѣ человѣкъ, подышавъ годъ съ однимъ днемъ воздухомъ какого-нибудь владѣнія, становился крѣпостнымъ (Luft macht eigen...); у насъ онъ могъ дышать этимъ воздухомъ сколько угодно, могъ быть *старожильцемъ* на землѣ и все-таки не прикрѣплялся къ ней, то-есть, могъ оставить ее, когда угодно. Не многія правила давали землевладѣльцу нѣкоторое право надзора за его крестьянами, и они были установлены въ интересахъ правительства. Такъ, землевладѣльцамъ предписывалось слѣдить за тѣмъ, чтобы люди и крестьяне ихъ не лгали на обыскахъ, въ противномъ случаѣ имъ грозила опала [1]). Но если вотчинное владѣніе не давало никакихъ особенныхъ правъ надъ крестьянами, нельзя того же сказать о помѣстномъ владѣніи. Помѣстное владѣніе, какъ мы видѣли, было построено на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ вотчинное; оно имѣло цѣлію обезпеченіе государевой службы, и служебное начало это постепенно видоизмѣнило и положеніе вотчинъ, какъ полной частной собственности. По мѣрѣ того какъ земля получала служебное значеніе, крестьянство, какъ рабочая сила, жившая на этой землѣ, начало особенно интересовать правительство съ точки зрѣнія именно выгодъ службы. Съ давнихъ поръ оно заботится, чтобы земля „не выходила изъ службы". Но земля эта могла обезпечивать положеніе служилаго класса, когда она приносила доходъ; доходъ она могла приносить только тогда, когда она *не была пуста,* то-есть, когда выти и обжи ея были заселены крестьянами. Для того, чтобы дворянамъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ было съ чего служить государеву службу, необ-

---

[1]) Доп. Указы къ Судебн. V. 10, 11.

ходимо было поддержать доходность ихъ помѣстій и вотчинъ, а для этого необходимо было обезпечить за ними трудъ крестьянства. Закрѣпленіе и несвободное положеніе одного сословія, въ государствѣ, того сословія, на которое больше всего опиралась дѣятельность правительства, требовало закрѣпленія другихъ классовъ въ пользу этого сословія. Правительство и прежде, когда этого требовали его интересы, ограничивало свободный переходъ крестьянъ. Въ прежнее время, въ своихъ жалованныхъ грамотахъ оно запрещало монастырямъ и другимъ частнымъ владѣльцамъ перезывать черныхъ крестьянъ въ свои владѣнія. Для подобныхъ же цѣлей первоначально было распространено значеніе Юрьева дня. Съ развитіемъ помѣстной системы, правительство также заботилось о томъ, чтобы помѣстья не пустѣли. Еще при Иванѣ Грозномъ строго запрещалось пустошить помѣстья; въ послѣдствіи вышло запрещеніе сводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. Но эти отдѣльныя мѣры вскорѣ не могли уже удовлетворить правительство, которое искало средствъ, постояннаго, бездоимочнаго отбыванія тяглъ. Два рода тяглъ обращали на себя вниманіе правительства: тягло служебное и разныя подати, повинности и оброки. И тѣ и другія обезпечивались двумя видами земель: землями черными и государевыми съ одной стороны, и землями частныхъ владѣльцевъ, съ другой. И тамъ и здѣсь интересъ государственнаго управленія былъ одинъ и тотъ же; ему необходимо было, чтобы каждая волость доставляла ему опредѣленную сумму денегъ и извѣстное количество повинностей, исчисленныхъ въ одномъ изъ Московскихъ приказовъ, и чтобы каждая вотчина и помѣстье доставляла ему извѣстное количество служилыхъ людей или даточныхъ денегъ, исчисленныхъ въ разрядѣ или въ помѣстномъ приказѣ. И первое и второе возможно было только при одномъ условіи, чтобы выти на тѣхъ и другихъ земляхъ не были пусты. Пустовали же онѣ по многимъ причинамъ. Намѣстники и волостели раззоряли свои уѣзды и волости, и крестьяне бѣжали изъ нихъ; монастыри манили ихъ своими льготами; владѣльцы переманивали крестьянъ другъ у друга и изъ черныхъ волостей. Сильно страдали отъ этого черныя волости и мелкіе помѣщики и вотчинники. Черныя волости при оскудѣніи людей должны были нести прежнія повинности по числу вытей, находившихся въ ихъ владѣніи; мелкіе помѣщики должны были отбывать службу съ своихъ запустѣвшихъ земель [1]). Но болѣе всего отзывался

[1]) Въ 1645 г. дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ били челомъ Царю Алексѣю Михайловичу: «Служили мы отцу твоему государеву тридцать два года,

этотъ порядокъ вещей на интересахъ казны. Не говоря уже о недоборахъ въ черныхъ волостяхъ и ущербѣ службы, казна не имѣла даже возможности установить правильную систему взысканія податей. Ей не было извѣстно количество тяглыхъ людей и состояніе вытей въ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Писцовыя, дозорныя и приправочныя книги мало помогали дѣлу. Каждой волости и каждому владѣльцу было выгодно, чтобы „при писцѣхъ" у нихъ оказалось какъ можно меньше крестьянъ, авось ли не сбавятъ чего изъ податей; вслѣдствіе этого на одну выть и на одинъ дворъ (въ городѣхъ) нерѣдко записывали по нѣскольку крестьянъ, жившихъ своимъ хозяйствомъ. Уѣзжали писцы, и во всѣхъ мѣстахъ появлялись новые жильцы, на которыхъ разверстывались уменьшенныя такимъ путемъ подати. Только сдѣлавъ крестьянина принадлежностью земли, правительство могло придать чернымъ вытямъ и помѣстьямъ ихъ настоящее финансовое значеніе. Изъ этой потребности обезпечить отбываніе государственныхъ податей и повинностей съ одной стороны, и службы съ другой, возникло въ концѣ XVI вѣка явленіе, извѣстное въ нашей исторіи подъ именемъ крѣпостнаго права.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не означало впрочемъ, что они вмѣстѣ съ землею становились собственностью владѣльцевъ. Г. Бѣляевъ [1]) весьма справедливо замѣчаетъ, что пребываніе крестьянина на владѣльческой землѣ сдѣлалось государственною повинностію какъ для него, такъ и для господина. Если крестьянинъ не могъ уйдти отъ господина, то послѣдній не могъ его согнать. Далѣе, подобно Юрьеву дню, новая мѣра правительства касалась не только владѣльческихъ земель, но и черныхъ. Откуда бы ни убѣжалъ тяглый крестьянинъ, онъ одинаково считался бѣглымъ; если онъ покидалъ владѣльческую землю, его преслѣдовалъ помѣщикъ; если — черную, его искала община и прочее крестьянское начальство. Уничтоженіе крестьянскаго перехода имѣло ближайшею цѣлію поверстать всѣ тяглыя единицы Московскаго государства рабочею силою, и правительство не могло этого сдѣлать иначе, какъ уничтоживъ

также и прежнимъ государямъ служили безпрестанныя службы, а отъ службъ обѣдняли и одолжали великими долги, и коньми опали, а помѣстья и вотчины наши опустѣли, и домы наши оскудѣли и разорены безъ остатку отъ войны и отъ сильныхъ людей, которые люди наши, а крестьяне выходятъ изъ-за насъ за сильныхъ людей, за бояръ и окольничьихъ, и за ближнихъ людей, и за власти и за монастыри»... А. А. Э. IV № 14.

[1]) «Крестьяне на Руси» стр. 117.

древнее право отказа. Въ первое время существованія крѣпостнаго права никто не понималъ иначе этой мѣры правительства. Боярство было недовольно ею также, какъ крестьянство. Но не подлежитъ сомнѣнію, что оно кореннымъ образомъ видоизмѣнило бытъ крестьянскаго сословія и прежде всего подорвало крѣпость крестьянской свободы.

Условія этой свободы были уже расшатаны въ прежнее время и преимущественно тѣмъ, что законодательнымъ постановленіямъ, обезпечивавшимъ личную свободу крестьянъ, противорѣчили другія узаконенія, лишавшія ихъ матеріальнаго обезпеченія. Единственнымъ богатствомъ крестьянства, какъ земледѣльческаго сословія, всегда и вездѣ представляется земля, и отъ положенія земли зависитъ и состояніе землевладѣльческаго класса. Между тѣмъ это-то единственное богатство крестьянства все больше и больше выходило изъ его рукъ, такъ что во времена Судебниковъ матеріальное положеніе крестьянъ было уже крайне жалко. Политика правительства, прямо или косвенно, сосредоточила всю землю въ рукахъ государства. Съ XV столѣтія установилось общее правило, что землею можно владѣть только отбывая повинности или неся службу. Но земля, несшая повинности, была сосредоточена въ рукахъ черныхъ и имъ подобныхъ волостей; земля, обезпечивавшая службу, сосредоточивалась въ рукахъ служилаго сословія, то-есть, она была или въ рукахъ государства непосредственно и называлась землею государя, или была отдана въ руки дворянства, подъ условіемъ службы. Слѣдовательно, земля, бывшая предметомъ частнаго владѣнія, сосредоточилась въ рукахъ дворянства: исключеніе составляла одна церковь, но и она имѣла государственное и отчасти служебное значеніе. Крестьянинъ же, если онъ не сидѣлъ на черной или владѣльческой землѣ, былъ бобылемъ, казакомъ, гулящимъ человѣкомъ, а отсюда обыкновенно было два исхода: или понизовая вольница, или холопство. Обезземеленіе крестьянства былъ печальный, но всеобщій фактъ XVI вѣка. Вдумываясь въ его значеніе, нельзя не прійдти къ заключенію, что крѣпостное право было, можетъ-быть, еще хорошимъ исходомъ изъ этого положенія вещей. Можетъ-быть, безъ него крестьянъ ожидало бы простое холопство, полное рабство. Мы видѣли выше, какія энергическія мѣры принималъ Судебникъ, чтобъ остановить развитіе этого страшнаго зла, какъ онъ охранялъ крестьянъ отъ холопства. Но что̀ можетъ сдѣлать законодательство, когда всѣ условія экономической жизни противятся ему? Холопство принимало страшные размѣры, и указъ, закрѣпившій крестьянъ, спасъ ихъ отъ худшей доли. Онъ сохранилъ по крайней мѣрѣ

человѣческую личность, сдѣлалъ крестьянъ частью земли, но не домашнею вещью владѣльца, и эта мѣра, не смотря на всѣ ея грустныя стороны, дала въ послѣдствіи возможность *освободить крестьянъ съ землею*, которую они столько столѣтій обливали своимъ потомъ и слезами. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное изслѣдованіе характера крѣпостнаго права и его постепеннаго развитія [1]). Достаточно будетъ общаго замѣчанія, что закрѣпленные крестьяне не утратили вполнѣ не только своей человѣческой личности, но даже своихъ гражданскихъ правъ, ибо связь ихъ съ государствомъ не была порвана. Власть ихъ владѣльцевъ не была безусловною властью господина надъ вещью; они знали одного общаго господина всей Русской земли — Государя. Сознаніе это долго не умирало въ народѣ и крестьянствѣ, даже въ XVIII ст., когда узелъ крѣпостнаго права готовъ былъ затянуться еще туже. Посошковъ писалъ: „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ берегутъ, а прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; также крестьянское богатство — богатство царственное“ [2]).

Если закрѣпленіе крестьянъ не отразилось тотчасъ на личныхъ правахъ крестьянъ, то оно имѣло большое вліяніе на ихъ общественныя права. Крестьянское сословіе раздѣлилось на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ, крестьяне крѣпостные, постепенно теряли всякое значеніе для самоуправленія. Другой, крестьяне черные, сохраняли его, но въ сильно видоизмѣненномъ видѣ. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ эпохѣ Петра I, тѣмъ ярче выступаетъ тяглый характеръ этого самоуправленія. Дошедшіе до насъ памятники говорятъ, что не сразу утратилось значеніе самоуправленія даже для владѣльческихъ крестьянъ. Въ XVII вѣкѣ встрѣчаются еще сдѣлки старостъ и обществъ владѣльческихъ селъ, совершенныя ими отъ своего имени. Еще во времена Котошихина царскія подати различались отъ помѣщикова тягла и взимались особо [3]). Община, во многихъ отношеніяхъ сохраняла свое значеніе

[1]) Желающіе ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ превосходному изслѣдованію И. Д. Бѣляева: «Крестьяне на Руси», которое мы уже цитировали столько разъ.

[2]) Посошкова Соч. I, стр. 183.

[3]) «А подати царскіе съ крестьянъ своихъ велятъ (помѣщики и вотчинники) собирати старостамъ и людямъ своимъ и отдавать въ царскую казну, по указу

для крестьянъ. Она ручалась за нихъ въ случаѣ какихъ-нибудь подрядовъ [1]), или въ исправномъ доставленіи податей [2]), въ добросовѣстномъ отправленіи выборной службы [3]). Причина этого, безъ сомнѣнія, заключалась въ томъ, что законодательство само еще разграничивало отношенія крестьянъ къ правительству отъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Но послѣднія получали для крестьянъ все большее и большее значеніе. Власть землевладѣльцевъ надъ личностію крестьянъ расширялась все больше; личность крестьянъ тѣснѣе сливается съ понятіемъ ихъ владѣльца. Какъ часть земли, они продаются вмѣстѣ съ землею; въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича утвердилась на практикѣ продажа крестьянъ безъ земли, и акты на сдѣлки стали записывать въ приказѣ холопьяго суда, а послѣ даже въ помѣстномъ приказѣ [4]). Въ самомъ Уложеніи власть помѣщиковъ главнымъ образомъ ограничивалась относительно помѣстныхъ земель, которыя не имѣли значенія полной собственности. Впрочемъ мы видѣли, что на практикѣ правительство стремилось къ смѣшенію вотчинъ съ помѣстьями въ интересахъ казны. Неудивительно, если судьба вотчинныхъ крестьянъ близко подходила къ положенію крестьянъ помѣстныхъ. Вслѣдствіе этого дѣятельность помѣстнаго приказа скоро коснулась и владѣльческихъ крестьянъ. Вѣдая дворянъ *землями*, онъ скоро забралъ въ свое вѣдѣніе и крестьянъ, сидѣвшихъ на этой землѣ. Нѣкоторые факты указываютъ на то, что практика помѣстнаго приказа имѣла вліяніе на развитіе обычая, а послѣ — и права, продажи крестьянъ безъ земли. Къ сожалѣнію, дѣла помѣстнаго приказа мало еще извѣстны для того, чтобы прослѣдить вполнѣ это вліяніе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, поступили въ завѣдываніе центральнаго правительства если не непосредственно, то чрезъ своихъ владѣльцевъ. Дѣятельность центральныхъ установленій обусловливалась правами и обязанностями

царскому; а свои подати кладутъ они на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти». Тамъ же гл. XI, 3.

[1]) Акты, отн. до юр. быта V. 1658 г. № 258, II: «Се язъ, Нижегородскаго уѣзду Печерскаго монастыря вотчины села Никольскаго крестьяне (такіе-то) поручились есмя по сельскому старцу Анофрею да слугѣ Өедору Пожильскому, тоежь вотчины села Никольскаго по крестьянехъ (такихъ-то): нанялись они тоежь вотчины села Рубскаго у старосты Семена Лифантьева и у крестьянъ везти за насъ въ Смоленскъ на городовое дѣло» etc. Тамъ же III. (1661 г.) IV (1670).

[2]) Ib. № 259, V, (1667).

[3]) Ib. № 262, VII (1688 г.).

[4]) Бѣляевъ — «Крестьяне на Руси». 164 и слѣд.

владѣльцевъ, развившимися подъ вліяніемъ крѣпостнаго права. Котошихинъ говоритъ, что владѣльцы получили право суда надъ крестьянами „во всѣхъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ“, кромѣ разбойныхъ, татенныхъ и убійственныхъ. Въ Уложеніи, впрочемъ, мы не встрѣчаемъ указаній на этотъ владѣльческій судъ, по той простой причинѣ, что Уложеніе говоритъ о преступленіяхъ подсудныхъ общимъ судамъ, которымъ крестьяне были подсудны, наравнѣ съ другими подданными Русскаго государства. Помѣщики же вѣдали и судили крестьянъ своихъ „во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ“, такъ-что власть ихъ замѣнила дѣятельность общинъ, ихъ право внутренней расправы и суда, а потому была безапелляціонна и не подлежала контролю центральныхъ мѣстъ и общихъ судовъ.

Если помѣщикъ занялъ мѣсто общины (по крайней мѣрѣ по закону) въ дѣлахъ ея внутренняго управленія и замѣнилъ ея отвѣтственную дѣятельность предъ государствомъ, то государство должно было взять на себя одну функцію общины по отношенію къ отдѣльнымъ ея членамъ. Мы видѣли, какъ много сдѣлала община въ дѣлѣ огражденія личной свободы крестьянъ. Теперь, когда съ паденіемъ общины на владѣльческихъ земляхъ, помѣщикъ сталъ въ непосредственное отношеніе къ каждому крестьянину, правительство должно было само охранять крестьянъ отъ полнаго рабства, въ которое легко могло перейдти крѣпостное право. Надзоръ центральныхъ установленій касался обязанностей, возложенныхъ на помѣщиковъ и вотчинниковъ, по отношенію къ ихъ крестьянамъ. Въ этомъ отношеніи крѣпостное право совершило важныя перемѣны сравнительно съ временемъ предыдущимъ. Въ прежнее время заступничество и покровительство крестьянъ владѣльцами было результатомъ свободнаго договора между тѣми и другими. Въ числѣ льготъ, обѣщаемыхъ землевладѣльцемъ крестьянамъ для привлеченія ихъ на свою землю, было и покровительство, защита ихъ отъ всѣхъ стороннихъ лицъ. Теперь это сдѣлалось обязанностью владѣльцевъ, за неисполненіе которой они отвѣчали предъ правительствомъ, заинтересованнымъ удовлетворительнымъ положеніямъ крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ. Владѣльцы, какъ помѣщики, такъ и вотчинники, должны были „крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей, отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегати и стояти“. Далѣе они обязывались „подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого что можно взяти, а не чрезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть“. Правительство продолжало, какъ и прежде, признавать за крестьянами

право собственности на разное движимое имущество, а потому помѣщики и вотчинники обязывались „насильствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати“. Это предписаніе охранялось и поддерживалось разными карательными мѣрами. Злоупотребленія помѣщичьей власти были велики; самая продажа крестьянъ безъ земли, какъ мы видѣли, первоначально явилась какъ злоупотребленіе землевладѣльцевъ. По мѣрѣ развитія этого права землевладѣльцы обнаруживали все бо̀льшую наклонность къ злоупотребленіямъ. Желая, напримѣръ, продать своихъ вотчинныхъ крестьянъ безъ земли, они обирали ихъ до-чиста и награбленныя такимъ путемъ деньги употребляли на покупку другихъ вотчинъ. Правительство возстало противъ этихъ и подобныхъ имъ злоупотребленій. Покровительство его распространялось какъ на вотчины, пожалованныя отъ царя, такъ и на вотчины купленныя [1]). Точно также правительство охраняло крестьянъ отъ убійства, побоевъ и всякаго наругательства надъ ними „нехристіанскимъ обычаемъ“ со стороны помѣщиковъ.

Итакъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ владѣльческіе крестьяне должны были поступить въ завѣдываніе центральныхъ учрежденій. Не имѣя настоящихъ органовъ надзора въ мѣстности, правительство по неволѣ должно было сосредоточить этотъ надзоръ въ своихъ приказахъ, вѣдавшихъ дворянъ службою и землями.

То же случилось и съ черными волостями. Сохраняя личныя права, крестьяне черныхъ волостей утрачивали свои корпоративныя права. Самоуправленіе ихъ все больше и больше получало характеръ повинности, а потому дѣятельность и надзоръ центральной власти и органовъ постепенно оттѣсняли значеніе общинъ. Ниже мы увидимъ, каково было значеніе воеводъ въ этомъ отношеніи. Но воеводы были

---

[1]) Котошихинъ XI, 3: «А будетъ который помѣщикъ и вотчинникъ, не хотя за собою крестьянъ своихъ держати, и хочетъ вотчинныхъ крестьянъ продати, и напередъ учнетъ съ нихъ имати поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нужѣ и къ бѣдности, *а себя станетъ пополнивать для покупки иныхъ вотчинъ*.... и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возьмутъ назадъ на царя, а что съ кого искалъ наборовъ чрезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ.... А будетъ кто учинитъ такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками: а у него тѣхъ крестьянъ возьмутъ безденежно и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людямъ, безденежно жь, а не такимъ разорителямъ». См. любопытный примѣръ такой челобитной крестьянъ на своего помѣщика въ Исторіи Россіи г. Соловьева IX, стр. 429.

только органами центральной власти въ мѣстности; чрезъ нихъ центральная власть дѣйствовала на все внутреннее управленіе, и централизація сословій и ихъ тяглое значеніе развивались съ неудержимою силой. Подобно тому, какъ разные приказы вѣдали дворянъ *службою*, другіе приказы вѣдали крестьянъ и другихъ тяглыхъ людей *тягломъ*, какое на нихъ было положено [1]). Наибольшее значеніе имѣли по отношенію къ чернымъ и дворцовымъ волостямъ приказы большаго дворца, различные территоріальные приказы, Новгородская четверть, Устюжская, отчасти Посольскій приказъ, Хлѣбный и друг. Такая же централизація установилась и для оброчныхъ крестьянъ: они вѣдались въ Ямскомъ и другихъ приказахъ. Для крестьянъ церковныхъ такое значеніе имѣлъ Монастырскій приказъ. Съ развитіемъ этой централизаціи, правительству уже не зачѣмъ было прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какія оно принимало въ XVI вѣкѣ. При Иванѣ Грозномъ, желая пожаловать крестьянство, то-есть, освободить ихъ отъ намѣстниковъ и волостелей, правительство давало ему самоуправленіе. Въ послѣдствіи, желая оградить общины отъ воеводъ, дать имъ льготу, оно просто перечисляло ихъ изъ одного вѣдомства въ другое [2]).

Такъ, окончательное развитіе системы государственныхъ тяглъ, выработанной Московскимъ государствомъ, должно было уничтожить значеніе крестьянскаго самоуправленія и исказить характеръ общины, какъ свободнаго общественнаго организма. Вмѣстѣ съ крестьянствомъ она получила исключительное тяглое значеніе и подчинилась сильнѣйшей административной централизаціи. Это обстоятельство краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, были ли дѣйствительно общины продуктомъ государственныхъ соображеній Московскаго правительства...

Закрѣпощеніе общинъ не замедлило отразиться и на числительномъ отношеніи владѣльческихъ крестьянъ къ крестьянамъ другихъ наименованій. Окончательное закрѣпленіе крестьянъ не только разбило это сословіе на два отдѣла: на владѣльческихъ и крестьянъ черныхъ и дворцовыхъ, но и положило основаніе преобладанію первой группы надъ послѣднею. Число черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ постепенно уменьшается, число владѣльческихъ напротивъ увеличивается. Во времена Котошихина [3]) въ дворцовыхъ волостяхъ было до

---

[1]) Котошихинъ VII, 48: «А во всякомъ приказѣ, съ городовъ и съ посадовъ и съ волостей и съ селъ и съ деревень.... которые городы и слободы и села, въ которомъ приказѣ вѣдомы, принимаютъ и раздаютъ подьячіе добрые, помѣсячно».

[2]) А. А. Э. III. № 7.

[3]) Котошихинъ XI, 6.

30.000 дворовъ, въ черныхъ 20.000. Подлѣ этой сравнительно небольшой группы стояла огромная масса крестьянъ монастырскихъ и церковныхъ. За патріархомъ, четырьмя митрополитами, архіепископами и епископами считалось 35 тысячъ дворовъ, а за монастырями 83 тысячи. Слѣдовательно, 118.000 церковныхъ и монастырскихъ дворовъ приходилось на 50.000 дворовъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи казны. Еще бо́льшая масса была распредѣлена между различными лицами служилаго сословія, „смотря по ихъ чину и чести“. Котошикинъ отказывается опредѣлить настоящее число владѣльческихъ крестьянъ; но изъ приводимыхъ имъ данныхъ можно видѣть, какъ оно было велико. Нѣкоторые владѣльцы имѣли небольшія помѣстья и вотчины, въ которыхъ было по 2, 3 и 4 двора; но за то были и такіе, на земляхъ которыхъ находилось 700, 1.000, 3.000, 7.000 и даже 10, 12 и 15 тысячъ дворовъ. Принимая во вниманіе, что въ дворцовыхъ волостяхъ самоуправленіе не имѣло такого значенія какъ въ черныхъ, ибо дѣятельность общины была заслонена значеніемъ приказчиковъ, можно сказать, что едва 20.000 дворовъ сохранили прежнее значеніе и то сильно уменьшенное вліяніемъ Московской централизаціи. Впрочемъ, эта небольшая группа крестьянъ увеличивалась массою монастырскихъ крестьянъ, переходившихъ постепенно въ завѣдываніе государства. Въ монастыряхъ крѣпостное право далеко не имѣло тѣхъ послѣдствій, какъ на владѣльческихъ земляхъ. Притомъ постоянное стремленіе государства перевести монастырскія имущества въ распоряженіе государства не давало крестьянамъ этимъ превратиться въ простую собственность монастырей. Постепенно они должны были превратиться въ казенныхъ крестьянъ, что и случилось уже въ XVIII ст. Но пока владѣльческіе крестьяне составляли самый значительный слой народонаселенія, такъ что самое названіе *крѣпостной*, которое, какъ мы видѣли выше, могло быть приложено къ крестьянамъ всѣхъ наименованій, стало относиться главнымъ образомъ, а послѣ и исключительно, къ крестьянамъ владѣльческимъ.

Причина этого заключается въ томъ, что первоначальное закрѣпленіе крестьянъ не разрушило сразу единства крестьянскаго класса, развившагося подъ вліяніемъ свободы. Оно установило различіе между крестьянами больше въ отношеніи ихъ корпоративныхъ, чѣмъ личныхъ правъ. Окончательное раздѣленіе должно было произойдти тогда, когда различіе это коснулось личныхъ правъ крестьянъ, и когда закрѣпленіе изъ установленія государственнаго сдѣлалось институтомъ частнаго права. Пока личныя права крестьянъ были одинаковы, могло

быть различіе разрядовъ, но не сословій, ибо основаніе сословій, какъ государственнаго учрежденія,—всегда личныя права: только они устанавливаютъ качественное различіе между классами общества, вмѣсто прежняго количественнаго раздѣленія. То же случилось съ идеей закрѣпленія. Первоначально, когда она касалась государственныхъ отношеній крестьянъ, она могла относиться ко всѣмъ видамъ этого класса. Но въ послѣдствіи, когда идея закрѣпленія все болѣе и болѣе сливалась съ понятіемъ ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, когда именно это ограниченіе стало существеннымъ признакомъ *крѣпостнаго,* терминъ этотъ сдѣлался синонимомъ крестьянства, сидѣвшаго на владѣльческихъ земляхъ.

Закрѣпленіе крестьянскаго сословія и видоизмѣненіе самаго термина „крѣпостной“ уничтожаетъ значеніе крестьянской общины какъ свободнаго организма. Духъ ея еще живетъ и въ правительственномъ и въ народномъ сознаніи. Правительство и законодательство не могутъ себѣ представить крестьянское сословіе безъ выборнаго начала. Даже во владѣльческихъ имѣніяхъ община не умираетъ. Оброчныя деревни знаютъ и міръ и его избранныхъ. Понятіе объ *обществѣ* и его значеніи не утрачивалось. Но только въ послѣднее время эти живыя силы народа могли сдѣлаться дѣятельнымъ факторомъ въ государственной жизни. Столѣтіе XVII и тѣмъ болѣе XVIII не имѣли дѣла съ свободными общинами. Самый земскій характеръ общины утратился. Самоуправленіе стало сословнымъ правомъ. Вмѣсто земской общины появилась сословная, лучше всего развившаяся въ нашихъ городахъ. Мы разсмотримъ ихъ въ связи съ нѣкоторыми крестьянскими общинами, не утратившими прежняго значенія.

ГЛАВА III.

Все что̀ мы сказали о развитіи и видоизмѣненіяхъ сельской общины можно бы въ общихъ чертахъ повторить объ общинахъ городскихъ. Мы видѣли, что многія губныя и уставныя грамоты относятся къ городамъ и селамъ одинаково. Подобно селамъ и слободамъ, города строились какъ на черныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ. Многіе города стояли на монастырской землѣ, напримѣръ, Тихвинъ, нѣкоторое время Гороховецъ, Синелица. Романовскій посадъ принадлежалъ татарскимъ мурзамъ. Не различаясь отъ обыкновенныхъ общинъ [1]), городъ первоначально не выдѣлялся изъ состава общеземскаго управленія. Въ сочиненіяхъ профессора Неволина (т. VI, стр. 29) находится превосходное замѣчаніе объ этомъ предметѣ; не смотря на всю его краткость оно можетъ повести къ весьма плодотворнымъ послѣдствіямъ, если найдетъ себѣ развитіе въ какомъ-нибудь спеціальномъ изслѣдованіи. „Названіе *города*, говоритъ онъ, только постепенно перешло на его обывателей. Городъ сталъ означать общество людей этого сословія, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту, и самое то мѣсто, къ которому они считались принадлежащими. Не требовалось, чтобъ это мѣсто было укрѣпленное; для образованія города требовалось только, *чтобы законъ объявилъ людей*, жившихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, которые могли и хотѣли быть причислены къ городскому сословію, „городскимъ обществомъ“ со всѣми правами, предоставленными обществамъ этого рода“. Неволинъ весьма

[1]) См. *Милютина* О недвиж. имущ. духов. въ Россіи, въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.* 1859, кн. 4, стр. 17 и слѣд.; г. *Горчакова* О монастырскомъ приказѣ, стр. 15, примѣч. 3; г. *Пригары* О городскихъ обывателяхъ при Петрѣ Великомъ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, сентябрь 1867 г., стр. 709.

справедливо полагаетъ, что городскія общества этого рода образовались при Петрѣ Великомъ и окончательно развились при Екатеринѣ II.

Мы постараемся въ этой главѣ прослѣдить постепенное образованіе городскаго общества, какъ сословной единицы, въ связи съ исторіей сословія горожанъ вообще. Прежде всего посмотримъ, что̀ представлялъ собою древній „городъ" въ противоположность „городскому обществу" новаго времени.

Для насъ чрезвычайно знаменателенъ тотъ фактъ, что древняя Россія не знала различія сословій (кромѣ служилаго и духовнаго), основаннаго на мѣстѣ жительства и родѣ занятій жителей. Не было особеннаго различія между правами и обязанностями городскихъ обывателей и правами прочихъ уѣздныхъ людей. Даже въ періодъ большаго обособленія городовъ, въ самой Москвѣ, обыватели устраивались *слободами*, на которыхъ лежали такія же повинности, какъ и на другихъ черныхъ людяхъ. Слово „городъ" само по себѣ означало укрѣпленное мѣсто и только въ переносномъ смыслѣ означало его жителей. Но это употребленіе слова въ переносномъ смыслѣ не сообщало цѣлому классу людей особыхъ правъ, не налагало на нихъ особыхъ обязанностей. Правда, городъ былъ средоточіемъ лицъ самыхъ разнообразныхъ занятій; въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ уѣздныхъ селъ и слободъ. Въ городѣ жили административныя лица, служилые люди, духовенство, торговцы, посадскіе, ремесленники. Но имѣло ли это обстоятельство какое-нибудь вліяніе на юридическое значеніе города?

Городъ не составлялъ одного цѣлаго организма, выдѣленнаго изъ среды другихъ на основаніи сословныхъ различій и закономъ формулированныхъ экономическихъ условій. Онъ былъ агломераціею разныхъ единицъ, не имѣвшихъ пока внутренней органической связи. „Городъ" имѣлъ главнымъ образомъ административное значеніе. Онъ означалъ опредѣленное мѣсто, обнесенное крѣпостію, валомъ, частоколомъ. Здѣсь были присутственныя мѣста, тюрьма, казенные амбары, склады и т. п. Въ немъ жили приказные люди, гарнизонъ, всякихъ чиновъ служилые люди. Городъ окруженъ былъ посадомъ, за которымъ слѣдовали слободы, и вся эта масса единицъ представляла большое разнообразіе въ административномъ отношеніи. Служилые люди составляли особое сословіе, но не мѣстное, городское, а государственное; то же самое должно сказать и о духовенствѣ. Городъ не сообщалъ никому никакихъ правъ, если лицо это не имѣло уже ихъ вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ причинъ. Городской обыватель самъ по себѣ

не отличался отъ другихъ сословій, существовавшихъ въ государствѣ. Тотъ или другой человѣкъ могъ жить въ городѣ, но продолжалъ принадлежать къ которому-нибудь изъ сословій, продолжалъ пользоваться его правами и нести его обязанности. Нагляднымъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что когда правительству понадобилось выдѣлить нѣкоторые разряды городскихъ обывателей изъ общей массы тяглыхъ людей, оно сообщило имъ *служебное* значеніе, то-есть, приблизило ихъ къ другому сословію, но не тронуло всей совокупности обывателей. Совокупность же эта состояла изъ черныхъ и тяглыхъ людей, жившихъ не только въ городахъ, но и въ уѣздѣ. Гости были первымъ разрядомъ лицъ, выдѣлившихся изъ городскихъ обывателей. Они получили важное значеніе въ государствѣ, вслѣдствіе своихъ службъ правительству [1]. Судебникъ выразилъ эти ихъ права, и насъ поражаетъ удивительная несоразмѣрность ихъ общественнаго положенія сравнительно съ другими городскими обывателями. Судебникъ назначаетъ безчестія гостямъ 50 р., а женамъ ихъ вдвое, тогда какъ торговымъ и посадскимъ людямъ назначается только 5 р. Причина этого заключается въ томъ, что гости были выдѣлены изъ сферы тяглаго народонаселенія, а прочіе торговые люди нѣтъ. Судебникъ даетъ, правда, преимущество торговымъ и посадскимъ среднимъ людямъ предъ другими. „А торговымъ людемъ, и посадскимъ людемъ, всѣмъ середнимъ, безчестія пять рублевъ". То же безчестье установляется въ пользу боярскихъ лучшихъ людей. Молодшіе черные люди въ городѣ были сравнены съ прочими молодшими людьми: имъ безчестія назначено 1 р. [2]. Слѣдовательно, единственное различіе между городами и селами могло состоять и состояло въ томъ, что въ городахъ было больше среднихъ и лучшихъ людей, чѣмъ въ слободахъ, гдѣ жили большею частію молодшіе люди.

Городскіе обыватели, различаясь, такимъ образомъ, не качественно, а количественно, отъ прочей массы народонаселенія, не отличались отъ нея въ общественной и политической жизни. Не многія

---

[1]) Пожалованіе «гостиннымъ именемъ», вѣроятно, случалось и въ древности. Еще во времена Дмитрія Донскаго попадаются такія грамоты, жалованныя въ воздаяніе за службу (напр. Д., къ А. И. I № 9). Но особенно размножились онѣ въ XVI вѣкѣ. При Борисѣ Годуновѣ торговый человѣкъ Сосковъ былъ пожалованъ «гостемъ». Здѣсь слово «гость» употребляется прямо въ смыслѣ почетнаго званія и извѣстной служебной должности. См. *Пригары* — стр. 699.

[2]) См., напримѣръ, грамоту Василія Ивановича на Бѣлоозеро: «На посадъ и въ уѣздъ... *всѣмъ крестьянамъ городскимъ* и становымъ и уѣзднымъ». А. А. Э. I № 177.

правила нѣсколько разграничивали городское населеніе отъ другихъ тяглыхъ людей, предвѣщая будущее сословное различіе городскихъ обывателей. Напримѣръ, Судебникъ уничтожаетъ холопство по городскому ключу (ст. 76), запрещаетъ имъ селиться на монастырскихъ земляхъ [1]). Впрочемъ, это происходило изъ стремленія удержать городскихъ обывателей въ городскомъ тяглѣ, тягость котораго уже тогда начинала чувствоваться.

Закрѣпленіе коснулось одинаково и жителей городовъ, какъ и жителей селъ. По характеру занятій жители города не далеко ушли отъ сельчанъ. Они были такіе же крестьяне, какъ и послѣдніе. Тѣмъ не менѣе въ судьбахъ городскихъ поселеній замѣчается нѣкоторое различіе сравнительно съ исторіей селъ. Самоуправленіе сохраняется въ нихъ въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ сельскихъ обществахъ. Въ послѣдствіи они раньше достигаютъ нѣкоторой гражданской свободы, чѣмъ крестьянство. Жалованная грамота городамъ одновременна съ дворянскою грамотой.

До закрѣпленія крестьянъ мы не видимъ существеннаго различія между городскими и сельскими общинами: всѣ онѣ были одинаково свободными общинами, сидѣвшими или на владѣльческихъ, или на государственныхъ земляхъ. Если въ древнее время и существовало различіе городовъ отъ селъ, то оно было основано не на различіи городскаго и сельскаго сословія, а на условіяхъ отбыванія тягла съ городскаго имущества и съ уѣздныхъ земель. Предметы тягла были приблизительно одинаковы въ городахъ и волостяхъ; тяглый характеръ одинаково отличалъ городское и сельское населеніе. Тяглыя единицы, на которыя разверстывались повинности въ городѣ, формально были приравнены къ такимъ же единицамъ въ селахъ. Даже способъ разверстки податей „по животамъ и промысламъ" существовалъ и здѣсь, и тамъ. Но размѣръ этихъ единицъ въ волостяхъ легче могъ быть подведенъ къ одному знаменателю, чѣмъ въ городѣ. Отбываніе уѣзднаго тягла, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бѣляевъ въ своей статьѣ о поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ, обезпечивалось единственно землею и болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлялось между всѣми членами общинъ. Напротивъ въ городѣ промышленныя занятія жителей устанавливали между ними массу различій, которыхъ не могло существовать между членами чисто поземель-

[1]) Суд. ст. 91: «А торговымъ людямъ городскимъ въ монастыряхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые торговые люди учнуть жити на монастырѣхъ и тѣхъ съ монастырей сводить, да и намѣстникомъ ихъ судити».

ныхъ общинъ. Въ уѣздныхъ *сохахъ* могло быть различіе въ качествѣ земли, отъ чего, между прочимъ, зависѣла и различная величина этихъ сохъ. Но *индивидуальныя* различія между членами общинъ не были столь велики въ уѣздной общинѣ, какъ въ городской. Причина этого, по справедливому замѣчанію г. Бѣляева, заключалась въ различіи капиталовъ, доставлявшихъ доходъ здѣсь и тамъ. „Въ уѣздахъ такимъ капиталомъ была земля, въ городахъ промыселъ. Земля по сущности своей не могла допускать сильнаго различія въ цѣнности, и потому уѣздныя сохи въ отношеніи къ качеству земли не могли увеличиваться или уменьшаться болѣе какъ на половину; промыселъ же, какъ плодъ и поприще способностей человѣка, разнообразился въ огромныхъ размѣрахъ, ибо и гость, торговавшій съ Ганзою, Константинополемъ и Персіею, былъ также промышленникъ, какъ и бобыль, выносившій лапти, сплетенные имъ наканунѣ“. Вслѣдствіе этого, вопервыхъ, разверстаніе податей „по животомъ и промысломъ“ имѣло въ городѣ больше практическаго значенія, чѣмъ въ уѣздѣ. Затѣмъ индивидуальное различіе членовъ городскихъ общинъ выступало весьма сильно. Различіе это своимъ ближайшимъ результатомъ имѣло то, что податною единицей въ городѣ сдѣлался *дворъ*, что̀ вполнѣ удовлетворяло индивидуальнымъ различіямъ плательщиковъ и потребности въ разнообразіи городскихъ сохъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, городскіе люди въ отношеніи тягла постоянно стремились отдѣлиться отъ уѣздныхъ и наоборотъ. Посадскіе люди не выдержали бы равномѣрности уѣздныхъ сохъ, имѣвшихъ въ виду приблизительно однородный и одинаковый капиталъ. Затѣмъ смѣшеніе городовъ съ селами привело бы къ тому невыгодному для первыхъ результату, что уѣздный человѣкъ могъ бы тогда заниматься всякими промыслами, а подати нести съ одной земли, а горожанинъ долженъ былъ нести подати и съ земли, и съ промысловъ. Съ другой стороны, уѣздные люди избѣгали смѣшенія съ городами по той причинѣ, что посадскіе любили сбрасывать лежащее на нихъ бремя на другихъ и притягивать разныя слободы и волости къ своему тяглу, не позволяя пользоваться его выгодами.

Но законнаго разграниченія между городскими и сельскими общинами пока не существовало. Адмистративныя условія были одинаковы для тѣхъ и для другихъ.

Всѣ финансовыя единицы, по которымъ производились раскладки податей и новинностей, имѣли значеніе для городовъ и селъ одинаково. Сохи существовали и для волостей, и для городовъ. Разница за-

ключалась только въ низшихъ единицахъ, изъ которыхъ составлялись сохи въ городахъ и волостяхъ. Въ волостяхъ такими мелкими единицами, по которымъ непосредственно разверстывались подати, были *выти*, а въ Новгородскомъ уѣздѣ обжи; въ городахъ такое значенiе имѣли дворы [1]). Посадскiе точно также раскладывали эти подати по животамъ и промысламъ, какъ и крестьяне; точно также выходили изъ посадовъ, когда тягло оказывалось слишкомъ тяжелымъ: въ Муромѣ было одно время 111 жилыхъ дворовъ, а 107 пустыхъ и болѣе 500 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Правительство было точно такъ же заинтересовано тѣмъ, чтобы дворы эти не были пусты, какъ и тѣмъ, чтобы не пустовали крестьянскiя выти. Рядъ мѣръ долженъ былъ удовлетворить этой цѣли. Вездѣ въ этихъ мѣрахъ проглядываетъ стремленiе дать каждому тяглому двору тяглаго человѣка и не выпускать тяглыхъ дворовъ изъ рукъ тяглыхъ людей.

Итакъ, самая политика правительства не дѣлала особеннаго различiя между городами и селами, или лучше сказать, результаты этой политики были одинаковы для тѣхъ и для другихъ. Результатъ этотъ былъ — подчиненiе всѣхъ сословiй государственному тяглу. Подчиненiе это выразилось въ закрѣпощенiи народонаселенiя. Но когда закрѣпленiе это было кончено, когда послѣ смутнаго времени явилась потребность болѣе систематической и прочной организацiи сословiй, правительство рѣшилось провести рѣзкую черту между городскимъ и сельскимъ сословiями въ отношенiи ихъ правъ, обязанностей и даже экономической дѣятельности. Этого требовали и интересы тягла, тоесть, казенная польза и выгода самихъ городскихъ обывателей. И

[1]) А. А. Э. I № 234: «А давати оброкъ съ посадскихъ дворовъ съ двора по *осьминадцати* алтынъ, а съ крестьянъ, которые живутъ въ станѣхъ и въ волостяхъ, съ обжи, по *осьминадцати* алтынъ... а дворъ посадской противу обжи, а обжа противу посадскагó двора разметамъ въ намѣстничъ оброкъ ровна». Или въ другомъ мѣстѣ (А. Ю. № 229): «И всего въ Муромѣ на посадѣ... въ живѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ 111 дворовъ, да 107 дворовъ пустыхъ» и т. д. Всѣ они вмѣстѣ составляли сохи: «А сошнаго письма во всемъ посадѣ (Муромѣ), въ живущемъ и впустѣ, 12 сохъ, безъ чети, безъ малой трети, и пол-пол-полчети сохи». Также № 231 стр. 256 и А. А. Э. I № 343: «А у Соли на посадѣ, по вашему письму живущихъ черныхъ 334 двора, а людей въ нихъ тожъ, а сошнаго письма пять сохъ съ третью и съ пол-пол-полтретью сохи, *а кладено въ соху по пятидесяти по два двора и пол-пол-трети двора*». Но такъ было въ самомъ городѣ; земли же, приписанныя къ городу, считались по четвертямъ. Вслѣдствiе этого, чрезъ свои земли, городскiе обыватели сливались съ прочимъ волостнымъ крестьянствомъ; много черныхъ крестьянскихъ деревень тянули въ одно тягло съ черными посадскими людьми.

правительству, и городскимъ общинамъ одинаково нужно было содержать городъ въ надлежащей „полнотѣ“. Между тѣмъ это становилось затруднительно. Закрѣпленіе крестьянъ уничтожило, или по крайней мѣрѣ, значительно ослабило возможность наплыва новыхъ силъ въ города. Они должны были остаться при тѣхъ средствахъ, съ какими застало ихъ закрѣпленіе. Владѣльцамъ и чернымъ общинамъ дано было право искать бѣглыхъ крестьянъ въ городѣ и возвращать ихъ на мѣсто. Сфера городскаго народонаселенія была какъ бы ограничена опредѣленнымъ количествомъ жителей, безъ всякихъ надеждъ на приращеніе, кромѣ того, какое могло дать имъ рожденіе новыхъ поколѣній. Состояніе городовъ по отношенію къ численности ихъ народонаселенія и полнотѣ тяглыхъ дворовъ, въ эпоху закрѣпленія, было далеко неудовлетворительно. Сошныя и писцовыя книги еще при Иванѣ IV показывали множество тяглыхъ дворовъ пустыми; со всѣхъ сторонъ поступали къ царю жалобы посадскихъ людей, что они разорены многими поборами, что имъ приходится отбывать подати и повинности за множество убылыхъ людей, что разверстаніе разрубовъ и разметовъ дѣлается затруднительнымъ и даже невозможнымъ. И это было во времена Грознаго, когда посадскіе люди имѣли еще возможность и даже обязанность перезывать къ себѣ на убылыя мѣста новыхъ жильцовъ. Закрѣпощеніе крестьянъ лишало ихъ этой возможности, и бѣдственное ихъ положеніе сдѣлалось невыносимымъ. Городское народонаселеніе, количество котораго приблизительно оставалось одно и то же, должно было удовлетворять государственнымъ потребностямъ, постоянно размножавшимся и увеличивавшимся. Государство предъявляло новыя требованія,—города оставались при прежнихъ средствахъ. Но и эти средства были скорѣе номинальны, чѣмъ дѣйствительны; закрѣпленіе крестьянъ не только остановило увеличеніе городскаго населенія, но и усилило убыль его. При непропорціональномъ увеличеніи государственныхъ потребностей и налоговъ, усиливавшихъ бремя тягла, весьма естественно было желаніе уклониться отъ него бѣгствомъ или другимъ способомъ. Обременительность тягла увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при разверстаніи податей дѣлались страшныя злоупотребленія. Множество челобитныхъ наполнены жалобами молодшихъ людей на лучшихъ, притѣснявшихъ ихъ всякими способами. Всякими же способами и молодшіе люди уклонялись отъ тягла. Не смотря на то, что жизнь и служба у какого-нибудь боярина въ крестьянствѣ не представляла ничего привлекательнаго, они бѣжали и закладывались въ холопы и крестьяне къ владѣльцамъ и

монастырямъ. Другіе продавали свой тяглые участки бѣломѣстцамъ или же закладывали ихъ и нарочно просрочивали закладныя, что тоже уменьшало количество тяглыхъ людей и ухудшало положеніе оставшихся. Иногда черные посадскіе люди прямо объявляли правительству, что они разбредутся, если поборы не будутъ уменьшены [1]. Не всегда впрочемъ молодшіе и другіе люди предавались бѣгству; они искали случая помочь себѣ и другими средствами. Нерѣдко они притягивали къ своему тяглу монастырскихъ крестьянъ, жившихъ по близости города, называя монастырскія земли своими, черными [2].

Понятно, что въ виду такого оскудѣнія городскаго населенія правительство должно было принимать всевозможныя мѣры для удержанія посадскихъ людей на мѣстѣ. Послѣ смутнаго времени, эти мѣры получили довольно систематическое развитіе, отчасти подъ вліяніемъ различныхъ указаній со стороны самихъ горожанъ. Правительство само видѣло затруднительное положеніе дѣла. Въ 1619 г. освященный соборъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ царемъ [3]. Вслѣдствіе этого тогда же было постановлено, „какъ бы это исправить и землю устроить".

---

[1]) А. И. V № 92, IV: «Не велите, государи, на насъ сиротахъ своихъ пятнадцати человѣкъ и трехъ лошадей въ прибавку править... для нашей великой бѣдности и изнеможенья, чтобы мы сироты ваши государевы въ конецъ не погибли и розно не разбрелись, и впредь вашей государской службы и тягла не отбыть». Затѣмъ, въ 1640 г., Шуяне подали царю челобитную, въ которой достаточно обрисовывается состояніе тогдашнихъ городовъ. «Въ прошломъ 1631 было у насъ по писцовымъ книгамъ на посадѣ жилыхъ тяглыхъ дворовъ 154, въ прошломъ 1639 запустѣло 32 двора, да въ нынѣшнемъ 1640 г. погорѣло 82 двора, осталось у насъ разломанныхъ дворишковъ 40 и пошли мы по міру, промыслишки и товаришки, все погорѣло. Да мы же до пожара и послѣ пожара стоимъ на правежѣ за недоплоченныя въ 1639 году дворовыя деньги... Пожалуй насъ, государь, сиротъ твоихъ, чтобъ намъ въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись».

[2]) А. И. V № 70. А. А. Э. III № 254, 312, 314, 321, ib. IV № 24.

[3]) «А изъ за Московскихъ и изъ за украинныхъ городовъ посадскіе всякіе люди, льготя себя, чтобъ имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, и пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ, и по городамъ, и у племени, и у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ; а изъ иныхъ изъ за украинныхъ городовъ посадскіе всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобы имъ для раззоренія во всякихъ податѣхъ дать льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, а иные люди намъ бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобы ихъ пожаловать и велѣли отъ сильныхъ людей оборонити». С. Г. Г. и Д. III № 47; Соловьевъ, т. IX стр. 394; А. А. Э. III № 105.

Въ города, раззоренные Литовцами и Черкасами, велѣно послать дозорщиковъ добрыхъ, давъ имъ полный наказъ, чтобъ они писали и дозирали всѣ города въ правду. Посадскихъ людей украйныхъ городовъ, бѣжавшихъ въ Москву и въ другіе города, велѣно сыскать и отослать въ тѣ города, гдѣ они прежде жили, и давать имъ льготы, смотря по раззоренью. Уѣздныхъ и посадскихъ людей, которые заложились за митрополитовъ и за все духовенство, за бояръ и за всякихъ чиновъ людей, также велѣно возвратить туда, гдѣ они жили прежде, а на принявшихъ ихъ людяхъ доправить всѣ подати за прошлые годы. Правительству однако нельзя было ограничиться одними репрессивными мѣрами. Города были единственнымъ остаткомъ прежнихъ черныхъ людей, на которыхъ продолжали лежать подати, разверстывавшіяся по животамъ и промысламъ; это была единственная часть народонаселенія, остававшаяся въ непосредственномъ распоряженіи правительства, кромѣ небольшаго числа черныхъ и дворцовыхъ волостей. Съ нею должно было обходиться чрезвычайно осторожно. Малѣйшій фальшивый шагъ въ управленіи городами могъ отразиться вредно на интересахъ казны. Словомъ, недоборы съ городовъ могли быть устранены: a) строгимъ надзоромъ за тѣмъ, чтобы тяглые дворы не пустѣли, b) чтобъ они не переходили въ руки лицъ, свободныхъ отъ тягла, c) чтобы посадскіе не были обременены излишними тягостями, происходящими какъ отъ притѣсненій и захватовъ сильныхъ людей, такъ и отъ злоупотребленій воеводъ и другихъ приказныхъ людей. Первая и вторая причина могли быть устранены репрессивными мѣрами. Послѣдняя вызывала необходимость защиты городскихъ обывателей и сообщенія имъ различныхъ льготъ, между которыми самоуправленіе было самою дѣйствительною, ибо оно обезпечивало и правительство, и общину. Это двоякое направленіе въ политикѣ Московскаго государства по отношенію къ городамъ, замѣчается съ самаго начала „земскаго строенія". Соборный приговоръ 1619 года не ограничивается высылкою бѣжавшихъ посадскихъ людей на старыя мѣста; въ немъ находятся постановленія относительно *охраненія* посадскихъ людей. Князьямъ Черкасскому и Мезецкому съ товарищами велѣно сыскивать и указъ давать во всякихъ обидахъ посадскимъ людямъ со стороны сильныхъ людей, и кромѣ того предписано собрать въ Москву „для вѣдомости и устроенія изъ каждаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разказать обиды, насиль-

ства и разворенья" и „чѣмъ Московскому государству пополниться, ратныхъ людей пожаловать и устроить Московское государство такъ, чтобъ всѣ пришли въ достоинство" [1]).

Собиранiе тяглыхъ городскихъ людей и другiя репрессивныя мѣры идутъ чрезъ все царствованiе Михаила Ѳеодоровича и вполнѣ развиты Уложенiемъ. Охранительныя мѣры и льготы развиваются параллельно съ первыми, но не выражаются въ такомъ систематическомъ узаконенiи, какъ Уложенiе; только Новоторговый уставъ свелъ нѣсколько въ одно цѣлое эти разрозненныя мѣры. Репрессивныя мѣры были весьма разнообразны. Напримѣръ, въ 1629 г. Чердынскому воеводѣ было предписано сыскивать и возвращать на мѣсто посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ городовъ Слободскаго и Шестакова. Люди эти бѣжали въ Пермь, и „на то смотря и послѣднiе посадскiе люди и уѣздные крестьяне бѣжать врознь и нашихъ податей платить стало некому". Посадскихъ и крестьянъ велѣно выслать на мѣсто, а въ Перми „посадскимъ и уѣзднымъ людямъ заказъ учинить крѣпкой, съ великою заповѣдью", чтобъ они не принимали къ себѣ тѣхъ людей, подъ страхомъ царской опалы. То же повторялось и въ другихъ городахъ [2]).

Важный ущербъ интересамъ казны и самихъ тяглыхъ людей происходилъ еще отъ того, что въ средѣ черныхъ людей появлялись такъ-называемые бѣломѣстцы, которые не несли городскихъ податей. Въ прежнее время, то-есть, до царя Михаила Ѳеодоровича, правительство и сами общины дозволяли нетяглымъ людямъ прiобрѣтать тяглые дворы, по той причинѣ, что всякiй, кто садился на черную землю, долженъ былъ нести городское тягло вмѣстѣ съ общиною. Съ постепеннымъ образованiемъ сословiй тягло, такъ-сказать, специализируется, а потому принятiе одного тягла освобождаетъ отъ другихъ. Такъ, напримѣръ, пока служба бояръ и служилыхъ людей основывалась на свободномъ договорѣ между княземъ и дружинникомъ, не было никакого основанiя обѣливать имущество служилаго человѣка въ городѣ. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ служба стала тягломъ, лежавшимъ на цѣломъ сословiи, правительству уже нельзя было смѣшивать двухъ тяглъ — тягла служебнаго и чернаго. Одно тягло освобождало отъ другаго. Сословное раздѣленiе, сложившееся подъ влiянiемъ

---

[1]) Соловьевъ, т. IX, стр. 395; другiе случаи см. въ А. А. Э. III № 91; о состоянiи нѣкоторыхъ городовъ въ первые годы царствованiя Михаила Ѳеодоровича см. тамъ же №№ 87, 99, 105.

[2]) А. И. III № 160, А. А. Э. III №№ 141, 279, 311.

тяглѣ, должно было внести разъединеніе въ составъ прежней городской общины. То, что прежде было поземельною повинностію, стало повинностію сословною, и хотя она отбывалась съ земли, но лежала на лицахъ. Благодаря этому разъединенію, переходъ чернаго двора въ руки нетяглаго человѣка лишалъ правительство части доходовъ, а въ общинѣ уменьшалось количество податныхъ единицъ, на которыя могли быть разверстаны повинности. Въ интересахъ правительства и общинъ необходимо было ограничить обращеніе дворовъ въ сферѣ исключительно тяглыхъ людей. Дѣйствительно, общины обратились съ челобитными къ царю и нашли въ немъ поддержку своимъ требованіямъ. Въ 1623 году черныхъ сотенъ сотскіе и старосты „во всѣхъ тяглыхъ людишекъ мѣсто, били челомъ государю на тяглыхъ людей, что они своимъ умысломъ продаютъ дворы свои въ черныхъ слободахъ на своихъ тяглыхъ мѣстахъ бѣломѣстцамъ", и что кромѣ того бѣломѣстцы „емлютъ у тяглыхъ людей, *съ ними по стачкѣ*, закладныя кабалы, а тяглые люди просрочиваютъ ихъ и послѣ сроковъ тяглыя мѣста хотятъ обѣливать". Вслѣдствіе этого черныя сотни и слободы пустѣютъ. Но не всегда своевольство и стачка были источниками такихъ сдѣлокъ. Города нерѣдко нищали отъ пожаровъ, непріятельскаго раззоренья и проч., послѣ чего черные люди, доведенные до крайности, продавали и давали заемныя кабалы на свои мѣста дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и „всякимъ людемъ", мимо черныхъ людей, а послѣдніе принуждали тѣ сотни и слободы выкупать эти мѣста, чего сотни, по громадности суммъ, написанныхъ въ закладныхъ, сдѣлать не могли. Дворы и дворовыя мѣста доставались тогда всякихъ чиновъ людямъ, которые на нихъ жили и строились, и съ сотнями тягла не тянули, люди же, продавшіе и заложившіе имъ свои дворы, изъ сотенъ и изъ слободъ и изъ тягла брели розно, и оттого „черныя сотни и слободы пустѣютъ и впредь государева тягла и податей взять будетъ не съ кого". На основаніи этихъ жалобъ государь неоднократно повелѣвалъ, чтобы тяглыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ бѣломѣстцамъ не продавать, не закладывать, по душѣ и въ приданое не давать, „а которые тяглые люди и которыхъ сотень и слободъ, для бѣдности или избывая сотеннаго тягла, дворы свои и дворовыя мѣста и *съ дворовъ хоромы* (прежде этого не было) продавать и мѣста учнутъ пустошить и закладывать бѣломѣстцамъ всякихъ чиновъ людемъ, и тѣ черные дворы и дворовыя мѣста по тѣмъ закладнымъ имати въ сотни безденежно. А кто черныхъ сотень учнутъ, сверхъ нынѣшняго государева указа, дворы свои закладывать и мѣста про-

давать, и тѣхъ людей указалъ государь, сыскивая бить кнутомъ" [1]. Не смотря на энергическій характеръ послѣдней мѣры, „разбродъ и воровство" тяглыхъ людей и стачки ихъ съ бѣломѣстцами продолжались. Наплывъ бѣломѣстцевъ въ города не останавливался. Притомъ въ самомъ классѣ городскихъ обывателей, подъ вліяніемъ правительства, появлялись лица, имѣвшія скорѣе служилое, чѣмъ тяглое значеніе. Цѣлый разрядъ гостей получилъ значеніе бѣломѣстцевъ. Духовенство, служилые люди, гости русскіе и иностранные, постоянно вторгались въ составъ общины, уменьшали количество тяглыхъ земель и черныхъ дворовъ [2]. Духовенство издавна владѣло въ городахъ обѣленными дворами; служилые люди постоянно пріобрѣтали себѣ новыя владѣнія. Сначала правительство попыталось было прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, какія оно употребляло въ прежнее время. Если въ Москвѣ оно прямо запретило бѣломѣстцамъ пріобрѣтать тяглые дворы какимъ бы то ни было способомъ, то въ другихъ мѣстахъ оно попыталось заставить ихъ тянуть во всѣ разметы съ тяглыми людьми [3]. Но разграниченіе сословій, основанное на различіи тяглъ, уже брало верхъ надъ прежнимъ общиннымъ началомъ. Сосредоточеніе каждаго сословія *на его тяглъ* сдѣлалось теперь главною задачею правительства. Если дворяне и дѣти боярскіе тянули свое служебное тягло съ помѣстій и вотчинъ, а крестьянство тянуло подати съ земли въ пользу ея владѣльцевъ, городскіе классы, съ выдѣленіемъ крестьянства, какъ особаго отъ нихъ состоянія, начали тянуть свои подати главнымъ образомъ съ своихъ промысловъ. Благодаря этому новому характеру городскаго тягла, нѣкоторые виды городскаго имущества получили значеніе, котораго они прежде не имѣли. До укрѣпленія крестьянъ и долгое время послѣ него, законодательство не различаетъ особыхъ видовъ тяглаго имущества въ городахъ и уѣздѣ. Въ приведенной гра-

[1]) А. И. III № 92, IX, XXV.

[2]) Неволинъ, II стр. 268.

[3]) См., напримѣръ, грамоту въ Устюжну Желѣзопольскую 1623 г. (А. А. Э. III № 138): «А будетъ на Устюжнѣ дворяне и дѣти боярскія и всякіе въѣзжіе уѣздные люди у посадскихъ людей посадскую землю, пашни, и пожни, лавки и дворы, покупали въ осадное время... а нашихъ и *мірскихъ разметовъ* съ ними съ посадскими людьми вь тѣхъ дворахъ и съ лавокъ и съ земель не платятъ, и ты бы... тѣмъ людямъ... наши всякія подати и въ городовые мірскіе разметы велѣлъ платить... какъ напередъ сего платили съ посадскими людьми въ рядъ, по окладу земскихъ цѣловальниковъ... а кто не похочетъ съ посадскими людьми податей платити, и тѣбъ люди на черныхъ мѣстахъ не жили, съ посадскихъ мѣстъ хоромы свои понесли долой».

мотѣ Михаила Ѳеодоровича, правительство, примѣняясь къ понятіямъ прежняго времени, говоритъ о посадской землѣ, пашняхъ, пожняхъ, дворахъ и лавкахъ безразлично. Прежнія грамоты говорили просто о „черныхъ земляхъ“ въ городахъ и уѣздахъ. Въ XVII стол. идея городской собственности, по преимуществу, начала вырабатываться въ законодательствѣ, которое обращало вниманіе на то, чтобъ имъ не владѣлъ никто кромѣ тяглыхъ городскихъ обывателей. Бѣломѣстцамъ, напримѣръ, запрещалось пріобрѣтать лавки отъ тяглыхъ людей [1]).

Но, не смотря на эти отдѣльные акты, города оставались въ прежнемъ нестроеніи и не могли „прійти въ достоинство“ по причинѣ слабости правительственныхъ средствъ и непомѣрной „шатости“ и злоупотребленій всѣхъ сословій. Уложеніе подробно раскрываетъ всѣ эти злоупотребленія и жалкое состояніе городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ энергическія мѣры для приведенія городовъ въ должное, то-есть, сообразное съ видами правительства, состояніе. Картина состоянія городовъ, которая рисуется при чтеніи XIX главы Уложенія, не особенно утѣшительна. Патріархъ, другія духовныя власти, монастыри, бояре, окольничьи, думные дворяне и всякихъ чиновъ люди строили слободы на посадской землѣ и населяли ихъ своими людьми [2]). Эти крестьяне, пользуясь своею близостію къ городу и защитою своихъ господъ, заводили въ городахъ лавки, соляныя варницы, погреба, и занимались торговлею, не неся никакихъ повинностей [3]). Дѣло дошло до того, что города потеряли свои выгоны, и во времена Уложенія нужно было отмѣривать ихъ вновь [4]). Кромѣ крестьянъ, поповы дѣти, дьячки и всякіе вольные люди жили на городскихъ земляхъ, торговали и промышляли, не отбывая никакого тягла [5]). При необыкновенномъ замѣшательствѣ администраціи и безпорядкахъ городскаго управленія, само правительство жаловало въ помѣстья и даже въ вотчины городскія земли [6]). Не только бояре и дворяне, но и крестьяне покупали ихъ и брали въ закладъ лавки, амбары и дворы, и выводили ихъ изъ тягла [7]). Прежде, когда крестьянское сословіе не было закрѣпощено, это означало бы, что крестьянинъ сѣлъ на черную

[1]) А. И. III № 92, XXXV.
[2]) Уложен. XIX. 7.
[3]) Ib. 5.
[4]) Ib. 6, 10.
[5]) Ib. 3.
[6]) Ib. 8, 9.
[7]) Ib. 15.

землю и обязывался нести съ нея повинности. Теперь же крестьяне были связаны обязательными отношеніями главнымъ образомъ съ помѣщиками, то-есть, несли тягло только по вотчиннымъ и помѣстнымъ землямъ, на которыхъ они сидѣли. Вслѣдствіе этого они не могли подчиниться другому тяглу, и пріобрѣтая тяглыя городскія имущества, обѣливали ихъ. Не отъ однихъ постороннихъ людей происходилъ ущербъ городскому хозяйству. Не мало вреда причиняли ему и сами посадскіе люди. Многіе изъ нихъ бѣжали съ своего тягла и закладывались у патріарха, митрополитовъ, бояръ и т. д. и при сыскѣ называлисъ ихъ крестьянами. Другіе уходили съ тягла на службу „своею охотою, а не неволею", то-есть, не по волѣ правительства, въ стрѣльцы, пушкари и затинщики, казаки, солдаты, или же шли въ ямщики [1]). Не говоря уже далѣе о прямой продажѣ тяглыхъ мѣстъ бѣломѣстцамъ [2]), много было и другихъ способовъ передавать тяглые участки въ другія руки. Тяглые люди отдавали своихъ дочерей замужъ за вольныхъ людей и давали имъ въ приданое дворы, становившіеся бѣлыми [3]).

Въ виду такихъ злоупотребленій законодательство рѣшилось *собрать* города и сдѣлать изъ нихъ правильную финансовую единицу. Люди и земли—все должно было возвратиться въ городъ. Мы видѣли выше, изъ какихъ разнообразныхъ единицъ былъ составленъ русскій городъ. Не всѣ они могли быть разомъ возвращены въ городское тягло. Торговые люди, по преимуществу, „посадъ", въ собственномъ смыслѣ этого слова, былъ собранъ довольно рано. Но труднѣе всего правительству было справиться съ слободами, которыя легко исчезали въ массѣ прочаго крестьянскаго населенія. На нихъ больше всего надлежало обратить вниманіе. Цѣлый рядъ мѣръ былъ предпринятъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Уложеніе должно было покончить съ этимъ вопросомъ. Всѣ земли, купленныя кѣмъ бы то ни было въ городѣ, безъ государева дозволенія, велѣно возвратить въ посадъ „безъ лѣтъ и безповоротно, за то, не строй на государевѣ землѣ слободъ, и не покупай посадской земли". Земли, розданныя въ помѣстья и вотчины самимъ правительствомъ, надлежало также „устроить къ посадамъ податьми и службами", а владѣльцевъ вознаградить землями въ другомъ мѣстѣ.

Вообще постановляется, что впредь „опричь государевыхъ слободъ

---

[1]) Уложен. XIX, 13, 26—33.

[2]) Ib. 39.

[3]) Ib. 22, 23; см. также о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ вслѣдствіе Уложенія А. А. Э. IV, № 32, 36.

ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городѣхъ не быти". Вредъ, приносимый этими слободами правительственнымъ интересамъ, былъ весьма разнообразенъ. Вопервыхъ, въ нихъ любили селиться тяглые городскіе люди, ибо они могли спокойно заниматься здѣсь торговлею, не неся никакихъ повинностей. Затѣмъ лица, не принадлежащія къ классу тяглыхъ, могли заниматься здѣсь же торговлею, безданно-безпошлинно. Правительство рѣшилось возвратить всѣ земли къ городу со всѣми живущими на нихъ людьми, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ и кабальныхъ людей, и то съ исключеніями. Всѣ тѣ слободы, гдѣ жили торговые и ремесленные люди и „всякими торговыми промыслами промышляли и лавками владѣли, а государевыхъ податей не платили и службъ не служили", должно было взять за государя въ тягло. Кабальныхъ людей предписывалось отдать владѣльцамъ, кромѣ тѣхъ, коихъ родители были посадскіе люди *или изъ государевыхъ волостей:* такихъ брать въ посадъ. Такъ было ограничено право посадскихъ людей поступать въ холопы; еще по Судебнику, городской ключъ не дѣлалъ холопомъ; теперь въ интересахъ тягла на посадскихъ людей распространено запрещеніе, постановленное прежде относительно однихъ служилыхъ людей. Всѣхъ посадскихъ людей, которые, или сами, или отцы ихъ, жили въ Москвѣ и въ городахъ въ тяглѣ, а послѣ заложились за кого-нибудь или пошли въ крестьяне, велѣно взять на посадъ, гдѣ кто прежде живалъ, безлѣтно (то-есть, не обращая вниманія ни на какой срокъ) и безповоротно. „А будетъ они впредь учнутъ за кого закладыватися или называтися чьими крестьяне или людьми; и имъ за то чинити жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ по торгамъ и ссылати ихъ въ Сибирь на житье на Лену". Не меньше грозитъ Уложеніе и тѣмъ, кто приметъ такихъ закладчиковъ. Они подвергались опалѣ, а земли ихъ отбирались на государя. Кредиторъ, давшій деньги по кабалѣ, лишался права иска на посадскаго человѣка, взятаго отъ него въ тягло. Документы отбирались отъ него въ Холопій приказъ, но суда ему не давали [1]). Затѣмъ многіе посторонніе люди, какъ мы видѣли, жили на владѣльческихъ и другихъ бѣлыхъ земляхъ и производили торговлю. Уложеніе прекращаетъ это злоупотребленіе. Но ему нельзя было дѣйствовать одинаковыми средствами на всѣхъ лицъ, виновныхъ въ этомъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли поступить въ тягло, ибо принадлежали къ разряду вольныхъ людей, другіе состояли уже въ другомъ тяглѣ, а потому не могли поступить на

---

[1]) Улож. XIX 1, 8, 13, 18, 20 и А. А. Э. IV, № 35, 158.

посадъ. Къ первому разряду относились люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, и служилые люди. Первыхъ, то-есть, поповыхъ дѣтей, церковныхъ дьячковъ, пономарей и другихъ вольныхъ людей, жившихъ на церковныхъ земляхъ, предписано „по торговымъ ихъ промысламъ, взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылыхъ не были". Служилымъ же всякихъ чиновъ людямъ, кромѣ стрѣльцовъ, если они получали жалованье и держали лавки, велѣно съ *жалованья* нести службу, а съ торговыхъ промысловъ быть въ тяглѣ въ сотняхъ и въ слободахъ и въ рядъ съ черными людьми подати давать, а кто не захочетъ быть въ тяглѣ, тѣмъ продать свои лавки государевымъ тяглымъ людямъ [1]). Другія лица не могли поступить въ тягло городское, какъ напримѣръ, крѣпостные крестьяне. Если такіе крестьяне жили въ Москвѣ, то они должны были возвратиться къ своимъ владѣльцамъ, а лавки, погреба, варницы, продать тяглымъ городскимъ людямъ, которые одни имѣли право на будущее время держать такія заведенія. Относительно другихъ городовъ правительство распоряжается еще рѣшительнѣе. Отписывая на государя подгородныя помѣстья и вотчины, для „устройства ихъ съ посады врядъ съ своими государевыми людьми, всякими податьми и службами", оно беретъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пашенныхъ крестьянъ, которые объявятся въ тѣхъ селахъ и деревняхъ. Если эти села лежатъ къ городу не близко, а въ нихъ живутъ торговцы, старинные посадскіе люди, имъ вольно возвратиться въ городъ, и наоборотъ, крестьянъ тѣхъ земель, имѣющихъ въ городѣ лавки, предписывалось дать на крѣпкія поруки, что имъ впредь въ лавкахъ и погребахъ не сидѣть и не торговать, варницъ и кабаковъ не откупать, а тѣ лавки и погреба продать тяглымъ людямъ. Затѣмъ впредь никто изъ нихъ не имѣлъ права заниматься торговлею въ городѣ и покупать лавки, подъ страхомъ конфискаціи этого имущества, опалы и торговой казни [2]). Имъ предоставлялось только право торговать своими сельскими произведеніями, равно какъ и другимъ пріѣзжимъ людямъ съ возовъ и струговъ на торгу или гостинномъ дворѣ, но не въ рядахъ [3]).

Ограждая своихъ тяглыхъ людей отъ соперничества съ другими лицами, правительство не ограничилось запрещеніемъ производить торговлю и держать лавки. Самое жительство ихъ въ городахъ казалось ему подозрительно. Никто не могъ держать въ своихъ город-

[1]) Улож. XIX 3, 4, 12, относительно стрѣльцовъ 11.

[2]) Улож. ib. 5, 9. 15, А. А. Э. IV. 39.

[3]) Улож. ib. 17, 36; Доп. къ А. И. № 81.

скихъ дворахъ и огородахъ больше одного человѣка изъ своихъ крестьянъ. У тѣхъ же, кто послѣ нынѣшняго указа учнетъ держать на дворахъ и огородахъ многихъ крестьянъ и бобылей, велѣно ихъ отбирать и записывать въ городское тягло. Только временное пребываніе крестьянъ въ городѣ дозволялось закономъ [1].

Если посторонним лицамъ запрещено было покупать, то тѣмъ строже воспрещалось посадскимъ людямъ продавать и закладывать свои дворы и лавки. Лавки, заложенныя постороннимъ людямъ, послѣ просрочки закладной, могли быть проданы только тяглымъ людямъ, подъ страхомъ конфискаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденъ указъ, что за фальшивыя закладныя, совершенныя тяглыми людьми бѣломѣстцамъ, дворы отдавались безденежно въ сотни, выданная подъ залогъ сумма пропадала, а закладчикъ или продавецъ наказывался кнутомъ [2]). Точно также были запрещены и другіе виды передачи тяглаго имущества нетяглымъ лицамъ. Вольный человѣкъ, женившійся на тяглой вдовѣ, долженъ былъ поступить въ тягло. Зятья черныхъ людей, принятыхъ ими въ семью съ тѣмъ, чтобъ они ихъ кормили до старости, также должны были жить въ черныхъ сотняхъ и слободахъ. Крестьянинъ или кабальный, женившійся на посадской дѣвицѣ, убѣжавшей или своевольно, или по его подговору, долженъ былъ со всѣми дѣтьми, прижитыми отъ нея, поступить въ тягло. Исключеніе дѣлалось только для бѣглыхъ холоповъ, женившихся на посадскихъ дѣвицахъ; они отдавались съ женами прежнимъ господамъ [3]).

Право свободнаго поступленія на службу навсегда закрылось для посадскихъ людей. Если государство не требовало съ нихъ службы, какъ повинности, то они должны были оставаться въ таглѣ. Нѣкоторыя льготы были допущены для одной стрѣлецкой службы и казаковъ. Московскіе и иныхъ городовъ посадскіе люди, ставшіе въ пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, солдаты, ямщики, должны возвратиться въ тягло. Если они стали въ стрѣльцы, то ихъ самихъ и съ ними двухъ сыновей велѣно взять въ тягло, а для стрѣлецкой службы оставить третьяго сына; слѣдовательно, семья, въ которой не было трехъ сыновей, вся возвращалась въ тягло: исключеніе дѣлалось для 3-го сына только въ интересахъ царской службы. Больше льготъ было казакамъ: поверстанныхъ и „устроенныхъ“ казаковъ вовсе не велѣно

[1]) Улож. XIX, 14.
[2]) Ib. 16, 39.
[3]) Ib. 22, 23, 37, 38.

возвращать въ тягло, кромѣ тѣхъ, которые записались въ казаки послѣ Смоленской службы и не были въ осадѣ подъ Смоленскомъ [1]. Дѣйствительная льгота въ этомъ отношеніи была установлена только для лицъ, бывшихъ въ плѣну: полонное терпѣніе освобождало ихъ отъ тягла [2]. Совершенно иначе относится законодательство къ тяглымъ людямъ, поступившимъ въ мастеровые, во дворецъ, въ оружейную палату и другіе приказы. Сотнямъ запрещено брать ихъ въ тягло безъ доклада государю, отъ котораго зависѣло отдать или не отдать ихъ (ст. 24).

Уложеніе закрѣпляетъ и возвращаетъ тяглыхъ посадскихъ людей не только во всей ихъ массѣ, но и требуетъ, чтобы каждый посадскій человѣкъ жилъ въ томъ разрядѣ, въ которомъ онъ былъ записанъ. Разряды эти устанавливались: a) различіемъ городовъ, b) въ средѣ городской общины различіемъ сотенъ и слободъ и c) этими обѣими причинами вмѣстѣ. Правительство вообще предписываетъ посадскимъ людямъ оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застало Уложеніе, и впредь изъ города въ городъ не переходить [3]. Уложеніе не запрещаетъ впрочемъ „иныхъ городовъ тяглымъ людямъ" пріѣзжать въ Москву и строить здѣсь лавки и дворы; но они должны были нести двойное тягло — одно въ Москвѣ, по дворамъ и лавкамъ, а другое въ городахъ, гдѣ они были записаны, съ тамошнихъ городскихъ ихъ торговъ и промысловъ [4]. Но практическое примѣненіе этого правила встрѣчало затрудненіе въ томъ отношеніи, что нѣкоторыхъ разрядовъ торговыхъ людей не было во всѣхъ городахъ, какъ напримѣръ, гостей и гостинной сотни, а многія лица другихъ разрядовъ, напримѣръ, суконной сотни, были записаны въ Москвѣ. Они не могли уже соединять Московскихъ и городскихъ торговъ. Будучи записаны въ Москвѣ, они стремились стать по отношенію къ другимъ городамъ бѣломѣстцами, не несшими въ нихъ никакихъ повинностей. И всѣмъ тѣмъ городовымъ

---

[1]) Улож. XIX, 26 и слѣд.

[2]) Улож. ib, 33.

[3]) Ib. 19: «А которые Московскихъ слободъ посадскіе люди нынѣ живутъ въ городахъ, а городовые посадскіе люди живутъ на Москвѣ и въ разныхъ городѣхъ; и тѣмъ тяглымъ посадскимъ людямъ жити въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ города въ городъ ихъ посадскихъ людей не переводить». Изъ этой статьи можно заключить, что Уложеніе вводитъ нѣчто новое и отмѣняетъ прежнее право, существовавшее «по старинѣ». Впрочемъ, отдѣльные случаи такихъ мѣръ встрѣчаются и раньше, напримѣръ, А. А. Э. III. № 55 и Уложеніе IV, 101.

[4]) Улож. XIX, 35.

торговымъ людямъ, которымъ „*велѣно* быть въ гостинной и въ суконной сотнѣ“, предписывалось „тяглые свои дворы и съ промыслы продать тѣхъ городовъ посадскимъ людямъ тяглымъ, а самимъ жить на Москвѣ въ гостинной и суконной сотнѣ“. Могло случиться однако, что люди эти не продавали своихъ дворовъ. Тогда они должны были тянуть съ городскими тяглыми людьми, но жить во всякомъ случаѣ имъ дозволялось только въ Москвѣ. Пріѣзжіе люди, не записанные въ Москвѣ, могли производить только оптовую торговлю въ гостинномъ дворѣ, а въ рядахъ, гдѣ торговали тяглые люди, имѣть лавки и продавать изъ нихъ имъ запрещалось [1]).

Нельзя предположить, чтобы всѣ эти правила примѣнялись во всей ихъ строгости. Изъ многихъ указовъ видно, что бѣломѣстцы, напримѣръ, продолжали покупать черные дворы, обязываясь только сотскимъ и старостамъ нести тягло съ своихъ земель. При Өеодорѣ Алексѣевичѣ, напримѣръ, встрѣчаются указы, повелѣвавшіе сводить съ черныхъ мѣстъ только тѣхъ бѣломѣстцевъ, кои не несли тягла, а при царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ [2]) позволено бѣломѣстцамъ владѣть тяглою землей съ обязанностію платить съ нея оброкъ. Но это, конечно, не измѣняло тяглаго значенія городскихъ общинъ въ глазахъ правительства и закона, не измѣняло его и на практикѣ.

Такъ постепенно установилось различіе между городскими обществами и сельскими обывателями. Различіе это становилось все глубже и глубже съ бо̀льшимъ развитіемъ началъ Московскаго государства. Въ XVIII и XIX стол. оно дошло до крайнихъ предѣловъ. Но въ XVII стол., при общемъ закрѣпленіи сословій, разница эта не была еще прямымъ противоположеніемъ между свободнымъ членомъ городскаго общества и крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ, какъ это утверждаетъ г. Чичеринъ. Изъ приведенныхъ выше фактовъ видно, на сколько городскія общины были *свободными* общинами, по отличію ихъ отъ общинъ владѣльческихъ. Если принимать терминъ *свободный*, какъ противоположность термину *владѣльческій*, то примѣненіе его къ городской общинѣ, пожалуй, и справедливо, но не въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ эти выраженія теперь. Не подлежитъ сомнѣнію, что между владѣльческимъ крестьяниномъ XVII вѣка и горожаниномъ той же эпохи было гораздо меньше различія, чѣмъ между крѣпостнымъ человѣкомъ и городскимъ обывателемъ

[1]) Улож. XIX, 34.
[2]) П. С. З. № 1157, 707 и 872.

XIX вѣка. Въ XVII вѣкѣ крѣпостной и городской обыватель имѣли гражданскія права и собственность, на сколько это допускало возложенное на нихъ тягло. Различіемъ этихъ тяглъ, а не большей или меньшей доли свободы, опредѣлялось различіе между городскимъ и крѣпостнымъ человѣкомъ. Крѣпостные, какъ земледѣльческая рабочая сила, были связаны съ землею, а земля главнымъ образомъ была посвящена служебнымъ цѣлямъ; поэтому они были отданы въ распоряженіе помѣщиковъ. Городскіе обыватели, промышленный и торговый элементъ Московскаго государства, составили свое тягло и были отданы въ распоряженіе приказовъ, завѣдывавшихъ финансовымъ управленіемъ Москвы. Они вѣдались здѣсь наряду съ черными волостями, уцѣлѣвшими въ XVII вѣкѣ. Такихъ приказовъ было очень много: Приказъ большаго дворца [1]), Казанскаго дворца [2]), Приказъ большой казны [3]), всѣ областные приказы [4]), Посольскій приказъ [5]) и многіе другіе. Разница между этими двумя классами русскаго общества опредѣлилась въ послѣдствіи, когда крѣпостное право видоизмѣнило свой характеръ, а реформы XVIII ст. подготовили освобожденіе городовъ.

Но въ XVII вѣкѣ, различіе между ними, имѣвшее дѣйствительно практическое значеніе какъ въ то время, такъ и въ послѣдствіи, заключалось въ томъ, что крестьянство крѣпостное относилось къ правительству не непосредственно, а чрезъ землевладѣльцевъ, а посадскіе остались къ нему въ прежнемъ положеніи. Вотъ почему личность крестьянъ постепенно теряла для правительства всякое значеніе; напротивъ, городскіе классы получили свою жалованную грамоту вмѣстѣ съ дворянствомъ. Но самый фактъ освобожденія купечества и городскихъ классовъ доказываетъ тяглый ихъ характеръ въ предыдущее время.

---

[1]) Котошихинъ VII: «Да въ томъ же приказѣ вѣдомы больше 40 городовъ, посадскіе люди, тягломъ и податьми....

[2]) Ib. 6.

[3]) Ib. 9, «И въ томъ приказѣ вѣдомы гости, и гостинная и суконная сотня,... и многихъ городовъ торговые люди; и собираютъ съ гостей и съ торговыхъ людей, и которые городы вѣдомы въ томъ приказѣ, и тѣхъ городовъ съ крестьянъ и бобылей тягло и подати и откупы, и иные поборы, ежегодь».

[4]) Ib. 16—69.

[5]) Ib. 2: стр. 69. Нѣкоторые города вполнѣ вѣдались въ своемъ приказѣ. Къ другимъ приказамъ приписывалась часть городовъ. Напримѣръ, къ царицыной мастерской была приписана на Москвѣ слобода Кадашева (больше 2.000 дворовъ). «И платили тѣ люди въ царскую казну деньги съ торговли съ своей и съ лавокъ; расправу же межъ ними чинила *боярыня-вдова*, завѣдывавшая мастерской».

Тяглый характеръ городскаго населенія, не смотря на различіе тяголъ городскаго и сельскаго населенія, привелъ къ нѣкоторымъ общимъ результатамъ и здѣсь, и тамъ. Тягло, сдѣлавшись основаніемъ общиннаго управленія, въ обоихъ случаяхъ привело къ чисто сословной организаціи управленія, то-есть, организовало сословія, но разбило и разъединило общину. Община перестала уже быть совокупностію лицъ, соединенныхъ различными интересами и повинностями въ одно цѣлое, независимо отъ ихъ соціальнаго положенія. Въ общинахъ получаютъ значеніе лишь нѣкоторые интересы, тѣсно связанные съ сословными обязанностями того или другаго класса. Неудивительно, если городское общество получило такой спеціальный характеръ подъ вліяніемъ сословныхъ началъ, на которыхъ оно было построено съ XVII вѣка. Пока города были соединеніемъ вольныхъ лицъ, связанныхъ разнообразными отношеніями, городское или другое общинное тягло имѣло значеніе общегражданской повинности, отъ которой можно было избавиться только посредствомъ жалованной грамоты. Вслѣдствіе этого классъ городскихъ обывателей не былъ такою замкнутою корпораціей, въ которую доступъ былъ труденъ, а выходъ изъ которой былъ невозможенъ. Каждый получалъ право гражданства подъ условіемъ платежа повинностей и отбыванія городской очереди. Теперь тягло городское не было единственнымъ условіемъ принадлежности къ городскому обществу. Горожане составили особый чинъ людей въ Московскомъ государствѣ. Можно было жить въ городѣ, нести даже различныя городскія повинности, имѣть въ немъ собственность и не принадлежать къ разряду городскихъ людей. Тогда уже, если не *de jure*, то *de facto*, установилось различіе между городскими обывателями вообще и городскими обывателями въ особенности, которое, какъ мы увидимъ ниже, имѣло такое огромное значеніе въ законахъ Петра Великаго и Екатерины II и не вполнѣ утратило свое значеніе даже до настоящаго времени.

Установленіе особаго *чина* городскихъ обывателей придало всѣмъ разрядамъ въ сферѣ этого чина совершенно казенный характеръ, чего не знала древняя Россія. Прежнее раздѣленіе на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей основывалось на естественныхъ и экономическихъ условіяхъ, не имѣвшихъ особеннаго офиціальнаго значенія. Съ видоизмѣненіемъ городскаго тягла эти различія получили офиціальное, и что̀ еще важнѣе, служебное значеніе. Прежнее различіе между лучшими и молодшими людьми, имѣвшее значеніе для внутреннихъ дѣлъ общины, напримѣръ, для раскладки податей, служба,

имѣвшая значеніе повинности въ пользу общества, — все это получило постепенно государственное значеніе. Государство стало *производить* въ различные разряды за услуги, оказанныя государству. Служебные принципы стали проникать въ городское общество, со всѣми ихъ послѣдствіями. Классъ гостей, напримѣръ, составлялся изъ лицъ, отличившихся именно на службѣ [1]). Они сами себя считали служилыми людьми больше чѣмъ городскими обывателями и потому не остались чужды одного изъ главнѣйшихъ обычаевъ служилаго сословія, *мѣстничества*. Они также не прочь были посчитаться мѣстами, когда представлялся удобный къ тому случай. При Алексѣѣ Михайловичѣ гость Матвѣй Антоновъ былъ назначенъ на новый денежный дворъ съ однимъ дворяниномъ. Считая себя какъ бы членомъ *приказа, присутствія*, онъ былъ обиженъ тѣмъ, что его писали ниже канцеляриста-дьяка. Онъ принесъ жалобу государю, изъ которой видно, что случай съ Антоновымъ былъ вовсе не первый. Еще въ 1649 г. гости били челомъ, чтобъ ихъ не назначали ни въ какія дѣла съ дьяками, и затѣмъ жаловались на составителей Уложенія, дьяковъ Гаврила Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова, что они, „хотя гостей затѣснить, написали ихъ въ Уложеніи послѣдними людьми, а свой чинъ написали выше ихъ, гостей, многими мѣсты". Въ то время жалоба гостей имѣла успѣхъ. Царь пожаловалъ ихъ, „велѣлъ гостей въ уложенной книгѣ написать противъ старыхъ стоглавниковъ, выше дьяковъ, опричь думныхъ дьяковъ". Гость Михайло Ерофѣевъ перепечаталъ листы въ Соборномъ Уложеніи, гдѣ и поставилъ гостей выше дьяковъ. Разумѣется дьяки не остались въ долгу. Они ударили государю челомъ „на нихъ гостей встрѣчно", что дьячій чинъ издавна въ разрядѣ написанъ честнѣе ихъ, гостей, „и бываютъ дьяки у государевыхъ дѣлъ на Москвѣ и въ городѣхъ и въ полкѣхъ, у ратныхъ дѣлъ съ бояры и въ иныхъ государствахъ съ великими послы; да и въ разрядѣ написано, при прежнихъ великихъ государѣхъ лучшіе гости ихъ братья бывали съ дьяками безсловно; а нынѣ въ гостинномъ чину люди молодые, и дѣти обычныхъ отцевъ торговыхъ людей, а иныхъ гостей отцы церковнаго чину". Дьяки въ самомъ дѣлѣ доказали, что гости „молоды" съ ними тягаться, что они новички въ мѣстническихъ дѣ-

[1]) Котошихинъ X, 1: «И въ тѣхъ гостѣхъ бываютъ изъ торговыхъ людей, гостинной и суконной сотенъ, и изъ посадскихъ людей. А бываютъ они гостиннымъ именемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ... и будучи въ гостѣхъ, по томужъ бываютъ въ царскихъ службахъ по перемѣнамъ, у соболиные казны и у денежныхъ сборовъ, въ головахъ и во дьяцѣхъ».

лахъ. Царь охотно склонился на доводы дьяковъ, почерпнутые изъ столь знакомыхъ имъ старыхъ и новыхъ книгъ и списковъ и осадныхъ росписей, и велѣлъ дьячью чину быть честью выше гостиннаго имени. На этомъ основаніи и Матвѣй Антоновъ проигралъ свой процессъ [1]).

Гости впрочемъ не были совершенными новичками въ мѣстническихъ и служебныхъ дѣлахъ. Они издавна составляли чинъ, фактически выдѣленный изъ класса городскихъ обывателей для царской службы и вслѣдствіе ея. Но въ XVII вѣкѣ такое же значеніе получили цѣлыя сотни гостинная и суконная [2]). Они также были устроены для службы, и сюда брали, или, пожалуй, производили въ этотъ чинъ торговыхъ людей другихъ городовъ.

Одна изъ причинъ появленія торгово-служилыхъ людей заключалась, кажется, въ томъ, что самая торговля, или по крайней мѣрѣ, многія ея отрасли получили казенный характеръ. Прежняя свобода торговли была подавлена безчисленнымъ количествомъ казенныхъ монополій: много отраслей промышленности и торговли сдѣлались исключительнымъ достояніемъ казны. Весьма естественно, что веденіе этой казенной торговли, поручаемое торговымъ людямъ, имѣло характеръ службы и даже считалось службою. Дворяне и всякихъ чиновъ люди добивались отличій въ полкахъ, приказахъ и посольствахъ, гости — на царской торговлѣ. А виды этихъ промысловъ и торговли были разнообразны. Соболиное дѣло, торговля хлѣбомъ, пенькою, поташемъ, смольчугою, шелкомъ и ревенемъ въ нашемъ единственномъ портѣ — Архангельскѣ, поволжскіе промыслы рыбою и солью, торговля съ Персами и Греками — все это было царскимъ, казеннымъ дѣломъ и доставляло гостямъ и торговымъ людямъ возможность выслужиться.

Такъ постепенно образовался разрядъ лицъ, подчиненныхъ смѣшанному тяглу городскому и служебному, а потому составлявшихъ переходъ отъ тяглыхъ къ служилымъ людямъ и нерѣдко пополнявшихъ собою ряды послѣдняго. Подъ именемъ именитыхъ и почетныхъ гражданъ они получили особенное развитіе въ XVIII столѣтіи.

Дальнѣйшее развитіе сословнаго начала должно было внести рознь и въ самую среду класса городскихъ обывателей, подобно тому, какъ оно уже выдѣлило его изъ среды прочихъ тяглыхъ людей Русской

[1]) П. С. З. № 247.

[2]) Котош. X, 2. Еще въ 1630 г. встрѣчается указъ о переводѣ двухъ Чердынскихъ посадскихъ людей въ Москву въ суконную сотню. А. И. т. III, № 164. Во время Уложенія — Доп. къ А. И. III, № 47.

земли, и въ конецъ разъединить прежнюю городскую общину. Собственно говоря, значеніе общинныхъ людей сохранили только черные и тяглые торговые люди слободъ и сотенъ въ Московскихъ слободахъ и въ другихъ городахъ. (Гости и гостинная и суконная сотня имѣли значеніе больше для всего государства, чѣмъ для отдѣльной общины). Они-то главнымъ образомъ сохранили самоуправленіе въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Значеніе этого самоуправленія будетъ совершенно понятно на основаніи всего вышеизложеннаго.

Выдѣляя городскія общины изъ состава другихъ, измѣнявшихъ свой характеръ подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, правительство очень хорошо понимало, что города составляютъ послѣдній остатокъ прежнихъ черныхъ общинъ, находящійся въ его непосредственномъ распоряженіи. Выше мы видѣли, какія мѣры правительство употребило для того, чтобы собрать въ одно цѣлое городскія корпораціи. Но этихъ мѣръ, какъ онѣ ни были энергичны, было еще мало. Собираніе городовъ было работой приготовительною, долженствовавшею сгруппировать этотъ классъ жителей подлѣ извѣстнаго тягла. Затѣмъ слѣдовало подумать о мѣрахъ къ обезпеченію своевременнаго, правильнаго и постояннаго отбыванія этого тягла. Здѣсь правительству было надъ чѣмъ задуматься. Съ установленіемъ крѣпостнаго права правильность отбыванія государственныхъ повинностей со стороны крестьянъ была обезпечена отвѣтственностію землевладѣльцевъ. По отношенію къ невладѣльческимъ общинамъ правительству приходилось дѣйствовать собственными средствами. Какія же были эти средства? Какъ мы увидимъ ниже, вся сила дѣйствительнаго управленія Московскимъ государствомъ была сосредоточена въ Московскихъ приказахъ. Будучи учрежденіями, удовлетворительными для надзора, они не могли однако похвалиться особенными средствами для внутренняго управленія. Главнѣйшіе агенты ихъ въ мѣстности—воеводы еще не были установлены надлежащимъ образомъ; да и по самому существу своему должность эта годилась скорѣе для исполненія, чѣмъ для управленія. Центральному правительству, правда, приходилось давать этой должности довольно широкіе размѣры и даже извѣстную долю произвольной власти; но отъ этого она нисколько не сдѣлалась пригоднѣе для развитія всѣхъ элементовъ мѣстнаго управленія. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, *что система изъятій* изъ-подъ власти мѣстнаго начальства, имѣвшая такое значеніе во времена намѣстниковъ и волостелей, мало измѣнилась во времена воеводъ. Во всякомъ случаѣ центральному правительству было необходимо поставить города въ наиболѣе близкое отношеніе къ себѣ

самому. Льготы и права самоуправленія были самымъ удобнымъ къ тому средствомъ. Льготы освобождали города отъ власти воеводъ, самоуправленіе давало имъ возможность сноситься непосредственно съ Московскими приказами.

При началѣ земскаго устроенія, правительство прибѣгло къ старой системѣ, къ возстановленію льготъ, дарованныхъ еще до Московскаго раззоренія. Жалобы на воеводъ были весьма велики [1]). Прежнія жалованныя грамоты сдѣлались совершенною необходимостію для черныхъ слободъ и городовъ. О монастыряхъ и духовенствѣ мы не говоримъ. Всѣ они спѣшили переписать свои жалованныя грамоты на имя новаго царя. То же дѣлали и города. Устюжна-Желѣзопольская выпросила себѣ подтвержденіе какъ судной, такъ и уставной грамоты, данной ей еще царемъ Иваномъ IV. Въ 1615 году Шуянамъ было возвращено право судиться самимъ, потому что „отъ воеводъ имъ чинитца продажа и убытки великіе". Судъ предоставлялся выборнымъ цѣловальникамъ; судныя пошлины велѣно привозить „къ Москвѣ по годамъ, съ оброчными деньгами вмѣстѣ... а которыхъ дѣлъ вершити не мочно, и тѣ дѣла присылать къ Москвѣ, въ Галицкую четверть". Впрочемъ въ 1620 г. судныя дѣла въ Шуѣ переданы опять воеводамъ [2]). Другіе города и даже черныя волости получили подтвержденіе прежнихъ своихъ правъ [3]). Но простое возстановленіе прежняго порядка не могло уже удовлетворить правительство. Это была простая пальятивная мѣра, необходимая въ первое время новаго порядка, и она оказалась недостаточною съ дальнѣйшимъ развитіемъ государства. Сосредоточивъ всю силу дѣйствительнаго управленія въ Москвѣ, правительство необходимо должно было позаботиться о единствѣ

[1]) Въ 1620 г. царь Михаилъ Өедоровичъ писалъ въ Муромъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ, и служилымъ, и посадскимъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ насильство и убытки и продажи великіе, и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе». Вслѣдствіе этого царь воспрещаетъ воеводамъ брать посулы и поминки, пользоваться услугами посадскихъ и уѣздныхъ людей, и т. д. Съ другой стороны, всѣхъ чиновъ служилые, посадскіе и уѣздные люди не должны были давать посуловъ и исполнять незаконныя требованія воеводъ: «А пишемъ мы къ вамъ (посадскимъ и уѣзднымъ людямъ), милосердуя о васъ, чтобы Божіею милостію и нашимъ царскимъ призрѣніемъ жили въ покоѣ и тишинѣ и *отъ великихъ бѣдъ и скорбей* поразживались и тѣсноты бъ вамъ и продажи и никакихъ иныхъ налоговъ не имѣлось и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны». А. А. Э. III, № 115.

[2]) Ib. № 36, 37, 126. А. отн. юр. б. др. Р. I № 46, 55, III, IV и V

[3]) Соловьевъ, IX, стр. 397.

исполненія его предписаній въ мѣстности. Воеводы должны были явиться такими органами центральной власти.

Въ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича воеводы были введены почти повсемѣстно, при чемъ имъ были поручены многія отрасли гражданскаго управленія. Къ городскому управленію, особенно въ дѣлѣ сборовъ и повинностей, власть ихъ прививалась туго. Смутное время оставило въ городскомъ населеніи многія привычки, дѣлавшія власть воеводъ не особенно имъ любезною. Городскіе обыватели нерѣдко сопротивлялись сбору податей, били воеводскихъ людей и даже самихъ воеводъ. Сами воеводы дозволяли себѣ разныя злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ подати обходились жителямъ вдвое дороже, такъ какъ имъ приходилось уплачивать ихъ въ двойномъ комплектѣ, при чемъ одинъ *комплектъ* шелъ въ карманъ воеводы, а другой въ сильно уменьшенномъ размѣрѣ доходилъ до царской казны.

Правительство не сразу ввѣрило воеводамъ наблюденіе за сборами податей въ городахъ и уѣздахъ. Обыкновенно изъ Москвы отправлялись особые сборщики, а воеводамъ предписывалось только содѣйствовать имъ въ этомъ дѣлѣ [1]). Воеводамъ необходимо было давать подобныя предписанія; они слишкомъ далеко отстояли отъ центральнаго правительства, слишкомъ зависѣли отъ мѣстныхъ обывателей, и безъ строгихъ предписаній изъ Москвы не оказывали царскимъ посланцамъ должнаго содѣйствія. Грамоты первыхъ временъ царствованія Михаила Өеодоровича наполнены жалобами на недобросовѣстность воеводъ. Разъ въ Пермь былъ посланъ для высылки въ Москву данныхъ, кабацкихъ и таможенныхъ денегъ и сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ князь Никита Шаховской. Воеводы не только не оказали должнаго содѣйствія, но прямо не отдали ему денегъ, бывшихъ у нихъ въ сборѣ, ибо роздали ихъ въ займы посадскимъ; также неудачно было и второе порученіе—собрать деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Посадскіе воспротивились сборщикамъ, и воеводы поддержали ихъ въ упорствѣ. Дѣло дошло до того, что Чер-

---

[1]) А. А. Э. III. №№ 48, 65, 70, 116, 112 и мног. друг. Въ № 70 грамота воеводѣ Волкову да дьяку Ивану Митусову: «Указали мы собрать (такія-то подати), а для этого денежнаго сбора посланы въ Пермь Великую и въ Чердынь Дружина Спѣсивцевъ да Тимоѳей Трифоновъ. И какъ Спѣсивцевъ и Трифоновъ въ Пермь Великую и въ Чердынь пріѣдутъ и учнутъ, по нашему наказу, деньги ратнымъ людямъ на жалованье сбирать, и вы бъ имъ давали для нашего денежнаго сбора, на разсылку на ослушниковъ, разсыльщиковъ, пушкарей и затинщиковъ и стрѣльцовъ, сколько человѣкъ пригоже».

дынцы прибили самого Шаховскаго. Царь принужденъ былъ учинить примѣрное наказаніе ослушникамъ: были наказаны старосты и посадскіе люди, досталось и воеводамъ. Не всегда однако правительство могло располагать достаточнымъ количествомъ людей для разсылки. Приходилось поручать сборъ податей самимъ воеводамъ, и тогда дѣло выходило еще хуже. Въ одной грамотѣ встрѣчается указъ воеводамъ, что они „посямѣста денегъ къ Москвѣ нисколько не пресылывали, кабы норовя посадскимъ для своей бездѣльныя корысти“ [1]). Вообще же ни та, ни другая система не могли обезпечить правительство. Воеводы, „норовя“ посадскимъ, пользовались великими кормами и посулами, а посланники изъ Москвы часто не довозили денегъ до мѣста назначенія, такъ что въ проигрышѣ оставались посадскіе люди и казна. Воеводское управленіе дорого обходилось городамъ. Появился цѣлый рядъ невѣдомыхъ прежде расходовъ. Воеводы съ товарищами и съ приказными людьми, присланными изъ Москвы, брали себѣ посулы, поминки, и вообще притѣсняли посадскихъ; посадскіе посылали отъ себя челобитчиковъ въ Москву съ жалобами на притѣсненія воеводъ; но эти посыльщики въ свою очередь должны были страшно много тратить на Московскіе приказы, гдѣ они ходатайствовали за своихъ довѣрителей. Эти разнообразные расходы, наконецъ, вывели изъ терпѣнія посадскихъ. Правительство по этому случаю прибѣгло къ чрезвычайно оригинальной мѣрѣ. Оно велѣло посадскимъ людямъ доставить себѣ списокъ всѣхъ расходовъ ихъ на приказныхъ людей и посыльщиковъ въ Москву [2]).

Не смотря на всѣ эти мѣры, правительство все-таки не могло добиться обезпеченія своихъ интересовъ съ помощію одного воеводскаго управленія. Оно скоро убѣдилось въ томъ, что при отсутствіи истинныхъ началъ областнаго управленія, его выгоды требуютъ подчиненія возможно бо́льшаго количества лицъ областнаго управленія непосредственно Москвѣ. Невозможность правильнаго надзора за воеводами и

---

[1]) А. А. Э. III, № 72. Указъ грозитъ воеводѣ: «А будетъ вы тѣхъ денегъ тотчасъ не доправите, и къ намъ къ Москвѣ вскорѣ не отпустите, и мы велимъ въ Чердынь послать дворянина добра на многихъ подводахъ, изъ прогоновъ, и велимъ тѣ деньги и прогоны правити на васъ во весь день отъ утра до вечера, а на ночь за ослушаніе велимъ васъ сажати въ тюрьму».

[2]) А. А. Э. III № 65: «И какъ вамъ ся грамота придетъ, и вы бъ, старосты и цѣловальники... книги расходныя, за своими руками, что которому воеводѣ, которые у васъ, и которые дворяне и дьяки и всякіе люди присыланы къ вамъ для нашихъ дѣлъ, имали у васъ кормовъ и поминокъ, и что у васъ куды на всякіе расходы вышло, прислали къ намъ къ Москвѣ».

установленія дѣйствительной отвѣтственности ихъ предъ правительствомъ прямо указывала *на необходимость изъятія* изъ ихъ вѣдомства разныхъ отраслей администраціи, какъ на единственное средство помочь бѣдѣ. *Это изъятіе должно было замѣнить контроль*. Тяглый характеръ сословій облегчалъ правительству осуществленіе этого плана. Тяглое значеніе сословій дало правительству возможность устроить финансовую администрацію на особыхъ отъ воеводскаго управленія началахъ. Мы уже видѣли, что многія лица торговаго класса получили значеніе полуслужилыхъ людей, благодаря казенному характеру многихъ отраслей торговли, поручавшихся ихъ завѣдыванію. Ничто не препятствовало правительству распространить эту систему на другія свои регаліи и даже на нѣкоторые сборы.

Примѣненіе этой системы началось довольно рано. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича сборъ ясака съ Пермскихъ инородцевъ былъ порученъ Чердынскому посадскому человѣку съ цѣловальниками. Кажется, ближайшимъ поводомъ къ этому было то обстоятельство, что посадскіе люди ѣздили къ Татарамъ торговать медомъ и воскомъ, а въ числѣ податей была и десятина съ меду и воску. Въ 1622 году Чердынецъ Поспѣлко Серебренникъ билъ челомъ государю на Семена Клементьева, которому былъ порученъ этотъ сборъ, говоря, что онъ доставляетъ въ казну мало ясачнаго сбора, корыстуясь самъ, и кромѣ того укрываетъ Татаръ, не платящихъ ясака. Серебренникъ предлагалъ царю послать къ Татарамъ его, съ вѣрными цѣловальниками, обѣщаясь доставить ясакъ сполна, и кромѣ того произвести точную перепись ясачнымъ людямъ и открыть укрывающихся отъ платежа. Правительство нашло это предложеніе для себя выгоднымъ и возложило на Поспѣлка всѣ эти обязанности, предписавъ только воеводѣ смотрѣть, чтобъ „отъ него Татарамъ насильства и налоговъ не было“ [1]). Такимъ образомъ сборъ довольно важной подати, доставленіе ея въ городъ, и даже перепись народонаселенія съ сопряженными съ нею полицейскими обязанностями, были какъ бы отданы на откупъ частному человѣку, къ которому присоединены были земскіе цѣловальники. Въ воеводскомъ наказѣ, данномъ по государеву указу этимъ цѣловальникамъ, видно, что имъ было поручено взысканіе слѣдующихъ податей: 1) десятины съ меду, воску и хмѣлю; 2) десятины же съ рухляди и со всякихъ товаровъ; 3) пошерстной пошлины съ продажныхъ лошадей; 4) порублевой пош-

¹) А. А. Э. III, № 122. А. И. III, № 125.

лины съ пріѣзжихъ торговцевъ. Вмѣстѣ съ симъ имъ поручены были нѣкоторыя полицейскія обязанности: а) они должны были наблюдать, чтобы никто не продавалъ товаровъ, не явленныхъ цѣловальникамъ, и для наблюденія и осмотра пріѣзжихъ торговцевъ имъ давалась особая стража; b) имъ поручено наблюдать, чтобы никто не торговалъ заповѣдными товарами съ инородцами, какъ то: панцырями, доспѣхами, шеломами, саблями, копьями; с) они должны были слѣдить за правильностію мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ при продажѣ товаровъ. Вмѣстѣ съ этими порученіями они получили и извѣстную степень власти, необходимой для успѣшности надзора. За продажу запрещенныхъ товаровъ они должны были отдавать тѣхъ торговцевъ на крѣпкія поруки и „за поруками учинить имъ срокъ стати въ Чердыни предъ государевымъ воеводою“, а товары конфисковать. За употребленіе ложныхъ мѣръ имъ поручалось конфисковать тѣ непрямые вѣсы и взыскивать за нихъ пеню, „чтобы ему и инымъ впередъ неповадно было такъ дѣлать“. Далѣе, имъ дается слѣдующее порученіе: „Которые торговые люди учнутъ бити челомъ государю, а имъ цѣловальникамъ учнутъ подавати челобитныя, и цѣловальникамъ на торговыхъ людей, а торговымъ на инородцевъ судъ давати и управу чинити межъ ними вправду“. Наконецъ, они должны были переписать Татаръ и разверстать между ними ясакъ [1]). Не менѣе важныя отрасли финансовой администраціи поручались другимъ торговымъ людямъ и преимущественно торговцамъ гостинной сотни.

Изъ этихъ фактовъ видно, что въ началѣ XVII вѣка правительство колебалось между двумя системами, которыя въ XVI вѣкѣ могли ужиться мирно. Земское управленіе не внушало къ себѣ довѣрія, вслѣдствіе разстройства и разоренія общинъ; приказное — вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ властей и недостаточности средствъ надзора. Правительство не могло дать развитіи ни той, ни другой системѣ: оно не могло ввѣриться ни общинамъ, ни приказнымъ людямъ. Кромѣ того на это колебаніе правительства имѣло вліяніе еще то обстоятельство, что общины, утратившія прежній земскій характеръ, не выяснили еще новаго, сословнаго значенія своего. Колебаніе правительства могло устраниться только тогда, когда новое значеніе городовъ, какъ сословныхъ единицъ, вполнѣ выяснилось въ глазахъ правительства. Тогда они, въ качествѣ *единаго сословія* Московскаго государства, могли быть подчинены прямо Московскому управленію,

---

[1]) А. А. Э. III, № 124.

съ изъятіемъ изъ-подъ власти воеводъ. До тѣхъ поръ администрація колебалась.

Это можно прослѣдить на отрасли администраціи, съ давнихъ поръ поручавшейся торговымъ людямъ, — на собираніи разнаго рода пошлинъ, преимущественно кабацкихъ и таможенныхъ. По отношенію къ этимъ сборамъ развилась въ XVII вѣкѣ чрезвычайно оригинальная система управленія, на которой намъ необходимо остановиться. Она извѣстна въ исторіи нашего права подъ именемъ *вѣрной*. Сущность ея заключалась въ томъ, что опредѣленное количество лицъ, подъ именемъ головъ и цѣловальниковъ, выбирались (а головы и назначались правительствомъ) городомъ, или городомъ съ уѣздомъ, къ сбору государевыхъ податей. Они приносили присягу въ томъ, что подати будутъ взысканы ими не только бездоимочно, но даже съ прибылью государевой казнѣ. На первый взглядъ эта система какъ будто напоминаетъ земское управленіе прежняго времени. Но она рѣзко отличается отъ прежней системы именно тѣмъ, что не предполагала необходимости отвѣтственности общинъ за исправность доставленія таможенныхъ сборовъ. Дѣло это не возлагалось *на души земства,* какъ это дѣлаютъ уставныя и губныя грамоты въ царствованіе Ивана Васильевича. Съ другой стороны, ее нельзя отнести къ приказному управленію, ибо она предполагаетъ самостоятельную отчетность головъ и цѣловальниковъ предъ центральнымъ правительствомъ, — отчетность совершенно необходимую въ видахъ пополненія отчетности воеводской, мало удовлетворявшей правительство, особенно въ такихъ важныхъ для казны вопросахъ, какъ финансовое управленіе.

Вѣрныя должности не были произведеніемъ XVII вѣка. Уже въ царствованіе Ивана Васильевича встрѣчается примѣненіе этой системы въ Новгородѣ (С. Г. Г. и Д., II, № 43) [1]) Мы считаемъ нужнымъ напомнить читателю, какія обстоятельства сопровождали ея появленіе. Новгородъ, по своимъ политическимъ обстоятельствамъ, состоялъ подъ управленіемъ намѣстниковъ, которые въ то время (1571) устранялись въ другихъ областяхъ Великой Россіи. Исключительное значеніе Новгорода и географическое положеніе его на окраинѣ государства требовали въ немъ присутствія сильнаго правительственнаго органа, имѣвшаго почти значеніе воеводы послѣдующаго времени [2]).

---

[1]) Прочіе акты, относящіеся къ этому вопросу: А. И. I, № 49, 95, 101, 116, 146.

[2]) Въ Новгородѣ при Иванѣ IV были уже воеводы. Названіе намѣстника было скорѣе почетомъ, но сущность воеводскаго управленія уже установилась тамъ. Палецкій въ 1555 году назывался уже воеводой Новгородскимъ, а въ

Земское управленіе не могло получить въ немъ сильнаго развитія. Съ другой стороны, ввѣриться окончательно приказному элементу въ такомъ вопросѣ, какъ таможенныя пошлины, было также не совсѣмъ удобно. Исходомъ изъ этого затруднительнаго положенія явились вѣрныя должности, гдѣ земское начало доставляло правительству людей, пригодныхъ для казеннаго дѣла, а отвѣтственность падала прямо на избранныхъ лицъ, слѣдовательно, до нельзя спеціализировала отчетность финансоваго управленія предъ центральнымъ правительствомъ. Даже самое выборное начало не признавалось необходимостію для этихъ должностей. Въ XVI вѣкѣ правительство дѣйствовало при распредѣленіи повинностей рѣшительно. Новгородскіе головы назначались намѣстникомъ съ товарищами, а цѣловальники избирались горожанами. Таможники эти должны были всѣ пошлины сбирать безъ недобора и записывать таможенныя и замытныя деньги въ книги и держать ихъ вмѣстѣ съ уставною грамотою за общими печатями. За неисправность имъ угрожала опала, а недоборъ взыскивался съ нихъ вдвое.

То положеніе дѣлъ управленія, которое въ XVI вѣкѣ было исключеніемъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, въ XVII вѣкѣ сдѣлалось общимъ правиломъ. Ослабленіе земскихъ началъ и воеводское управленіе,—вотъ чѣмъ характеризуется первая половина XVII вѣка. Вѣрныя должности съ новою силою развились въ это время.

Въ 1623 году встрѣчаются во Псковѣ таможенные головы; но они существовали здѣсь, и прежде, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ. Головы были назначены изъ Москвы, а цѣловальникамъ при нихъ велѣно быть Псковичамъ, выборнымъ людямъ. Имъ поручены: таможенный, гостинный, нѣмецкій, денежный дворъ и кабаки. Отношенія ихъ къ воеводѣ весьма оригинальны. Онъ не является прямымъ ихъ начальникомъ, хотя надзоръ за ихъ дѣятельностію поручается ему. Нигдѣ не видно однако, чтобъ этотъ надзоръ давалъ ему какія-нибудь права надъ головами. Онъ не могъ ихъ смѣнить; суммы, собранныя ими, хранились у воеводы; но всѣ отчеты и книги ихъ посылались въ Москву въ Новгородскую четверть. Напротивъ, на воеводѣ лежала обязанность помогать имъ въ отправленіи должности. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто безъявочно не курилъ вино и не варилъ другихъ питей. Отвѣтственность за это падала на него. „А

другихъ случаяхъ намѣстникомъ. Даже нѣкоторые предметы были изъяты изъ-подъ вѣдомства намѣстника и поручены другимъ лицамъ. Доп. къ А. И. I. № 73, 76, 79, 80.

будетъ въ Псковѣ и въ слободахъ учнутъ держати корчемное и неявленное питье, а вы того сыскивати не начнете, а кабацкимъ деньгамъ будетъ недоборъ, и намъ тѣхъ денегъ спрашивати на васъ“ [1]). Вообще царствованіе Михаила Өеодоровича значительно развило эту систему. Продажа напитковъ [2]), рыбныя ловли и другія таможенныя пошлины [3]) находились подъ наблюденіемъ воеводы; но сборъ пошлинъ былъ отданъ въ руки выборныхъ и невыборныхъ торговыхъ и посадскихъ людей.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича управленіе это получило систематическое развитіе [4]). Вопервыхъ, уложеніе строго опредѣляетъ сферу лицъ, изъ которыхъ могли быть назначены головы и цѣловальники; должности эти сдѣлались достояніемъ посадскихъ людей и дворцовыхъ крестьянъ [5]). Эта мѣра a) устранила служилыхъ и приказныхъ людей отъ таможеннаго и кабацкаго дѣла; b) имѣла значеніе льготы для крестьянъ владѣльческихъ и ихъ владѣльцевъ, такъ какъ вѣрная служба была весьма тяжелымъ тягломъ, отъ котораго и прежде избавлялись иногда, въ силу жалованныхъ грамотъ, крестьяне нѣкоторыхъ монастырей. Во вторыхъ, порядокъ сношеній и отвѣтственности головъ и цѣловальниковъ правильнѣе опредѣлился въ это царствованіе. При Михаилѣ Өеодоровичѣ отношенія эти были крайне не опредѣленны въ томъ, что порученіе таможенъ, кабаковъ и мытовъ головамъ и цѣловальникамъ не получило еще характера полнаго исключенія извѣстной отрасли администраціи изъ-подъ непосредственнаго управленія воеводъ. Сборъ пошлинъ и другихъ сборовъ поручался головамъ, но общее завѣдываніе этимъ вопросомъ оставалось въ рукахъ воеводъ; съ нихъ не слагалась даже отвѣтственность за недоборъ, чрезъ нихъ большею частью посылались собранныя деньги, ими представлялись отчеты Московскому управленію. Приказы, въ завѣдываніи которыхъ находились эти доходы, большею частію сносились не съ головами, а съ воеводами. Напротивъ, при Алексѣѣ Михайло-

[1]) Ib. № 143.

[2]) А. И. III. № 44, 73, 79, 100, 122, 185, 196, 200, II, 285 и т. д.

[3]) А. И. III. 90, 98, 122, 127, 125, 152 и друг.

[4]) Мы ограничиваемся здѣсь немногими указаніями, нужными для нашей цѣли; болѣе же подробное изслѣдованіе этого предмета можно найдти у г. Чичерина (Областныя учрежденія XVII вѣка стр. 403—449). См. также Доп. къ А. И. III. № 23.

[5]) Въ прежнее время кабацкіе и другіе сборы находились иногда въ завѣдываніи служилыхъ людей. Въ послѣдствіи это встрѣчается только въ отдаленныхъ городахъ. Доп. къ А. И. III. 57, 104.

вичѣ головы были поставлены подъ непосредственное наблюденіе Москвы. Необходимость имѣть въ области возможно большее число лицъ, отвѣтственныхъ непосредственно предъ центральнымъ правительствомъ, было главнѣйшею причиной этой перемѣны. Головы эти или прямо назначались (большею частью), или выборы ихъ утверждались въ четвертныхъ приказахъ. Съ ними же сносились они по всѣмъ своимъ дѣламъ; сюда представляли они свои отчеты [1]). Почему именно посадскимъ и торговымъ людямъ выпала на долю эта дѣятельность, понятно само собою. Уложеніе окончательно выдѣлило промышленное тягло изъ всѣхъ другихъ и подчинило самое производство торговли довольно строгой регламентаціи. Весьма естественно поэтому было поручить собираніе пошлинъ за торговлю и самую торговую полицію лицамъ, несшимъ промышленное тягло и притомъ знавшимъ всѣ условія торговли лучше чѣмъ воевода, назначавшійся въ какой-нибудь городъ на короткій срокъ въ видѣ отдохновенія отъ полковой службы. Интересы казны обезпечивались еще въ томъ отношеніи, что отвѣтственность этихъ головъ, въ случаѣ недобора или плохаго управленія, была гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ отвѣтственность воеводы, съ котораго часто нечего было взять, такъ какъ онъ назначался на воеводство для поправленія обстоятельствъ. Притомъ, если бы даже онъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, то его имущество все-таки было бы плохою гарантіей для казны, въ виду многочисленности и разнообразія сборовъ, порученныхъ его наблюденію. Напротивъ, система головъ и цѣловальниковъ достаточно обезпечивала правительство. Отвѣтственность въ такомъ случаѣ лежала на многихъ лицахъ, или лучше сказать, устанавливалось нѣсколько ступеней отвѣтственности. Недоборъ падалъ прежде всего на голову, — ибо онъ большею частью представлялъ деньги и книги въ четверть, — затѣмъ на цѣловальниковъ и наконецъ, на выборщиковъ, которые поставили правительству такихъ неисправныхъ сборщиковъ [2]). Наконецъ, какъ мы замѣтили это выше, правительство не желало возлагать отвѣтственность на одного воеводу, ибо при этомъ ему пришлось бы вручить всю власть, которая при недостаткѣ надзора перешла бы въ безграничный произволъ, вредный прежде всего для интересовъ казны. Вслѣдствіе этого правительство рѣшилось первоначально *пополнить*

---

[1]) Доп. къ А. И., т. III, № 34, 39, I и II, 42, 55, 109, стр. 386, 116, I и II; ib. V. № 1, 39, 40, 81, I, II, 93; ib. IV. 141 и т. д.

[2]) Чичеринъ ib. стр. 436—449.

отвѣтственность воеводъ отвѣтственностію вѣрныхъ должностей. Потомъ оно пришло къ необходимости установить совмѣстное существованіе этихъ двухъ видовъ отвѣтственности. Въ періодъ свободы сословій, государство устраняетъ произволъ въ мѣстномъ управленіи тѣмъ, что противопоставляетъ *власти* мѣстной администраціи *права* сословій и областнаго населенія. Сочетаніе этихъ двухъ началъ дѣлаетъ возможными децентрализацію и самоуправленіе. Въ періодъ закрѣпощенія сословій, оно обезпечиваетъ себя, противопоставляя отвѣтственность однихъ отвѣтственности другихъ. Возможно-большее число отвѣтственныхъ лицъ—вотъ послѣднее слово такой политики. Весьма натурально, что система эта должна привести и приводитъ къ сильнѣйшей централизаціи.

Финансовое управленіе Московскаго государства сдѣлалось такимъ образомъ частью тягла, лежавшаго на городскихъ классахъ. Служба въ головахъ и цѣловальникахъ никакъ не была какою-либо общественною должностію; она была одною изъ тяжелыхъ повинностей, лежавшихъ на посадскихъ и торговыхъ людяхъ. Распредѣленіе этой повинности было основано не на началахъ общественной службы, а скорѣе на началахъ обыкновенной службы. Подобно тому, какъ на обыкновенной службѣ городовые служилые люди и дворяне служили подъ начальствомъ воеводъ, посланныхъ изъ Московскихъ дворянъ, и въ таможенной службѣ *начальные люди*, головы, назначались изъ Московскихъ чиновъ, гостей, гостинной и суконной сотни. За недостаткомъ ихъ, они назначались изъ городскихъ посадскихъ людей; но при этомъ большею частію они избирались изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ тому городу, куда они назначались. Начальные люди давались городамъ правительствомъ, и это правило утвердилось окончательно на практикѣ, когда таможенные головы получили самостоятельное положеніе въ мѣстномъ управленіи, то-есть, получили значеніе настоящихъ начальныхъ людей. Даже въ томъ случаѣ, если головы выбирались мѣстными жителями, характеръ ихъ должности мало измѣнялся. Правительство не разсматривало ея какъ части земскаго управленія; оно стремилось сообщить ей казенный характеръ. Такъ, оно заботится о томъ, чтобы головы эти не оставались въ избравшемъ ихъ городѣ. Одинъ городъ выбиралъ таможенныхъ головъ для другаго. Всѣ эти способы невыгодно отражались на благосостояніи посадскихъ людей. Не смотря на то, что головъ, назначенныхъ правительствомъ или выбранныхъ другимъ городомъ, нельзя было разсматривать какъ земскихъ людей и привлекать городскихъ

жителей къ отвѣтственности за ихъ дѣйствія, казна не разбирала средствъ для пополненія недоборовъ.

Вѣрная система и ея послѣдствія хорошо характеризуются одною жалобой Углицкихъ посадскихъ людей на Угличанина Пашина. Изъ этой челобитной видно, какъ часто одна система смѣняла другую и что испытывали жители при каждой системѣ. Челобитная относится къ 1623 году (А. А. Э. III. № 150). До этого года въ 1621 году вѣрнымъ головою въ Угличѣ былъ Ярославскій посадскій человѣкъ. Въ 1622 году Пашинъ ударилъ челомъ царю о назначеніи его кабацкимъ и таможеннымъ головою, обѣщая собрать въ казну 1.300 р. Пока его челобитная странствовала по Московскимъ приказамъ, на мѣсто Ярославца явились Московскіе откупщики, которые и держали таможни и кабаки до 1623 года. Къ этому времени челобитная Пашина была разсмотрѣна, и предложенія его найдены выгодными. Приказъ Большаго Дворца назначилъ его вѣрнымъ головою и прислалъ Угличанамъ указъ съ приказаніемъ выбрать къ нему въ товарищи цѣловальниковъ столько, сколько было при Ярославскомъ вѣрномъ головѣ. Угличане были недовольны этимъ назначеніемъ, и если вѣрить ихъ челобитной, имѣли на это полное право. Пашинъ относился, очевидно, къ разряду тѣхъ лицъ, которыхъ русскій народъ мѣтко охарактеризовалъ словомъ „міроѣды". Жадный и разгульный по натурѣ, онъ причинялъ многія обиды своимъ согражданамъ; во время московскаго разоренья сходился съ Литовцами, наводилъ ихъ на Угличъ за то, что Угличане не дали ему 2.000 рублей, взялъ городъ вмѣстѣ съ Поляками, выжегъ и ограбилъ. Затѣмъ чинилъ многія насильства, завладѣвалъ чужими дворами, и пользуясь покровительствомъ воеводъ, билъ и сажалъ въ тюрьму своихъ враговъ. Понятно, что назначеніе его въ вѣрные головы открывало ему полную возможность нажиться на счетъ Угличанъ. Угличане утверждали даже, что онъ просилъ этой должности, имѣя въ виду отомстить имъ за то, что они собирались жаловаться на него Государю. „И мы, бѣдные твои Государевы сироты, не могли его Иванова насильства и обидъ терпѣти, хотѣли тебѣ праведному Государю на него Ивана въ его насильствѣ и разореньѣ и обидахъ извѣщать; и за то онъ Иванъ, хотя насъ, сиротъ твоихъ, разогнати и погубити до конца и городишко запустошити, билъ тебѣ Государю подъ откупщики подъ Москвичи учинить прибыль и собрати твоей Государевы таможенной и кабацкой казны 1.300 рублевъ". Его не устрашала отвѣтственность, связанная съ этою должностію. Онъ очень хорошо понималъ, что означаетъ от-

вѣтственность при слабости тогдашней администраціи, и весьма основательно думалъ, что если кара центральнаго правительства и коснется кого-нибудь, то никакъ не его, а тѣхъ же Угличанъ, которымъ онъ надѣялся отомстить. „И нынѣ, Государь, — продолжаетъ челобитная, — онъ же Иванъ похваляется на насъ сиротъ твоихъ, по своему злому умышленію и по совѣту, такимъ поклепнымъ образомъ, надѣяся по прежнему на свое воровство: чего то деи не наберу, и я деи напишу недоборную казну на посадскихъ людей, на тѣхъ, которые деи по Государевой грамотѣ и по выбору даны мнѣ въ товарищи; чтобъ ему Ивана данная Государева казна собравъ завладѣти самому, а на насъ, сиротахъ твоихъ, тое твою Государеву казну поклепавъ напрасно доправить, хотя, Государь, насъ, сиротъ твоихъ, разогнати и погубити до конца и городишко хотя видѣти за тобою Государемъ пусто, а не жило. Милосердый и праведный Государь Царь и Великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи, смилуйся насъ, сиротъ твоихъ, для великаго и конечнаго нашего разорѣнія и бѣдности. Не дай, праведный Государь, погубити и запустошити единому человѣку града своего, чтобы намъ, бѣднымъ твоимъ, Государевымъ сиротамъ, въ такомъ великомъ сборѣ будучи съ нимъ Иваномъ въ твоей Государевой казнѣ, по его Иванову челобитью и поклепному похвальному слову, на правежѣ на смерть замученнымъ не быть и достальнымъ всѣмъ розно не разойтись“.

Такимъ образомъ голова рѣдко имѣлъ земское значеніе; онъ былъ человѣкъ чуждый городу и его интересамъ. За городами осталась обязанность выставлять къ таможенному и кабацкому дѣлу только цѣловальниковъ, которые *взимались* съ нихъ подобно всякой другой повинности. Выборы ихъ производились подъ наблюденіемъ воеводъ, которые должны были слѣдить, чтобы цѣловальники были люди добрые и къ государеву дѣлу пригожіе, то-есть, не бражники, не воры и т. д. Но кромѣ этихъ нравственныхъ качествъ, правительство искало и практическихъ гарантій. Оно требовало, чтобы цѣловальники выбирались изъ *лучшихъ* людей, то-есть, изъ наиболѣе зажиточныхъ. Правительство впрочемъ очень хорошо понимало всю тяжесть этихъ обязанностей, возлагаемыхъ на головъ и цѣловальниковъ; вслѣдствіе этого оно ограничивало срокъ ихъ службы однимъ годомъ.

Такъ сложилась эта система управленія, извѣстная въ нашей литературѣ подъ именемъ *вѣрной*. Это названіе не вполнѣ поясняетъ сущность системы. Въ эпоху тяглаго положенія сословій, существенный признакъ, характеризующій какую-нибудь систему управленія,

заключается въ томъ, *гдѣ сосредоточена вся сумма отвѣтственности* за исправное отбываніе какой-нибудь новинности или сбора. Принесеніе присяги еще ничего не означаетъ и не опредѣляетъ. Земскія должностныя лица точно также приносили присягу, но никто не называетъ эти должности вѣрными. Спеціальное значеніе слова „вѣрный" состоитъ въ томъ, что главными отвѣтственными лицами за правильный и бездоимочный сборъ кабацкихъ и таможенныхъ пошлинъ были головы и цѣловальники. Но вдумываясь въ смыслъ этой отвѣтственности, нельзя не прійдти къ заключенію, что эта отвѣтственность не была вполнѣ самостоятельною, а отъ несамостоятельности этой отвѣтственности зависѣло несамостоятельное, такъ-сказать, переходное значеніе самого *вѣрнаго* управленія. Въ самомъ дѣлѣ, что означала отвѣтственность головъ и цѣловальниковъ, какой смыслъ имѣло самое ихъ учрежденіе?—Недовѣріе правительства къ воеводской должности, съ одной стороны, и невозможность возложить столь важное дѣло на отвѣтственность общинъ вслѣдствіе крайне плохаго состоянія городовъ, съ другой. Слѣдовательно, невозможность подвести это управленіе ни подъ начала управленія приказнаго, ни подъ начала земскаго управленія, вызвали вѣрное управленіе. *Вѣрныя* должности были такимъ образомъ чѣмъ-то среднимъ между тою и другою системой, продуктомъ приказныхъ безпорядковъ и земскаго нестроенія, нищеты и запустѣнія. Но могли ли вѣрныя должности удержаться въ послѣдствіи, при большемъ порядкѣ управленія приказнаго и лучшемъ устройствѣ городовъ? Какъ только города начали устраиваться, а приказное управленіе получило надлежащее развитіе, весь временный, переходный, несамостоятельный характеръ вѣрныхъ должностей выяснился и въ глазахъ правительства, и въ мнѣніи общества. Даже во время ихъ полнаго развитія, правительство не удовлетворялось ихъ отвѣтственностію и восполняло ее воеводскимъ надзоромъ или отвѣтственностію общины. Рано или поздно правительству нужно было присоединить вѣрныя должности къ одной изъ самостоятельныхъ сферъ управленія приказнаго или земскаго. Какъ установленіе, соотвѣтствовавшее переходной эпохѣ, вѣрныя должности, въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія, не имѣли такого громаднаго значенія ни прежде, ни послѣ XVII вѣка. Вопросъ заключался только въ томъ, къ какой сферѣ, приказной или земской, должны были присоединиться вѣрныя должности?

Мѣстныя приказныя должности не внушали правительству особеннаго къ себѣ довѣрія; вѣрныя должности были продуктомъ изъятія изъ

ихъ вѣдомства разныхъ отраслей финансоваго управленія. Сначала пополняя, потомъ замѣняя воеводскую отвѣтственность по финансовымъ дѣламъ, онѣ постепенно обособлялись отъ воеводскаго управленія. Напротивъ, между ними и земскимъ управленіемъ возстановлялась связь, долженствовавшая перейдти въ полное соединеніе.

Послѣднія мѣры Алексѣя Михайловича и законодательство Θеодора Алексѣевича доказали это.

На обязанности воеводы, какъ мѣстнаго начальника, лежало еще наблюденіе за тѣмъ, чтобы городскіе обыватели поставляли цѣловальниковъ, и затѣмъ они обязаны были всѣми мѣрами помогать головамъ въ отправленіи ихъ обязанностей, то-есть, противодѣйствовать корчемству, недозволенному куренію вина и т. д. Но прежняя власть ихъ надъ головами постепенно утрачивалась. Головы обязаны были отчетностію не предъ воеводами, а предъ приказами. Впрочемъ значеніе воеводъ въ этомъ отношеніи не утратилось сразу. Долгое время головы были обязаны двойною отчетностію: предъ воеводой и въ приказѣ. Постепенно и эта обязанность ихъ утрачиваетъ свое значеніе вслѣдствіе того обстоятельства, что воеводы окончательно отстраняются отъ завѣдыванія кабацкими и таможенными сборами.

Главнѣйшіе законодательные акты относятся уже къ царствованію Θеодора Алексѣевича; но они очевидно являются дальнѣйшимъ развитіемъ реформъ, начатыхъ его предшественникомъ. Реформы эти были вызваны разными обстоятельствами. Сообщеніе таможенному и кабацкому управленію самостоятельности не устранило однако вмѣшательства воеводъ въ дѣятельность головъ и цѣловальниковъ. Само правительство не только ничего не имѣло противъ этого вмѣшательства, но было даже довольно этимъ двойнымъ надзоромъ, тяготѣвшимъ надъ вѣрными должностями. Надзоръ приказа какъ бы пополнялся надзоромъ воеводы. Притомъ власть воеводы могла оказать существенную поддержку дѣятельности головъ. Результаты не замедлили однако доказать всю несостоятельность такого теоретическаго воззрѣнія на дѣло. Власть воеводы не только не была дѣйствительнымъ вспомогательнымъ средствомъ для приказовъ, но во многихъ случаяхъ даже парализировала этотъ надзоръ. Имѣя въ провинціи воеводъ и головъ съ цѣловальниками для одного и того же дѣла, центральное правительство могло повидимому разчитывать, что его интересы обезпечены двойною отвѣтственностію этихъ лицъ. На дѣлѣ выходило не то. Въ случаѣ недобора, воеводы сваливали вину на головъ, а головы на воеводъ, и казна оставалась въ убыткѣ. Это была первая и не-

маловажная причина, побудившая правительство съ большею точностію разграничить эти два вѣдомства. Вторая причина заключалась въ постепенномъ видоизмѣненіи самого характера финансоваго управленіе и того значенія, которое оно получило для городскихъ обывателей. Дѣятельность головъ и цѣловальниковъ имѣла въ виду такъназываемые неокладные сборы, пошлины и акцизы, мало, повидимому, имѣющія отношенія къ земскимъ, обывательскимъ интересамъ. Управленіе это имѣло своимъ предметомъ регаліи, таможенные сборы и другіе виды промышленности, объявленные собственностію казны, слѣдовательно, вошедшіе въ составъ казенной администраціи. Казенный характеръ сихъ сборовъ и регалій привелъ правительство къ правильному на первый взглядъ выводу, что исключительно казенная администрація можетъ вполнѣ удовлетворить, какъ интересамъ казны, такъ и самого народонаселенія. Но городскіе обыватели скоро почувствовали живую связь между этою администраціей и своими собственными интересами. Скоро увидѣли они, что всѣ эти сборы и ихъ администрація отражаются на тѣхъ промыслахъ, которымъ они соотвѣтсвуютъ; а такъ какъ промыслы были главнымъ основаніемъ тяглъ, возложенныхъ на городское сословіе, а удовлетворительное ихъ состояніе главнымъ условіемъ ихъ отбыванія, то и правительству не трудно было усмотрѣть эту связь между администраціей его регалій и благосостояніемъ городовъ. Оно увидѣло, что ему приходится перемѣнить свою политику. Руководствуясь первоначальнымъ своимъ воззрѣніемъ, оно могло поручить таможенное и кабацкое дѣло всякимъ казеннымъ людямъ: воеводамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ приказнымъ лицамъ. Въ послѣдствіи оно принуждено было, какъ и во многомъ другомъ, возстановить систему, существовавшую въ эпоху земскаго управленія. Распредѣленіе финансовой администраціи между воеводою и головами съ цѣловальниками указываетъ на это. Но правительство, возстановляя старую систему, не руководилось никакими соображеніями, кромѣ стремленія устранить недоборъ и безпорядки посредствомъ новыхъ средствъ отчетности и отвѣтственности. Оно дѣйствовало лишь противъ внѣшнихъ недостатковъ системы средствами чисто формальными и нисколько не думало измѣнять самаго характера управленія. Только тогда, когда обнаружилась связь между этою администраціей и экономическимъ бытомъ городовъ, правительство рѣшилось выйдти на новую дорогу. Казенная администрація должна была проникнуться нѣсколько земскимъ характеромъ.

Прежде всего это новое направленіе проявилось въ администраціи таможенныхъ сборовъ. Неясность и односторонность воззрѣній правительства на этотъ вопросъ въ прежнее время зависѣли между прочимъ отъ того, что самый характеръ городскаго тягла выяснялся только постепенно. Дѣятельность Михаила Θеодоровича и Уложенія только собрали города, вывели ихъ изъ состоянія того смѣшенія, въ которомъ они находились прежде въ ряду другихъ общинъ. Послѣ того должно было выясниться значеніе городскаго населенія и характеръ его тягла. Постепенно тягло это опредѣлилось какъ совокупность податей и повинностей, отбываемыхъ съ промысловъ и торговли. Естественнымъ результатомъ этого было то, что вопросъ о таможенныхъ пошлинахъ, о тарифѣ, о заставахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, могъ ближайшимъ образомъ интересовать купечество и вообще торговыхъ и промышленныхъ людей. Прежняя система управленія, имѣвшая въ виду только одну цѣль—доставленіе казнѣ больше доходовъ, безъ изслѣдованія того, какъ добываются эти доходы,—должна была вредно отразиться на интересахъ торговыхъ и посадскихъ людей. При плохомъ состояніи воеводскаго управленія и большихъ поборахъ казны, торговые люди не могли долго выдержать конкуренціи съ иностранными купцами [1]). Льготы англійскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, персидскихъ и другихъ купцовъ были весьма велики, а существующія пошлины не были достаточно уравнительны, чтобы сколько-нибудь сравняться *съ тягостями*, возложенными на русскихъ торговыхъ людей. Въ 1667 году они ударили челомъ государю, и послѣдствіемъ этой челобитной было изданіе Новоторговаго устава, сообщавшаго таможенному управленію земскій характеръ, въ смыслѣ береженья и торговыхъ людей отъ обидъ. Уставъ говоритъ, что при прежнемъ порядкѣ „русскимъ торговымъ людямъ въ заповѣдѣхъ, въ промыслахъ многіе убытки и домовыя разоренья учинились", вслѣдствіе чего „всемилосердымъ Великаго Государя на всенародное слезное челобитье воззрѣніемъ, Московскаго государства и порубежныхъ городовъ Великія Россіи торговые люди имѣли свободные торги, какъ годится быти" изданы эти статьи. Имъ установлены „по очереди и по выбору изъ гостей и изъ лучшихъ людей торговыхъ, головы и цѣловальники въ царствующемъ градѣ Москвѣ и въ порубежныхъ городѣхъ Великія

---

[1]) Соловьевъ, IX, стр. 416: «Понятно, что при такихъ условіяхъ (изложенныхъ на стр. 393—415) русскіе торговые люди были бѣдны и не могли *стянуть* съ богатыми иноземцами, на которыхъ они жаловались одинаково, какъ и на воеводъ».

Россіи, за вѣрою по заповѣди Христовѣ святаго Евангелія и за страхомъ праведнаго суда Божія, прежнихъ постановленныхъ государственныхъ указовъ въ цѣлости остерегая, также и послѣдующихъ на всякой государственной сборовъ таможенныхъ прибыли, и къ оборонѣ торговыхъ людей отъ всякихъ стороннихъ разорительныхъ обидъ, со всякимъ усердствомъ радѣти и беречи того всего накрѣпко" [1]). Во всѣ эти дѣла воеводамъ запрещено вступаться [2]).

То же самое управленіе не замедлило обнаружиться и въ отношеніи кабацкихъ и другихъ пошлинъ. Въ прежнее время управленіе этими дѣлами тягостно отзывалось на благосостояніи городовъ. Казенная администрація посредствомъ воеводъ и головъ съ цѣловальниками была еще лучшимъ исходомъ для посадскихъ людей; но правительство прибѣгало еще и къ другой системѣ не столько взиманія, сколько добыванія податей, именно къ откупамъ. Если бы на откупъ отдавались только крупные сборы, пошлины перваго разряда, то это было бы еще не такъ обременительно. Но откупы были невыгодны именно тѣмъ, что поражали самыя дробныя отрасли промышленности. Въ 1639 г. во всѣхъ городахъ приказа Новгородской чети были установлены откупы на сусло, квасъ, брагу, ботвинье, хмѣльное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь и другіе мелкіе промыслы. Правительство безразлично употребляло ту и другую систему, смотря по обстоятельствамъ. Впрочемъ откупа никогда не пользовались у него особеннымъ довѣріемъ. Оно нерѣдко отмѣняло ихъ во всемъ государствѣ.

Если вопросы оптовой торговли, заграничнаго отпуска, тарифа и государственныхъ таможенъ близко касались гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни, то внутреннія таможни, кабаки и мелкіе сборы интересовали черныхъ посадскихъ людей, мелкихъ промышленниковъ и различныхъ торговцевъ. Гости и большіе торговые люди взяли въ свое завѣдываніе порубежныя таможни; кабацкія и мелкія пошлины постепенно должны были перейдти въ завѣдываніе общинъ городскихъ обывателей. Отвѣтственность общинъ, подъ над-

---

1) П. С. З. № 408.

2) См. тамъ же, ст. 1: «А гостя съ товарищами воеводамъ въ таможенныхъ торговыхъ во всякихъ дѣлахъ ни въ чемъ не вѣдать, *чтобы въ томъ Великаго Государя казнѣ* въ сборѣ порухи не было»; ст. 18 повелѣваетъ давать купцамъ проѣзжіе грамоты и нанимать рабочихъ и извощиковъ безъ воеводскаго вѣдома, «потому что воеводы во многихъ городѣхъ *для своихъ корыстей задерживаютъ напрасно*» и т. д.

зоромъ Московскихъ приказовъ, должна была замѣнить дѣятельность воеводъ. Осуществленіе этой задачи выпало на долю царствованія Өеодора Алексѣевича, которое служитъ такимъ превосходнымъ введеніемъ въ преобразовательную политику Петра I. Въ первый же годъ этого царствованія вышелъ указъ, возлагавшій таможенную пошлину и кружечныхъ дворовъ и питейную прибыль на отвѣтственность общинъ. Мотивы и распоряженія этого указа весьма любопытны. Прежнее вѣрное управленіе привело къ недоборамъ во всѣхъ городахъ Новгородскаго приказа. Назначено было слѣдствіе, и головы съ цѣловальниками распрашиваны: для чего у нихъ недоборы учинились? И головы и цѣловальники въ распросахъ сказали: „Учинились де у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ". Объясненіе это было принято во вниманіе правительствомъ, можетъ-быть, потому что оно въ самомъ дѣлѣ было справедливо, можетъ-быть и потому, что ему уже надоѣли эти сваливанія другъ на друга отвѣтственности по финансовому управленію. На этомъ основаніи воеводамъ воспрещено вмѣшиваться въ таможенные и питейные сборы [1]). На первый взглядъ этотъ законъ кажется простымъ расширеніемъ той мѣры, къ которой правительство прибѣгало и прежде, то-есть, подчиненіемъ всѣхъ головъ и цѣловальниковъ непосредственно Московскимъ приказамъ [2]). Но указъ Өеодора Алексѣевича шелъ дальше прежнихъ распоряженій. Онъ видоизмѣнялъ самый принципъ отвѣтственности: отвѣтственность головъ и цѣловальниковъ подчинялась болѣе общему началу — отвѣтственности цѣлой общины. Вѣрное управленіе получило земскій характеръ. Выборъ головъ и цѣловальниковъ и надзоръ за ними порученъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ. И эта мѣра не была новостью. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ подобное управленіе введено во Псковѣ [3]). Но извѣстно, что это управленіе было введено

---

[1]) А. И. V № 10: «И въ прошломъ 185 г. по указу Великаго Государя, таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ вѣдать ничѣмъ не велѣно, а велѣно вѣдать и головъ и цѣловальниковъ выбирать земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ». То же повторяется и въ П. С. З. № 642: «Указали мы, Великій Государь, для прибыли нашей Великаго Государя казны, тѣ таможенные и кабацкіе сборы вѣдать вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ, а воеводамъ и приказнымъ людемъ таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ въ сборѣхъ ни въ чемъ не вѣдать, потому что сбираютъ они на насъ, Великаго Государя, таможенную пошлину и питейную прибыль за вѣрою и по выборамъ земскихъ старостъ и посадскихъ людей и положены тѣ сборы на нихъ». Доп. къ А. И. VII № 66, I.

[2]) См. выше.

[3]) См. Доп. А. И. V № 1. Всѣ вообще грамоты и особ. VII.

тамъ подъ вліяніемъ одного изъ передовыхъ людей того времени, Ордына-Нащокина, и не замедлило возбудить противъ себя неудовольствіе какъ боярства и приказныхъ людей, такъ и *лучшихъ* людей въ самомъ Псковѣ. Во всякомъ случаѣ управленіе это было исключеніемъ изъ общаго правила. Также въ царствованіе Алексѣя Михайловича были сдѣланы и другія попытки подчинить головъ міру. Это имѣлъ въ виду указъ 1673 года (П. С. З. 555). Но указъ Θеодора Алексѣевича даетъ большее развитіе этимъ началамъ. Указъ Θеодора Алексѣевича не только дѣлалъ это исключеніе общимъ правиломъ, но выяснялъ самыя начала управленія, которыхъ правительство намѣрено было держаться. Земскіе старосты и посадскіе люди должны были выбирать въ головы и цѣловальники людей добрыхъ и прижиточныхъ; затѣмъ указъ предписывалъ, чтобы „земскіе старосты и посадскіе люди надъ таможенными и кружечныхъ дворовъ, надъ головами и надъ цѣловальниками смотрѣли и берегли накрѣпко, чтобъ они, будучи въ таможняхъ и на кружечныхъ дворѣхъ, сбирали нашу Великаго Государя казну съ великимъ радѣніемъ и никакого воровства не было бы. Если откроются какія-нибудь злоупотребленія, недоборы доправлены будутъ на тѣхъ головахъ и на цѣловальникѣхъ, а за воровство и хитрость учинено будетъ жестокое наказаніе, а буде на головахъ и цѣловальникахъ взять будетъ нечего, и то доправлено будетъ на земскихъ старостахъ и на посадскихъ людяхъ, *потому что учинятся тѣ недоборы за неосмотромъ ихъ и за ихъ выборами*“ [1]). Начала эти были развиты во многихъ послѣдующихъ узаконеніяхъ. Указъ 1677 года подтвердилъ значеніе новаго земскаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ и отношеніе къ нему воеводъ; отъ послѣднихъ требовалось одно — не тѣснить головъ, не брать съ нихъ наборовъ и оказывать имъ въ случаѣ нужды вспоможеніе [2]). Вслѣдствіе этого, сношенія Московскаго управленія съ таможеннымъ мѣстнымъ управленіемъ производились или чрезъ головъ, или чрезъ земскихъ старостъ съ посадскими людьми. Отчетъ давался головами земскимъ старостамъ и посадскимъ, а затѣмъ всѣ книги за общею подписью присылались въ Москву. Окон-

---

[1]) А. И. т. V № 10, ст. 19.

[2]) П. С. З. № 679: «А воеводы бы по городамъ и всякіе приказные люди головамъ и цѣловальникамъ въ таможенныхъ во всякихъ сборѣхъ всякую помочь подавали и во всемъ ихъ отъ сторонъ остерегали, а сами бы воеводы и всякіе приказные люди головамъ и цѣловальникамъ никакія обиды и тѣсноты и налогъ не чинили и ни въ какихъ дѣлѣхъ для своихъ взятокъ на нихъ никакимъ умысломъ не нападали».

чательную организацію кабацкое и таможенное дѣло получило въ 1681 году [1]). Значеніе этой организаціи обусловливалось еще тѣмъ, что таможенные сборы, вѣдавшіеся прежде въ различныхъ приказахъ, собраны въ одно мѣсто. Въ 1681 году боярину Милославскому съ дьяками поручены приказъ большой казны, Московская таможня, помѣрная и мытныя избы, городовыя таможни и всякіе денежные доходы, кромѣ оброчныхъ лавочниковъ и неокладныхъ пошлинныхъ денегъ [2]). Начала эти еще болѣе укрѣпились въ концѣ XVII вѣка. Въ одной неизданной грамотѣ 1698 года [3]) таможенное дѣло разсматривается какъ земское управленіе, въ которое воеводы не должны вступаться. Велѣно въ таможню и на кабакъ и для сбора денежныхъ доходовъ и къ Сибирскимъ хлѣбнымъ запасамъ цѣловальниковъ выбирать мірскимъ людямъ, „потому что мірскіе люди межъ себя знаютца кто каковъ человѣкъ, а воевода для своей корысти добрыхъ людей, кто къ нашему Великаго Государя дѣлу годенъ, не перемѣнятъ и выборы на нихъ имать мірскимъ людемъ и отцевъ ихъ духовныхъ за руками".

Сосредоточеніе этого управленія въ одномъ мѣстѣ подвинуло впередъ освобожденіе посадскихъ людей отъ воеводскаго гнета и много способствовало соединенію ихъ въ одно государственное сословіе. Можно сказать, что государство сдѣлало все, что можно было сдѣлать для обезпеченія посадскихъ людей при тягломъ, несвободномъ ихъ положеніи. Но только одна личная свобода могла довершить начатыя преобразованія и дать настоящее значеніе городской корпораціи. Эта реформа была дѣломъ уже XVIII стол. Но XVII вѣку и тѣсно связанной съ нимъ преобразовательной эпохѣ Петра Великаго предстояло еще много приготовительной работы. Должно было еще соединить *вѣрное* управленіе, бывшее продуктомъ переходнаго состоянія государства, съ земскимъ управленіемъ, болѣе свойственнымъ нормальному положенію государства. Должно было все городское сословіе, разбросанное и разрозненное, собрать въ одно цѣлое, „яко разсыпанную храмину", по выраженію Петра I [4]).

Итакъ, правительство усиливало значеніе земскаго управленія и

---

[1]) П. С. З. 879, 880, 882 относит. кабаковъ, 873, 876 относит. таможенъ.

[2]) П. С. З. № 824; примѣненіе этого указа № 882.

[3]) См. разборъ сочиненія г. Андреевскаго: «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ» г. Калачова, приложенія, стр. 31 и слѣд.

[4]) Еще Новоторговый уставъ говоритъ о необходимости собрать торговое сословіе въ одно цѣлое. «Для многихъ волокитъ во всѣхъ приказѣхъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать *въ одномъ пристойномъ приказѣ*, гдѣ Великій Государь укажетъ, который бы приказъ былъ купецкимъ людямъ, во всѣхъ пору-

освобождало его отъ вліянія воеводъ, по мѣрѣ того какъ сословіе городскихъ обывателей выдѣлялось изъ массы другихъ и составляло одно цѣлое. Когда оно бывало объединено и поставлено въ непосредственную зависимость отъ Московскихъ приказовъ, городскія общины могли получить извѣстную степень самостоятельности, на сколько это нужно было для исправнаго отбыванія тягла. Впрочемъ для достиженія послѣдней цѣли, правительство никогда не уничтожало извѣстной степени самодѣятельности общинъ. Оно даже нуждалось въ ней. Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ подготовить единство городскаго сословія было развитіе его земскаго управленія. Во время неустройства городовъ, оно находилось въ жалкомъ положеніи. Мы видѣли выше, что только энергическое вмѣшательство правительства могло „паки собрать" городскія земли и жителей. Община, вслѣдствіе своего жалкаго состоянія, сама по себѣ не могла удержать жителей отъ разброда и даже рабства. Возстановленіе городскаго тягла и возвращеніе на него людей было дѣломъ правительства и сильнѣйшихъ его агентовъ въ мѣстности, воеводъ. Сыскъ бѣглыхъ людей, вывозъ на прежнее мѣсто не только посадскихъ людей, но и вообще черныхъ крестьянъ, поручены воеводамъ и другимъ приказнымъ людямъ. Это не означало, что въ то время не существовало общины и общиннаго начальства. Напротивъ, воеводы и другіе сыщики бѣглыхъ крестьянъ дѣйствовали по указанію земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Отъ нихъ получали они свѣдѣнія, сколько именно крестьянъ оставило свои тяглые участки, сколько на нихъ числится податей, и въ какія именно мѣста ушли они. Это обстоятельство прямо показываетъ, что общинное начальство имѣло книги для переписи членовъ общины, и въ этихъ же книгахъ обозначались всѣ подати, лежавшія на каждомъ крестьянинѣ, по общинной раскладкѣ [1]). Иски о бѣглыхъ людяхъ большею частію вчинались вслѣд-

---

бежныхъ городѣхъ и въ иныхъ государствахъ о проѣздахъ обороною, и во всѣхъ городѣхъ отъ воеводскихъ налогъ купецкимъ людямъ былъ защитою и управою. А кому купецкимъ людямъ случится побити челомъ Великому Государю о своихъ обидахъ какое ни на есть, на всякихъ чиновъ людей, и чтобъ всѣмъ купецкимъ людямъ давати судъ и управу на тѣхъ людей, въ томъ же *одномъ приказѣ* непремѣнно, чтобъ купецкимъ людямъ, волочась по многимъ приказамъ, промысловъ своихъ не отбыть и чтобъ промыселъ безъ волокитъ множился, и въ томъ Великаго Государя казнѣ будетъ въ пошлинахъ не малое пополненіе». Ст. 88, 89.

[1]) А. И. IV, № 51; Доп. къ А. И. III. 55, 82; А. А. Э. III. 55, 91. № 279, № 32, II, III. 36, 39, 158; А. И. IV. 60.

ствіе челобитныхъ разныхъ общинъ, жаловавшихся на свое запустошеніе. Разъ водворенные на тяглѣ, крестьяне и посадскіе люди подчинялись уже общинному начальству, отъ котораго зависѣла раскладка податей и повинностей. Право раскладки податей и повинностей указываетъ на самоуправленіе общинъ, существовавшее рядомъ съ воеводскимъ управленіемъ [1]). Въ этомъ правѣ болѣе всего выражалась самостоятельность общины, а потому мы остановимся на этомъ предметѣ.

Раскладка податей всегда предполагаетъ нѣкоторую власть общины надъ ея членами. При тягломъ же положеніи городскаго сословія, права эти были обширны. Право раскладки податей естественно связывалось въ то время съ правомъ наблюдать за цѣлостію общины, то-есть, за тѣмъ, чтобы тяглые участки не пустовали и не находились въ рукахъ лицъ, не несшихъ податей. По всѣмъ этимъ вопросамъ дѣятельность общины была довольно обширна. Правительство не имѣло дѣла съ отдѣльными посадскими и торговыми людьми; оно накладывало подати на всю общину, посошно, предоставляя затѣмъ внутреннюю разверстку самимъ членамъ общины [2]). Понимая очень хорошо, что одно изъ существенныхъ условій бездоимочнаго отбыванія податей заключается въ томъ, чтобъ онѣ были равномѣрно распредѣлены между всѣми членами общины, оно не могло возложить этого дѣла на воеводу, справедливо опасаясь большихъ безпорядковъ и произвола. Сыскъ бѣглыхъ людей поручался воеводамъ и приказнымъ; но поверстаніе возвращенныхъ на посадъ людей тягломъ поручалось общинѣ. Въ 1642 г. Суздальскому губному старостѣ поручено было сыскать бѣглыхъ Суздальскихъ людей, и сыскавъ, взять съ нихъ поручны въ томъ, „что имъ жить на посадѣ и наши подати

---

[1]) См., напримѣръ, П. С. З. № 872. Указъ о платежѣ податей и повинностей разныхъ званій людямъ, имѣющимъ въ Соликамскомъ уѣздѣ тяглыя земли наравнѣ съ тяглыми крестьянами, на стр. 319: «А по прежнимъ нашимъ Великаго Государя указамъ, тяглыми Усольскаго уѣзда землями и никакими на тѣхъ землямъ промыслами, никакимъ бѣломѣстцамъ владѣть не велѣно. А буде которые владѣть похотятъ, и имъ съ тяглыми крестьяны всякія подати платить, а въ сибирскіе отпуски помогать, *въ чемъ міромъ обложатъ*».

[2]) А. А. Э. III. № 31, 43, 70, 131. «На нынѣшній 131 (1623 г.) Московскимъ стрѣльцамъ наше хлѣбное жалованье велѣли взять передъ прошлыми годами и передъ иными передъ всѣми городы съ убавкою, съ сохи по штидесятъ рублевъ, и того съ Чердыни съ посаду и съ уѣзду съ осми сохъ 480 рублевъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ велѣли быти къ себѣ Чердынскимъ и Чердынскаго уѣзда старостамъ и цѣловальникамъ и посадскимъ и волостнымъ людемъ, а какъ къ вамъ сойдутся... и выбъ велѣли имъ тотчасъ, по сему нашему указу... собрати 480 рублевъ, по штидесятъ рублевъ съ сохи».

платить и службы служить съ посадскими людьми вмѣстѣ и впредь съ посаду никуда не сойти и ни въ какіе чины не стать и ни за кого не заложиться". Затѣмъ онъ долженъ былъ предписать общинѣ отвести имъ мѣста и поставить дворы и при себѣ велѣть ихъ обложить тягломъ [1]). Право этой раскладки касалось не только посадскихъ людей, но и постороннихъ лицъ, обязанныхъ тянуть съ городомъ. Въ Псковѣ одинъ священникъ жилъ на тягломъ участкѣ, и разумѣется, платилъ съ него подати. Послѣ Псковскаго бунта, староста съ товарищами, негодуя на него за то, что онъ не принималъ въ немъ никакого участія, учетверили его долю. Онъ жаловался царю, который и предписалъ Псковичамъ брать съ него по прежнему [2]). Община имѣла полную возможность принимать къ себѣ новыхъ членовъ. Правительство не только не противилось этому, но изъ своихъ выгодъ поощряло всякое пополненіе городской общины. Конечно, общинамъ рѣдко приходилось осуществлять это право, ибо города въ тогдашнемъ своемъ состояніи не представляли особенной привлекательности для новыхъ поселенцевъ: и старыхъ приходилось силою держать на посадѣ. Новые города населялись обыкновенно самимъ правительствомъ, при чемъ воеводамъ разрѣшалось перезывать только гулящихъ, а не тяглыхъ людей [3]). Понятно, что при такомъ положеніи вещей заботы общины о полнотѣ ея проявлялись скорѣе въ охранительномъ смыслѣ, то-есть, она заботилась о томъ, чтобы не было убылыхъ мѣстъ и пустыхъ дворовъ. Это было не только ея право, но обязанность, возложенная на нее правительствомъ. Въ 1648 г. старостамъ и цѣловальникамъ и лучшимъ людямъ Сольвычегодска былъ сказанъ Государевъ указъ, чтобъ они смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто не разбѣгался съ посада и каждый жилъ на своемъ тяглѣ; въ противномъ случаѣ они должны были извѣщать о томъ воеводу [4]). Само правительство иногда выводило тяглыхъ людей для своихъ цѣлей; напримѣръ, оно часто предписывало брать изъ разныхъ городовъ посадскихъ людей въ Московскія гостинную и суконную сотни для государевыхъ службъ. Это, конечно, возбуждало неудовольствіе посадскихъ людей, и въ 1648 г. многіе города били челомъ Государю о

---

[1]) А. А. Э. III, № 311. IV. 24.

[2]) Ib. IV. 52.

[3]) А. И. III. 121, 179, 211 id. № 3.

[4]) А. А. Э. IV. 35, 101. Указъ Царя въ Угличъ, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ (1658); Доп. къ А. И. IV. № 39; А. А. Э. III. 28.

возвращеніи имъ людей, взятыхъ въ Москву. Государь указалъ оставить въ Москвѣ только тѣхъ, кои взяты въ Московскія сотни изъ патріаршихъ и монастырскихъ крестьянъ, жившихъ въ городахъ. А городовымъ людямъ велѣно быть службою и тягломъ на посадѣ по прежнему. Для общинъ важно было не только то, чтобы тяглые люди были всѣ на мѣстѣ, но и чтобы бѣломѣстцы не пользовались городскимъ имуществомъ безъ платежа тягла. Мы видѣли выше, какія мѣры предприняты были правительствомъ для огражденія посадскихъ людей отъ невыгоднаго для нихъ соперничества. Но эти мѣры не достигали вполнѣ своей цѣли. Бѣломѣстцы продолжали пріобрѣтать тяглые дворы и уменьшать тѣмъ средства городскаго общества. Вслѣдствіе этого, не смотря на свое стремленіе организовать сословія на началахъ сословнаго тягла, правительство принуждено было весьма часто возвращаться къ прежнему началу, по которому каждый владѣвшій тяглымъ имуществомъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, долженъ былъ нести повинности вмѣстѣ съ общиной. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича съ этою цѣлью были возстановлены нѣкоторыя жалованныя грамоты прежняго времени[1]). Но и въ послѣдствіи мѣры эти казались ему единственнымъ средствомъ поддержать цѣлость городскаго тягла. Въ 1648 г., по челобитной Новгородскихъ посадскихъ людей, велѣно всѣмъ живущимъ въ Новгородѣ нетяглымъ людямъ, занимающимся торговыми промыслами, платить подати и служить службы наравнѣ съ посадскими людьми. Раньше того, то же самое случилось въ Псковѣ, а послѣ изданія Уложенія въ Костромѣ, также по челобитью земскаго старосты и посадскихъ людей[2]).

Раскладка податей между всѣми людьми, тянувшими тягло, производилась старостами и цѣловальниками. Въ законодательствѣ, впрочемъ, кромѣ неясныхъ указаній относительно права общины вообще разверстывать повинности по животамъ и промысламъ, нѣтъ никакихъ постановленій объ этомъ предметѣ. Причина этого заключается въ томъ, что законодательство не желало опредѣлять того, что

---

[1]) См. выше и особ. П. С. З. № 872, гдѣ упоминается о нѣкоторыхъ не дошедшихъ до насъ указахъ Михаила Ѳеодоровича.

[2]) А. А. Э. IV. 24, 169: «И какъ вамъ (воеводамъ) ся грамота пріидетъ и вы бы..... велѣли съ тѣхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей съ промысловъ ихъ земскимъ старостамъ въ земскую избу имать съ нихъ оброкъ по промысламъ ихъ смотря»... Подлинная грамота должна была храниться у посадскихъ людей, а списокъ у воеводъ. (1669 г.).

было предоставлено усмотрѣнію общинъ. Онѣ во всей совокупности отвѣчали за исправность платежа, а потому правительство могло не заботиться о томъ, какая доля общей тягости падетъ на отдѣльнаго члена общины. Затѣмъ обычай общинной разверстки податей установился въ незапамятныя времена и почти безъ измѣненій дѣйствовалъ и въ XVII вѣкѣ, а потому законодательству не зачѣмъ было опредѣлять вновь то, что̀ и безъ того было ясно всѣмъ и каждому. Впрочемъ законодательство не упускало случая высказывать свой взглядъ на этотъ предметъ всегда, когда представлялась къ этому надобность. Нужда же эта появлялась при установленіи какихъ-нибудь *новыхъ податей*, когда вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялся и самый способъ ихъ взысканія и раскладки. Въ 1634 г., по случаю Смоленскаго похода, былъ установленъ сборъ 5-й деньги на вспоможенье ратнымъ людямъ. Въ наказѣ, данномъ сборщикамъ этой подати, излагается, что для разверстки ея велѣно торговымъ и посадскимъ людямъ выбрать особыхъ окладчиковъ [1]). При введеніи рублевой стрѣлецкой подати Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ посадахъ и поморскихъ городахъ [2]), указано: „Окладъ положить на дворы, смотря по тяглу по промысламъ обложить и сбирать тѣ деньги посадскимъ людемъ, старостѣ и выборнымъ лучшимъ людемъ, за вѣрою и за выборомъ всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, кому они межъ себя вѣрятъ, и чтобы богатые и полные люди предъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные предъ богатыми въ тягости не были и велѣно того межъ собою земскому старостѣ и выборнымъ лучшимъ людемъ и окладчикамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ. И велѣно учинить тѣмъ доходамъ окладныя книги за своими и за окладчиковыми руками, и велѣно тѣ книги держать въ земской избѣ впредь для сбору". Конечно, въ интересахъ правительства, равно какъ и посадскихъ людей, было, „чтобы богатые и полные люди предъ бѣдными въ льготѣ, а бѣдные предъ богатыми въ тягости не были", и потому правительство по челобитью общинъ нерѣдко возстановляло равномѣрность въ распредѣленіи податей. Оно не имѣло при этомъ въ виду отдѣльныхъ членовъ общины, оно возстановляло только цѣлость *сохъ*, нарушенную произволомъ цѣлой группы. Въ царствованіе Алексѣя Ми-

[1]) А. А. Э. III. 245: «И въ окладѣ быть всѣмъ вмѣстѣ, и межъ себя велѣть имъ окладываться въ правду по животамъ и промысламъ и къ тому окладу руки свои прикладывать; да имъ же гостемъ и всякимъ окладчикомъ, которые въ выборѣ изъ разныхъ сотенъ написаны будутъ, окладывать городы и слободы».

[2]) А. А. Э. IV. № 243.

хайловича (1646 г.), Чердынскіе земскіе старосты и посадскіе люди вмѣстѣ съ уѣздными били Государю челомъ по одному чрезвычайно любопытному дѣлу. Чердынскимъ выборнымъ людямъ велѣно было росписать посадъ и уѣздъ на сохи, по 392 двора на соху [1]). Роспись была составлена и дворы распредѣлены по близости ихъ „кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быть", при чемъ величина отдѣльныхъ тяглыхъ участковъ не принималась во вниманіе. Это распоряженіе не понравилось лучшимъ людямъ, и они, при помощи воеводы, начали отписываться отъ своихъ сохъ „въ мелкіе выти дворами ихъ, а не по данному окладу, и передъ середними и молодшими людьми живутъ въ великой льготѣ, а среднимъ и молодшимъ людямъ передъ ними стало тяжело, не въ мочь, и оплачивая ихъ, обнищали и одолжали великими долги; а денежнымъ всякимъ доходамъ и сибирскимъ отпускомъ въ сборѣ чинится смута и мотчанье". Государь велѣлъ удовлетворить требованію челобитчиковъ и впредь лучшимъ людямъ отъ среднихъ и молодшихъ отписываться запретилъ [2]).

Кромѣ разверстки податей денежныхъ, общинѣ принадлежала также разверстка повинностей и разныхъ сборовъ натурою, возложенныхъ прежде на нихъ или возлагавшихся въ разное время. По отношенію къ этому предмету также нельзя найдти общихъ постановленій въ законодательствѣ. Взглядъ правительства выражался только въ отдѣльныхъ случаяхъ; но эти случаи достаточно свидѣтельствуютъ объ общемъ правилѣ. Завѣдываніе этими повинностями находилось въ рукахъ начальства, подъ контролемъ міра; но отъ міра зависѣло даже учрежденіе особыхъ должностей для какой-нибудь отдѣльной повинности. Въ Перми распоряженіе ямскою гоньбою и подводною повинностью производилось земскимъ старостой [3]). Но въ 1623 г. они подали царю челобитную, въ которой просили позволенія учредить особаго ямскаго старосту, ямщиковъ и дьячка для сбора ямскихъ денегъ. Необходимость такой перемѣны основывалась на томъ, что многія волости отъ посада далеко, и потому подводы не всегда могутъ

[1]) Слѣдовательно, не только разверстаніе податей внутри самой общины, но даже составленіе сохъ предоставлялось иногда общинѣ. Правда, Чердынцы въ основаніе своей росписи должны были взять писцовыя книги Михаила Кайсарова съ товарищи. Но въ этихъ писцовыхъ книгахъ находилась только перепись дворовъ, а по сохамъ они не были еще распредѣлены: это и поручалось выборнымъ людямъ.

[2]) А. А. Э. IV. 6.

[3]) А. А. Э. III, 144: «А отпускаютъ они во всякіе наши сибирскіе отпуски, сбирая съ себя повытно по росписямъ подводы».

быть въ сборѣ, такъ что земскому старостѣ приходится нанимать подводы за большую цѣну. Особые ямскіе старосты ввели бы больше порядка въ отбываніе этой повинности. Царь согласился на просьбу Пермичей и велѣлъ имъ выбрать старосту, дьячка и ямщиковъ, которые должны были завѣдывать ямскимъ дѣломъ, подъ контролемъ міра. Точно также собирались и доставлялись въ казну хлѣбные запасы, собираемые съ посадскихъ и волостныхъ людей [1]). Уже изъ того способа, какъ распредѣлялись разные сборы между разными финансовыми единицами, видно, какъ мало касалось правительство вопроса о раскладкѣ сбора внутри общины. Въ 1623 г. съ Новгородскаго посада и уѣзда велѣно было собрать деньги на постройку мостовъ. Сборъ этотъ распредѣленъ по чернымъ и бѣлымъ сохамъ одинаково; въ то же время было произведено росписаніе, сколько падало этого сбора на каждую податную единицу. Въ этомъ росписаніи замѣчается большая подробность въ распредѣленіи денегъ между бѣлыми сохами и краткость относительно черныхъ. Роспись просто говоритъ, что на Новгородскій посадъ, на черныя мѣста, положено 84 рубли, 23 алтына, 5 денегъ [2]). Общины также считались съ правительствомъ относительно отбытыхъ ими повинностей. Нерѣдко община подаетъ челобитныя о томъ, чтобы доставленные ими хлѣбные запасы были зачтены имъ за разные денежные сборы.

Впрочемъ, по причинамъ изложеннымъ выше, въ законодательныхъ памятникахъ нельзя найдти много указаній относительно раскладки податей и повинностей внутри общины. О самостоятельной роли общиннаго начальства въ этомъ дѣлѣ можно судить только по отдѣльнымъ случаямъ проявленія этой дѣятельности. Правительственные акты говорятъ объ общинномъ самоуправленіи въ случаяхъ столкновенія интересовъ отдѣльныхъ членовъ общины, когда правительство должно было являться ихъ примирителемъ или когда общины жаловались на злоупотребленіе воеводы [3]), или наконецъ при установленіи новыхъ податей. Гораздо явственнѣе выступаетъ характеръ общиннаго самоуправленія *въ столкновеніяхъ различныхъ общинъ между собою*. Столкновенія членовъ одной общины могли быть улажены міромъ и только въ крайнихъ случаяхъ поступали на разсмотрѣніе правительственныхъ органовъ. Напротивъ, пререканія между отдѣльными

[1]) А. И. III. 62, 93, 99, 115, 219.
[2]) А. А. Э. III № 145.
[3]) Доп. къ А. И. V № 53; А. А. Э. IV № 6; Доп. къ А. И. III № 59.

общинами непремѣнно должны были разрѣшаться правительствомъ, ибо въ мѣстности не было высшихъ общественныхъ организмовъ для посредничества между низшими. Поводы къ столкновенію между общинами были разнообразны. а) Многія повинности отбывались разными городами вмѣстѣ, и въ разчетахъ ихъ часто встрѣчались запутанность и „смущеніе“, зависѣвшія отъ стремленія уклониться отъ тяжелыхъ повинностей и возложить ихъ на сосѣднія общины. б) Многія повинности отбывались городами и уѣздами вмѣстѣ, при чемъ уѣздные крестьяне часто не могли уравнять своихъ повинностей съ посадскими и городскими черными людьми и обращались съ челобитными къ правительству. в) Во многихъ случаяхъ черныя сохи не отдѣлялись отъ бѣлыхъ, и черносошные люди рады были сбросить часть своихъ тягостей на бѣлыя сохи и даже притянуть къ своему тяглу имущества, ему не подлежавшія. Всѣ эти случаи разрѣшались правительствомъ, обыкновенно въ Москвѣ, ибо воеводы сами часто бывали виновниками этихъ безпорядковъ, и потому правительство вообще не любило воеводскаго вмѣшательства въ общинныя дѣла [1]).

---

[1]) Относительно а) см. А. А. Э. III. № 39, 40, 129; А. И. III. 56. Приведенные здѣсь акты касаются главнымъ образомъ тяжебъ между городами Пермской области. Такъ, жители Чердыни и Соликамска уклонились отъ участія по сибирскимъ отпускамъ съ жителями Кайгородка, на что послѣдніе принесли жалобу въ Москву. Царь указалъ жителямъ упомянутыхъ городовъ участвовать съ Кайгородскими въ посадахъ, и за ослушаніе, «что они цѣловальниковъ въ Кайгородокъ не посылали и въ сибирскомъ отпускѣ не считались», велѣно «изъ Чердынцевъ 3 лучшихъ людей, а изъ Усольцевъ 2 лучшихъ людей, бивъ батоги, вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ». То же повторилось по жалобѣ Усольцевъ на Чердынскихъ старостъ, цѣловальниковъ, земскихъ людей и волостныхъ крестьянъ. Въ 1622 г. такая же смута произошла между всѣми тремя означенными городами, вслѣдствіе того, что жители ихъ упорно отказывались съѣхаться для разчета, при чемъ Усольцы пользовались покровительствомъ своего воеводы. Въ царскомъ указѣ по этой челобитной приказано всему общинному начальству трехъ городовъ съѣхаться для счета, при чемъ устанавливался способъ разчетовъ и раскладки повинностей между ними и на будущее время. «А будетъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьянамъ случится въ какихъ нашихъ мірскихъ дѣлахъ счетъ, и посадскіе бъ и волостные старосты межъ себя считались вправду... а у счету велѣли быти съ ними лучшимъ людямъ изъ посадскихъ и изъ волостныхъ людей, которые бъ были добры и душою прямы, чтобъ у посадскихъ и у волостныхъ старостъ и цѣловальниковъ въ ихъ мірскихъ книгахъ лишнихъ приписокъ отнюдь ни которыми дѣлы не были, чтобъ въ тѣхъ бездѣльныхъ приписках отнюдь никому лишней тягости не было; а считались бы всѣ межъ себя вправду, по сошному письму, по нашему крестному цѣлованію». Подобный же случай съ кабацкими и таможенными доходами см. въ А. И. III. № 56.

Если раскладка податей находилась въ рукахъ общинъ, подъ надзоромъ центральнаго правительства, то собираніе и доставленіе этихъ податей въ казну не было подчинено такимъ общимъ правиламъ. Мы видѣли выше, что Московское правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ для правильнаго и бездоимочнаго взноса податей. Иногда собираніе податей и доставленіе ихъ въ Москву поручалось воеводамъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно для какихъ-нибудь чрезвычайныхъ сборовъ и новыхъ налоговъ, посылались особые сборщики, которымъ должны были помогать мѣстныя власти. Наконецъ, собираніе и доставленіе податей возлагалось на общинное

Относительно b) см. А. А. Э. III. № 102, 293; А. А. Э. IV. 58, 187; А. И. III. 47, 209; Доп. къ А. И. VIII. 107. Поводы этихъ жалобъ различны, но они имѣютъ одно основаніе — уклоненіе разныхъ волостей отъ отбыванія повинностей или стремленіе одной волости положить на другую лишнія повинности. Въ 1619 г. посадскіе люди и волостные крестьяне Юрьевца-Повольскаго били челомъ Государю, чтобъ онъ повелѣлъ крестьянамъ Коряковской волости помогать имъ въ ѣздовомъ строеньи и ямской гоньбѣ. Собственно эта повинность не лежала прежде на Коряковской волости, но царь пожаловалъ Юрьевцевъ и велѣлъ послѣдней помогать имъ, на томъ основаніи, «что Коряковская волость отъ Юрьевца недалеко, а въ нынѣшнюю войну отъ Литовцевъ ей разворенья не было». Въ другой разъ (въ 1638) два стана Обвинскій и Ильвинскій били челомъ объ отдѣленіи ихъ отъ Чердыни по денежнымъ сборамъ и сибирскимъ отпускамъ, ради великаго разворенья, причиняемаго имъ воеводами и земскими старостами. Царь согласился на это и велѣлъ ихъ приписать къ Соликамской и *доходы сбирать и привозить въ Москву самимъ*. Но въ слѣдующемъ году Пермскіе и Чердынскіе старосты и посадскіе люди били челомъ, что эти два стана издавна были приписаны къ Чердыни и что отдѣленіе ихъ привело Чердынцевъ въ нищету. Воеводѣ велѣно дать очную ставку земскимъ старостамъ и крестьянамъ съ посадскими и тѣхъ и другихъ приписать къ Чердыни. Такое же значеніе имѣютъ и другіе приведенные акты.

Относительно c) см. А. И. III. 202, 70, 187; А. А. Э. III. 170, 254, 267, 312. Въ 1635 г. церковный староста *и крестьяне* обѣльной Ныробской деревни били челомъ на Чердынскихъ посадскихъ людей и земскаго старосту за то, что они берутъ на нихъ разныя подати не смотря на жалованную грамоту, чѣмъ причинили имъ великіе убытки. Государь повелѣлъ призвать въ Москву земскаго старосту и одного земскаго человѣка, «кого они межъ себя сами выберутъ», и стать имъ на срокъ въ Новгородскую четверть. Точно также крестьяне Борисоглѣбской слободы жаловались на жителей города Романова за то, что они, въ противность ихъ жалованной уставной грамотѣ, заставляютъ ихъ участвовать съ собою въ податяхъ, городовомъ дѣлѣ, ямской гоньбѣ, платежѣ пошлинъ и мыта. Жалованная Борисоглѣбская грамота была возстановлена въ своей силѣ. Кайгородцы били челомъ о захватѣ у нихъ Чердынцами и Усольцами 300 подводныхъ лошадей, выборныхъ земскихъ людей. На этомъ основаніи предписано было выслать въ Москву на судъ въ Новгородскую четверть и т. д.

начальство. Послѣдній способъ въ послѣдствіи получилъ преимущество предъ первыми двумя; но въ теченіе всего XVII вѣка правительство безразлично употребляло всѣ эти средства. Не смотря на все разнообразіе этихъ средствъ, можно однако сказать, что такъ какъ правительство не имѣло дѣла съ отдѣльными плательщиками, а съ цѣлою общиной, то и при двухъ первыхъ способахъ общинное начальство имѣло большое значеніе. Старосты и цѣловальники во всякомъ случаѣ собирали подати и доставляли ихъ правительству; ни сборщики, ни воеводскіе люди не имѣли дѣла съ отдѣльными плательщиками; они получали подати отъ старостъ. Разница между двумя первыми способами и послѣднимъ заключалась, слѣдовательно, въ томъ, кому доставляли старосты собранныя ими подати—мѣстному начальству, сборщику, присланному изъ Москвы, или Московскому приказу. Выборъ между этими средствами зависѣлъ отъ усмотрѣнія правительства, которому впрочемъ всегда выгоднѣе было получать подати изъ первыхъ рукъ, чѣмъ изъ вторыхъ и третьихъ.

Итакъ, когда мы говоримъ о дѣятельности воеводъ и сборщиковъ при собираніи податей, мы всегда предполагаемъ предварительную дѣятельность земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые только не непосредственно сносились съ центральнымъ правительствомъ. Но и сборщики и воеводы дѣйствовали чрезъ старостъ и даже лучшихъ людей. Это видно изъ многихъ актовъ, и между прочимъ, изъ одного воеводскаго наказа сборщикамъ ямскихъ денегъ [1]). Главнымъ образомъ дѣятельность воеводы проявлялась въ употребленіи принудительныхъ мѣръ въ томъ случаѣ, когда старосты и общины не исполняли

[1]) А. А. Э. III. № 116. Этотъ актъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ показываетъ дѣятельность общины даже на владѣльческихъ земляхъ. Сборщики были отправлены для сбора ямскихъ денегъ съ помѣстьевъ. Наказъ предписываетъ имъ, «Игнатью да Ивану Прохорову, пріѣхавъ въ Бѣлозерскій уѣздъ.... старостъ крестьянъ, изъ помѣстья человѣка по два и по три, подавать на крѣпкія поруки съ записьми, и за поруками ихъ съ государевыми ямскими деньгами, съ чети пашни по 20 по 4 алтынъ по 2 деньги, со всѣми сполна безъ недобора привезть на Бѣлоозеро, съ собою вмѣстѣ, не раставаясь», такъ что сборщики привозили собственно не подати, а старостъ съ собранными этими послѣдними податями, и дѣйствительно наказъ продолжаетъ: «а старостамъ и крестьянамъ въ томъ для своей бездѣльныя корысти не норовить и сроковъ никому ни на одинъ часъ не давать». Недоборъ доправлялся прежде всего на старостахъ и крестьянахъ, которыхъ велѣно въ случаѣ неисправности привозить въ городъ и ставить на правежъ. Сборщики же подвергались отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если они «учнутъ норовить крестьянамъ, для своей бездѣльныя корысти». См. также тамъ же № 268, А. И. III. № 59 и Доп. къ А. И. VI. № 8 и т. д.

своихъ обязанностей предъ правительствомъ. Мѣры эти сводились къ одной главной — *къ правежу*. Правежъ былъ, какъ предполагаютъ, одно изъ печальныхъ наслѣдій татарскаго времени и заключался въ томъ, что неисправныхъ плательщиковъ сажали въ тюрьму и каждый день выводили на *торгъ* и били по ногамъ тонкими прутьями. Операція эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока плательщики не вносили податей. Подъ именемъ *экзекуціи*, мѣра эта сохранилась и въ послѣдующемъ законодательствѣ, но конечно, приняла болѣе приличныя формы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, правежъ грозилъ и воеводѣ, если онъ *норовилъ* посадскимъ людямъ [1]); но прямая отвѣтственность лежала все-таки на общинѣ и ея старостахъ. Благодаря этому обстоятельству, общины того времени могли быть поставлены подъ непосредственное завѣдываніе центральнаго правительства. При неудовлетворительной организаціи приказнаго управленія въ мѣстности, оно очевидно должно было искать гарантіи своихъ интересовъ въ непосредственной отвѣтственности общинъ. Большею частію подати отправлялись въ Москву и сдавались въ соотвѣтствующемъ приказѣ цѣловальниками, которымъ для береженія казны давались провожатые изъ служилыхъ людей. Цѣловальники пріѣзжали въ Москву съ книгами, въ которыхъ были обозначены суммы сбора, падавшія на посадъ, и разверстка подати между посадскими подворно. Затѣмъ приказъ усчитывалъ сборщиковъ и выдавалъ имъ квитанцію. Воевода только обязанъ былъ понуждать плательщиковъ ко взносу податей и къ скорѣйшей высылкѣ ихъ въ Москву. За неисполненіе *этой* его обязанности ему угрожалъ правежъ и опала [2]). Впрочемъ, этотъ надзоръ приказныхъ лицъ, какъ воеводъ, такъ и сборщиковъ, иногда вмѣсто пользы приносилъ одинъ вредъ, и правительство рѣшилось имѣть дѣло лучше съ общинами чѣмъ съ своими собственными агентами. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на Вагу былъ посланъ сборщикъ Мансуровъ для доставленія въ Москву денежныхъ доходовъ, состоявшихъ въ недоимкѣ. Оказалось, что Мансуровъ вмѣсто того, чтобы собирать недоимку, преспокойно жилъ на Вагѣ и собиралъ съ крестьянъ и посадскихъ себѣ на кормъ по 4 р. въ недѣлю. Правительство,

---

[1]) А. А. Э. III, № 131: «А будетъ вы тѣхъ денегъ, по сему нашему указу, всѣхъ сполна къ намъ къ Москвѣ не пришлете вскорѣ.... и по нашему указу для тѣхъ доимочныхъ денегъ пошлютъ нарочно отъ насъ дворянина добра, и велятъ тѣ деньги, чего не доберете.... доправити на васъ, *мимо сошныхъ людей*, да вамъ же быти въ наказаньи».

[2]) А. А. Э. III, 72, 131 и IV. 49. А. И. III, 132 и IV, 190.

узнавъ объ этомъ, велѣло тамошнему воеводѣ узнать, сколько Мансуровъ собралъ себѣ корму съ каждой волости, и увѣдомить о томъ Устюжскую четверть. Самъ Мансуровъ былъ выписанъ въ Москву, а крестьянамъ предписано платить подати „къ Москвѣ самимъ“ [1]).

Во второй половинѣ XVII в. эта система получаетъ перевѣсъ надъ всѣми остальными. Сначала преобладаніе это не имѣло характера общей законодательной мѣры; правительство и здѣсь шло знакомою намъ дорогой *изъятій*, касавшихся отдѣльныхъ вѣдомствъ. Прежде всего изъ-подъ надзора воеводъ были изъяты кабацкія и таможенныя пошлины; напротивъ, по другимъ сборамъ дѣятельность ихъ оставалась въ прежней силѣ. Еще въ одномъ указѣ Өеодора Алексѣевича воеводѣ предписывается подъ страхомъ наказанія наблюдать за скорѣйшею высылкою всѣхъ сборовъ, кромѣ таможенныхъ и кабацкихъ [2]).

Коренное преобразованіе въ общинномъ управленіи, — преобразованіе, послужившее какъ бы введеніемъ въ реформы Петра Великаго, — совпадаетъ со введеніемъ стрѣлецкой подати въ 1681 г. Мы не будемъ здѣсь входить въ изслѣдованіе, на сколько введеніе этой подати способствовало выдѣленію городовъ изъ сферы другихъ общинъ, какъ это утверждаетъ г. Чичеринъ [3]). Окончательное отдѣленіе городовъ отъ селъ произошло не въ смыслѣ установленія различія между двумя организмами — городскою и сельскою общинами, въ силу ихъ экономическихъ особенностей; это различіе установлено только въ концѣ XVIII и окончательно въ XIX вѣкѣ. Различіе это пока основывалось на противоложеніи городскихъ классовъ другимъ, и это различіе было установлено только съ окончательнымъ образованіемъ сословій въ XVIII вѣкѣ. XVII вѣкъ не зналъ такихъ общихъ законодательныхъ постановленій и обобщеній. Введеніе одной подати само по себѣ не могло сдѣлать того, чтó было выполнено двумя послѣдующими столѣтіями. Наконецъ, указы и окладныя книги говорятъ, что стрѣлецкая подать положена на посадскихъ и уѣздныхъ (то-есть, черныхъ) людей одинаково. Но не подлежитъ сомнѣнію, что новая подать имѣла важное вліяніе на общинное самоуправленіе [4]). Прежде всего, она замѣнила многія

---

[1]) А. И. III, № 3. Доп. къ А. И. т. III, № 25.

[2]) А. И. V, № 20.

[3]) Опыты по ист. Р. Пр., стр. 36. «Областн. учрежд.», стр. 565.

[4]) Отдѣльные случаи введенія этой подати вмѣсто другихъ относятся еще къ царствованію Алексѣя Михайловича, какъ это видно изъ одного указа Өеодора Алексѣевича. А. А. Э. IV, № 243. Введеніе стрѣлецкой подати въ поморскихъ городахъ относится не къ 1681, а къ 1671; см. А. И. V, № 49. Въ Новгородѣ она введена въ 1679 г, ib.

подати[1]), свела многіе прежніе мелкіе сборы, собиравшіеся прежде въ различныхъ приказахъ, въ одно цѣлое и дала городамъ возможность имѣть дѣло съ однимъ мѣстомъ. Такимъ мѣстомъ былъ Стрѣлецкій приказъ, съ которымъ должны были сноситься земскіе старосты и цѣловальники. Исключеніе сдѣлано для городовъ, находившихся въ завѣдываніи приказа Большаго Дворца; земскіе старосты должны были доставлять собранныя ими деньги въ этотъ приказъ, а онъ отъ себя препровождалъ ихъ въ приказъ Стрѣлецкій. Эта мѣра составляла первый шагъ къ осуществленію давнишняго намѣренія правительства, сосредоточить завѣдываніе городами въ одномъ мѣстѣ. Стремленіе это вполнѣ совпало съ желаніемъ самихъ посадскихъ людей, которые также находили для себя выгоднымъ поступить въ завѣдываніе одного приказа, вмѣсто множества другихъ, и просили объ этомъ царя[2]). Правительство того времени не дошло еще до необходимости установить особое учрежденіе, которое бы во всѣхъ отношеніяхъ вѣдало города. Это дѣло составило одну изъ первыхъ реформъ Петра I. До того времени Московское государство шло путемъ частныхъ, такъ-сказать, практическихъ обобщеній городской администраціи и довольствовалось подчиненіемъ ихъ одному изъ существующихъ приказовъ, вмѣсто установленія особаго учрежденія для городовъ. Стрѣлецкая подать соединила всѣ почти города въ одномъ управленіи; но не должно думать, чтобъ она касалась только однихъ городовъ. Правительство, установляя ее, имѣло въ виду и черныя волости и вообще волости, находившіяся въ непосредственномъ завѣдываніи казны, кромѣ тѣхъ, которыя имѣли уже какое-нибудь хозяйственное назначеніе и сообразно этому были обложены разными повинностями. Указы прямо говорятъ о посадскихъ и уѣздныхъ людяхъ, на которыхъ налагалась подать[3]). Но примѣненіе этихъ указовъ, конечно, не могло быть вездѣ одинаково. Выше мы замѣтили, что въ XVII вѣкѣ черныя волости въ центральной Россіи постепенно исчезаютъ, а количество дворцовыхъ и владѣльческихъ напротивъ увеличивается. Постепенно эти черные крестьяне, эта единственная доля уѣзда, тянувшая съ городомъ, со-

---

[1]) Данные, полоняничные, четвертные, ямскіе, пищальные, малыя ямщины и иные мелкіе денежные доходы. А. А. Э. IV, 250; А. И. V, № 49.

[2]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 62.

[3]) А. А. Э. IV, № 251: «И въ нынѣшнемъ 190 году пожаловали мы Великій Государь тѣхъ всѣхъ городовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.... и они бъ Тотемцы посадскіе и уѣздные люди.... тѣ деньги.... платили всѣ сполна, безъ доимки на указные сроки». То же и въ другихъ мѣстахъ.

средоточиваются въ такъ-называемыхъ поморскихъ городахъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ этихъ городахъ волости участвуютъ въ платежѣ стрѣлецкой подати вмѣстѣ съ городами[1]). Стрѣлецкая подать отбывалась 81 городомъ безъ уѣздовъ, кромѣ того положена на 37 поморскихъ и дворцовыхъ городовъ и слободъ. Главнымъ послѣдствіемъ этой перемѣны было, какъ мы замѣтили, то, что они были отданы въ завѣдываніе Стрѣлецкаго приказа. Всѣ вѣдомости о сборѣ подати, свѣдѣнія о выборѣ посадскихъ къ сбору и самыя деньги должны были доставляться сюда[2]). Это обстоятельство, конечно, поставило городъ въ полную независимость отъ воеводы. Воеводская дѣятельность въ сборѣ этой подати ограничивалась помощію, которую онъ долженъ былъ доставлять земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, при уклоненіи какихъ-нибудь лицъ отъ платежа. Сосредоточеніе финансоваго управленія въ одномъ приказѣ усилило самостоятельность земскаго управленія; во времена его раздробленности, многочисленные приказы, завѣдывавшіе разнообразными податями, невольно должны были искать помощи въ воеводскомъ управленіи. Оно одно объединяло на мѣстѣ всѣ отрасли финансовой администраціи, разрозненныя въ управленіи центральномъ. Воеводское управленіе было зломъ необходимымъ, но все-таки зломъ, изъ котораго правительство пыталось выйдти всѣми средствами. Постепенное сведеніе всѣхъ податей въ одну и передача ея одному мѣсту казались на первый разъ лучшимъ изъ такихъ средствъ. Это дало возможность ослабить воеводскую дѣятельность въ значительной степени и дать новое значеніе земскому управленію. Въ силу новыхъ указовъ[3]) завѣдываніе этою податью возлагалось на выборное земское начальство. При этомъ

---

[1]) «А въ поморскихъ городѣхъ уѣздные крестьяне, для окладу и разверстки стрѣлецкихъ денегъ, выбирали бъ изъ разныхъ волостей выборныхъ людей и окладъ и разверстку всякой волости и деревни чинили бъ межъ себя, смотря по землямъ и угодьямъ».

[2]) А. А. Э. IV, 250 и 251: «А буде которые посадскіе люди и волостные крестьяне учинятся сильны, и стрѣлецкихъ денегъ платить не станутъ, и въ городѣхъ воеводы и приказные люди давали бъ земскимъ старостамъ и выборнымъ людемъ стрѣльцовъ и пушкарей сколько человѣкъ надобно будетъ, по тѣхъ людей для посылки; *и править тѣ деньги стрѣлецкому старостѣ и выборнымъ людемъ*». Подчиненіе городовъ стрѣлецкому приказу выставляется какъ особая льгота городамъ въ А. И. V, 48: «И вѣдать ихъ тѣми сборы въ одномъ стрѣлецкомъ приказѣ, чтобы имъ въ томъ лишные волокиты и убытковъ не было».

[3]) Относительно стрѣлецкой подати см. вообще А. А. Э. IV, 243, 250, 251, 255, А. И. V, 48, 49, 77, 274, 282.

должно замѣтить, что общая раскладка этой подати между городами была поручена Московскимъ гостямъ. Затѣмъ каждый городъ долженъ былъ выбрать земскихъ старостъ и выборныхъ лучшихъ людей, „кому они межъ себя вѣрятъ“, изъ первой, средней и меньшей статьи. Они должны были распредѣлить подать между отдѣльными плательщиками, „смотря по прожиткамъ и промысломъ“. Послѣ такого распредѣленія составлялась платежная книга, гдѣ поименно записывались всѣ плательщики и противъ каждаго выставлялось, сколько онъ долженъ былъ заплатить и дѣйствительно заплатилъ. Одна книга лежала постоянно въ земской избѣ, а другая отправлялась, вмѣстѣ съ деньгами, для контроля въ Стрѣлецкій приказъ. Старосты и выборные люди при составленіи этихъ книгъ должны были заносить въ нихъ одну стрѣлецкую подать, не смѣшивая ея съ другими налогами [1]).

Мы замѣтили выше, что стрѣлецкая подать замѣнила многія подати, но далеко не всѣ. Рождался, слѣдовательно, вопросъ, въ какомъ отношеніи будетъ находиться къ нимъ земское управленіе? Нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше разрѣшеніе этого вопроса было бы сомнительно, ибо сама правительственная система не имѣла никакого опредѣленнаго плана. Но теперь онъ долженъ былъ разрѣшиться въ пользу земскаго управленія. Со введеніемъ стрѣлецкой подати, важнѣйшія отрасли финансоваго управленія, начиная съ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ, получили земское значеніе. Странно было бы остатки этихъ податей, не объединенные стрѣлецкою податью, оставлять подъ воеводскимъ началомъ. И дѣйствительно, законъ, повелѣвая не смѣшивать стрѣлецкой подати съ другими, предоставляетъ однако разверстку и взиманіе этихъ послѣднихъ земскому начальству [2]).

Всѣ эти обстоятельства должны были повести и дѣйствительно повели къ устраненію воеводъ отъ городскаго управленія. Правительство начинаетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы воеводы не вмѣшивались въ отрасли управленія, предоставленныя земскимъ людямъ. При недостаткѣ надзора, ему, конечно, довольно трудно было устранить всѣ случаи воеводскаго произвола и приказныхъ злоупотребленій. На-

---

[1]) «А иныхъ никакихъ своихъ расходовъ въ тѣ стрѣлецкія деньги не прикладывать, для того чтобъ знать было, сколько съ кого съ лутчихъ, и съ середнихъ и меншей статьи людей стрѣлецкихъ денегъ противъ ихъ окладовъ по разверсткѣ на комъ имянемъ взять пріидется».

[2]) «А буде съ котораго города, сверхъ стрѣлецкихъ денегъ, есть иные какіе поборы и мірскіе расходы, и для тѣхъ ихъ особыхъ поборовъ и мірскихъ въ городѣхъ посадскіе люди чинили бъ оклады и разверстку межъ себя особую».

примѣръ, въ 1682 г. Вятчане били челомъ Государямъ, что хотя таможенные и кабацкіе сборы предоставлены имъ, но что вслѣдствіе воеводскихъ злоупотребленій на таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ и караулахъ, и у мірскихъ и волостныхъ дѣлъ сидятъ подъячіе безъ мірскихъ выборовъ, по подписнымъ челобитнымъ и по накупамъ, и чинятъ имъ налоги и стѣсненія [1]). Государи запретили воеводамъ назначать подъячихъ къ этимъ дѣламъ безъ мірскаго выбора. Кромѣ устраненія отдѣльныхъ случаевъ воеводскихъ злоупотребленій, правительство неоднократно принуждено было прибѣгать къ общимъ распоряженіямъ по этому предмету. Центральное правительство сносится прямо съ земскими старостами и посадскими людьми [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается, чтобы воеводы не вступались въ таможенное и кабацкое управленіе и въ сборъ стрѣлецкихъ денегъ [3]). Въ первое время единодержавія Петра Великаго эти указы особенно многочисленны и многознаменательны. Повсемѣстно подтверждается, что сборъ стрѣлецкихъ, оброчныхъ и другихъ денегъ предоставляется земскимъ старостамъ, безъ вмѣшательства воеводъ, а земскимъ старостамъ повторяются правила о раскладкѣ и взысканіи этихъ сборовъ [4]).

Указы Петра Великаго замѣчательны еще тѣмъ, что они стремятся осуществить многія намѣренія покойнаго царя, отъ которыхъ онъ самъ нерѣдко долженъ былъ отказываться. Возстановленіе земскаго управленія логически вело къ ослабленію приказнаго элемента въ мѣстности. Организація городовъ сдѣлала безполезною массу приказныхъ должностей, такъ сильно обременившихъ и общество, и правительство. Организація сословій и построеніе мѣстнаго управленія на ихъ тяглѣ позволяли центральному правительству держать меньшее количество исполнительныхъ агентовъ въ мѣстности. Этимъ, какъ мы увидимъ ниже, Московскіе приказы отличались отъ коллегій Петра I, которыя напротивъ наполнили мѣстность своими агентами. Еще Ѳеодоръ Алексѣевичъ понялъ это положеніе вещей и стремился сократить правительственный персоналъ въ мѣстномъ управленіи; воеводская должность казалась ему вполнѣ достаточною для правительственныхъ цѣлей — для надзора за всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ. Давно уже предполагалъ онъ, „чтобы въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣль-

[1]) А. А. Э. IV, 256. А. И. V № 88.
[2]) А. И. V, 77, и II 78. 83, 99, I, 179.
[3]) А. И. V, № 125, стр. 215, № 145, 150, 153.
[4]) Ib. № 274. 282.

цамъ, сыщикамъ, губнымъ старостамъ, ямскимъ прикащикамъ, осаднымъ, пушкарскимъ и житничнымъ головамъ не быть, а городовое строеніе, засѣки и губныя дѣла и всякія дѣла вѣдать воеводамъ однимъ, чтобъ впредь отъ того градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ и подводахъ лишнія тягости не было". Петръ Великій рѣшился постепенно осуществить эти намѣренія своего царственнаго брата. Изъятіе всѣхъ дѣлъ, порученныхъ земскому управленію, изъ-подъ вѣдомства воеводъ, соединеніе земскаго управленія въ рукахъ немногихъ центральныхъ учрежденій, сокращеніе приказнаго персонала въ мѣстности, всѣ эти мѣры относятся къ первымъ годамъ реформы Петра Великаго. Но между всѣми этими мѣрами, для городскаго управленія особенно важно было учрежденіе бурмистерской палаты, долженствовавшей замѣнить для городовъ всѣ другія мѣста управленія и собрать окончательно городское сословіе въ одно цѣлое. Въ продолженіе нашего сочиненія мы увидимъ значеніе и судьбу этого учрежденія.

Общіе результаты политики Московскаго государства по отношенію къ городамъ состояли такимъ образомъ въ слѣдующемъ: a) Городскіе обыватели были выдѣлены изъ состава прочаго народонаселенія уѣзда, посредствомъ спеціализированія ихъ тягла. b) Спеціализація этого тягла пока выразилась въ сведеніи всѣхъ разнообразныхъ повинностей и податей къ небольшому количеству податей, которыя сбирались подъ надзоромъ 23-хъ Московскихъ приказовъ. При Петрѣ Великомъ правительство дошло до учрежденія одного „пристойнаго" приказа. c) Выдѣленіе городскихъ обывателей изъ состава мѣстнаго населенія требовало подчиненія ихъ прямо Московскому управленію, съ изъятіемъ ихъ изъ-подъ вѣдомства воеводъ. Ближайшимъ образомъ это можно прослѣдить на исторіи таможеннаго и кабацкаго управленія.

Такова была въ отдѣльности судьба сословій и ихъ отношеніе къ мѣстному управленію до преобразованій Петра I. На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній уже легко будетъ нарисовать общую картину мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ и выяснить значеніе различныхъ установленій и лицъ, которымъ оно было поручено. Однако, переходя къ этому предмету мы считаемъ не лишнимъ представить нѣсколько общихъ выводовъ изъ всего вышеизложеннаго и въ общихъ чертахъ выяснить связь между общественными элементами мѣстности и тѣми вопросами, къ которымъ мы теперь переходимъ.

Въ прежнее время эти послѣдніе вопросы составляли содержаніе всѣхъ изслѣдованій о мѣстномъ управленіи. Вопросъ объ общественныхъ элементахъ, дѣйствовавшихъ въ мѣстности, считался чѣмъ-то дополнительнымъ къ болѣе важнымъ вопросамъ о воеводской и другихъ приказныхъ должностяхъ, составлявшихъ по общему убѣжденію всю сущность мѣстнаго управленія и самого вопроса о провинціи и административномъ дѣленіи древней Россіи. Результатомъ такого взгляда было неясное пониманіе старой области и ея отношенія къ послѣдующей губерніи. Но вопросъ о провинціи слагается изъ двухъ вопросовъ одинаково важныхъ — изъ вопроса объ административномъ организмѣ мѣстности и вопроса о ея общественныхъ силахъ. Послѣдній вопросъ даже важнѣе перваго, ибо административный организмъ даетъ мѣстности только формальное существованіе, тогда какъ дѣйствительное, жизненное его значеніе обусловливается только сочетаніемъ общественныхъ ея элементовъ. Поэтому изслѣдованіе административнаго организма области, безъ предварительнаго изученія этихъ жизненныхъ ея началъ, даетъ ему какой-то формальный и даже казуистическій характеръ, отнимающій у него всякое практическое значеніе. Мы не знаемъ почвы, на которой выросли тѣ или другія учрежденія, не видимъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершались тѣ или другія административныя преобразованія въ мѣстности, не понимаемъ различія между административными дѣленіями, смѣнявшими другъ друга. Важный вопросъ объ административномъ дѣленіи страны кажется дѣломъ случайнымъ, простымъ механическимъ распредѣленіемъ государственной территоріи между различными областными правителями. Между тѣмъ внимательное изученіе исторіи и современная практика областнаго управленія показываютъ намъ совершенно другое. Неужели между уѣздомъ старой Россіи и губерніей XVIII вѣка существуетъ одно формальное различіе? Неужели губернія отличается отъ предыдущихъ дѣленій только болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ территоріи, народонаселенія, упорядоченіемъ администраціи, развитіемъ административныхъ органовъ, раздѣленіемъ вѣдомствъ? Сколько намъ кажется, различіе старыхъ уѣздовъ отъ губерній опредѣляется и такими актами, какъ жалованная грамота дворянству и городамъ, и что разница между губерніей, до 1-го января 1864 г. и послѣ того, опредѣляется различнымъ положеніемъ общества въ эти двѣ эпохи ея развитія. Словомъ, различіе между губерніей и уѣздомъ и различными типами губерніи состоитъ главнымъ образомъ *въ различіи провинціальнаго общества*, а не въ различномъ строеніи

административнаго организма, которое является только слѣдствіемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ этомъ обществѣ.

Вотъ почему я рѣшился начать изслѣдованіе нашей старой области съ изученія общественныхъ ея элементовъ. Мнѣ казалось, что только тогда можно будетъ понять значеніе должностей и установленій, дѣйствовавшихъ въ мѣстности. Что же представляетъ намъ это провинціальное общество? Мы анализировали его, такъ-сказать, по частямъ; посмотримъ на него во всей его цѣлости. Вопервыхъ, нельзя не замѣтить, что область древней Россіи не имѣла общества, соединеннаго общими повинностями и общими интересами, и чѣмъ ближе подходимъ мы къ эпохѣ Петра Великаго, тѣмъ рѣзче выступаетъ различіе между составными частями общества. Исключеніе составляли только Новгородъ и Псковъ до покоренія ихъ Иваномъ III и Василіемъ Ивановичемъ, послѣ чего здѣсь также водворились московскіе порядки. Съ самыхъ древнихъ временъ замѣчается различіе между двумя группами мѣстнаго народонаселенія — между дружиной и остальнымъ народонаселеніемъ, между мужами и мужиками, какъ выражается г. Соловьевъ. Мужи не принадлежатъ къ составу мѣстнаго общества. Они не усиливаютъ значенія области, подобно феодаламъ западной Европы. Связанные личнымъ договоромъ съ княземъ, они остаются здѣсь, пока князь находится въ той или другой волости, или пока имъ нравится этотъ князь. Экономическіе интересы не связываютъ ихъ съ мѣстностію; мы видѣли, какое ничтожное значеніе имѣло землевладѣніе на судьбу служилаго сословія. Полагая въ службѣ свое единственное назначеніе, оно тщательно выдѣляется изъ состава прочаго народонаселенія, отъ его интересовъ и повинностей. Его члены — бѣломѣстцы, всѣ другіе — черные, тяглые люди. Они не могутъ составить съ ними никакого прочнаго соединенія и соприкасаются съ мужиками внѣшнимъ формальнымъ образомъ. Не имѣя прочныхъ экономическихъ основъ въ мѣстности, они не могутъ составить и своей корпораціи. Феодалы западной Европы также отличались отъ мужиковъ. Но тамъ они имѣли свою организацію въ каждой провинціи. Наше боярство и дворянство группировалось только подлѣ личности князя, не имѣя между собою никакихъ прочныхъ отношеній. Оно составляло совокупность отдѣльныхъ личностей, выдѣлившихся изъ прочаго народонаселенія, а не сословную, организованную корпорацію, имѣющую земское значеніе, подобно всѣмъ другимъ общественнымъ организмамъ. Не составляя корпораціи, они не могли войдти въ составъ другихъ обществъ — города, а тѣмъ менѣе сельской общины. Земли ихъ были

земли бѣлыя и выдѣлялись изъ состава другихъ. Единственный случай сближенія ихъ съ общинами состоялъ въ томъ, что они могли пріобрѣсти тяглыя земли. Это сближеніе было невыгодно для тяглыхъ людей. Прежде законодательство требовало, чтобы всѣ лица, владѣвшія тяглыми землями, несли всѣ общинныя повинности. Неизвѣстно, на сколько исполнялось это правило, но не подлежитъ сомнѣнію то, что оно существовало только до тѣхъ поръ, пока служба была вольнымъ дѣломъ слугъ и бояръ. Но когда она, съ закрѣпленіемъ служилаго сословія, сдѣлалась тягломъ, правительство поспѣшило отдѣлить тягло одного сословія отъ повинностей другаго. Неся служебное тягло, всякихъ чиновъ служилые люди во всякомъ случаѣ оставались бѣломѣстцами; тяглыя имущества, попадая къ нимъ въ руки, выходили изъ тягла, къ явному ущербу общинъ. Отсюда борьба между тяглыми людьми и бѣломѣстцами, вторгавшимися въ общину, борьба, кончившаяся формальнымъ запрещеніемъ бѣломѣстцамъ пріобрѣтать тяглыя имущества. Между этими классами положено было окончательное различіе, которое опредѣлялось тягломъ, положеннымъ на то и другое. Впрочемъ, служилые люди въ XV и XVI вѣкахъ получили въ свое владѣніе имущества, въ своемъ родѣ также тяглыя — помѣстья. Это были земли, приписанныя къ служебному тяглу. Но онѣ не ввели дворянство въ кругъ мѣстныхъ обществъ. Съ установленіемъ единодержавія, съ уничтоженіемъ права перехода и введеніемъ помѣстной системы, дворянство сдѣлалось осѣдлымъ, но не мѣстнымъ классомъ. Помѣстье не имѣло въ виду дать дворянству значеніе въ области; оно должно было обезпечить его службу центральному правительству, а служба эта была полковая и приказная, легально уничтожавшая для дворянства возможность оставаться въ мѣстности. Оно имѣло здѣсь значеніе не землевладѣльцевъ, а служилыхъ людей. Весьма понятно, что и при новой системѣ, дворянство не встрѣтило въ мѣстности центра, вокругъ котораго оно могло бы сгруппироваться. Единственнымъ возможнымъ для него центромъ была Москва, гдѣ оно вѣдалось и службою, и землями. Въ качествѣ тяглаго, служилаго сословія, оно могло получить организацію только тамъ, гдѣ было сосредоточено завѣдываніе этою службой. Въ мѣстности они группировались подлѣ воеводы. Но воевода, конечно, не могъ создать мѣстнаго служилаго сословія. Главнымъ образомъ оно группировалось подлѣ Московскихъ приказовъ помѣстнаго и разряднаго. Особенно послѣдній установилъ и поддерживалъ единство дворянскаго сословія.

Итакъ мы не встрѣчаемъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Со-

ставляя тяглое государственное сословіе, они исключаются изъ общества мѣстнаго. Но, можетъ-быть, другіе классы представляютъ зародышъ мѣстнаго самоуправленія? Дѣйствительно, въ древней Россіи мы встрѣчаемъ существованіе общинъ, составленныхъ изъ лицъ, соединенныхъ между собою общностію повинностей и интересовъ, помимо сословныхъ различій. Но эти общины не въ силахъ были составить провинціи. Составленная изъ однихъ мелкихъ организмовъ, построенныхъ на общинномъ, а не на личномъ землевладѣніи, она не можетъ имѣть той цѣльности и единства, какіе требуются такимъ общественнымъ организмомъ, какъ провинція. Общинное землевладѣніе полезно и даже необходимо при образованіи мелкихъ общественныхъ союзовъ. Но человѣческіе интересы, замкнутые въ узкую рамку этихъ мелкихъ союзовъ, не способны выработать болѣе общихъ интересовъ, для объединенія всѣхъ этихъ союзовъ. Мелкіе союзы слишкомъ еще приближаются къ физической личности, со всѣми ея эгоистическими стремленіями, а потому антагонизмъ между ними гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ общность интересовъ и единство. Мы видѣли выше примѣры этихъ безпрерывныхъ столкновеній отдѣльныхъ общинъ, разрѣшавшихся центральнымъ правительствомъ. Въ особенности сильно развивается этотъ антагонизмъ въ сферѣ будничныхъ, административныхъ вопросовъ. По отношенію къ государственнымъ интересамъ, общины могутъ представлять полное единство, въ томъ, конечно, случаѣ, если сами онѣ (то-есть, общины) не имѣютъ политической самостоятельности [1]). Общины могли соединиться для избавленія Россіи отъ Поляковъ, но вели безконечные споры о какомъ-нибудь тяглѣ. При господствѣ мелкихъ мѣстныхъ интересовъ и непрерывной борьбѣ между ними, роль центральнаго правительства весьма велика. Общинная раздробленность и сильнѣйшая централизація — причина и слѣдствіе. Личное свободное зем-

[1]) Если общины представляютъ самостоятельныя политическія тѣла, то единство между ними точно также невозможно. Федерація городовъ никогда не создаетъ государства. Общинное движеніе во Франціи потому кончилось политическимъ единствомъ, что образованіе общинъ было только первою ступенью образованія французской національности. То же самое третье сословіе, которое создало общины, поспѣшило принести ихъ въ жертву государственному единству, вмѣстѣ съ другими средневѣковыми учрежденіями. Вѣчевое начало, развившееся въ нашихъ городахъ, также не могло составить прочныхъ политическихъ союзовъ. Даже въ небольшихъ областяхъ, политическое единство поддерживалось деспотизмомъ городовъ надъ пригородами, которые спѣшили освободиться отъ него при первой возможности, и разумѣется, отдавались власти, которая подчиняла себѣ одинаково города и пригороды.

левладѣніе, напротивъ, не замыкается въ такіе мелкіе союзы; оно ищетъ болѣе обширной сферы, болѣе общихъ интересовъ. Ему необходима не община, а провинція. Между тѣмъ личное землевладѣніе было, такъ-сказать, выдѣлено изъ мѣстности и не было свободно. Тѣ классы, которые въ Московскомъ государствѣ можно было назвать мѣстными, постепенно лишались права пріобрѣтать землю: она вся сосредоточилась въ рукахъ дворянства и церкви, двухъ сословій, которыя ничего не могли тогда сдѣлать для развитія мѣстнаго самоуправленія. Кромѣ того дворянское землевладѣніе противорѣчило возможности участія дворянства въ жизни областнаго общества. Удѣломъ мѣстныхъ классовъ оставалось только общинное землевладѣніе, которое могло повести къ образованію однихъ мелкихъ союзовъ.

Къ этому условію скоро присоединилось другое, совершенно видоизмѣнившее даже эту форму мѣстнаго самоуправленія. Мы замѣтили, что мелкіе союзы, даже въ той формѣ, какъ они существовали въ древней Россіи, вызывали необходимость сильной централизаціи. Въ послѣдствіи централизація эта сдѣлалась необходимостію еще вслѣдствіе другихъ соображеній. Прежнія общины составляли организмы, создававшіеся подъ вліяніемъ интересовъ самихъ членовъ, входившихъ въ ихъ составъ. Общины эти имѣли свои обязанности по отношенію къ правительству, несли тягло въ его пользу; но вольный характеръ этихъ союзовъ не измѣнялся отъ этого. Тягло лежало на землѣ, и каждый, садившійся на эту землю, дѣлался членомъ общины, къ какому бы классу общины онъ ни принадлежалъ. Община не была сословною корпораціей, ибо ни система сословныхъ правъ, ни система повинностей, не раздѣлила еще русскаго общества. Исключая противоположности дружиннаго и недружиннаго элемента, мы не видимъ никакой качественной разницы между недружинными классами. Община въ древности могла имѣть въ своемъ составѣ лица самыхъ различныхъ классовъ. Установленіе системы тяглъ и разверстаніе закрѣпленныхъ сословій по этимъ тягламъ положили въ то же время основаніе не земской, а сословной общинѣ. Самоуправленіе, удовлетворявшее прежде почти исключительно цѣлямъ общины, сдѣлалось повинностію, устроенною въ видахъ лучшаго отбыванія тягла. Развитіе особыхъ тяглъ для каждаго сословія спеціализировало назначеніе каждаго изъ нихъ, выдѣляя его изъ состава другихъ классовъ. Разнообразная масса податей въ прежнее время падала одинаково и на сельскія, и на городскія общины. Постепенно городское тягло стало выражаться въ трехъ-четырехъ податяхъ и повинностяхъ, къ которымъ были

сведены всѣ другія. Сообразно этому и задачи самоуправленія, вмѣсто прежняго разнообразія интересовъ и цѣлей, сосредоточились на этихъ немногихъ повинностяхъ и получили такое же спеціальное значеніе, какъ и сословіе, которому оно было дано. Значеніе общины, при тягломъ характерѣ сословій, не было велико. Сословный принципъ самъ по себѣ не противорѣчитъ идеѣ самоуправленія. Сословныя корпораціи имѣютъ большое значеніе въ исторіи самоуправленія и подготовляютъ постепенное сліяніе мѣстнаго общества въ земскомъ представительствѣ. Но такое значеніе корпорацій прежде всего обусловливается свободою сословій, признаніемъ со стороны законодательства ихъ правъ и интересовъ. Сословія же, организованныя въ видахъ государственнаго тягла, не получаютъ значенія для мѣстнаго самоуправленія. Напротивъ, установляя тягло, государство собираетъ сословія въ одно цѣлое и поставляетъ ихъ подъ надзоръ центральнаго управленія, ибо только въ этомъ случаѣ сословіе, со всѣми его тяглами, получаетъ надлежащее единство. Такъ и поступило Московское государство. Крестьянское сословіе, превращаясь въ собственность служилаго класса, поступило въ завѣдываніе тѣхъ приказовъ, кои вѣдали самое служилое сословіе. Города и уцѣлѣвшія черныя общины были поставлены подъ непосредственное завѣдываніе приказа Большаго Дворца и другихъ. Централизація эта совмѣщалась съ нѣкоторою степенью самоуправленія; но послѣднее давалось городамъ, скорѣе въ интересахъ тягла и центральнаго правительства, чѣмъ общинъ. Злоупотребленія воеводъ требовали освобожденія отъ нихъ общинъ, чтобъ они не запустѣли и подати доставлялись безъ недобора; бѣдственное положеніе городовъ требовало разныхъ льготъ; поборы разныхъ приказныхъ людей требовали уменьшенія количества этихъ лицъ и т. д. Все это нисколько не противорѣчило тому, что образованіе сословій вело къ сильной централизаціи всего управленія. *Каждое сословіе должно было нести одну подать и вѣдаться въ одномъ мѣстѣ:* это былъ общій принципъ, все болѣе и болѣе получавшій значеніе въ Московскомъ государствѣ. Дворянство имѣло разрядъ и помѣстный приказъ. Городскія общины, пока ихъ сословный характеръ не обозначился окончательно, вѣдались въ разныхъ приказахъ; съ образованіемъ городскаго сословія количество ихъ сокращается. Приказъ Большаго дворца и Стрѣлецкій приказъ занимаютъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи. Наконецъ, Петръ I даетъ ему особое учрежденіе, которое и собираетъ въ одно цѣлое „сію разсыпанную храмину“.

Каждое изъ сословій собиралось въ одно цѣлое, но мѣстность разъ-

единялась. Всѣ сословія тянули къ Москвѣ, но отдѣлялись другъ отъ друга. У сословій были общіе интересы, у мѣстнаго общества ихъ не было. Иванъ Грозный говоритъ еще съ мѣстными дворянами, дѣтьми боярскими, посадскими, крестьянами и призываетъ ихъ къ общему дѣлу. Алексѣй Михайловичъ говоритъ съ отдѣльными сословіями о ихъ различныхъ тяглахъ; у нихъ нѣтъ уже общаго дѣла. Каждое сословіе тянетъ свое тягло, подъ руководствомъ центральнаго правительства.

УѢЗДЪ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

II.

Административное дѣленіе и мѣстное управленіе Россіи XVI и XVII вѣка.

ГЛАВА IV.

Исторія областнаго общества привела насъ къ убѣжденію, что Россія не имѣла провинціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. 1) Каждая развившаяся провинція имѣетъ свой законченный и построенный на іерархическихъ началахъ общественный организмъ. Мы видѣли, что образованіе сословій разъединило мѣстное общество и что сословія эти заканчивались не въ мѣстности, а въ Москвѣ. 2) Въ каждой провинціи долженъ находиться представитель высшаго правительства, облеченный властью общаго надзора въ мѣстности, ибо только при этомъ условіи возможна самостоятельная дѣятельность общественныхъ и правительственныхъ органовъ. Являясь главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ предъ высшимъ правительствомъ, онъ даетъ возможность этимъ органамъ быть для провинціи послѣднею инстанціей управленія, — инстанціей, состоящею подъ общегосударственнымъ контролемъ высшаго правительства. Такія мѣстныя учрежденія получаютъ значеніе центральныхъ, ибо въ нихъ заканчивается дѣйствительное управленіе страною, ближайшая администрація, а въ рукахъ высшаго правительства остается общій надзоръ и руководство администраціи. Итакъ возможность правильнаго мѣстнаго управленія опредѣляется: а) разграниченіемъ надзора и общаго направленія отъ ближайшаго управленія, и б) сосредоточеніемъ ближайшаго управленія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, при чемъ эти правительственныя задачи могутъ быть распредѣлены какъ между правительственными, такъ и между общественными органами. в) Для самостоятельности мѣстныхъ учрежденій необходимо раздѣленіе надзора на общегосударственный, сосредоточенный въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и общій мѣстный надзоръ, сосредоточенный въ рукахъ представителя высшаго правительства въ мѣстности, ибо только въ такомъ случаѣ возможно единство мѣст-

ной администраціи и ея самостоятельность по отношенію къ общегосударственному надзору, который безъ того можетъ перейдти во власть дѣйствительнаго управленія и установить сильнѣйшую централизацію. г) Всѣ эти условія дадутъ правительству возможность дѣйствовать въ мѣстности чрезъ правильныя установленія, управляющія мѣстностію на твердомъ основаніи законовъ, подъ надзоромъ высшаго правительства и его представителей. Въ противномъ случаѣ, то-есть, при полной централизаціи, правительство будетъ имѣть только исполнительныхъ агентовъ, дѣятельность которыхъ не будетъ обставлена должными гарантіями, результатомъ чего будутъ слабость высшаго правительства и произволъ мѣстныхъ его органовъ.

Московское государство не знало этихъ разграниченій. Удѣльный періодъ не развилъ мѣстныхъ учрежденій. Княжеское управленіе довольствовалось для своихъ цѣлей должностными лицами, а не мѣстами управленія [1]). Причина этого заключалась въ томъ, что государственныя начала не успѣли еще проникнуть во всѣ подробности общественныхъ отношеній, и правительство довольствовалось внѣшнимъ подчиненіемъ ему общества, соприкасалось съ нимъ внѣшнимъ, формальнымъ образомъ. Для такихъ немногосложныхъ цѣлей полуосѣдлаго княжескаго управленія совершенно достаточно было нѣсколькихъ слугъ, у которыхъ находились въ завѣдываніи разныя отрасли администраціи. Соединеніе Московскаго государства привело правительство къ необходимости дать болѣе правильности всему управленію. Подчиненіе общественныхъ силъ государственному тяглу, образованіе сословій и разрозненность мѣстности, требовавшая большой энергіи центральнаго правительства, имѣли своимъ результатомъ появленіе приказнаго управленія.

Для характеристики приказовъ намъ необходимо отправиться отъ извѣстныхъ уже фактовъ. Ни одинъ приказъ не могъ имѣть въ виду области въ собственномъ смыслѣ. Всѣ они по существу своему должны были имѣть въ виду цѣлое государство. Что же представляло собою это государство? Массу разрозненныхъ единицъ, все болѣе и болѣе получавшихъ исключительно тяглое значеніе. Московское государство, убравъ удѣльныхъ князей съ Русской земли, устранило тѣмъ единственное условіе ея политической, но не общественной разрозненности. Уничтоженіе удѣловъ и сосредоточеніе дружинъ въ Москвѣ было только первымъ шагомъ къ административному объедине-

[1]) Это замѣтилъ и Неволинъ, т. VI. стр. 105, § 2, 6.

н юРоссіи. Когда бывшіе удѣльные князья и дружинники были собраны въ Москву, необходимо было еще установить тяготѣніе остальнаго народонаселенія къ этому новому центру. Лучшимъ къ этому средствомъ было установить непосредственное отношеніе къ Москвѣ не только каждой области, но каждой общественной единицы, какъ бы она ни была мелка. Этимъ средствомъ дѣйствительно установилось тяготѣніе низшихъ классовъ народонаселенія и устранялась разъ навсегда возможность федеративнаго начала въ Россіи. Для того чтобы не было политической самостоятельности крупныхъ организмовъ, необходимо было признать административную самостоятельность мелкихъ. Московское правительство провело эту мѣру почти повсюду и съ большимъ успѣхомъ. Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли результаты этой политики по отношенію къ провинціи; посмотримъ теперь, что̀ она сдѣлала для всего государства.

Административная самостоятельность мелкихъ единицъ, непосредственное сношеніе ихъ съ Москвою установило тяготѣніе низшихъ классовъ народонаселенія къ центру государства. Этимъ только путемъ могла произойдти нивеллировка мѣстнаго общества, уничтоженіе въ немъ всякой іерархіи, словомъ всѣхъ условій, при которыхъ создается самобытный складъ и политическое существованіе областей. Такая политика должна была подготовить административное однообразіе, заранѣе уничтожить возможность существованія областей, *управляемыхъ на особомъ объ нихъ учрежденіи*. Самоуправленіе общинъ, такъ энергически вводимое Иваномъ Грознымъ, имѣло значеніе не только финансовой или административной мѣры. Высокое политическое значеніе этой мѣры бросится въ глаза каждому, кто дастъ себѣ трудъ вникнуть въ этотъ вопросъ глубже, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ. Она разрознила тѣ политическіе организмы, которые постепенно входили въ составъ Московскаго государства, столько же, сколько и всѣ насильственныя мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство по отношенію къ завоеваннымъ странамъ. Въ удѣлахъ не завоеванныхъ, а присоединенныхъ къ Москвѣ вслѣдствіе вымиранія княжескихъ родовъ и добровольной уступки ими своихъ владѣній Московскому государю, эта политика только довершила процессъ всеобщаго тяготѣнія къ Москвѣ, издавна начавшійся во всѣхъ удѣлахъ Великой Россіи. Здѣсь результаты этой политики довольно наглядны для каждаго. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ развитіе вѣчеваго начала требовало вооруженной борьбы со стороны Москвы, результаты этой вооруженной борьбы выступаютъ передъ изслѣдователемъ ярче, чѣмъ плоды мирной политики, соединив-

шей эти области съ Москвою. Въ исторіи покоренія Новгорода и Пскова, напримѣръ, наше вниманіе останавливается больше всего на истребленіи мѣстнаго боярства, на „вырубаніи волостей", о которомъ такъ краснорѣчиво разказываетъ г. Костомаровъ въ своихъ „Сѣверно-Русскихъ Народоправствахъ". Между тѣмъ эти акты были только вступленіемъ въ послѣдующую политику Московскихъ государей, которая ускользнула отъ вниманія исторіи, ибо осуществлялась постепенно и не сопровождалась такими кровавыми сценами, какъ первое время завоеванія. Москва казнила много Псковскихъ и Новгородскихъ бояръ и истребляла даже цѣлыя волости, поддерживавшія ихъ стремленія; она выводила въ свои области цѣлыя толпы туземныхъ жителей и населяла ихъ своими людьми. Но этимъ было ослаблено только могущество той партіи, которая тянула къ Литвѣ и противилась соединенію съ Москвою. Второй моментъ этой политики заключался въ томъ, что *Москва умѣла поднять значеніе народонаселенія, издавна къ ней тянувшаго.* Количество этого народонаселенія было весьма велико. Вопервыхъ, Новгородскіе и Псковскіе пригороды и волости не были тѣсно и органически связаны съ своими „господами" Новгородомъ и Псковомъ. Не смотря на существованіе въ этихъ областяхъ землевладѣльческаго класса, *городъ* продолжалъ быть единственнымъ центромъ всей общественной жизни. Области были простою федераціей городовъ съ ихъ волостями. Единство земли зависѣло отъ степени вліянія городовъ на пригороды вообще и отъ вліянія Новгорода и Пскова на подчиненные имъ города въ особенности. Сущность вопроса заключалась именно въ томъ, чтобы Новгородъ былъ дѣйствительнымъ „господиномъ" всей земли своей. Онъ усердно старался объ этомъ и по господски распоряжался подвластными. Онъ посылалъ въ города своихъ посадниковъ, отдавалъ волости и города въ кормленіе и не терпѣлъ со стороны ихъ никакихъ признаковъ самостоятельности. Вѣче, имѣвшее такое политическое значеніе въ верховныхъ городахъ, врядъ ли имѣло его въ пригородахъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописи упоминаютъ о вѣчѣ въ пригородахъ только въ какія-нибудь критическія минуты; постояннаго же значенія высшей политической власти оно, повидимому, не имѣло. Впрочемъ, если и предположить существованіе вѣча въ другихъ городахъ кромѣ Новгорода и Пскова, то нельзя не замѣтить, что это не было особенно пріятно „господамъ". Пригороды должны были строго сообразоваться съ постановленіемъ старыхъ городовъ, которые нерѣдко заставляли ихъ повиноваться себѣ силою. Для старшихъ городовъ пригороды

представлялись тяглыми единицами, и они старались осуществить этотъ взглядъ въ своихъ владѣніяхъ. Этотъ взглядъ, полезный для политическаго единства, не сходился съ интересами подвластныхъ городовъ и волостей. Ни одинъ городъ не можетъ осуществить политическое единство безъ полнаго порабощенія жителей всѣхъ своихъ областей; съ другой стороны, вѣчевое начало, на которомъ построено городское управленіе, требуетъ сохраненія федеративныхъ началъ, безъ чего деспотизмъ „предержащаго города" не будетъ имѣть никакихъ границъ. Таковы были противоположные интересы, раздѣлявшіе жителей Новгородскихъ и Псковскихъ областей. Удовлетвореніе однихъ уничтожило бы все благосостояніе подвластныхъ городовъ; осуществлѣніе другихъ разъединило бы окончательно эти могущественныя народоправства. Противорѣчіе это значительно усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый городъ, отдѣльно взятый, былъ раздираемъ партіями. Если Новгородцы нерѣдко обижали пригородныхъ людей вообще, въ каждомъ городѣ „лучшіе люди" давили младшихъ. Жалобы ихъ часто доходили до Москвы, и они невольно чаяли облегченія своей участи отъ Московскаго государя. Такимъ путемъ образовались многочисленные элементы, тянувшіе къ Москвѣ, ибо отдѣленіе ихъ отъ Москвы было бы для нихъ гибельно во всѣхъ отношеніяхъ. Когда при Иванѣ III и Василіѣ Ивановичѣ вопросъ объ отношеніи Новгорода и Пскова къ Москвѣ былъ поставленъ слишкомъ рѣзко, когда надлежало рѣшить, порвать ли всѣ связи съ великимъ княземъ, и отдѣлившись отъ него, стать въ безапелляціонную зависимость отъ старшихъ городовъ и лучшихъ людей, или сохранить эту связь, хотя бы на началахъ безусловнаго подчиненія, всѣ интересы младшихъ людей и городовъ заставили ихъ разрѣшить вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Сила послѣдующей московской политики заключалась именно въ томъ, что она умѣла организовать эти дружественные ей элементы, дать прочное значеніе этому тяготѣнію, прежде проявлявшемуся только въ минуты смутъ и безпорядковъ. Московское завоеваніе подняло значеніе отдѣльныхъ городовъ и даже отдѣльныхъ волостей, заставивъ ихъ тянуть непосредственно къ Москвѣ, а не къ прежнимъ политическимъ центрамъ. Мудрая и благотворная политика! Правительство понимало составъ и характеръ завоеванныхъ имъ областей; оно сознавало, что подчиненіе главнаго центра еще не обусловливаетъ подчиненія пригородовъ. Еслибъ оно имѣло дѣло только съ главнымъ городомъ и *чрезъ него дѣйствовало* уже на подчиненныя мѣстности, оно тѣмъ самымъ сохраняло бы значеніе

этого политическаго центра и поддерживало бы административное единство области, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, перешло бы въ политическое. Только такой порядокъ, когда не только каждый городъ, но каждая волость тянула прямо къ Москвѣ, могъ установить настоящее единство Русской земли. Вотъ чѣмъ, независимо отъ соображеній административнаго свойства, изложенныхъ выше, можно объяснить тотъ странный, повидимому, фактъ, что Москва не знала почти іерархіи въ областномъ управленіи, что воеводы ничтожныхъ городовъ также сносились съ Москвою, какъ и воеводы городовъ большихъ. Въ интересахъ государства нельзя было допустить, чтобы прежніе центры политической жизни сохраняли первенствующее административное значеніе. Оно поддерживало бы въ глазахъ мѣстнаго народонаселенія то обаяніе и вліяніе главнаго города, обусловливавшія прежнюю самостоятельность области, которыя постоянно давали бы пищу сепаративнымъ стремленіямъ мѣстности. Это умѣнье организовать дружественные ему элементы, устроить административный порядокъ, соотвѣтствующій положенію ихъ, характеризуетъ Московское государство. Оно умѣло поддержать тѣхъ, кто къ нему тянулъ, инстинктивно не любило мѣстностей съ особыми учрежденіями и крупнымъ административнымъ центромъ; уничтожая политическое значеніе этихъ городовъ, оно весьма логически не окружало ихъ никакимъ административнымъ блескомъ, не давало имъ особаго высокаго начальства, не ставило это начальство въ независимость отъ общаго государственнаго управленія. И оно было совершенно право. *Только* такимъ образомъ создается и поддерживается государственное единство....

Итакъ, Москва не давала обширнымъ областямъ особаго начальства, которое дѣйствовало бы въ самой мѣстности. Нѣкоторыя лица склонны видѣть въ этомъ боязнь правительства, чтобъ эти новые сатрапы не отдѣлились отъ государства. Такое предположеніе доказываетъ только незнакомство съ характеромъ отношеній русскихъ служилыхъ людей къ своему царю. Не ихъ имѣло въ виду правительство, а скорѣе народонаселеніе, которое должно было забыть прежніе политическіе центры и во всемъ чувствовать Москву, дѣйствовать въ сознаніи московскаго единства. Наше государство въ этомъ отношеніи пошло дальше западно-европейскихъ правительствъ и его системы завоеваній. Тамъ государство довольствовалось политическимъ подчиненіемъ областей, входившихъ въ его составъ; административное значеніе провинціи сохранялось. Она имѣла свой центръ, свое знамя, центръ го-

сударства былъ далекъ отъ ея сознанія. Оттого въ послѣдствіи правительство должно было тамъ увеличивать значеніе централизаціи, а у насъ безопасно можетъ вводить мѣстныя учрежденія.

Для Москвы было невыгодно, чтобъ ея государство было размежевано, такъ-сказать, въ натурѣ. Эти видимыя для всѣхъ границы и центры областнаго управленія были вредны для утвержденія государственнаго единства. Установляя его, Москва не могла ограничиться простою замѣной прежняго высшаго правительства области своимъ высшимъ правительствомъ, замѣною удѣльнаго князя генералъ-губернаторомъ. Далѣе, Москва не могла довольствоваться сосредоточеніемъ въ Москвѣ только высшихъ функцій государственной власти, съ предоставленіемъ высшей административной власти областнымъ правителямъ. Она всю совокупность высшаго правительства переносила въ столицу его, оставляя въ мѣстности только агентовъ для управленія мелкими административными единицами. Вслѣдствіе этого органы не только высшаго, но и центральнаго управленія были сосредоточены въ Москвѣ, въ формѣ различныхъ приказовъ. Вся совокупность земель и городовъ, составлявшихъ область, не имѣла теперь никакого объединяющаго учрежденія въ мѣстности, а объединялись въ Московскомъ приказѣ; вмѣсто границъ „въ натурѣ" мы видимъ росписаніе городовъ и уѣздовъ по приказамъ, которые и являлись областнымъ правительствомъ разныхъ земель Московской державы. Такъ произошли такъ-называемые областные приказы, болѣе извѣстные подъ именемъ *четей* или четвертей. Они имѣли наиболѣе важное значеніе для областнаго управленія. Они поясняютъ и положеніе мѣстнаго правительства.

Значеніе это, впрочемъ, только въ послѣднее время начало выясняться въ нашей ученой литературѣ. Неволинъ указалъ на него, г. Локвицкій сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній [1]). Но общей ихъ теоріи до настоящаго времени нѣтъ. Вслѣдствіе этого въ изслѣдованіе обоихъ упомянутыхъ ученыхъ вкрались нѣкоторыя погрѣшности, затемняющія истинное значеніе приказовъ. На основаніи вышеприведенныхъ соображеній слѣдовало бы ожидать, что важнѣйшіе изъ областныхъ (или территоріальныхъ, какъ ихъ называютъ) приказовъ завѣдывали областями, присоединенными къ Москвѣ посредствомъ

---

[1]) «Губернія», стр. 31 и слѣд. Замѣчанія г. Лохвицкаго во многомъ согласны съ нашими выводами. Къ сожалѣнію, они мало вліяли на его объясненіе Петровскихъ губерній. Ниже мы возвратимся къ этому предмету.

завоеванія. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Между тѣмъ профессоръ Неволинъ утверждаетъ совершенно противное. По его мнѣнію, „при раздѣленіи Россіи въ порядкѣ мѣстнаго управленія на части, между различными владѣніями ея было существенное различіе: одни владѣнія имѣли общее или центральное управленіе исключительно въ Москвѣ, въ ея приказахъ, другія, *сверхъ того*, имѣли еще на мѣстѣ общее или центральное управленіе. Во владѣніяхъ перваго рода города, образовавшіе одно цѣлое, не находились ни въ какой зависимости другъ отъ друга, управлялись каждый отдѣльно своимъ начальникомъ, были всѣ непосредственно подчинены Московскимъ приказамъ. Во владѣніяхъ втораго рода города, составлявшіе вмѣстѣ съ ихъ уѣздами цѣльную часть, зависѣли отъ начальника главнаго города и вообще посредствомъ *этого только* начальника относились къ Московскимъ приказамъ". Къ владѣніямъ послѣдняго рода, по его мнѣнію, относились Великій Новгородъ и Псковъ и царства: Казанское, Астраханское, Сибирское и княжество Смоленское [1]). Гораздо правильнѣе смотритъ на этотъ вопросъ г. Лохвицкій. Онъ не признаетъ, что эти области сохраняли свою цѣльность и имѣли высшее управленіе на мѣстѣ [2]). Но все-таки вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ фактовъ, остается у него не разъясненнымъ вполнѣ. Дѣло въ томъ, что какъ проф. Неволинъ, такъ и г. Лохвицкій имѣли, кажется, въ виду только извѣстіе, сообщенное относительно этого предмета Котошихинымъ. Извѣстіе это довольно любопытно и мы, въ сокращеніи, приводимъ его въ примѣчаніи [3]). Оно говоритъ о значительной власти воеводъ большихъ городовъ надъ воеводами приписныхъ городовъ, которые не смѣютъ мимо него сноситься съ Москвою [4]). Но Котошихинъ же говоритъ, что такіе воеводы посылались только „въ тѣхъ государствъ главные города". Напротивъ въ средніе и меньшіе города посылались обыкновенные воеводы съ правомъ сноситься съ Москвою непосредственно [5]). Слѣдовательно, власть воеводъ главныхъ городовъ

---

[1]) Полн. собр. соч. т. VI, стр. 183. Характеръ этого высшаго мѣстнаго управленія выясненъ на стр. 195.

[2]) «Губернія», стр. 32.

[3]) Котош., VIII, 1: «Великій Новгородъ (о друг. назв. города и царства) и тѣхъ государствъ въ первые городы посылаются воеводы, бояре и окольничіе... и вѣдаютъ тѣ государства съ пригороды и съ уѣзды, во всякихъ государственныхъ и земляныхъ дѣлахъ, противо тогожъ, какъ вѣдаютъ на Москвѣ бояре и думные люди и приказы».

[4]) Тамъ же, 2.

[5]) Тамъ же, 3.

простиралась на эти города и на пригороды ихъ и то, какъ мы увидимъ ниже, не въ одинаковой степени.

Котошихинъ говоритъ, что въ большіе города посылались воеводами бояре, что они имѣли власть Московскихъ приказовъ и что имъ подчинялись пригороды. Изъ этихъ уже словъ можно вывести заключеніе, что типомъ центральнаго управленія былъ Московскій приказъ и что власть такого приказа только въ видѣ исключенія давалась воеводамъ *нѣкоторыхъ* городовъ. Дѣйствительно правительство могло предоставлять воеводамъ большихъ городовъ особенное полномочіе, чтобы держать эти города въ должномъ повиновеніи. Власть ихъ простиралась на нѣсколько пригородовъ. Но отъ этого еще далеко до существованія въ областяхъ высшаго мѣстнаго управленія. Нѣсколько фактовъ убѣдятъ насъ въ этомъ. Какъ велико было количество пригородовъ у этихъ „великихъ" городовъ? Въ какомъ смыслѣ назывались они пригородами? Въ прежнее время пригородомъ назывался всякій городъ, зависѣвшій отъ старшаго, главнаго. Во время политической самостоятельности Новгорода всѣ города, находившіеся на его землѣ, считались его пригородами. Псковъ долгое время былъ пригородомъ Новгорода. Въ то время число такихъ пригородовъ было весьма велико, и старшій городъ распоряжался ими по своему усмотрѣнію. Въ 1404 году Новгородъ далъ въ кормленіе Смоленскому князю Юрію 13 пригородовъ [1]). Въ XVII стол. число этихъ пригородовъ было сравнительно ничтожно. Изъ нѣкоторыхъ актовъ Новгородской четверти видно, что около 1648 года Новгородскими пригородами назывались Ладога и Порховъ, а Псковскими Изборскъ, Островъ, Опочка, Гдовъ. Правда, нѣкоторые пригороды были во владѣніи Шведовъ, но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Многіе города, прежде подчиненные Новгороду, получили самостоятельное значеніе. Старая-Руса, Заонежскіе Погосты (въ послѣдствіи Олонецъ съ уѣздомъ) имѣли особое управленіе. Въ интересахъ Московскаго правительства было именно увеличить количество среднихъ и меньшихъ городовъ, имѣвшихъ самостоятельныхъ воеводъ. Казань имѣла лишь нѣсколько ничтожныхъ пригородовъ [2]). Да и эти пригороды не вполнѣ были подчинены воеводѣ главнаго города. Онъ не могъ наказывать пригородныхъ воеводъ, правительство нерѣдко сносилось съ пригородами помимо

---

[1]) Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверскій, Корельскій, Копорье, Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Порховъ, Вышгородъ, Высокое, Кошкинъ и Городецъ. См. Костомарова, Сѣвер. Рус. Народопр. II. 62.

[2]) Доп. къ А. И. III, № 36, VIII № 40.

главныхъ воеводъ [1]). „Казалось бы", говоритъ г. Чичеринъ, „воеводы главныхъ городовъ должны были быть посредствующими членами между пригородами и центральною властію, но на дѣлѣ было не такъ [2])". По мнѣнію его, „все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ". Мы видѣли выше, чѣмъ объясняется этотъ случай или этотъ произволъ Московскаго правительства. Но г. Чичеринъ, изучавшій мѣстное управленіе на однихъ мѣстныхъ органахъ, очевидно, не могъ прійдти къ другому заключенію.

Такое значеніе имѣло это высшее управленіе, дѣйствовавшее на мѣстѣ. Власть главнаго воеводы дѣйствовала на пространствѣ, равнявшемся едва одной губерніи, и то не всегда. Напротивъ, областные приказы соединяли въ своемъ управленіи весьма много городовъ. Новгородскій воевода имѣлъ 4 — 5 городовъ въ сомнительной зависимости, а Новгородская четверть завѣдывала цѣлыми областями. Ей подчинялись: бывшія Новгородскія земли, Псковское государство и Нижегородское княжество. Слѣдовательно, областные приказы учреждались не для одной какой-либо области, а даже для нѣсколькихъ областей. Нижегородская и Новгородская области соединились въ одномъ управленіи уже въ XVII стол., а до тѣхъ поръ мы видимъ существованіе особой Нижегородской четверти [3]). Этой четверти подчинялись и мѣстности Новгородской области [4]). Въ послѣдствіи они составили одно управленіе.

Первоначально эти чети не имѣли даже особаго наименованія и назывались просто по имени дьяковъ, которымъ они были поручены. Такъ, Нижегородская четверть называлась четью дьяка Щелкалова [5]). Въ послѣдствіи они назывались четью такого-то города, а потомъ приказами. Въ 1670 г. Новгородская четверть переименована въ Новгородскій приказъ. Не меньшую важность имѣлъ приказъ Казанскаго дворца. Ему были подчинены царство Казанское, всѣ понизовые города, Астрахань и долгое время Сибирь. Появленіе приказа Казанскаго дворца относится ко времени Ивана IV, когда онъ существовалъ подъ именемъ Казанской избы. Съ покореніемъ Сибири она была сначала прі-

[1]) Доп. къ А. И. III, № 36, VI. А. А. Э. III, № 148, 196. Доп. къ А. И. IV, 49, 95.

[2]) Областн. Учрежд., стр. 353.

[3]) А. А. Э. III, 13, 39, 40, 48, 72, 73. Это названіе сохранялось до 1618 г. Неволинъ. т. VI. 175.

[4]) Ib. № 91 (Старая-Руса).

[5]) Неволинъ VI, стр. 174, примѣч. 264.

урочена къ посольскому приказу, потомъ управлялась особо дьякомъ Вареоломеемъ Ивановымъ, а въ 1599 г. она присоединена къ вѣдомству Казанскаго дворца [1]). Она состояла въ его завѣдываніи около 40 лѣтъ. По указанію Вивліоѳики въ 1637 г., а по Актамъ историческимъ и Актамъ Арх. Эксп. въ 1639 г., образовался особый Сибирскій приказъ, которому поручены сибирскіе города. Рядомъ съ Казанскимъ дворцомъ нѣкоторое время дѣйствовалъ Мещерскій дворецъ. Кажется, они составляли одно управленіе. Въ дворцовыхъ разрядахъ находится и перечисленіе Мещерскихъ городовъ, напримѣръ: Касимовъ, Кадомъ и Темниковъ [2]). Кромѣ того въ Великой Россіи дѣйствовали четверти Владимірская, Галицкая, Костромская и Устюжская [3]). Это были собственно такъ-называемые областные приказы. Кромѣ того были и другіе, учреждавшіеся въ разное время, напримѣръ: приказъ Великороссійскій, вѣдавшій нѣкоторые города русской Украйны, Литовскій — княжества Смоленскаго и т. д. Но они были учреждены тогда, когда вообще областные приказы потеряли прежнее значеніе, и начала московской администраціи стали по немногу измѣняться, подъ вліяніемъ постепеннаго образованія сословій.

Исторія этихъ областныхъ приказовъ и ихъ отношеніе къ мѣстному управленію — предметъ весьма любопытный, но къ сожалѣнію, едва тронутый нашею литературой. При недостаткѣ спеціальныхъ изслѣдованій по этому предмету, мы можемъ только въ общихъ чертахъ указать на главнѣйшіе его моменты.

Выше мы замѣтили, что въ этихъ приказахъ было сосредоточено управленіе соотвѣтствующихъ областей. Но дѣйствительно ли эти мѣстности составляли цѣльную область, то-есть, сохраняли географическое очертаніе нѣкогда самостоятельнаго удѣла или земли? На это врядъ ли можно отвѣчать утвердительно. Нѣкоторые приказы дѣйствительно поглотили цѣлыя области. Таковы Новгородскій приказъ и Казанскій дворецъ. Но прочія четверти не напоминали никакихъ историческихъ дѣленій. Удѣлы, входя въ составъ Московскаго государства, не сохраняли своихъ наименованій. Города, составлявшіе

---

[1]) А. А. Э. III, 153. 219. А. И. III, 87—91, 103, 106, 121, 152, 155, 134, 214, 213, 240. Доп. къ А. И. IV, № 74 и т. д.

[2]) А. И. III, 207, 209, 215, 216, 236, 245. Доп. къ А. И. III. 6. А. И. II. 344, 345. Дворцовые разряды I столб. 153—154.

[3]) А. А. Э. III, 43, 97, 100. Доп. къ А. И. II. 34, 38, 39, А. А. Э. III. 126, 140, 138, 146. А. И. III. 3, 117. Доп. къ А. И. III, 25, 27, ib. VII, 94, VII, 40.

ихъ, отдѣльно сносились съ Москвою, скоро стирались границы, раздѣлявшія эти удѣлы, и предъ центральнымъ правительствомъ была только масса ничѣмъ не связанныхъ городовъ. Оно могло производить между ними какія угодно сочетанія, смотря по ихъ близости и удобству. Неудивительно, если новыя дѣленія не только не напоминали прежнихъ княжествъ, но даже позднѣйшихъ губерній. Москва съ уѣздомъ составляла особое управленіе. Всѣ прочія области, большею частью по сю сторону Оки (то-есть, по лѣвую), были самымъ неравномѣрнымъ образомъ распредѣлены между четвертями. Нельзя сказать, чтобъ онѣ были особенно обширны, но насъ невольно поражаетъ ихъ странный географическій видъ. Напримѣръ, въ Галицкой четверти мы находимъ часть Костромской губерніи [1]), часть Московской [2]), Тверской [3]), Тульской [4]), Владимірской [5]). Далѣе уѣзды ихъ не идутъ сплошною массой. Нерѣдко два сосѣднихъ города относятся къ различнымъ четвертямъ; Московское государство не избѣгаетъ и черезполосицы при этомъ раздѣленіи. Нѣкоторые города были исключены изъ общаго состава четверти и составили особенную четверть. Иначе нельзя объяснить существованіе такой четверти, какъ Костромская. Она существовала въ XVII стол. и въ концѣ его завѣдывала тѣми городами, которые входили въ составъ Ярославской и Костромской провинцій. Между тѣмъ изъ числа городовъ Ярославскихъ Пошехонье вѣдался Устюжскою четвертью, Ростовъ — Галицкою, Романовъ-Борисоглѣбскъ вѣдался въ 2-хъ приказахъ: Романовъ въ посольскомъ приказѣ, а Борисоглѣбская слобода отдѣльно въ приказѣ Большаго дворца [6]); Угличъ въ томъ же приказѣ [7]); изъ Костромской губерніи многіе города вѣдались въ Галицкой четверти, такъ что въ Костромской вѣдались Кострома, Ярославль, Муромъ (Владимірской губ.) и еще нѣсколько городовъ.

Такъ неопредѣленны были границы этихъ четвертей. Не менѣе разнообразны были и предметы ихъ вѣдомства. Вообще четвертные приказы имѣли финансовое назначеніе, какъ вообще все управленіе

---

[1]) Галичъ, Солигаличъ, Кологривъ, Пароентьевъ (заштатный городъ), Унжа (заштатный городъ Макарьева), Чухлома, Юрьевецъ.

[2]) Коломна.

[3]) Кашинъ.

[4]) Бѣлевъ, Кашира.

[5]) Суздаль, Шуя.

[6]) А. А. Э. III, 170.

[7]) Тоже № 150, 280.

Московскаго государства. Но это еще слишкомъ общее опредѣленіе, нуждающееся въ болѣе подробныхъ разграниченіяхъ. Подъ терминъ финансоваго управленія можно подвести все, или по крайней мѣрѣ, всѣ отрасли тогдашней Московской администраціи, а между тѣмъ далеко не все находилось въ завѣдываніи четвертей. Мы замѣтили выше, что служилое сословіе съ давнихъ поръ было выдѣлено изъ сферы областныхъ сословій, и что оно вѣдалось въ Московскомъ разрядѣ или въ разрядахъ, подчиненныхъ Московскому. Мало по малу не только служба, но и земли этого сословія поступили въ завѣдываніе приказовъ Московскихъ. Какую долю въ этомъ управленіи получили областные приказы? Значеніе ихъ, очевидно, было различно. Нѣкоторые приказы (напримѣръ, Казанскій дворецъ въ Казанскомъ, Астраханскомъ и Сибирскомъ царствахъ и во всѣхъ низовыхъ городахъ) вѣдали дворянъ, дѣтей боярскихъ, мурзъ, князей, Татаръ служилыхъ и т. д. Здѣсь же были сосредоточены и распоряженія о раздачѣ помѣстныхъ земель и вотчинъ. То же самое, но въ гораздо меньшей степени, видимъ мы въ Новгородскомъ приказѣ. Напротивъ, другія четверти не имѣютъ дѣла съ этими вопросами. Въ нихъ главнымъ образомъ сосредоточивается завѣдываніе городами и черными волостями въ финансовомъ отношеніи. Доказательствомъ этому могутъ служить многіе документы. Между прочимъ это видно изъ документовъ, относящихся до сбора даточныхъ людей въ XVII вѣкѣ. Въ даточные люди брались крестьяне монастырскіе и владѣльческіе, какъ жившіе въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, такъ и жившіе на посадѣ. Изъ областныхъ приказовъ немногіе имѣли дѣло съ уѣздными крестьянами, большая часть имѣла дѣло съ посадами [1]). Города съ уѣздами вѣдались Казанскимъ дворцомъ, Новгородскимъ приказомъ, отчасти въ Устюжской четверти. Напротивъ, въ другихъ четвертяхъ города вѣдались въ четверти, а уѣзды въ какомъ-нибудь другомъ приказѣ. Напримѣръ, Галичъ, Шуя, Суздаль вѣдались въ Галицкой четверти, а даточны люди съ уѣздовъ брались помѣстнымъ приказомъ. Иногда дѣленіе это шло дальше. Четверть имѣла дѣло съ торговыми и черными посадскими людьми, а другіе приказы съ помѣщичьими и монастырскими крестьянами. Замѣчателенъ при этомъ тотъ фактъ, что уѣзды оставались въ завѣдываніи четверти большею частію въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранялись черныя волости. Напримѣръ, въ поморскихъ городахъ, часть которыхъ была въ завѣдываніи Устюжской четверти, глав-

[1]) Доп. къ А. И. VIII. 40.

нымъ образомъ пріютились черныя волости, а равно и остатки крестьянскихъ владѣльческихъ общинъ, сохранившихъ свой древній характеръ, какой имѣли эти общины до закрѣпленія крестьянъ. *Можетъ-быть,* это обстоятельство было причиною такого видоизмѣненія вѣдомства четвертей. Этотъ вопросъ требуетъ еще большихъ изысканій, тѣмъ болѣе, что нерѣдко попадаются исключенія изъ этого правила. Такъ, Костромская четверть сбирала даточныхъ людей и съ владѣльческихъ крестьянъ. За то, съ другой стороны, Устюжская четверть, имѣя въ своемъ завѣдываніи уѣзды, иногда сбирала даточныхъ людей не сама, а чрезъ другой приказъ, напримѣръ, монастырскій, которому она выдавала для этого послушныя-грамоты. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на то важное обстоятельство, что при переписи городовъ, уѣздовъ и людей, завѣдываемыхъ каждымъ приказомъ, Владимірская и Галицкая четверти подаютъ только росписаніе городовъ, тогда какъ другіе представляли росписи городовъ съ уѣздами.

Этимъ объясняется описаніе дѣятельности четвертей, которое мы находимъ у Котошихина. Если основываться на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ, то четверти главнымъ образомъ вѣдали подати, таможенные и кабацкіе сборы съ разныхъ городовъ, а иногда и съ уѣздныхъ крестьянъ. На дѣлѣ вѣдомство ихъ было гораздо разнообразнѣе. Вопервыхъ, при господствовавшемъ тогда смѣшеніи властей, каждый приказъ большею частію вѣдалъ во всемъ людей, которые были ему подчинены. Притомъ самая финансовая администрація предполагала множество сложныхъ операцій, особенно если мы примемъ во вниманіе, что не только власть надзора, но власть дѣйствительнаго управленія сосредоточивалась въ рукахъ приказовъ. Города заспорили между собой или съ властями о раскладкѣ податей: четверть разбираетъ ихъ; монастырь бьетъ челомъ, что посадскіе люди или черные крестьяне „емлютъ съ нихъ подати силою“ и нарушаютъ жалованныя грамоты: четверть вызываетъ ослушниковъ на судъ. Молодшіе люди жалуются на лучшихъ: четверть предписываетъ воеводѣ уравнять ихъ податями. Четверть отдавала пошлины на откупъ, слѣдила за дѣятельностію головъ и цѣловальниковъ, принимала суммы, привозимыя ими въ Москву, повѣряла ихъ книги, докладывала царю объ отмѣнѣ какихъ-нибудь обременительныхъ налоговъ и откуповъ и т. д.

Вслѣдствіе этого дѣла, подвѣдомственныя областнымъ приказамъ, представляютъ слѣдующія группы:

а) Дѣла, касающіяся сбора и отчасти раскладки податей. Подати

эти, какъ извѣстно, были весьма разнообразны. Таковъ былъ сборъ стрѣлецкихъ денегъ и хлѣба, вообще сборъ хлѣба въ различныхъ случаяхъ, сборы на разныя сооруженія, сборъ даточныхъ людей или денегъ вмѣсто ихъ, сборъ ясака съ инородцевъ, полоняночныя деньги (на выкупъ плѣнныхъ), данныя и оброчныя деньги и т. д. Отъ четвертей же большею частію опредѣлялось расходованіе этихъ денегъ на тѣ статьи, на которыя они предназначались. Въ 1647 году изъ приказа Новгородской четверти производилось жалованье денежное и хлѣбное стрѣльцамъ, пушкарямъ, воротникамъ, атаманамъ, есауламъ и рядовымъ казакамъ, городовымъ приказчикамъ, подъячимъ съѣзжей избы, дьякамъ избы таможенной, сторожамъ, казеннымъ плотникамъ, кузнецамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Кромѣ потребностей свѣтской отсюда же удовлетворялись и потребности духовной администраціи: расходы на соборныя и иныя ружныя церкви, на церковные обиходы и жалованье ружникамъ, панихидныя деньги, содержаніе богадѣльныхъ старцевъ, на воскъ, ладонъ и вино церковное, вспомоществованіе нѣкоторымъ монастырямъ и т. д. Всѣ эти расходы производились четвертями какъ собственною властію, напримѣръ, на содержаніе приказныхъ людей въ мѣстномъ управленіи, такъ и по памятямъ изъ другихъ приказовъ, напримѣръ, Стрѣлецкаго. Всѣмъ этимъ доходамъ, а равно и расходамъ, велись въ четверти росписи, подробно, по статьямъ. Ежегодно каждая четверть означала, сколько въ каждой мѣстности должно было собрать доходовъ и какія потребности должны были быть удовлетворены изъ источниковъ, находившихся въ ея распоряженіи [1]).

b) Въ числѣ этихъ сборовъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимали таможенные и кабацкіе сборы. Мы имѣемъ весьма мало данныхъ относительно этой отрасли администраціи, въ то время, когда она лежала на отвѣтственности воеводъ. Но по мѣрѣ того какъ вѣрныя должности получили больше самостоятельности, роль четвертныхъ приказовъ дѣлается яснѣе. Извѣстно, что въ Московскомъ государствѣ одновременно существовало два способа взиманія этихъ сборовъ: откупа и вѣрныя должности. Опредѣленіе тѣхъ и другихъ въ городахъ и мѣстностяхъ, подчиненныхъ четвертямъ, зависѣло отъ нихъ. Они отдавали на откупъ сборы съ промысловъ, уже предвидѣнные зако-

[1]) А. А. Э. III. № 131, 138, 142, 143, 145, 148, 193, 292. Доп. къ А. И. III, № 2, 36, 58, 59, 43, 100. А. И. III. 93, 200. Доп. къ А. И. II. 34, 39. А. И. IV, № 43. Доп. къ А. И. V, № 90. Доп. къ А. И. VIII, № 40. А. И. II, № 348.

номъ, и даже вновь отдавали на откупъ разныя статьи. Вѣрные головы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и цѣловальники, получали свои наказы изъ четвертей и сюда должны были представлять свои книги, отчеты и сборы. Въ этомъ отношеніи необходимо различать большія, государственныя таможни, установленныя главнымъ образомъ въ видахъ отпускной торговли, отъ внутреннихъ таможенъ, установленныхъ для взиманія пошлинъ съ мелкихъ торговъ и промысловъ. Головы первыхъ получали наказы главнымъ образомъ изъ четвертей, ибо они назначались ими, а головы послѣднихъ, какъ выборные, получали наказы отъ воеводъ, въ свою очередь получившихъ ихъ по большей части отъ четвертей, дѣйствовали подъ руководствомъ четвертей и имъ обязаны были отчетностію [1]).

c) Натуральныя повинности, какъ напримѣръ, подводная повинность, ямская гоньба и городовое дѣло, вѣдались также въ четвертяхъ. Разумѣется, послѣдній вопросъ не имѣлъ такого значенія для четвертнаго управленія какъ другія отрасли администраціи, потому что возведеніе городскихъ укрѣпленій вмѣстѣ съ военною службой находилось въ завѣдываніи разряда, хотя и не вездѣ. Затѣмъ съ улучшеніемъ ратнаго дѣла нельзя было уже довольствоваться прежними первобытными, такъ-сказать, средствами администраціи; вопросъ о городскихъ укрѣпленіяхъ поступилъ въ завѣдываніе другихъ приказовъ, напримѣръ, пушкарскаго и т. д. Но подъ городовымъ дѣломъ въ древней администраціи нельзя разумѣть одной обязанности „дѣлать городъ", то-есть, возводить укрѣпленія, о которой упоминаютъ жалованныя грамоты. Земскою повинностію удовлетворялись другія правительственныя нужды. Еще въ древности уставныя, жалованныя и другія грамоты говорятъ объ обязанности черныхъ людей и вообще земства „ставить волостелинъ и намѣстничъ дворъ" и прочія правительственныя сооруженія. Въ этомъ смыслѣ городовое дѣло осталось весьма долго въ завѣдываніи областныхъ приказовъ. Затѣмъ даже городскія укрѣпленія возводились по памятямъ изъ четвертей. Псковскому воеводѣ въ 1647 году велѣно исправить каменный городъ и роспись о всемъ потребномъ для этого дѣла прислать въ Новгородскую четверть. То же самое случилось въ 1631 году въ Гдовѣ, куда даже былъ посланъ особый дворянинъ по указу изъ Новгородской четверти. Ямская повинность также не вездѣ была возложена на

---

[1]) А. А. Э. III. 146, 241, 295, 314. А. И. III. 196, 203, 210, 219. Доп. къ А. И. III. 27, 40, 39, 117. Доп. къ А. И. II. № 36 А. И. IV. 12, 188, 228. Доп. къ А. И. V, № 32, 40, 52, 59, 69, 81, 93.

особо для того предназначенное сословіе ямщиковъ, подчиненныхъ спеціальному учрежденію — ямскому приказу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она оставалась на обязанности общинъ и отбывалась подъ контролемъ четвертей. Мы не будемъ упоминать здѣсь о мелкихъ видахъ этихъ повинностей и сборовъ; но всѣ они одинаково были сосредоточены въ Московскихъ приказахъ [1]).

d) Не менѣе важную задачу для четвертныхъ приказовъ составляло устраненіе безпорядковъ въ мѣстномъ управленіи, происходящихъ какъ отъ воеводъ и приказныхъ людей, такъ и отъ столкновенія общинъ между собою. Мы уже видѣли прежде [2]), какъ дѣйствовали эти приказы при злоупотребленіяхъ общиннаго начальства, при запутанности разчетовъ общинъ относительно отбыванія повинностей, при жалобахъ на нихъ частныхъ лицъ. Но этимъ не исчерпывались обязанности четвертей. Нерѣдко приходилось имъ ограждать жителей отъ злоупотребленій мѣстныхъ властей. Если воеводы, по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже, не всегда получали наказы отъ четвертей [3]), то въ своихъ дѣйствіяхъ они подчинялись имъ, а потому естественно имъ главнымъ образомъ подлежали изслѣдованія по жалобамъ на злоупотребленія этихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что имъ принадлежала администрація такихъ вопросовъ, гдѣ наиболѣе возможны злоупотребленія подчиненныхъ. Четверти же завѣдывали отпусками воеводъ въ подвѣдомственные имъ города [4]).

e) Имъ принадлежало право суда во ввѣренныхъ имъ областяхъ. Кромѣ отдѣльныхъ примѣровъ судебной дѣятельности четвертей, въ жалованныхъ и другихъ грамотахъ встрѣчаются положительныя постановленія объ ихъ судебной власти. Напримѣръ, въ одной жалованной грамотѣ, данной Иваномъ Грознымъ и переписанной на имя Михаила Θеодоровича, постановлено: „А будетъ какое дѣло до игумена съ братьею, и до монастырскихъ слугъ и до крестьянъ, или чего будетъ кому искати на нихъ, и ихъ судятъ наши четвертные дьяки... а опричь нашихъ четвертныхъ дьяковъ не судитъ ихъ никто и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, развѣ разбою и татьбы съ поличнымъ“. Судъ четвертей въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ непо-

---

[1]) А. А. Э. III. 144, 158, 204, 97, 196, 188. А. И. III. 115, 117. А. И. IV. 64. Доп. къ А. И. V. 50, 98.

[2]) См. главу III.

[3]) Хотя обыкновенно наказы давали приказы, вѣдавшіе города въ финансовомъ отношеніи. Доп. къ А. И. V, № 36, также VI, № 56.

[4]) См. напр. А. А. Э. III. 118. А. И. III. 114, 204.

средственный судъ великаго князя для лицъ, имѣвшихъ жалованныя грамоты. Прежде жалованная грамота прибавляла: „а кому будетъ дѣло до такихъ-то, сужу язъ князь великій или бояринъ мой введенный“. Въ царскій періодъ жалованныя грамоты даруютъ только судъ чети, происходившій непремѣнно въ Москвѣ. Это изъятіе изъ-подъ мѣстнаго суда касалось столько же намѣстниковъ и волостелей, сколько и выборныхъ судей. Такъ, въ одной тарханной грамотѣ Бориса Годунова, подтвержденной Лжедимитріемъ, постановлено: „А воеводамъ и приказчикамъ и *выборнымъ судьямъ* не вступатися ни въ праваго, ни въ виноватаго; а будетъ кому дѣло до игумена съ братьею и до монастырскихъ крестьянъ, ино судятъ на Москвѣ, въ чети, дьяки наши и кого будетъ въ чети Ржева Пустая“. Въ 1670 году въ Новгородскій приказъ были переданы города княжества Смоленскаго, вѣдавшіеся до тѣхъ поръ въ посольскомъ приказѣ. Они поручены приказу „со всею службою и со всѣми тѣхъ городовъ доходы, и тѣхъ же городовъ всѣхъ людей, во всякихъ дѣлахъ службою и судомъ и расправою, и помѣстными и вотчинными дѣлами“. Въ 1672 году повелѣно понизовыхъ городовъ всякихъ чиновъ людей вѣдать судомъ и расправою въ приказѣ Казанскаго дворца, а не въ иныхъ приказахъ. Этимъ указомъ подтвержденъ порядокъ, установленный Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ докладѣ, поданномъ Аннѣ Ивановнѣ сенатомъ въ 1730 году, сказано, что до учрежденія о губерніяхъ судныя дѣла вѣдались въ приказѣ Казанскаго дворца, княжества Смоленскаго и Новгородскомъ.

f) Нѣкоторые областные приказы завѣдывали служилымъ сословіемъ въ подвѣдомственныхъ ему городахъ какъ со стороны службы, такъ и со стороны земель. Новгородская четверть и Казанскій дворецъ имѣли особенныя права въ этомъ отношеніи. Вѣдомству ихъ подлежали почти всѣ виды служилыхъ людей, не исключая стрѣльцовъ, обыкновенно вѣдавшихся въ стрѣлецкомъ приказѣ. Въ 1646 году Архангельскому стрѣлецкому головѣ велѣно было „тѣхъ стрѣльцовъ, которые стары и увѣчны и въ службу не годны“, осматривать, и объявивъ о нихъ воеводѣ, писать о томъ въ Новгородскую четверть.

Наконецъ, судя по отдѣльнымъ актамъ, можно сказать, что четвертямъ принадлежали многія подробности управленія, о которыхъ и не упоминаетъ Котошихинъ. Эти отрывочныя свѣдѣнія показываютъ, сколько еще матеріаловъ нужно для того, чтобы настоящимъ образомъ выяснить эту любопытную эпоху. Такъ, мы встрѣчаемъ извѣстія относительно распоряженія землями и даже сыска разбойниковъ, не

смотря на существованіе учрежденія, спеціально назначеннаго для этого вопроса — разбойнаго приказа [1]).

Нѣкоторые областные приказы имѣли въ своемъ завѣдываніи дѣла, выходившія изъ круга вѣдомства обыкновенной четверти. Въ приказѣ Казанскаго дворца было вѣдомо „воинское дѣло и опасеніе отъ Турской и отъ Персидской границы, и отъ Калмыковъ и отъ Башкирцовъ". Вообще же изъ этого приказа посылались указы въ Казанское и Астраханское царства „о всякихъ дѣлахъ" [2]). Въ Сибирскомъ приказѣ было то же самое. Ему между прочимъ были предоставлены наши сношенія съ Китаемъ. Кромѣ того здѣсь вѣдалась важная въ то время статья дохода: „соболи, куницы, лисицы черныя и бѣлыя, горностаи, бѣлки, бобры, рыси, песцы черные и бѣлые, зайцы и волки, бобры, барсы". Не только мѣха, собираемые въ сибирскихъ городахъ, но и тѣ, которые присылались въ Казанскій дворецъ сдавались сюда же [3]). Доходы эти доставлялись въ Москву или воеводами, или самими общинами. Не во всѣ областные приказы, кажется, доставлялись денежные доходы, собранные въ городахъ. Денежные доходы, собиравшіеся въ городахъ Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, по увѣренію Котошихина, не присылались въ Москву, а расходовались на мѣстѣ на жалованье разнымъ служилымъ людямъ. Впрочемъ, сочиненіе Котошихина написано до введенія стрѣлецкой подати въ городахъ, которая окончательно установила непосредственныя отношенія городовъ къ Московскому управленію. Но въ это время областные приказы уже начали утрачивать свое значеніе по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже.

---

[1]) А. И. II. 347. А. И. III, № 94, 95, 219. А. И. IV. 97, 189. Доп. къ А. И. V. 94. П. С. З. 526, 471, 5524. Относительно другихъ административныхъ вопросовъ см. А. А. Э. III. 219, 256. Доп. къ А. И. т. II, № 16. А. И. IV, № 224. Доп. къ А. И. V, № 68, 70, 35. Чичеринъ, Областн. Учрежд. стр. 128. Относительно разбойныхъ дѣлъ нельзя сказать опредѣлительно, раздѣляли ли четвертные приказы эту отрасль управленія съ разбойнымъ приказомъ. Въ одномъ полуофиціальномъ источникѣ сказано: «А на разбойныя татебныя дѣла по всѣмъ городамъ устроены губные старосты изъ дворянъ и ежегодъ привозятъ дѣла къ Москвѣ, *всякой въ свой приказъ,* и на Москвѣ бояре дѣлъ слушаютъ и указъ чинятъ». А. И. т. II, № 355. Кромѣ того ниже мы увидимъ нѣсколько примѣровъ уголовной власти четвертей.

[2]) Котош. VII. 6. А. И. IV, № 46, 48, I, 63, 69, 82, 94, 133, 136, 138, 141, 147, 157, 181, 193, 202, 234, 238, 242. А. И. III. 121, 134, 138, 152, 180, 213.

[3]) Котош. VII. 7. А. И. № 61, 64, 75, 101, 197, 214, 236, 255, 257, А. И. III. 207, 209, 215.

Какъ далеко проникала власть областныхъ приказовъ въ подробности мѣстнаго управленія? На основаніи приведенныхъ выше фактовъ можно бы подумать, что въ нихъ сосредоточивалась вся администрація Московскаго государства. Не то было на самомъ дѣлѣ. Четвертные приказы, повидимому, имѣли нѣсколько опредѣленныхъ административныхъ задачъ. Котошихинъ былъ правъ, указывая на „денежные доходы, таможенные, кабацкіе, соляные, желѣзные и откупные", какъ на главный предметъ вѣдомства четвертей. Но это доказываетъ только, что вообще управленіе Московскаго государства имѣло финансовый характеръ. Къ финансовымъ вопросамъ пріурочивались всѣ другія отрасли управленія. Приказъ, вѣдавшій область въ финансовомъ отношеніи, вѣдалъ ее во всѣхъ другихъ. Изслѣдованіе предметовъ вѣдомства четвертей доказало намъ это. Тѣмъ не менѣе административное значеніе четвертей сильно измѣнялось и сокращалось съ теченіемъ времени. Другіе приказы заступали ихъ мѣсто въ дѣлахъ внутренняго управленія. Причина этой перемѣны заключалась въ измѣненіи самаго принципа древнерусскаго управленія. Для того, чтобы понять значеніе этихъ перемѣнъ, необходимо, какъ мнѣ кажется, имѣть въ виду, какой эпохѣ развитія русской администраціи и государства онѣ соотвѣтствовали.

Четверти появляются довольно рано. Еще Иванъ III раздѣлилъ Россію на трети. Во всякомъ же случаѣ онѣ возникаютъ подъ вліяніемъ уничтоженія удѣловъ и присоединенія къ Россіи разныхъ царствъ и государствъ путемъ завоеванія. Онѣ замѣнили собою высшее правительство этихъ удѣловъ и областей. Слѣдовательно, на первый разъ въ нихъ сосредоточились тѣ административные вопросы, которые подлежали этому высшему управленію, то-есть, четверть завѣдывала въ своихъ городахъ тѣмъ, чѣмъ завѣдывалъ князь въ своемъ княжествѣ въ качествѣ администратора. Предметы этой администраціи были немногочисленны. Главнѣйшимъ образомъ они касались вопросовъ финансоваго управленія. Сосредоточившись въ Москвѣ, они получили большее развитіе, но не измѣнили своего характера. Въ управленіи удѣльнаго князя встрѣчаются мыты, тамга, перевозъ, желѣзное, пятно и т. д. Всѣ эти предметы вычисляются и въ жалованныхъ грамотахъ московскаго періода, въ которыхъ какъ бы продолжаетъ жить удѣльный періодъ. Въ Московскомъ управленіи они развились въ таможенное и кабацкое управленіе и прочія отрасли финансовой администраціи; финансовый характеръ администраціи не только не видоизмѣнился подъ вліяніемъ Москвы, но даже получилъ еще большее развитіе и

объединеніе. Такъ въ царствованіе Ивана IV „намѣстничьи и волостелины доходы", прежде столь разнообразные, были замѣнены однообразнымъ оброкомъ, доставлявшимся общинами въ Москву; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сглаженъ послѣдній остатокъ удѣльнаго порядка въ мѣстностяхъ. Но не всѣ эти предметы были переданы въ завѣдываніе четвертей. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности новые оброки, поступили въ завѣдываніе приказа Большаго дворца, то-есть, дворецкаго. Остальные составляли главнѣйшій предметъ вѣдомства четвертей.

Во всякомъ случаѣ областные приказы могли имѣть самостоятельное значеніе только до тѣхъ поръ, пока области, присоединенныя къ Москвѣ, сохраняли хотя внѣшнее единство. Съ дальнѣйшимъ раздѣленіемъ областей и областнаго общества они должны были утратить свое первоначальное значеніе. Мы видѣли выше, подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершилось это разъединеніе. Между ними образованіе сословій и раздѣленіе разныхъ предметовъ управленія занимали первое мѣсто. Постепенное объединеніе сословій и ихъ тяголъ, развитіе новыхъ предметовъ администраціи вызывали и потребность въ новыхъ приказахъ, неизвѣстныхъ удѣльному управленію. Итакъ, областные приказы соотвѣтствовали эпохѣ территоріальнаго объединенія Московскаго государства, тому времени, когда Московское управленіе замѣняло прежнихъ удѣльныхъ князей и управленіе самостоятельныхъ областей. Они соотвѣтствовали этой первоначальной потребности объединяющагося государства, способствовали его территоріальному единству, но не могли удовлетворить потребности единства административнаго, ибо оно должно было установиться на началахъ, постепенно выработанныхъ самою Москвою.

Начала эти вырабатывались не на основаніи какихъ-нибудь теоретическихъ соображеній, а путемъ чисто практическимъ, для удовлетворенія постепенно возникавшихъ потребностей новаго государства. Постепенная организація дворянскаго сословія повела къ установленію разряда и помѣстнаго приказа. Организація городскихъ классовъ повела къ сосредоточенію ихъ въ нѣсколькихъ приказахъ, число которыхъ постепенно сокращалось. Гражданское управленіе духовенства и монастырскими крестьянами также было сосредоточено въ одномъ мѣстѣ — въ монастырскомъ приказѣ. Затѣмъ сосредоточеніе уголовносудныхъ дѣлъ въ Москвѣ и уничтоженіе власти намѣстниковъ требовали учрежденія разбойнаго приказа и т. д. Всѣ эти обстоятельства подорвали значеніе областныхъ приказовъ. Но новыя начала лишь по-

степенно прокладывали себѣ дорогу, при чемъ прежнія не совершенно утрачивали свое значеніе въ новыхъ учрежденіяхъ.

Это видно изъ исторіи многихъ приказовъ, установленныхъ, повидимому, для спеціальныхъ задачъ, не имѣвшихъ отношенія къ мѣстному управленію. Напримѣръ, главное назначеніе посольскаго приказа были „дѣла окрестныхъ государствъ, пріемъ и отпускъ чужеземныхъ пословъ, также отправленіе пословъ, посланниковъ и гонцовъ, въ которое государство прилучится“ [1]). Между тѣмъ онъ иногда управлялъ разными областями на правахъ областнаго приказа. Обыкновенно всякая провинція, вновь присоединенная къ Москвѣ, поступала сначала въ завѣдываніе посольскаго приказа, а послѣ отдавалась приказу территоріальному. Сибирь, напримѣръ, послѣ ея завоеванія, вѣдалась до 1596 года въ посольскомъ приказѣ, а послѣ передана въ областной. Причина этого заключается, кажется, въ томъ, что въ каждой вновь присоединенной землѣ вопросъ „о береженьи“ ея отъ сосѣднихъ державъ и вообще задачи дипломатическаго характера заслоняли собою вопросы обыкновенной администраціи, а потому эти второстепенные вопросы поручались мѣсту, вѣдавшему вопросы главные. На этомъ основаніи нѣкоторыя области, вѣдавшіяся въ областныхъ приказахъ, иногда временно подчинялись приказу посольскому, когда того требовали дипломатическія соображенія. Это случалось, разумѣется, съ областями пограничными. Такъ, Астрахань нѣкоторое время вѣдалась въ посольскомъ приказѣ, хотя это и не уничтожило ея подчиненія Казанскому дворцу. Малороссія съ самаго начала была поручена посольскому приказу, а послѣ передана во Владимірскую и Галицкую четь, а въ 1667 году снова передана въ посольскій приказъ, при чемъ ему же подчинены и обѣ эти чети [2]), для того, что „нынѣшняго 1667 года января въ 20-й день, его великаго государя царскаго величества великіе послы съ польскими и литовскими коммиссары на урочныя лѣта о Малой Россіи и съ иными землями въ поступкѣ перемирье учинили и остерегать таковыхъ государственныхъ дѣлъ надобно въ посольскомъ приказѣ“. То же самое и на томъ же основаніи случилось и съ нѣкоторыми городами, вѣдавшимися нѣкоторое время въ Устюжской чети. Въ 1656 году Устюжской чети, кромѣ городовъ, вѣдомыхъ тамъ обыкновенно, были поручены: Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Бѣлая, Велижъ, Невль, Себежъ,

---

[1]) Котош., гл. VII, 2.

[2]) Доп. къ А. И. V. № 44. I, II.

Красное, то-есть, города княжества Смоленскаго. Въ 1666 году 10-го декабря они были переданы въ разрядъ, а 18-го іюня 1667 года, по тѣмъ же причинамъ, какъ и города Малороссійскаго приказа, были переданы въ посольскій, которому поручены и служилые, жилецкіе и уѣздные люди и „всякіе его великаго государя доходы денежные и хлѣбные и всякіе сборы и дѣла“ [1]). Въ другихъ приказахъ было то же самое и даже еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Разрядъ главнымъ образомъ вѣдалъ дворянство „всякою службою“, а также всѣ воинскія дѣла и города „строеніемъ и крѣпостьми и починкою и ружьемъ и служилыми людьми“ [2]). Но въ силу административныхъ удобствъ ему поручались и другіе административные вопросы тѣхъ городовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ разрядъ вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ массу заокскихъ городовъ. Здѣсь вѣдались таможенные и кабацкіе сборы, слѣдовательно, и выборы головъ и цѣловальниковъ и веденіе окладныхъ книгъ [3]), различныя откупныя статьи [4]) и даже разныя судныя дѣла [5]).

Такимъ образомъ, территоріальный принципъ не утратился въ приказахъ, вѣдавшихъ одну отрасль администраціи на всемъ пространствѣ государства. Онъ имѣлъ здѣсь значеніе еще въ другомъ отношеніи. При младенческомъ состояніи тогдашняго финансоваго управленія, государство обыкновенно приписывало на содержаніе какой-нибудь отрасли администраціи нѣсколько городовъ или слободъ „для приказнаго строенія“, и „на всякія покупки на расходъ, и на жалованье подъячимъ и сторожамъ“. Разумѣется, эти города и слободы вѣдались здѣсь „всякими дѣлы“ и ни въ чемъ не зависѣли отъ другихъ вѣдомствъ. На содержаніе посольскаго приказа было приписано, напримѣръ, пять городовъ [6]), къ хлѣбному приказу нѣсколько городовъ

[1]) Ib. № 45. Котош. VII. 29, свидѣтельствуетъ, что въ Малороссійскомъ приказѣ сидѣлъ тотъ же бояринъ, что̀ и въ Галицкой чети.

[2]) Котош. VII, 3.

[3]) Воронеж. Акты II, № 59, ib. III. №№ 99, 103, 131, 146, 145.

[4]) Ib. III, 98. Замѣчательно, что въ разрядѣ финансовое управленіе было организовано какъ въ областныхъ приказахъ. Здѣсь была окладная приходная книга; отсюда дѣлались распоряженія о выборѣ головъ и цѣловальниковъ. Собранная сумма поступала въ разрядъ (ib. II, стр. 179). Въ городахъ суммы эти не могли расходоваться безъ указа изъ разряда (ib. II, стр. 49). Разрядъ распоряжался выдачею жалованья изъ собранныхъ имъ денегъ и т. д. См. также Корочанскіе Акты № 135, 147.

[5]) Ib. II, стр. 128, 157. Ib. I, стр. 144, 156, 157, 23, 147, 148, 165.

[6]) Котош. VII, 2.

и слободъ [1]), тоже къ конюшенному [2]), и даже къ приказу тайныхъ дѣлъ [3]) и т. д. Основанія этой приписки были иногда весьма оригинальны. Такъ, нѣкоторые города были приписаны къ каменному приказу податьми и доходами на томъ основаніи, что „въ нихъ камень родится и известь дѣлаютъ“.

Территоріальное начало не утратило своего значенія и въ то время, когда сословное управленіе получило такое сильное развитіе. Во многихъ приказахъ мы можемъ наблюдать совмѣстное существованіе этихъ двухъ началъ. Вѣдомство приказа Большаго дворца представляетъ любопытные факты въэтомъ о тношеніи. Самъ по себѣ приказъ завѣдывалъ обиходомъ царскаго двора, и потому ему были подчинены дворы Сытенный, Кормовой, Хлѣбенной, Житенной и дворовые люди. Затѣмъ онъ завѣдывалъ дворцовыми селами и черными волостями, постепенно переходившими въ дворцовыя села, равно какъ и нѣкоторыми городами, къ нему приписанными. Въ послѣдствіи въ его завѣдываніе перешла подсудность духовенства и общее завѣдываніе монастырскими крестьянами [4]), для чего въ царствованіе Михаила Өеодоровича и образовалось въ немъ особое отдѣленіе подъ именемъ приказа переносныхъ дѣлъ или монастырскаго приказа. (Послѣ онъ получилъ самостоятельное значеніе). Наконецъ, въ немъ сосредоточилось завѣдываніе посадскими людьми многихъ городовъ относительно тягла, податей и оброковъ.

Другіе приказы представляли соединеніе одного сословнаго начала съ какимъ-нибудь спеціальнымъ предметомъ общегосударственнаго управленія. Напримѣръ, приказъ Большой казны вѣдалъ денежное дѣло и торговлю во всемъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручены были гости, гостинная и суконная сотни и торговые люди многихъ городовъ. Вѣроятно, число этихъ городовъ было весьма велико, ибо Котошихинъ насчитываетъ только 120.000 доходу съ городовъ, вѣдомыхъ въ приказѣ Большаго дворца, а городовъ этихъ было около 40. Между тѣмъ приказъ Большой казны собиралъ до 300.000. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что онъ въ концѣ XVII вѣка сдѣлался главнымъ центральнымъ мѣстомъ, вѣдавшимъ таможенное и

---

[1]) Напримѣръ: Скопинъ, Романовъ, Лысковъ, Мурашевъ, Городецкая волость и т. д.

[2]) Доп. къ А. И. VIII, стр. 125.

[3]) Доп. къ А. И. VI, № 98.

[4]) См. Г. Милютина о недвижимыхъ имущ. духовенства въ Россіи и Св. Горчакова о Монастырскомъ приказѣ.

кабацкое дѣло. Ближайшимъ образомъ онъ долженъ былъ уничтожить значенiе разныхъ четвертей, давно уже сошедшихъ на степень простыхъ финансовыхъ управленiй.

Въ числѣ этихъ четвертей была и такъ-называемая Новая четверть. Самое названiе ея показываетъ, что она учреждена послѣ другихъ. Ей былъ порученъ тотъ кругъ дѣлъ, который въ моментъ ея открытiя составлялъ главный предметъ вѣдомства прочихъ четвертей. Дѣйствительно, она вѣдала кружечные сборы, кабацкiе доходы, преслѣдовала корчемство и запрещенную продажу табаку. Она была учреждена для Москвы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы четверть эта была создана исключительно по образцу другихъ четвертей и что потому и другiя четверти имѣли то же значенiе для своихъ областей, какъ Новая для Москвы. Это доказывается a) приведеннымъ выше перечисленiемъ предметовъ вѣдомства четвертей. b) Нельзя не обратить вниманiя и на то, что въ предѣлахъ Московскаго уѣзда и города Москвы разные вопросы мѣстной администрацiи были распредѣлены между многочисленными приказами, которыхъ не было въ другихъ областяхъ. Потому въ областныхъ приказахъ должно было сосредоточиться большее количество вопросовъ чѣмъ въ Новой Московской четверти. c) Доказательствомъ этому служитъ то, что не всѣ сборы и доходы были поручены Новой четверти. Напримѣръ, таможенные сборы вѣдались въ большой Московской таможнѣ, подчинявшейся приказу Большаго прихода. Новая же четверть вѣдала одни кабацкiе сборы. Напротивъ, областныя четверти вѣдали и тѣ и другiе.

Во всякомъ случаѣ четверти все болѣе и болѣе получали значенiе преимущественно финансоваго управленiя. Объединенiе этого управленiя повело къ уничтоженiю четвертей, по крайней мѣрѣ, большей части изъ нихъ. Въ началѣ царствованiя Ѳеодора Алексѣевича четверти были еще въ полномъ составѣ. Это видно изъ одного указа 1676 года о томъ, въ какiе дни и числа изъ какихъ приказовъ вносить дѣла на разсмотрѣнiе въ боярскую думу. Здѣсь упоминаются приказъ Новгородскiй, чети: Новая, Костромская и Устюжская [1]). По уничтоженiи въ 1677 году монастырскаго приказа дѣла его переданы въ приказъ Большаго дворца, а доимочные сборы въ Новую четь [2]). Въ 1680 году состоялся уже приведенный нами выше указъ о соеди-

---

[1]) П. С. З. № 656.

[2]) П. С. З. № 711.

неніи всѣхъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ въ приказѣ Большой казны. Этотъ указъ, независимо отъ его вліянія на судьбу сословій, имѣлъ большое значеніе и для администраціи. Приказъ Большой казны получилъ въ свое вѣдѣніе Московскую таможню, помѣрную и мытную избы и городовыя таможни и всякіе денежные доходы, которые были до тѣхъ поръ вѣдомы въ приказѣ Большаго прихода, въ Новгородскомъ приказѣ, во Владимірской, Галицкой и Новой четвертяхъ, кромѣ судныхъ пошлинъ. Этимъ не ограничилось подчиненіе четвертей приказу Большой казны. Боярину Милославскому съ товарищами, засѣдавшимъ въ Большой казнѣ, велѣно вѣдать ихъ *судомъ* и *всякими расправами* и *воеводскими отпуски*. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано Новгородскій приказъ, Большой приходъ, Владимірскую и Галицкую чети снести въ одно мѣсто, чтобы челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было [1]). Одновременное развитіе стрѣлецкой подати, какъ мы замѣтили выше, сосредоточило завѣдываніе посадскими людьми въ двухъ приказахъ. Нѣкоторыя четверти утрачивали свое значеніе вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ. Такъ, въ 1692 году Ярославль былъ переданъ изъ Костромской четверти въ разрядъ, а затѣмъ къ вѣдомству Ярославскаго воеводы были присоединены Ростовъ и Переяславль-Залѣсскій [2]).

Такимъ образомъ, организація сословій и объединеніе разныхъ предметовъ администраціи въ одно управленіе должны были видоизмѣнить и затѣмъ уничтожить значеніе территоріальнаго принципа нѣкоторыхъ Московскихъ приказовъ. Затѣмъ важное значеніе въ этой реформѣ имѣло то обстоятельство, что при постепенномъ наростаніи новыхъ государственныхъ задачъ, онѣ не могли быть поручены областнымъ приказамъ и требовали новыхъ учрежденій. Областные приказы замѣнили удѣльное управленіе, и вѣдомство ихъ составилось изъ немногосложныхъ задачъ этого управленія. Но государственная жизнь въ своемъ развитіи постоянно выдвигала новыя стороны администраціи, на которыя слѣдовало обратить вниманіе. Какъ каждое складывающееся, развивающееся государство, Москва отвѣчала на эти потребности учрежденіемъ новыхъ приказовъ. Она не могла присоединить эти вопросы къ составу областнаго управленія, вопервыхъ, потому что она не имѣла понятія ни объ областномъ управленіи, ни объ области; она знала только нѣкоторыя, весьма отрывочныя отрасли

---

[1]) П. С. З. № 824.

[2]) П. С. З. № 1441, 1442.

прежней удѣльной администраціи, въ свое время соединенныя въ четвертяхъ; вовторыхъ, потому, что съ объединеніемъ каждое управленіе должно было имѣть общегосударственное значеніе. Исключенія составляли разныя управленія, учреждавшіяся для Москвы и ея уѣзда. Но и они сохраняли свое значеніе только на нѣкоторое время. Одни переходили въ общегосударственныя установленія; напримѣръ, каменный приказъ былъ первоначально учрежденъ для одной Москвы, а послѣ ему поручены каменное дѣло и мастера-каменьщики всего Московскаго государства. Другіе присоединились къ общегосударственному управленію. Да и прежде они не имѣли большой доли самостоятельности. Во время Котошихина земскій приказъ былъ порученъ думному дворянину, въ завѣдываніи котораго находилась Костромская четверть.

Въ исторіи московской централизаціи должно, слѣдовательно, различать три существенные момента. Вопервыхъ, Московское государство сосредоточило въ Москвѣ власть высшаго управленія, въ томъ видѣ, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ и верховнымъ городамъ. Въ этотъ періодъ Москва только замѣнила своими приказами прежнее удѣльное управленіе. Въ эту эпоху основы прежняго управленія, построеннаго на земскихъ началахъ, не потерпѣли существеннаго измѣненія: земская община и система кормленій остались нетронутыми. Второй моментъ соотвѣтствуетъ стремленію правительства ослабить значеніе мѣстнаго управленія, путемъ выдѣленія въ пользу Московскихъ приказовъ разныхъ отраслей управленія. Высшее развитіе этой политики совпадаетъ съ окончательнымъ закрѣпленіемъ сословій и заканчивается имъ. Закрѣпленіе сословій, необходимость дать каждому изъ нихъ особое управленіе въ Москвѣ и наростаніе новыхъ государственныхъ задачъ, которыя не входили въ сферу прежняго удѣльнаго управленія и замѣнившихъ его четвертей, опредѣляютъ развитіе централизаціи въ третій и послѣдній моментъ.

Мы разсмотрѣли четверти, какъ учрежденія, соотвѣтствовавшія потребностямъ Московской централизаціи въ первый моментъ ея развитія. Изъ спеціальныхъ приказовъ, разъединившихъ мѣстное управленіе во второй моментъ, самые древніе суть тѣ, кои завѣдывали разными судебными дѣлами. Централизація Московскаго управленія нигдѣ не выразилась такъ рано и полно какъ въ судебномъ вѣдомствѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что преобразованія въ судоустройствѣ имѣли большое вліяніе на централизацію другихъ частей правленія. Причина этого заключается въ томъ, что изъ всѣхъ княже-

скихъ правъ въ удѣльный періодъ *право суда* выяснилось и развилось больше всѣхъ, а потому это право легче было перевести въ вѣдомство Московскаго государя, сосредоточить въ Москвѣ, чѣмъ всѣ другія. Основанія къ этому сосредоточенію были весьма разнообразны. Въ каждомъ удѣлѣ въ прежнее время было только двѣ судебныхъ инстанціи: намѣстникъ или волостель и самъ князь. Съ уничтоженіемъ удѣловъ эта высшая инстанція сосредоточилась въ Москвѣ, а въ области не прибавилось лишней инстанціи, вслѣдствіе непосредственнаго тяготѣнія каждаго города и волости къ Москвѣ. Значеніе областныхъ инстанцій, прежде весьма обширное, постепенно сокращалось. Въ области осталась только *низшая инстанція* и притомъ *одна*. Напротивъ, въ Москвѣ постепенно образовались двѣ инстанціи. Московскій государь, соединивъ въ своихъ рукахъ власть удѣльныхъ князей и высшаго правительства, не могъ производить личный судъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ производили его князья удѣльные. Онъ и боярская дума остались высшею инстанціей, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и первою. Но другія дѣла должны были перейдти, на основаніи порученія, къ подчиненнымъ учрежденіямъ. Уже Судебникъ Ивана III говоритъ, что „судъ судити боярамъ и окольничимъ.... а которого жалобника и непригоже управити, и то сказати великому князю, или къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдати“. Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ всего Судебника Ивана III видно, что уже въ то время существовали слѣдующіе органы судопроизводства: 1) бояре и окольничьи, 2) лица, имѣвшія порученіе вѣдать разныхъ людей, 3) самъ великій князь. Первую инстанцію составляли намѣстники и волостели; пользовавшіеся правомъ суда не въ одинаковой степени. Одни изъ нихъ имѣли такъ-называемый боярскій судъ, съ правомъ безъ доклада выдавать холопа и раба, давать бѣглыя и правыя грамоты, другіе этого права не имѣли, и выданныя ими грамоты считались ничтожными, а судъ начинался снова, „съ головы“, какъ опредѣлялъ это Царскій Судебникъ (ст. 66) [1]. Но намѣстники съ судомъ бояр-

[1] Впрочемъ, въ силу ст. 63 Судебн., можно думать, что Царскій Судебникъ нѣсколько ограничилъ права боярскаго суда. Статья 63 дозволяетъ лицу, пользующемуся этимъ судомъ, давать только полныя и докладныя грамоты, а правыя и бѣглыя онъ долженъ былъ давать только съ доклада. Напротивъ, Судебникъ Ивана III, кажется, разрѣшалъ выдачу этихъ грамотъ безъ доклада, потому что онъ прямо противополагаетъ право лицъ, не пользовавшихся боярскимъ судомъ, тѣмъ лицамъ, кои имъ пользовались, и затѣмъ вычисляетъ выдачу бѣглыхъ и правыхъ грамотъ, какъ акты, не дозволенные первымъ.

скимъ не составляли высшей инстанціи относительно лицъ, не имѣвшихъ его. Докладъ во всякомъ случаѣ шелъ въ Москву, гдѣ развивались двѣ высшія инстанціи. Судебникъ различаетъ докладъ великому князю отъ доклада какимъ-то лицамъ, которымъ разные люди приказаны. Отношенія между ними не опредѣлены еще въ Судебникѣ Ивана III. Въ Царскомъ Судебникѣ находятся уже болѣе точныя указанія относительно этого предмета. Онъ, вычисляя лицъ, которымъ давалось право суда, называетъ бояръ, окольничьихъ, казначеевъ, дворецкихъ и дьяковъ (ст. 1). Это было важное видоизмѣненіе сравнительно съ предыдущимъ временемъ. Судебникъ Ивана III не даетъ дьякамъ самостоятельной роли на судѣ. Предоставляя судъ боярамъ и окольничьимъ, онъ продолжаетъ: „а на судѣ у нихъ быти дьякомъ". Затѣмъ Царскій Судебникъ указываетъ на особый судъ казначеевъ и дворецкихъ. Ст. 7 судебника, кажется, разъясняетъ причины такого перечисленія и внесенія дьяковъ въ число лицъ, имѣвшихъ право самостоятельнаго суда. Она говоритъ о боярахъ, дворецкомъ, казначеѣ и дьякахъ, коимъ были поручены особые приказы. Слѣдовательно, этихъ лицъ должно отличать отъ бояръ и окольничьихъ, судившихъ въ качествѣ намѣстниковъ и волостелей въ разныхъ областяхъ. Дѣйствительно, въ это время уже развиваются разные территоріальные приказы и другія установленія, объединявшія постепенно Московское государство. Во главѣ этихъ приказовъ стоятъ не только бояре, но и дьяки. Особенно чети поручались преимущественно дьякамъ. На всѣхъ этихъ лицъ возлагается обязанность, подъ страхомъ опалы, не отсылать отъ себя „жалобниковъ своего приказа, а которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю". Итакъ, отношеніе между государевымъ судомъ и судомъ приказовъ было приблизительно опредѣлено. Всякая жалоба должна была сначала поступать въ приказъ, а послѣ къ государю. Чѣмъ опредѣлялись случаи обязательнаго доклада, рѣшить трудно. Но вѣроятнѣе всего, что въ тѣ времена самостоятельность приказа опредѣлялась правами лица, завѣдывавшаго имъ, а потому все зависѣло отъ того, имѣло ли или не имѣло это лицо права боярскаго суда. По крайней мѣрѣ, Царскій Судебникъ во всей силѣ удерживаетъ этотъ принципъ. Вслѣдствіе этого чрезвычайно трудно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находились приказы къ областнымъ судьямъ. Составляли ли они высшую инстанцію по отношенію къ областнымъ судьямъ, или всѣ инстанціи продолжали быть *первыми* по отношенію къ единственной второй инстанціи — государю?

По мнѣнію г. Дмитріева [1]), „когда приказы образовались, они заняли въ отношеніи къ областному суду мѣсто непосредственной второй инстанціи, потому что давали разрѣшеніе на докладъ областныхъ начальниковъ сами собою безъ всякаго дальнѣйшаго производства". Но прежде чѣмъ приказы могли занять такое положеніе, въ административной жизни Московскаго государства должны были произойдти важныя перемѣны, подготовившія эту судебную централизацію. До тѣхъ же поръ приказы имѣли значеніе главнымъ образомъ для Москвы и ея уѣзда. Централизація началась съ сосредоточенія разныхъ дѣлъ въ рукахъ московскихъ сановниковъ. Еще въ удѣльный періодъ съ должностію нѣкоторыхъ придворныхъ сановниковъ была соединена судебная власть по разнымъ дѣламъ. Таковы были казначей и дворецкій. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, когда остался одинъ дворецкій и одинъ казначей во всей Россіи, роль ихъ естественно должна была усилиться. Первоначально они дѣйствовали только въ Москвѣ, но послѣ вѣдомство ихъ увеличилось разными вопросами. Казначей получилъ особенное значеніе по слѣдующимъ дѣламъ: 1) о долгахъ, 2) о правежѣ, 3) иски о сносѣ, 4) иски между иногородцами, 5) дѣла холопьи [2]). Дворецкій или дворецкіе вѣдали судомъ лицъ подчиненныхъ имъ городовъ и слободъ. По отношенію къ уголовнымъ дѣламъ Судебникъ постановляетъ различіе между судомъ боярина въ Москвѣ и судомъ намѣстника и волостеля. Это видно изъ ст. 59-й и 60-й Цар. Судебн. Въ силу ст. 59-й, если на кого доведутъ разбой или душегубство или ябедничество или подписку или иное какое лихое дѣло, бояринъ долженъ велѣть тіуну Московскому да дворскому казнить его смертною казнію. Напротивъ, въ городахъ и волостяхъ разбой исключался изъ вѣдомства намѣстниковъ и волостелей и поручался губнымъ старостамъ [3]). Останавливаясь на одной 60-й статьѣ, можно подумать, что намѣстники и волостели имѣли самостоятельное право смертной казни по всѣмъ лихимъ дѣламъ, кромѣ разбоя. Но 71-я статья постановляетъ весьма серіозное ограниченіе: „А намѣстникомъ и волостелемъ, которые держатъ кормленіе, и тіунамъ царя и великаго князя и боярскимъ тіунамъ.... татя и душегубца, и всякаго лихаго человѣка безъ докладу не спродати, ни казнити, ни отпустити". Слѣдовательно, Судебникъ ставитъ на одну доску кормленщиковъ и тіуновъ и всѣмъ имъ запрещаетъ постановлять окончательное рѣшеніе безъ доклада.

[1]) Ист. судебн. инст., стр. 155.

[2]) Ист. судебн. инст., стр. 120. А. И. I, № 154, III, VII, XII, XIV.

[3]) Судебн. ст. 60, 61.

Причина этой разницы заключается, какъ мнѣ кажется, въ желаніи провести границу между судьею, пользовавшимся правами стараго дружинника, кормленщика, и новымъ приказнымъ судомъ, болѣе удовлетворявшимъ государственнымъ началамъ. Цѣлію этого разграниченія было желаніе ограничить право намѣстниковъ и волостелей. Ограниченіе это совершилось двумя способами: посредствомъ расширенія случаевъ доклада и усиленія земскаго элемента на судѣ. Судебникъ говоритъ о необходимости участія дворскаго, старосты и лучшихъ людей на судѣ, именно кормленщиковъ, а не приказныхъ бояръ [1]). Участіе этихъ лицъ имѣло цѣлію не только огражденіе тяжущихся на самомъ судѣ, чтобы посуловъ на судѣ не было, но и служило важнымъ средствомъ контроля дѣятельности судьи въ случаѣ доклада. Судные мужи служили преградою намѣстническому произволу въ области; никто не могъ быть арестованъ, закованъ, посаженъ въ тюрьму, не будучи явленъ старостѣ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ агентъ намѣстника платилъ безчестье [2]). Затѣмъ при докладѣ староста и цѣловальникъ должны были свидѣтельствовать, такъ ли производился судъ, какъ это обозначено въ копіи (противнѣ) съ рѣшенія. Этимъ не ограничивалась роль старостъ и цѣловальниковъ, какъ средства правительственнаго надзора. При фискальномъ взглядѣ на судопроизводство, Судебникъ требовалъ, чтобы цѣна иска соразмѣрялась съ имуществомъ истца; намѣстники должны были судить посадскихъ людей между собою, „обыскивая по ихъ животамъ и по промысламъ и по размету: сколько рублевъ кто царевы и великаго князя подати даетъ“ [3]). Сумма податей служила основаніемъ для опредѣленія величины имущества, а величиною имущества опредѣлялся размѣръ иска, который въ правѣ былъ вести посадскій человѣкъ. Если цѣна иска превышала предполагаемый размѣръ имущества, онъ считался ябедой, незаконнымъ искомъ. Единственнымъ средствомъ узнать количество платимыхъ податей и по нимъ опредѣлить величину имущества были разметныя книги. Книги эти велись общиной, за руками старостъ,

---

[1]) Судебн. ст. 62, 68: «А безъ старосты и цѣловальниковъ намѣстникомъ и волостелемъ, за которыми *кормленіе* съ боярскимъ судомъ, и за которыми *кормленія* безъ боярскаго суда.... не судити и посула въ судѣ не имати». Этого не видно въ судѣ московскихъ бояръ. На немъ не видно не только судныхъ мужей, но даже истецъ не могъ присутствовать при запискѣ рѣшенія. «А которыя дѣла судятъ бояре и тотъ судъ велѣти дьякомъ записывати предъ собою. А истцамъ у записки не стояти». Ib. ст. 29.

[2]) Судебн. ст. 70.

[3]) Ib. ст. 72.

сотскихъ и десятскихъ. Для судебныхъ цѣлей община должна была каждый годъ присылать одинъ списокъ разметныхъ книгъ въ Москву „къ тѣмъ боярамъ и къ дворецкимъ и къ казначеямъ и къ дьякомъ, у кого которые городы въ приказѣ"; а другой списокъ отдавали старостамъ и цѣловальникамъ, сидѣвшимъ на судѣ. Послѣдніе удостовѣряли намѣстника, посредствомъ разметныхъ книгъ, правиленъ или неправиленъ былъ искъ. Въ случаѣ неправильности иска, намѣстникъ обвинялъ истца, бралъ съ него опредѣленныя пошлины, „а въ государевѣ царевѣ пени приказывалъ дать на поруку да прислать къ Москвѣ". Обязанность доклада усилена и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ тогдашняго гражданскаго судопроизводства. Такъ холопій судъ предоставленъ Московскимъ боярамъ и дьякамъ и намѣстникамъ Новгорода и Пскова, которые уже мало имѣли общаго съ прежними кормленщиками [1]).

Такимъ образомъ, положеніе Московскихъ приказовъ какъ высшей инстанціи по отношенію къ суду областному начало уже выясняться, Назначеніе ихъ заключалось въ томъ, что вопервыхъ, сюда поступали нѣкоторые доклады областныхъ правителей, вовторыхъ, что нѣкоторыя дѣла могли разбираться только здѣсь. Докладовъ требовали иски между отдѣльными лицами. Напротивъ, сфера дѣлъ, составлявшихъ исключительное вѣдомство Московскихъ приказовъ, сложилась совершенно другимъ путемъ. Вопервыхъ, нѣкоторыя лица были изъяты отъ суда намѣстниковъ и волостелей, и въ случаѣ столкновенія съ другими людьми судились въ Москвѣ. Затѣмъ столкновенія между общинами или даже между отдѣльными лицами разныхъ областей судились также въ Москвѣ. Наконецъ, самое важное начало, упрочившее судебную централизацію, было образованіе сословій, вѣдавшихся въ своемъ приказѣ всякими дѣлами, судомъ и расправою. Нѣкоторыя дѣла сами по себѣ были предоставлены въ завѣдываніе Московскихъ приказовъ.

Подчиненіе привилегированныхъ лицъ суду великаго князя развилось еще во время жалованныхъ грамотъ. Но оно не имѣло значенія до тѣхъ поръ, пока существовали жалованныя грамоты. Въ послѣдствіи, когда выдача жалованныхъ грамотъ частнымъ лицамъ превратилась, привилегированный судъ сохранилъ свое значеніе только по отношенію къ цѣлымъ сословіямъ или классамъ лицъ. Напримѣръ, жители дворцовыхъ городовъ и селъ вѣдались въ приказѣ Большаго дворца,

---

[1]) Судебн. ст. 77, 78.

въ случаѣ тяжебъ съ другими лицами. Такое же значеніе получилъ приказъ Большаго дворца по отношенію къ духовенству и монастырскимъ крестьянамъ до учрежденія монастырскаго приказа [1]. Затѣмъ лица, особенно подчиненныя какому-нибудь приказу по роду ихъ занятій, избавлялись отъ областнаго суда; напримѣръ, откупщики и мытники, лица, подчиненныя каменному приказу и т. д.

Развитіе сословнаго начала имѣло на видоизмѣненіе подсудности такое же вліяніе, какъ и на всю судебную администрацію. Въ прежнее время мѣстность состояла изъ лицъ, тянувшихъ судомъ и данью къ одному центру, по землѣ и водѣ. На юридическомъ языкѣ это означало, что подсудность опредѣлялась мѣстомъ жительства. Это было древнѣйшимъ и вполнѣ законнымъ началомъ древней Россіи. Исключеніе изъ него составляли только нѣкоторыя изъятія для лицъ привилегированныхъ. Это была первая форма личнаго начала въ подсудности. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи начало это перешло въ право особаго суда для каждаго сословія. Жалованныя грамоты, какъ личныя привилегіи, существовали только во времена личной свободы народонаселенія, какъ изъятія изъ общаго земскаго начала подсудности. Съ закрѣпленіемъ сословій они сдѣлались безполезны, ибо раздѣленіе сословій, основанное на различіи тяглъ, повело къ полному уничтоженію прежняго земскаго строя Россіи.

Независимо отъ этого централизація суда усиливалась еще вслѣдствіе той раздробленности, въ которой находились мѣстные организмы. Столкновенія общинъ между собою и лицъ различныхъ общинъ не

---

[1] Централизація суда надъ монастырскими крестьянами нѣсколько сложнѣе исторіи этой централизаціи по отношенію къ другимъ сословіямъ. Послѣднія, какъ мы видѣли выше, перешли чрезъ слѣдующія ступени развитія: періодъ свободы классовъ и жалованныхъ грамотъ, какъ средство изъятія равныхъ лицъ изъ-подъ суда областныхъ правителей; уничтоженіе суда областныхъ правителей и тяготѣніе общинъ, получившихъ право суда, къ Москвѣ, гдѣ помѣщались вторая и третья инстанціи суда; закрѣпощеніе сословій, раздѣленіе ихъ по тягламъ и передача ихъ судомъ и расправою въ различныя вѣдомства. На всѣхъ этихъ ступеняхъ развитія мы замѣчаемъ одно — слабость мѣстныхъ органовъ управленія и отсутствіе между ними всякой іерархіи. Напротивъ, духовное вѣдомство всегда отличалось іерархическимъ построеніемъ своей администраціи. Епископъ имѣлъ болѣе значенія для мѣстной администраціи, чѣмъ какой-нибудь намѣстникъ. Права ихъ были иногда весьма обременительны для епархій. Вотъ почему стремленіе монастырей подчиниться во второй инстанціи суду великаго князя обусловливалось не только желаніемъ избавиться отъ намѣстниковъ и волостелей, но и освободиться отъ подчиненія епархіальному начальству. См. «Монастырскій приказъ», соч. свящ. Горчакова, стр. 38—39.

могли быть разрѣшены средствами обыкновеннаго суда. Какъ дополненіе къ судебной дѣятельности намѣстниковъ и волостелей, существовалъ такъ-называемый вобчій или общій судъ. Это явленіе думаютъ объяснить обыкновенно тѣмъ, что правительству необходимо было примирить столкновеніе интересовъ двухъ судей, изъ которыхъ каждый имѣлъ право получить извѣстную долю пошлинъ съ процесса. Кажется, это разрѣшеніе вопроса слишкомъ односторонно. Общій судъ вызывался столько же древнимъ исключительно территоріальнымъ началомъ подсудности, сколько и этими финансовыми соображеніями. Столкновенія могли возникнуть a) въ предѣлахъ одного судебнаго округа (присуда) между намѣстникомъ и лицомъ, имѣющимъ жалованную грамоту, или двумя намѣстниками, державшими одинъ городъ. Эти случаи разрѣшались смѣстнымъ судомъ. b) Могли быть случаи тяжебъ между людьми, принадлежавшими различнымъ присудамъ, городамъ (иногородцы). Эти случаи требовали вмѣшательства центральной власти. Казначеи рано получили право разбирать такія тяжбы. Въ послѣдствіи это право распространено и на другіе приказы. Вскорѣ этотъ смѣстный судъ сдѣлался безполезнымъ и даже невозможнымъ. Намѣстники и волостели были „отставлены", и случаи, разрѣшавшіеся смѣстнымъ судомъ, могли быть разрѣшены только въ Москвѣ. Затѣмъ Московскіе приказы получили право суда надъ иногородцами, то-есть, людьми различныхъ волостей [1]). Право это усилилось также подъ вліяніемъ сословныхъ началъ; но въ періодъ реформъ Грознаго оно вызывалось разрозненностію общинъ.

Такъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ установилась полная централизація суда въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы судъ сосредоточился въ особыхъ, для него предназначенныхъ установленіяхъ. Судебная дѣятельность, при смѣшеніи властей, входила въ вѣдомство каждаго приказа. Но вопросы суда имѣли и свои спеціальные органы. Въ числѣ московскихъ установленій были особые *судные* приказы: Московскій, Владимірскій,

---

[1]) Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1631 г. Ярославскимъ и Костромскимъ и Балахнинскимъ и нѣкоторымъ другимъ воеводамъ было запрещено судить пріѣзжихъ жителей Юрьевца Повольскаго, кромѣ духовныхъ, татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ. «А кому будетъ до нихъ какое дѣло, и они бъ на нихъ пріѣзжали бить челомъ, къ намъ къ Москвѣ, а на Москвѣ они судимы въ приказѣ Большаго дворца». Въ послѣдствіи на тяглыхъ людей велѣно подавать просьбы «во всякихъ искахъ» въ приказъ Большаго дворца и въ Судный Дворцовый приказъ. А. А. Э. III. 191. П. С. З. 1145.

Дмитровскій, Рязанскій. Судя по ихъ названію, можно подумать, что они были нѣчто въ родѣ областныхъ приказовъ, съ тою только разницею, что они были учреждены для одной цѣли — суда. Вѣроятно, такъ это и было. Но какія дѣла подлежали ихъ вѣдомству? Цѣлыя ли области со всѣми ихъ жителями подчинялись имъ въ судебномъ отношеніи, или только нѣкоторыя дѣла составляли ихъ вѣдомство? Кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Въ судные приказы поступали дѣла, подлежавшія имъ въ качествѣ судовъ первой инстанціи, слѣдовательно, изъятыя изъ вѣдомства областнаго начальства. Но дѣятельность ихъ не ограничивалась какими-нибудь опредѣленными вопросами, какъ напримѣръ, дѣятельность разбойнаго приказа. Напротивъ, въ нихъ сосредоточивались многія дѣла гражданскаго судопроизводства. Вопросъ заключается въ томъ, на какія лица распространялась власть судныхъ приказовъ? У Котошихина находится извѣстіе, что въ судныхъ приказахъ вѣдомо судомъ только дворянство [1]). Что дворянство вѣдалось здѣсь не во всѣхъ дѣлахъ, это очень ясно. По разбойнымъ дѣламъ оно вѣдалось въ губныхъ учрежденіяхъ, по холопьимъ въ холопьемъ судѣ и т. д. Слѣдовательно, былъ рядъ дѣлъ, въ особенности подлежавшій суднымъ приказамъ. Котошихинъ заканчиваетъ свое перечисленіе лицъ, вѣдавшихся въ судномъ приказѣ, словами: и всякіе вотчинники и помѣщики. Изъ этого можно вывести заключеніе, что суднымъ приказамъ подлежали лица, принадлежавшія къ классу вотчинниковъ и помѣщиковъ, и дѣла, разбиравшіяся здѣсь, касались главнымъ образомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ. Законодательныя постановленія, кажется, подтверждаютъ это, потому что главнѣйшіе предметы судныхъ приказовъ по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ относятся къ вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ [2]). Кромѣ того, по Уложенію, имъ же были подвѣдомы дѣла по преступленіямъ гражданскимъ (delicta privata) и такія, по которымъ не могло быть начато уголовнаго розыска. Затѣмъ къ нимъ присоединены и нѣкоторыя другія дѣла. Извѣстіе, сообщенное Котошихинымъ, подтверждается запискою о судебныхъ мѣстахъ, бывшихъ въ Россіи до учрежденія губерній, поданною сенатомъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Въ Мос-

---

[1]) Котош. VII. 32: «А вѣдоми въ тѣхъ приказѣхъ судомъ во всякихъ дѣлѣхъ бояре, и окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники и стряпчіе, и дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники».

[2]) См. Кавелина — Основ. судоустр. и судопроизв., помѣщено въ I т. его соч. стр. 72, 92, 106 и слѣд. Г. Дмитріевъ въ упомян. уже соч., стр. 361 и слѣд. П. С. З. 951.

ковскомъ судномъ приказѣ, говоритъ записка, судимы были всѣ Московскихъ чиновъ люди (то-есть, записанные въ Московскомъ спискѣ), а въ судномъ Володимірскомъ судимы были городовые дворяне и подъячіе и другіе низшихъ чиновъ люди [1]).

Предметы вѣдомства судныхъ приказовъ опредѣляются, такимъ образомъ, двумя началами: раздѣленіемъ дѣлъ и началомъ сословнымъ. Сословный характеръ ихъ зависѣлъ отчасти отъ того, что родъ дѣлъ, порученныхъ судному приказу, касался интересовъ главнымъ образомъ служилаго сословія, ибо вотчины и помѣстья принадлежали ему. Но и другія причины имѣли сильное вліяніе на это обстоятельство. Московское государство, соединяя удѣлы и области въ одно цѣлое, не стремилось сосредоточить судныя дѣла въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, равно какъ не старалось разграничить и другія отрасли управленія. Всѣ отрасли областнаго управленія и суда (кромѣ разбойныхъ дѣлъ) сосредоточились въ областномъ приказѣ или приказѣ, вѣдавшемъ область и городъ. Слѣдовательно, дѣятельность судныхъ приказовъ могла касаться только дѣлъ и лицъ, почему-нибудь изъятыхъ изъ сферы областнаго управленія. Такимъ классомъ, изъятымъ изъ сферы областнаго общества, было дворянство, а дѣла, выходившія изъ ряда вопросовъ мѣстной администраціи, были вопросы экономическаго быта дворянскаго сословія, поставленные подъ непосредственный надзоръ центральнаго правительства. Уже въ древности дружина пользовалась правомъ непосредственнаго князя. Въ Московскомъ государствѣ центральный судъ долженъ былъ сдѣлаться судомъ первой инстанціи по отношенію къ этимъ дѣламъ и лицамъ. Первоначально было учреждено нѣсколько судныхъ приказовъ для разныхъ областей. Московскій вѣдалъ московскихъ чиновъ людей, а прочіе — городовыхъ дворянъ и другихъ лицъ въ разныхъ областяхъ. Въ послѣдствіи остались только Владимірскій и Московскій судные приказы. Этимъ объясняется то обстоятельство, что рядомъ съ судными приказами дѣйствовали по судебнымъ дѣламъ другіе областные приказы. Нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ областяхъ кромѣ обыкновенныхъ судныхъ дѣлъ вѣдали и тѣ, кои были поручены суднымъ приказамъ въ другихъ мѣстахъ. Напримѣръ, Казанскій дворецъ, Новгородскій приказъ вѣдали вотчинныя и помѣстныя дѣла. Разумѣется, это не исключало возмож-

[1]) П. С. З. № 5521. См. тамъ же № 67: «Въ замосковные и украинные городы, *которыхъ городовъ служилые люди судомъ вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе люди въ четяхъ*».

ности сосредоточенія въ судныхъ приказахъ разныхъ другихъ дѣлъ. Въ концѣ XVII вѣка разные судебные приказы даже сливаются въ одно цѣлое. Напримѣръ, дѣла холопьяго суда отошли къ Владимірскому приказу, а послѣ челобитный и Московскій приказы соединены съ Владимірскимъ [1]).

Централизація Московскаго управленія, характеръ которой мы разсмотрѣли на судебномъ вѣдомствѣ, не выразилась впрочемъ въ распредѣленіи всей массы административныхъ дѣлъ между спеціальными установленіями, которыя бы вѣдали свою отрасль управленія на всемъ пространствѣ государства. Дѣйствительно, лишь немногіе приказы вѣдали какую-нибудь отрасль администраціи во всемъ государствѣ. Изъ судныхъ приказовъ сюда принадлежали холопій и разбойный приказы, хотя послѣдній раздѣлялъ свою дѣятельность съ земскимъ приказомъ, вѣдавшимъ разбойныя, татиныя и убійственныя дѣла въ Москвѣ. Холопій и разбойный приказы являются весьма рано. Мы видѣли выше, что еще судебники стремились ограничить власть областнаго начальства по холопьимъ дѣламъ. Только Московскимъ боярамъ и Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ предоставлено вѣдать эти дѣла во всемъ ихъ объемѣ. Всѣ другіе областные правители должны были присылать эти дѣла на докладъ въ Москву, а другіе вопросы поступали прямо на разсмотрѣніе Московскихъ приказовъ. Разбойныя дѣла составляли второй предметъ, по которому дѣятельность намѣстниковъ была ограничена, а послѣ совсѣмъ устранена. Судебникъ выдѣляетъ въ пользу губныхъ старостъ одни разбойныя дѣла, оставляя за намѣстникомъ убійственныя и татиныя. Наконецъ, всѣ они соединены въ разбойномъ приказѣ, а въ городахъ у губныхъ старостъ подъ контролемъ разбойнаго приказа. Со введеніемъ воеводъ, положеніе уголовнаго судопроизводства въ мѣстности нѣсколько измѣнилось. Долгое время они были главными представителями юстиціи въ мѣстности. Но съ возстановленіемъ губныхъ старостъ въ 1627 г. [2]) они снова были устранены отъ уголовнаго суда кромѣ тѣхъ городовъ, гдѣ не было губныхъ старостъ [3]). Эти перемѣны, конечно, не измѣняли значенія разбойнаго приказа. Измѣнялись только его органы въ мѣстности: онъ то имѣлъ свои спеціальные органы, то не имѣлъ ихъ. Для всего Московскаго государства онъ оставался

[1]) П. С. З. № 897, 1108.
[2]) А. А. Э. III, № 170.
[3]) Улож. гл. XXI, 3.

спеціальнымъ органомъ уголовной юстиціи. Вѣдомство его ограничивалось только тѣмъ, что для Москвы онъ не былъ единственнымъ приказомъ, вѣдавшимъ разбойныя дѣла. Въ Москвѣ они были поручены земскому приказу [1]). Такое раздѣленіе объясняется тѣмъ, что дѣла мѣстнаго управленія Москвы и ея уѣзда были разграничены довольно давно и поручены разнымъ приказамъ. Нѣкоторые изъ этихъ мѣстныхъ Московскихъ приказовъ въ послѣдствіи получили значеніе для всего государства, какъ напримѣръ, холопій судъ, каменный и судные приказы. Другіе сохраняли свою независимость послѣ учрежденія центральныхъ мѣстъ для всего государства. Впрочемъ, въ концѣ XVII вѣка встрѣчаются уже попытки доставить разбойному приказу значеніе единственнаго органа уголовной юстиціи для всего государства. Въ 1681 г. разбойныя, убійственныя и татиныя дѣла изъ земскаго приказа были переданы въ разбойный. Въ 1683 г. разбойный приказъ переименованъ въ сыскной, что указывало на расширеніе его вѣдомства и сосредоточеніе въ немъ дѣлъ, соединенныхъ съ уголовнымъ розыскомъ. Но въ 1687 г. земскому приказу снова поручено вѣдать разбойныя и татиныя дѣла [2]).

Холопій, разбойный и судный приказы были главными установленіями, образовавшимися въ эпоху территоріальнаго объединенія русской земли. Въ эту эпоху, такимъ образомъ, сложились два рода приказовъ для общегосударственнаго управленія: приказы, соединившіе въ своихъ рукахъ всѣ почти отрасли областнаго управленія, и приказы, устроенные въ видахъ необходимости выдѣлить нѣкоторыя части управленія изъ сферы обыкновенной областной администраціи. Между всѣми ними были раздѣлены задачи, выработанныя административною жизнью древней Россіи.

Но жизнь и силы молодаго государства развивались безостановочно. Новыя потребности наростали съ каждымъ днемъ и порождали новые административные вопросы. Кому поручить эти задачи? Онѣ выходили изъ узкой сферы обыкновеннаго областнаго управленія, а потому обыкновенныя четверти не были пригодны для такой цѣли. Онѣ были потребностями, развившимися подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ началъ, а потому требовали совершенно особыхъ учрежденій. При неопредѣленности общихъ началъ администраціи и невозможности распредѣлить всѣ дробные предметы управленія по круп-

---

[1]) Улож. гл. XXI, 2.

[2]) П. С. З. № 894, 1052, 1257.

нымъ отраслямъ, всякая новая потребность вызывала приказъ. Организація приказовъ по отдѣльнымъ предметамъ администраціи, конечно, выше прежней системы областныхъ приказовъ, которые слишкомъ еще напоминали времена территоріальнаго раздробленія Россіи. Но при первомъ своемъ появленіи новая система представляла много невыгодъ для стройности и единства администраціи. При отсутствіи общихъ началъ управленія и разнообразіи возникавшихъ потребностей число приказовъ было крайне неопредѣленно; приказовъ могло быть столько, сколько было потребностей у государства, и каждая потребность, каково бы ни было ея относительное значеніе, могла дать существованіе самостоятельному приказу. Никакой іерархіи между отраслями управленія, а слѣдовательно, и возможности расположить разныя вѣдомства по отдѣльнымъ группамъ не было. Приказы, создаваемые по мѣрѣ потребностей, размножаются безконечно. Уже въ послѣдствіи Московское правительство приходитъ къ необходимости соединять однородныя дѣла въ одномъ управленіи. Это соединеніе происходитъ также не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь теоретическихъ соображеній, а въ виду практическихъ удобствъ, часто временныхъ. Напримѣръ, посольскому приказу одно время подчинены были всѣ четверти и нѣкоторые другіе приказы. Уже въ концѣ XVII столѣтія вырабатываются нѣкоторыя общія начала, подъ вліяніемъ которыхъ число приказовъ уменьшается. Но и этимъ „общимъ началамъ“ нельзя дать названіе началъ теоретическихъ. Московское управленіе въ это время уже освободилось отъ территоріальнаго принципа при распредѣленіи вѣдомствъ, но за то подчинилось другому, развившемуся подъ его же вліяніемъ. Каждое вѣдомство имѣло въ виду не только извѣстную отрасль управленія, но и всѣхъ лицъ, по чему-нибудь *приписанныхъ* къ этому управленію. Государство еще не отдѣляло дѣла отъ лицъ, которыя его исполняли. Притомъ эти *дѣла* появлялись въ формѣ тяглъ, налагаемыхъ на разные классы общества, превращавшіеся подъ вліяніемъ этихъ тяглъ въ сословія, разрозненныя другъ отъ друга и подчиненныя разнымъ вѣдомствамъ. Раздѣленіе вѣдомствъ въ Московскомъ государствѣ вело обыкновенно не только къ отдѣленію разныхъ отраслей управленія, но и цѣлыхъ классовъ общества одинъ отъ другаго. Во времена преобладанія территоріальныхъ приказовъ выраженіе „кому какіе люди приказаны“ не означало еще раздѣленія сословій. Люди „приказывались“ еще по мѣсту ихъ жительства, по области, къ которой они принадлежали. Они вѣдались и судились у того, „у кого будетъ въ приказѣ“ такой-то городъ или волость. Съ дальнѣй-

шимъ развитіемъ Московскаго государства это выраженіе стало означать совершенно другое. Приказывалось вѣдомство и сословіе, приписанное къ этому дѣлу. Разрядъ вѣдалъ воинское дѣло и служилое сословіе, и т. д.

Переходъ отъ чисто территоріальныхъ началъ въ распредѣленіи вѣдомствъ къ новымъ составляютъ нѣкоторые приказы, вѣдавшіе и извѣстную отрасль управленія и цѣлыя мѣстности, къ ней приписанныя. Напримѣръ, приказъ Большаго дворца завѣдывалъ содержаніемъ царскаго двора и дворцовыми городами, селами и оброчными волостями. Разумѣется, послѣ, съ закрѣпленіемъ крестьянъ, подъ вліяніемъ этого управленія составился отдѣлъ крестьянскаго сословія подъ названіемъ дворцовыхъ крестьянъ. Дѣятельность Большаго дворца въ этомъ направленіи усилилась еще тѣмъ, что ему были поручены монастыри и монастырскіе крестьяне всѣхъ городовъ. Затѣмъ финансовое управленіе построилось на основаніи двухъ началъ: на необходимости организовать администрацію сборовъ и податей и сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ, и на стремленіи дать правильную организацію сословію, дѣятельность котораго наиболѣе связана съ финансовыми вопросами, — сословію торговому. Раздѣленіе вѣдомствъ уничтожило значеніе территоріальныхъ началъ, но за то развило сословный принципъ. Оно одновременно увеличило и количество приказовъ, и количество самостоятельныхъ группъ народонаселенія извѣстныхъ подъ названіемъ „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства".

Время наростанія числа приказовъ относится къ первой половинѣ XVII вѣка, то-есть, къ періоду „государственнаго строенія", предпринятому послѣ смутнаго времени. Конечно, не всѣ они имѣли значеніе для организаціи сословій. За то не всѣ они получили постоянное значеніе въ московской администраціи. Но слѣдя за размноженіемъ этихъ приказовъ, можно слѣдить за развитіемъ самого государства. Мы не имѣемъ еще исторіи приказовъ, написанной съ этой точки зрѣнія, хотя такая исторія разъяснила бы постепенное развитіе правительственной дѣятельности Московскаго государства.

Предъ самымъ избраніемъ Михаила Θеодоровича на царство, въ періодъ междуцарствія существовали уже слѣдующіе приказы: посольскій, разрядный, помѣстный, Большаго дворца, Большаго прихода, Казенный дворъ, стрѣлецкій, пушкарскій, иноземскій, ямской, конюшенный, два земскихъ приказа, разбойный, судные приказы: Володимірскій, Московскій и Рязанскій, Казанскій дворецъ, четверти: Новгородская, Во-

лодимірская, Ярославская, Галицкая и Устюжская, приказъ холопій и челобитный [1]). Послѣ того приказы стали размножаться. При началѣ земскаго строенія прежде всего ощутилась потребность возстановить значеніе тяголъ, пополнить всякое тягло людьми, возвратить каждаго на свое мѣсто. Государство и общество, державшееся на крѣпостномъ правѣ, вынуждены были возвратить тяглую силу, разбѣжавшуюся во время московскаго разоренья. Въ 1619 году Освященный соборъ, съ патріархомъ во главѣ, приходилъ къ государю и говорилъ, что „Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло, а подати всякіе и ямскіе и охотникамъ подмоги емлютъ съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, а съ иныхъ по писцовымъ, а инымъ тяжело, а инымъ легко“, что люди разбѣжались изъ городовъ и селъ, что служилые люди оскудѣли отъ бѣгства ихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого началось собираніе городовъ и сыскъ бѣглыхъ, о которомъ было уже сказано выше. Для этого дѣла былъ учрежденъ приказъ сыскныхъ дѣлъ или просто сыскной. Изъ него отправлялись по всѣмъ городамъ сыщики для изслѣдованія состоянія всѣхъ городовъ и возвращенія на мѣсто людей, покинувшихъ свое тягло. Кромѣ того правительство пополняло разныя торговыя сотни, предписывая прямо брать торговыхъ людей въ городахъ и переводить ихъ въ Москву. Пополненіе это происходило или по инициативѣ правительства, или по челобитнымъ разныхъ торговыхъ сотенъ, жаловавшихся, „что имъ государевой службы служить и податей платить нечѣмъ“. Такъ, въ 1649 году суконная сотня жаловалась Алексѣю Михайловичу, что до московскаго разоренья въ ней было 350 семей, изъ которыхъ на службу ходило въ годъ 8 человѣкъ, а нынѣ всего 70 человѣкъ, а годныхъ на службу 42 человѣка, изъ которыхъ каждый годъ на службу берется 18 человѣкъ. Вслѣдствіе сего они просили царя пожаловать ихъ, велѣть дать имъ въ сотню въ прибавку людей для государевыхъ службъ. То же самое говорили и другія сотни. Правительство удовлетворяло этимъ требованіямъ. Напримѣръ, въ 1630 году изъ городовъ въ гостинную сотню дано въ прибавку 34 семьи, да въ суконную 19 семей. Въ 1635 г. изъ патріаршихъ и монастырскихъ крестьянъ въ гостинную сотню дано 44 семьи, да въ суконную 11 семей и т. д. Кромѣ прошеній о пополненіи сотенъ, въ сыскной приказъ кстати поступали и прошенія объ облегченіи повинностей,

[1]) А. И. II. № 355. Кромѣ того этотъ документъ называетъ приказы: ловчій и сокольничій. См. также ib. № 314.

лежащихъ на тяглыхъ людяхъ [1]). Сыскной приказъ упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при слѣдствіяхъ надъ преступниками. Но тотъ ли это сыскной приказъ, который дѣйствовалъ для сыска бѣглыхъ людей или другой, нельзя сказать съ точностію. Неволинъ [2]) полагаетъ, что это было одно и то же учрежденіе и что къ первоначально учрежденному сыскному приказу прибавились разныя дѣла. По его мнѣнію, сыскной приказъ, о которомъ мы говорили, назывался приказомъ что̀ на сильныхъ людей челомъ бьютъ, или просто приказомъ приказныхъ дѣлъ; но въ теченіе времени для него установилось преимущественно наименованіе „сыскной приказъ". Это мнѣніе недостаточно подтверждается источниками, на которые ссылается Неволинъ. Слово приказъ приказныхъ дѣлъ въ Актахъ встрѣчается въ 1642 году [3]) и упоминается по дѣлу о какихъ-то иконописцахъ, рисовавшихъ дурныя иконы. Между тѣмъ наименованіе сыскной приказъ окончательно установилось ёще въ 30-хъ годахъ XVII вѣка. Далѣе сыскной приказъ, какъ слѣдственное установленіе, упоминается только по извѣстному дѣлу Шеина [4]) и затѣмъ не упоминается, а въ качествѣ сыщика бѣглыхъ онъ дѣйствуетъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Сыскной приказъ, дѣйствовавшій по дѣлу Шеина, состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, а приказъ, сыскивавшій бѣглыхъ, изъ одного боярина и дьяка. Слѣдовательно, легко можетъ быть, что сыскной приказъ, дѣйствовавшій по дѣлу Шеина, былъ особою слѣдственною коммиссіей, назначенною на этотъ случай. Но за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ приходится допустить и предположеніе Неволина, что это было одно и то же учрежденіе и что кругъ его дѣйствій опредѣлялся особыми порученіями царя по разнымъ дѣламъ. Самое названіе — приказъ приказныхъ дѣлъ доказываетъ это; это былъ приказъ, гдѣ сосредоточивались разныя порученія царя по отдѣльнымъ вопросамъ администраціи.

Польская война вызвала необходимость другаго приказа. Не смотря на множество приказовъ, вѣдавшихъ воинское дѣло (стрѣлецкій, пушкарскій, иноземскій, рейтарскій, казачій, разрядъ), нашли нужнымъ учредить приказъ для набора войска. Онъ былъ названъ приказомъ сбора ратныхъ и даточныхъ людей. Ему же было поручено собираніе

---

[1]) А. А. Э. III, № 105, 279, 311. Доп. къ А. И. III. № 47, 82. А. А. Э. IV. № 32 и друг.

[2]) Т. VI. стр. 171.

[3]) А. А. Э. III, № 317.

[4]) А. А. Э. III. № 336, 339, 343, 347—349.

денегъ, пожертвованныхъ государственными сословіями на войну [1]). Такое же значеніе имѣли приказъ денежнаго и хлѣбнаго сбора, и приказъ денежной раздачи и т. д. [2]). Таково было отсутствіе общихъ началъ въ организаціи Московскихъ приказовъ. Самое названіе ихъ вполнѣ зависитъ отъ предмета, для котораго они спеціально были предназначены. Михаилъ Ѳеодоровичъ, учреждая приказъ для сыска бѣглыхъ людей, выведенныхъ изъ посадовъ и мелкихъ помѣстій сильными людьми, приказалъ ему оборонять городъ и мелкихъ помѣщиковъ отъ сильныхъ людей. Влѣдствіе этого приказъ названъ „приказомъ, что̀ на сильныхъ людей бьютъ". Затѣмъ каждая мелкая отрасль управленія имѣла свой приказъ. Приказы полоняничный, панихидный, бронный и друг. достаточно подтверждаютъ это.

Въ то время какъ число центральныхъ установленій росло, количество областныхъ постепенно сокращалось. Во время Ѳеодора Алексѣевича, когда количество приказовъ доходило до 40, кромѣ разныхъ временныхъ приказовъ, правительство пришло къ убѣжденію, что въ области достаточно имѣть одного воеводу, что̀ и было осуществлено въ концѣ XVII вѣка. Иначе и быть не могло. На основаніи всего вышеизложеннаго уже можно видѣть, что провинціальное управленіе не могло получить надлежащаго развитія. Область не сложилась. Въ концѣ XVI вѣка самостоятельность дробныхъ общественныхъ единицъ, а въ XVII в. сословное раздѣленіе воспрепятствовали развитію высшихъ интересовъ. Городъ съ уѣздомъ былъ самою крупною административною единицею въ мѣстности. Тяглый характеръ сословій обрекалъ ихъ на пассивное служеніе государству. Слѣдовательно, Московское государство не знало и не могло знать самостоятельной дѣятельности сословій, вызванной ихъ самостоятельными интересами. Вслѣдствіе этого ему не нужно было органовъ общаго надзора въ мѣстностяхъ для уравновѣшенія этой независимой дѣятельности сословій съ государственными интересами. Въ мѣстности были только лица, тянувшія тягло, и агенты правительства, понуждавшіе ихъ къ исправному отбыванію повинностей. При тягломъ характерѣ администраціи, центральное правительство требовало отъ мѣстнаго начальства только одного — точнаго исполненія своихъ предписаній. Въ самомъ дѣлѣ, чего другаго можно было требовать отъ начальства, дѣйствовавшаго среди несвободнаго населенія? Дѣятельность послѣдняго заключалась, въ глазахъ правительства, въ отбываніи извѣстнаго ряда повинностей

[1]) А. А. Э. III, № 222, 242, 245 и друг.

[2]) Неволинъ. VI. стр. 160 — 161.

для удовлетворенія потребностей центральной администраціи; чего же требовать отъ правительственныхъ органовъ въ мѣстности, какъ не наблюденія за тѣмъ, чтобы повинности были отбыты? Несвободное состояніе общества крайне съуживало задачи мѣстной администраціи. Вслѣдствіе этого вся сила дѣйствительнаго управленія была сосредоточена въ центральныхъ мѣстахъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно того, что мы называемъ центральными учрежденіями. Обыкновенно подъ именемъ центральныхъ учрежденій разумѣютъ установленія, находящіяся въ центрѣ государства. На этомъ основаніи многіе не задумываются называть наши министерства центральными учрежденіями, а напримѣръ, всѣ наши губернскія установленія относить къ разряду низшихъ учрежденій. Это объясненіе можетъ удовлетворить ходячимъ понятіямъ о государственномъ устройствѣ, но не имѣетъ никакого научнаго значенія. Классификація государственныхъ учрежденій можетъ быть установлена не мѣстомъ ихъ нахожденія, а внутреннимъ ихъ значеніемъ, объемомъ ихъ власти и отношеніемъ къ верховной власти. Въ противномъ случаѣ пришлось бы столичный уѣздный судъ отнести къ разряду центральныхъ учрежденій и поставить его выше учрежденій губернскихъ. Подъ именемъ центральныхъ учрежденій мы разумѣемъ такія, которыя имѣютъ власть на основаніи существующихъ законовъ разрѣшать всѣ вопросы мѣстнаго управленія, подъ руководствомъ и надзоромъ высшихъ государственныхъ установленій. Такія установленія являются нормальными органами управленія и даютъ законченность мѣстной администраціи и самой мѣстности; организація ихъ даетъ возможность оставить въ столицѣ только одну административную инстанцію — инстанцію ревизіи, контроля и руководства. Это сдѣлано нашими губернскими учрежденіями какъ административными, такъ и судебными. Напримѣръ, губернское правленіе, по опредѣленію закона, „есть высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною *въ силу законовъ*, именемъ Императорскаго Величества". Оно поставлено въ непосредственное отношеніе къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. „Губернское правленіе подчинено непосредственно правительствующему сенату и состоитъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оно не получаетъ указовъ и предписаній ни отъ кого, кромѣ Императорскаго Величества и правительствующаго сената" [1]). То же самое можно сказать и относительно су-

---

[1]) Св. Зак. II т. ст. 714, 718, 890.

дебныхъ палатъ. Послѣднія, въ качествѣ судебныхъ установленій, и до судебной реформы, пользовались еще большею самостоятельностію въ предѣлахъ, назначенныхъ закономъ. Итакъ, вопросы мѣстнаго управленія разрѣшались, на основаніи законовъ, установленіями, стоявшими подъ непосредственнымъ контролемъ высшихъ учрежденій. Что же принадлежало высшимъ установленіямъ? „Правительствующему сенату принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія... Верховная ревизія суда по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ принадлежитъ безпристрастному и нелицемѣрному сената правосудію“ [1]. Съ превращеніемъ судебныхъ департаментовъ сената въ департаменты кассаціонные значеніе мѣстныхъ судебныхъ мѣстъ еще болѣе усилилось. Всякое дѣло по существу разсматривается *окончательно* въ двухъ мѣстныхъ инстанціяхъ. Подобное же значеніе для мѣстнаго управленія имѣютъ и министерства. Не говоря уже о томъ, что по мысли учрежденія министерствъ, они являются частью сената, а потому раздѣляютъ съ нимъ право высшаго надзора, они по существу своему относятся къ управленію высшему. „Всѣ министры въ дѣйствіяхъ ихъ подчинены непосредственно верховной власти, и министерства представляютъ установленія, посредствомъ коихъ верховная исполнительная власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія“. Вслѣдствіе этого „министерства установлены на тотъ конецъ, чтобъ непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе, а власть ихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ“ [1]. Эта дѣятельность министерствъ не уничтожаетъ, слѣдовательно, самостоятельности мѣстнаго управленія. Въ предѣлахъ закона оно дѣйствуетъ самостоятельно, именемъ Императорскаго Величества. Предписанія министра не требуютъ пассивнаго исполненія, но могутъ вызывать протестъ со стороны мѣстныхъ учрежденій. Верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ недоразумѣній остается сенатъ. Губернаторъ, какъ представитель мѣстной администраціи, имѣетъ возможность сноситься непосредственно съ Императорскимъ Величествомъ. На этомъ основаніи между мѣстнымъ управленіемъ и управленіемъ высшимъ во всей его совокупности нѣтъ посредствующихъ инстанцій. Напротивъ, такими посредствующими инстанціями между низшими органами мѣстнаго управленія и высшею администраціей

---

[1]) Св. Зак. I т. Учрежд. Сен. ст. 2 и 3.
[2]) Учрежд. мин. ст. 189 — 193.

являются губернскія установленія, которыя вслѣдствіе этого имѣютъ значеніе установленій *центральныхъ*.

Практически центральныя инстанціи могутъ быть опредѣлены тѣмъ, что это есть инстанція, за которою слѣдуетъ инстанція высшаго надзора и направленія. Слѣдовательно, въ ней заканчивается разрѣшеніе административныхъ вопросовъ, силою существующихъ узаконеній. Отсюда понятно, при какихъ условіяхъ въ провинціи могутъ образоваться центральныя установленія. Вопервыхъ, объемъ мѣстности долженъ быть таковъ, чтобы въ ней могло существовать нѣсколько инстанцій и чтобы въ послѣдней изъ нихъ заканчивалось движеніе административнаго вопроса. Въ Московскомъ государствѣ объемъ всякой мѣстности былъ таковъ, что онъ требовалъ только одной инстанціи съ правами низшаго управленія до такой степени, что, ~~какъ мы увидимъ ниже~~, въ области не развилась какъ слѣдуетъ даже первая инстанція суда. Напротивъ, въ столицѣ сосредоточивались всѣ остальныя инстанціи, съ правами центральнаго и высшаго управленія. Затѣмъ расширеніе правъ мѣстнаго управленія требуетъ развитія средствъ высшаго правительственнаго надзора, чего также не было въ Московскомъ государствѣ. Далѣе, польза самостоятельныхъ мѣстныхъ учрежденій обусловливается свободой общества, чего не было въ XVII вѣкѣ. Наконецъ, сила мѣстныхъ учрежденій приноситъ пользу только при раздѣленіи вѣдомствъ и властей, такъ какъ сосредоточеніе всѣхъ отраслей управленія въ однихъ рукахъ ведетъ къ медленности и произволу. При отсутствіи всѣхъ этихъ условій въ мѣстности могутъ существовать только исполнительные агенты высшаго и центральнаго правительства, что и характеризуетъ московское управленіе. Итакъ, Московская область отличается отъ губерніи, созданной Екатериною II, тѣмъ, что въ губерніи были и есть центральныя инстанціи, а въ области Московскаго государства ихъ не было.

Государственное единство Россіи, созданное Московскимъ государствомъ, выразилось первоначально въ самой грубой формѣ—въ централизаціи закрѣпощенныхъ сословій. Администраціи такого государства болѣе всего могли удовлетворять мелкія административныя единицы, непосредственно тянувшія къ Москвѣ. Только съ большимъ сознаніемъ правительственныхъ обязанностей относительно блага народа и съ расширеніемъ правъ, или лучше сказать, съ освобожденіемъ сословій, могли явиться провинціи, съ настоящимъ земскимъ значеніемъ, надлежащимъ количествомъ инстанцій и правильнымъ

распредѣленіемъ задачъ управленія. Слѣдовательно, политика Московскаго государства, имѣвшая благодѣтельное политическое значеніе, вредно отразилась на порядкѣ внутренняго управленія.

Для доказательства этого необходимо разсмотрѣть: a) административное дѣленіе древней Россіи и объемъ каждаго изъ этихъ дѣленій, b) значеніе мѣстъ и лицъ областнаго управленія, c) отношеніе ихъ къ сословіямъ и центральному управленію.

Политика Московскаго государства повела къ уничтоженію всѣхъ крупныхъ областныхъ дѣленій. Прежнія земли и области сохранили значеніе географическаго термина, но на практикѣ потеряли всякое значеніе. Дѣленіе это опредѣляло сферу дѣятельности приказовъ, но не областнаго начальства. Словомъ, старинное дѣленіе на княжества и земли не выразилось въ самостоятельныхъ областныхъ учрежденіяхъ, а сохранялось только на бумагѣ въ территоріальныхъ приказахъ, дѣйствовавшихъ въ Москвѣ. Затѣмъ всѣ города тянули непосредственно къ Москвѣ, сносились непосредственно съ центральнымъ правительствомъ. Исключеніе составляли немногіе города, приписанные къ главнѣйшимъ центрамъ областнаго управленія. Но при неопредѣленности іерархическихъ отношеній между воеводами главныхъ и приписныхъ городовъ, городъ съ пригородами не составлялъ настоящей области, ибо въ большинствѣ случаевъ пригороды также сносились непосредственно съ Московскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого число самостоятельныхъ центровъ областнаго управленія было весьма велико. Въ 1614 году оказалось 103 города съ уѣздами, имѣвшіе своихъ самостоятельныхъ воеводъ[1]. Въ эту роспись вошли не всѣ го-

[1]) Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Луха, Переславль-Залѣсскій, Коломна, Рязань, Кошира, Серпуховъ, Олексинъ, Дѣдиловъ, Тула, Епифань, Перссдавль-Рязанскій, Михайловъ, Пронскъ, Ряжскъ, Донковъ, Зарайскъ, Шацкъ, Воронежъ, Дорогобужъ, Вязьма, Ливны, Елецъ, Осколъ, Валуйки, Бѣлгородъ, Боровскъ, Можайскъ, Волокъ, Калуга, Мценскъ, Болховъ, Козельскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Чернь, Новосиль, Карачевъ, Брянскъ, Бѣлой, Новгородъ-Сѣверскъ, Рыльскъ, Путивль, Курскъ, Стародубъ, Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Романовъ, Галичъ, Вологда, Холмогоры, Кострома, Тверь, Торжокъ, Ржевъ, Погорѣлое, Богородицкъ, Старица, Устюгъ, Бѣжецкъ, Устюжна, Тихвинъ, Осташковъ, Торопецъ, Псковъ съ пригородами, Себежъ, Казань съ пригородами, Уфа, Самара, Свіяжскъ, Чебоксары, Царевъ, Козмодемьянскъ, Ядринъ, Царево-Санчурскъ, Яренскъ, Курмышъ, Алатырь, Царево-Кокшайскъ, Цывильскъ, Астрахань, Терскъ, Касимовъ, Кадомъ, Темниковъ, Тобольскъ, Тюмень, Тара, Пелымь, Верхотурье, Туринскій острогъ, Березовъ, Сургутъ, Тюмень, Кунгуръ, Нерымскій острогъ. Дворцов. разрядъ I столб. 143 — 154.

рода. Новгородъ съ пригородами еще былъ подъ шведскимъ владычествомъ. Затѣмъ многіе украинные города, имѣвшіе своихъ воеводъ, также не поименованы здѣсь. Въ росписи 1616 году поименовано уже 138 [1]), а въ 1625 году — 146 городовъ [2]). Не только города съ уѣздами, но и волости имѣли отдѣльное управленіе, какъ напримѣръ, Устьянскія волости.

Слѣдовательно, городъ съ уѣздомъ составлялъ самую крупную административную единицу въ Россіи. Дѣленіе это весьма древнее. Уѣзды встрѣчаются еще въ удѣльный періодъ. Названіе это означало совокупность земель, тянувшихъ къ какому-нибудь административному центру судомъ и данью. Можетъ-быть, самое слово произошло отъ способа или обряда размежеванія, который назывался разъѣздомъ, ~~какъ полагаетъ г. Соловьевъ~~ [3]). „Все, что было приписано, примежовано къ извѣстному мѣсту, было къ нему *уѣхано* или *заѣхано*, составляло его уѣздъ". На этомъ основаніи слово уѣздъ не всегда означало административное дѣленіе: попадаются и села съ уѣздомъ [4]). Но разумѣется, уѣздъ получилъ въ послѣдствіи значеніе спеціальнаго, административнаго термина. Названіе это относилось къ городу съ округомъ. Величина округа была неравномѣрна. Нѣкоторые уѣзды были весьма велики, особенно въ первыя времена Московскаго государства. Тогда названіе уѣзда только-что замѣнило прежнія области земли и княжества. Напримѣръ, Новгородскій уѣздъ первоначально равнялся всѣмъ Новгородскимъ землямъ, а въ послѣдствіи онъ значительно уменьшился. ~~Это уменьшеніе уѣздовъ было плодомъ той политики Московскаго правительства относительно присоединенныхъ земель, которую мы подробно изслѣдовали въ началѣ главы.~~ Великій князь разрознивалъ цѣльныя земли и создавалъ въ нихъ значительное количество административныхъ центровъ. Напримѣръ, Заонежскіе и Лопскіе погосты были отдѣлены отъ Новгородскаго уѣзда и составили отдѣльное управленіе; затѣмъ Старая Руса получила самостоятельное значеніе. Даже одна изъ старорускихъ волостей — Сумерская составила отдѣльный округъ [5]). Независимо отъ отдѣленія разныхъ округовъ для отдѣльнаго управленія, многіе уѣзды раздѣлялись на части, напримѣръ, на трети, половины, чет-

[1]) Ib. столб. 235 — 247.
[2]) Ib. столб. 730 и слѣд.
[3]) Т. IV стр. 234.
[4]) Ibid.
[5]) Чичеринъ, ib. стр. 60, прим.

верти [1]). Это дѣленіе, кажется, имѣло иногда спеціальное значеніе, напримѣръ, для дворцоваго управленія. Въ 1620 г. встрѣчается слѣдующая царская грамота относительно разныхъ вопросовъ, вѣдавшихся въ приказѣ Большаго дворца: „Били намъ челомъ Вожане, мирскіе посылщики, Шенкурскія *чети* Гаврило Шиловъ, Кокшенскія чети Ѳедка Клевцовъ и во всѣхъ Вожанъ Шенкурскія и Кокшенскія и Подвинскія и Верховежскія чети крестьянъ мѣсто“ [2]). Въ послѣдствіи уѣздъ получилъ болѣе тѣсное значеніе. Онъ означалъ совокупность земель, приписанныхъ къ городу, въ противоположность самому городу. Уѣздные люди противопоставляются городскимъ, посадскимъ людямъ [3]). Уѣздные люди были расписаны по своимъ административнымъ округамъ. Эти округи носили названіе становъ и волостей. Въ чемъ состояло различіе между ними, опредѣлить трудно. Г. Соловьевъ полагаетъ, что станъ былъ низшимъ дѣленіемъ сравнительно съ волостью. „Въ правительственномъ отношеніи“, говоритъ онъ, „уѣздъ раздѣлялся на волости, волости на станы, станы на околицы“ [4]). Это мнѣніе не подтверждается источниками. Напротивъ, грамоты перечисляютъ станы наравнѣ съ волостями. Нѣкоторыя жалованныя и другія грамоты говорятъ о волостныхъ людяхъ [5]). Другія, напротивъ, вмѣсто нихъ упоминаютъ о становыхъ людяхъ [6]). Одна изъ жалованныхъ грамотъ, перечисляя митрополичьи и монастырскія села въ Московскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ, указываетъ, что они были расписаны по станамъ и по волостямъ, какъ самостоятельнымъ административнымъ единицамъ; напримѣръ, „въ Московскомъ уѣздѣ, въ Соболевѣ стану въ селѣхъ и въ деревняхъ, да въ Баховѣ стану, въ селѣ Пушкинѣ, да въ Лугинской волости села Телепнева въ деревнѣхъ“ и т. д. [7]). Еще нагляднѣе это отношеніе выставлено въ Бѣ-

---

[1]) А. А. Э. № 144: «Въ Переславскомъ уѣздѣ, Марининской трети, Артемоновскаго стану»... Доп. къ А. И. VIII № 40: «Въ Галицкомъ уѣздѣ, въ первой половинѣ»...

[2]) А. А. Э. III, № 112.

[3]) А. А. Э. I № 177: «Отъ Великаго Князя Василія Ивановича всея Руси, на Бѣло-озеро на посадъ, и въ Бѣлозерскій уѣздъ, въ станы и въ волости, сотскимъ и старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ, городцкимъ и становымъ и волостнымъ».

[4]) l. c. т. IV, стр. 234.

[5]) А. А. Э. I № 95, 115, 136, 5.

[6]) Ib. № 122: «А случится судъ смѣстный тѣмъ ихъ людямъ съ городскими или съ становыми людьми». Ib. № 4.

[7]) Ib. № 139 (1504 г.).

лоозерской уставной грамотѣ 1488 г. Грамота жалуетъ Бѣлозерцевъ горожанъ, становыхъ людей и волостныхъ людей. Что эти дѣленія были одинаково самостоятельныя, видно изъ того, что въ случаѣ убійства, при неотысканіи преступника, они платили одинаковый штрафъ [1]. Эта же грамота, какъ намъ кажется, нѣсколько поясняетъ различіе между станомъ и волостію. Станами назывались округа, приписанные къ городу, къ вѣдомству одного намѣстника [2]. Намѣстникъ уже отъ себя посылалъ туда тіуновъ и доводчиковъ. Въ Бѣлоозерской грамотѣ, напримѣръ, положено было 2 доводчика въ городѣ и 8 въ станахъ: „а станы и деревни своимъ доводчикамъ подѣлятъ". Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы станы были простымъ административнымъ дѣленіемъ въ противоположность волости, которая была въ то же время общественною единицей. По мнѣнію г. Чичерина, „волость, вѣроятно, была первоначальнымъ общиннымъ дѣленіемъ славянскихъ племенъ, соотвѣтствовавшимъ нѣмецкой маркѣ, а станы были, напротивъ, чисто административнымъ дѣленіемъ" [3]. Грамоты не дѣлаютъ такого разграниченія между станомъ и волостью. И волость, и станы были центрами, куда тянули судомъ и данью. И то и другое названіе встрѣчается въ древнѣйшее время. Въ договорныхъ грамотахъ говорится: „а черные люди къ становщику". Одна жалованная грамота 1340 года, освобождая монастырскихъ крестьянъ отъ повинностей, говоритъ: „Не надобѣ имъ потянути къ городу, ни въ которую дань... ни въ станъ" [4]. Волость иногда является подраздѣленіемъ стана, а иногда станъ подраздѣляется на волости. Въ 1540 г. одна изъ Тверскихъ волостей — Хорвачь была раздѣлена на станы Юрьевскій, Горецкій и Воскресенскій [5]. Подобное дѣленіе, вѣроятно, встрѣчалось весьма часто, ибо къ вѣдомству волостеля могло быть приписано нѣсколько округовъ, какъ и къ вѣдомству намѣстника. Затѣмъ въ другихъ грамотахъ, напримѣръ, въ Онежской, станы и волости перечисляются на равныхъ правахъ, хотя являются первые обыкновенно частью городскаго округа.

---

[1]) Ib. № 123: «А учинится въ городѣ душегубство, а не доищутся душегубца, ино вины 4 рубли заплатятъ горожане; а учинится душегубство *въ коемъ стану* или *въ коей волости*, а не доищутся душегубца и они вины 4 рубли заплатятъ въ стану или въ волости въ коей душегубство учинилось».

[2]) «А становъ къ городу: Городецкій станъ, да Напорожскій станъ, да Заозерскій станъ».

[3]) Обл. Учрежд., стр. 62, 63.

[4]) А. Э. I. № 4, 75, 99.

[5]) Бѣляевъ, О позем. влад. *Врем.* кн. II.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они были исключительно административнымъ дѣленіемъ въ противоположность волости. Многіе округа имѣли значеніе и волости, и стана. Для примѣра можно привести указанную нами выше уставную грамоту крестьянъ Марининской трети, Артемоновскаго стана [1]). Грамота говоритъ слѣдующее: „Се язъ Кн. В... пожаловалъ есми въ Переславскомъ уѣздѣ, Марининской трети, Артемоновскаго стану старосту и всѣхъ крестьянъ тое волости, черныхъ людей,—кто у нихъ намъ волостель ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ". На первый взглядъ изъ этихъ словъ можно бы вывести заключеніе, что грамота употребляетъ слова: „станъ и волость" безразлично. Но этого еще мало. Мы видимъ, что въ этомъ стану есть свой волостель, слѣдовательно, что онъ составляетъ самостоятельную административную единицу. Затѣмъ онъ составляетъ волость, имѣетъ выборное крестьянское начальство. Слѣдовательно, съ правительственной точки зрѣнія онъ является станомъ, а съ общественной — волостью. Послѣдняго своего значенія онъ никогда не могъ потерять. Одна или нѣсколько волостей, приписанныхъ къ городу въ качествѣ стана, не переставали быть волостями въ общественномъ отношеніи, имѣли свое выборное начальство, раскладывали подати и повинности и т. д. [2]). Они не составляли только самостоятельнаго *административнаго* округа, какъ волость, имѣвшая своего волостеля. Поэтому можно сказать, что станъ и волость различались между собою не какъ общественныя, а какъ административныя единицы. Разница заключалась въ томъ, составляла ли волость отдѣльный присудъ, отданный въ кормленіе особому волостелю, или она приписывалась къ городу. Въ этомъ отношеніи сама волость имѣла двоякое значеніе: она означала и правительственный округъ, и общественную единицу. Въ послѣднемъ смыслѣ она всегда сохраняла свое значеніе, но для того чтобъ имѣть первое, ей нужно было получить особаго волостеля. Въ противномъ случаѣ она дѣлалась простымъ станомъ. Станъ означалъ мѣсто, гдѣ ставились тіуны и доводчики при разъѣздахъ по округу. Здѣсь устроивался для нихъ дворъ. Обыкновенно дворъ этотъ помѣщался въ центральномъ селеніи, куда, по пріѣздѣ тіуна или доводчика, являлись всѣ люди, имѣвшіе до нихъ дѣло. Но иногда этимъ тіунамъ и доводчикамъ запрещалось оста-

[1]) А. Э. I, № 144.

[2]) «А кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы берутъ въ станѣхъ сотцкіе, да платятъ намѣстникомъ и тіуномъ и доводчикомъ въ городѣ». А. Э. А. № I, 13.

ваться долго въ одномъ мѣстѣ, и потому они по необходимости странствовали по всему стану [2]). Во всякомъ же случаѣ станомъ назывался округъ безъ самостоятельнаго начальства, которое имѣло бы въ немъ постоянное мѣстопребываніе. Онѣ входилъ въ составъ другихъ округовъ, и правительственныя лица не жили въ немъ, а могли только останавливаться, ставиться въ немъ. Не имѣя административной самостоятельности, станъ продолжалъ составлять общественную единицу. Городскіе станы платили такой же штрафъ за убитаго, какъ городъ, раскладывали свои подати также, какъ всякая волость. Въ этомъ отношеніи станъ назывался волостью. Въ одной жалованной грамотѣ Троицко-Сергіевскому монастырю сказано: „А случится судъ смѣстной городскимъ людемъ и усольскимъ и въ волостяхъ становымъ людямъ съ монастырскими людьми“ [2]). Слѣдовательно, волостью въ административномъ отношеніи назывался самостоятельный присудъ, имѣвшій своего волостеля, а отъ волости въ этомъ смыслѣ должно различать общественную единицу, извѣстную подъ такимъ же названіемъ. Станъ и волость, разсматриваемые въ первомъ смыслѣ, являются одинаково административными округами.

Допуская такое значеніе волости и стана, можно объяснить довольно много запутанныхъ вопросовъ изъ исторіи нашей древней администраціи. Г. Бѣляевъ [3]) указываетъ, напримѣръ, что Московскіе и другіе уѣзды въ древнихъ грамотахъ дѣлились на волости. Напротивъ, чѣмъ ближе мы подходимъ ко времени Ивана Грознаго, тѣмъ большее значеніе получаетъ дѣленіе ихъ на станы. Въ духовныхъ грамотахъ Ивана II, Дмитрія Донскаго, Василія Дмитріевича и Василія Темнаго станы не имѣютъ еще такого значенія. Они упоминаются уже въ духовной Ивана III наравнѣ съ волостями, а по приправочнымъ и межевымъ книгамъ 1577 года Московскій уѣздъ дѣлился только на станы, и это обстоятельство очевидно совпадаетъ съ „отставкою“ волостелей и объединеніемъ Московскаго уѣзда подъ однимъ управленіемъ. Пока волости составляли особое кормленіе и присудъ, они носили это названіе. Затѣмъ они должны были превратиться въ станы. Это подтверждается тѣмъ, что новое дѣленіе Московскаго уѣзда на станы соотвѣт-

---

[1]) Нѣкоторыя уставныя грамоты постановляютъ: «Гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевати».

[2]) Чичеринъ ib. стр. 63. А. Э. I. № 200.

[3]) О поземельномъ владѣніи въ Москов. госуд. стр. 46. Г. Бѣляевъ полагаетъ, что духовныя грамоты вовсе не упоминаютъ о станахъ. Это невѣрно. Стóитъ только ихъ прочесть, чтобъ увидѣть противное.

ствуетъ прежнему дѣленію его на волости, то-есть, границы новыхъ становъ совпадаютъ съ границами прежнихъ волостей. Въ Московскомъ уѣздѣ духовныя Калиты и Донскаго называютъ Сурожокъ, Варь, Корзенево, Радонежъ и Бѣли волостями, а въ послѣдующихъ межевыхъ книгахъ они названы станами. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, по духовной Донскаго, Вышгородъ, Лутосна, Инобашь названы волостями, а въ позднѣйшихъ грамотахъ — станами.

Легко могло случиться, что при новомъ порядкѣ московское правительство уже не стѣснялось границами прежнихъ волостей и давало станамъ обширное значеніе, при чемъ волости нерѣдко являются подчиненнымъ дѣленіемъ становъ. Въ XVII ст. дѣйствительно встрѣчается весьма часто дѣленіе становъ на волости. Но это — явленіе новаго времени, котораго не знала древнѣйшая Россія. Напримѣръ, въ одной грамотѣ 1603 г. читаемъ: „Въ Важскій уѣздъ, и въ Шенкурской и въ Подвинской и въ Борецкой и въ Слободской... и тѣхъ становъ въ волости и въ погосты и деревни“ (А. Э. II. № 25).

Если волость составляла самостоятельный административный округъ, то единство уѣзда не могло установиться въ XVI ст. Разрозненность и раздробленность общественныхъ и административныхъ единицъ было общимъ явленіемъ какъ при намѣстникахъ и волостеляхъ, такъ и послѣ ихъ уничтоженія. Самоуправленіе, ~~какъ мы видѣли~~, не способствовало образованію крупныхъ административныхъ дѣленій. Можетъ-быть, въ эту эпоху дробленіе Россіи пошло дальше чѣмъ даже при намѣстникахъ и волостеляхъ. Станы въ это время должны были видоизмѣнить свое значеніе. Такъ какъ правительственные органы были замѣнены выборными, то общественное значеніе волостей, ихъ составлявшихъ, должно было выступить на первый планъ. Въ отношеніи къ самоуправленію станы сравнялись съ волостями, сдѣлались такими же общественно-административными единицами, какъ и волости. Скоро даже эти дробныя единицы стали терять прежнее значеніе. Прежде волости и станы состояли изъ самыхъ разнообразныхъ земель и людей. Но постепенное образованіе сословій сообщило волости и стану болѣе спеціальное значеніе. Всякая волость, какъ административная единица, состояла изъ лицъ, тянувшихъ судомъ и данью къ извѣстному центру. Слѣдовательно, всѣ лица, избавленныя отъ этой обязанности, какъ бы выдѣлялись изъ состава волости. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка волостные и становые люди иногда противополагаются людямъ, жившимъ не на тяглыхъ земляхъ. Въ 1541 году нѣкоторыя села Троицкаго монастыря получили губное

учрежденіе, при чемъ грамота постановляетъ: „А случится Тр.-Серг. монастыря со княжими, со боярскими и со чьими-нибудь крестьяны, и съ городскими и съ волостными сельчаны, и съ митрополичьи и съ владычными дѣло каково въ разбойномъ дѣлѣ, и имъ безъ Тр.-Серг. прикащика по губнымъ грамотамъ, и безъ сотскихъ тѣхъ селъ и безъ десятскихъ не судити ни въ каковѣ дѣлѣ; а Троицкимъ прикащикамъ и крестьянамъ безъ городскихъ и безъ волостныхъ людей, и безъ митрополичьихъ и безъ владычныхъ же вобчихъ дѣлъ никакихъ“ [1]). Собственно эта и подобныя ей грамоты говорятъ только объ одномъ вопросѣ — о судѣ, и въ этомъ отношеніи различаютъ разные классы жителей. Затѣмъ они устанавливаютъ право участія на вобчемъ судѣ только для монастырей и духовныхъ властей, но не для бояръ и дворянъ. Крестьяне послѣднихъ участвуютъ на судѣ вмѣстѣ съ городскими и волостными людьми. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ сословныхъ различій, особенно послѣ окончательнаго закрѣпленія крестьянъ, старыя волости и станы должны были распасться; они стали означать округи преимущественно черныхъ крестьянъ. Впрочемъ, названіе становъ и волостей сохраняется до позднѣйшаго времени, хотя они получили совершенно особенное значеніе. Сословное раздѣленіе видоизмѣнило смыслъ не только этихъ названій, но и самаго уѣзда. Названіе волостной, уѣздный означаетъ тяглыхъ крестьянъ, въ противоположность крестьянамъ владѣльческимъ. При установленіи стрѣлецкой подати, въ платежѣ ея участвовали посадскіе люди и черные крестьяне, гдѣ они сохранились. Эти послѣдніе названы уѣздными крестьянами [2]). Но иногда названіе *уѣздныхъ* давалось и монастырскимъ крестьянамъ [3]). Тяглые крестьяне соединялись въ волости для хозяйственныхъ нуждъ. Владѣльческіе крестьяне, постепенно утратившіе возможность составлять самостоятельныя хозяйственныя единицы, должны были соединяться только въ станы, а черные и дворцовые крестьяне продолжали составлять волости. Въ переписной Каширской книгѣ 1646 г. помѣстныя и вотчинныя земли раздѣлены на станы, а дворцовыя на волости [4]).

При разнообразіи условій, вліявшихъ на измѣненіе становъ и воло-

---

[1]) А. А. Э. I. № 194.

[2]) А. А. Э. IV, № 250.

[3]) Доп. къ А. И. III. № 59. стр. 219: «На которомъ посадѣ и на уѣздѣ тяглыхъ и оброчныхъ и монастырскихъ и церковныхъ деревень на крестьянехъ наши четвертные, откупные и стрѣлецкіе деньги».

[4]) Бѣляевъ. О повем. влад., стр. 47.

стей, ихъ объема и относительнаго значенія, не удивительно, если само правительство скоро запуталось въ этихъ административныхъ дѣленіяхъ. Писцовыя книги не представляли уже средствъ опредѣлить отношенія становъ и волостей въ самомъ Московскомъ уѣздѣ. При межеваніи правительство нерѣдко должно было довѣрять показаніямъ частныхъ людей больше чѣмъ своимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ. Въ 1680 г. писцамъ посланнымъ для возстановленія межъ въ Московскомъ уѣздѣ, предписано: „про станы и про волости распрашивать старожиловъ и окольныхъ людей, съ котораго урочища станъ или волость началась, и до которыхъ мѣстъ и съ которыми станами Московскаго уѣзду и городовыхъ уѣздовъ съ землями смежны". Но и старожилы немного помогли дѣлу. Путаница административнаго дѣлѣнія изгладила изъ ихъ памяти всѣ воспоминанія о границахъ прежнихъ становъ и волостей. Писцы доносили въ помѣстный приказъ, что „окольные де люди про становыя межи, съ которыхъ мѣстъ которой станъ начался, и до которыхъ урочищъ прошелъ и съ которыми станами смеженъ, сказываютъ имъ на межеваньѣ, что не знаютъ, и имъ тѣ станы съ которыхъ мѣстъ межевать, того не вѣдомо" [1].

Станы и волости были административнымъ дѣленіемъ уѣздовъ Московскаго государства. Въ Новгородѣ и Псковѣ административныя дѣленія носили другія названія. Уѣзды были, впрочемъ, общимъ дѣленіемъ здѣсь и тамъ. Но затѣмъ въ другихъ дѣленіяхъ встрѣчается большая разница. Мы видѣли, что въ Московскомъ государствѣ многіе уѣзды раздѣлялись на части. Но это было не вездѣ, и самыя части эти не пользовались особеннымъ значеніемъ. Напротивъ, дѣленіе Новгородской земли пріобрѣло большую извѣстность. *Пятины* ея сдѣлались предметомъ особенныхъ изслѣдованій [2]. Это значеніе пятинъ могло, кажется, быть пріобрѣтено только ихъ древнеисторическимъ происхожденіемъ. Не смотря на это, Ходаковскій и Неволинъ утверждаютъ, что дѣленіе Новгородской области на пятины относится къ Московскому періоду. Того же мнѣнія держится г. Костомаровъ [3]: „Позднѣйшее раздѣленіе на пятины, сообразно пяти концамъ города, не существовало во времена независимости", говоритъ онъ. Сюда же

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. II стр. 271.

[2]) Неволинъ «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ», въ *Записк. Геогpаф. Общ.* Также замѣчаніе Ходаковскаго—Русск. Истор. Сб. т. I. Пятины Новгородскія носили слѣдующія названія: Деревская, Обонежская, Шелонская, Воцкая и Бѣжецкая. А. А. Э. III. № 145.

[3]) Сѣв. Нар. II стр. 63.

присоединяется и г. Чичеринъ, впрочемъ ссылающійся на изслѣдованіе Неволина [1]). Г. Костомаровъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на то, что въ источникахъ не встрѣчается названія пятинъ. На этомъ основываютъ свое мнѣніе и Ходаковскій и Неволинъ. Совершенно противнаго мнѣнія держится г. Соловьевъ [2]). Онъ соглашается съ тѣмъ, что въ лѣтописяхъ нѣтъ названія пятинъ, но не считаетъ этого достаточнымъ доказательствомъ несуществованія пятинъ до московскаго покоренія. Этого названія нѣтъ въ лѣтописяхъ и послѣ паденія Новгорода. Лѣтописи не могли говорить объ административномъ дѣленіи съ такою точностію какъ писцовыя книги. Чѣмъ древнѣе лѣтопись или актъ, тѣмъ замѣтнѣе въ ихъ составителяхъ наклонность употреблять имена народныя вмѣсто именъ государствъ, и имена жителей областей вмѣсто названія самихъ областей. Лѣтописецъ вмѣсто Богеміи, Швеціи, говоритъ Чехи, Свеи, вмѣсто Водская пятина—Вожане. Дѣйствительно, г. Костомаровъ говоритъ, что тѣ самыя территоріи, которыя составляли послѣ пятины, назывались такими собственными именами, изъ которыхъ потомъ образовались для пятинъ прилагательныя, напримѣръ, Водь вмѣсто Водская пятина, Шелонь вмѣсто Шелонская пятина и т. д. Слѣдовательно, самая вещь очевидно существовала издавна, и Московское государство, можетъ-быть, дало только названіе этимъ административнымъ округамъ. Но самые округи были произведеніемъ еще Новгородскаго управленія. Такихъ округовъ издавна было пять, и они тянули къ концамъ Новгородскимъ, хотя и не назывались пятинами. Г. Соловьевъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на свидѣтельство Герберштейна: „Civitas (Новгородъ) latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat, quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat“ [3]), то-есть, городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей, изъ коихъ каждая часть тянула къ начальству своей части. Мнѣніе г. Соловьева подтверждается, кажется, и тѣмъ, что пятины эти въ Московскомъ государствѣ потеряли значеніе. Являясь самостоятельными административными округами во время Новгородской вольности, они не удовлетворяли потребностямъ московской политики, которая, какъ мы видѣли, стремилась къ раздробленію, разъединенію покоренныхъ областей. Московской администраціи болѣе пригодны были дробныя,

---

[1]) Областн. учр. стр. 68, примѣч. 2.
[2]) Ист. Россіи, IV прим. 424.
[3]) Герберштейнъ, переводъ г. Анонимова, стр. 112.

чѣмъ крупныя дѣленія. Въ XVII вѣкѣ административное значеніе получаютъ половины пятинъ; онѣ получили отдѣльныя названія; напримѣръ, въ Бѣжецкой пятинѣ была Тверская половина, въ Обонежской были половины Нагорная и Заонежская, или Заонежскіе погосты, которые послѣ получили особое управленіе [1]).

При московскомъ управленіи каждый городъ съ округомъ долженъ былъ получить самостоятельное значеніе. Слѣдовательно, *уѣздъ* и здѣсь сдѣлался главнѣйшимъ административнымъ дѣленіемъ, но уѣздъ не въ старомъ областномъ, а въ новомъ московскомъ смыслѣ [2]).

Низшимъ административнымъ дѣленіемъ были погосты въ Новгородѣ, губы во Псковѣ. Погосты, кажется, соотвѣтствовали волостямъ въ Московскомъ государствѣ. По крайней мѣрѣ, московскія грамоты называютъ жителей погостовъ волостными людьми и указываютъ на существованіе въ нихъ обыкновеннаго волостнаго начальства — старостъ [3]). Губы въ Псковской землѣ встрѣчаются въ глубокой древности. Они встрѣчаются главнымъ образомъ на оконечностяхъ всей области. Край по озеру навывался Пецкой губой, по Наровѣ — Наровской губой. Попадаются губы и въ Новгородскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, въ Новоторжской области Спасская губа [4]). Они составляли подраздѣленіе уѣзда, что́ сохранилось и при Московскомъ управленіи [5]). Иногда между пятиною или уѣздомъ и погостами и губами были болѣе крупныя дѣленія. Нѣсколько погостовъ соединялись въ станъ. Во Псковѣ встрѣчаются *засады* какъ дѣленіе высшее, сравнительно съ губою [6]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи попадаются еще дѣленія на *дороги*. Названіе это встрѣчается въ земляхъ Казанскаго дворца. Напримѣръ, въ Казанскомъ уѣздѣ были *Зюрейская* и *Ногайская* дороги. Можетъ-быть, это названіе представляетъ нѣкоторую аналогію съ названіемъ татарскаго чиновника — *дорогá*, какъ это полагаетъ г. Кала-

---

[1]) А. А. Э. III, № 201.

[2]) Послѣ покоренія Новгорода уѣзды были меньше пятинъ. Напримѣръ, въ Водской пятинѣ была часть Новгородскаго, Орѣховскій и Ладожскій уѣзды.

[3]) А. Э. III. № 203: «А тѣхъ погостовъ старосты и волостные люди... писано въ заонежскіе погосты къ старостамъ и къ цѣловальникамъ».

[4]) Костомаровъ ibid.

[5]) А. А. Э. III № 133: «Въ Изборскомъ уѣздѣ въ Сенской губѣ, да въ Гдовскомъ уѣздѣ, въ Черинской губѣ, да въ Кобылскомъ уѣздѣ, въ Мыслогостицкой губѣ....»

[6]) Ibid. «Въ Завелицкой засадѣ, въ Каменской губѣ;... въ Пецкой губѣ,... да въ Смолинской губѣ,... да въ Выбуцкой губѣ».

чевъ[1]. Это дѣленіе было ниже уѣзднаго (напримѣръ, Казанскаго уѣзду Зюрейской дороги)[2], равно какъ и *ключи*, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральной Россіи; напримѣръ Вяземскій ключъ, ключъ Новгорода Нижняго, то-есть, ключъ Вяземскаго, Нижегородскаго уѣзда и т. д.[3]).

Всѣ эти разнообразныя административныя единицы Московскаго государства доказываютъ одно, что государственная и общественная жизнь древней Россіи не выработала крупныхъ областныхъ дѣленій. Этому мнѣнію противорѣчитъ нѣсколько мнѣніе г. Калачева[4]). Именно онъ указываетъ, что Россія дѣлилась еще на земли и что дѣленіе это есть самое древнее. Дѣйствительно „землями" назывались въ древней Россіи области, населенныя однимъ племенемъ, а послѣ названіе это получило политическое значеніе, напримѣръ, Кіевская земля, то-есть, княжество Кіевское, Новгородская, то-есть, владѣнія Новгорода и т. д. Названіе это, какъ основанное на началѣ племеннаго дѣленія, не удержалось долго и въ политической сферѣ. Его замѣнила *волость*, какъ политическое дѣленіе. Но сохранили ли эти земли административное значеніе, это еще вопросъ. Г. Калачевъ указываетъ на слѣдующія земли: Вятскую, Двинскую, Важскую. Псковскую, Рязанскую, Соликамскую и Сольвычегодскую. Слѣдовательно, изъ прежнихъ политическихъ тѣлъ осталась только, и то не вполнѣ, Псковская земля. Ее составляли Псковъ съ пригородами: Выборгскимъ, Дубновскимъ, Вышегородскимъ, Опочецкимъ, Велейскимъ, Воронецкимъ, Вревскимъ, Володимерскимъ, Гдовскимъ, Кобыльскимъ, Изборгскимъ и Островскимъ. Но мы видѣли выше административное отношеніе городовъ къ пригороду, а потомъ пригороды, составляя съ городомъ одну землю, не составляли одного административнаго округа. Затѣмъ сколько-нибудь важныхъ пригородовъ у Пскова, такихъ, кои имѣли свои уѣзды, было немного — Опочка, Гдовъ, Изборскъ, Островъ, Кобылинъ. Остальные были не особенно значительны. То же самое должно сказать о Вятской землѣ. Прежде они входили въ составъ Вятской республики. Ее составляли города Хлыновъ, Слободской, Орловъ, Котельничъ, Шестаковъ. Они не подчинялись одному управленію. Изъ разрядныхъ книгъ 1631 г., напримѣръ, видно что Хлыновъ, Котельничъ и Орловъ подчинялись одному воеводѣ,

---

[1]) Критика на Областн. учрежд. Чичерина стр. 24.

[2]) Тамъ же прим. 18.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же стр. 23.

Хлопову, а Слободской и Шестаковъ другому, Борзецову [1]). Двинская земля состояла изъ пяти городовъ съ Кевролью и Мезенью. Но изъ одного акта, приводимаго г. Калачовымъ [2]), видно, что это *земельное* единство не имѣло особеннаго административнаго значенія. Кевроль и Мезень должны были нести четвертую долю повинностей по городовому дѣлу еще во времена Ивана Грознаго. Въ послѣдствіи правительство само избавило ихъ отъ этого. Тогда тяглые люди Мезенской земли били челомъ государю, напоминая ему, что Кевроль и Мезень „всегда была одна съ ними земля". Правительство предписало Кеврольцамъ помогать Двинцамъ въ городовомъ дѣлѣ и нѣсколько разъ подтверждало имъ это, такъ какъ они постоянно отъ этого отказывались. Можетъ-быть, это происходило отъ того, что кромѣ городоваго дѣла они не имѣли никакого отношенія къ Двинскому управленію. Для всѣхъ административныхъ дѣлъ у нихъ былъ свой воевода, сносившійся прямо съ Новгородскою четвертью. Въ администраціи Московской попадаются примѣры, что города, имѣвшіе отдѣльное управленіе, по нѣкоторымъ вопросамъ, постоянно или временно тянули къ другимъ городамъ. Напримѣръ, Вятчане давали Соликамцамъ въ подмогу на ямскую гоньбу 500 руб. Слѣдовательно, нѣкоторые города могли составлять „одну землю" въ отношеніи однихъ и имѣть отдѣльное управленіе относительно другихъ вопросовъ. Самый наглядный примѣръ этого составляетъ то, что г. Калачовъ называетъ Рязанскою землею [3]). Въ Рязанской землѣ къ Переяславлю были приписаны Зарайскъ, Пронскъ и Михайловъ. Извѣстіе это основывается на томъ, что въ сборникѣ Рязанскихъ актовъ, хранящемся въ I отдѣленіи библіотеки С.-Петербургской Академіи Наукъ, подъ 1650 и 1651 годами встрѣчается извѣстіе, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ „городъ и острогъ и башни со всякими городовыми и крѣпостными строены Рязанскаго уѣзда сошными людьми разныхъ становъ, которые приписаны къ Переславлю и къ Зарайску и къ Пронску и къ Михайлову по платежнымъ книгамъ, съ живущихъ четьи, а денегъ на то городовое дѣло съ уѣздныхъ людей собрано было 9.710 р." Вопервыхъ, мы здѣсь замѣчаемъ нѣчто весьма странное. Рязань, прежній главный городъ Рязанскаго княжества, приписанъ къ Переяславлю, вмѣстѣ съ другими городами. Но дѣло объясняется довольно просто. Въ Переяславлѣ-Рязанскомъ ставился боль-

---

[1]) Разрядныя книги т. II столб. 362.
[2]) Тамъ же примѣч. 12.
[3]) Тамъ же стр. 24.

шой полкъ Рязанскаго разряда, и острогъ его имѣлъ особенное значенiе для правительства, вслѣдствiе чего къ нему и были приписаны „для городоваго дѣла“ разные города, во всѣхъ другихъ отношенiяхъ не имѣвшiе никакой связи между собою, имѣвшiе различныхъ воеводъ и вѣдавшiеся въ различныхъ четвертяхъ [1]). Такова была „Рязанская земля!“ Подобное же значенiе имѣли всѣ другiя земли. Сольвычегодскъ, напримѣръ, составлялъ *одно цѣлое*, ~~какъ говоритъ г. Калачевъ~~, съ Вымью, Устьсысольскомъ, Яренскомъ и Ужгою; но это единство имѣло значенiе только для нѣкоторыхъ повинностей, а для другихъ дѣлъ „земля“ была раздѣлена между самостоятельными городами. Яренскъ, напримѣръ, имѣлъ своего воеводу [2]); Ужга же была волость, какую имѣли и другiе уѣздные города. Нѣкоторые округи, названные г. Калачовымъ землями, не имѣли ни одного города и состояли изъ однихъ становъ или волостей. Напримѣръ, Важская земля состояла изъ становъ Шенкурскаго, Подвинскаго, Ровдинскаго, Вельскаго, Верховажскаго, Леднкаго, Поденги, Кокшенги, и слободы Великiя. Слѣдовательно, это былъ тотъ же уѣздъ.

Существованiе *такихъ* остатковъ древняго времени не можетъ имѣть большаго значенiя для общаго характера административнаго дѣленiя Московскаго государства. Въ XVII вѣкѣ вся масса административныхъ дѣленiй сводилась въ сущности къ одной — къ городу съ округомъ. Уѣздъ получалъ названiе города, къ которому онъ былъ приписанъ. Поэтому слово *городъ* стало употребляться въ переносномъ значенiи, означая и центръ администрацiи и округъ, приписанный къ этому центру. Напримѣръ, акты XVII вѣка, говоря о назначенiи воеводъ, называютъ просто города, куда они были назначены [3]). Правительственные акты рѣдко говорятъ о такихъ или другихъ областяхъ, а вмѣсто того называютъ города, напримѣръ, замосковскiе, заокскiе, украинные города, вмѣсто замосковскiя области и т. д. При этомъ правительство избѣгало территорiальныхъ названiй; города назывались или по имени приказа, завѣдывавшаго ими, напримѣръ, города Устюжской, Галицкой чети, или по мѣстоположенiю, напримѣръ, низовые, украинные, поморскiе города. Подобныя названiя давались не

[1]) Объ этомъ, равно какъ и о значенiи разрядовъ, см. ниже.

[2]) А. А. Э. III № 204.

[3]) Напримѣръ, Дворцовые разряды I стр. 235: «Того же году были по городомъ бояре и воеводы и дьяки» или ibid. стр. 730: «Лѣта 7000 со 133 и во 134 и во 135 воеводы въ городѣхъ перемѣнялись кто въ которомъ году, и въ которомъ городѣ былъ....»

только городамъ, но и болѣе мелкимъ соединеніямъ; напримѣръ, устьянскія волости, заонежскіе, лопскіе погосты.

Эта перемѣна, доказывая уничтоженіе прежнихъ территоріальныхъ различій, въ то же время доказываетъ, что тяглое значеніе народонаселенія и прежнихъ общественныхъ организмовъ развилось окончательно. Изо всей этой массы тяглыхъ единицъ могли быть образованы какія угодно соединенія, ибо прежнія историческія границы областей не имѣли уже никакого значенія. Самымъ удобнымъ изъ этихъ соединеній для административно-финансовыхъ цѣлей былъ древній типъ тяглаго округа, развивавшійся съ древнѣйшихъ временъ, — городъ съ округомъ. Уѣздъ въ Московскомъ государствѣ соотвѣтствовалъ такимъ образомъ тяглому характеру народонаселенія и удовлетворялъ потребностямъ администраціи, преслѣдовавшей по преимуществу финансовыя цѣли. Съ помощію этой административной единицы было завершено уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей и превращеніе русскаго народонаселенія въ массу однообразныхъ тяглыхъ единицъ, тянувшихъ къ центру Московскаго государства. ~~Но съ другой стороны~~ окончательное образованіе уѣздовъ положило конецъ безостановочному дробленію тяглыхъ единицъ, ~~которое мы изслѣдовали выше~~. Станы, волости, волостки, монастыри потеряли самостоятельное значеніе и соединились подъ однимъ общимъ управленіемъ уѣзднаго начальства. Подъ властію воеводъ объединились всѣ прочія административныя единицы, и уѣзды послужили основаніемъ послѣдующаго дѣленія Россіи на болѣе крупныя части — губерніи и провинціи.

Уѣздъ имѣлъ общее административное значеніе. Другія дѣленія постепенно приравнивались къ этой единицѣ. При слабомъ развитіи вѣдомствъ, имѣвшихъ въ виду спеціальныя задачи внутренняго управленія, спеціальное дѣленіе Россіи не имѣло пока большаго значенія [1]. Поэтому немногія спеціальныя дѣленія тогдашняго времени могутъ быть съ большимъ удобствомъ изслѣдованы вмѣстѣ съ органами тѣхъ вѣдомствъ, которымъ они принадлежали. Но исторія нѣкоторыхъ спе-

[1]) Въ государствахъ, гдѣ правительство беретъ на себя разныя задачи внутренняго управленія, преимущественно для доставленія народу благосостоянія, различныя вѣдомства, организованныя съ этою цѣлію, нуждаются въ спеціальныхъ дѣленіяхъ страны, которыя не всегда совпадаютъ съ общимъ областнымъ дѣленіемъ. Таковы наши учебные округи, округи путей сообщенія и т. д. Въ Московскомъ государствѣ не было такихъ вѣдомствъ, ибо всѣ административные вопросы сводились къ финансовымъ интересамъ, для администраціи которыхъ достаточны были тяглыя единицы того времени.

ціальныхъ дѣленій Московскаго государства можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ общей указанной нами политики правительства въ этомъ отношеніи.

Въ числѣ такихъ вопросовъ церковное дѣленіе занимаетъ важное мѣсто. Хотя оно и не относится прямо къ нашему предмету, но оно имѣетъ большое значеніе въ исторіи государственной централизаціи вообще. При томъ значеніи, какое имѣетъ религія въ числѣ другихъ фактовъ соціальной жизни, центры церковнаго управленія имѣютъ для народа такое же если не большее значеніе, чѣмъ административные центры. Городъ, обладающій епископскою каѳедрой, дѣйствуетъ обаятельно на окрестное населеніе. При общей централизаціи государства главный городъ прежней области, потерявшій значеніе административнаго центра, продолжалъ имѣть значеніе центра религіознаго. Вотъ почему очень важно прослѣдить, что сдѣлано Москвою въ этомъ отношеніи. Въ старой Россіи границы епархій обыкновенно соотвѣтствовали древнимъ княжествамъ. Имѣть свою епископію считалось для князя и для области необходимымъ условіемъ независимости [1]. Эти епархіи сохранялись въ теченіе всего послѣдующаго времени; но къ нимъ прибавилось еще нѣсколько епархій, съ присоединеніемъ къ Москвѣ разныхъ земель. Правительство не могло сосредоточить духовнаго управленія въ Москвѣ, какъ оно это сдѣлало съ управленіемъ свѣтскимъ. Пастыри, для успѣшнаго водворенія христіанства въ присоединенныхъ земляхъ, должны были дѣйствовать на мѣстѣ. Прежніе центры магометанства и язычества должны были стать центрами православія. Поэтому въ моментъ учрежденія патріаршества въ Россіи у насъ, кромѣ Московской, существовали еще слѣдующія епархіи: митрополіи: 1) Казанская и Астраханская, 2) Ростовская и Ярославская, 3) Сарская и Подонская (Крутицкая) и 4) Новгородская; архіе-

[1]) Извѣстна борьба Новгорода за независимость своего архіепископа и стараніе Пскова добыть себѣ особаго владыку. Поэтому мы здѣсь и не будемъ повторять этихъ фактовъ. То же самое видимъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1150 г. Смоленскій князь Ростиславъ, чтобъ освободиться отъ зависимости въ духовномъ отношеніи отъ Переяславской епархіи, учредилъ у себя особую епископію, и «сдумавъ съ людьми своими, привелъ епископа для Смоленска», при чемъ далъ ему много льготъ. Льготы эти, выраженныя въ уставной грамотѣ, должны были сохранять свое значеніе только подъ условіемъ, чтобъ епархія существовала отдѣльно отъ Переяславской. «Паки ли приложить кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи завистью, преступая слово св. митрополита русскаго Михаила, и разрушитъ сію епископью Смоленскую: то князь отоиметъ свое опять...» Доп. къ А. И. I № 4.

пископіи: 1) Вологодская и Велико-Пермская, 2) Суздальская и Тарусская, 3) Смоленско-Дорогобужская, 4) Рязанско-Муромская, 5) Тверская и Старицкая, 6) Нижегородская; епископіи: Псковская, Ржев-Устюжская, Бѣлозерская, Коломенская, Брянская, Черниговская, Дмитровская. Всѣ эти епархіи, утвержденныя соборомъ, существовали въ этомъ видѣ недолго. Но соборъ имѣлъ въ виду территоріи разныхъ земель Московскаго государства [1]). Духовенство, очевидно, не имѣло въ виду сохранить значеніе историческихъ дѣленій и земель. Оно ли, лучшій слуга единства Русской земли, могло имѣть такія стремленія? Но ему не было необходимости уничтожать установившееся издревле дѣленіе на епархіи, которое притомъ ни въ чемъ не могло мѣшать государственному единству. Епископы и не смотрѣли на свои епархіи, какъ на нѣчто представляющее древнія княжества. Духовенство не держалось за историческое значеніе епархій. Съ развитіемъ потребностей Московскаго государства, съ увеличеніемъ народонаселенія и размноженіемъ торговыхъ и административныхъ центровъ, епархіальное дѣленіе должно было приравняться къ потребностямъ Московской администраціи. Дѣленіе, установленное соборомъ 1589 году, было не особенно выгодно въ административномъ отношеніи. Небольшіе округи, лежавшіе подлѣ Москвы, составляли отдѣльныя епархіи и даже митрополіи (Крутицкая, Коломенская, Дмитровская). Напротивъ, царства Казанское и Астраханское были соединены въ одну митрополію, къ которой была приписана и Сибирь. Разумѣется, это дѣленіе не могло долго держаться. Въ XVII вѣкѣ учреждено нѣсколько новыхъ митрополій и епископій. Это видно изъ дѣяній собора 1666—1667 г. [2]). На этомъ соборѣ мы видимъ двухъ новыхъ митрополитовъ Астраханскаго и Бѣлгородскаго [3]) и нѣкоторыхъ другихъ новыхъ владыкъ. Эти видоизмѣненія были сдѣланы самимъ правительствомъ; но соборъ не только узаконилъ эту мѣру, но и на будущее время предо-

---

[1]) Это видно изъ выраженій собора, учредившаго патріаршество (С. Г. Г. и Д. II № 59). Онъ говоритъ: «Быть митрополитамъ въ государствѣ Новгородскомъ, въ царствующихъ градѣхъ въ Казани и Астрахани, въ В. Княж. града Ростова... Архіепископамъ въ В. княженіи въ Суздалѣ, въ В. княженіи въ Рязани, въ В. княженіи въ Твери и т. д. Епископамъ: въ государствѣ города Пскова,... въ княжествѣ удѣльномъ Коломнѣ» и т. д.

[2]) Дѣянія этого собора въ извлеченіи помѣщены въ П. С. З. (№ 412). Но они представлены здѣсь въ сокращенномъ и даже въ искаженномъ видѣ. Поэтому я пользуюсь здѣсь «дѣяніями» этого собора, помѣщ. въ Доп. къ А. И. V. № 102.

[3]) Доп. къ А. И. V. стр. 475. Іосифъ, митрополитъ Астраханскій и Терскій, Ѳеодосій, митрополитъ Бѣлогородскій и Обоянскій.

ставилъ царю дѣлать всѣ нужныя перемѣны въ епархіяхъ, по соглашенію съ патріархомъ. Напримѣръ, по отношенію къ Астрахани соборное постановленіе говоритъ: „Еще же молихомъ благочестиваго царя, яко да почтенъ будетъ царствующій градъ Астрахань престоломъ митрополіимъ, понеже.... быхомъ тамо и видѣхомъ мы.... той царствующій градъ яко многолюденъ и красенъ зѣло". Далѣе, „въ Вяткѣ прежде благословеннаго епископа утвердихомъ, и впредь епископу быти.... дальняго ради разстоянія во градѣ Архангельскомъ и на Колмогорахъ быти архіепископу. Къ тому же богоревностному благочестивѣйшаго самодержца желанію благословихомъ и утвердихомъ въ царствѣ Сибирскомъ вмѣсто архіепископіи (которая тамъ была учреждена правительствомъ прежде) въ Тобольскѣ со окрестными грады митрополіи быти, въ Томскѣ градѣ епископу, и на Ленѣ. По сихъ слышахомъ о новоустроенныхъ градѣхъ во странѣ Украинной, о Бѣлградѣ со окрестными его многими грады, яко многонародны и ратными людьми пренаполнены суть... и того ради и дальняго разстоянія... благословихомъ и утвердихомъ митрополіи быти, да многая жатва безъ дѣлателей не будетъ". На этомъ основаніи многія прежнія епархіи раздѣлены и устроены новыя. Въ епархіи Новгородскаго митрополита постановлено учредить епископіи въ Каргополѣ и въ Городецкѣ или въ Устюжнѣ (по усмотрѣнію правительства). Изъ Казанской митрополіи выдѣлена Уфимская епископія, отъ Ростовскаго митрополита отдѣленъ Угличъ, отъ Крутицкаго Ливны. Первоначально они, впрочемъ, поставлены были въ зависимость отъ своихъ митрополитовъ. Рязанская архіепископія возведена въ митрополію, а въ предѣлахъ ея учреждены епископіи въ Воронежѣ и въ Тамбовѣ. Наконецъ, на этомъ соборѣ утвердилось важное право государя учреждать по мѣрѣ нужды новыя епархіи [1]). Неизвѣстно, на сколько пользовались государи предоставленнымъ имъ правомъ. Но съ большою достовѣрностію можно сказать, что новыя епархіи открывались по мѣрѣ надобности. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ число епархій возрасло до значительныхъ размѣровъ [2]).

---

[1]) Ib. стр. 492 и слѣд.: «Еще же по богорачительному желанію Великаго Государя благословляемъ вновь въ великихъ градѣхъ и въ дальнихъ разстояніяхъ, идѣже подобаетъ, по разсмотрѣнію его царьскому, съ совѣтомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и согласіемъ преосвященныхъ архіереовъ Россійскаго государства, избирати, поставляти архіереи и митрополиты, архіепископы и епископы, во еже бы стаду Христову не безъ довольныхъ пастырей быти, да управляется и расширяется православіемъ въ родъ и въ родъ богохранимое Россійское царство».

[2]) П. С. З. № 898. Неизвѣстно, былъ ли приведенъ этотъ указъ въ испол-

Итакъ, церковное дѣленіе нисколько не стѣсняло развитія общихъ административныхъ единицъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже способствовало ему. Другія спеціальныя дѣленія еще меньше могли стѣснить значеніе уѣздовъ и уѣзднаго управленія. Они не могли имѣть такого значенія въ глазахъ общества, какъ церковное дѣленіе. Наконецъ, само правительство устанавливало іерархическую зависимость между воеводами различныхъ городовъ только въ одномъ отношеніи, оставляя во всѣхъ остальныхъ вопросахъ обыкновенный порядокъ. Таково, напримѣръ, было раздѣленіе Россіи въ военномъ отношеніи. Выше уже мы замѣтили, что кромѣ главнаго разряда, было еще нѣсколько разрядовъ областныхъ [1]). Самое ихъ названіе показываетъ, что предметъ ихъ вѣдомства былъ однородный съ вѣдомствомъ Московскаго разряда. Послѣдній вѣдалъ служилое сословіе во всей его совокупности и почти во всѣхъ отношеніяхъ [2]). Поэтому онъ имѣлъ большое значеніе и для внутренняго управленія, особенно если принять въ соображеніе, что отсюда главнымъ образомъ посылались воеводы по городамъ. Прочіе разряды удовлетворяли болѣе спеціальнымъ цѣлямъ, служили средствомъ распредѣленія дѣйствующей арміи, сообразно административнымъ удобствамъ. Вслѣдствіе этого они не могли имѣть такого постояннаго значенія какъ Большой разрядъ. Вопервыхъ, они могли установиться только тогда, когда съ развитіемъ помѣстной системы и станичной и сторожевой службы явилась масса войска, постоянно расположеннаго въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Московское государство росло быстро. Первоначальныя станицы и сторожи, которыя Иванъ IV заводилъ въ 1571 году, скоро разрослись въ города, о коихъ вселенскіе патріархи выражались, что они „многонародны и ратными людьми преисполнены суть“. Эти ратные люди, „преисполнявшіе“ украинные грады, требовали правильнаго и постояннаго распредѣленія ихъ въ военномъ отношеніи. Необходимо было выбрать постоянные центры, къ которымъ бы они тянули въ отношеніи полковой службы. Къ центрамъ нужно было расписать города, изъ которыхъ въ случаѣ похода доставлялись бы ратные люди

неніе относительно новаго распорядка епархій; но изъ него видно, что число существовавшихъ уже епархій было велико.

[1]) См. конецъ I главы.

[2]) А. И. II № 355: «Разряднаго большаго дьяка повинность: всѣмъ разряжать, бояры, и дворяны, и дьяки и дѣтьми боярскими, гдѣ куды Государь роскажетъ, *и всѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ* держати въ вѣдомости и смотрѣти, чтобы всѣ были въ цѣлости».

въ главный городъ. Въ XVI столѣтіи эти разряды не могли, однако, образоваться. Все войско дѣлилось на полки, при чемъ распредѣленіе служилыхъ людей по полкамъ и расположеніе полковъ зависѣло отъ временныхъ удобствъ. Постепенно эти полки получили постоянное значеніе. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка такихъ полковъ было 5: большой, правой и лѣвой руки, передовой и сторожевой. Названія эти встрѣчаются рано; еще въ Ливонскую войну войско Ивана IV было раздѣлено на эти полки [1]). Въ послѣдствіи они превратились въ постоянное учрежденіе и въ случаѣ похода ставились въ опредѣленномъ мѣстѣ. Напримѣръ, большой полкъ ставился въ Серпуховѣ, правой руки полкъ въ Калугѣ, лѣвой руки въ Каширѣ, передовой полкъ въ Коломнѣ, сторожевой въ Алексинѣ [2]). Пункты эти были избираемы на основаніи стратегическихъ удобствъ, но не сотвѣтствовали важности городовъ, какъ административныхъ центровъ. Начальники такихъ полковъ назначались каждый разъ особо изъ Московскихъ бояръ. Обыкновенно назначались одинъ или два боярина. Затѣмъ во всѣ города посылались указы тамошнимъ воеводамъ о сборѣ и доставкѣ большимъ полковымъ воеводамъ служилыхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ. Но нигдѣ не видно, чтобы большимъ воеводамъ поручалась какая-нибудь административная власть надъ городами ихъ полка. Наконецъ, является болѣе постоянное учрежденіе—разряды. Трудно сказать, образовались ли разряды изъ полковъ. Кажется, полки первоначально были общимъ дѣленіемъ московскаго войска. Но при существованіи разрядовъ они являются какъ подчиненное дѣленіе. Каждый разрядъ имѣлъ обыкновенно три изъ указанныхъ выше полковъ. Но иногда полки являются самостоятельнымъ дѣленіемъ; напримѣръ, Бѣлгородскій полкъ, послѣ переименованный въ разрядъ. *Въ разрядъ соединялись города, имѣвшіе одну общую военную цѣль.* Цѣль эта въ то время опредѣлялась потребностію

---

[1]) Относительно исторіи военной администраціи въ Россіи см. *Бѣляева* — О русскомъ войскѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣ него до преобразованій Петра Великаго; *Устрялова* — О русскомъ войскѣ до Петра I; *Brix* — Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen. Berlin 1867. Кажется, трудъ очень добросовѣстный. О достоинствахъ его для военной исторіи я, какъ не спеціалистъ, судить не могу. Какъ общеисторическій трудъ, онъ имѣетъ слѣдующія достоинства: авторъ воспользовался всѣми изслѣдованіями по этому предмету нашихъ ученыхъ и журнальными статьями въ *Военномъ Сборникѣ;* затѣмъ онъ познакомился съ нѣкоторыми источниками, напримѣръ, разрядными книгами. Но самостоятельной работы надъ источниками не видно.

[2]) А. И. II. стр. 426.

обороны государства отъ одной изъ сосѣднихъ державъ. Державъ отъ которыхъ Москвѣ наиболѣе приходилось обороняться, было три: Крымское ханство, Польша и Швеція; Нѣмецкій орденъ, въ то время находившійся въ зависимости отъ Польши, не имѣлъ самостоятельнаго значенія. Вслѣдствіе этого въ военномъ отношеніи всѣ города центральной Россіи были росписаны сообразно этимъ тремъ потребностямъ. Для обороны государства со стороны Крыма существовали города такъ-называемой Крымской Украйны, или просто украинные города. Ихъ было очень много [1]). Важность этой Украйны была весьма велика. При вертикальномъ почти направленіи главнѣйшихъ нашихъ рѣкъ отъ сѣвера къ югу, при отсутствіи горныхъ хребтовъ, Московское государство не было почти защищено природою отъ Крымскаго ханства. Широкія степи представляли весьма удобный путь для татарскихъ набѣговъ. Хищники безпрепятственно опустошали наши южныя области и нерѣдко являлись подъ самою Москвой. Поэтому Крымская Украйна была весьма обширна. Она начиналась почти у самой столицы. Можайскъ, Дмитровъ, Вязьма, Серпуховъ относились къ ней. Другой классъ составляли такъ-называемые города *Нѣмецкой* Украйны. Сюда относились Новгородъ съ пригородами, Старая Руса, Псковъ съ пригородами, Осташковъ, Ржевъ, Тверь, Кашинъ и т. д. Замѣчательно, что такъ какъ нѣкоторые изъ сихъ городовъ относились къ вѣдомству Новгородской четверти, то современные акты вслѣдъ за ними перечисляютъ всѣ другіе города этой четверти—Вологду, Нижній Новгородъ и т. д. [2]). Кромѣ того была Польская Украйна [3]) и т. д. Составъ этихъ Украйнъ былъ весьма неопредѣленный. Сообразно временнымъ потребностямъ къ разряду приписывались города весьма отдаленные. Конечно, это дѣленіе не могло уничтожить другихъ существовавшихъ въ то время административныхъ дѣленій. Это доказывается ближайшимъ изслѣдованіемъ состава нашихъ разрядовъ. Старѣйшіе изъ разрядовъ были Украинскій и Рязанскій, то-есть, они составляли на

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ были: Калуга, Серпуховъ, Коломна, Тула, Ливны, Орелъ, Воронежъ, Елецъ, Мценскъ, Стародубъ, Черниговъ, и т. д., — всего болѣе 50.

[2]) Дворцов. разряды I. стр. 288.

[3]) Въ 1617 году польскими городами названы: Воронежъ, Ливны, Елецъ, Осколъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Курскъ. Это, конечно, объясняется тогдашними границами Польши, которой принадлежала Малороссія и западныя губерніи. Ib. стр. 294. О трехъ Украйнахъ см. Дворцовые разряды I. стр. 454: «Того же году по городамъ отъ Литовскіе, отъ Нѣмецкіе и отъ Крымскіе Украйны были бояре, воеводы и дьяки».

случай похода опредѣленное количество полковъ; на Украйнѣ эти полки ставились по слѣдующимъ городамъ: большой полкъ въ Тулѣ, передовой въ Мценскѣ, сторожевой въ Новосилѣ [1]). Въ другомъ случаѣ передовой полкъ поставленъ въ Дѣдиловѣ, сторожевой въ Крапивнѣ, а Мценскій полкъ названъ прибылымъ [2]). Полки Рязанскаго разряда располагались: большой въ Переславлѣ-Рязанскомъ, передовой въ Михайловѣ, сторожевой въ Пронскѣ [3]). Независимо отъ того, что эти города не были важными администритивными центрами, нельзя не замѣтить, что они вѣдались въ разныхъ четвертяхъ и приказахъ. Тула, Михайловъ, Переславль-Рязанскій вѣдались во Владимірской четверти, Дѣдиловъ въ приказѣ Большаго дворца. Разсматривая города, тянувшіе въ разряды по полкамъ, нельзя не замѣтить того же. Напримѣръ, въ сторожевой полкъ украинскаго разряда, стоявшій въ 1625 году въ Крапивнѣ, доставлялись служилые люди: изъ Пошехонья (вѣдался въ Устюжской четверти), Дмитрова, Бѣжецкаго Верха, Клина, Великихъ Лукъ (тамъ же), Вологды, Нижняго Новгорода (Новгородская четверть), Углича (приказъ Большаго дворца), Волочка (Владимірская четверть). Въ большой полкъ, въ Тулу прибыли служилые люди изъ Мурома (Костромская четверть), Юрьева Польскаго (Галицкая), Суздаля (тоже). То же можно сказать относительно другихъ городовъ. Коломна относилась къ городамъ Крымской Украйны, Кашира къ Нѣмецкой, а вѣдались они въ одной Галицкой чети. Болховъ тянулъ къ Крымской Украйнѣ, Тверь къ Нѣмецкой, а оба вѣдались во Владимірской четверти. Очевидно, это раздѣленіе городовъ по разрядамъ не уничтожало ихъ подчиненія Московскимъ приказамъ по разнымъ административнымъ вопросамъ. Областные разряды ни въ какомъ случаѣ не получали административнаго значенія. Управленіе по прежнему сосредоточивалось въ Москвѣ. Если даже они находились въ военномъ вѣдомствѣ, то въ отношеніи суда податей, и другихъ вопросовъ управленія они подчинялись разряду Московскому, разбойному или помѣстному приказу, но не областному разряду. Воронежъ, напримѣръ, былъ приписанъ къ Бѣлгородскому полку, но по управленію былъ подчиненъ Большому разряду. Многіе города въ этомъ отношеніи представляли примѣръ самой смѣшанной подчиненности. Тула, Кашира, Болховъ и нѣкоторые другіе вѣдались службою въ разрядѣ, землями въ помѣстномъ приказѣ, а въ другихъ

[1]) Ibid. столб. 134, 172.
[2]) Ibid. ст. 382, 443 — 446.
[3]) Ibid.

отношеніяхъ подчинялись разнымъ приказамъ. Многіе города вѣдались, правда, во всѣхъ отношеніяхъ въ разрядѣ. Въ 1672 году такихъ городовъ было 33. Но нигдѣ не видно признаковъ подчиненія ихъ одному изъ городовъ, бывшихъ центрами областнаго разряда. Разряды не имѣли опредѣленности настоящаго административнаго дѣленія, ибо они удовлетворяли только одной цѣли — стратегическимъ удобствамъ. Нѣкоторые изъ нихъ удовлетворяли постояннымъ потреностямъ, а потому существовали болѣе или менѣе непрерывно. Таковы Новгородскій, Рязанскій, Казанскій разряды. Другія отдѣленія войскъ возникали сообразно временнымъ удобствамъ. Въ 1679 году войско, приготовленное для предполагавшейся войны съ Турками и Татарами, было расположено по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Большой Московскій полкъ. Онъ состоялъ изъ московскихъ чиновъ, стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ. Затѣмъ слѣдовали дворяне и служилые люди изъ разныхъ городовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ четвертямъ и разрядамъ. 2) Новгородскій разрядъ. Здѣсь были московскіе чины и служилые люди изъ Новгорода, Пскова, Пусторжева, Невля, Ржевы Володимеровой, Великихъ Лукъ, Торопца, Твери, Новаго Торжка, Старицы, Олонца и Старой Русы. Легко замѣтить, что въ составъ Новгородскаго разряда входили города, ничѣмъ не связанные между собою въ административномъ отношеніи. Мы видимъ здѣсь города Владимірской четверти (Тверь), Устюжской (Ржева Володимерова, Старица, Великіе Луки), Владимірской (Торжокъ) и т. д. 3) Казанскій разрядъ. Кромѣ московскихъ чиновъ здѣсь были служилые изъ замосковныхъ городовъ: Мурома (Галицкой четверти), Нижняго Новгорода (Новгород.) и изъ городовъ Казанскаго дворца. Затѣмъ слѣдовали Рязанскій разрядъ съ Сѣвскимъ полкомъ, Бѣлгородскій съ двумя отдѣленіями: Сѣверскимъ и Новооскольскимъ. Бѣлгородскій полкъ былъ чрезвычайно обширенъ. Въ военномъ отношеніи ему были подчинены нынѣшнія губерніи: Воронежская, Харьковская, часть Курской, Орловской, Тульской, и части эти по прочимъ административнымъ вопросамъ были подчинены разнымъ установленіямъ. Трудно сказать, на сколько и въ военномъ отношеніи была обширна власть разряднаго начальства. Раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья производилась четвертями. Обыкновенно каждая четверть употребляла собранные ею доходы на жалованье служилымъ людямъ [1]). Изъ актовъ Новгородской четверти

[1]) Котош. VII. 17: «А раздаютъ тѣ деньги въ расходъ на жалованье боярамъ и инымъ чинамъ, которые посылаются на всякія службы, по окладамъ ихъ, и начальнымъ людямъ рейтарскимъ и солдатскимъ».

видно, что раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья служилымъ людямъ подчиненныхъ ей городовъ сосредоточивалась въ ней [1]). Между тѣмъ города Новгородской четверти не состояли въ одномъ разрядѣ; напримѣръ, Нижній-Новгородъ былъ приписанъ къ Казанскому разряду.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы считаемъ вполнѣ вѣрными замѣчанія г. Дмитріева, сдѣланныя имъ относительно судебно-административнаго значенія разрядовъ. „Относительно зависимости судебной“, говоритъ онъ, „мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что обыкновенно ея вовсе не было. Подъ конецъ разсматриваемаго нами періода (половины XVII вѣка) мы встрѣчаемъ уже ограниченіе областнаго суда извѣстною денежною суммой, и судъ свыше этой суммы переносится не въ главный городъ, а въ Москву.... Жалобы на пригородныхъ воеводъ подаются также прямо въ приказы. Еще замѣчательнѣе слѣдующее обстоятельство: жители главнаго города ищутъ на жителяхъ пригородовъ не предъ своимъ воеводою, а въ столицѣ [2]). Къ такому же заключенію приходитъ г. Дмитріевъ и относительно административной зависимости городовъ отъ главнаго города въ разрядѣ. „Административную зависимость опредѣлить трудно, ибо только объ одномъ отношеніи и говорится въ источникахъ довольно однообразно; именно, о государевыхъ дѣлахъ, то-есть, политическихъ извѣстіяхъ пригородные воеводы пишутъ обыкновенно въ одно и то же время и въ Москву и въ главный городъ. Но даже о податяхъ мы встрѣчаемъ различныя противорѣчащія свидѣтельства, не только о разныхъ городахъ, но и по поводу одного и того же города. Напримѣръ, Шуя, пригородъ Суздаля, платилъ подати и въ Суздалѣ и въ Москвѣ“.

Итакъ, не смотря на всю важность вопросовъ военной администраціи, не смотря на военный характеръ самаго служилаго сословія, военная іерархія городовъ не измѣнила значенія административныхъ единицъ Россіи и ихъ подчиненности Московскому управленію. Это объясняется еще разницею между полковыми и городовыми воеводами, о которой будетъ сказано ниже. *Разрядомъ* поэтому нельзя считать совокупность городовъ, связанныхъ между собою, какими-нибудь постоянными іерархическими отношеніями; разрядомъ называлась совокупность городовъ, обязанныхъ во время войны высылать служилыхъ людей въ тотъ или другой пунктъ, избранный правительствомъ по временному удобству, но не имѣвшій никакого админи-

---

1) Доп. къ А. И. III. № 36; документъ этотъ приведенъ нами и выше.
2) Дмитріевъ l. c. стр. 83 — 84.

стративнаго превосходства надъ другими городами. Высылая служилыхъ людей въ разрядный городъ, всѣ мѣстности въ административномъ и финансовомъ отношеніи подчинялись приказамъ. Интересы финансоваго управленія превышали интересы управленія военнаго. Воеводы назначались приказомъ, вѣдавшимъ городъ въ финансовомъ отношеніи. Уже въ послѣдствіи начала военной администраціи были слиты съ началами гражданскаго управленія; это случилось при Петрѣ I, послѣ учрежденія губерній. Въ теченіе же XVII вѣка уѣзды оставались административными единицами, управленіе которыхъ объединялось только Московскими приказами.

ГЛАВА V.

Между Москвою и низшимъ управленіемъ не образовалось посредствующихъ инстанцій. Собственно въ области была одна инстанція—уѣздное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ воеводы. Развитіе воеводскаго управленія обусловливалось, какъ мы замѣтили выше, тяглымъ характеромъ сословій, не имѣвшихъ никакого самостоятельнаго значенія для государственнаго управленія. Уѣздъ собралъ въ одно цѣлое и замѣнилъ прежнія разнообразныя тяглыя единицы; воевода явился высшимъ исполнителемъ требованій центральнаго правительства и властью, понуждающею всѣ сословія къ исправному отбыванію повинностей.

Учрежденіе воеводъ съ такимъ характеромъ относится къ XVII вѣку, когда сила государства, основанная на тягломъ положеніи сословій, установилась окончательно. До тѣхъ поръ остатки самоуправленія, общины, намѣстники и волостели производили невообразимую пестроту въ администраціи. Но появленіе воеводъ, или лучше сказать, воеводскаго управленія относится не къ XVII вѣку. Еще въ XV ст. названіе воеводъ встрѣчается рядомъ съ должностію намѣстника. Оно не означало, кажется, особой должности, отличавшейся отъ намѣстниковъ. Послѣдніе, въ своемъ качествѣ военачальниковъ городскихъ, назывались воеводами мѣстными, въ противоположность *ратнымъ*, посылавшимся изъ Москвы. Но эти воеводы не составили системы воеводскаго управленія со всѣми ея характеристическими особенностями. Нѣкоторыя обстоятельства вызвали эту систему уже въ XVI вѣкѣ. Области, требовавшія усиленнаго вниманія правительства вслѣдствіе своего географическаго положенія или военныхъ обстоятельствъ, получали воеводъ. Въ Сибирь, тотчасъ послѣ ея завоеванія, были посланы воеводы, которые смѣнялись довольно часто.

Съ 1583 по 1603 г. было 10 смѣнъ воеводъ въ Тобольскѣ; изъ нихъ только одинъ пробылъ 3 года [1]). Около 1603 года почти всѣ города Тобольскаго разряда были поставлены, и въ нихъ назначены воеводы. Такъ, въ 1603 году мы находимъ воеводъ въ Верхотурьѣ, въ Пелымѣ, въ Туринскомъ островѣ, Тюменѣ, Тарѣ, Березовѣ, Монгазеѣ, Сургутѣ. Раньше этого воеводы появляются въ царствѣ Казанскомъ. Прежде всего находимъ ихъ въ Свіяжскѣ. Послѣ низложенія Шигъ-Алея князь Микулинскій былъ посланъ изъ Свіяги въ Казань съ званіемъ намѣстника [2]). Конечно, это званіе не давало ему значенія прежняго намѣстника-кормленщика. Онъ былъ представителемъ военно-административной власти, принадлежавшей воеводамъ. Въ послѣдствіи самое это званіе усвоено имъ. Но для того, чтобъ отличить ихъ отъ воеводъ въ прежнемъ смыслѣ, то-есть, полковыхъ начальниковъ, ихъ называли *годовыми* воеводами и мѣстными воеводами въ противоположность полковымъ, ратнымъ [3]). Слѣдовательно, въ это время устанавливается уже различіе между воеводами, временно дѣйствовавшими въ мѣстности, и воеводами, отправлявшими въ ней погодно извѣстныя административныя обязанности. Какія же были эти обязанности? Въ завоеванныхъ областяхъ, вѣроятно, всѣ задачи управленія были соединены въ рукахъ воеводъ. Также по мѣрѣ построенія новыхъ городовъ въ нихъ опредѣлялись воеводы по той причинѣ, что такой городъ былъ главнымъ образомъ крѣпостью, устроенною для военныхъ потребностей [4]). При Θеодорѣ Ивановичѣ Астраханскимъ воеводамъ данъ былъ весьма полный наказъ, указывающій на обширный кругъ ихъ дѣя

---

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ. Записки къ Сибирской исторіи, пом. въ III т. стр. 105—119.

[2]) Царств. Лѣтописецъ стр. 196.

[3]) Ib. стр. 258: «И какъ Государь пошелъ съ стану, и тутъ его Государя встрѣтили въ Свіяги воеводы его Государевы; а шли воеводы на три полки; въ полку воеводы и бояре, *которые тое весны ко Свіягу пришли* (такіе-то); *да годовые* съ Свіяги, бояринъ и воевода князь Микулинскій» и т. д. Одинъ изъ князей Щенятевыхъ былъ такимъ годовымъ воеводою въ Свіяжскѣ. Древ. Росс. Вивліоѳ. XVII, стр. 196. Ср. также г. Сергѣевича, Князь и Вѣче, стр. 369. Различіе между этими двумя видами воеводъ попадается еще въ XV ст.; но врядъ ли оно идетъ выше этого времени.

[4]) Доп. къ А. И. I, № 127, 1583. Грамота Свіяжскому воеводѣ Сабурову о переводѣ его воеводою изъ Свіяжска въ Казань. Ему поручается въ городѣ «вѣдати и всякими дѣлами промышляти». Ср. г. Андреевскаго l. c. стр. 38, прим. 4, выпис. изъ Никонов. лѣтоп. о дѣятельности Казанскихъ и Свіяжскихъ воеводъ. Также у Дмитріева l. c. стр. 75. Древн. Вивліоѳ. т. XVII, стр. 154. «Въ 1552 г.

тельности[1]). Въ Новгородской области, какъ мы увидимъ ниже, дѣятельность воеводскаго управленія была разнообразна. Но относительно центральной Россіи трудно сказать, когда окончательно установилось воеводское управленіе. Назначеніе воеводъ по городамъ происходило въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Эти воеводы постоянно отличаются отъ полковыхъ воеводъ. Напримѣръ, въ 1535 г., когда началась война съ Польшею, „для вящшія осторожности“ были опредѣлены воеводы во многихъ городахъ[2]). То же случилось въ 1541, 1565, 1582 гг. и т. д. Но служба ихъ не считается наравнѣ съ полковою; она была нѣкоторою льготою сравнительно съ послѣднею. Служилаго дѣлали городовымъ воеводою, когда онъ не состоялъ на полковой службѣ, или подъ старость для отдохновенія. Одинъ изъ князей Щербатовыхъ (Иванъ Михайловичъ) прошелъ слѣдующую служебную карьеру. Въ 1571 году по случаю войны съ Польшею онъ былъ назначенъ въ полкъ лѣвой руки воеводою. Затѣмъ онъ былъ отпущенъ намѣстникомъ въ Новгородъ Сѣверскій, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1580 году въ войну съ Татарами былъ назначенъ воеводою большаго полка въ Тулу; въ 1581 году, во время польской войны, въ сторожевой полкъ, а послѣ на лѣвую руку. Въ 1582 году, во время зимняго похода на Шведовъ, *при распредѣленіи воеводъ по городамъ* былъ назначенъ воеводою въ Мценскъ. Въ 1583 году былъ первымъ воеводою въ Рязанскихъ войскахъ. Наконецъ, послѣ продолжительной службы въ разныхъ полкахъ, въ 1592 году былъ назначенъ въ Брянскъ воеводою[3]). Другой Щербатовъ въ 1585 году былъ вторымъ воеводою въ сторожевомъ полку, откуда былъ переведенъ въ Тулу въ воеводы,

---

въ Мещерской области построенъ городъ *Шацкъ* (нынѣ Тамб. губ.) Борисомъ Сукинымъ. Для обороны былъ тамъ воевода князь Шестуновъ. См. также наказную память кн. Шуйскому и Оболенскому, назначеннымъ въ 1563 г. въ нововавоеванный Полоцкъ. «Царь и Великій Князь велѣлъ имъ быть *для своего дѣла* и для земскаго». Имъ поручено городовое дѣло, служилые люди, наблюденіе за благочиніемъ въ городѣ, финансовое управленіе и судъ. Относительно суда повелѣно: «А управа давати Литовскимъ людемъ, шляхтамъ и бурмистрамъ и земскимъ людемъ и землякамъ, боярамъ и воеводамъ, распрося про здѣшніе обычаи какъ ведутца». Впрочемъ, это распоряженіе имѣло только временное значеніе. Въ послѣдствіи наказъ предписывалъ передать судъ особымъ судьямъ, кои должны были судить подъ надзоромъ воеводъ и при участіи земскихъ людей. А. И. I. № 169, 191.

[1]) А. И. I, № 230.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. т. IX, стр. 9.

[3]) Ib. т. IX. Родословіе князей Щербатовыхъ стр. 11—13.

а съ Тулы въ томъ же году въ большой полкъ во вторые воеводы. Князь Иванъ Григорьевичъ Щербатовъ въ 1564 году былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, въ 1601 году былъ съ прочими воеводами въ Смоленскѣ у городоваго дѣла, а въ 1603 году былъ на Орлѣ воеводою. Его братъ Василій Григорьевичъ въ 1581 году былъ воеводою въ Новгородѣ Сѣверскомъ, въ 1582 году въ Новосилѣ. Затѣмъ съ 1584 по 1591 г. былъ въ полковой службѣ. Въ 1591 году былъ воеводою въ Пронскѣ и т. д. Изъ этого видно также, что такъ называемые годовые воеводы назначались уже въ XVI столѣтіи по разнымъ городамъ. Такъ были воеводы въ Орлѣ, Новосилѣ, Смоленскѣ, Одоевѣ, Пронскѣ, Брянскѣ [1]. Въ это время названіе воеводъ, какъ уѣздныхъ и городовыхъ правителей, начинаетъ смѣшиваться съ названіемъ намѣстника, при чемъ послѣднее употребляется болѣе какъ почетное званіе, соединенное, впрочемъ, съ разными доходами, а не для обозначенія дѣйствительной должности административной. Смѣшеніе это замѣчается довольно рано. Еще въ 1503—1504 г. упоминается намѣстникъ и воевода Новгородскій, въ 1547 г. намѣстникъ и воевода Смоленскій. Затѣмъ въ иныхъ городахъ упоминаются то намѣстники, то воеводы. Далѣе, назначеніе воеводъ въ разные города въ XVI вѣкѣ бываетъ или общею мѣрой, или они посылаются въ различные пункты. Новая правительственная система то замѣняетъ прежніе органы управленія, то вновь уступаетъ имъ мѣсто. Одинъ изъ актовъ 1613 года, заключающій въ себѣ разрядную роспись городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей, говоритъ: „Съ 121 года, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи, въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди, а до 121 году при боярѣхъ и царѣ и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городахъ воеводы были жъ; а при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по 113 годъ, по Ростригинъ приходъ, въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было, а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые приказчики“ [2]. Это извѣстіе не имѣетъ безусловной достовѣрности. Вопервыхъ, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ были воеводы въ Сибири, въ Казани, Свіяжскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и во многихъ другихъ городахъ. Затѣмъ эти слова могутъ указывать только на то обстоятельство, что воеводы съ 1613 года явились съ новымъ характеромъ, замѣнивъ собою въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Ib. т. XVII. Родословіе князей Голицыныхъ, стр. 195—200. Доп. къ А. И. I, № 133, 175, 178.

[2]) *Временникъ*, 1849 г. кн. III.

отношеніяхъ прежнее выборное начальство и губныхъ старостъ. Исторія Двинской области представляетъ нѣкоторыя любопытныя данныя въ этомъ отношеніи. Двинская земля съ давнихъ поръ имѣла намѣстниковъ, но они существовали въ ней не постоянно. Въ 1534 году намѣстникомъ Двинскимъ былъ князь Шуйскій, а до того были сотскіе, то-есть, выборное начальство. Съ 1538 по 1541 г. намѣстниковъ опять не было, а были сотскіе, „и жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники присыланы на ихъ имя“. Въ 1541 году опять являются намѣстники до 1552 года. Послѣдній намѣстникъ былъ князь Семенъ Микулинскій [1]). „И какъ онъ съѣхалъ къ Москвѣ, и послѣ его были выборные Холмогорскіе головы Филипъ Родіоновъ да Фофанъ Макаровъ, и съ ними Двинскіе выборные судьи, и судили на Холмогорахъ въ верхней и нижней половинѣ“. Выборные головы и земскіе судьи судили и управляли „до воеводскаго пріѣзду“, то-есть, до назначенія воеводъ. Воеводскій пріѣздъ лѣтописецъ ставитъ подъ 1581 г., когда „присланы были на Двину воеводы Петръ Аѳанасьевичъ Нащокинъ, да Зарѣшанинъ Никифоровъ сынъ Волоховъ“. Съ тѣхъ поръ на Двинѣ были воеводы въ царствованіе Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, во время междуцарствія, до самаго воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Въ 1613 (7121) г. назначенъ былъ воеводою Пушкинъ. Лѣтописецъ, говоря объ его назначеніи, прибавляетъ: „До сего воеводы Никиты Пушкина, съ воеводами судили вмѣстѣ Двинскіе выборные судьи, а сей воевода Двинскимъ выборнымъ судьямъ земскимъ съ собою въ товарищахъ быть не велѣлъ“ [2]). Слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ воеводы хотя и участвовали въ судѣ, но рядомъ съ ними дѣйствовало и прежнее выборное начальство. ~~Напротивъ~~, съ 1613 года воеводское управленіе исключаетъ всякое другое. Можетъ-быть, неурядица смутнаго времени вызвала потребность сильной правительственной диктатуры, для цѣлей „земскаго строенія“. Но каковы бы ни были причины этой перемѣны, несомнѣнно то, что первоначально выборныя должности утратили свое значеніе. Уже въ послѣдствіи возстановляются старыя уставныя грамоты и возобновляется учрежденіе губныхъ старостъ. И это возстановленіе далеко не было полно. На земскомъ соборѣ 1642 года гости и торговые люди, жалуясь царю на воеводъ, говорили: „При прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами

[1]) Послѣ онъ былъ Свіяжскимъ воеводою. См. выше.

[2]) Двинскій лѣтописецъ, стр. 9—11, 14, 15—19.

промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ Украинные города для береженья отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ Татаръ, отъ ихъ разоренья“[1]). Эти слова имѣютъ для насъ большое значеніе, но безусловно вѣрить имъ нельзя. Въ прежнее время, то-есть, до смутнаго времени воеводы дѣйствительно посылались *преимущественно* „для береженья“ городовъ отъ непріятеля. Но въ то же время имъ поручались и другіе предметы. Воеводы во вновь завоеванныхъ царствахъ, напримѣръ, въ Казани, Астрахани, имѣли обширный кругъ вѣдомства и „при прежнихъ царѣхъ“. Двинскіе воеводы имѣли право суда, которое до Михаила Өеодоровича они раздѣляли съ выборными судьями. Въ другихъ мѣстностяхъ воеводы издавна дѣйствовали по административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Наиболѣе свѣдѣній по этому вопросу представляетъ управленіе Новгорода въ XVI вѣкѣ. Уничтоженіе вѣчеваго начала и необходимость имѣть постоянное „береженье“ отъ сосѣдей рано развили здѣсь приказное управленіе въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существовало въ XVII вѣкѣ во всей Россіи. Въ половинѣ XVI вѣка въ Новгородѣ были намѣстники. Намѣстники эти не имѣли здѣсь того значенія, какъ прочіе намѣстники въ Россіи. Новгородъ не былъ для нихъ простымъ кормленіемъ; они не имѣли въ виду строго опредѣленныхъ обязанностей, за отправленіе которыхъ имъ давались извѣстные доходы. Къ немногосложнымъ обязанностямъ обыкновеннаго намѣстника присоединялось много другихъ правительственныхъ порученій, которыя въ послѣдствіи давались воеводамъ. Поэтому они называются то намѣстниками, то воеводами[2]). Но старая форма намѣстническаго управленія не удовлетворяла уже правительства. Ему необходимо было на этомъ важномъ административномъ пунктѣ имѣть болѣе удобные органы своей власти. Вслѣдствіе этого оно обставляетъ намѣстниковъ дьяками. Эти дьяки имѣли при намѣстникахъ гораздо большее значеніе, чѣмъ позднѣйшіе воеводскіе товарищи, также иногда назначавшіеся изъ дьяковъ. Правительство сносится съ ними гораздо больше и по гораздо важнѣйшимъ дѣламъ чѣмъ съ намѣстниками. Всю совокупность дѣлъ тогдашняго Новгородскаго управленія можно раз-

[1]) С. Г. Г и Д. т. III.

[2]) Доп. къ А. И. I, № 65 (1555 г.) «...въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, боярину и намѣстнику нашему Дмитрею Өедоровичу Палецкому». Ib. № 73 (того же г.) «...боярамъ нашимъ и воеводамъ князю Щенятеву да князю Дмитрею Өедоровичу Палецкому». Ib. № 76.

дѣлить на два отдѣла. Къ первому относятся дѣла, которыя дьяки исполняютъ вмѣстѣ съ намѣстниками; ко второму—такія, которыя они исполняютъ сами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Московскаго правительства. Послѣдній видъ гораздо обширнѣе перваго. Къ первому относятся главнымъ образомъ дѣла судебныя, которыя вездѣ составляли главную сферу дѣятельности намѣстниковъ. Въ этой сферѣ они были вполнѣ самостоятельны и отправляли ее чрезъ своихъ тіуновъ. Напротивъ, въ Новгородѣ они раздѣляли ее съ дьяками и отправляли свою должность подъ контролемъ центральнаго правительства. Иски вчинались часто въ Москвѣ, откуда посылалось предписаніе намѣстникамъ и дьякамъ дать судъ челобитчикамъ. Грамоты писались на имя намѣстниковъ и дьяковъ вмѣстѣ [1]). Дьяки не только участвовали въ намѣстничьемъ судѣ, но и значительно ограничили его сферу. Намѣстникамъ Новгородскимъ поручался судъ по заемнымъ кабаламъ, о займахъ, о различныхъ гражданскихъ правонарушеніяхъ. Напротивъ, судъ о помѣстныхъ и земляныхъ дѣлахъ поручался обыкновенно однимъ дьякамъ [2]). Встрѣчаются примѣры, что и нѣкоторыя другія дѣла поручались дьякамъ [3]); но по дѣламъ помѣстнымъ судъ главнымъ образомъ производился дьяками, по очень простой причинѣ: имъ были поручены вообще помѣстныя дѣла [4]). Конечно, сами дьяки не имѣли самостоятельнаго значенія по этимъ вопросамъ. Они поручались имъ именно потому, что правительство смотрѣло на нихъ, какъ на хорошихъ исполнителей своихъ распоряженій. Управленіе помѣстьями сосредоточивалось въ помѣстномъ приказѣ, и дьякамъ поручались только отдѣльныя дѣйствія по этому предмету. Кромѣ помѣстныхъ дѣлъ, многія другія поручались дьякамъ вмѣстѣ съ намѣст-

---

[1]) Ib. № 51 грамоты по судным дѣламъ. II. «Отъ царя и вел. кн. Ивана Васильевича въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, бояринy нашему и намѣстнику князю Дмитрію Θедоровичу Палецкому, да дьякамъ нашимъ, Θедору Сыркову да Казарину Дубровскому. Били намъ челомъ (такой-то о томъ-то; искъ былъ по кабалѣ). И вы бы ему (истцу) на нихъ (отвѣтчиковъ) дали пристава, а велѣли ихъ поставити предъ собою, да по тѣмъ кабаламъ тѣ денги велѣли у него взяти»... Подобныя же III, IV, V, VI, VII и т. д. ib. № 58.

[2]) Ibid. I, XIII, XIV, XVI, XVII, XVIII и нѣкоторыя другія грамоты. Ib. № 57, 59, 83.

[3]) Ib. XIX. Искъ о ложныхъ вѣсахъ. Ивангородскій намѣстникъ, первоначально производившій сей судъ, прислалъ списокъ судный къ докладу Новгородскаго намѣстника кн. Курлятева. «И вы деи, наши дьяки у кн. Курлятева тотъ списокъ взяли, *потому что судъ вашъ*».

[4]) См. всѣ грамоты по помѣстнымъ дѣламъ, пом. въ Доп. къ А. И. I, № 52; всѣ онѣ писаны на имя Новгородскихъ дьяковъ.

никами или имъ однимъ. Меньше всего можно было ожидать участія дьяковъ въ военномъ дѣлѣ; однако и здѣсь встрѣчается ихъ дѣятельность [1]). Можетъ-быть, основаніемъ къ этому служило то обстоятельство, что дьяки завѣдывали помѣстьями, съ которыхъ служилые люди должны были нести службу. Еще обширнѣе была дѣятельность дьяковъ въ сферѣ финансовой администраціи; по этимъ вопросамъ они прямо сносились съ центральнымъ правительствомъ [2]). Вслѣдствіе этого *имъ* главнымъ образомъ приходилось имѣть дѣло съ выборнымъ земскимъ управленіемъ. Введеніе приказнаго управленія не уничтожало возможности выборныхъ земскихъ властей. Дѣйствительно, подъ 1556 г. мы находимъ извѣстіе, что въ Новгородѣ, во всѣхъ пятинахъ, велѣно князьямъ, дѣтямъ боярскимъ, всѣмъ служилымъ людямъ, игуменамъ, попамъ и дьяконамъ, старостамъ, сотскимъ и пятидесятскимъ и всѣмъ крестьянамъ выбрать изъ пятинъ человѣка по три и по четыре лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку... и велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ сбирать государевы ямскія и приметныя деньги, и за посошные люди, и за емчюжное дѣло и всякія подати по писцовымъ книгамъ и привозить къ дьякамъ въ Новгородъ [3]). Изъ этого видно, что дьяки должны были видоизмѣнить начала намѣстническаго управленія съ одной стороны и выборныхъ должностей, съ другой. Пока не развились начала воеводскаго управленія, правительство боится ввѣриться этимъ остаткамъ прежняго времени именно въ Новгородѣ. Въ 1555 г. въ Новгородъ назначены два воеводы; дьякамъ предписано слушать воеводъ. Но обязанность послушанія касалась только нѣкоторыхъ дѣлъ, имѣвшихъ отношеніе къ войнѣ съ Шведами. Всѣ другія дѣла по прежнему остались за дьяками. Не долго продолжалось и это подчиненіе воеводамъ. Не прошло трехъ недѣль, какъ въ Новгородѣ не было не только воеводъ, но и намѣстника. Князь Палецкій, уходя на Шведскую войну, оставилъ свое намѣстничество и „свелъ" своихъ людей, то-есть, тіуновъ, недѣльщиковъ и т. д. Царь поручилъ производство намѣстничьихъ судныхъ дѣлъ дьякамъ. Порученіе это состоялось на очень оригинальныхъ основаніяхъ. Въ Новгородъ было послано новое лицо, какой-то Иванъ Ивановичъ Жулебинъ, которому велѣно было съ дьяками „дѣла земскія дѣлать", которыя дѣлали прежніе намѣстники. На что нуженъ былъ тутъ этотъ Жулебинъ, сказать трудно. Его роль при дьякахъ была не

[1]) Ib. № 50, 65, 72, 82, 90, 91, 70.

[2]) Ib. № 49, 61, 68, 74, 78, 81, 88, 94, 95, 101.

[3]) Ib. № 93.

особенно самостоятельная. Судъ былъ раздѣленъ на двѣ инстанціи— судъ тіуна и судъ Жулебина съ дьяками [1]). Жулебинъ долженъ былъ замѣнить намѣстника, но явился скорѣе приказнымъ человѣкомъ, поставленнымъ притомъ въ какую-то зависимость отъ дьяковъ. Начало кормленія и намѣстничьи пошлины уничтожены; ихъ велѣно брать въ пользу царя [2]). Замѣчательно при этомъ, что сборъ пошлинъ и вообще надзоръ за судомъ былъ порученъ не Жулебину, а дьякамъ. Уже и раньше намѣстники не имѣли особеннаго значенія для управленія Новгородомъ. Власть ихъ распространялась не только не на всѣ дѣла, но и не на все пространство города. Князь Палецкій имѣлъ въ кормленіи только половину Новгорода. Послѣ его „съѣзду“ царь поручилъ дьякамъ выбрать кого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ и въ помощь ему недѣльщиковъ, для собиранія намѣстничьихъ пошлинъ на царя. Дьякамъ былъ порученъ надзоръ за этимъ соборомъ [3]). Съ отъѣздомъ князя Палецкаго въ Новгородѣ остался намѣстникъ на другой его половинѣ, князь Глинскій. Каково было его положеніе и значеніе, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Во время Шведской войны ему нужно было послать какую-то грамоту къ Шведскому королю, въ то время стоявшему въ Выборгѣ. Грамота была послана на разсмотрѣніе царя, который одобрилъ ее и прислалъ къ Жулебину и дьякамъ для доставки королю. Слѣдовательно, намѣстникъ не имѣлъ даже достаточнаго количества людей въ своемъ распоряженіи, ни права приводить въ исполненіе какихъ-нибудь мѣръ безъ дьяковъ. До чего это доходило, видно изъ того, что князь Глинскій жаловался Государю: „На его намѣстничи деи дворѣ хоромы сгнили и развалилися; и жити деи въ нихъ не мочно“. Ближе всего было поручить починку этихъ хоромъ кн. Глинскому. Но хоромы ставились натуральною повинностію, а отбываніе натуральныхъ повинностей, равно какъ и все финансовое управленіе, было въ рукахъ дьяковъ, а потому имъ и велѣно было починить хоромы Глинскаго. Въ моментъ починки этихъ хоромъ и доходы князя были невелики. Даже не всѣ

---

[1]) «И которые дѣла учнутъ тіуны наши судити, а которыхъ будетъ дѣлъ кончати имъ немочно, и мы ему Ивану велѣли, да и вы бы съ Иваномъ тѣ дѣла по суду и управу имъ чинили». Ib. № 87.

[2]) «А которые будетъ судные дѣла кончаете (дьяки) Иванова суда, и вы бы съ тѣхъ дѣлъ пошлины имали на насъ, а которые дѣла тіуня суда, и вы бы берегли, чтобъ тіуны дѣла наши дѣлали и пошлины бъ имали на насъ по нашему наказу, а у недѣльщиковъ бы крестьянамъ силы и продажи ни которые не было».

[3]) Ib. № 85.

судебныя пошлины принадлежали ему. По крайней мѣрѣ, при посылкѣ Жулебина въ Новгородъ, ему съ дьяками поручались всѣ судебныя дѣла. Это видно еще изъ того, что чрезъ нѣсколько времени князь Глинскій былъ пожалованъ судною пошлиной съ половины Новгорода и дьякамъ велѣно было „смѣтя намѣстничь доходъ, половину Новгорода, что собрано на царя и великаго князя на весь годъ“ отдать князю [1]). Кромѣ намѣстничьихъ пошлинъ, разные виды кормленій находились подъ главнымъ завѣдываніемъ дьяковъ. У нихъ хранились доходные списки и книги тѣхъ кормленій. Въ случаѣ пожалованія кого-либо кормленіемъ, новый кормленщикъ получалъ отъ дьяковъ доходный списокъ „по чему ему то дѣло вѣдать и пошлины свои сбирать“. При съѣздѣ кормленщиковъ доходы опять собирались самими дьяками [2]). Итакъ, кормленщики все болѣе и болѣе теряли власть административную. Новыя отрасли управленія поручались приказнымъ людямъ, прежнія изъ рукъ намѣстниковъ понемногу переходили къ нимъ же.

Приведенные выше факты весьма любопытны въ томъ отношеніи, что они характеризуютъ время упадка системы намѣстниковъ и волостелей. Они относятся ко времени изданія главныхъ уставныхъ и губныхъ грамотъ. Но между тѣмъ какъ въ центральной Россіи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывшей Новгородской области намѣстники устраняются выборнымъ управленіемъ, въ самомъ Новгородѣ они вытѣсняются приказнымъ началомъ и выборными должностями вмѣстѣ. Приказныя должности усиливаютъ значеніе центральнаго правительства въ мѣстности и даютъ больше единства всей администраціи. Управленіе дьяковъ проложило здѣсь дорогу воеводскому управленію. Въ концѣ царствованія Ивана Грознаго и при всѣхъ его преемникахъ, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ дѣйствуютъ воеводы [3]). Моментъ, когда воеводы вытѣснили намѣстниковъ, нельзя опредѣлить съ точностію. Должность намѣстника, утратившая свое значеніе, какъ средство управленія, продолжала, кажется, существовать какъ одинъ изъ видовъ государева жалованья. Исторія Новгородскихъ намѣстниковъ ясно доказываетъ это. Все управленіе сосредоточено въ рукахъ приказныхъ людей, а намѣстники живутъ въ развалившихся хоромахъ

[1]) Ib. № 100, 106, 109.

[2]) Ib. № 105, 108.

[3]) Древн. Росс. Вивліоѳ. т. XVII, стр. 202 — 203. Доп. къ А. И. I, № 136, 144, 150, 155, 162.

и сбираютъ свои пошлины. Поэтому даже съ уничтоженіемъ административнаго значенія намѣстниковъ и замѣною ихъ гдѣ выборнымъ, а гдѣ и приказнымъ управленіемъ, государи жаловали иногда намѣстничьи доходы разнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи титулъ намѣстника не былъ какимъ-нибудь исключительно почетнымъ титуломъ; съ этимъ званіемъ соединялись разные доходы. Въ послѣдствіи мы встрѣчаемъ нерѣдко соединеніе названія *намѣстника и воеводы:* намѣстникъ и воевода такой-то. Не можетъ быть, чтобъ это означало только, что къ званію воеводы присоединялся почетный титулъ намѣстника. Одно и то же лицо бывало въ одномъ городѣ намѣстникомъ и воеводою, а въ другомъ просто воеводою [1]). Этотъ фактъ, повидимому, означаетъ нѣчто другое. Воевода съ завѣдываемыхъ имъ дѣлъ не получалъ ничего, а намѣстникъ бралъ пошлины. Можетъ-быть, воеводы иногда жаловались намѣстничьими доходами съ города, въ которомъ они были, и тогда назывались намѣстниками и воеводами. Иногда же званіе намѣстника въ одномъ и томъ же городѣ давалось одному лицу, а воеводская должность поручалась другому [2]).

Не изъ одной полковой службы развилась, слѣдовательно, воеводская должность. Съ самаго начала установилось различіе между *полковыми* и *годовыми* воеводами, посылавшимися не только для береженья городовъ отъ непріятеля, но и для разныхъ административныхъ цѣлей. Ихъ служба не считается полковою, они отпускаются на опредѣленный срокъ въ городъ для всякихъ государевыхъ дѣлъ. Служба ихъ продолжала называться годовою [3]). Слѣдовательно, по общему правилу они отпускались по городамъ только на годъ. Это правило не всегда соблюдалось, но можно сказать, что обыкновенный срокъ воеводской службы былъ 1—2 года. Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ такихъ перемѣнъ воеводъ по городамъ. Возьмемъ на удачу

[1]) Напримѣръ, въ 1570 г. кн. Вас. Юрьев. Голицынъ былъ намѣстникомъ и воеводою Брянскимъ, а въ 15⁸³/₈₄ г. просто Новгородскимъ воеводою.

[2]) Напримѣръ, въ 1572 году Казанскимъ намѣстникомъ былъ князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, а воеводою князь Григорій Андреевичъ Куракинъ. Др. Росс. Вивліоѳ. XVII, 408. Въ 1615 году намѣстникомъ Нижегородскимъ былъ князь А. Ю. Сицкій, а воеводою кн. Бахтеяровъ-Ростовскій; Казанскимъ намѣстникомъ И. М. Воротынскій, а воеводою кн. В. Т. Долгорукій; Калужскимъ намѣстникомъ окольничій Измайловъ, а воеводою кн. Д. И. Долгорукій и т. д. Дворц. разряды I, ст. 187 и слѣд. Другіе подобные факты см. у Дмитріева l. c. стр. 75 и слѣд. и примѣч. 151.

[3]) «Того же году (1616) были по городамъ бояре, и воеводы и дьяки на *годовой службѣ....*» Дворц. разряды стр. 235.

нѣсколько городовъ за три года 1614—1616 г. Воеводское управленіе представляется въ нихъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

1614.	1615.	1616.
Владиміръ.		
С. Коробьинъ и Н. Лопухинъ.	Никита Пушкинъ [1]).	Кн. С. М. Звенигородскій.
Суздаль.		
Ив. Щелкаловъ и дьякъ В. Бармосовъ.	Тѣ же.	Князь Клубковъ-Мосальскій.
Муромъ.		
Борисъ Собакинъ и дьякъ Ѳ. Апраксинъ.	Б. И. Полевъ съ тѣмъ же дьякомъ.	Д. А. Замыцкій.
Нижн. Новгородъ.		
Князь Бахтеяровъ - Ростовскій, С. Глѣбовъ и дьякъ Вареевъ.	Кн. Бахт.-Ростовскій, Б. И. Нащокинъ и дьякъ Вареевъ.	Остался одинъ Нащокинъ съ новымъ дьякомъ Образцовымъ.
Коломна.		
Кн. Барятинскій; въ томъ же году смѣненъ; вм. его: Ѳ. В. Волынскій и дьякъ Яковлевъ.	Кн. В. А. Звенигородскій и дьякъ Яковлевъ.	Отпущ.; вм. ихъ кн. Б. Н. Пріимковъ-Ростовскій.
Серпуховъ.		
Кн. И. Д. Мосальскій.	Кн. И. Л. Мосальскій.	Онъ же.
Елецъ.		
Смѣненъ воевода Полевъ; вм. его кн. Ѳ. Волконскій.	Кн. И. И. Салтыковъ.	Отпущ.; вмѣсто его кн. В. Г. Ромодановскій и С. Р. Лодыженскій.
Тула.		
Воев. Плещеевъ Глазунъ.	Онъ же.	Осадной голова И. Зибинъ.
Калуга.		
Князь А. Г. Долгорукій и дьякъ Шараповъ.	Кн. Д. И. Долгорукій, Ловчиковъ и дьякъ Агѣевъ.	Отпущ.; вм. ихъ кн. И. Ѳ. Троекуровъ и дьякъ Дмитріевъ.
Ярославль.		
Кн. И. Хованскій, Головинъ и дьякъ Юдинъ. Смѣнены; вм. ихъ кн. Тюменскій, Лодыгинъ и дьякъ Любочиновъ.	Тѣ же.	Отпущ.; вмѣсто ихъ Г. Г. Пушкинъ.

[1]) Въ $16^{13}/_{14}$ году онъ былъ воеводою на Двинѣ. См. приведенное выше извѣстіе изъ Двинскаго лѣтописца.

Такимъ образомъ, по большей части воеводы смѣняются чрезъ годъ; нѣкоторые остаются два года. Въ послѣдствіи встрѣчаются примѣры, что воеводы оставляются за особенно усердную службу на третій годъ; но это было уже исключеніемъ изъ общаго правила.

Воеводы опредѣлялись обыкновенно изъ дворянъ, написанныхъ по Московскому списку, то-есть, изъ лицъ, подвѣдомыхъ Большому разряду. При полномъ подчиненіи этого сословія разряду и при военномъ характерѣ воеводскаго управленія, естественно было бы ожидать, что это установленіе получитъ первенствующее значеніе въ воеводскихъ отпускахъ. На дѣлѣ было не такъ. Воеводская служба не считалась полковою службой. Воеводскіе наказы, кромѣ обязанностей воинскихъ, заключали въ себѣ разныя порученія по различнымъ частямъ управленія. Слѣдовательно, естественнѣе всего было сосредоточить воеводскіе отпуски въ тѣхъ приказахъ, кои вѣдали города въ административномъ отношеніи, а такъ какъ вопросы финансовой администраціи стояли въ то время на первомъ планѣ, то и приказы, вѣдавшіе города въ финансовомъ отношеніи, занимались воеводскими отпусками [1]). Кромѣ этой причины была еще другая, не менѣе важная. Разнообразіе Московскихъ приказовъ вредно отражалось на интересахъ областнаго народонаселенія. Подчиненіе города различнымъ вѣдомствамъ усложнило бы отношенія жителей къ управленію, грозило бы имъ „волокитою" и большими издержками. Мы видѣли выше, что съ организаціей сословій правительство стремилось дать каждому сословію особый приказъ, который бы одинъ вѣдалъ его во всѣхъ отношеніяхъ, ради устраненія волокиты и издержекъ. Въ началѣ XVII стол. этой потребности должно было удовлетворять подчиненіе всѣхъ жителей извѣстной мѣстности одному приказу, обыкновенно областному [2]). Вслѣдствіе этого въ областныхъ приказахъ составлялись росписи воеводамъ,

---

[1]) См., напримѣръ, Разрядныя книги т. II, ст. 351: «Въ понизовыхъ городѣхъ (воеводы и приказные люди) посланы изъ Казанскаго приказу» (слѣдуетъ исчисленіе).

[2]) Это стремленіе наглядно высказывается во многихъ правительственныхъ актахъ, изд. въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Въ 1615 г. при назначеніи въ Шую воеводы Петра Ярцева послана грамота къ Шуйскимъ посадскимъ людямъ, гдѣ говорится: «.... А Петру васъ посацкихъ людей отъ насильства и обидъ во всякихъ дѣлѣхъ оберегати, *чтобъ васъ посацкихъ людей изъ иныхъ приказовъ* по нашимъ грамотамъ въ исцовыхъ искѣхъ, опричь Галицкіе чети грамотъ за приписью дьяка нашего Третьяка Корсакова, никто не продавали, *и тѣхъ грамотъ въ исцовыхъ искѣхъ изъ иныхъ приказовъ не слушали*». А. отн. до юрид. быта др. Рос. I № 55, V.

отпускаемымъ въ города [1]). Тѣмъ не менѣе воеводы подчинялись областнымъ и другимъ приказамъ только послѣ своего поступленія на должность, а до тѣхъ поръ въ качествѣ полковыхъ людей они состояли въ подчиненіи разряду и другимъ воинскимъ приказамъ. Право этихъ приказовъ на служилыхъ людей необходимо должно было имѣть въ виду. Областные приказы назначали воеводъ, но съ согласія разряда или другаго установленія, вѣдавшаго служилое сословіе. Никто не могъ быть отпущенъ на воеводство, если его присутствіе въ полку было необходимо. Въ законодательствѣ это правило высказано довольно поздно. Именно, въ 1674 году предписано не назначать начальныхъ людей на воеводство и въ приказы безъ сношенія съ рейтарскимъ и иноземскимъ приказами [2]). Мотивы перваго указа довольно любопытны. „Вѣдомо Государю учинилось, что начальные люди бьютъ челомъ Великому Государю и подаютъ челобитныя въ разрядъ, чтобъ имъ быть въ городѣхъ на воеводствахъ и на приказѣхъ, а чины свои въ тѣхъ челобитныхъ таятъ, отбывая Великаго Государя службы". Относительно разряда подобныя постановленія были излишни, ибо челобитныя о назначеніи на воеводство подавались въ разрядъ, и съ справкою изъ разряда поступали на усмотрѣніе государя. Затѣмъ отпущенному на воеводство давался наказъ изъ того приказа, гдѣ городъ былъ вѣдомъ. Такимъ образомъ, областные приказы распоряжались людьми, отпущенными чрезъ разрядъ. Правительство, какъ въ XVII, такъ отчасти и въ XVIII вѣкѣ, скупо надѣляло служилыми людьми гражданское управленіе. Никто не могъ быть назначенъ на воеводство и въ приказы безъ сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Назначеніе на воеводство происходило не по инціативѣ правительства. Служилые люди сами добивались этой льготы и осаждали государя просьбами. Можетъ-быть, отъ этого отчасти зависѣлъ кратковременный срокъ воеводской службы: надо же было удовлетворить такое количество челобитчиковъ! Напротивъ, само правительство не стремилось назначать на воеводство людей способныхъ. Оно смотрѣло на воеводство какъ на должность инвалидную и было недовольно, что нѣкоторыя лица, „отбывая государевой службы", бьютъ челомъ на воеводство. Взглядъ правительства на это дѣло обнаружился въ двухъ мѣрахъ Алексѣя Михайловича. Въ 1661 году предписано во всѣ города, вѣдомые въ разрядѣ, назначать въ воеводы и приказные люди изъ ранен-

[1]) Образчикъ такой росписи, вмѣстѣ съ росписью денежныхъ доходовъ, см. въ Доп. къ А. И. V, № 57.

[2]) П. С. З. № 572. 576.

ныхъ и бывшихъ въ плѣну, „а которые отпущены въ воеводы и въ приказные люди не ранены, и тѣхъ перемѣнить раненными". Затѣмъ въ томъ же году всѣхъ воеводъ для полковой службы велѣно выслать къ Москвѣ, а управленіе поручить губнымъ старостамъ, или, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ, отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ [1]). Кромѣ этихъ частныхъ мѣръ, нѣкоторыя общія распоряженія указываютъ на этотъ взглядъ правительства. Уложеніе и новоуказныя статьи постановляютъ дѣлать отсрочки дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, находящимся на службѣ, во всякихъ судныхъ пошлинахъ и истцовыхъ искахъ [2]). Напротивъ, воеводамъ, кромѣ воеводъ дальнихъ городовъ, и полковыхъ отсрочекъ дѣлать не велѣно [3]). Слѣдовательно, воеводы отпускались по челобитнымъ, и должности эти давались въ качествѣ жалованья, льготы. Челобитныя подавались ими въ разрядъ, въ опредѣленный срокъ. По указу Θеодора Алексѣевича, они должны были быть поданы за полгода до срока воеводскихъ отпусковъ, а наказъ даваться имъ изъ надлежащаго приказа за мѣсяцъ до этого срока [4]).

Вопросъ о *наказахъ* принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ и самыхъ запутанныхъ во всемъ воеводскомъ управленіи. По мнѣнію г. Чичерина, не было общей системы для составленія этихъ наказовъ, которые состояли изъ частныхъ распоряженій по отдѣльнымъ вопросамъ, поручаемымъ тому или другому воеводѣ. Г. Андреевскій и Калачовъ держатся противнаго мнѣнія [5]). Мы постараемся для уясненія этого вопроса кратко разсмотрѣть всѣ формы воеводскихъ наказовъ. Выше было замѣчено, что наказы давались приказами, завѣдывавшими городомъ въ финансовомъ отношеніи. Но не всегда они давались такими приказами; вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ города поступали въ завѣдываніе приказовъ, не имѣвшихъ собственно въ виду финансоваго управленія. Такъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича цѣлыя четверти были подчинены посольскому приказу, вслѣдствіе соображеній внѣшней политики. Разумѣется, это обстоятельство значительно видоизмѣняло содержаніе наказовъ, ибо преимущественное вниманіе въ нихъ было обращено на тѣ задачи, кои вѣдались въ посольскомъ приказѣ. Затѣмъ наказы, даваемые обыкно-

---

[1]) Тамъ же № 295, 313.

[2]) См. примѣры такихъ отсрочекъ въ П. С. З. № 24, 52, 57, 90 и мног. другіе.

[3]) Уложеніе, глава X, 149 и П. С. З. № 784.

[4]) П. С. З. № 661.

[5]) Чичеринъ, тамъ же, стр. 88 и слѣд. Калачовъ—«Инсарскіе воеводы» стр. 73. Андреевскій, тамъ же, стр. 45, примѣч. 20.

веннымъ, *годовымъ* воеводамъ, не должно смѣшивать съ наказами, которые получали полковые воеводы, назначавшіеся въ разные города для военныхъ цѣлей. Нѣсколько примѣровъ выяснятъ значеніе этихъ наказовъ.

Въ 1649 году Астрахань была подчинена посольскому приказу, откуда и данъ былъ наказъ воеводамъ кн. Пожарскому и Голицыну. Этотъ наказъ главнымъ образомъ касается отношеній Россіи къ инородцамъ, ногайскимъ мурзамъ, Калмыкамъ и т. д. Наказъ весьма обширенъ [1]). Но нигдѣ не встрѣчается постановленія о подробностяхъ внутренняго управленія. Напротивъ, онъ, упоминая объ этихъ вопросахъ, постоянно ссылается на *большой* наказъ, данный имъ изъ приказа Казанскаго дворца [2]). Правда, воеводамъ предписывалось отписки о всякихъ дѣлахъ присылать въ посольскій приказъ [3]), но это подчиненіе было временное и не имѣло въ виду смѣшенія вѣдомствъ. Въ слѣдующемъ году новые Астраханскіе воеводы, князь Пронскій съ товарищами, получили наказъ изъ одного Казанскаго дворца и о всѣхъ дѣлахъ должны были писать сюда же [4]). Нѣчто подобное представляетъ наказъ 1622 г. Вяземскимъ воеводамъ [5]). Этотъ наказъ вполнѣ сходенъ съ наказами полковымъ воеводамъ, назначавшимся въ нѣкоторые города (Тулу, Крапивну, Михайловъ) для начальствованія полками: большимъ, сторожевымъ и передовымъ. Вязьма обыкновенно вѣдалась въ Устюжской четверти; но вслѣдствіе особенныхъ военныхъ обстоятельствъ того времени воеводы получили наказъ изъ разряда. Весь наказъ наполненъ постановленіями о „береженьи“ границъ отъ

---

[1]) А. И. IV № 32, стр. 77—119.

[2]) Тамъ же, стр. 116: «А одноличпо имъ боярину и воеводамъ... будучи на государевѣ службѣ въ Астрахани радѣти и промышляти Государевыми дѣлы, по сему Государеву наказу и какъ у нихъ написано въ большомъ наказѣ, которой имъ данъ изъ приказу Казанскаго дворца». Ibid., стр. 107.

[3]) Тамъ же, стр. 118.

[4]) Тамъ же, № 40.

[5]) А. И. III № 116, подобный же А. Э. III № 94, 187, 236. Наказъ подъ № 236 любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что здѣсь наглядно выставляется цѣль назначенія воеводъ—цѣль чисто военная. Воеводы Одоевскій и Шаховской были посланы въ Ржеву Володимерову не на годовую, а на полковую службу. Вслѣдствіе этого здѣсь вычисляются только обязанности, относившіяся къ тогдашней войнѣ съ Польшей (1633 года). За то полковыя обязанности изложены обширно. Ржевъ сдѣланъ *полковымъ* городомъ, то-есть, сборнымъ мѣстомъ для цѣлаго полка, и сюда должны были прибыть служилые люди изъ Ярославля, Зубцова, Костромы, Кашина, Бѣжецкаго Верха, Твери, Новаго Торга, Рузы, Клина, Старицы, Углича, Переяславля, Ростова и нѣкоторыхъ другихъ.

непріятельскихъ людей. Кромѣ распоряженія пересмотрѣть и приготовить къ походу служилыхъ людей, которое встрѣчается и въ другихъ наказахъ, хотя не съ такою подробностію, слѣдують приказанія посылать этихъ служилыхъ людей „по вѣстямъ" въ Калугу, въ Ржевъ и въ иные города, поправить укрѣпленіе Вязьмы, росписать пушкарей и черныхъ людей по мѣстамъ, „гдѣ кому въ осадное время быть, чтобъ всякъ свое мѣсто зналъ, чтобъ литовскіе люди и Черкасы, и измѣнники русскіе люди, черезъ мирное постановленье, воровскимъ обычаемъ, къ Вязьмѣ, безвѣстно, украдомъ и оманомъ, и ночнымъ временемъ, не пришли и какого дурна надъ городомъ не учинили". Затѣмъ воеводамъ предписывается „изъ посадскихъ людей и изъ пашенныхъ крестьянъ и изо всякихъ людей выбрать лазутчиковъ, добрыхъ людей и разумныхъ, и привести ихъ къ крестному цѣлованью на томъ, что имъ Государю служити, въ Литовскіе городы лазучить ходити и вѣстей всякихъ провѣдывати подлинно". Наконецъ, обширныя постановленія о сношеніяхъ Вяземскихъ воеводъ съ Литовскими „державцами". Рядомъ съ этими постановленіми наказъ какъ-то мелькомъ упоминаетъ о вопросахъ внутренняго управленія, о финансовой дѣятельности, о судѣ и т. д. На первомъ планѣ стоятъ военно-дипломатическія отношенія; правительство главное вниманіе обращаетъ на вѣсти про Литву и Черкасъ, о которыхъ воеводы должны „писати къ Государю Царю и Великому Князю почасту, а отписки о вѣстѣхъ велѣти отдавати въ разрядъ, а о посольскихъ дѣлѣхъ и о ссылочныхъ листахъ и о задорѣхъ писати въ посольскій приказъ, да и въ разрядъ о задорѣхъ писати жъ". Подобные наказы, которыхъ еще много можно встрѣтить въ нашихъ историческихъ памятникахъ, имѣютъ одинъ общій признакъ. Всѣ они отличаются непомѣрнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ административныхъ вопросовъ, тогда какъ о другихъ они упоминаютъ вскользь, ссылаясь на прежнія государевы грамоты, указы, на уложеніе и т. д. Этотъ одинъ признакъ достаточно доказываетъ, что эти акты составлялись въ виду какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, на которыя нужно было обратить особенное вниманіе мѣстной администраціи.

При отсутствіи этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ наказы обыкновенно выдавались приказами, завѣдывавшими городомъ въ административномъ отношеніи. Эти наказы представляютъ довольно полную программу мѣстной администраціи и писались, очевидно, по одному образцу. Что при составленіи ихъ держались опредѣленной системы, видно изъ того, что въ нихъ не встрѣчается слишкомъ подробнаго

развитія отдѣльныхъ вопросовъ, при бѣгломъ упоминаніи объ остальныхъ, какъ это дѣлаютъ чрезвычайные наказы. Напротивъ, обыкновенные наказы исчисляютъ почти всѣ предметы вѣдомства воеводъ и обо всѣхъ говорятъ одинаково подробно. Здѣсь мы должны оговориться. Когда мы утверждаемъ, что воеводскіе наказы исчисляли всѣ вопросы управленія, мы имѣемъ въ виду вопросы, сосредоточенные въ извѣстномъ приказѣ. Выше было замѣчено, что безостановочное развитіе московской администраціи вызывало учрежденіе новыхъ приказовъ, которымъ ввѣрялись различныя задачи. Послѣднія рѣдко помѣщались въ общемъ составѣ наказа; они или помѣщались въ немъ въ формѣ добавочныхъ статей, или поручались воеводамъ отдѣльными указами изъ различныхъ приказовъ. Обыкновенная сфера дѣятельности воеводъ опредѣлялась содержаніемъ общаго наказа.

Содержаніе это было не особенно обширно. Его можно подвести подъ слѣдующія рубрики. 1. Наказъ содержалъ въ себѣ постановленія относительно вступленія въ должность новаго воеводы, порядка пріема должности отъ прежняго воеводы и составленія описи о принятіи казеннаго имущества. 2. Затѣмъ слѣдовали постановленія относительно финансоваго управленія. Этотъ отдѣлъ былъ особенно развитъ въ общихъ наказахъ, такъ какъ областные приказы главнымъ образомъ имѣли въ виду финансовое управленіе. 3-я часть опредѣляла отношенія воеводъ къ мѣстному обществу и выборнымъ должностямъ; 4-я заключала постановленія относительно полицейской дѣятельности воеводы; 5-я заключала въ себѣ опредѣленіе военныхъ обязанностей воеводы, а если городъ былъ пограничный, то и правила объ отношеніяхъ его къ иноземцамъ.

Конечно, ни въ одномъ наказѣ предписанія центральнаго правительства не расположены съ точностію по этимъ рубрикамъ. Всѣ постановленія наказа довольно смѣшаны, но касаются всѣхъ означенныхъ вопросовъ. Для примѣра мы разберемъ нѣсколько наказовъ, данныхъ воеводамъ изъ четвертей. Въ 1647 г. во Псковъ былъ посланъ воевода Никифоръ Собакинъ съ слѣдующимъ наказомъ [1]). По пріѣздѣ на мѣсто, онъ долженъ былъ принять отъ прежняго воеводы, князя Лыкова, печать Псковскаго государства, городъ, городовые ключи, и государевы наказы Лыкову и прежнимъ воеводамъ, роспись военнымъ снарядамъ и запасамъ, списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, казны и хлѣба, все это пересчитать, перемѣрить, пересмотрѣть и списокъ всему найден-

---

[1]) Доп. къ А. И. № 20.

ному съ своими примѣчаніями прислать съ нарочнымъ гонцомъ въ Новгородскую четверть. Вступивъ въ должность, воевода долженъ былъ на всякія нѣмецкія и литовскія вѣсти провѣдывать самъ и съ помощію лазутчиковъ и обо всемъ писать въ разрядъ и Посольскій приказъ. Имѣя въ виду это „береженье", онъ обязывался содержать въ исправности городскія укрѣпленія, стѣны, башни, а въ случаѣ надобности приступать къ починкѣ по смѣтѣ, которую велѣно присылать въ Новгородскую четверть. Затѣмъ ему предписывалось судить дворянъ, дѣтей боярскихъ, всякихъ служилыхъ и посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, собирать хлѣбные запасы и всякіе денежные и мелкіе доходы, которые расходовать по указамъ изъ Новгородской четверти. Для кабацкаго и таможеннаго сбора онъ долженъ былъ велѣть Псковичамъ выбрать головъ и цѣловальниковъ и слѣдить, чтобы въ Псковскомъ уѣздѣ нигдѣ корчемства и безъявочной продажи питій не было. Далѣе, наказъ возлагаетъ на воеводу смотрѣть, чтобы нигдѣ воровства, убійства, не было, чтобы посадскіе люди въ лѣтнее время избъ и мыленъ не топили, „а держали бъ для того печи въ пространныхъ мѣстахъ, чтобъ отъ огня было безстрашно". Общая часть заключается предписаніемъ „государевымъ дѣламъ промышляти о всемъ по сему и по прежнимъ государевымъ наказамъ, какъ бы государеву имени было къ чести и дѣлу государеву прибыльнѣе, и во всемъ государю искати прибыли съ великимъ радѣньемъ и Псковичь служилыхъ и всякихъ людей судить и межъ ими расправа чинить вправду, по государеву крестному цѣлованью, и посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ отъ всякаго насильства оберегати, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ и насильства не было". Мы видѣли выше, какой смыслъ имѣло послѣднее постановленіе. Сосредоточивая завѣдыванье крестьянами и посадскими людьми въ одномъ приказѣ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ поручало воеводѣ слѣдить, чтобы никакіе посторонніе люди и приказы не вторгались во внутреннее управленіе уѣздомъ.

Другіе наказы представляютъ то же содержаніе. Разница между ними состоитъ только въ расположеніи означенныхъ частей наказа. Псковъ былъ пограничнымъ городомъ, слѣдовательно, вопросы „береженья", военной администраціи, стоятъ въ наказѣ на первомъ планѣ. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ воеводскіе наказы начинаются съ опредѣленія обязанностей воеводы по финансовой администраціи. Напримѣръ, въ 1646 г. воеводѣ, посланному въ одну изъ мѣстностей, подчиненныхъ также Новгородской четверти (Кевроль и Мезень), данъ

былъ наказъ [1]), который начинается съ предписанія взять у прежняго воеводы роспись государевой казнѣ, деньгамъ, мягкой рухляди, кости рыбья зубу, приходныя и расходныя книги, на таможнѣ таможенную уставную грамоту и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ распоряженія относительно сбора податей, управленія таможенными и кабацкими дѣлами, — распоряженія весьма обширныя [2]). Прочіе же вопросы изложены весьма сжато. Финансовый характеръ четвертнаго управленія вполнѣ отражается на подобныхъ наказахъ [3]). Другіе города были вѣдомы въ разрядѣ. Эти города отличались преимущественно военнымъ значеніемъ, а потому и наказы воеводамъ этихъ городовъ отличались развитіемъ постановленій, касающихся воинскаго дѣла [4]).

Къ этимъ общимъ постановленіямъ наказовъ прибавлялись нѣкоторыя предписанія касательно дѣлъ, обращавшихъ на себя въ данную минуту особенное вниманіе правительства. Напримѣръ, въ наказѣ 1647 г. Пустозерскому воеводѣ [5]) послѣ общаго наказа, заканчивающагося предписаніемъ служить вѣрно и не чинить никому насильства и обиды, идутъ предписанія о слѣдующихъ предметахъ. До свѣдѣнія правительства дошло, что въ Пустозерскъ приходятъ нѣмецкіе корабли, якобы для торговли, а въ сущности для отыскиванія новыхъ дорогъ въ Сибирь. Воеводѣ предписано „того беречь накрѣпко и кораблемъ никакимъ приставати не давать, а мимо Пустозерской острогъ на кораблехъ никакихъ людей къ сибирской сторонѣ отнюдь никакими мѣрами не пропускать“. Затѣмъ правительство узнало, что кочующіе подлѣ Пустозерска Самоѣды уклоняются отъ платежа податей, отговариваясь тѣмъ, что они будто бы вносятъ ихъ въ Березовѣ. Воевода долженъ былъ устранить эти безпорядки. Наконецъ, наказъ обращаетъ вниманіе воеводы на замѣченные правительствомъ безпорядки въ таможенномъ управленіи. Всѣ почти наказы имѣютъ подобныя дополнительныя статьи. Они не имѣютъ, между собою той

---

[1]) Тамъ же, № 18.

[2]) Тамъ же, стр. 78—80. Здѣсь встрѣчается весьма важное распоряженіе о невмѣшательствѣ воеводъ въ выборы таможенныхъ и кабацкихъ головъ, которое послѣ было возведено на степень общаго правила. «И выборы на тѣхъ людей, которыхъ къ тѣмъ сборамъ выберутъ, имати за руками, а собою для своей корысти, мимо мірскаго выбору не выбирати и тѣмъ мірскимъ людямъ насильства не чинити».

[3]) См. тамъ же № 67; Доп. къ А. И. IV № 134, 137, 138, 140; ib. VI, № 56; А. И. III № 134.

[4]) А. Ѳ. IV № 306.

[5]) Доп. къ А. И. III № 19.

связи, какою отличаются статьи общей части наказа, каждая стоитъ отдѣльно и начинается словами: „да память воеводѣ“ (такому-то), или „да вѣдомо Государю Царю и Великому Князю учинилось“. Поэтому ихъ можно назвать скорѣе особыми „памятями“, помѣщавшимися въ главномъ наказѣ. Нерѣдко количество этихъ памятей было весьма велико, такъ что они были больше самаго наказа [1]).

Обращаясь къ подробному разсмотрѣнію обязанностей воеводы, нельзя не остановиться на одномъ общемъ замѣчаніи, которое поможетъ намъ объяснить многіе противорѣчивые факты въ воеводскомъ управленіи. Какую бы отрасль мѣстной администраціи мы ни взяли, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ странный фактъ, что воевода имѣетъ всѣ средства для исполненія предписаній центральнаго правительства, для удовлетворенія общегосударственныхъ нуждъ, и почти безсиленъ для служенія мѣстнымъ интересамъ, для удовлетворенія нуждамъ мѣстности и частныхъ лицъ. Воевода былъ облеченъ большою властью для понужденія служилыхъ людей къ отправленію обязанностей, но съѣзжая изба не могла разрѣшить ни одного процесса о помѣстьѣ или вотчинѣ; воевода могъ поставить на правежъ цѣлую общину за невзносъ податей, но едва-ли могъ разрѣшить какое-нибудь хозяйственное затрудненіе въ дѣлахъ этой общины. Мало того: центральное правительство старается даже о томъ, чтобы воеводская власть не получила слишкомъ большаго развитія, не устранила для общинъ возможности и даже необходимости сноситься прямо съ Москвою. Вслѣдствіе этого первое противорѣчіе воеводской должности заключалось въ непомѣрной власти его какъ исполнительнаго агента Московскаго приказа и въ безсиліи его какъ самостоятельнаго администратора. Воевода, такъ-сказать, всякій разъ приводился въ движеніе указомъ изъ Москвы, въ противномъ случаѣ онъ бездѣйствовалъ. Даже и для исполнительной сферы должность эта не всегда была пригодна. Наказомъ опредѣлялись отношенія воеводы главнымъ образомъ къ приказу, выдавшему этотъ наказъ. Другіе приказы находились къ воеводѣ въ отношеніяхъ крайне неопредѣленныхъ, что вело къ большой „волокитѣ“ въ исполненіи ихъ предписаній. Дѣла, подвѣдомственныя другимъ приказамъ, большею частью не входили въ наказъ, кото-

[1]) Примѣромъ этого можетъ служить приведенный отрывокъ изъ наказа Астраханскимъ воеводамъ (Доп. къ А. И. III № 40). Начало его утратилось, а уцѣлѣлъ только конецъ, гдѣ и помѣщаются лишь «памяти» по отдѣльнымъ вопросамъ. См. также А. И. III № 134. Наказъ помѣщенъ на стр. 210 — 211, а дополнительныя распоряженія идутъ съ 212 — 217 стр.

рымъ опредѣлялась дѣятельность воеводы по вопросамъ, подвѣдомымъ приказу областному.

Тѣмъ, что мы назвали общею частью наказа, опредѣлялась совокупность порученій, данныхъ воеводѣ по предметамъ вѣдомства одного приказа. Поэтому съ помощію наказа можно опредѣлить сферу дѣятельности воеводы и отношеніе его къ центральному управленію, котораго онъ былъ органомъ. Будь наше изслѣдованіе сочиненіемъ догматическаго характера, мы должны были бы раздѣлить эти два вопроса и разсматривать каждый изъ нихъ особо. Но для историческаго разъясненія предмета необходимо разсматривать ихъ въ связи. Содержаніе наказа главнымъ образомъ опредѣлялось объемомъ и предметами дѣятельности извѣстнаго приказа; слѣдовательно, этими предметами опредѣлялись и отношенія воеводы къ приказу. Мы разсмотримъ сначала воеводу какъ органа правительственныхъ интересовъ, при чемъ главнымъ образомъ обратимъ вниманіе а) на военную его дѣятельность и отношеніе къ служилому сословію, в) на финансовую и его отношеніе къ общинамъ.

Слѣдующій примѣръ лучше всего можетъ разъяснить, что такое были *четвертныя дѣла* въ мѣстномъ управленіи, то-есть, какія отрасли администраціи подчинялись областному приказу. Въ 1672 году Олонецкій воевода Нащокинъ (Богданъ) принялъ отъ бывшаго воеводы городъ и представилъ роспись принятымъ вещамъ и дѣламъ, въ которой находятся [1]): 1) описаніе Олонца и его укрѣпленій; 2) снарядовъ, находящихся въ пушечномъ амбарѣ и на городовой стѣнѣ: пищалей, пушекъ, ядеръ, пороху, мушкетовъ, свинцу, селитры, шпагъ, топоровъ, шишаковъ, желѣза, кузнецкихъ орудій и т. д.; всѣ эти пушечные и кузнецкіе снаряды сданы на руки цѣловальникамъ; 3) роспись доходамъ и запасамъ, хранящихся въ казнѣ и у цѣловальниковъ; 4) списокъ книгъ и дѣлъ, находящихся въ приказной избѣ. Здѣсь были: Уложеніе, списки съ писцовыхъ книгъ всѣхъ заонежскихъ погостовъ, то-есть, книги разныхъ становъ и погостовъ съ росписями дворцовыхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ. Подлинныя книги хранились въ Москвѣ, а въ приказной избѣ были только копіи. 5) Списки солдатъ разныхъ становъ и погостовъ и списки иноземцамъ и солдатамъ, отправленнымъ въ полки

---

[1]) Доп. къ А. И. VI. № 56, II. Этотъ № представляетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ воеводскихъ наказовъ, съ приложеніемъ росписи, составленной воеводою по вступленіи имъ въ должность. Тамъ же IV, № 134. 1663—1664 года.

и оставшимся въ уѣздѣ. 6) Списокъ „охудалымъ“ крестьянамъ и бобылямъ, оставшимся въ крестьянствѣ и написаннымъ въ солдаты [1]). 7) Списокъ именной посадскимъ людямъ. 8) Списки разныхъ царскихъ указныхъ и уставныхъ грамотъ. 9) Книги суднымъ дѣламъ. 10) Книги о сыскѣ крестьянъ. 11) Приходныя и расходныя книги. 12) Книги денежной раздачи разнымъ военнымъ людямъ. 13) Книги таможенныя и кружечныхъ дворовъ. 14) Дѣла убійственныя и сыскныя. 15) Переписные списки разнымъ дѣламъ. Эта роспись была представлена въ Новгородскій приказъ [2]). Такимъ образомъ военная дѣятельность воеводы, какъ мѣстнаго начальника, не выходила изъ сферы четвертныхъ дѣлъ.

Хотя еще въ XVI стол. проведено было различіе между *годовыми* и *полковыми* воеводами, но военный характеръ первыхъ сохранился и въ XVII вѣкѣ. Каждый воевода былъ военнымъ начальникомъ въ уѣздѣ и городѣ. Въ его завѣдываніе поступали городъ (крѣпость) со всѣми укрѣпленіями, военными снарядами, запасами; ему подчинялись всѣ служилые люди, дворяне и дѣти боярскія. Въ качествѣ такого военнаго начальника онъ долженъ былъ бы подчиняться разряду и другимъ воинскимъ приказамъ. На дѣлѣ было не такъ. Не говоря уже о Казанскомъ дворцѣ и Сибирскомъ приказѣ, вѣдавшихъ военное дѣло въ подчиненныхъ имъ городахъ, другія четверти имѣли также большое значеніе для этого рода дѣлъ. Воевода, принимая городъ отъ своего предшественника, составлялъ подробную роспись всѣхъ принятыхъ предметовъ и дѣлъ и представлялъ ее въ пославшій его приказъ. Въ эту роспись включалось описаніе города въ военномъ отношеніи и военныхъ снарядовъ наравнѣ съ другими предметами.

Разумѣется, не по всѣмъ этимъ дѣламъ воевода былъ подчиненъ четверти одинаково. Конечно, разрядъ не переставалъ распоряжаться военнымъ управленіемъ; но это нисколько не слагало съ воеводъ обязанности доносить обо всемъ въ свою четверть. Въ 1618 г. Бѣлозерскіе воеводы доносили въ Москву о дѣйствіяхъ Литовцевъ и о состояніи города и посада на Бѣлоозерѣ. Ими было отправлено двѣ отписки: въ Галицкую четверть и въ разрядъ [3]). Распоряженіе о починкѣ го-

[1]) Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ учредить такъ-называемыхъ пахатныхъ солдатъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и Сумерской волости въ Новгородскомъ уѣздѣ.

[2]) См. тамъ же III: «А отписку, государь, а росписной списокъ велѣли мы, холопи твои подать въ Новгородскомъ приказѣ твоему Великаго Государя окольничему А. С. Матвѣеву, да дьякамъ».

[3]) А. Э. III. № 97, 99. Обѣ отписки помѣчены однимъ числомъ: 20-го августа 1618 года.

родскихъ укрѣпленій или пріобрѣтенія военныхъ снарядовъ дѣлались областными приказами. Въ 1649 году Новгородскому воеводѣ велѣно было прислать роспись имѣющихся въ Новгородѣ военныхъ снарядовъ и купить 500 пудовъ свинцу, а роспись обо всемъ прислать въ Новгородскую четверть [1]). Областные приказы еще потому имѣли вліяніе на эти дѣла, что всѣ доходы, собираемые съ извѣстной области, находились въ полномъ ихъ распоряженіи, и ни одинъ приказъ не имѣлъ права распоряжаться ими безъ указа изъ четвертей. Эти постановленія встрѣчаются во многихъ наказахъ. „А въ расходъ деньги давати по государевымъ грамотамъ изъ Новгородцкіе чети, а безъ государева указу и безъ грамотъ Новгородцкіе чети отнюдь въ расходъ денегъ давать не велѣти ни на какіе расходы, а учнетъ давать деньги въ расходъ безъ государева указу, и государь велитъ тѣ деньги доправить на немъ, воеводѣ вдвое" [2]). Исключеніе дѣлалось иногда только „для посольскихъ и разрядныхъ скорыхъ ратныхъ дѣлъ, безъ которыхъ быть нелзѣ" [3]). Поэтому для выдачи жалованья служилымъ людямъ и для другихъ расходовъ приказы сносились съ четвертями [4]). Мѣстности не выходили изъ-подъ завѣдыванія четверти даже въ томъ случаѣ, когда они получали военное назначеніе. Напримѣръ, крестьяне Сумерской волости въ Новгородскомъ и Ставропольской въ Старорусскомъ уѣздахъ были назначены къ обращенію въ осѣдлые солдаты, къ нимъ были посланы офицеры для обученія ихъ воинскому дѣлу, и не смотря на это они остались въ вѣдомствѣ Новгородской четверти [5]).

Слѣдовательно, военныя обязанности сливались въ то время съ административными даже въ центральныхъ установленіяхъ. Воевода же вѣдалъ военное дѣло какъ представитель своего приказа, въ силу даннаго имъ наказа. Въ качествѣ воинскаго начальника, онъ долженъ былъ наблюдать за хорошимъ состояніемъ городскихъ укрѣпленій, заботиться, чтобы въ городѣ было достаточно всякихъ запасовъ и т. д. Впрочемъ, крѣпости нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ были расположены разрядные полки, находились подъ наблюденіемъ пушкарскаго приказа, куда въ иныхъ случаяхъ поступали отписки отъ воеводъ [6]). Но большею частью пушкарскій приказъ посылалъ въ такіе города осо-

[1]) Указъ и роспись, составленную воеводою вслѣдствіе этого указа, см. въ Доп. къ А. И. III. № 53, I и II.

[2]) Доп. къ А. И. III, стр. 84.

[3]) Тамъ же, № 20, стр. 89.

[4]) Тамъ же, № 36, 58, 2, А. И. IV № 14.

[5]) Тамъ же № 65.

[6]) А. И. IV. № 216.

быхъ горододѣльцевъ, а воеводы дѣйствовали только по наказамъ изъ своихъ приказовъ [1]). Въ случаѣ посылки горододѣльца къ воеводѣ посылалась особая послушная грамота объ оказаніи ему всякаго вспоможенія [2]). Сами воеводы дѣйствовали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма энергически при построеніи городовъ. Обязанности ихъ были обширны, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ построеніе городовъ было тѣсно связано съ колонизаціей края, какъ напримѣръ, въ Сибири. Построеніе новыхъ городовъ, остроговъ и острожковъ, снабженіе ихъ ратными людьми, заселеніе посадовъ тяглыми людьми было ихъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи „городовое дѣло" не означало исключительно построенія укрѣпленій. Они какъ въ Сибири, такъ и въ другихъ мѣстахъ, были главными горододѣльцами, ибо на нихъ лежала обязанность поддерживать казенныя и общественныя городскія зданія, гостинные дворы, таможни и даже церкви [3]). По всѣмъ этимъ дѣламъ они зависѣли отъ своихъ приказовъ; приказы же, вѣдавшіе крѣпостное дѣло или другую спеціальную отрасль построекъ, для своихъ надобностей сносились съ этими приказами [4]).

Обязанности городоваго дѣла ставили воеводъ въ непосредственныя отношенія къ натуральнымъ повинностямъ жителей, ибо это дѣло было одною изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей. Впрочемъ ихъ право распоряженія этими повиностями было далеко не безграничное. Жители могли, въ случаѣ обремененія ихъ городовымъ дѣломъ, просить центральное правительство объ облегченіи ихъ, и такія челобитныя нерѣдко освобождали ихъ отъ обязанностей городоваго дѣла. Оставаясь сошнымъ дѣломъ, оно отбывалось, какъ всѣ повинности, самою общиною и его начальствомъ. Обыкновенно крестьяне и посадскіе подряжали особыхъ горододѣльцовъ, которые за извѣстную сумму и подмогу отъ тяглыхъ людей возводили тѣ или другія постройки [5]).

---

[1]) А. И. III. № 36. Грамота о построеніи въ Верхотурьѣ острога. Я полагаю, что указъ данъ изъ Казанскаго дворца, ибо указъ подписанъ дьякомъ Грязевымъ, присутствовавшимъ въ семъ приказѣ. См. тамъ же № 134, 135, или Доп. къ А. И. IV: въ 1661 г. въ Кашинъ посланъ горододѣлецъ Тютчевъ изъ пушкарскаго приказа, по грамотѣ за приписью дьяка Шпилькина, а Тюменскому воеводѣ посланъ наказъ о починкѣ городовыхъ укрѣпленій за приписью дьяка Сибирскаго приказа Григорья Протопопова. № 91, 95.

[2]) А. отн. до юр. быта др. Россіи. I. № 55, XXIII.

[3]) Доп. къ А. И. III. 41, 64, 85, 93. Тамъ же, IV. 20, 75, тамъ же, VI, 5, 21, 89. А. И. IV. 36, 52, 148.

[4]) Доп. къ А. И. VI, № 26.

[5]) А. И. IV. 106. Доп. къ А. И. IV. 119, 142; тамъ же, V. 30, VI. 10.

Кромѣ обязанностей по городовому дѣлу и военно-хозяйственной администраціи, воеводамъ принадлежало начальство и надъ служилыми людьми разныхъ наименованій. Классъ служилыхъ людей въ мѣстности представлялъ множество подраздѣленій, которыя различнымъ образомъ относились къ мѣстному управленію. Въ каждомъ уѣздѣ были, вопервыхъ, дворяне и дѣти боярскія, собственно помѣстный служилый классъ, затѣмъ слѣдовали пушкари, рейтары, драгуны, затинщики, воротники, стрѣльцы и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ служилыхъ людей были обязаны собственно такъ-называемою городовою службой, то-есть, употреблялись для городоваго береженья. Сюда относились лица, набранныя правительствомъ изъ мѣстныхъ посадскихъ и черныхъ людей, также воротники, кузнецы и т. д. Дворяне и дѣти боярскія были обязаны какъ городовою, такъ и полковою службой. На этомъ основывалось ихъ дѣленіе на дворянъ городовыхъ и выборныхъ. Дворяне, написанные *съ городомъ*, отправляли съ городскими жителями гарнизонную службу въ „осадное время". Написанные *по выбору,* высылались, во время похода, въ полковой городъ. Послѣдняя служба, разумѣется, считалась почетнѣе первой. Воевода *городовой* имѣлъ дѣло главнымъ образомъ съ дворянами перваго разряда. Обыкновенно при каждомъ походѣ часть дворянства высылалась воеводою въ полкъ, а часть оставлялась въ городѣ для отправленія гарнизонной службы. Стрѣльцы представляли уже болѣе правильную организацію. Они были родъ постоянной арміи, подчинявшейся одному центральному учрежденію — стрѣлецкому приказу. Каждый городъ имѣлъ нѣсколько отрядовъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ, отношеніе которыхъ къ воеводамъ мы разсмотримъ ниже. Отдѣлъ стрѣльцовъ, находившихся подъ начальствомъ головы, назывался разрядомъ, а иногда приказомъ, и состоялъ изъ 300—500 человѣкъ. Впрочемъ, на практикѣ это количество стрѣльцовъ въ городахъ было гораздо меньше[1]). Затѣмъ слѣдовали ратные люди, при-

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ распредѣленія стрѣльцовъ по городамъ. Въ 1647 г. въ городахъ Новгородской четверти было слѣдующее количество разрядовъ (или какъ они названы — *приказовъ*) и въ нихъ стрѣльцовъ:

Въ Новгородѣ два приказа по 500 человѣкъ, всего 1000, 2 головъ и 10 сотниковъ; во Псковѣ 3 приказа — 2 по 500 человѣкъ, 1 въ 300, 3 головъ и 13 сотниковъ. Въ другихъ городахъ было гораздо меньше. Въ Новгородскихъ пригородахъ — Ладогѣ 100 челов., Порховѣ 50; Псковскихъ — Изборскѣ 100, Островѣ 50. Въ Опочкѣ былъ цѣлый приказъ съ головою и 2 сотниками, но этотъ приказъ состоялъ изъ 300 челов.; въ Гдовѣ 200 челов. Затѣмъ въ Старой Русѣ

надлежавшіе къ постоянной арміи, которую постепенно образовывало Московское правительство. Число ихъ постоянно увеличивалось. Они состояли въ вѣдомствѣ особыхъ военныхъ приказовъ и потому не подчинялись воеводѣ въ такой степени, какъ другіе виды служилыхъ людей. Образованіе постоянной арміи, такимъ образомъ, должно было значительно стѣснить военную власть воеводы.

Военная власть воеводы проявлялась довольно разнообразно. Въ центральной Россіи онъ имѣлъ обязанности городоваго береженья, потому что въ случаѣ похода, войны, онъ не являлся полковымъ начальникомъ, а только высылалъ служилыхъ людей, находящихся въ уѣздѣ, на полковую службу, а самъ оставался съ остальными ратными людьми для охраненія города и уѣзда. Онъ долженъ былъ собирать всѣхъ жителей въ городъ, а уѣздныхъ людей въ острожки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для такого береженья, помимо воеводы, посылались изъ Москвы особые начальные люди[1]. Напротивъ, въ сибирскихъ и другихъ отдаленныхъ городахъ на нихъ лежала обязанность войны и оборонительной, и наступательной, подъ наблюденіемъ и по распоряженіямъ приказовъ Сибирскаго и Казанскаго дворца. Въ иныхъ случаяхъ они обязаны были только оказывать содѣйствіе ратнымъ и начальнымъ людямъ, посылаемымъ на войну: доставлять имъ подводы, суда и т. д.[2].

Какъ начальникамъ ратныхъ людей, имъ поручался наборъ войска, раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья, разверстаніе службы между служилыми и т. д. Воеводы дѣйствовали въ этихъ дѣлахъ по указамъ центральнаго правительства. Они не могли увеличивать жалованья служилымъ людямъ, верстать на службу, переводить изъ чина въ чинъ безъ указовъ центральнаго правительства, разряда или областнаго приказа[3]. Со введеніемъ регулярныхъ войскъ посылались въ

было 40 челов., Вологдѣ 149, въ Нижнемъ Новгородѣ приказъ въ 500 челов., на Двинѣ два приказа по 400, въ Кольскомъ острогѣ приказъ въ 500 человѣкъ. Въ Перми, Вяткѣ, Соликамскѣ, Яренскѣ, Каргополѣ и Арзамасѣ вовсе не показано стрѣльцовъ.

Жалованье этимъ стрѣльцамъ производилось Новгородскою четвертью по памятямъ изъ стрѣлецкаго приказа. Доп. къ А. И. III. № 36.

[1]) А. И. IV. № 169, 17, 49. П. С. З. № 78.

[2]) Доп. къ А. И. IV. 7, 17, 102. А. И. 234, 31, 61. Въ 1652 г. въ Даурію было отправлено три тысячи служилыхъ людей. Приказъ Сибирскаго дворца распорядился отправкою ихъ и велѣлъ Верхотурскому воеводѣ приготовить имъ суда сошными людьми.

[3]) А. И. IV. № 70, 94, 96, 125, 141, 155, 206, 214, 236. Доп. къ А. И. IV. 103: «А на выбылые мѣста въ Кузнецкомъ приверстывать въ службу, послѣ

уѣзды особые воинскіе начальники для обученія и командованія войсками, тамъ расположенными. Они не зависѣли отъ воеводъ[1]).

По отношенію къ служилымъ людямъ власть воеводы какъ исполнительнаго органа центральнаго правительства была велика на столько, на сколько правительство могло довѣрять одному лицу. Но это довѣріе не могло быть велико. Рядомъ съ воеводою ему необходимо было имѣть другихъ лицъ, которыя, дѣйствуя подъ надзоромъ воеводы, въ то же время подчинялись бы прямо центральному правительству. Таковы были городовые приказчики, осадные головы, письменные головы, ямскіе приказчики, слободчики, головы: стрѣлецкіе, казацкіе, пушкарскіе, объѣзжіе и т. д.[2]). Они отправляли свои обязанности подъ надзоромъ воеводы, который давалъ имъ разныя порученія, нерѣдко даже выходившія изъ круга спеціальной дѣятельности этихъ подчиненныхъ лицъ. Кромѣ того воевода давалъ разныя порученія служилымъ людямъ вообще, напримѣръ, дѣтямъ боярскимъ и другимъ. Эти порученія касались военныхъ дѣйствій, построенія городовъ и слободъ, переписи жителей, прибора гулящихъ людей на пашенныя мѣста и т. п.[3]). Но воевода не былъ начальникомъ, замѣнявшимъ для своихъ подчиненныхъ власть центральнаго правительства. Его власть не исключала возможности непосредственнаго отношенія ихъ къ Московскимъ приказамъ. Между исполнительными агентами въ мѣстности воевода занималъ первое мѣсто; но его власть не имѣла значенія общаго мѣстнаго надзора, связывавшаго дѣятельность всей совокупности мѣстныхъ установленій съ видами высшаго правительства. Правительству, имѣвшему въ мѣстности только исполнительныхъ агентовъ, выгодно было, чтобы всѣ эти агенты были больше подчинены непосредственно ему, чѣмъ воеводѣ. Мы увидимъ ниже, что московская администрація допускала и для управляемыхъ возможность непосредственнаго отношенія къ Москвѣ; общины сносились прямо съ приказами. Тѣмъ болѣе должны были имѣть это право органы правительства. Это видно какъ изъ того, что

умершихъ, дѣтей и братью и племянниковъ, а гулящихъ и иныхъ на выбылые мѣста приверстывать не велѣно; а оклады ново наверстаннымъ чинить противъ меньшія статьи; и изъ чину въ чинъ никакихъ людей безъ нашего указу не переводить и окладовъ не прибавливать и изъ выбылыхъ окладовъ никому въ придачи не разверстывать». Указъ 1670 года.

[3]) Доп. къ А. И. IV. № 128, III, 149, VI. 16, 120.

[4]) Чичеринъ ib. стр. 363—385.

[1]) А. А. Э. III, № 116. А. И. III, № 4, 124. А. И. IV. 82, 131, 161, 162, 175, 187, 223, 225, 243, 246. Доп. къ А. И. III, 92, 106. Доп. къ А. И. IV, 21, 30, 81, 130.

симъ лицамъ давались наказы отъ высшаго правительства, такъ и изъ содержанія этихъ наказовъ. Въ историческихъ памятникахъ болѣе всего встрѣчается наказовъ, дававшихся стрѣлецкимъ головамъ. Головы эти были начальниками отрядовъ стрѣлецкихъ, расположенныхъ большею частью въ томъ городѣ, гдѣ былъ воевода, а иногда и въ другомъ мѣстѣ. Обязанные лично исполнять всѣ требованія воеводы, они не вполнѣ подчинялись ему въ управленіи своимъ приказомъ. Управленіе это производилось ими нерѣдко на основаніи наказа, даннаго имъ изъ Московскаго приказа. Подобные наказы встрѣчаются довольно рано. Еще въ 1614 году нѣкто Дерновъ былъ назначенъ стрѣлецкимъ головою въ Кирилловъ монастырь, при чемъ въ наказѣ, данномъ ему, заключаются весьма любопытныя постановленія. Дерновъ, по пріѣздѣ въ Кирилловъ монастырь, долженъ былъ взять у воеводы списки стрѣльцовъ, пересмотрѣть послѣднихъ „всѣхъ на лицо" и о результатѣ осмотра донести въ стрѣлецкій приказъ. Затѣмъ на него возлагались слѣдующія обязанности: 1) своихъ стрѣльцовъ вѣдать и судить между собою и отъ сторонъ беречь, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ не было; 2) равнымъ образомъ онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы съ своей стороны, стрѣльцы не дѣлали никому насильства, не разбойничали, не воровали, не распутствовали, не корчемствовали и т. д. Въ случаѣ преступленія этого рода, голова долженъ былъ произвести объ немъ слѣдствіе, арестовать преступника и отсылать, „смотря по дѣлу", или къ воеводѣ, или къ губному старостѣ, или наконецъ, къ земскимъ людямъ. Къ двумъ послѣднимъ стрѣльцы отсылались въ случаѣ какого разбойнаго, татиннаго и убійственнаго дѣла. Въ случаѣ корчемства голова обязанъ былъ отбирать напитки, найденные у виновнаго, и отдавать ихъ цѣловальникамъ, взыскивая съ нихъ „по цѣнѣ" деньги, которыя присылались въ стрѣлецкій приказъ. 3) Судебная власть головы не ограничивалась этими правами. Между стрѣльцами (а будетъ лучится стрѣльцу на стрѣльцѣ искать) голова производилъ судъ во всѣхъ „управныхъ дѣлахъ", кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ, которые судились воеводою и не иначе какъ вмѣстѣ съ головою. Затѣмъ ему подлежали всѣ гражданскія дѣла, какъ между стрѣльцами, такъ и между стрѣльцами и сторонними людьми[1]). Со всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ голова бралъ пошлины, которыя присылались также прямо въ стрѣлецкій приказъ. 4) Голова наблюдалъ, чтобы стрѣльцы не отлучались

[1]) «А которые сторонніе люди учнутъ на стрѣльцѣхъ искать, и на стороннихъ людяхъ и на виноватомъ пошлины имать съ полнаго иску».

безъ спросу съ мѣста службы; онъ разрѣшалъ имъ отпуски и опредѣлялъ срокъ сихъ отпусковъ, которые записывались въ особую книгу. 5) Въ случаѣ неисправности или проступковъ голова подвергалъ своихъ подчиненныхъ наказанію. 6) Онъ заботился о пополненіи убылыхъ стрѣльцовъ новыми, для чего прибиралъ вольныхъ охочихъ людей. Не видно, чтобы въ этомъ отношеніи онъ былъ подчиненъ воеводѣ [1]). Нѣкоторые наказы даютъ головамъ еще больше правъ. Такъ, право верстать стрѣльцовъ землями и вообще распоряжаться землями, предназначенными для такого поверстанія [2]). Наказы выдавались головамъ не изъ одного стрѣлецкаго приказа. Они выдавались и изъ четвертей [3]), и изъ разряда [4]). Но по большей части воевода извѣщался о вновь назначенномъ головѣ и о возлагавшихся на него обязанностяхъ, исполненію которыхъ онъ долженъ былъ содѣйствовать [5]).

Стрѣлецкіе головы не были единственными лицами, сносившимися непосредственно съ центральнымъ правительствомъ. Факты, подобные вышеприведенному, встрѣчаются относительно засѣчныхъ головъ [6]), подъячихъ [7]), казачьихъ головъ [8]), толмачей [9]) и даже сторожей [10]). Назначеніе на мѣсто, увольненіе, наказаніе, опредѣленіе жалованья, большею частью зависѣли непосредственно отъ центральнаго правительства. Въ сношеніяхъ приказовъ съ воеводами и другими должностными лицами, подчиненными послѣднимъ, не видно особенной разницы ни по формѣ, ни по содержанію. Г. Чичеринъ [11]) весьма справедливо замѣчаетъ, что трудно указать разницу между формою сношеній центральнаго правительства съ воеводою и другими должностными лицами. „Царскіе указы“, говоритъ онъ, „писались въ видѣ грамотъ на имя воеводы. Другія должностныя лица.... могли получать и памяти изъ приказовъ. Въ концѣ XVII вѣка это сдѣлалось даже общимъ правиломъ; но къ воеводамъ всегда посылались царскія грамоты. Эта форма была болѣе почетная, но въ содержаніи не было

---

[1]) А. А. Э. III, № 34; подобный же ib. № 167.
[2]) Доп. къ А. И. V, 18.
[3]) Доп. къ А. И. III, 16.
[4]) Тоже V, № 18.
[5]) Тоже V, № 58.
[6]) А. А. Э. III, 270.
[7]) А. от. до ю. б. др. Россіи I, № 55. LI.
[8]) Тамъ же, № 59.
[9]) А. И. III, № 1.
[10]) Тамъ же, № 101.
[11]) Областныя учрежденія, стр. 271.

никакого различія между тѣми и другими, такъ что къ менѣе значительнымъ лицамъ посылались безразлично царскія грамоты и памяти изъ приказовъ". Нѣкоторыя изъ лицъ, обыкновенно подчиненныя воеводѣ, иногда имѣли одинаковыя съ нимъ права. Напримѣръ, въ нѣкоторые города вмѣсто воеводъ назначались осадные головы; города эти были нерѣдко очень значительны, напримѣръ, Тула[1]).

Воевода имѣлъ большое значеніе для дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ для служилаго сословія, и по отношенію къ ихъ служебнымъ обязанностямъ. Но его власть имѣла мало значенія для нихъ, какъ для класса мѣстнаго общества, и особенно въ отношеніи ихъ экономическихъ интересовъ.

Самый важный вопросъ для служилаго сословія былъ вопросъ о помѣстьяхъ. Власть воеводы въ этомъ отношеніи была весьма огра-

---

[1]) См. Дворцовые разряды. Всѣ означенныя должностныя лица, подвѣдомственныя воеводѣ, были, конечно, не во всѣхъ мѣстахъ. Московское правительство не могло держать слишкомъ обширнаго штата во всѣхъ городахъ. Изъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ росписей видно, какъ различались между собою въ этомъ отношеніи города Московскаго гусударства. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сихъ росписей можно видѣть, откуда назначались эти лица. Такъ, по городамъ Новгородскаго приказа въ 1672 году были слѣдующіе воеводы и другіе приказные люди:

Въ Новгородѣ: воевода, назначенный (отпущенный) въ томъ же году; судья, отпущенный *безсрочно* (то-есть, безъ опредѣленія срока) въ томъ же году. Головы: казачій, два стрѣлецкихъ, объѣзжій, заставный, городничій и ямской приказчикъ. Всѣ они отпущены изъ Московскихъ приказовъ на срокъ или безсрочно.

Въ Олонцѣ: воевода и стрѣлецкій голова, назначенный изъ Москвы.

Во Псковѣ: воевода, три стрѣлецкихъ головы, казачій и объѣздный голова и ямской приказчикъ. Отпущены также изъ Москвы.

На Опочнѣ и во Гдовѣ были стрѣлецкіе головы; въ послѣднемъ городѣ голова дѣйствовалъ съ 1670 года, а въ 1673 умеръ, то-есть, оставался здѣсь три года.

Въ Нижнемъ Новгородѣ: воевода, стрѣлецкій голова и сотникъ, оба назначены изъ Москвы. Городничій также.

Въ *Архангельскѣ* воевода и стрѣлецкій голова, одинъ для Архангельска, другой для Холмогоръ, у гайдуковъ полуголова, городничій, осадной голова и четыре стрѣлецкихъ сотника. Отпущены изъ Москвы.

Въ Кевролѣ и Мезени одинъ воевода. И т. д.

Изъ этого видно, что всѣ сколько-нибудь значительныя лица въ мѣстномъ управленіи назначались изъ Москвы и что при этомъ способы ихъ назначенія были весьма различны. Воеводы, напримѣръ, опредѣлялись всегда на срокъ. Напротивъ, срокъ службы другихъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія Московскаго правительства. См. Доп. къ А. И. VI, № 57.

ничена. Раздача помѣстій призводилась или отдѣльно каждому служилому человѣку, или всѣ дворяне и дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда или разряда во всей совокупности верстались помѣстьями. Въ послѣднемъ случаѣ почти *всегда* посылались изъ Москвы особыя лица, которыя вмѣстѣ съ окладчиками, выбранными на мѣстѣ служилыми людьми, разверстывали помѣстья между старыми служилыми людьми и новиками [1]). Верстаніе помѣстьями отдѣльныхъ лицъ предоставлялось иногда воеводамъ. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ указъ изъ надлежащаго приказа, въ коемъ опредѣлялся размѣръ помѣстнаго жалованья, такъ что воеводамъ оставалось только отвести пожалованному лицу помѣстье въ одной изъ свободныхъ земель [2]). Число приказовъ, распоряжавшихся раздачею помѣстій, было, какъ извѣстно, довольно велико. Рядомъ съ ихъ дѣятельностью власть воеводы являлась чѣмъ-то добавочнымъ, и самостоятельные ихъ акты относительно раздачи помѣстій имѣли характеръ злоупотребленій, противъ которыхъ всегда вооружалось центральное правительство. Весьма полныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи можно найдти въ актахъ, относящихся до города Корочи. Короча относилась къ числу городовъ, вѣдавшихся службою и землями въ Большомъ разрядѣ; затѣмъ она входила въ составъ городовъ Бѣлгородскаго полка. Весьма естественно было ожидать, что если не Короченскому, то Бѣлгородскому воеводѣ будетъ предоставлено право верстать помѣстьями служилыхъ людей его полка. Но право это постоянно оставалось въ рукахъ Московскаго разряда, при чемъ его указы посылались не Бѣлгородскому, а прямо къ Короченскому воеводѣ [3]).

Сосредоточеніе помѣстной раздачи въ Московскихъ приказахъ было весьма выгодно для одной части служилаго сословія и невыгодно для другой. Небогатое мѣстное дворянство было недовольно тѣмъ, что ему приходится ѣздить въ Москву для росписки помѣстій.

---

[1]) См. первую главу этого сочиненія и П. С. З. № 86.

[2]) А. И. IV, № 101, 214. Указъ изъ Сибир. приказа; 119 изъ приказа В. К. Литовскаго. А. отн. до юр. б. др. Р. 55 XXXIV (1681 года) изъ Казанскаго дворца, XXXVIII Большаго дворца, LIV (1696) Казанскаго дворца и т. д.

[3]) Короченскіе акты пом. въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1859 года кн. 2-я. Напримѣръ, № 7: «Пожаловали мя короченскихъ стариковскихъ казаковъ, велѣли имъ нашу службу служити на Корочѣ съ дѣтьми боярскими, и велѣли ихъ поверстати нашимъ жалованьемъ, помѣстными и денежными окладами, кому по верстанью нашего жалованья, помѣстной и денежной окладъ учиненъ, и имена ихъ посланы къ тебѣ подъ сею нашею грамотою». Тамъ же, № 6, 12, 29. Верстаніе отдѣльныхъ лицъ: 56, 65, 96 и др.

Напротивъ, богатымъ помѣщикамъ и дворянству, собранному въ Москвѣ, выгодно было дѣйствовать чрезъ приказы, такъ какъ этимъ путемъ можно было получить выгодное помѣстье. Вслѣдствіе этого правительству приходилось весьма часто мѣнять свою политику. Оно не желало выпустить завѣдываніе помѣстьями изъ рукъ центральныхъ учрежденій. Но иногда ему приходилось уступать весьма законнымъ желаніямъ мѣстнаго дворянства, нерѣдко весьма многочисленнаго. Колебаніе правительственной политики становится замѣтнымъ особенно въ половинѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ многихъ обстоятельствъ. Помѣстное дѣло въ это время значительно усложнилось; управлять помѣстными дѣлами означало не только раздавать помѣстья. Приказы, вѣдавшіе помѣстныя дѣла, совершали различные акты, касательно мѣны, сдачи помѣстій, перехода помѣстья отъ отца къ сыну и т. д. При смѣшеніи помѣстій съ вотчинами, которое было уже велико въ эпоху Уложенія, имъ ввѣрено было и совершеніе разныхъ актовъ относительно вотчинъ. Помѣстный приказъ былъ главнымъ средоточіемъ такихъ дѣлъ. Это явленіе обусловливалось централизаціей всего служилаго сословія, о которой достаточно сказано выше. Но она уже начинала тяготить помѣстное дворянство. Сосредоточеніе помѣстныхъ дѣлъ въ Москвѣ было необходимо, когда помѣстье было исключительно государевымъ жалованьемъ. Въ XVII вѣкѣ въ него проникали и утверждались начала наслѣдственности, помѣстное право постепенно приравнивалось къ вотчинному. Между тѣмъ въ мѣстности не было возможности совершать акты на помѣстныя и вотчинныя земли безъ доклада высшему правительству. Уложеніе указываетъ совершать мѣновныя помѣстій на помѣстья, помѣстій на вотчины, также сдаточныя и купчія, въ помѣстномъ приказѣ; иначе они не имѣли силы [1]). Вотчинники и помѣщики, желавшіе помѣняться помѣстьями, вдовы и дочери, желавшія сдать свои прожиточные участки женихамъ, должны были ѣхать въ Москву, гдѣ ожидало ихъ весьма медленное дѣлопроизводство. Медленность эта зависѣла, кромѣ обыкновенныхъ причинъ, еще отъ того, что помѣстный и другіе приказы не всегда имѣли нужные документы, по которымъ бы они могли судить о правахъ владѣльцевъ на помѣстные и вотчинные участки. Списки мѣстнаго дворянства и принадлежащихъ ему помѣстій и вотчинъ хранились и въ приказахъ, и у воеводъ. При необыкновенной запутанности и сложности занятій приказовъ, они могли судить о положеніи по-

---

[1]) Уложеніе гл. XVI, ст. 2, 6, 12. гл. XVII, ст. 34.

мѣстій и вотчинъ въ извѣстномъ уѣздѣ главнымъ образомъ по книгамъ воеводскимъ. Приказы посылали воеводѣ приказаніе отвести такимъ-то дворянамъ такое-то количество четвертей въ помѣстье или въ вотчину. Но гдѣ отведетъ воевода такой участокъ, этого они знать не могли. Поэтому границы, положеніе, качество земли помѣстья означались въ воеводскихъ спискахъ, и приказамъ необходимо было имѣть ихъ для совершенія разныхъ актовъ. Между тѣмъ воеводы нерѣдко медлили присылкою этихъ книгъ. Во многихъ указахъ приказы пишутъ къ воеводамъ, что они нѣсколько лѣтъ не получали отъ нихъ требуемыхъ книгъ. Легко себѣ представить положеніе челобитчика, явившагося въ Москву для совершенія какого-нибудь акта [1]). Прошеніе подано въ приказъ; приказъ отвѣчаетъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣнія объ участкахъ, означенныхъ въ челобитныхъ, по неимѣнію воеводскихъ книгъ. Надо ждать. Приказъ посылаетъ къ воеводѣ приказаніе произвести слѣдствіе, дѣйствительно ли участки, означенные въ челобитныхъ, состоятъ во владѣніи челобитчиковъ, въ какомъ состояніи находятся эти участки и т. д. Процедура весьма длинная. Проволочки эти заставляли служилыхъ людей подавать челобитныя царю о разрѣшеніи воеводамъ на мѣстѣ совершать разные акты. Правительство иногда разрѣшало, иногда сквозь пальцы смотрѣло на совершеніе воеводами разныхъ актовъ. Но и отъ этой перемѣны служилымъ людямъ было не легче. Приказное дѣлопроизводство было медленно, но совершалось по опредѣленнымъ формамъ и подлежало до извѣстной степени контролю высшаго правительства. Напротивъ, воеводское управленіе, при отсутствіи твердыхъ формъ дѣлопроизводства и невозможности строгаго контроля, не замедлило породить множество злоупотребленій. Служилые люди не знали какъ быть. Въ 1652 году встрѣчается любопытная жалоба Новгородскихъ дворянъ на воеводу [1]). Изъ нея можно видѣть, въ какой степени правительство допускало участіе воеводы въ помѣстныхъ дѣлахъ и къ какимъ результатамъ привело это разрѣшеніе. Правительство первоначально (еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) допустило участіе воеводъ въ помѣстныхъ дѣлахъ, на сколько этого требовали его собственные интересы. Подобно тому, какъ оно было заинтересовано тѣмъ, чтобы выти на черныхъ земляхъ и тяглые дворы въ городахъ не лежали впустѣ, оно заботилось о томъ, чтобы не было порозжихъ помѣстій, то-есть, чтобы не

---

[1]) См. обращики мѣновныхъ, А. отн. до юр. б. др. Росс. II, № 156. XVIII и слѣд. Купчія тамъ же, № 147. XXVI и слѣд.

[2]) П. С. З. № 89 и А. отн. до юр. б. др. Р. I, № 72, II.

было земель безполезныхъ для службы. Между тѣмъ въ Новгородскомъ и другихъ уѣздахъ было много пустыхъ земель, предназначенныхъ для раздачи въ помѣстья. Не имѣя возможности наполнять ихъ посредствомъ приказовъ, правительство разрѣшило воеводамъ пускать ихъ въ помѣстную раздачу, „если объявятся челобитчики“. Но земли не пустыя оно оставило подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ акты на выморочныя (то-есть, поступавшія въ наслѣдство), отдаточныя (сдаточныя), мѣновыя и утаенныя помѣстья должны были совершаться въ приказахъ. Слѣдовательно, правительство оставило въ распоряженіи центральныхъ мѣстъ лучшія земли, земли, обезпеченныя отъ пустоты, а воеводамъ передало тѣ, которыя по какимъ-нибудь причинамъ, преимущественно вслѣдствіе худаго качества земли, оно не могло само поверстать помѣщиками. Разумѣется, это распоряженіе не принесло существенныхъ выгодъ служилому сословію. Дѣлопроизводство приказовъ не сдѣлалось быстрѣе, а по отношенію къ „порозжимъ“ землямъ воеводы позволяли себѣ разныя злоупотребленія. Новгородскіе помѣщики жалуются на волокиту помѣстнаго приказа и на то, что на всѣ ихъ просьбы приказъ отвѣчаетъ, что „тѣмъ челобитчикамъ по ихъ челобитью указъ учинить не по чему, тѣхъ земель выписывать не изъ чего“, такъ какъ помѣстныя даточныя книги за 1650 и 1651 годы въ Новгородѣ. Съ другой стороны, право воеводъ распоряжаться порозжими землями привело къ важнымъ злоупотребленіямъ, которыя заставляли челобитчиковъ жалѣть о прежнемъ порядкѣ. Челобитчики жалуются, что „де выморочныя и утаенныя помѣстья, и примѣрныя земли, безъ государевыхъ грамотъ, въ Великомъ Новгородѣ изъ порозжихъ земель пустоши отдаютъ выборомъ, а по государеву указу въ прежнихъ годѣхъ выморочныхъ и утаенныхъ помѣстій и вылганныхъ вотчинъ и примѣрныя въ Новѣгородѣ безъ государевыхъ грамотъ не отдавали; а которыя де порозжія земли не отданы никому и тѣ порозжія земли велѣно раздать въ раздачу челобитчикамъ,.... въ помѣстье все, по писцовымъ книгамъ, а не выборомъ, и тѣ земли.... челобитчикамъ отдаютъ выборомъ, лучшія земли“. Вслѣдствіе этой челобитной государь указалъ: 1) всѣ даточныя книги изъ Новгорода тотчасъ прислать въ Москву; 2) вылганныхъ вотчинъ и выморочныхъ утаенныхъ помѣстій безъ государева указа изъ примѣрныхъ земель не отдавать; 3) „а которыя порозжія земли лежатъ порозжи, не отданы никому, а будутъ о тѣхъ порозжихъ земляхъ челобитчики и тѣ порозжія земли раздавать въ раздачу, цѣлымъ помѣстьемъ, а не выборомъ“. Слѣдовательно, правительство расширило, съ одной стороны,

предѣлы воеводской власти, предоставивъ ей акты, въ сущности подлежавшіе центральному правительству, и оставило за центральнымъ управленіемъ совершеніе актовъ, которые выгоднѣе было бы предоставить мѣстному управленію. Причина этого страннаго, съ современной точки зрѣнія, явленія заключается въ томъ, что правительство, не имѣя правильно организованныхъ мѣстныхъ учрежденій, не рѣшалось предоставить органамъ мѣстнаго управленія дѣлъ, сопряженныхъ съ вопросами судопроизводства, ибо это повело бы къ важнымъ злоупотребленіямъ. Напротивъ, оно охотно предоставило воеводамъ раздачу пустыхъ земель новымъ помѣщикамъ „для пополненія службы". Замѣчательно, что сами челобитчики бьютъ челомъ, чтобы всѣ акты судебнаго свойства совершались въ помѣстномъ приказѣ. Но матеріальные интересы нерѣдко заставляли ихъ уклоняться отъ этого воззрѣнія. Въ 1676 году бѣднѣйшіе Новгородскіе помѣщики подали царю челобитную, въ которой говорили, что распоряженіе Алексѣя Михайловича, подтвержденное въ 1675 году, основано на ложной челобитной, что они ее не подписывали, что имъ по бѣдности и дальности разстоянія невозможно ѣздить въ Москву для совершенія актовъ, а такъ какъ всѣ писцовыя и подлинныя дачи хранятся въ Новгородѣ, то чтобы государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ совершать всѣ акты воеводамъ. Государь дѣйствительно пожаловалъ и не только Новгородъ, но и Псковъ [1]), съ тѣмъ чтобы всѣ акты, совершенные воеводою, присылались въ помѣстный приказъ. Но видно, что это разрѣшеніе повело къ страшнымъ злоупотребленіямъ, ибо въ 1699 году возстановленъ прежній порядокъ, произведенъ пересмотръ земель въ Новгородѣ, и помѣстья, розданныя воеводою, утверждены за владѣльцами только въ томъ случаѣ, если онѣ были въ ихъ владѣніи 10 лѣтъ, а розданныя послѣ — если они никому не были отданы изъ помѣстнаго приказа [2]). Порядокъ, введенный въ Новгородѣ и Псковѣ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, составлялъ исключеніе изъ общаго правила, льготу Псковскимъ и Новгородскимъ помѣщикамъ. Указы эти ничего не говорятъ о другихъ городахъ. Напротивъ, изъ прочихъ указовъ, изданныхъ въ томъ же годъ, видно, что раздача помѣстій оставалась въ другихъ городахъ неизмѣнною [3]).

Участіе воеводъ въ помѣстныхъ дѣлахъ состояло, слѣдовательно, въ исполненіи требованій центральныхъ мѣстъ, въ произведеніи обыс-

[1]) П. С. З. № 627, 628.
[2]) Чичеринъ, тамъ же, стр. 134.
[3]) П. С. З. № 631, 635.

ковъ и слѣдствій, въ отводѣ и отдѣлѣ пожалованныхъ помѣстій. Это видно, между прочимъ, изъ описи книгъ помѣстнаго стола Нижегородской приказной избы. Книги эти состояли изъ государевыхъ грамотъ объ отводѣ помѣстій разнымъ лицамъ, а противъ нихъ помѣщались отказныя, отдѣльныя книги и списки съ обысковъ [1]).

Эти факты показываютъ, въ какомъ отношеніи стоялъ воевода къ одному изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ классовъ, — классу служилому. Между дворянствомъ и воеводою не могло установиться отношеній, какія существуютъ между мѣстною землевладѣльческою корпораціей и представителемъ правительства: этого не могло быть при отсутствіи всякой корпоративной связи между мѣстнымъ дворянствомъ. Для отдѣльныхъ лицъ власть воеводы имѣла значеніе на столько, на сколько это нужно было для понужденія ихъ къ исполненію обязанностей. Для удовлетворенія же интересовъ всего служилаго сословія на мѣстѣ, воеводская должность не представляла никакихъ условій. Если служилый человѣкъ имѣлъ нужду удовлетворить какимъ-нибудь частнымъ потребностямъ своимъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву. Иначе это и быть не могло. Какіе были интересы у дворянства въ то время? Въ качествѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ они не имѣли никакихъ, закономъ признанныхъ интересовъ. Вопросы земледѣлія, интересы сельскаго хозяйства, вся совокупность того, что̀ мы теперь называемъ мѣстными пользами и нуждами, были далеки и отъ дворянства и отъ правительства. Всѣ интересы дворянства не выходили изъ сферы его служебной дѣятельности, и весьма естественно, что въ этомъ отношеніи оно было связано съ центральнымъ правительствомъ больше чѣмъ съ воеводою. Увеличеніе помѣстнаго оклада, прибавка денежнаго жалованья, повышеніе въ чинѣ, переводъ изъ городовыхъ дворянъ въ Московскіе, пожалованіе части помѣстья въ вотчину, все это зависѣло отъ центральнаго правительства. Затѣмъ всѣ частные интересы дворянства группировались около ихъ помѣстья или вотчины. Вопросы наслѣдства, сдачи помѣстья, мѣны, купли и т. д. вотъ что̀ занимало его. И по всѣмъ этимъ вопросамъ ему также нужно было ѣздить въ Москву, ибо воевода не имѣлъ достаточно власти для удовлетворенія интересовъ этого рода.

Мы не будемъ говорить здѣсь объ отношеніи воеводъ къ духовенству. Духовное сословіе обособилось раньше другихъ, пользовалось наибольшими льготами, а потому почти вовсе не соприкасалось съ

[1]) Доп. къ А. И. IV, стр. 337.

мѣстнымъ управленіемъ. Оно подчинялось прямо Московскимъ приказамъ.

Нѣсколько болѣе были развиты отношенія воеводы къ общинамъ. Воеводская должность, имѣвшая столь мало значенія для привилегированныхъ классовъ, была какъ будто спеціально предназначена для тяглыхъ людей. Обыкновенно самые наказы дольше всего останавливаются на отношеніяхъ воеводы къ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ. Иногда въ наказахъ и въ другихъ грамотахъ прямо высказывается, что воевода назначенъ съ цѣлію оберегать посадскихъ людей отъ всякихъ насильствъ, отъ стороннихъ людей, отъ помѣщиковъ и т. д. Причина этого заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что до окончательнаго образованія сословій, посадскіе и уѣздные люди подчинялись началамъ территоріальнаго управленія, были земскою тяглою единицей, тогда какъ дворянство и духовенство вышли изъ состава области и вѣдались главнымъ образомъ Московскими приказами. Очевидно, четверти заботились о „береженьи" лицъ, прямо имъ подчиненныхъ. Эти отношенія, правда, нѣсколько измѣнились къ концу XVII стол. Съ окончательнымъ образованіемъ сословій, интересы довольно значительной части мѣстнаго населенія не замыкались уже въ предѣлахъ общины. Сословіями были чины Московскаго государства, которые въ интересахъ высшаго правительства должны были быть поставлены подъ ближайшій надзоръ центральныхъ установленій. Мы достаточно сказали объ этомъ въ III главѣ. Поэтому мы въ правѣ сказать, что воевода не имѣлъ особенныхъ обязанностей къ *сословіямъ,* ибо сословное управленіе сосредоточивалось въ Москвѣ. Но воевода имѣлъ опредѣленныя отношенія къ общинѣ, *сдѣлавшейся средствомъ къ отбыванію сословныхъ повинностей.* Общины каждой мѣстности представляли разрозненные административные организмы. Мѣстныхъ сословій въ Московскомъ государствѣ не было; были только государственные чины. Какъ сословіе, посадскіе и торговые люди имѣли отношеніе только къ Москвѣ; городъ, какъ община, тянувшая разныя повинности, подчинялся воеводѣ. Надзоръ послѣдняго имѣлъ въ виду, чтобы внутренній порядокъ общины не нарушался, чтобы подати раскладывались и собирались безъ „мотчанья" и т. д.

Нѣкоторыя обязанности воеводъ къ общинѣ опредѣлялись въ самомъ наказѣ. Напримѣръ, въ 1672 году Олонецкому воеводѣ Богдану Нащокину предписано: „Того беречь накрѣпко, чтобъ въ Заонежскихъ и Лопскихъ погостѣхъ мужики горланы богатые не воровали, середнимъ и молодчимъ людемъ продажи не чинили и лишнихъ по-

боровъ, опричь великаго государя оброку, ямскихъ и полонянич-ныхъ денегъ и всякихъ податей, съ крестьянъ не сбирали, и тѣмъ бы имъ продажъ и убытковъ не чинили, а самибъ тѣмъ не корыствовались". То же повторялось и въ другихъ наказахъ [1]). Къ обязанности оберегать молодшихъ и среднихъ людей отъ *мужиковъ-горлановъ* въ самой общинѣ присоединялась еще обязанность оберегать всю общину отъ притѣсненія сильныхъ людей вообще и мѣстнаго дворянства въ особенности. Въ наказѣ Старорускому воеводѣ (1664 года) находится слѣдующее мѣсто: „А Старорушанамъ посадцкимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ никому ни въ чемъ продажи одноличино не чинити, и стоять ему воеводѣ за нихъ и беречь ихъ, чтобъ имъ отъ сторонъ и отъ помѣщиковъ и ни отъ кого обидъ ни въ чемъ не было". Слѣдовательно, классъ землевладѣльцевъ, не имѣвшій земскаго характера, внушалъ правительству серіозныя опасенія со стороны интересовъ низшихъ классовъ. Мѣстные правительственные органы въ это время уже получаютъ значеніе оберегателей крестьянства отъ лицъ, смотрѣвшихъ на окружающее народонаселеніе съ точки зрѣнія крѣпостнаго права. Впрочемъ, особеннаго развитія и этихъ обязанностей воеводы въ наказахъ не встрѣчается. Прочія обязанности воеводы къ общинамъ не помѣщались въ самомъ наказѣ. Наказъ ограничивался общими выраженіями чтобы подати взимались бездоимочно, чтобы воевода оберегалъ всѣхъ людей его уѣзда, не чинилъ имъ „никакихъ налогъ" ради „своея корысти" и т. д. Трудно предположить, чтобъ эта неопредѣленность наказовъ зависѣла исключительно отъ неопредѣленности власти самого *воеводы* и отъ предоставлявшагося ему произвола. На первый взглядъ это объясненіе кажется самымъ вѣроятнымъ и естественнымъ. Но при ближайжайшемъ изслѣдованіи оказывается, что наказъ ограничивался общими выраженіями по другимъ причинамъ. Наказъ въ общихъ выраженіяхъ поручалъ воеводѣ наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписаній центральнаго правительства. Но подробности управленія сосредоточивались не въ мѣстности, а въ центрѣ. Акты, дошедшіе до насъ, несомнѣнно убѣждаютъ, что всѣ сколько-нибудь важные вопросы внутренняго управленія восходили на разрѣшеніе центральнаго правительства, а исполненіе его рѣшеній поручалось мѣстному начальству. Вотъ почему наказы мало говорятъ объ отношеніи воеводъ къ общинѣ, а отдѣльные указы изъ четвертей чрезвычайно

[1]) Доп. къ А. И. VI, № 56. Тамъ же, III, № 18, 67. Тамъ же, IV. 140.

много. Это понятно. Община несла сословное тягло, а завѣдываніе сословіемъ сосредоточивалось въ Москвѣ; далѣе хотя воеводское управленіе и дало уѣзду значеніе тяглой административной единицы, но не на столько, чтобы дробныя единицы, общины, потеряли право сноситься непосредственно съ Москвою. Вслѣдствіе этого во всѣхъ случаяхъ какихъ-нибудь недоразумѣній, столкновеній различныхъ интересовъ, воеводское управленіе не могло удовлетворить общинъ, и онѣ постоянно обращаются въ Москву. Всѣ случаи столкновенія общинъ между собою и съ другими лицами[1]), различныя челобитныя по финансовымъ вопросамъ[2]), по пополненію общины землями[3]) и по разнымъ другимъ потребностямъ общины[4]) разрѣшались въ Москвѣ. Обязанности самого воеводы по отношенію къ общинѣ сводились поэтому: a) къ надзору за исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ высшимъ правительствомъ; b) къ приведенію въ исполненіе отдѣльныхъ мѣръ, по предписанію центральныхъ учрежденій; c) въ рѣдкихъ случаяхъ къ попеченію о внутреннемъ благоустройствѣ общины.

Къ числу послѣднихъ обязанностей относилось попеченіе о томъ, чтобы тяглые участки не оставались пусты. На этомъ основаніи имъ поручался „приборъ" охочихъ людей на пустые участки и сыскъ бѣглыхъ тяглецовъ. Первый вопросъ поручался воеводамъ далеко не повсемѣстно; мы встрѣчаемъ его въ числѣ обязанностей Сибирскихъ воеводъ, которые нерѣдко строили новые города и заводили слободы, слѣдовательно, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ потребность заселенія края требовала исключительныхъ мѣръ. Предоставленіе этой власти воеводамъ въ другихъ мѣстностяхъ было бы безполезно и повело бы къ важнымъ злоупотребленіямъ. Для цѣлей правительства довольно было и того, чтобы существующія общины были въ цѣлости, а не въ разбродѣ; затѣмъ воеводы, получивъ такое право, могли бы по произволу переводить жителей изъ одной общины въ другую, вслѣдствіе чего одни бы *пустошились*, а другія не пополнялись. Этого правительство, конечно, допустить не могло. У него и такъ много было челобитныхъ отъ общинъ, жаловавшихся на свое запустѣніе, и къ причинамъ, производившимъ такое запустѣніе, присоединилась бы еще одна и очень существенная—воеводскій произволъ. Даже въ Сибири

[1]) Объ этомъ см. III главу. Также А. И. IV. № 208, 286. А. А. Э. 39, 40, 48, 129, 140, 293. Доп. къ А. И. IV. 114.

[2]) А. А. Э. III. 10, 64. Доп. къ А. И. V. 61, 81, 84.

[3]) А. А. Э. III. 91.

[4]) Доп. къ А. И. V. 30, 42, 59, 81, 87, Тамъ же, VI, 106. Тамъ же, IV. 142.

воеводамъ постоянно предписывалось прибирать на новыя мѣста только гулящихъ, а никакъ не тяглыхъ людей [1]). Въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи они должны были помогать общинѣ и владѣльцамъ удерживать на мѣстахъ тяглецовъ и сыскивать бѣглыхъ. Читатели припомнятъ, что вопросъ о сыскѣ бѣглыхъ былъ возбужденъ самими сословіями, что это была не только общинная, но и сословная потребность, а потому въ рукахъ центральнаго правительства былъ сосредоченъ не только надзоръ за этимъ дѣломъ, но и всѣ распоряженія по отдѣльнымъ случаямъ шли отсюда же. Обыкновенно община или владѣлецъ, лишившіеся своихъ тяглецовъ, били челомъ своему приказу, или въ сыскной приказъ, о предписаніи сыскать бѣглыхъ или возвратить земли, захваченныя бѣломѣстцами, общинѣ [2]).

Хотя воеводскій надзоръ имѣлъ цѣлію обезпечить правительству своевременное поступленіе разныхъ податей и сборовъ; но, какъ мы видѣли выше, правительство въ дѣлахъ финансоваго управленія не могло ограничиться имъ. Усиленіе самостоятельности таможенныхъ и кабацкихъ головъ доказываетъ, что и по этимъ дѣламъ московское управленіе желало имѣть особыхъ исполнительныхъ агентовъ, мимо воеводы, — такихъ агентовъ, которые подчинялись бы центральному управленію больше чѣмъ воеводѣ. Мы выше разсмотрѣли развитіе вѣрныхъ должностей въ связи съ исторіей общиннаго управленія. Изъ нея понятны отношенія головъ къ воеводамъ. Головы были органами центральнаго правительства, какъ и самые воеводы. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Московское государство стремилось къ какому-нибудь точному разграниченію вѣдомствъ, то-есть, чтобы воеводы были представителями одного вѣдомства, а головы другаго. Напротивъ, и воеводы, и головы были представителями одного вѣдомства — четверти или областнаго приказа. Оба представляли сюда свои отчеты и книги. Но отсутствіе правильной системы надзора приводило къ необходимости поставить всѣхъ исполнительныхъ агентовъ въ наиболѣе непосредственное отношеніе къ Московскому правительству.

Около половины XVII вѣка вѣрное управленіе представляется въ слѣдующемъ видѣ. Головы или назначались правительствомъ, или выбирались общинами, а утверждались въ Москвѣ, или по крайней мѣрѣ, актъ о выборѣ ихъ присылался въ приказъ [3]). Въ важнѣйшіе

---

[1]) А. И. IV. № 3, 22, 23, А. И. III. 211. Доп. къ А. И. VII. 74. Тоже III. 82.

[2]) См. III главу. А. И. IV. 30, 51, 60. Доп. къ А. И. IV. 78. Тамъ же, III. 32, 33, 82, VI. 19. А. И. III. 160.

[3]) А. И. IV. 12: «А кого имянемъ Усольцы голову, а Чердынцы цѣловаль-

торговые пункты, напримѣръ, въ Архангельскъ, головы назначались изъ Москвы. При этомъ имъ давались наказы весьма обширные. Наказы эти составлялись по образцу воеводскихъ. Въ началѣ помѣщались общія распоряженія и излагался во всѣхъ подробностяхъ способъ управленія таможеннымъ дѣломъ. Затѣмъ слѣдовали инструкціи по отдѣльнымъ предметамъ. Онѣ заключали въ себѣ разныя распоряженія, какъ по вопросамъ таможеннаго управленія, такъ и по другимъ; иногда таможеннымъ головамъ давались порученія, не входившія въ кругъ ихъ обыкновенной дѣятельности. Напримѣръ, въ 1648 году Архангельскимъ головамъ велѣно „на Двинѣ ямскіе всякіе отпуски отпускать, и земскіе расходы вѣдать, и надъ Двинскими выборными старосты и надъ цѣловальники смотрѣть, въ деньгахъ въ приходѣ и въ расходѣ ихъ считать.... а воеводѣ и дьяку тѣхъ ямскихъ и всякихъ отпусковъ не вѣдать и ни во что не вступаться" [1]). Наказы выборнымъ головамъ посылались иногда прямо къ нимъ, иногда помѣщались въ указѣ воеводѣ, распоряжавшемуся ихъ выборомъ, а онъ отъ себя выдавалъ этотъ наказъ головѣ [2]).

Назначенный голова, по пріѣздѣ въ городъ, долженъ былъ явиться къ воеводѣ, предъявить свой наказъ и взять у него „для вѣдома" всякихъ товаровъ таможенныя книги за одинъ или нѣсколько прошлыхъ годовъ [3]). Воевода долженъ былъ немедленно распорядиться о выборѣ къ новымъ головамъ цѣловальниковъ, „людей добрыхъ и прожиточныхъ", и вообще оказывать имъ всякое содѣйствіе, о чемъ имъ отдѣльно отъ наказовъ посылались иногда особыя предписанія [4]). Вступивъ въ должность, голова, выбранный или назначенный, подчинялся уже главнымъ образомъ областному приказу. Подобно воеводѣ, онъ принималъ должность отъ прежняго головы и роспись эту посылалъ непосредственно въ Москву [5]). Всѣ сношенія по таможеннымъ и кабацкимъ дѣламъ производились большею частью непосредственно

никовъ, и сколько человѣкъ выберутъ и тыбъ о томъ къ намъ отписалъ и выборы на нихъ прислалъ».

[1]) Доп. къ А. И. III. 55. Подобные же наказы см. тамъ же № 116, V. № 40. Тамъ же, IV. № 141. Порученіе вѣдать ямскія и мірскія дѣла давалось головамъ и въ другихъ мѣстахъ. Напримѣръ, см. грамоту Устюжскому воеводѣ. Доп. къ А. И. 117.

[2]) А. И. IV. № 12. 143. Доп. къ А. И. V. № 39.

[3]) Доп. къ А. И. III стр. 406.

[4]) А. И. III. № 184. Доп. къ А. И. 116, II.

[5]) Доп. къ А. И. III. № 22. Мы указываемъ на этотъ актъ, ибо здѣсь рѣчь идетъ о выборныхъ головахъ въ Великихъ Лукахъ.

между приказомъ и головою. Эта *непосредственность* усиливалась по мѣрѣ того, какъ росло недовѣріе центральнаго правительства къ воеводскому управленію. Головы пишутъ о своихъ дѣлахъ прямо въ Москву [1]). Указы изъ Москвы присылаются къ нимъ [2]), хотя нерѣдко и воеводамъ поручалось объявлять имъ разные царскіе указы, при чемъ на первыхъ возлагалась обязанность слѣдить за исполненіемъ этихъ указовъ. Надзоръ воеводскій выражался въ томъ, что 1) они слѣдили за тѣмъ, чтобы головы отправляли свою должность „по евангельской заповѣди", не брали съ торговыхъ и посадскихъ людей лишняго, не корыстовались казною и не воровали. 2) Съ этою цѣлію въ съѣзжей избѣ хранились таможенныя книги, выдававшіяся головамъ при назначеніи ихъ „для вѣдома", и по нимъ воеводы могли повѣрять дѣятельность головъ, прежде чѣмъ они шли на ревизію приказа. Затѣмъ 3) къ нимъ присылались списки съ указовъ, посылаемыхъ къ головамъ, или указы эти прямо объявлялись ими головамъ. 4) Иногда сборы, взимаемые головами, должны были храниться въ съѣзжей избѣ, при чемъ воеводы усчитывали головъ по мѣрѣ поступленія доходовъ. Имъ предоставлялось иногда право подвергать цѣловальниковъ наказанію. Такъ, одинъ изъ наказовъ Якутскому воеводѣ (Доп. къ А. И. IV. № 56) говоритъ: „А за большое воровство, за кражу и за иную хитрость и за нерадѣнье, цѣловальникамъ и инымъ всякимъ людемъ, которые будутъ у государевыхъ дѣлъ, чинити наказанье, смотря по винѣ". Но головъ запрещалось трогать и „что будетъ Ленской таможенный голова дѣлати мимо государева указу, и о государевѣ пошлинѣ радѣти не учнетъ, или чѣмъ учнетъ корыстоватца, или торговымъ людямъ чинить обиды и стольнику и воеводѣ, на того таможеннаго голову писати къ государю, и безъ государева указу его отъ дѣла не отставливати". Затѣмъ наказъ прибавляетъ: „Въ таможенное дѣло имъ, стольнику и воеводѣ и дьяку, однолично ни во что не вступатца ни которыми дѣлы, чтобъ въ томъ государевой таможенной пошлинѣ недобору не было".

На послѣднюю мѣру правительство рѣшалось, однако, весьма неохотно, въ виду страшныхъ воеводскихъ злоупотребленій. По большей части воеводамъ строго запрещалость вступаться въ таможенные сборы, а головамъ предписывалось ни подъ какимъ видомъ не отда-

[1]) Доп. къ А. И. III. 34, 39. Тамъ же, V. 54. VII. 26. VI. 54.

[2]) Доп. къ А. И. III. 42. Тамъ же, V. 39, 93. VI. 3. А. Э. III. 283. Доп. къ А. И. IV. 22.

вать ихъ воеводамъ, а доставлять ихъ прямо въ Москву [1]). Съ другой стороны, начало подчиненности и іерархіи не было и не могло быть строго выдержано въ Московскомъ государствѣ. Если воеводамъ поручалось слѣдить за правильностію дѣйствій головъ, призывать ихъ къ суду въ Москву, производить надъ ними слѣдствіе по порученію приказовъ и *беречь* мѣстныхъ жителей отъ излишнихъ поборовъ [2]); то съ другой стороны, головамъ нерѣдко поручались цѣлыя отрасли управленія и береженье торговыхъ людей, въ виду воеводскихъ „налоговъ". Напримѣръ, въ 1665 году Енисейскому таможенному головѣ поручена была управа тамошнихъ первостатейныхъ посадскихъ людей, которые были изъяты изъ-подъ вѣдомства воеводы Голохвастова за разныя его обиды и утѣсненія. По такимъ же причинамъ въ 1646 году Туринскому таможенному головѣ поручены всѣ отпуски торговыхъ и промышленныхъ людей, мимо воеводъ [3]).

Не смотря на это, воеводы должны были сохранять постоянное вліяніе на таможенныя и кабацкія дѣла по той причинѣ, что правительство по отношенію къ этому вопросу не остановилось ни на какой опредѣленной системѣ управленія и не имѣло въ мѣстности никакихъ постоянныхъ установленій. Оно колебалось между вѣрнымъ управленіемъ и откупнымъ, между откупнымъ и земскимъ, а потому нуждалось въ должности, постоянно дѣйствовавшей въ уѣздѣ для постояннаго надзора за всѣми перемѣнявшимися должностными лицами таможеннаго и кабацкаго управленія. У воеводъ хранились, по крайней мѣрѣ, книги и все дѣлопроизводство таможеннаго и кабацкаго управленія, которыя служили основаніемъ для надзора, при всѣхъ разнообразныхъ системахъ [4]).

[1]) Доп. къ А. И. IV. № 149—грамота Шуйскому таможенному головѣ (въ 1660 году) о доставленіи въ Москву таможенныхъ сборныхъ денегъ однажды въ годъ.

[2]) Тоже VI. 38, 134. А. И. III. 196.

[3]) Тоже III. 9. А. И. IV. 182, еще 197.

[4]) До какой степени разнообразны были способы таможеннаго и другихъ сборовъ, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1677 году въ городахъ и слободахъ Новгородскаго приказа таможенныя и кабацкія дѣла вѣдались одновременно: въ Новгородѣ, Старой Русѣ на варницахъ, во Псковѣ съ пригородами, въ Вологдѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ съ уѣздомъ, на кабакахъ, при баняхъ, Везломскомъ и Лысковскомъ перевозахъ, при таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ въ Архангельскѣ (кромѣ корабельной пристани) и Холмогорахъ, въ Перми, въ Чердынѣ, Соликамскѣ, Строгоновскихъ вотчинахъ, на Чюсовой, на Кунгурѣ, Вяткѣ, въ Хлыновѣ, Орловѣ, Слободскомъ, Мезени, Кайгородкѣ, Каргополѣ, Арзамасѣ, Камскомъ и Пустоозерскомъ острогѣ были выборные на вѣрѣ головы и цѣловальники. «И тѣхъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ воеводамъ вѣдать ничѣмъ

Впрочемъ, если, съ одной стороны, это разнообразіе системъ всего финансоваго управленія приводило къ необходимости воеводскаго надзора, который одинъ могъ внести какую-нибудь систему въ это запутанное дѣло, то съ другой — это же разнообразіе препятствовало развитію такого мѣстнаго надзора. Московское государство не имѣло организованной системы постоянныхъ податей. Большая часть постоянныхъ податей были дани и повинности, которыя образовались еще въ удѣльный періодъ, и не могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ развивавшагося государства. Это были такъ-называемые четвертные доходы, то-есть, доходы, находившіеся въ завѣдываніи четвертей. Притомъ важнѣйшіе изъ этихъ доходовъ, таможенные и кабацкіе, были вовсе изъяты изъ вѣдомства воеводъ. Самое число денежныхъ доходовъ не было особенно велико. Такъ, въ городахъ Новгородской четверти въ 1672 году собиралось слѣдующее количество денежныхъ доходовъ:

Въ Новгородѣ . .	16.386	руб.	Въ Кевролѣ и Мезени.	7.497	руб.
„ Олонцѣ . . .	11.503	„	„ Кайгородкѣ . .	2.838	„
„ Псковѣ. . . .	18.490	„	„ Кольскомъ остр. .	1.829	„
„ Ниж. Новгородѣ.	28.235	„	„ Пустозерскѣ . .	699	„
„ Архангельскѣ .	94.279	„	„ Вологдѣ. . . .	17.000	„ [1]).

Въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ земляхъ Казанскаго дворца, эти доходы даже не присылались въ Москву, а расходовались на мѣстѣ. Относительно новыхъ потребностей Московское государство поступало такъ, какъ и относительно новыхъ отраслей управленія. Новая отрасль управленія вызывала новый приказъ; новая потребность новую подать, спеціально на нее предназначенную. Размѣры этой подати и способы ея взиманія всякій разъ опредѣлялись ука-

не велѣно, а велѣно вѣдать и головъ и цѣловальниковъ выбирать земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ». Но эти головы вѣдали далеко не всѣ доходныя статьи. Въ Гдовѣ питейная продажа и угревая рыбная ловля были на откупу. Въ Архангельскѣ торговая баня также на откупу. Тоже въ Олонцѣ, Каргополѣ и другихъ. Откупъ держали или частные люди, или община, какъ, напримѣръ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ князей Воротынскихъ, Ромодановскихъ и Черкасскихъ. Подобное же разнообразіе было и въ Володимірской и Галицкой четяхъ. См. Доп. къ А. И. VII. № 66. Это было между 1677—1681 годахъ, когда воеводы вовсе были устранены отъ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ, а выборъ головъ порученъ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ.

[1]) Доп. къ А. И. VI. № 57.

мо; способы же эти, какъ мы видѣли выше, были весьма разнообразны. Иногда въ самой Москвѣ учреждался особый приказъ, спеціально предназначенный для сбора этой подати, и такой приказъ дѣйствовалъ по особому, данному ему наказу [1]). Подати, сборы и повинности натуральныя установлялись по различнымъ причинамъ. Разумѣется, самымъ главнымъ поводомъ къ ихъ установленію были военныя соображенія. Напримѣръ, въ 1637 году для построенія въ Украйнѣ городовъ и остроговъ, въ отвращеніе набѣговъ Крымскихъ Татаръ, былъ особый сборъ по полтинѣ и больше съ выти [2]). Затѣмъ каждый почти важный походъ вызывалъ новые налоги [3]). Обыкновенно въ этомъ случаѣ назначался сборъ пятой [4]), десятой [5]) или пятнадцатой деньги [6]). Бывали и другія прибылыя потребности, удовлетворявшіяся такимъ экстраординарнымъ способомъ. Напримѣръ, для построенія посольскаго двора въ Тобольскѣ съ крестьянъ одной слободы собрано было 39 руб. денегъ [7]), или подобные сборы брались на дворцовые прибылые расходы [8]) и т. д. Дѣятельность воеводъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не могла быть строго опредѣлена. Иногда для сбора подати посылались изъ Москвы особые чиновники, иногда сборъ поручался воеводѣ при участіи земскихъ старостъ, иногда возлагался на общину. Нѣкоторые плательщики даже получали грамоты о новомъ налогѣ или натуральной повинности прямо изъ своего приказа, мимо воеводы; напримѣръ: монастыри получали царскія грамоты изъ приказа Большаго дворца, а послѣ изъ монастырскаго приказа [9]). Въ 1677 году Шуянамъ велѣно выкурить для Московскаго кружечнаго двора 1000 ведеръ вина; грамота объ этомъ послана на имя старостъ и посадскихъ людей, которые по этому дѣлу должны были сноситься съ Галицкою четью, гдѣ тогда находилась въ приказѣ Шуя [10]).

Кромѣ неопредѣленности системы податей, нельзя не замѣтить неопредѣленности ихъ видовъ. Въ московскомъ управленіи не было проведено строгаго различія между сборомъ деньгами и натурой (хлѣ-

[1]) А. А. Э. III. № 214, 245.
[2]) А. И. III. № 195.
[3]) А. А. Э. III. № 31, 242, А. И. III. № 206.
[4]) Доп. къ А. И. IV. № 131.
[5]) Тоже V. № 64.
[6]) Тоже VI. № 33.
[7]) Тоже IV. № 39.
[8]) Тоже VI. № 8.
[9]) А. А. Э. III. № 193, 211, 212, 225, 310.
[10]) Доп. къ А. И. VII. № 60.

бомъ, мясомъ) и натуральными повинностями. Одна и та же потребность удовлетворялась то деньгами, то натурой. Все зависѣло отъ усмотрѣнія центральнаго правительства, а на усмотрѣніе это нерѣдко имѣло большое вліяніе желаніе самихъ плательщиковъ. Замѣна натуральной повинности денежною, зачетъ хлѣба за деньги, не только для отдѣльной общины, но и для частнаго лица, нерѣдко дѣлался Московскими приказами. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи общины и отдѣльные плательщики имѣли дѣло больше съ приказами чѣмъ съ воеводою. Разчеты между общинами, зачетъ денегъ за хлѣбъ и наоборотъ, могли быть произведены только Московскими приказами, ибо здѣсь хранились подробныя свѣдѣнія о количествѣ податей, отбытыхъ каждою общиною [1]). Наконецъ, въ случаѣ крайности, плательщики всегда могли просить о льготѣ, совершенномъ сложеніи податей на годъ и больше [2]). Слѣдовательно, принудительная власть воеводы при сборѣ податей была ограничена возможностію для каждой податной единицы видоизмѣнять количество, способъ и родъ подати по соглашенію съ центральнымъ правительствомъ.

Изъ [redacted] отношеній воеводы къ сословіямъ можно вывести то заключеніе, что должность эта была организована въ виду тяглаго положенія сословій. Уѣздные и посадскіе люди, соединенные въ тяглыя податныя единицы, понуждались имъ къ исполненію обязанностей, но и въ этомъ отношеніи центральное правительство имѣло больше значенія для мѣстности. Съ другой стороны, какъ общегосударственное сословіе, посадскіе выдѣлялись постоянно изъ состава мѣстнаго управленія. При оцѣнкѣ дѣятельности воеводъ не должно, какъ намъ кажется, терять изъ виду этого двоякаго значенія тяглаго народонаселенія древней Россіи. Чѣмъ больше сословныя начала выступаютъ на первый планъ, тѣмъ сильнѣе становится роль центральнаго управленія и слабѣе роль мѣстнаго. Сравнивая значеніе воеводъ въ началѣ XVII вѣка и въ концѣ, нельзя не замѣтить, что приказное управленіе имѣетъ меньше значенія до, чѣмъ послѣ Уложенія. Приказы почти замѣняютъ областное начальство, и исполненіе ихъ предписаній охотнѣе поручается самимъ тяглымъ людямъ, чѣмъ воеводамъ и другимъ агентамъ центральнаго правительства. Причинъ этого нельзя, конечно, искать исключительно въ томъ, что воеводы „изворовались“ и что правительство желало избавить народъ отъ воеводскихъ налоговъ и цѣ-

---

[1]) Доп. къ А. И. IV. № 77, 87, 93, А. А. Э. III. 72. А. И. III. № 62, 99.

[2]) Доп. къ А. И. IV. 86. А. отн. до юр. б. др. Р. I. № 55. XIII. Доп. къ А. И. V. № 35, 61.

лаго штата приказныхъ людей. Одна изъ существенныхъ причинъ этой перемѣны заключалась въ томъ, что по мѣрѣ образованія сословій правительство приходило къ необходимости дать каждому изъ нихъ особое управленіе и подчинить его одному Московскому приказу. Характеръ этого управленія заключался въ томъ, что каждое сословіе исполняло возложенныя на него повинности подъ контролемъ центральнаго правительства. Всѣ сословія, оставшіяся свободными, постепенно получили такую организацію. Что касается крѣпостныхъ, то они не на столько были подчинены государственному тяглу, чтобы требовать особой мѣстной власти. Власть эта олицетворялась для нихъ въ лицѣ помѣщиковъ и была достаточно сильна, чтобы принуждать ихъ къ исполненію обязанностей. Вслѣдствіе этого сокращеніе числа приказныхъ людей въ мѣстности было результатомъ всей политики Московскаго государства, которая, какъ мы увидимъ ниже, вліяла и на преобразованія Петра Великаго.

При сосредоточеніи всей силы управленія въ Московскихъ приказахъ, мѣстный надзоръ, очевидно, не могъ получить никакого развитія. Въ наказахъ воеводскихъ заключаются, правда, нѣкоторыя общія положенія о надзорѣ воеводскомъ за разными частями управленія, но съ большою достовѣрностію можно сказать, что по всѣмъ этимъ вопросамъ воевода дѣйствовалъ по непосредственному предписанію центральнаго правительства, посылавшемуся къ нему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ могъ состоять этотъ надзоръ, когда само высшее правительство не знало никакихъ общихъ началъ администраціи? Общій мѣстный надзоръ получаетъ надлежащее развитіе въ то время, когда у правительства является сознаніе общихъ цѣлей въ дѣлѣ внутренняго управленія и выработанъ общій планъ администраціи. Ни того, ни другаго въ Московскомъ государствѣ не было. Государство еще употребляло всѣ свои усилія на обезпеченіе своего существованія. Финансовыя средства, подчиненіе и организація тяглыхъ сословій занимали все его вниманіе. Даже и здѣсь не видно общихъ началъ. Потребности молодаго государства возникали какъ бы неожиданно, случайно, а потому и финансовая система слагается изъ такъ-сказать экстраординарныхъ, случайныхъ сборовъ. Не многіе доходы имѣютъ постоянное значеніе, и они-то меньше всего подчиняются воеводамъ, какъ, напримѣръ, таможенные и кабацкіе. Наказы говорятъ, правда, объ обязанности воеводы слѣдить за тѣмъ, чтобы головы не изворовались, чтобы посадскіе и уѣздные люди не выбирали въ цѣловальники „бражниковъ“, а людей добрыхъ и т. д. Но

стоитъ вспомнить отношеніе таможенныхъ головъ къ воеводамъ, чтобъ убѣдиться, до какой степени мало могъ развиться воеводскій надзоръ даже по отношенію къ этому важному вопросу. По другимъ предметамъ воевода исполнялъ только отдѣльныя порученія центральнаго правительства. Главнымъ образомъ надзоръ его имѣлъ цѣлію „береженіе" сословій, то-есть, правъ и интересовъ разныхъ лицъ и общинъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность его состояла въ прекращеніи разныхъ злоупотребленій и обидъ, причиняемыхъ общинами другъ другу и частнымъ лицамъ. Но изъ разныхъ случаевъ этой дѣятельности видно, 1) что власть его проявлялась въ отдѣльныхъ случаяхъ по прямому предписанію центральной власти, и 2) что центральная власть, въ свою очередь, давала такія предписанія вслѣдствіе челобитныхъ общинъ и частныхъ лицъ. Такъ, общины жаловались на неравномѣрное распредѣленіе между ними повинностей, на обиды, причиняемыя имъ другими лицами, на захватъ ихъ земель [1]; отдѣльные классы и лица нерѣдко били челомъ о томъ же. Больше всего поступало жалобъ отъ духовныхъ на нарушеніе данныхъ имъ жалованныхъ грамотъ [2]. Иногда такія предписанія посылались и прямо къ общинѣ [3]. Далѣе, духовенство жаловалось на обиды, чинимыя ему стрѣльцами или таможенными головами [4]. Часто также поступали въ приказы жалобы ямщиковъ на неправильное пользованіе подводами разными чиновниками и другія обиды [5], — жалобы отъ инородцевъ [6], и наконецъ, отъ частныхъ лицъ [7].

Несамостоятельность воеводы какъ мѣстнаго правителя и вообще слабое развитіе понятій о мѣстномъ управленіи въ тогдашнее время лучше всего можно видѣть на тѣхъ сторонахъ мѣстнаго управленія, которыя въ настоящее время составляютъ главную заботу правительства. Мы говоримъ объ удовлетвореніи потребностей самого мѣстнаго населенія, относительно его духовныхъ, экономическихъ и другихъ цѣлей. Къ числу этихъ потребностей мѣстнаго населенія должно отнести полицейскую и судебную дѣятельность. Мы разсмотримъ здѣсь

1) А. И. III. № 47, 103. Доп. къ А. И. III. 17, 118, 88. Доп. къ А. И. IV. № 114.

2) А. И. IV. № 208, 194. А. И. III. № 70. А. А. Э. III. № 321.

3) А. И. III. № 71.

4) А. А. Э. III. № 203, 314.

5) А. И. III. № 78. Доп. къ А. И. VI. № 77.

6) А. И. III. 171, 178. Доп. къ А. И. III. № 57, 62.

7) А. А. Э. III. № 182. Доп. къ А. И. III. № 70.

каждую изъ нихъ особо. Съ развитіемъ государства, съ сознаніемъ правительствомъ своихъ обязанностей относительно гражданъ полицейская дѣятельность принимаетъ обширные размѣры. Точно также развитіе судебныхъ инстанцій, появленіе въ провинціи надлежащаго количества инстанцій составляетъ условіе правильнаго мѣстнаго управленія. По совершенно справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ [1]), полицейскія обязанности составляли нѣчто совершенно новое въ должности губернаторовъ временъ Петра Великаго. Въ должности воеводъ мы не видимъ ничего подобнаго. Для нашей цѣли нѣтъ необходимости входить въ подробное изслѣдованіе дѣятельности воеводъ по дѣламъ полиціи; мы ограничимся здѣсь общими замѣчаніями. Желающихъ ознакомиться съ этимъ предметомъ ближе, отсылаемъ къ болѣе спеціальнымъ изслѣдованіямъ гг. Андреевскаго и Чичерина. Въ изслѣдованіи послѣдняго ученаго нѣтъ недостатка въ рубрикахъ, подъ которыя подведена полицейская дѣятельность воеводъ. Полицейская дѣятельность воеводы касалась, по его мнѣнію, слѣдующихъ предметовъ: построекъ, путей сообщенія, почтъ, охраненія области отъ моровыхъ язвъ, охраненія городовъ отъ пожаровъ, полиціи безопасности, попеченія о народонаселеніи, попеченія о торговлѣ, мѣрахъ, вѣсахъ и полиціи нравовъ [2]).

Дѣятельность воеводъ въ дѣлахъ о постройкахъ нельзя назвать полицейскою въ собственномъ смыслѣ. Это не была *строительная полиція* въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время; то-есть, здѣсь нельзя видѣть обязанности содѣйствовать развитію строительнаго искусства, наблюдать за производствомъ построекъ въ надлежащей формѣ и т. д.; не видно постоянныхъ обязанностей воеводы относительно даже казенныхъ построекъ. Обязанность воеводы состояла въ возведеніи казенныхъ построекъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, большею частію по предписанію центральнаго правительства [3]). То же самое должно сказать и относительно дорогъ. „Устройство дорогъ", говоритъ г. Чичеринъ, „не составляло предмета постояннаго попеченія воеводъ, но если нужно было проложить новую дорогу, уничтожить старую, къ воеводамъ посылалась царская грамота, и они

---

[1]) Г. Андреевскій «О нам., воеводахъ и губ.» стр. 108.

[2]) Чичеринъ «Областн. учрежд. XIVI в.» стр. 178.

[3]) Чичеринъ, тамъ же стр. 179: «Вообще такъ какъ постройки не были дѣломъ постояннымъ, то въ наказахъ не опредѣлялись ни способы построенія, ни власть воеводъ, а всякій разъ по мѣрѣ нужды дѣлались распоряженія правительствомъ или воеводами».

дѣлали соотвѣтствующія распоряженія“ [1]). Даже въ ежегодную поправку дорогъ они вмѣшивались только въ особенныхъ случаяхъ, по предписанію правительства; обыкновенно же она лежала на обязанности самихъ общинъ. Г. Андреевскій, кажется, предполагаетъ самостоятельную дѣятельность воеводъ въ этомъ отношеніи. „Пути сообщенія“, говоритъ онъ [2]), „также поручались заботливости воеводъ“. Но въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на акты, заключающіе въ себѣ предписанія высшаго правительства по отдѣльнымъ случаямъ [3]). Почтовыя сношенія вездѣ являлись повинностію, возложенною или на общины, или на особое сословіе ямщиковъ, или наконецъ, общинѣ предоставлялось правительствомъ право содержать ямъ и выбирать особаго ямскаго старосту. Ямская гоньба имѣла въ виду удовлетвореніе казенныхъ интересовъ, о частной корреспонденціи не было и рѣчи [4]). Затѣмъ наблюденіе за отправленіемъ ямской повинности не входило прямо въ кругъ обязанностей воеводы. Если община сама содержала ямъ, то-есть, нанимала ямщиковъ, вся отвѣтственность падала на нее; вмѣшательство воеводы только портило дѣло, и правительство нерѣдко вовсе запрещало воеводамъ касаться этихъ вопросовъ. Воевода дѣйствовалъ только въ томъ случаѣ, если сама община, недовольная злоупотребленіями выборныхъ людей, обращалась къ центральному правительству, а послѣднее предписывало воеводѣ сосчитать старостъ и уравнять общины въ повинностяхъ. То же самое должно сказать о томъ случаѣ, когда ямская гоньба отбывалась самимъ міромъ; воеводамъ вовсе запрещено было вступаться въ такія дѣла. Остается послѣдній случай — когда ямская повинность отправлялась ямщиками, прибранными самимъ правительствомъ. Это была уже настоящая служба, прямо подчиненная приказному управленію. Наборъ ямщиковъ, приписаніе къ яму извѣстнаго количества сохъ, опредѣленіе ямщикамъ жалованья, отводъ земель были дѣломъ правительства. Но воевода не всегда являлся органомъ его въ этомъ отношеніи. Ямщики вѣдались въ ямскомъ приказѣ, который для ближайшаго управленія ими назначалъ ямскихъ прикащиковъ. Въ нѣко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 180.

[2]) О нам., воев. и губ. стр. 88. и слѣд.

[3]) А. И. II. № 26. А. И. III. № 47. А. А. Э. II. № 54, 80. А. А. Э. III № 145 и т. д.

[4]) Только во 2-й половинѣ XVII вѣка были учреждены въ Ригу и Вильну почты, содержавшіяся частными людьми и пересылавшія частную корреспонденцію. Чичеринъ «Областн. учрежд.»

торыхъ случаяхъ они назначались и воеводою, но затѣмъ подчинялись все-таки ямскому приказу. Въ концѣ XVII вѣка ямщики совершенно были выдѣлены изъ вѣдомства воеводъ.

Еще менѣе имѣли воеводы обязанностей относительно благотворительности. Вопросы общественнаго призрѣнія вошли въ составъ административной дѣятельности только въ слѣдующемъ столѣтіи [1]). Только охраненіе жителей отъ опасностей, происходящихъ отъ силъ природы, нѣсколько относилось къ ихъ обязанностямъ. На первомъ планѣ стояло охраненіе города отъ огня. Эта обязанность указывалась въ самомъ наказѣ. Обыкновенно воеводамъ предписывалось „на посадѣ и слободахъ учинить заказъ крѣпкій и биричамъ велѣти кликати по многіе дни, чтобъ въ лѣтнее время никаковъ человѣкъ избъ и бань не топили, и въ вечеру съ огнемъ не сидѣли". Для большей дѣйствительности этихъ распоряженій принимались слѣдующія мѣры. Изъ посадскихъ людей выбирались объѣзжіе головы (иногда они назначались и изъ служилыхъ людей), которые должны были на посадѣ и въ рядахъ ѣздить днемъ и ночью. Головы состояли подъ начальствомъ воеводы, который долженъ былъ строго наблюдать за ними. Затѣмъ посадскіе должны были печь хлѣбы и варить кушанья въ особо устроенныхъ печахъ, за острогомъ или въ самомъ острогѣ, но „на пространныхъ мѣстахъ", не близко отъ жилья. Всѣ бани до осени запечатывались, а на крышахъ во всѣхъ домахъ ставились кади съ водою. „А которые люди учнутъ ослушаться, избы не въ указанное время топить, и тѣхъ людей велѣти приводить къ себѣ (воеводамъ) въ съѣзжую избу и на нихъ заповѣди имати и наказанье чинить, смотря по винѣ" [2]). Но всѣ эти мѣры установлялись въ видахъ казенной, а не частной пользы. Главное, что имѣло при этомъ въ виду правительство, это—береженье острога и острожнаго наряда. Вопервыхъ, мы не встрѣчаемъ въ наказахъ никакихъ правилъ относительно береженья отъ огня въ селахъ: они говорятъ только о посадахъ; вовторыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остроговъ и никакихъ военныхъ снарядовъ не было, дозволялось топить и избы, и бани [3]).

---

[1]) Г. Андреевскій l. c. стр. 95: «Предупрежденіе бѣдности и пособіе бѣднымъ не входили въ кругъ дѣятельности воеводы, такъ какъ правительство, при сильномъ развитіи частной благотворительности и заботъ церкви о призрѣніи бѣдныхъ, не сознавало еще своихъ обязанностей относительно борьбы съ этимъ общественнымъ недугомъ».

[2]) Доп. къ А. И. III. № 19. стр. 84.

[3]) Г. Андреевскій (ibid. стр. 99. примѣч. 283.) приводитъ грамоту, гдѣ Шуя-

Во всякомъ случаѣ пожарная часть, въ силу ея значенія для правительственныхъ интересовъ, относилась къ предметамъ постоянныхъ попеченій воеводы. Такой же предметъ составляла полиція безопасности. Собственно это названіе не вполнѣ идетъ къ этой дѣятельности воеводы. То, что въ настоящее время имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общественную безопасность, тогда удовлетворяло скорѣе фискальнымъ цѣлямъ. Напримѣръ, преслѣдованіе бродягъ и бѣглыхъ въ то время нельзя отнести къ полицейской дѣятельности въ собственномъ смыслѣ. Воевода долженъ былъ смотрѣть, чтобы тяглые участки не пустѣли и чтобы тяглецы изъ другихъ уѣздовъ не проживали въ его округѣ. Если мы припомнимъ, какое значеніе имѣлъ вопросъ о бѣглыхъ для экономическихъ интересовъ общины и для правительства, то понятно будетъ, что вопроса о бродягахъ въ современномъ смыслѣ въ то время не существовало. Въ тѣсной связи съ наблюденіемъ за бѣглыми находится власть воеводы давать отпуски посадскимъ и торговымъ людямъ въ разные города для промысловъ. Никто не могъ отлучиться безъ дозволенія воеводы и проѣзжей отъ него грамоты. Но эти отпуски, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ паспортною системою нашего времени. Предоставляя такую власть воеводамъ, правительство не имѣло въ виду ни охраненія общества отъ безпаспортныхъ, посредствомъ удостовѣренія личности отъѣзжавшихъ, ни сбора съ проѣзжихъ грамотъ, какъ доходной статьи. Оно заботилось о томъ, „чтобы въ городѣ безлюдно не было“, на случай нападенія непріятеля, для потребностей таможенной, кабацкой и другой цѣловальницкой службы, для отбыванія натуральныхъ повинностей и т. д. Что правительство не думало здѣсь о „полиціи безопасности“, видно изъ того, что когда злоупотребленія воеводъ въ дѣлѣ отпусковъ вредно отразились на торговыхъ интересахъ, выдача грамотъ сибирскимъ купцамъ была предоставлена таможеннымъ головамъ.

Если по этимъ постояннымъ предметамъ дѣятельность воеводъ не была особенно развита, то по другимъ вопросамъ она была еще ничтожнѣе. Слабое, или лучше сказать, ничтожное развитіе медицинской части, отсутствіе всякихъ мѣръ къ развитію народнаго образованія, скудость средствъ къ обезпеченію народнаго продовольствія, и вообще отсутствіе всего, что въ настоящее время составляетъ заботу земскихъ учрежденій, характеризуетъ воеводское управленіе,

намъ дозволено было топить лѣтомъ въ городѣ, на томъ основаніи, что въ Шуѣ «города (острога) и наряду никакова и зелья (пороху) и свинцу нѣтъ».

Мы не будемъ разбирать здѣсь всѣхъ перечисленныхъ выше предметовъ; но приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы вполнѣ согласиться съ г. Чичеринымъ, что „полицейскія обязанности воеводъ не были обширны и многосложны: многія дѣла поручались имъ временно, частными распоряженіями, другія подлежали ихъ вѣдомству только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ“ [1]). При такихъ условіяхъ изложеніе полицейской дѣятельности воеводы въ высшей степени затруднительно; ибо мы не можемъ имѣть въ виду общей системы этой дѣятельности, изложенной въ наказѣ (что̀, худо или хорошо, всегда дѣлалось для военной или финансовой ихъ дѣятельности), а только совокупность мѣръ, принятыхъ центральнымъ правительствомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и приводившихся въ исполненіе воеводами. Нельзя однако не признать важнаго полицейскаго значенія воеводъ и уѣздныхъ властей. Полицейская власть ихъ получила слабое развитіе только по отношенію къ тѣмъ предметамъ, кои выходили изъ круга дѣятельности приказнаго управленія. Для того, чтобъ она получила такое развитіе, необходимо было, чтобы правительство предварительно признало за обществомъ нѣкоторые интересы и взяло на себя ихъ удовлетвореніе. При тягломъ взглядѣ на народонаселеніе такая полицейская дѣятельность правительства была немыслима. За то полицейскій характеръ воеводскаго управленія выражался довольно сильно въ другой сферѣ — въ пресѣченіи и преслѣдованіи преступленій. Эта сторона полицейской его дѣятельности проникала даже въ его судебную дѣятельность и сообщала послѣдней какой-то полицейскій характеръ.

Не смотря на то, что *судебная* дѣятельность воеводы была предметомъ многихъ изслѣдованій, касавшихся исторіи нашего судоустройства и судопроизводства, она все-таки не выяснена надлежащимъ образомъ. Можетъ-быть, это происходитъ отъ того, что судебная практика того времени представляетъ много сложнаго и запутаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно трудно съ точностію опредѣлить отношеніе между судебною властію воеводы и Московскихъ приказовъ. Если принять въ соображеніе, что воевода былъ органомъ приказа въ уѣздѣ, то самый естественный выводъ будетъ тотъ, что воевода былъ низшею, первою инстанціей, а приказы — второю. Но на дѣлѣ не такъ легко было опредѣлить соотношеніе этихъ инстанцій. Нигдѣ не встрѣчается закономъ установленнаго порядка прохожденія дѣлъ по этимъ инстанціямъ. Вопервыхъ, значеніе инстанцій рѣзко различалось въ уго-

---

[1]) Чичеринъ, ibid. стр. 191.

ловныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Уголовная власть воеводы (на сколько она ему принадлежала) была сравнительно шире его власти по гражданскимъ дѣламъ, обыкновенно ограниченной узкими рамками. Причина этого заключается въ томъ, что въ тѣ времена задачи уголовной юстиціи тѣсно сливались съ простыми полицейскими цѣлями и до нѣкоторой степени даже подчинялись имъ. Возстановленіе общественнаго порядка, нарушеннаго преступленіемъ, что въ настоящее время составляетъ только одну изъ задачъ уголовнаго правосудія, въ то время едва-ли было не единственною цѣлію наказанія. Не смотря на отвлеченно-нравственный взглядъ на преступленіе, отличающій Уложеніе, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ставитъ его гораздо выше „воинскаго устава" Петра Великаго, въ примѣненіи этого взгляда правительство не пошло дальше исключительно практическихъ цѣлей. На первый разъ нравственное воззрѣніе на преступленіе выразилось въ жестокости наказаній и въ обширности правъ каждаго органа уголовной юстиціи. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что правительство того времени выдерживало страшную борьбу съ общественнымъ нестроеніемъ, съ броженіемъ цѣлаго общества, съ неслыханными разбоями, бунтами, Разиными и другими крупными и мелкими удальцами. Если въ XVI столѣтіи правительство не задумываясь передало общинамъ право казнить разбойниковъ, то тѣмъ бо́льшія права должны были получить приказные люди въ XVII вѣкѣ. Права эти и сама уголовная дѣятельность приказныхъ людей находятся въ тѣсной связи съ общими полицейскими задачами Московскаго государства. Обязанности уголовнаго суда и полиціи тѣсно сливались въ уѣздныхъ должностяхъ. Напримѣръ, на губныхъ старостъ, кромѣ обязанности судить разбойниковъ, лежала обязанность „того беречь накрѣпко, чтобъ однолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было" [1]). Этотъ полицейскій характеръ суда имѣлъ своимъ послѣдствіемъ крайнюю запутанность отношеній между воеводою, въ рукахъ котораго главнымъ образомъ сосредоточивались полицейскія обязанности, и губными старостами. Воеводѣ, между прочими обязанностями полиціи безопасности, поручалось смотрѣть, чтобы нигдѣ не было бою, грабежа, пріѣзда разбойниковъ и т. д. [2]). Провести точную границу между этимъ „смотрѣніемъ" и дѣйствительнымъ сыскомъ разбойниковъ въ тѣ времена было

[1]) Улож. XXI, 5.
[2]) Доп. къ А. И. IV. № 134, стр. 331.

чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе что само законодательство не особенно заботилось объ этомъ. Ему и самому обществу было рѣшительно все равно, кто ни будетъ „сыскивать“ воровъ и разбойниковъ, лишь бы этотъ сыскъ былъ дѣйствителенъ, и приводилъ къ какимъ-нибудь результатамъ. Для уясненія этого вопроса необходимо разсмотрѣть: а) органы уголовной юстиціи въ уѣздѣ, в) степень власти каждаго изъ нихъ, с) отношеніе ихъ къ высшимъ установленіямъ.

Въ Уложеніи находится слѣдующее постановленіе: въ городахъ татиныя, разбойныя и убійственныя дѣла вѣдать губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, и въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ [1]). Это постановленіе подробнѣе развито въ слѣдующей статьѣ. Изъ нея мы видимъ, что губные старосты получали наказы изъ разбойнаго приказа и дѣйствовали подъ его надзоромъ. Вслѣдствіе этого они не состояли въ прямомъ подчиненіи воеводѣ. Воевода, правда, по предписанію правительства, распоряжался выборами губнаго старосты; но это распоряженіе имѣло въ виду понудить уѣздныхъ жителей къ исполненію ихъ повинностей, ибо выборъ губнаго старосты и всего штата губнаго управленія былъ ничѣмъ инымъ какъ повинностію, возложенною на мѣстное населеніе. Будучи разъ выбранъ, губной староста подчинялся разбойному приказу. Актъ выбора, за руками выборщиковъ, вмѣстѣ съ губнымъ старостой посылались въ Москву, гдѣ послѣдній приводился къ присягѣ. Послѣ привода къ присягѣ и полученія наказа, „по чему ему разбойныя, татиныя и убійственныя дѣла вѣдати“, онъ пріѣзжалъ въ городъ, гдѣ воевода въ его присутствіи и по формѣ, присланной изъ разбойнаго приказа, приводилъ къ присягѣ губныхъ цѣловальниковъ, сторожей и дьячка. Затѣмъ онъ не имѣлъ уже на нихъ никакого вліянія, такъ какъ всѣ они, начиная со старостъ и кончая дьячками (кромѣ сторожей), судились въ „истцовыхъ искѣхъ“ въ разбойномъ приказѣ. Это постановленіе явилось гораздо раньше Уложенія. Оно встрѣчается еще въ уставной книгѣ разбойнаго приказа въ царствованіе Михаила Θеодоровича [2]). Въ качествѣ [redacted] приказныхъ людей губные старосты служили не для однихъ цѣлей уголовной юстиціи. Нерѣдко имъ давались такія же порученія, какъ и воеводамъ. Такъ, напримѣръ, знаменитое постановленіе собора 1619 году о пере-

---

[1]) Улож. XXI, 3. Сравни Воронежскіе Акты I. стр. 77.

[2]) А. И. III. № 167, статья 60. Сличи Улож. XXI ст. 6.

писи городовъ и сыскѣ бѣглыхъ было отправлено въ Угличъ для исполненія и объявленія его уѣзднымъ и посадскимъ людямъ къ губному старостѣ [1]). Многія административныя распоряженія, касавшіяся нагорной половины Обонежской пятины, посылались на имя тамошняго губнаго старосты, напримѣръ, о запрещеніи принимать шведскихъ перебѣжчиковъ, о присылкѣ въ Новгородъ работниковъ для городоваго дѣла [2]). Точно также посланы были къ Муромскому губному старостѣ распоряженія объ отказѣ откупщику въ сѣнномъ трушеніи на Муромской площадкѣ, объ охраненіи ямщиковъ [1]), къ Суздальскому губному старостѣ объ отысканіи бѣглыхъ посадскихъ людей [3]). Весьма естественно, что эти распоряженія присылались къ нимъ не изъ разбойнаго приказа, а изъ компетентныхъ установленій, напримѣръ, изъ Костромской четверти, сыскнаго приказа и т. п. Иногда имъ поручалось производить слѣдствіе надъ воеводою и даже взыскивать съ него штрафъ. Такъ, въ 1651 г. губнымъ старостамъ велѣно было взыскать съ воеводъ и приказныхъ людей нѣкоторыхъ городовъ съ каждаго по пятидесяти рублей за невысылку въ Москву нѣтчиковъ [4]). Въ 1661 г., по случаю отозванія изъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей для государевой службы, исправленіе ихъ должности поручено было губнымъ старостамъ.

Но если дѣятельность губныхъ старостъ касалась разныхъ предметовъ администраціи, по порученіямъ центральнаго правительства, то съ другой стороны, она не вполнѣ исчерпывала задачи уголовнаго суда. Ихъ вѣдомство составлялось изъ задачъ, еще въ XVI ст. „положенныхъ на души" земскихъ людей, то-есть, изъ преслѣдованія разбоя, душегубства и татьбы. Въ XVII в. преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ было тягломъ, для отбыванія котораго общины поставляли правительству цѣловальниковъ, сторожей, обязывались доносить на „вѣдомыхъ" татей и т. д. Въ XVII ст. изъ должности, замкнутой въ такія рамки, никогда не могло образоваться дѣйствительнаго судебнаго органа. Напротивъ, по мѣрѣ развитія судебной власти воеводы, судебный характеръ старостъ, и въ прежнее время незначительный, быстро сталъ сглаживаться, и полицейско-тяглое значеніе губнаго института выступило на первый планъ. Въ такомъ видѣ, какъ лишнее тягло, нало-

[1]) А. А. Э. III. № 105.
[2]) Тамъ же, №№ 201, 263.
[3]) Тамъ же, №№ 295, 297.
[4]) Тамъ же, № 311.
[5]) П. С. З. №№ 51, 313.

женное на обывателей, учрежденіе не могло быть имъ особенно любезно. Неудивительно, что въ послѣдствіи правительство выставляло уничтоженіе губныхъ старостъ, какъ особое благодѣяніе, оказанное имъ земству. Часто губные старосты позволяли себѣ страшныя злоупотребленія, такъ что въ нѣкоторыхъ наказахъ воеводамъ предписывается беречь посадскихъ людей отъ губныхъ старостъ [1]), а иногда и сами посадскіе слезно молили правительство отставить у нихъ губнаго старосту и поручить судъ воеводѣ. Власть ихъ по татебнымъ и убійственнымъ дѣламъ была въ XVI ст. весьма обширна. На нихъ перешло право, нѣкогда предоставленное общинамъ, казнить разбойниковъ безъ пощады, съ увѣреніемъ, что за то на нихъ опалы не будетъ. Но въ теченіе XVII вѣка должность эта получила иной характеръ чѣмъ въ XVI в. По той причинѣ, что въ XVI вѣкѣ губные старосты имѣли болѣе общинное, чѣмъ приказное значеніе, а въ XVII стол. наоборотъ. Когда должность губныхъ старостъ стала главнымъ образомъ приказною должностію, ихъ отношенія къ органамъ центральнаго правительства должны были опредѣлиться иначе чѣмъ въ XVI вѣкѣ. Въ XVI в. царь пожаловалъ общины правомъ суда, и губные старосты были представителями этого права. Теперь ихъ право опредѣлялось тою степенью власти, какую могъ имѣть приказный человѣкъ въ мѣстности. Степень этой власти зависѣла отъ способа распредѣленія функцій судебной дѣятельности между приказами и приказными людьми. Распредѣленіе этихъ функцій, между прочимъ, совершилось подъ вліяніемъ раздѣленія слѣдствія и суда. Въ XVI уже столѣтіи въ должности губныхъ старостъ нельзя не замѣтить двухъ элементовъ—судебнаго и полицейскаго. Они должны были и охранять общество отъ разбойниковъ, и судить ихъ. Это вполнѣ соотвѣтствовало формѣ тогдашняго уголовнаго процеса, гдѣ сыскъ былъ все, судопроизводство — почти ничто. Но въ XVII ст. губные старосты превращаются въ органъ преимущественно полицейскій со слабою степенью судебной власти. Право жизни и смерти надъ разбойниками и татями было нѣсколько ограничено относительно лицъ, попавшихся въ первой татьбѣ. Такихъ лицъ били кнутомъ и урѣзывали имъ лѣвое ухо, затѣмъ сажали въ тюрьму на два года, по истеченіи которыхъ преступникъ ссылался въ украинные города, „куда государь укажетъ“. Точно также поступали съ ними въ томъ случаѣ, если они вновь попадались въ воровствѣ, но и въ другой разъ учинили только одну татьбу. Ихъ вновь

[1]) Доп. къ А. И. IV, стр. 332. А. И. IV, № 159.

били кнутомъ, урѣзывали правое ухо, сажали въ тюрьму на 4 года, послѣ чего также ссылали въ украинные города [1]). Но если человѣкъ обличался въ нѣсколькихъ кражахъ разомъ, онъ казнился смертью; смертная же казнь грозила вору, совершившему на первой кражѣ, убійство, и церковному татю [2]). Подобная система примѣнялась и къ разбойникамъ [3]). Слѣдовательно, всякій человѣкъ, систематически занимавшійся разбоемъ и воровствомъ, какъ ремесломъ, признанный „вѣдомымъ“ татемъ и разбойникомъ, казнился безъ всякой пощады. Примѣненіе этихъ наказаній не было обставлено никакими особенными формальностями. Собственно уголовнаго суда не было, а было только слѣдствіе, за которымъ слѣдовало наказаніе. По совершенно справедливому замѣчанію г. Чичерина [4]), „въ губномъ дѣлѣ все состояло въ слѣдствіи, изъ котораго прямо вытекало наказаніе, а приговоръ былъ вовсе не нуженъ“. Слѣдовательно, и во взглядѣ законодательства на разбойное дѣло, и въ самой формѣ уголовнаго процесса, заключалась причина обширной власти губныхъ старостъ и возможность большихъ злоупотребленій. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло подлинныхъ наказовъ губнымъ старостамъ, и мы не имѣемъ возможности съ точностію опредѣлить, на сколько эти права старостъ примѣнялись на практикѣ. Но кажется, у правительства того времени явилось уже стремленіе нѣсколько ограничить власть старостъ. Мѣры, принятыя съ этою цѣлію, состояли не въ измѣненіи формъ процесса и не въ улучшеніи судебной организаціи въ уѣздѣ, а въ нѣкоторомъ *разграниченіи слѣдствія отъ суда*, столь необходимомъ въ видахъ огражденія подсудимыхъ и самого общества. До насъ дошло нѣсколько губныхъ дѣлъ, изъ коихъ можно видѣть, что въ XVII столѣтіи, до повсемѣстнаго введенія сыщиковъ (1669 г.), дѣятельность губныхъ старостъ состояла въ сыскѣ и распросѣ преступниковъ. Староста, вслѣдствіе доноса, или язычной молки, или лихованнаго обыска забиралъ обвиняемыхъ и ихъ имущество. Затѣмъ подвергалъ ихъ пыткѣ, приказывалъ записывать пыточныя рѣчи и сажалъ въ тюрьму. Пыточныя рѣчи и списокъ отобранныхъ вещей и вещественныхъ доказательствъ преступленія посылались въ Москву, а оговоренные люди и вещи хранились въ городѣ, до государева указа. Государевъ указъ заключалъ въ себѣ приговоръ, послѣ котораго староста и могъ только

[1]) Улож. XXI. 9, 10 и 11.
[2]) Тамъ же, 12—14.
[3]) Тамъ же, 16—18.
[4]) Областн. Учрежд. стр. 490.

распорядиться съ преступникомъ [1]). Безъ государева указа изъ разбойнаго приказа староста не могъ наказать, а тѣмъ болѣе оправдать и отпустить обвиняемаго. Въ 1658 г. Воронежскій губной дьячокъ Васильевъ донесъ на губнаго старосту, что онъ „будучи у тово губнаго дѣла, тюремныхъ сидѣльцевъ многихъ людей во всякихъ дѣлахъ ис тюрмы свобожаетъ без Великаго Государя указу и безъ грамотъ, для своей корысти". Разбойный приказъ вызвалъ старосту въ Москву и кромѣ того предписалъ воеводѣ произвести строгое слѣдствіе о дѣйствіяхъ его, сыскать выпущенныхъ людей и прислать въ Москву дѣла и распросныя рѣчи тѣхъ людей [2]). Кромѣ пыточныхъ рѣчей и слѣдствія разбойный приказъ иногда требовалъ въ Москву и самихъ оговорныхъ людей. Въ послѣдствіи вышло общее распоряженіе присылать въ Москву только дѣла, а не колодниковъ, которыхъ предписано держать въ городахъ, въ тюрьмѣ, до указа.

Но скоро правительство убѣдилось, что безъ сильныхъ органовъ уголовной юстиціи въ самой мѣстности оно не можетъ управиться съ разбойниками и татями. Въ 1669 г. XXI глава Уложенія была значительно измѣнена. Разбойное дѣло сосредоточено въ одномъ разбойномъ приказѣ, тогда какъ прежде оно было раздѣлено между разбойнымъ и земскимъ приказами [3]). Въ городахъ татиныя, разбойныя и убійственныя дѣла поручены сыщикамъ и губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ разбойнаго приказа [4]). Самое положеніе губныхъ старостъ измѣнилось. Прежде они были подчинены непосредственно разбойному приказу, теперь мѣсто приказа заняли сыщики. Выборные списки по прежнему присылались въ Москву; но къ присягѣ губные старосты приводились сыщиками, отъ которыхъ они получали и наказныя памяти, составленныя въ разбойномъ приказѣ. Они же получили право

---

[1]) Воронежскіе Акты II, стр. 84—89; 100—106, 197—202. То же самое видимъ и по менѣе важному дѣлу. См. напримѣръ, царскія грамоты губному старостѣ Переславля Рязанскаго о жеребенкѣ, украденномъ у крестьянина Филата Миронова. А. отн. до юр. б. др. Р. № 55, XXI, 1 и 2. Тамъ же XIX-я грамота тѣмъ же старостамъ о наказаніи и ссылкѣ въ Астрахань разбойника Козюлина. Изъ грамоты видно, что дѣло Козюлина, послѣ сыску, было послано въ Москву, гдѣ, по разсмотрѣніи, постановленъ приговоръ, исполненіе котораго поручено губнымъ старостамъ. См. тамъ же X и т. д. Псковичи, напримѣръ, были *освобождены* отъ Московскаго суда, но кромѣ *разбоя* съ поличнымъ и татьбы.

[2]) Ворон. Акты III. стр. 36—43.

[3]) П. С. З. № 441, ст. 1.

[4]) Тамъ же, ст. 3, 5.

судить губныхъ старость и дьячковъ „въ истцовыхъ искѣхъ“, что прежде также принадлежало разбойному приказу. Наконецъ, законъ 1669 г. замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ отмѣняетъ губныхъ цѣловальниковъ, такъ что послѣдніе остатки земскаго характера губнаго дѣла уничтожились. За общинами осталась только обязанность доставлять сторожей, дьячка и палача [1]). Усиленіе приказнаго начала въ губномъ управленіи повлекло за собою и расширеніе предметовъ его вѣдомства. Еще прежде, въ 1634 г., дѣла о поджогѣ присоединены къ губнымъ [2]). Въ 1669 году къ нимъ присоединены: совращеніе съ вѣры, насиліе женщинъ, сводничество и непочтеніе къ родителямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была усилена власть судебныхъ органовъ: бо́льшая часть дѣлъ кончалась на мѣстѣ.

Не смотря на эти мѣры, ни разбои не уничтожились, ни злоупотребленія не прекращались. Сыщики имѣли гораздо меньше средствъ для преслѣдованія разбойниковъ, чѣмъ мѣстныя власти; успѣхъ ихъ дѣятельности зависѣлъ отъ того, на сколько воеводы будутъ имъ содѣйствовать, такъ какъ собственныя ихъ средства были ничтожны. Воеводы же помогали имъ весьма неохотно. Съ своей стороны, народъ жаловался на сыщиковъ, что они употребляютъ свою власть не на преслѣдованіе виновныхъ, а на вымогательство разныхъ поборовъ съ мирныхъ жителей, что они потакаютъ ворамъ и т. д. До какой степени непопулярны были сыщики и все губное управленіе, какъ мало достигали они своей цѣли, видно изъ того, что они просуществовали всего 10 лѣтъ, до 1679 г., послѣ чего они посылались въ уѣзды только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это бывало и прежде.

Правительство, слѣдовательно, не могло ограничиться губными старостами и сыщиками для искорененія разбоевъ. Возлагая на воеводъ разныя полицейскія обязанности, оно нерѣдко поручало имъ и поимку воровъ и разбойниковъ [3]). Эти предписанія не всегда присылались къ воеводамъ изъ разбойнаго приказа, нерѣдко сама четверть, въ завѣдываніи которой находился городъ, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ о появленіи разбойниковъ, предписывала воеводѣ о поимкѣ ихъ [4]). Затѣмъ нѣкоторыя обязанности, по закону возложенныя на губныхъ старостъ, на практикѣ поручались воеводамъ, какъ напри-

---

[1]) Ворон. Акты III. стр. 200.

[2]) Тамъ же.

[3]) П. С. З. № 356, А. А. Э. III. 50. Доп. къ А. И. V. № 62.

[4]) Доп. къ А. И. V, № 94: грамота изъ Устюжской чети.

мѣръ, постройка тюремъ и содержаніе арестантовъ [1]). Наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, воеводы вѣдали разбойныя и татиныя дѣла во всемъ объемѣ. Степень ихъ власти въ этомъ отношеніи опредѣлить весьма трудно. Котошихинъ [2]) сообщаетъ извѣстіе, что „воровъ, татей и разбойниковъ и иныхъ злочинцевъ… казнити за ихъ воровство смертію, кто бъ каковъ ни былъ, безъ указу царскаго и описався къ нему не велѣно, и учинить никто не смѣетъ, кромѣ Сибири, Астрахани, Терка“ по дальности разстоянія. Весьма вѣроятно, что Котошихинъ, хорошо знакомый съ практикою Московскихъ приказовъ, говоритъ здѣсь объ общемъ правилѣ, изъ котораго, конечно, могли быть исключенія, вызванныя временными обстоятельствами. Этому показанію не противорѣчатъ, какъ мнѣ кажется, факты, приводимые г. Чичеринымъ. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что нѣкоторые наказы не ограничиваютъ судебной власти воеводъ относительно смертной казни, а другіе даже прямо дозволяютъ ее. Г. Чичеринъ, вопервыхъ, не разграничиваетъ здѣсь дѣятельности воеводъ до и послѣ 1679 г., когда въ нашемъ законодательствѣ совершился важный поворотъ, имѣвшій своимъ результатомъ уничтоженіе должности губныхъ старостъ. Всѣ средства были извѣданы правительствомъ: губные старосты безъ сыщиковъ, сыщики съ губными старостами, одни сыщики безъ губныхъ старостъ; разбои усиливались, а средства разбойнаго приказа уменьшались. Необходимо было усилить власть воеводы для противодѣйствія страшному злу. Но до 1679 г. мы не встрѣчаемъ фактовъ, противорѣчащихъ извѣстію Котошихина. Въ наказахъ, правда, власть воеводы не опредѣляется съ точностію. Но не должно забывать, что наказы давались воеводамъ не изъ разбойнаго приказа, а изъ областныхъ, которые мало касались подробностей губнаго дѣла. Они предписываютъ воеводамъ наказывать преступниковъ „кто до чего доведется, смотря по винѣ и человѣку“. Но изъ этихъ общихъ выраженій ничего нельзя заключить о судебной власти воеводъ вообще и о правѣ ихъ чинить смертную казнь въ особенности. Для примѣра мы возьмемъ одинъ изъ наказовъ, на которые ссылается г. Чичеринъ [3]), именно наказъ 1649 г. Олонецкому воеводѣ. Наказъ говоритъ слѣдующее: „А которые крестьяне учнутъ разбивать или инымъ какимъ воровствомъ воровать, и учнутъ на которыхъ говорить языки, и про то ихъ воровство сыскивати до

[1]) Доп. къ А. И. III, 115. Тамъ же, VI, 17, 99.

[2]) Глава VIII, 1.

[3]) Областн. Учрежд. стр. 149.

пряма, а по сыску тѣмъ ворамъ велѣть чинить наказанье, и про воровство ихъ писати къ государю подлинно; а будетъ въ Заонежскихъ погостахъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ учинится какое душегубство, и про убійцевъ потому жъ сыскивати и чинить указъ до чего доведется, и пенные и поголовные и всякіе неокладные денги, и тѣмъ денгамъ книги ежелѣтъ присылати къ Москвѣ, въ Новгородскую четь". Постановленія крайне неопредѣленныя. Вопервыхъ, выраженіе: „велѣть чинить наказаніе" можетъ означать простое *исполненіе* приговора Московскаго приказа, и это толкованіе подтверждается послѣдующимъ выраженіемъ: „чинить указъ до чего доведется". „Чинить указъ" всегда означало исполненіе приговора, а не самостоятельный судъ по Уложенію. Выраженіе это попадается и въ грамотахъ губнымъ старостамъ. Напримѣръ, въ 1641 г. Воронежскому губному старостѣ предписано было нѣкоего Луку Чистяка и другихъ оговоренныхъ людей „пытать и указъ имъ чинить, по наказу и язычной молкѣ, кого до чего доведется". Означало ли это, что губной староста долженъ былъ самъ наказать Луку Чистяка? Это опровергается концомъ грамоты, гдѣ прямо говорится: „да что въ томъ дѣлѣ сыскъ твой будетъ... и ты бъ все подлинное дѣло за своею рукою прислалъ къ намъ къ Москвѣ, и велѣлъ отписку и сыскъ подать въ разбойномъ приказѣ.... а Луку Чистяка, и попова зятя Ивашка и наймита Ивашка жъ посадилъ въ тюрму до нашего указу" [1]). Слѣдовательно, выраженіе: „чинить указъ до чего доведется" означало предписаніе исполнить приговоръ, который современемъ состоится въ Москвѣ. Врядъ ли оно могло означать что-нибудь другое и въ наказѣ Олонецкому воеводѣ. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что хотя Псковъ и былъ „большимъ" городомъ, но тамошніе воеводы не имѣли права судить жителей на мѣстѣ въ разбоѣ съ поличнымъ и татьбѣ [2]). Но съ 1679 г., то-есть, со времени первой „отставки" губныхъ старостъ, воеводы получили гораздо больше правъ, по крайней мѣрѣ, на время. Въ послѣднія двадцать лѣтъ XVII ст. всѣ старыя уѣздныя учрежденія, кромѣ воеводской должности, постепенно закрываются. Губные старосты то уничтожаются, то вновь устанавливаются; относительно другихъ должностей политика правительства также колеблется. Воеводская власть, ограниченная по дѣламъ казеннаго и общиннаго управленія, напротивъ, усиливается по дѣламъ судебнымъ. Только въ 1702 году, при окончательномъ уничтоженіи губныхъ ста-

[1]) Ворон. Акты II, стр. 88, 89.
[2]) А. А. Э. III. № 227.

ростъ, воеводское управленіе было ограничено выборнымъ коллегіальнымъ началомъ[1]). Но пока Петръ Великій не внесъ новыхъ началъ въ нашу администрацію, губные наказы носятъ на себѣ характеръ актовъ, изданныхъ для общества, находящагося на военномъ, осадномъ положеніи. Примѣромъ этому можетъ служить губной наказъ, данный Арзамасскому воеводѣ. Онъ относится къ 1679 г., и очевидно, изданъ вслѣдствіе указа, отмѣнявшаго губныхъ старостъ[2]). Съ самаго начала наказъ предписываетъ воеводѣ вступить въ управленіе губными дѣлами, „а губнаго старосту Андрея Нетесова отъ тѣхъ дѣлъ отставить“. Затѣмъ изложены правила для сыска разбойниковъ, отличающіяся небывалою прежде строгостію. Они заканчиваются слѣдующимъ постановленіемъ: „И будетъ кто, по своимъ винамъ, противъ нашего Великаго Государя указу, и Уложенья, и градскихъ законовъ, и новыхъ статей, доведется смертныя казни, и тѣхъ воровъ казнить смертью вскорѣ, не *описываясь* о томъ къ намъ Великому Государю къ Москвѣ“. Наказъ настаиваетъ именно на томъ, чтобы разбойники были казнены „вскорѣ“, поскорѣе, и для этого постановляетъ: „а тѣхъ воровъ и разбойниковъ и убійцъ и всякихъ воровскихъ людей *больши мѣсяца въ тюрмѣ не держать*, а велѣть тѣхъ воровъ вершить въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ они воровали, или гдѣ жили, чтобъ на нихъ смотря инымъ не повадно было такъ воровать“. Нельзя не видѣть въ этомъ наказѣ какого-то лихорадочнаго напряженія правительства. Арзамасъ не принадлежалъ къ числу ни главныхъ, ни отдаленныхъ городовъ Московскаго государства, въ которыхъ, по словамъ Котошихина, воеводы пользовались всегда особенными правами. И вдругъ воеводѣ такого городка дается право казнить преступниковъ чуть не въ 24 часа и казнить безконтрольно, не доводя о томъ до свѣдѣнія высшаго правительства! Подобныхъ правъ не встрѣчается ни въ предыдущихъ, ни въ послѣдующихъ наказахъ. Въ 1684 г. губные старосты были возстановлены, хотя и не повсемѣстно, что видно изъ того, что воеводамъ многихъ городовъ поручались губныя дѣла. Права ихъ при этомъ были обширны. Они могли казнить преступниковъ на мѣстѣ, но должны были о каждомъ случаѣ доносить государю. И эти права въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были ограничены. Такъ, Сибирскимъ воеводамъ, вслѣдствіе ихъ злоупотребленій, запрещено было казнить преступниковъ безъ государева указа.

---

[1]) См. мое изслѣдованіе о Высшей Администраціи XVIII ст. стр. 74.

[2]) Указъ этотъ (П. С. З. № 779) изданъ въ ноябрѣ 1679 г., а наказъ написанъ 13-го декабря того же года (А. А. Э. IV. № 237).

Кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя только постепенно перешли въ завѣдываніе воеводы, его суду подлежали многія дѣла. Сюда относились государственныя преступленія, поддѣлка фальшивой монеты, корчемство, преступленія по должности, волшебство, побои, грабежъ и сводничество [1]). По всѣмъ этимъ дѣламъ власть воеводы не была особенно обширна. Дѣла по государственнымъ преступленіямъ разрѣшались всегда въ Москвѣ, воеводѣ же поручалось иногда производство слѣдствія и исполненіе приговора [2]). То же самое должно сказать о преступленіяхъ по должности. Изъ указанныхъ нами выше отношеній воеводы къ подчиненнымъ можно заключить, что правительство не могло предоставить ему право суда и расправы надъ ними. Онъ не могъ ихъ ни смѣнить, ни наказать. Но въ силу принадлежавшаго ему права надзора, онъ долженъ былъ, въ случаѣ какихъ-нибудь злоупотребленій, произвести слѣдствіе и обо всемъ отписать въ Москву. Иногда само правительство, извѣстившись о злоупотребленіяхъ какого-нибудь должностнаго лица, поручало воеводѣ произвести надъ нимъ слѣдствіе и за тѣмъ привести въ исполненіе приговоръ [3]). Преступленія противъ казеннаго интереса не всѣ судились воеводою. Фальшивые монетчики судились въ приказѣ Большой казны [4]). Корчемство преслѣдовалось воеводою, но его права въ точности были опредѣлены закономъ. Такъ, въ одномъ наказѣ 1642 года предписано: „У ково корчемное и неявленное питье вымутъ впервые и ты бъ на нихъ имал заповѣди по два рубли по четыре алтыны, по полуторе денге, а на питухѣхъ по полуполтинѣ на человѣкъ; а у ково вымутъ въ другіе, и ты бъ на тѣхъ имал по пяти рублевъ, а на питухѣхъ имал по полтинѣ; а у ково вымутъ въ третіе и ты бъ у тѣхъ людей корчемное питье, и суды вінные и пивные, мѣдяные и желѣзные и деревянные, и кубы, и трубы и тчаны и кади и мѣрники, и бочки взялъ на насъ, а пенныхъ денегъ имал на нихъ по десяти рублевъ; да ихъ же за ослушанье велѣлъ бити кнутомъ и металъ въ тюрьму день на пять и на шесть". Обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ былъ доносить въ приказъ (въ данномъ случаѣ въ разрядъ, гдѣ вѣдали Воронежъ) [5]).

---

[1]) Законъ 1669 г. предоставилъ сыщикамъ нѣкоторыя изъ этихъ преступленій (см. выше); но вѣроятно, это было временною мѣрой.

[2]) Воронежскіе Акты, I. стр. 77 II, 106—127.

[3]) А. И. IV. № 64. А. огн. до юр. б. др. Р. I. № 55. VII.

[4]) Котошихинъ VII, 31 А. А. Э. III. № 267.

[5]) Воронежскіе Акты II, стр. 48. См. также А. Ю. № 28 и тамъ же судное дѣло о табакѣ, кореньяхъ и травахъ № 30.

На воеводъ возложена была обязанность преслѣдовать преступленія противъ вѣры. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи состояла обыкновенно въ содѣйствіи духовному начальству и въ исполненіи его требованій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда свѣтская власть дѣйствовала сама отъ себя, воеводѣ предписывалось только производить слѣдствіе и держать преступниковъ въ тюрьмѣ до государева указа. Въ тѣсной связи съ подобнаго рода преступленіями находились дѣла о волшебствѣ. О нихъ упоминается почти всегда въ наказахъ, тогда какъ дѣла о раскольникахъ поручались воеводамъ особыми о томъ указами. Изъ взгляда наказовъ на волшебниковъ и вѣдуновъ можно вывести заключеніе, что законодательство относило эти дѣла къ полицейской дѣятельности воеводъ, то-есть, къ такой дѣятельности, которая требовала отъ него только слѣдствія, но не суда. Напримѣръ, наказъ Нижегородскому воеводѣ[1]) предписываетъ ему смотрѣть, чтобы „въ Нижнемъ Новгородѣ на посадѣ и по слободамъ и въ уѣздѣ нигдѣ никакого волшебства и воровства, и татей и разбойниковъ, и мужиковъ вѣдуновъ и вѣдуней бабъ и бѣглыхъ стрѣльцовъ и солдатъ и боярскихъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, и ворамъ и разбойникамъ пріѣзду никто не держалъ“. Тутъ все вмѣстѣ, и вѣдуны, и бѣглые стрѣльцы, волшебство и воровство—все поставлено на одну линію, и пресѣченіе этихъ преступленій отнесено къ полицейскимъ обязанностямъ воеводы. Затѣмъ наказъ различаетъ татей отъ вѣдуновъ. Татей и разбойниковъ велѣно отводить къ губному старостѣ, „а вѣдуновъ и бабъ пытать и огнемъ жечь, чтобъ воровства подлинно доискаться“, то-есть, требовалось только производство слѣдствія.

Еще неопредѣленнѣе была власть воеводы по дѣламъ о побояхъ, грабежѣ, захватѣ чужаго имущества и т. д. Неопредѣленность эта, кромѣ вышеизложенныхъ причинъ, обусловливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя дѣла начинались по жалобѣ обиженнаго, а не было закона, предписывавшаго ему начинать дѣло съ уѣздной инстанціи. Обыкновенно жалобщики стремились подавать челобитныя въ Московскій приказъ, откуда уже выходило предписаніе воеводѣ произвести слѣдствіе, а иногда и дать судъ на указанныхъ приказомъ основаніяхъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ приказъ писалъ: „а будетъ такъ, какъ билъ челомъ такой-то“, то-есть, если слѣдствіе подтвердитъ жалобу челобитчика, то сдѣлать то-то, или учинить по указу до чего доведется[2]).

---

[1]) Доп. къ А. И. IV. № 134. стр. 331.

[2]) А. отн. до юр. б. др. Р. I. № 55. XXXIX, XLIX. 87.

Всѣ эти факты приводятъ къ заключенію, что уѣздъ не имѣлъ правильно развившейся, самостоятельной инстанціи уголовнаго суда. Въ большинствѣ случаевъ слѣдствіе было дѣломъ уѣздныхъ властей; судъ, приговоръ—дѣломъ Московскихъ приказовъ. Дѣла гражданскаго суда представляютъ нѣсколько больше опредѣленности. Законъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляетъ цифру иска, подлежавшаго окончательному суду воеводы. Цифра эта не для всѣхъ мѣстностей была одна и та же. Она колебалась между 10 рублями minimum и 100 рублями maximum. Послѣднее, впрочемъ, также подлежитъ сомнѣнію. Мы начнемъ съ извѣстій, сообщаемыхъ Котошихинымъ, съ тѣмъ чтобы провѣрить ихъ на прочихъ источникахъ. Извѣстія эти [1]) состоятъ въ слѣдующемъ: 1. Воеводы большихъ городовъ, гдѣ съ ними были дьяки, вѣдали судныя, кабальныя и долговыя дѣла между дворянами, дѣтьми боярскими, служилыми людьми вообще [2]) и крестьянами на 100, 500, 1.000 и 10.000 руб. 2. Въ другихъ городахъ, гдѣ воеводы одни сидятъ, или съ подъячими, но безъ дьяковъ, велѣно судъ давать въ 10 и 20 руб.; а если воевода или приказный человѣкъ дастъ судъ больше чѣмъ на 20 р., приговоръ считался недѣйствительнымъ и съ судившаго взыскивалась пеня. 3. Всѣ иски на сумму бо̀льшую 20 рублей начинались жителями „середнихъ и меньшихъ городовъ“ прямо въ Москвѣ, „гдѣ кто судимъ и подъ которымъ приказомъ написанъ“. Слѣдовательно, большіе города не имѣли никакого значенія для середнихъ и меньшихъ,—другими словами, въ области всѣ инстанціи были первыя, хотя и различались между собою объемомъ компетенціи. Не смотря на то, что воевода большаго города могъ въ своемъ городѣ принимать иски въ 1000 руб., ему не предоставлялось права принимать изъ другаго города иска въ 25 руб., хотя бы этотъ городъ былъ подчиненъ ему, напримѣръ, въ военномъ отношеніи. Каждый городъ составлялъ свой самостоятельный округъ, подчиненный только Москвѣ. 4. Не всѣ дѣла, предоставленныя воеводамъ большихъ городовъ, рѣшались ими окончательно. По искамъ въ 1000 р. и больше они не могли „обвинить“ безъ царскаго указу [3]). 5. Наконецъ, общее заключеніе, которое можно вывести изъ показаній Котошихина, состоитъ въ томъ, что по дѣламъ гражданскимъ воеводскому

---

[1]) Котош. VIII. 3.

[2]) Слѣдовательно, духовныя лица были изъяты изъ ихъ вѣдомства.

[3]) Котош., тамъ же: «А въ самыхъ большихъ городѣхъ, хотя въ великихъ искѣхъ судъ даютъ въ 1.000 и въ 10.000 рублевъ, а обвинити они безъ царскаго указу никого не смѣютъ».

суду подлежали только долговыя обязательства и другія дѣла по кабаламъ.

Извѣстія Котошихина относительно *лицъ*, подчинявшихся суду воеводы, не вполнѣ вѣрны. Духовенство не во всѣ времена было освобождено изъ-подъ воеводскаго суда. Въ Актахъ Юридическихъ, напримѣръ, мы находимъ два судныхъ дѣла (начала XVII вѣка) между монастырями и мірянами, разбиравшіяся воеводою [1]). Несудимыя грамоты духовенству, съ подчиненіемъ еко суду Большаго дворца или четвертей, возобновлялись постепенно во все царствованіе Михаила Өеодоровича. Таковы, напримѣръ, грамота священнику съ причтомъ церкви Рождества Богородицы въ Устюжнѣ, подчиненнаго суду Устюжской чети, грамота Юрьеву монастырю, съ подчиненіемъ его приказу Большаго дворца, Троицко-Сергіеву монастырю и т. д. [2]). Съ постепеннымъ образованіемъ духовнаго сословія, какъ особаго разряда лицъ въ государствѣ, при чемъ установилась особая подсудность и для монастырскихъ крестьянъ, власть воеводы значительно уменьшилась. Духовные пользовались правомъ вчинать иски и отвѣчать въ Московскихъ приказахъ, преимущественно въ приказѣ Большаго дворца. Не смотря на это, воеводамъ поручались иногда отдѣльныя отрасли судопроизводства въ дѣлахъ между монастырями и частными лицами. Такія порученія давались имъ преимущественно изъ областныхъ приказовъ, Новгородской чети [3]), Сибирскаго [4]) и другихъ. Приказъ Большаго дворца также вызывалъ къ своему суду лицъ духовнаго вѣдомства и монастырскихъ крестьянъ чрезъ воеводу [5]). То же дѣлалъ и патріаршій разрядъ [6]), а въ послѣдствіи и монастырскій приказъ. Съ учрежденіемъ послѣдняго воеводамъ повсемѣстно предоставлено право судить духовенство на опредѣленную сумму [7]). Только съ 1667 г. духовенство вновь было освобождено отъ областныхъ судей. За то, съ другой

---

[1]) А. Ю. № 25 (1610 г.). Грамота правая Никольскому Корельскому монастырю на безпрепятственное владѣніе рыбными ловлями въ устьѣ рѣки Двины. № 26 (1612 г.). Правая грамота Архангельскому монастырю на владѣніе оброчными пашнями. Въ послѣднемъ случаѣ судъ производился воеводою съ цѣловальниками, которые и подписались на грамотѣ.

[2]) А. А. Э. III, № 130 (1623 г.) № 250 (1634 г.). А. И. III, № 69.

[3]) А. И. III, № 202. Доп. къ А. И. V, № 37.

[4]) Доп. къ А. И. V, № 28. Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно еще то, что жалоба первоначально была подана воеводѣ.

[5]) Воронеж. Акты I, 31—32, 157, 158. III.

[6]) А. И. III, № 175.

[7]) Улож. гл. X. III. ст. 3.

стороны, власть воеводы простиралась не на всѣхъ служилыхъ людей и крестьянъ. Стрѣльцы судились въ стрѣлецкомъ приказѣ въ большихъ искахъ [1]), а въ малыхъ на мѣстѣ стрѣлецкимъ головою. Судя по нѣкоторымъ актамъ, послѣдніе могли разбирать дѣла на небольшія суммы. По крайней мѣрѣ, въ 1627 г. стрѣлецкій приказъ потребовалъ къ своему суду въ Москву одного служилаго человѣка по иску на 55 рублей [2]). Такъ же судились лица, подчиненныя иноземскому, пушкарскому [3]) и ямскому [4]) приказамъ, Затѣмъ владѣльческіе крестьяне, въ спорахъ ихъ между собою, разбирались владѣльцемъ [5]). Наконецъ, по отношенію къ другимъ крестьянамъ власть воеводы была ограничена тѣмъ, что въ XVII стол. существовали еще крестьянскіе выборные судьи, которые разбирали всѣ иски крестьянъ между собою. Г. Калачовъ приводитъ много доказательствъ этому [6]). Такъ, напримѣръ, сохранился актъ 1666 г. о выборѣ въ судьи Дмитріевской волости [7]) Ивана Ефремова съ цѣловальниками. Они были выбраны къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ и для суда. Въ приговорѣ мірскомъ говорится: „А судити ему судьѣ на стану въ Дмитріевской волости насъ крестьянъ по челобитнямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ писмяннымъ крѣпостямъ, управа межъ насъ крестьянъ чинити, и по Уложенью, уставнымъ грамотамъ, каковы государевы уставные жалованные грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ“ и т. д. Эти судьи рѣшали, слѣдовательно, всѣ гражданскія дѣла, а въ случаѣ затрудненія дѣлали докладъ не воеводѣ, а Московскому приказу. Такъ, земскій судейка Ужгинской волости [8]) рѣшилъ въ 1635 году окончательно дѣло о потравѣ, а земскій судейка Лоемской волости, по тяжбѣ о землѣ, приговорилъ послать дѣло въ Устюжскую четь, потому что „здѣсь того землянаго дѣла большаго приговорить и совершить не мочно и невозможно“. Московскіе приказы сносились съ такими судейками прямо, въ формѣ царскихъ грамотъ, посылаемыхъ на имя судьи. Такова, напримѣръ, грамота изъ Большаго прихода на имя Важскаго судейки о разводѣ земель между

---

[1]) Тамъ же, гл. XXII, ст. 1.
[2]) Воронеж. Акты I, стр. 65.
[3]) Тамъ же, стр. 41, 160.
[4]) Тамъ же, II, стр. 4.
[5]) Котош. гл. XI, 3.
[6]) См. его критику на Област. Учрежд. г. Чичерина. Примѣч. 7, и 9, и 25.
[7]) Это была одна изъ-такъ называемыхъ Устьянскихъ волостей.
[8]) Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

разными крестьянами. Независимо отъ этихъ крестьянскихъ судовъ, существовавшихъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, власть воеводы по отношенію къ крестьянскому сословію стѣснялась еще въ томъ отношеніи, что онъ обыкновенно не разбиралъ споровъ, возникавшихъ какъ у общинъ между собою, такъ и съ другими лицами и особенно юридическими, напримѣръ монастырями (см. третью главу и А. А. Э. III, № 312). Это зависѣло между прочимъ отъ того, что сумма такого иска превышала предѣлы власти воеводы.

Предѣлы этой власти, какъ мы видѣли, были весьма различны, смотря по величинѣ самого города. Трудно сказать, на чемъ было основано различіе между воеводами большихъ и малыхъ городовъ, зависѣло ли это отъ важности самого города, или отъ лица, занимавшаго должность воеводы. Во времена намѣстниковъ судебная власть ихъ различалась по тому, имѣлъ или не имѣлъ тотъ или другой намѣстникъ право боярскаго суда [1]. Сюда присоединялись и другія основанія, напримѣръ, различіе городовъ. Нѣкоторые акты можно было совершать только въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ [2]). Въ XVII стол. это послѣднее основаніе сдѣлалось, должно полагать, главнымъ. Раздѣленіе городовъ на большіе, средніе и меньшіе прямо указываетъ на это. Но рядомъ съ этимъ имѣли значеніе и другія соображенія. Различалось, напримѣръ, былъ ли при воеводѣ дьякъ или только подъячій; зналъ ли воевода грамотѣ или былъ неграмотенъ. Наконецъ, многое зависѣло и отъ отношеній жителей города къ правительству. Если они умѣли выпросить себѣ право судиться во всѣхъ искахъ дома, то воевода имѣлъ больше правъ. Въ исторіи встрѣчаются примѣры подобныхъ челобитныхъ. Обязанность являться на судъ въ Москву была крайне обременительна. Между тѣмъ, если въ городѣ могли разрѣшаться только малые иски, въ Москву приходилось ѣздить часто. Недобросовѣстные истцы нарочно подавали иски на большую сумму, чтобы заставить отвѣтчика, не желавшаго имѣть дѣло съ приказами, пойдти на мировую и сорвать съ него нѣкоторую сумму. Освобожденіе отъ Московскаго суда, конечно, зависѣло отъ желанія жителей и отъ усмотрѣнія правительства. Къ такому дѣлу жителямъ надо было приступать подумавши. Освобожденіе отъ Московскаго суда расширяло власть мѣстнаго воеводы, а это могло оказаться невыгоднымъ для горожанъ. Съ другой стороны, правительство могло согласиться и не согласиться

[1]) Судебн. Ив. IV 71.
[2]) Тамъ же, ст. 77

на просьбу жителей; или согласиться не въ томъ размѣрѣ. Такъ, въ началѣ XVII вѣка Новгородцы и Псковичи били челомъ объ освобожденіи ихъ отъ Московскаго суда. Новгородъ и Псковъ одинаково причислялись къ числу бо́льшихъ городовъ Московскаго государства [1]. Между тѣмъ правительство дало Новгородскимъ посадскимъ людямъ грамоту, „что ихъ судить во *всякихъ* дѣлахъ въ Великомъ Новгородѣ, а зазывныхъ грамотъ изъ приказовъ на нихъ не давать", а Псковичамъ, не смотря на то, что Псковъ отъ Москвы дальше Новгорода, дозволилъ судиться на мѣстѣ только „во стѣ" рубляхъ и то не по всѣмъ дѣламъ (слѣдовательно, прежде Псковскіе воеводы не имѣли права судить и на сто рублей). Результатомъ этого было то, что дворяне и дѣти боярскіе и всякіе торговые люди привозили изъ Москвы зазывныя грамоты на Псковичей, „въ поклажахъ и въ поставленныхъ животахъ, въ заемныхъ деньгахъ, и во всякихъ дѣлахъ ложно, свѣдавъ котораго прожиточнаго человѣка, рублевъ во стѣ, и двустѣ, и больше; а мирятся во Псковѣ рублехъ на пяти, и на шести, и на десяти, и больше". Въ 1633 г. Псковичи подали новую челобитную. На этотъ разъ посадскіе люди были пожалованы: во всякихъ дѣлахъ, кромѣ татьбы и разбоя съ поличнымъ, велѣно судить ихъ на мѣстѣ [2]) Изъ этого случая можно вывести заключеніе, что обыкновенный предѣлъ воеводскаго суда въ большихъ городахъ былъ искъ во сто рублей. Затѣмъ расширеніе этихъ правъ до 500 и 1.000 руб. зависѣло отъ усмотрѣнія правительства. Но подобныя жалованныя грамоты касались только суда надъ посадскими и торговыми людьми между собою и съ другими лицами. Весьма вѣроятно также, что въ искахъ, превышавшихъ 1.000 руб., всегда требовался докладъ Московскому приказу.

Далѣе слѣдуетъ различіе между средними и меньшими городами. Различіе это провести довольно трудно. На это отчасти указываютъ двѣ выставленныя Котошихинымъ нормы: 10 и 20 рублей. Не извѣстно, на сколько это различіе было выдержано на практикѣ. Попадаются акты, гдѣ воеводамъ малыхъ городовъ предоставлено судить до 10 р. Напримѣръ, въ 1620 году въ Шую былъ посланъ воеводою Данило Змѣевъ. Въ грамотѣ, отправленной по этому случаю Шуянамъ, говорится, что „Данилѣ Змѣеву васъ посадскихъ людей промежъ васъ и съ сторонними и уѣздными людьми и съ инородцы судить въ 10 р.

---

[1]) Котоших. VIII. 1.

[2]) А. А. Э. № 227.

и меньше, а больше 10 руб. васъ судить не велѣли, а велѣли васъ судити больши 10 руб. у насъ на Москвѣ въ Галицкой чети". Грамота запрещаетъ судиться у воеводы больше чѣмъ на 10 р. даже лицамъ, добровольно на то согласившимся: „а которые посадскіе люди учнутъ предъ воеводою искати или отвѣчати въ большихъ дѣлѣхъ по своей волѣ, мимо нашъ указъ, и тѣмъ людямъ быть отъ насъ въ опалѣ". Тѣмъ болѣе воеводѣ запрещалось „насильствомъ" судить больше 10 руб. О такихъ насильствахъ посадскіе должны были писать въ Галицкую четь. То же самое, хотя и не съ такими угрозами, высказано въ грамотѣ 1621 года при назначеніи воеводы Ярцева [1]). Въ Уложеніи не находится прямыхъ указаній на этотъ предметъ, можетъ-быть, потому что оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ опредѣлить дѣятельность приказовъ, а не областнаго начальства. Уголовная власть губныхъ старостъ и воеводъ обозначена еще довольно подробно, но о гражданскомъ судѣ воеводы упоминается какъ бы мимоходомъ. Не видно даже, чтобъ Уложеніе признавало воеводу за обязательную инстанцію. Въ статьяхъ о судѣ оно, напримѣръ, запрещаетъ бить челомъ государю мимо приказовъ, но не говоритъ о томъ, чтобы не начинать иска въ приказѣ мимо воеводы [2]). Затѣмъ всѣ статьи 10 главы опредѣляютъ судъ приказовъ, а о воеводахъ говорятъ какъ о лицахъ, которымъ поручались отдѣльныя части судопроизводства: слѣдствіе, высылка разныхъ лицъ въ Москву и т. д. [3]). О воеводскомъ судѣ упоминается только въ одномъ мѣстѣ [4]), и то по поводу опредѣленія правилъ о переносѣ дѣлъ, „коихъ вершить было немочно", изъ уѣзда въ Москву. Какія эти дѣла, Уложеніе не опредѣляетъ. Косвенное указаніе находится только въ главѣ о монастырскомъ приказѣ, гдѣ говорится о правѣ воеводъ судить духовныхъ и ихъ крестьянъ до 20 р. Затѣмъ исключались изъ ихъ вѣдомства вотчинныя, помѣстныя и холопьи дѣла. Больше правъ было предоставлено воеводамъ, при которыхъ состояли дьяки, и тѣмъ, кои вѣдали города, состоявшіе въ приказѣ Казанскаго дворца [5]). Изъ судебной практики видно, однако, что вообще власть воеводъ была ограничена. Напримѣръ, одно дѣло въ 17 рублей, по иску монастырскаго служки Ивана Курченина на сынѣ боярскомъ Губинѣ, было потребовано изъ Воронежа

---

[1]) А. отн. до юр. б. др. Р. I, 55. III, V.

[2]) Улож. гл. X, ст. 6.

[3]) Тамъ же, ст. 20, 22, 119, 124, 123, 141.

[4]) Тамъ же, ст. 130.

[5]) Тамъ же, гл. XII, ст. 3.

въ Московскій разрядъ, гдѣ вѣдался судомъ Воронежъ [1]). Тѣмъ болѣе требовались сюда иски на большую сумму [2]).

Всѣ дѣла, превышавшія власть воеводы, поступали прямо въ Москву. Между Москвою и всѣми городами, какъ бы они ни были малы, не было посредствующихъ инстанцій. Это можно вывести изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ могутъ служить отношенія къ Москвѣ Корочи [3]). Короча и теперь незавидный уѣздный городокъ, а въ то время имѣлъ развѣ военное значеніе. Въ качествѣ военнаго пригорода Бѣлгородскаго полка, онъ подчинялся Бѣлгородскому воеводѣ. Между тѣмъ всѣ судныя дѣла изъ Корочи поступали въ Московскій разрядъ, гдѣ этотъ городъ вѣдался въ числѣ многихъ другихъ городовъ [4]).

Ограничиваясь суммою иска, власть воеводы ограничивалась и опредѣленными предметами. Не всѣ дѣла подчинялись его суду. Помѣстныя и вотчинныя дѣла, какъ мы видѣли выше, не могли быть разрѣшаемы на мѣстѣ. Начиная съ совершенія актовъ на земли и вотчины и до разбирательства тяжебъ, основаннаго на этихъ актахъ, все было сосредоточено главнымъ образомъ въ Москвѣ. Если воеводамъ и приходилось иногда производить слѣдствіе и даже судъ по помѣстнымъ дѣламъ, то не иначе какъ по указамъ изъ Москвы. Въ малыхъ городахъ воеводы имѣли еще меньше правъ [5]). Совершеніе актовъ на землю хотя и предоставлялось воеводамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но всякій такой актъ для полной дѣйствительности долженъ былъ быть записанъ еще въ помѣстномъ приказѣ, подъ страхомъ недѣйствительности его. Напримѣръ, въ 1670 году Воронежскому воеводѣ было предписано объявить лицамъ, владѣющимъ вотчинами по купчимъ, закладнымъ и ряднымъ, не записаннымъ въ помѣстномъ приказѣ, чтобъ они записали ихъ тамъ въ теченіе годоваго срока. Если же они этого не сдѣлаютъ, „и такіе вотчины указали мы, Великій Государь, послѣ году отписывать на насъ, Великаго Государя, и отдавать въ раздачу безповоротно, а впредь тѣ ихъ крѣпости, купчіе и закладные и рядные и даные — не въ крѣпости“ [6]). Слѣдовательно, важнѣйшая часть гражданскихъ дѣлъ была изъята изъ вѣдомства вое-

[1]) Воронежскіе Акты I. 156.
[2]) Тамъ же, 151, (92 руб.), 161, 98 руб. и друг.
[3]) Курской губерніи.
[4]) Короч. Акты №№ 26, 42, 52, 59, 80, 99 и др.
[5]) См. предыдущее примѣчаніе.
[6]) Воронеж. А. III, 141—143.

водъ. На это указываетъ и запрещеніе, постановленное XIII гл. Уложенія, судить монастырскихъ крестьянъ и духовныхъ съ посторонними въ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлахъ.

Холопьи дѣла были поручены воеводѣ съ большими ограниченіями, постановленными въ видахъ огражденія личности отъ холопства и въ видахъ соблюденія казенныхъ интересовъ. Вопервыхъ, нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ, служилымъ людямъ, торговымъ и посадскимъ, вовсе запрещалось поступать въ холопство, „чтобы въ службѣ убыли не было и тягло не пустѣло". Точно также запрещалось брать въ холопство инородцевъ, такъ какъ это вело къ большимъ злоупотребленіямъ со стороны русскихъ служилыхъ людей. Правительство также охраняло отъ холопства тѣхъ лицъ, которыя по своему положенію легко могли попасться въ него противъ воли. Владѣльцамъ крѣпостныхъ крестьянъ, напримѣръ, запрещено было брать съ нихъ служилыя кабалы, то-есть, превращать ихъ изъ крестьянъ въ холоповъ [1]). Законъ еще потому долженъ былъ подозрительно относиться къ распространенію холопства, что при бѣдности тогдашняго общества, гулящіе люди за ничтожную сумму давали на себя служилыя кабалы [2]). Наконецъ, XVII ст. знало разные виды зависимости, которые различались въ законѣ; гулящій человѣкъ могъ поступить и въ крестьянство, и въ холопи. Крестьянскія записи отличались отъ холопьихъ. Въ видахъ большаго разграниченія этихъ двухъ видовъ зависимости, правительство думало сначала вовсе лишить бо́льшую часть воеводъ права свидѣтельствовать записи въ крестьянство. Только Новгородскій, Псковскій и Казанскій воеводы раздѣляли это право съ помѣстнымъ приказомъ [3]). Въ послѣдствіи, впрочемъ, встрѣчаются записи, свидѣтельствованныя въ другихъ городахъ [4]). Во всякомъ случаѣ правительство не могло надѣяться, чтобы воеводы уразумѣли всѣ вышеприведенныя тонкости и условія поступленія въ холопство и въ крестьянство. Плохая была надежда и на дьяковъ, при извѣстной ихъ наклонности ко взяткамъ. Вслѣдствіе этого законъ требовалъ, чтобы воевода свидѣтельствовалъ

---

[1]) Улож. XX, ст. 113: «А что ихъ (крестьянъ) бояринъ взялъ на нихъ служилыя кабалы: и ему за то что государь укажетъ, для того, что по Государеву указу никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имати не велѣно».

[2]) См. А. отн. до юр. б. др. Р. I, 93. I, кабала за 2 р. II, за 3. III, за 12, IV, за 15 и т. д.

[3]) Улож. XI. ст. 20.

[4]) А. отн. до юр. б. др. Р. I, 94. Въ Твери.

кабалу собственноручною подписью, а не приложеніемъ печати, какъ это дѣлалось въ другихъ случаяхъ. Въ видахъ облегченія мѣстныхъ жителей дозволялось, въ случаѣ неграмотности воеводы, подписывать кабалу губному старостѣ. Если же грамотнаго начальства въ уѣздѣ не оказывалось, кабалу нужно было свидѣтельствовать въ другомъ мѣстѣ [1]). Впрочемъ, во второй половинѣ XVII вѣка имѣлось уже достаточное количество грамотныхъ воеводъ, такъ что въ актахъ мы встрѣчаемъ кабалы, совершенныя въ Кашинѣ и Бѣлевѣ съ воеводскою подписью [2]). Совершенныя кабалы записывались въ особую книгу, которая вмѣстѣ съ деньгами, взятыми за ихъ записку, присылались ежегодно въ приказъ холопьяго суда и въ помѣстный приказъ.

Судъ по долговымъ обстоятельствамъ вершился воеводою, если онъ не превышалъ извѣстную сумму. Обыкновенно же большіе иски рѣшались въ Москвѣ, а воеводѣ поручалось править деньги съ отвѣтчика [3]).

Такая несамостоятельность воеводскаго суда прямо указываетъ на значеніе воеводы какъ исполнительнаго органа центральнаго правительства. Какъ только началось разграниченіе между *слѣдствіемъ* и *судомъ*, первое сдѣлалось почти исключительною его обязанностію, послѣдній сосредоточивается въ центральномъ управленіи.

Разсматривая, на основаніи изложенныхъ фактовъ, должность воеводы, нельзя не прійдти къ заключенію, что она не годилась для мѣстнаго управленія въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ теперь. Главное ея назначеніе состояло въ исполненіи предписаній центральнаго и высшаго правительства и въ наблюденіи за исполненіемъ этихъ предписаній другими лицами. Тяглое общество требовало только исполнительнаго органа, а не самостоятельной мѣстной администраціи. Дѣйствительное управленіе было сосредоточено въ Москвѣ. Здѣсь главнымъ образомъ вѣдалось каждое сословіе и каждая община своимъ тягломъ. Воеводѣ поручалось только наблюдать, чтобы тягло это отбывалось „безволокитно, безъ недоборовъ и безъ воровства".

Имѣя въ виду ~~этотъ~~ исполнительный характеръ воеводской должности, правительство XVII стол. не дошло до коллегіальной формы въ мѣстномъ управленіи. Всѣ должности были единоличныя, воеводская же по преимуществу. Товарищи давались воеводамъ для раздѣленія труда, а не въ видахъ правильности и отчетности дѣлопроизводства. Иногда

[1]) Улож. XX, 72, 73.
[2]) А. отн. до юр. б. др. Р. I, 93.
[3]) А. И. III, № 287.

воеводѣ поручалась одна часть управленія, а товарищу его другая. Притомъ товарищей было не нѣсколько, а одинъ, и конечно, эти два лица не могли составить коллегіи. Несамостоятельность воеводской должности обусловливалась еще тѣмъ, что ни въ законѣ, ни на практикѣ не было признано никакихъ общественныхъ интересовъ, которые бы правительство считало своею обязанностію удовлетворять. Только съ признаніемъ такихъ интересовъ является въ мѣстности правительство, съ необходимою долею самостоятельности, ибо хорошее управленіе обусловливается возможностью сообразоваться съ мѣстными условіями, не ограничиваясь одними предписаніями высшаго правительства. Впрочемъ, если бы между Московскими приказами существовали учрежденія, имѣющія въ виду развитіе внутренняго благосостоянія, то и съ пассивными органами въ мѣстности можно было бы достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. Но дѣло въ томъ, что именно такихъ установленій и не было въ Московскомъ государствѣ или они существовали въ весьма жалкомъ видѣ. Слѣдующій перечень покажетъ лучше всего характеръ Московскаго управленія.

Въ Москвѣ были слѣдующіе приказы:

A. Для *внѣшнихъ сношеній* посольскій приказъ.

B. Для *военныхъ дѣлъ:* стрѣлецкій, иноземскій, рейтарскій, пушкарскій, казачій, бранный, оружейный и нѣкоторые другіе, открывавшіеся на время.

C. Для *финансоваго управленія:* a) общегосударственнаго: приказъ Большаго дворца, Большой казны, Большаго прихода, ямской, хлѣбный, печатный, золотаго и серебрянаго дѣла; b) областнаго: всѣ четверти.

D. Для полувоеннаго, полуфинансоваго управленія — разрядъ.

E. Для суда: холопій, судные приказы, челобитный, разбойный.

F. Полусудебное, полуфинансовое значеніе имѣлъ помѣстный приказъ.

Мы не говоримъ уже здѣсь о приказахъ, имѣвшихъ цѣлію удовлетвореніе потребностей царскаго двора. Собственно интересы народонаселенія имѣли въ виду судные приказы, и дѣйствительно, эта отрасль управленія къ концу XVII ст. получила довольно значительное развитіе въ самой воеводской должности. Къ этому можно прибавить лишь нѣсколько приказовъ, отчасти имѣвшихъ въ виду полицію благосостоянія, напримѣръ, аптекарскій и каменный приказы. Но никто не станетъ утверждать, что медицинская часть получила какое-нибудь развитіе въ уѣздѣ. Изъ всѣхъ мѣръ, принимавшихся правитель-

ствомъ въ пользу народнаго здоровья, мы встрѣчаемъ только такъ-называемое береженье отъ моровато повѣтрія, которое состояло въ томъ, что воеводѣ поручалось устраивать заставы, не пропускать проѣзжающихъ изъ областей, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе и т. д.

Воевода, ~~какъ мы замѣтили выше,~~ былъ прежде всего органомъ областнаго приказа, то-есть, занималъ то мѣсто въ ряду областныхъ учрежденій, какое занимаютъ теперь низшія должности губернскаго управленія (исправники) по отношенію къ главнымъ губернскимъ учрежденіямъ. Поэтому самые предметы ихъ вѣдомства, означенные въ наказахъ, опредѣлялись главнымъ образомъ кругомъ дѣлъ, подлежавшихъ областному приказу. На этомъ основывалось внутреннее противорѣчіе воеводской должности и всей московской администраціи. Не имѣя въ мѣстности самостоятельнаго лица для общаго мѣстнаго надзора, правительство не могло достигнуть единства мѣстной администраціи и надлежащей быстроты въ исполненіи его распоряженій. Не смотря на то, что уѣздъ былъ не великъ и что воевода былъ въ немъ главнымъ должностнымъ лицомъ, уѣздъ былъ до такой степени раздѣленъ между разными приказами, что достигнуть исполненія какой-нибудь мѣры было чрезвычайно затруднительно. Каждый почти приказъ имѣлъ своего представителя въ уѣздѣ и старался о томъ, чтобъ этотъ органъ былъ подчиненъ прямо ему. Отсюда пререканія между разными вѣдомствами.

Эта неопредѣленность началъ приказнаго управленія имѣла большое вліяніе на запутанность управленія мѣстнаго. Воевода подчинялся главнымъ образомъ назначившему его приказу; слѣдовательно, всѣ другіе не могли прямо дѣйствовать чрезъ него, а нуждались въ послушныхъ грамотахъ отъ областнаго приказа. Нѣкоторые приказы имѣли свои органы въ мѣстности и могли дѣйствовать чрезъ нихъ; но за то другіе, вѣдавшіе важныя отрасли государственнаго управленія, не имѣли никакихъ средствъ распоряжаться мѣстнымъ начальствомъ. Съ другой стороны, различныя вѣдомства, вѣдавшія мѣстное управленіе, были до такой степени разрознены, что совокупная ихъ дѣятельность по одному какому-нибудь вопросу требовала весьма сложныхъ операцій. Когда въ мѣстности имѣются органы центральнаго управленія, когда во главѣ ихъ стоитъ представитель общаго мѣстнаго надзора, тогда каждая мѣра высшаго правительства можетъ быть проведена по всѣмъ частямъ управленія. Когда, напротивъ, центральное управленіе сосредоточено въ столицахъ, когда въ мѣстности имѣются только исполнительные агенты разныхъ вѣдомствъ, тогда

единство мѣстной администраціи совершенно невозможно. Это положеніе вполнѣ оправдывается на администраціи Московскаго государства. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ разныя дѣла, производившіяся въ приказахъ, хотя бы они и не касались мѣстнаго управленія въ собственномъ смыслѣ. Въ 1667 году государь указалъ строить корабли для отправленія ихъ въ Астрахань. Верфь была устроена въ селѣ Дѣдиловѣ, Коломенскаго уѣзда. Дѣло тянулось три года. Завѣдываніе имъ было передано, 19-го іюня 1667 года, въ Новгородскую четверть. Для этого въ распоряженіе четверти были откомандированы иноземецъ фанъ-Своденъ и корабельщикъ Ламбертъ Гельтъ съ товарищами, которымъ назначено содержаніе. Кромѣ этихъ лицъ былъ назначенъ къ корабельному дѣлу фонъ-Буковенъ, о чемъ Новгородская четверть снеслась съ иноземскимъ приказомъ. Затѣмъ потребовалось отправить ихъ на мѣсто. Для большей ясности мы напомнимъ, что Коломна вѣдалась въ отношеніи денежныхъ доходовъ въ Новой четверти, село Дѣдилово въ Большомъ дворцѣ, а ямское дѣло въ ямскомъ приказѣ. 15-го іюля 1667 года иноземцы были отправлены на мѣсто назначенія, для чего четверть снеслась съ ямскимъ приказомъ о выдачѣ имъ отъ Москвы до Вязьмы и Коломны и обратно подводъ, и затѣмъ были посланы указы о томъ же къ Вяземскому и Коломенскому воеводамъ. Это повторялось въ послѣдствіи всякій разъ, когда надо было отправить въ Дѣдилово новыхъ лицъ. Въ послѣдствіи (22-го іюля и 27-го августа) четверть снеслась съ пушкарскимъ приказомъ и разрядомъ о присылкѣ къ корабельному дѣлу полуполковника Старка и дворянина добраго съ подъячимъ (дворянинъ этотъ былъ Яковъ Полуевктовъ). Всѣмъ этимъ лицамъ назначено содержаніе изъ суммъ Большаго прихода. Такъ, самое сформированіе персонала и назначеніе ему содержанія потребовало двухъ мѣсяцевъ, а Большой приходъ выдалъ содержаніе еще чрезъ мѣсяцъ. 3-го сентября сдѣлано распоряженіе о заготовленіи лѣса, плотниковъ, кузнецовъ и двора для помѣщенія посланныхъ лицъ въ Дѣдилово. Но ничего этого нельзя было сдѣлать безъ приказа Большаго дворца, ибо всѣ Дѣдиловскіе люди вѣдались въ немъ. Большой дворецъ прислалъ въ Новгородскую четверть память, въ которой выполнилъ его требованіе только отчасти. Жители села Дѣдилова были оброчные крестьяне, рыболовы, обязанные доставлять во дворецъ рыбу; поэтому память изъ Большаго дворца дозволяла нанимать Дѣдиловцевъ въ плотники и кузнецы охотою „и имъ не запрещать, и въ неволю никого не нудить“. Результатомъ этого было, что 1-го октября, въ четверть была

прислана сказка Дѣдиловскаго старосты, „что у нихъ къ корабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ“. Тогда четверть, 4-го октября, послала новую память въ Большой дворецъ, въ которой требовала „плотниковъ изъ села Дѣдилова и иныхъ селъ, сколько человѣкъ надобно, чтобъ за плотниками нынѣшніе осени то дѣло не стало“. Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это Большой дворецъ; но 11-го октября сама четверть послала грамоту къ своему дворянину, Якову Полуевктову, предписывая *нанимать* плотниковъ въ Коломнѣ и Дѣдиловѣ, на что тотъ, 27-го октября, отвѣчалъ, „что въ селѣ Дѣдиловѣ плотники охотно не нанимаются и подрядчиковъ нѣтъ и корабельное дѣло за плотниками стоитъ“. Наконецъ, 30-го октября, Большой дворецъ послалъ чрезъ Новгородскую четверть къ своимъ приказнымъ людямъ грамоты, гдѣ велѣно „села Дѣдилова всѣмъ плотникамъ уговариватца безо всякаго опасенія, а наемъ имъ будетъ безъ убавки, а въ неволю на нихъ корабельное дѣло накинуто не будетъ, и ссорнымъ бы людямъ не вѣрили“. Изъ этого видно, что корабельщики не могли найдти охочихъ людей въ плотники по той причинѣ, что дворцовые крестьяне опасались, что корабельное дѣло сдѣлается для нихъ новымъ тягломъ, гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ рыбная ловля. Послѣ долгихъ увѣреній Большаго дворца и увѣщаній не вѣрить „ссорнымъ“ людямъ, крестьяне, можетъ-быть, и рѣшились бы наниматься у корабельщиковъ. Но эти увѣренія не подѣйствали на Новгородскую четверть. Она просто отправила къ Якову Полуевктову приказъ взять у Дѣдиловскихъ и иныхъ селъ приказныхъ людей тридцать человѣкъ плотниковъ и давать имъ по четыре алтына въ день корму на человѣка. И послѣ этого дѣло все-таки не спорилось. Корабельщики постоянно жаловались на притѣсненія сельскаго начальства. То они пишутъ, что „у корабельнаго дѣла сторожей нѣтъ и подводъ для разсылки взять негдѣ, а села Дѣдилова приказной человѣкъ Григорій Головковъ, безъ указу великаго государя, сторожей и подводъ не даетъ“; по этой отпискѣ послана память въ приказъ Большаго дворца, „велѣно къ тому дѣлу для посылокъ подводы и сторожей дати съ села Дѣдилова“; то плотниковъ оказывается мало, а села Дѣдилова приказный человѣкъ Григорій Головкинъ въ плотникахъ и подводахъ отказываетъ и т. д. Подобная же исторія была съ деньгами, отпущенными на корабельное дѣло. Правительство распорядилось выдать на покупку лѣса и другихъ припасовъ 1.000 рублей изъ Коломенскихъ кабацкихъ доходовъ. Коломна въ отношеніи этихъ доходовъ вѣдалась въ Новой четверти. Вслѣдствіе этого Новгородская четверть, 5-го сен-

тября, обратилась къ Новой за распоряженіемъ относительно выдачи денегъ. 10-го октября пришла сказка Коломенскаго кабацкаго головы, что у него денегъ нѣтъ и къ корабельному дѣлу дать нечего. Кажется, это дѣло въ послѣдствіи уладилось отчасти, хотя въ Новгородскую четверть и поступали постоянныя жалобы на скудость денежныхъ средствъ. Въ слѣдующемъ году правительство рѣшилось давать на корабельное дѣло деньги изъ двухъ мѣстъ: изъ кабаковъ и изъ таможенъ. Но мы видѣли выше, что въ такъ-называемыхъ московскихъ городахъ таможенные сборы вѣдались отдѣльно отъ кабацкихъ: послѣдніе поступали въ Новую четверть, первые въ Большой приходъ. Поэтому, 16-го іюня 1668 года, послана память въ Большой приходъ, „велѣно къ корабельному дѣлу деньги давать Коломенскимъ таможеннымъ откупщикамъ, сколько надобно, безъ мотчанья". Большой приходъ отвѣчалъ, что у Коломенскаго таможеннаго откупщика откупныя деньги первой половины взяты къ Москвѣ въ Большой приходъ, а изъ другой половины 500 рублей, и на Коломнѣ у откупщика денегъ нѣтъ. Тогда Новгородская четверть потребовала, чтобъ откупщикъ отдалъ на корабельное дѣло сборъ 2-й половины, о чемъ послать память изъ Большаго прихода. Денегъ оказалось, впрочемъ, мало. Не больше было и кабацкихъ денегъ. Въ четверти получена была отписка Якова Полуевктова со сказкою кабацкаго головы, что на Коломенскомъ кружечномъ дворѣ въ сборѣ денегъ только 72 рубля. Тогда рѣшились взять ихъ изъ сборовъ Зарайска и Переславля Рязанскаго, о чемъ и послана грамота въ Галицкую четь, которая отправила предписанія въ означенные города. Но главнымъ образомъ деньги продолжали доставляться изъ кабацкихъ сборовъ Новой четверти, хотя и не безъ длинной переписки. Читая лаконическія свѣдѣнія объ этой перепискѣ въ „дѣлѣ о построеніи корабля", поражаешься этимъ однообразіемъ „требованій" и „отказовъ". Послана грамота въ Большой приходъ, велѣно давать деньги изъ таможеннаго сбора къ корабельному дѣлу; получена память изъ Большаго прихода, что таможенныя Коломенскія деньги, которыя остались за корабельнымъ расходомъ, взяты въ Москву и истрачены на жалованье. Послана память въ Новую четверть о дачѣ Коломенскихъ кабацкихъ денегъ; получена сказка Коломенскаго кружечнаго двора головы, что сборныхъ денегъ нѣтъ. Новое подтвержденіе; новая сказка того же содержанія съ извѣщеніемъ, что кружечный голова и не пошелъ на съѣзжій дворъ и т. д. И всѣ эти corsi и ricorsi совершались въ нѣсколько дней, а дѣло тянулось года три! Не удивительно ли среди этихъ отписокъ встрѣтить вдругъ извѣстіе, получен-

ное въ Новгородской четверти, что „корабль на воду спущенъ, а яхта деи и шлюпы поспѣютъ вскорѣ?“

Запутанность отношеній обнаруживалась не только на этихъ вопросахъ. Она проникала въ мельчайшія подробности. Для корабельнаго дѣла понадобились канатные мастера. Этихъ мастеровъ можно было найдти только въ вотчинахъ Коломенскаго епископа Мисаила. Четверть и отписала къ Якову Полуевктову, чтобъ онъ взялъ у него, сколько нужно будетъ мастеровъ. Это было 2-го марта. 11-го іюня Полуевктовъ донесъ, что Мисаилъ отказалъ въ мастерахъ, „а опричь де его вотчинъ мастеровъ нигдѣ нѣтъ“. 15-го іюня четверть послала государеву грамоту Коломенскому епископу съ предписаніемъ дать потребное количество мастеровъ. Четверть требовала 25 человѣкъ. 26-го епископъ увѣдомилъ четверть, что онъ далъ 8 человѣкъ, но что Яковъ Полуевктовъ бьетъ ихъ, мучитъ и моритъ голодною смертью. Четверть предписала Полуевктову обращаться съ мастерами лучше и вознаградить ихъ за прошлое время; но не смотря на это епископъ не давалъ болѣе 8 человѣкъ. Полуевктовъ доносилъ объ этомъ. Четверть уже истощила всѣ свои средства, а потому просила въ Большой дворецъ, послать грамоту къ епископу, „чтобъ онъ для поспѣшенья далъ канатныхъ мастеровъ“. И это не подѣйствовало; епископъ не давалъ никакой прибавки къ 8 человѣкамъ. 18-го августа Четверть вновь писала въ Большой дворецъ, „чтобъ о канатныхъ мастерахъ послать государеву грамоту другую къ Мисаилу, изъ дворца, съ бо́льшимъ подтвержденіемъ“. Большое подтвержденіе не имѣло бо́льшихъ послѣдствій. Подъ 30-мъ сентября помѣщено извѣстіе, что „о прибавкѣ канатныхъ мастеровъ государева грамота послана къ Коломенскому епископу изъ дворца“. Такое же извѣстіе находится и подъ 2-мъ октября.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ о воеводахъ упоминается очень мало. Кажется, съ Коломенскимъ воеводою Новгородская четверть сносилась непосредственно. По денежнымъ вопросамъ съ воеводою было легче сладить, чѣмъ съ другими приказными людьми. Такъ, во время неудачъ съ Новою четвертью, Новгородская предписала Полуевктову брать деньги на покупки у Коломенскаго воеводы. Но самъ воевода былъ подчиненъ разнымъ вѣдомствамъ. Напримѣръ, четверти нужны кузнецы; лучшіе же кузнецы въ Коломнѣ были изъ пушкарей, которыхъ нельзя было брать безъ предписанія пушкарскаго приказа. Поэтому на этихъ кузнецовъ нужна была грамота изъ пушкарскаго при-

каза [1]). Кузнецы брались не изъ одной Коломны; Переславскому воеводѣ также велѣно было выслать кузнецовъ. Мы не беремся рѣшить, были ли эти грамоты посланы прямо изъ Новгородской четверти [2]). Въ другомъ случаѣ, когда нужны были на построенные корабли гребцы, кормщики и работные люди, для сбора ихъ Новгородской четверти нужны были послушныя грамоты къ воеводамъ Коломенскому, Переславскому, Касимовскому и Муромскому. Къ послѣднему была послана послушная грамота изъ Костромской четверти. Точно также, когда корабельное дѣло было уже въ завѣдываніи посольскаго приказа, Казанскому воеводѣ былъ посланъ указъ изъ Казанскаго дворца о пріемѣ кораблей и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. Затѣмъ воеводы часто отказывались исполнять предписанія безъ грамоты изъ надлежащаго приказа. Напримѣръ, Полуевктовъ писалъ въ Новгородскую четверть, что „Коломенскій воевода Ѳедоръ Грековъ отъ розсылки трехъ пушкарей у него взялъ, и въ пушкаряхъ отказалъ, для того что къ нему изъ пушкарскаго приказу государевы грамоты не присланы". Но кажется, можно предположить, по соображенію съ другими фактами, что приказъ писалъ по своему дѣлу прямо къ воеводѣ, когда вопросъ не касался прямо интересовъ приказа, вѣдавшаго городъ, или можно было не ожидать сопротивленія со стороны мѣстнаго начальства. Но при возможности отказа и неисполненія, нельзя было обойдтись безъ послушной грамоты отъ областнаго приказа [3]).

Необходимость послушныхъ грамотъ ощущалась, впрочемъ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Напримѣръ, въ 1671 г. приказъ Большаго дворца отправилъ рудознатцевъ для пріисканія серебряной руды въ

[1]) «Тогожъ числа послана память въ пушкарской приказъ, велѣно изъ Коломенскихъ пушкарей добрыхъ кузнецовъ послать къ корабельному дѣлу, сколько человѣкъ доведетца, тотчасъ».

[2]) Въ дѣлѣ сказано: «Тогожъ числа великаго государя грамота въ Переславль Рязанскій ко князю Олексѣю Горчакову, велѣно Переславскихъ кузнецовъ по росписи послать къ корабельному дѣлу тотчасъ». Такая же грамота къ Костромскому воеводѣ о подводахъ.

[3]) См. все это дѣло въ Доп. къ А. И. V. № 47. Воеводамъ прямо предписывалось не исполнять предписаній другихъ приказовъ, безъ послушной грамоты изъ того приказа, гдѣ вѣдомъ былъ городъ. См., напримѣръ, наказъ Казанскому воеводѣ 1697 г. П. С. З. № 1579 ст. 45: «Да въ прошлыхъ годѣхъ и въ 204 г. посланы Великаго Государя грамоты въ Казань же и въ *иные городы*: буде учнутъ присылать въ Казань грамоты изъ разныхъ приказовъ, а послушныхъ грамотъ изъ приказа Казанскаго дворца о томъ не будетъ, и по тѣмъ грамотамъ безъ послушныхъ грамотъ дѣлъ дѣлать не велѣно». См. также ib. № 1650 и др. Доп. къ А. И. II, № 34.

Холмогорскомъ уѣздѣ [1]). Въ Новгородскій приказъ была послана память, чтобы „для тоѣ посылки, отъ Вологды до Колмогоръ.... и назадъ до Вологды, для водянаго ходу дати ему въ тѣхъ городѣхъ судно съ снастьми и гребцовъ сколько человѣкъ пригоже; а для сыску серебряныя руды дать на Колмогорахъ снасти, каковы къ тому дѣлу надобны, и кузнецовъ съ снастьми жъ и работныхъ людей, до отдѣлки, сколько человѣкъ пригоже, по разсмотрѣнью воеводъ и противъ его Онофрѣевы и рудознатныхъ серебренниковъ сказки, чтобъ серебреной руды сыскъ ни за чѣмъ не сталъ, и послать о томъ на Вологду и на Колмогоры грамоты изъ Новгородскаго приказу“. Подобнымъ же образомъ поступалъ приказъ Большаго дворца въ дѣлѣ о высылкѣ рыбы къ царскому двору изъ Нижняго Новгорода [2]). Еще любопытнѣе дѣло о доставленіи въ Москву изъ Нижняго Новгорода добываемой на Пермскихъ заводахъ соли. Промыселъ этотъ вѣдался въ приказѣ Большой казны. Въ 1672 г. „солянаго лодейнаго промыслу промышленникъ“ Иванъ Городчаниновъ долженъ былъ доставить въ Большую казну 69 тысячъ пудовъ соли. Имѣя разные корыстные виды на эту соль, онъ нанялъ подрядчиковъ „такихъ людей, что имъ не мочно вѣрить ни въ единой деньгѣ.... друзей и хлѣбоядцевъ своихъ и скудныхъ и пьяницъ“. Эти „пьяницы“ дали ему росписку въ принятіи 69 т. пудовъ, а цѣловальники Нижегородскіе при пріемѣ не были. Въ Москвѣ оказалось только 50 т. пудовъ соли. Казна, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что соль должны были принимать цѣловальники, велѣла править недоборъ на нихъ и выбравшихъ ихъ посадскихъ. Но Новгородскій приказъ заступился за своихъ. Доказано было, что цѣловальники не участвовали при пріемѣ соли; что они назначены были „не сослався съ Новгородскимъ приказомъ“. Вслѣдствіе этого по грамотѣ изъ Новгородскаго приказа деньги править на нихъ запрещено „и впредь Нижегородскихъ цѣловальниковъ за подрядною солью къ Москвѣ и въ иные города, безъ указу изъ Новгородскаго приказу посылать не велѣно“ [3]).

Но по вопросамъ общаго управленія необластнымъ приказамъ рѣдко приходилось имѣть дѣло съ воеводами. Они сносились только съ областнымъ приказомъ. Напримѣръ, нѣкоторые общегосударственные сборы поступали въ разные приказы, а собирались областными.

---

[1]) А. И. IV. № 221.
[2]) Доп. къ А. И. VI. № 60.
[3]) Тамъ же, № 62.

Полоняничныя деньги вѣдались посольскимъ приказомъ [1]), но собирались не имъ, а четвертями, напримѣръ, Новгородскою и Устюжскою [2]). Посольскій приказъ не имѣлъ даже исключительнаго права на эти деньги. Устюжская четверть, въ 1669 г., не прислала всѣхъ собранныхъ ею денегъ въ посольскій приказъ, потому что они были розданы ею въ жалованье разнымъ людямъ, по царскимъ указамъ и памятямъ изъ другихъ приказовъ, напримѣръ, разряда, приказа тайныхъ дѣлъ, оружейной палаты и Сибирскаго приказа. Этотъ порядокъ сбора податей основывался на томъ началѣ, что люди извѣстной области должны были, во избѣжаніе „налогъ и обидъ со стороны“, вѣдаться въ своемъ приказѣ, въ особенности въ отношеніи податей. Каждый приказъ берегъ своихъ плательщиковъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ солянаго дѣла видно, что четверти не любили произвольнаго распоряженія посадскими людьми подвѣдомственныхъ имъ городовъ.

Обиды посадскимъ людямъ со стороны другихъ приказовъ могли состоять между прочимъ въ обремененіи ихъ должностями цѣловальниковъ, которые „брались“ чуть не по каждому дѣлу, гдѣ была хоть какая-нибудь денежная отчетность. Областные приказы наблюдали за тѣмъ, чтобы ни одинъ приказъ не бралъ себѣ цѣловальниковъ безъ грамотъ изъ приказа областнаго. Въ 1674 году было столкновеніе такого рода между Новгородскимъ приказомъ и приказами Большаго дворца, Большой казны и тайныхъ дѣлъ. Дѣло это возникло вслѣдствіе челобитной Нижегородскихъ посадскихъ людей, которые били челомъ, что они служатъ въ Нижнемъ Новгородѣ и уѣздѣ въ таможняхъ и кабакахъ, въ земской избѣ въ старостахъ, въ приказной избѣ для всякой покупки, и у свѣжіе рыбы, и на конской площадкѣ, и у Пермскаго лодейнаго промысла, и у бань въ цѣловальникахъ, и у тюремъ въ сторожахъ и т. д., и бываетъ каждый годъ на службѣ 30 человѣкъ и больше; что за тѣмъ ко всему этому прибавилось имъ службы въ Астрахань, на Яикъ и въ Нижнемъ къ Дворцовому посаду, да на разныя службы по вѣдомству приказа тайныхъ дѣлъ,

---

[1]) Котош. VII. 2: «Да въ томъ же приказѣ со всего Московскаго государства, съ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, собираются денги плѣннымъ на окупъ».

[2]) А. И. IV. № 43—грамота Олонецкому воеводѣ изъ Новгородской четверти: «А сколко тѣхъ денегъ, съ которыхъ чиновъ собрано будетъ порознь, и ты бы о томъ къ намъ писалъ имянно и росписи присылалъ, а отписки и росписи и денги велѣлъ отдавать въ Новгородской чети». Также Доп. къ А. И. V, № 90.

и отъ того многіе посадскіе люди изъ Нижняго врознь бредутъ, а достальные въ конецъ погибаютъ. Вслѣдствіе этого они просили, чтобы Великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ отъ Дворцовыхъ и приказа тайныхъ дѣлъ промысловъ отставить, а на мѣсто ихъ брать цѣловальниковъ изъ городовъ и селъ, которые въ приказѣ Большаго дворца и тайныхъ дѣлъ [1]. Государь, по докладу Новгородскаго приказа, повелѣлъ: „Нижегородцевъ посадскихъ людей къ рыбнымъ дворцовымъ насаднымъ и ни къ какимъ промысламъ безъ грамотъ изъ Новгородскаго приказа не выбирать и не посылать". Новгородскій приказъ тотчасъ послалъ о томъ указъ Нижегородскому воеводѣ.

Мы не приводимъ здѣсь еще многихъ случаевъ, показывающихъ отношеніе приказовъ между собою въ дѣлѣ областнаго управленія [2]. И приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства всей неопредѣленности этихъ отношеній. Русская администрація въ XVII вѣкѣ не имѣла еще никакихъ прочно установившихся началъ, точекъ отправленія. Для администраціи нѣкоторыхъ классовъ еще не утратилось значеніе прежняго территоріальнаго управленія; это были классы по преимуществу тяглые, доставлявшіе государству разные денежные доходы и отправлявшіе разныя натуральныя повинности. Для нихъ имѣли еще значеніе четверти, какъ представители территоріальнаго начала управленія. Съ другой стороны, выступало значеніе сословій, вѣдавшихся въ одномъ Московскомъ приказѣ. Нѣкоторыя сословія вовсе выдѣлились изъ-подъ власти мѣстнаго управленія, напримѣръ, дворянство и духовенство. Другія постепенно достигали единства и подчиненія одному приказу, напримѣръ, посадскіе люди. Наконецъ, послѣднее начало — раздѣленіе приказовъ и управленіе по роду дѣлъ постепенно прокладывало себѣ дорогу, хотя не успѣло точно разграничиться ни отъ территоріальнаго, а тѣмъ болѣе отъ сословнаго начала. До какой степени велико было это смѣшеніе началъ, видно изъ одного указа конца XVII вѣка [3]. Указъ этотъ вышелъ въ 1680 г. и имѣлъ въ виду сосредоточить военное управленіе въ одномъ мѣстѣ — въ разрядѣ, то-есть, хоть въ этомъ отношеніи уничтожить прежнее административное разъединеніе. Не смотря, однако, на это стремленіе къ объединенію военной администраціи, указъ со-

[1]) Доп. къ А. И. VI, № 98.

[2]) См. напримѣръ, А. И. III, №№ 175, 227, 230, 188, 236, 242—244, А. Э. III, 188. Доп. къ А. И. III. 40, 10, 116 на стр. 411. Доп. къ А. И. IV. 26, 77. А. отн. до юр. б. др. Рос. №№ 80, 5 и т. д.

[3]) П. С. З. № 844.

храняетъ въ сильной степени значеніе областныхъ приказовъ, которое прежде было еще значительнѣе. Онъ предписываетъ Казанцевъ и иныхъ низовыхъ городовъ, по Симбирскъ включительно, дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ дворовыхъ и городовыхъ, вѣдать службою и полковыми дѣлами въ разрядѣ, для чего всѣ списки ихъ помѣстными и денежными окладами и крестьянскими дворами взять изъ Казанскаго дворца, гдѣ они прежде были вѣдомы, въ разрядъ. Воеводъ и приказныхъ людей тѣхъ городовъ *полковыми дѣлами* вѣдать также въ разрядѣ. Затѣмъ всѣ другіе низовые города отъ Самары до Терка и Уфы остались въ вѣдомствѣ Казанскаго дворца. Мало того: низшихъ чиновъ служилые люди вѣдались „по прежнему“ въ Казанскомъ дворцѣ, „для того, что они служатъ низовую астраханскую службу, а не верховую“. Списки о нихъ только „для вѣдома“ посылались въ разрядъ. Нѣсколько больше объединяетъ указъ военную администрацію въ западной части Россіи. Изъ его распоряженій видно, что прежде „Сѣверскаго, Новгородскаго и Бѣлгородскаго и Тамбовскаго разрядовъ служилые люди вѣдомы были въ иноземскомъ, рейтарскомъ, стрѣлецкомъ и Новгородскомъ приказахъ. Въ послѣднемъ вѣдались ратные люди, солдаты, стрѣльцы и казаки Островскіе, Старорускіе и Сумерскіе. Не менѣе важныя затрудненія представлялись и по отношенію къ суду. Еще въ 1687 году нужно было издать именной указъ, чтобы сыскной (прежде разбойный) приказъ могъ присылать въ Московскія слободы приказныхъ людей для сыску воровъ и разбойниковъ, не сносясь съ тѣми приказами, въ которыхъ эти слободы были вѣдомы [1]).

Не мало неудобствъ порождало и то обстоятельство, что каждый воевода непосредственно сносился съ Московскимъ управленіемъ. Результатомъ этого было то, что воеводы нерѣдко отказывались исполнять законныя требованія другихъ воеводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что „у нихъ о томъ отъ великаго государя указу нѣтъ“. Напримѣръ, въ 1651 г. Олонецкому воеводѣ велѣно сыскивать „сошлыхъ“ (бѣглыхъ) крестьянъ „которые, вышедъ изъ Заонежскихъ погостовъ, живутъ въ великомъ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ“. Разумѣется воеводѣ пришлось снестись съ воеводами Новгородскимъ, Псковскимъ и другими. Онъ написалъ къ нимъ, чтобъ они „по его великаго государя указу и противъ росписей, государевыхъ сошлыхъ крестьянъ и бобылей изъ за всякихъ чиновъ людей выводить въ

[1]) Тамъ же № 1265.

Заонежскіе погосты велѣли, и посадскимъ бы людемъ (посланнымъ изъ Олонца) отъ себя приставовъ на тѣхъ сошлыхъ крестьянъ давали". На эту отписку Новгородскій воевода отвѣчалъ, что „въ Великій де Новгородъ о государевыхъ сошлыхъ крестьянахъ и бобылехъ.... что ихъ сыскивать и высылать въ Заонежскіе погосты, на старые ихъ участки, государева имъ указа къ нимъ не присылывано, и о томъ они изъ Великаго Новгорода писали къ Великому Государю, къ Москвѣ". То же приблизительно отвѣчали воеводы Псковскій, Каргопольскій и Старорускій. Нѣкоторые изъ нихъ позволяли еще сыскивать бѣглыхъ, запрещая ихъ только выводить до государева указа, а Старорускій поступилъ еще рѣшительнѣе. Посланный Олонецкаго воеводы, посадскій человѣкъ Самсонъ Юрьевъ, писалъ къ нему, „что де онъ Самсонко многихъ государевыхъ сошлыхъ крестьянъ и бобылей, противъ росписи, въ городѣ на посадѣ сыскалъ, а имяна ихъ переписалъ, а въ Старорускій де уѣздъ воевода Оѳанасей Чоглоковъ да подъячей Дружина Протопоповъ ему Самсону, для сыску государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, до государева указа ѣхать не велѣли, а которые на посадѣ по росписи сысканы, и тѣхъ они потомужъ на Олонецъ до государева указа высылать не велѣли". Результатомъ всего этого было, что правительство отправило изъ Москвы во всѣ означенные города особаго сыщика или „свощика", Ивана Кобыльскаго [1]).

Наконецъ, запутанности отношеній между приказами не мало способствовало и то, что законодательство того времени никакъ не могло установить надлежащей іерархіи между приказами. Областной приказъ, приказъ, завѣдывавшій какою-нибудь ничтожною отраслію управленія, и приказъ, вѣдавшій общегосударственное дѣло, стояли на одной степени и могли не слушать другъ друга. Причина этого заключалась отчасти въ мѣстническихъ понятіяхъ того времени. Какъ нельзя было опредѣлить числа приказовъ, ибо каждому боярину и дворянину надо было дать средство быть „у дѣлъ", такъ нельзя было опредѣлить и іерархіи приказовъ, на основаніи государственныхъ соображеній. Значеніе приказа опредѣлялось родовымъ значеніемъ сидѣвшаго въ немъ боярина [2]). Въ 1677 году, правда, вышелъ указъ, повелѣвавшій посылать изъ разряда во всѣ приказы, гдѣ сидѣли думные дьяки, не памяти, а указы [3]). Эта мѣра могла быть очень полезною для подчиненія четвертей, гдѣ обыкновенно сидѣли думные дьяки. Но что было

[1]) Доп. къ А. И. III, № 82.
[2]) См. мое разсужденіе объ Админ. XVIII вѣка, стр. 24.
[3]) П. С. З. № 677.

дѣлать, если въ областномъ приказѣ сидѣлъ бояринъ? Бояре же сидѣли постоянно въ Сибирскомъ приказѣ, въ Казанскомъ дворцѣ и иногда въ Новгородской четверти. Оттого, можетъ-быть, означенные приказы предписывали не исполнять ничьихъ требованій безъ послушныхъ изъ нихъ грамотъ. Самъ разрядъ, когда Ярославль поступилъ въ его управленіе, запретилъ Ярославскому воеводѣ исполнять требованія другихъ приказовъ безъ послушныхъ отъ него грамотъ [1]).

Въ самой мѣстности не установилось надлежащихъ іерархическихъ отношеній между воеводою и его подчиненными. Изъ описанія дѣятельности воеводы по разнымъ частямъ управленія легко видѣть, что по каждой изъ нихъ дѣйствуютъ постоянно или временно: воевода, должностное лицо, хотя зависящее отъ него, но подчиненное прямо Московскому приказу, и наконецъ, приказные, въ разное время присылавшіеся изъ Москвы. Воевода занималъ первое мѣсто между постоянными исполнителями правительственныхъ распоряженій, но былъ далеко не единственнымъ. Ямскіе и городовые прикащики, стрѣлецкіе, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы дѣйствовали подъ его наблюденіемъ, но большею частію по наказамъ изъ Москвы. Сюда же слѣдуетъ отнести таможенныхъ и кабацкихъ головъ, губныхъ старостъ, и т. д. Затѣмъ у Московскаго правительства возникали въ разное время потребности, удовлетвореніе которыхъ оно не хотѣло поручить мѣстному начальству. Отсюда цѣлый легіонъ „присыльныхъ людей изъ Москвы“. Между ними наибольшею извѣстностію въ нашей литературѣ пользуются такъ-называемые сыщики, какъ по губнымъ дѣламъ, такъ и для сыску бѣглыхъ. Но кромѣ того въ разное время посылались въ уѣзды: горододѣльцы, сборщики хлѣбнаго и денежнаго сбора, сборщики разныхъ податей и разныя лица по отдѣльнымъ порученіямъ [2]). Правительство не хотѣло установить между этими лицами никакихъ іерархическихъ отношеній, и по обстоятельствамъ того времени имѣло на это основаніе. При отсутствіи не только правильной, но и всякой системы надзора, имѣть въ мѣстности только одно отвѣтственное лицо, прямо подчиненное центральному правительству, было крайне невыгодно, при извѣстныхъ злоупотребленіяхъ всѣхъ приказныхъ лицъ. Напротивъ, правительство стремилось поднять отвѣтственность всѣхъ предъ центральнымъ правительствомъ, а потому подчиняло ихъ прежде

[1]) П. С. З. № 1650.

[2]) См. А. И. III, №№ 55, 85, 164, 204. А. А. Э. III. 32, 70, 196. Доп. къ А. И. III, № 23. А. И. IV. 19. Доп. къ А. И. IV. 87. А. отн. до юр. б. др. Рос. 55, XXIII и т. д.

Московскимъ приказамъ, а потомъ воеводѣ. Если воеводѣ поручалось смотрѣть за разными головами и старостами, то и старостамъ и головамъ поручалось иногда наблюденіе за воеводою. Воевода писалъ въ Москву на головъ, головы на воеводъ. Система эта не удалась. Предписанія правительства исполнялись все-таки плохо, а одинаковая отвѣтственность всѣхъ лицъ мѣстнаго управленія предъ центральнымъ вела къ тому, что они сваливали другъ на друга вину: воеводы на головъ, головы на воеводу. О послѣдствіяхъ этой системы для мѣстнаго народонаселенія и говорить нечего. Каждый приказный человѣкъ кормился отъ своихъ „дѣлъ". Неслыханные поборы увеличивали и безъ того большія тягости бѣднаго крестьянства.

Противорѣчія Московской административной системы шли дальше. Изъ степени власти, предоставленной воеводамъ, можно видѣть, что они главнымъ образомъ назначались для исполненія порученій центральнаго правительства. Самостоятельность ихъ даже въ дѣлѣ суда была весьма сомнительнаго свойства. Между тѣмъ незнаніе мѣстныхъ условій, отсутствіе правильнаго контроля и невозможность сосредоточить всѣ дѣла въ Московскомъ управленіи приводили въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самостоятельности, а въ другихъ къ систематическому произволу воеводъ. Воевода не могъ судить безъ особаго разрѣшенія правительства исковъ на 100 рублей, а между тѣмъ ему поручались дипломатическія сношенія, отъ которыхъ зависѣла цѣлость и безопасность государства [1]). Правительство обозначало обязанности воеводъ въ наказахъ, которые всѣ писались по одному образцу; воеводѣ предписывалось въ точности держаться наказа: „А будетъ онъ (воевода) учнетъ государевы дѣла дѣлать не по сему государеву наказу.... и ему за то отъ государя царя быти въ великой опалѣ" [2]). Между тѣмъ оно не было увѣрено, что порученія, данныя воеводѣ, могутъ быть выполнены на мѣстѣ. Поэтому, рядомъ съ строгимъ предписаніемъ держаться наказа, оно должно было предоставлять усмотрѣнію воеводъ не только способъ и время исполненія, но и право вовсе не исполнять данныя ему порученія. Въ наказахъ нерѣдко попадаются такія мѣста: „Будетъ въ сихъ вышеписанныхъ статьяхъ что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени не согласно и чего будетъ дѣлать не мочно и казнѣ убыточно, а всякаго чина людямъ тягостно, и воеводамъ съ товарищи чинить по своему правому разсмотрѣнію". Воеводамъ, далѣе,

---

[1]) См. напримѣръ, А. И. IV. №№ 18, 31, 40, 46, 56, 57, 79 — 81, 89, 95, 154, 160, 172, 201, 234. Доп. къ А. И. VI. 2, 6.

[2]) Доп. къ А. И. III. № 18, 20.

обыкновенно предписывалось сообразоваться съ наказами прежнихъ воеводъ и государевыми указами къ нимъ. Но центральное правительство немогло знать, на сколько эти прежніе указы пригодны теперь. Поэтому въ наказахъ новымъ воеводамъ говорилось: „А что въ прежнихъ грамотахъ и наказахъ добро и прибыльно, и имъ тѣ дѣла дѣлать по прежнимъ наказамъ и грамотамъ, а что нынѣ быть непристойно, имъ тѣ дѣла дѣлать, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже“. Это право исполнять и не исполнять порученія правительства не всегда предоставлялось воеводамъ; но за то *способъ* исполненія этихъ порученій всегда предоставлялся имъ. Наказъ излагалъ порученія, опредѣлялъ обязанности воеводъ; затѣмъ какими средствами будетъ выполненъ этотъ наказъ, до этого правительству не было дѣла, лишь бы онъ былъ выполненъ безъ убытка для казны и разоренія для жителей. Такой смыслъ имѣетъ выраженіе, попадающееся почти во всѣхъ наказахъ: „дѣлать имъ (воеводамъ) по сему наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ“ [1]).

Результатомъ этого было то, что судьба правительственныхъ распоряженій находилась въ рукахъ воеводъ. Произволу ихъ не было положено законныхъ границъ. Возможность же произвола порождала большія злоупотребленія. Виды этихъ злоупотребленій можно подвести подъ двѣ главныя группы, или лучше сказать, произволъ воеводскій могъ проявляться двоякимъ способомъ. Воевода могъ воспользоваться своимъ правительственнымъ положеніемъ для того, чтобы съ корыстными цѣлями тѣснить мѣстное населеніе; или онъ могъ, за хорошій посулъ, соединиться съ посадскими и уѣздными людьми, для того чтобы потакать имъ въ неисполненіи обязанностей. Оба случая одинаково часто попадаются въ актахъ того времени. Въ царскихъ грамотахъ воеводамъ часто приходится читать укоризны послѣднимъ, что „они, норовя посадскимъ для своея бездѣльныя корысти“, не собираютъ и не высылаютъ податей, или не помогаютъ сборщикамъ, присланнымъ изъ Москвы, или не высылаютъ на службу дворянъ, помогаютъ имъ укрываться отъ сборщиковъ и т. д. Въ другихъ случаяхъ крестьяне и посадскіе жаловались на неслыханные поборы и даже грабежи воеводскіе. Первый видъ злоупотребленій попадается впрочемъ чаще. Воеводѣ выгодѣе было жить въ мирѣ съ посадскими и брать съ нихъ добровольныя приношенія, чѣмъ угождать правитель-

---

[1]) См. Чичеринъ. Ib. стр. 88 — 89.

ству, которое онъ, при отсутствіи средствъ надзора, могъ обкрадывать сколько угодно. Правительство на эти злоупотребленія отвѣчало тѣмъ, что отнимало ту или другую отрасль управленія у воеводы, но устранить ихъ злоупотребленія вполнѣ не было въ состояніи.

Нерѣдко воеводы удачно соединяли и ту и другую систему, то-есть, умѣли и обманывать правительство, и тѣснить уѣздныхъ людей. Медленность, неисполненіе правительственныхъ распоряженій, лихоимство, прямое воровство удачно соединялись въ системѣ воеводскаго управленія. Нѣкоторые воеводы доходили до неслыханныхъ злоупотребленій. Мы не будемъ здѣсь долго останавливаться на нихъ, такъ какъ они съ большою точностію изложены г. Чичеринымъ [1]) и художественно разказаны г. Костомаровымъ [2]). Нѣсколькихъ примѣровъ достаточно будетъ для нашей цѣли. Напримѣръ, въ 1675 году Шуяне жаловались на воеводу Баркова, что онъ, „будучи у нихъ воеводой, началъ имъ, сиротамъ государевымъ, посадскимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ ихъ безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вынимая изъ тюрьмы, бьетъ ботогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины". Нерѣдко онъ билъ до полусмерти выборныхъ лицъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ и грабилъ торговыхъ людей. Енисейскій воевода Головвастовъ, кромѣ обыкновеннаго воеводскаго воровства, дозволялъ себѣ самые грязные поступки: отдавалъ на откупъ помѣсячно зернь и корчму и *безмужныхъ женъ* и отъ того откупу бралъ себѣ рублевъ по 100 и больше. Онъ приказывалъ „тѣмъ женамъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ людей, по ихъ оговору, безъ сыску и безъ распросу, сажалъ въ тюрьму" и вымучивалъ съ нихъ большія деньги. Въ нѣкорыхъ случаяхъ самовластіе воеводъ доходило до какого-то идеальнаго, наивнаго самодурства. Такъ, одинъ воевода „постоянно ходилъ по городу съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то; всѣхъ изъ подтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать". Бывали другіе случаи и хуже [3]). Разумѣется, такимъ воеводамъ всякіе грабители были по душѣ больше

---

[1]) Ib. стр. 310 — 330.

[2]) Бунтъ Стеньки Разина, введеніе 31 и слѣд.

[3]) См. вышеозначенныя сочиненія и Доп. къ А. И. т. III. №№ 5, 37, 56, 59, 53. А. И. IV. №№ 174, 182. Доп. къ А. И. IV, № 146. А. отн. до юр. б. др. Рос. I, 55. XXVIII, 58, III, IV.

чѣмъ мирные жители. Воевода Голохвастовъ, заключившій союзъ съ публичными женщинами, былъ все-таки лучше воеводъ, вступавшихъ въ союзы съ корчемниками, ворами и разбойниками. Разбойное дѣло было для воеводъ большимъ „лакомствомъ", какъ говорятъ акты того времени. Замѣчательно, что при возстановленіи, въ 1627 году, должности губныхъ старостъ нѣкоторые воеводы ни за что не хотѣли отдать имъ губнаго дѣла и хотѣли „вѣдать его сами". Напримѣръ, вновь назначенный Воронежскій губной староста долго писалъ государю, пока, наконецъ, ему удалось вырвать свое дѣло изъ рукъ воеводы.

Всѣ эти факты достаточно извѣстны. Любопытные могутъ пригоршнями черпать эти „анекдоты" изъ нашихъ актовъ и изъ изслѣдованій ученыхъ. Между тѣмъ, не смотря на эти страшныя злоупотребленія, Россія стояла, крѣпла и разрослась въ Россію Екатерины Великой.... Бодро выдерживала она борьбу съ иноземцами, съ Поляками, Нѣмцами, Турками; побѣдоносно выходило государство изъ смутъ, порождаемыхъ Разиными и другими ворами. Почему? Очевидно, если бы въ Московской Россіи не было никакихъ жизненныхъ началъ, а только Голохвастовы съ его „союзомъ", Россія рухнула бы при первомъ соприкосновеніи съ европейскою цивилизаціей, не вынесла бы всѣхъ внутреннихъ смутъ своихъ. Между тѣмъ государственное сознаніе, представленіе о земскомъ царѣ не умирало въ самыхъ дикихъ представителяхъ волжскихъ удальцовъ. Бунты принимали иногда страшные размѣры, но серіозно грозить идеѣ царской власти они не могли. Странное дѣло! Разинъ и Пугачевъ подымали народныя массы, но для успѣха должны были прикрываться царскимъ именемъ! Это удивительно хорошо подмѣчено г. Костомаровымъ. „Легко было, говоритъ онъ [1]), возмутить народъ ненавистью къ боярамъ и чиновнымъ людямъ; легко было поднять и рабовъ противъ господъ; но трудно было поколебать уваженіе народа къ царской особѣ. Стенька, поправшій (въ себѣ) и церковь и верховную власть, зналъ, что уваженіе къ нимъ въ русскомъ народѣ очень крѣпко, и рѣшился прикрыться самъ личиною этого уваженія. Онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ сукномъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ онъ распространилъ слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ же году, 17-го января. Стенькины прелестники толковали народу, что царевичъ не умеръ, а

---

[1]) Тамъ же, стр. 145.

убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и что теперь Степанъ Тимоѳеевичъ идетъ возводить его на престолъ. Въ другомъ суднѣ, покрытомъ чернымъ бархатомъ, находился, какъ говорили прелестники, низверженный царемъ патріархъ Никонъ"... Такъ, каждому обманщику, для возмущенія народа, необходимо было прежде украсть личину царской власти. Первый самозванецъ назвался сыномъ Грознаго, и народъ пошелъ за своимъ якобы законнымъ государемъ; Стенька шелъ защищать царскаго сына; Пугачевъ самъ назвался государемъ, а обманутый народъ шелъ противъ „измѣнниковъ" бояръ. Почему государственная власть не была унижена въ лицѣ своихъ мѣстныхъ органовъ и представителей? Почему, съ другой стороны, народъ не былъ въ конецъ забитъ злоупотребленіями своего начальства?

Вопервыхъ, злоупотребленія эти имѣли свои границы въ самой организаціи тогдашняго управленія. Древне-русской жизни нельзя судить по мѣркѣ современнаго, а тѣмъ болѣе западно-европейскаго порядка. Злоупотребленія воеводъ были дѣломъ, такъ-сказать, житейскимъ, были результатомъ скорѣе ихъ темперамента, необузданнаго нрава, чѣмъ кореннымъ недостаткомъ административной системы. Посадскіе люди видѣли продѣлки въ родѣ вышеприведенныхъ не только отъ воеводъ, но и отъ своихъ выборныхъ людей и даже отъ частныхъ лицъ. Далѣе, приказные люди не могли составить такого обремененія для мѣстныхъ жителей. Не смотря на то, что приказныхъ людей въ городахъ было довольно много, все же они не могли дѣйствовать иначе какъ черезъ самихъ жителей или чрезъ выбранныхъ этими жителями лицъ. Особаго правительственнаго организма, чиновничества, въ противоположность земству, въ то время не было. Организмъ этотъ въ то время, конечно, далъ бы возможность къ еще большему злоупотребленію воеводской власти. Но всѣ эти стрѣльцы, пушкари, сторожа и проч. не отличались отъ народа; это были тѣ же крестьяне и посадскіе люди, данные отъ общества правительству, выставленные имъ для государевой службы. Съ такими средствами воевода не могъ вести дѣла слишкомъ далеко. Посадскіе и крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, нерѣдко „чинились сильны", сажали воеводу въ тюрьму и даже выгоняли его. Съ этой стороны уѣздные люди позволяли себѣ даже большія злоупотребленія. Они употребляли силу не только для огражденія себя отъ воеводскаго гнета, но и для уклоненія отъ законныхъ требованій начальства. Воеводы часто жаловались, что у нихъ нѣтъ средствъ управиться съ посадскими, которые „чинятся сильны". Но кромѣ этихъ незаконныхъ средствъ оградиться

отъ злоупотребленій воеводы, у уѣздныхъ людей были болѣе правильныя и дѣйствительныя къ тому средства.

Сказавъ, что въ мѣстности не было особаго, сильнаго правительственнаго организма, мы сказали не совершенно то, что было на самомъ дѣлѣ. Собственно говоря, вся масса мѣстнаго населенія, въ первое время, не исключая даже крѣпостныхъ, составляла правительственный организмъ, въ томъ смыслѣ, что каждый классъ людей тянулъ свое тягло въ пользу непосредственно центральнаго правительства. Каждое тягло считалось службою, дворянское какъ и всякое другое. Дворянство выставляло воиновъ и начальныхъ людей въ полковую службу; посадскіе и черные люди служили въ цѣловальникахъ, сторожахъ, воротникахъ, служили правительству подводами, ямомъ, городовымъ строеніемъ. Благодаря этому офиціальному, такъ-сказать, положенію всѣхъ сословій, благодаря характеру сословной организаціи, всѣ граждане могли прямо сноситься съ центральнымъ правительствомъ и съ государемъ. Мы видѣли выше, что каждая дробная единица, волость, община сносилась съ Москвою также непосредственно, какъ самый большой городъ. Участвуя непосредственно въ государственной жизни, хотя бы и тягломъ, имѣя доступъ прямо въ высшее управленіе, каждый „чинъ" московскихъ людей пропитывался необыкновеннымъ гражданскимъ чувствомъ, каждый ощущалъ близость свою къ царю, идея самодержавія была присуща каждому сословію, уѣзду, общинѣ, отдѣльному лицу. Московское правительство было крѣпко этимъ сознаніемъ милліоновъ людей и тѣмъ, что оно умѣло оцѣнить по достоинству это сознаніе и дѣйствовать въ этомъ общенародномъ духѣ. *Московскіе государи отлично сознавали, что они цари самодержавные*, и умѣли построить свою политику на этомъ сознаніи. Они не отождествляли своей власти съ значеніемъ воеводъ и приказныхъ людей въ уѣздахъ, да и не зачѣмъ имъ было дѣлать это. Ихъ сила была не въ воеводахъ и не въ приказныхъ людяхъ; а въ народѣ, который спокойно тянулъ свое тягло нѣсколько сотъ лѣтъ и стянулъ Русскую землю. Онъ временно могъ сбиться съ дороги; „прелестники и ссорные люди" подымали его противъ бояръ (но никогда противъ царя). Широкая натура разгуливалась, бунтъ принималъ страшные размѣры, неудержимымъ потокомъ стремился отъ устьевъ Волги къ Москвѣ. Но когда наступала рѣшительная минута, когда приходилось стать лицомъ къ лицу съ самою идеей самодержавія, политическій смыслъ бралъ свое, и удальцы несли повинную къ православному Царю-Государю. Цари, съ своей стороны, вѣрили народу. Они карали граби-

телей, нисколько не опасаясь скомпрометировать свою власть. Какой царь, кромѣ самодержавнаго, могъ поступать такъ, какъ поступало Московское правительство по поводу злоупотребленій воеводъ? У насъ любятъ выставлять эти злоупотребленія. Но никто не спросилъ себя, что же дѣлало правительство въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ факты на лицо. Всѣ злоупотребленія воеводъ извѣстны намъ изъ челобитныхъ, поданныхъ государю разными лицами и обществами, или лучше сказать, не изъ челобитныхъ, а изъ указовъ государя по поводу этихъ челобитныхъ. Насъ поражаетъ та откровенность и даже смѣлость, съ которою правительство всенародно объявляетъ о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ своихъ должностныхъ лицъ и караетъ ихъ. Грамоты эти посылались прямо въ уѣзды, объявлялись посадскимъ людямъ, искорененіе злоупотребленій происходило публично. Правительство шло дальше. Посадскіе жалуются на злоупотребленія воеводъ по таможеннымъ и кабацкимъ дѣламъ, правительство запрещаетъ воеводамъ вмѣшиваться въ эти дѣла; общины жалуются на злоупотребленія по мірскимъ сборамъ, правительство отстраняетъ воеводъ и отъ этихъ дѣлъ. Мало того: правительство прямо обращается къ уѣзднымъ жителямъ съ запрещеніемъ повиноваться воеводамъ въ ихъ незаконныхъ требованіяхъ. При Петрѣ Великомъ велѣно было составить сводъ всѣхъ наказныхъ списковъ воеводамъ и разослать ихъ по городамъ, гдѣ списки съ нихъ отдать въ земскія избы, съ тѣмъ чтобы земскіе люди повиновались воеводамъ только въ томъ, что написано въ статьяхъ [1]). Правительство очень хорошо сознавало, что сила его не въ приказныхъ людяхъ, а въ этихъ самихъ тяглыхъ сословіяхъ. Сознаніе это издавна выработалось въ Московскомъ правительствѣ. При Иванѣ Грозномъ оно отставило намѣстниковъ и довѣрилось общинамъ. Въ XVII вѣкѣ оно постепенно сокращало вѣдомство воеводъ и число приказныхъ людей. Въ 1679 году вышелъ, напримѣръ, слѣдующій любопытный указъ: „Въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцамъ, и сыщикамъ, и губнымъ старостамъ, и ямскимъ прикащикамъ, и осаднымъ, и пушкарскимъ, и засѣчнымъ, и у житницъ головамъ, и для денежнаго и хлѣбнаго сбору съ Москвы присыльнымъ сборщикамъ не быть. А городовое строеніе и засѣки и губныя дѣла и ямскихъ охотниковъ и денежной и хлѣбной сборъ и всякое дѣло вѣдать воеводамъ однимъ, чтобъ впредь городскимъ и уѣзднымъ людямъ *въ кормѣхъ лишнихъ тягостей не было*“ [2]). Слѣдовательно,

[1]) Чичеринъ. Ib. 90.
[2]) П. С. З. № 779.

всѣ приказныя должности, кромѣ воеводъ, были уничтожены. Въ уѣздѣ остались только: воевода и выборныя должности! Въ послѣдствіи были возстановлены только губные старосты [1]), а сыщиковъ позволено посылать только по челобитнымъ уѣздныхъ людей.

Поступая такъ, правительство не либеральничало, не говорило фразъ. Этого собственно требовалъ самый характеръ уѣзднаго управленія. Уѣздъ былъ тяглою единицей, а уѣздное общество тяглымъ. Слѣдовательно, въ уѣздѣ нужны были только исполнительные органы, и чѣмъ меньше, тѣмъ лучше, ибо каждый органъ центральнаго правительства дорого стоилъ народу. Развитіе правительственнаго организма въ мѣстности требуется только въ томъ случаѣ, когда за провинціальнымъ обществомъ признаются особые, независимые отъ государственныхъ, интересы, удовлетвореніе которыхъ беретъ на себя въ данную минуту правительство. Это было, напримѣръ, въ нашей губерніи до введенія въ ней земскихъ учрежденій. Сословія Московскаго государства со всѣмъ ихъ имуществомъ, интересами и дѣятельностію были приписаны на службу государства. Для отбыванія этой службы оно было росписано по уѣздамъ. Какое же управленіе ему нужно было, кромѣ одного воеводы съ дьякомъ или подъячимъ?

Нельзя не признать важныхъ результатовъ этого порядка вещей для нашей политической жизни. Сословныя тягла стянули въ одно цѣлое Московское государство. Всѣ сословія сгруппировались вокругъ одного общаго центра. Дружина получила осѣдлость и постоянное политическое значеніе. Рознь прежняго вѣчеваго быта сведена къ единству. Русскій народъ сложился. Не Московское государство было виновато, что мѣстность не представляла никакого общественнаго единства. Его не было тамъ и прежде Москвы; и въ Кіевскомъ періодѣ понятіе о единствѣ Русской земли было единственнымъ связующимъ началомъ для всѣхъ Русскихъ. Эта идея первая получила практическое значеніе. Созданіе мѣстности и мѣстнаго общества было дѣломъ будущаго. Оно должно было совершиться съ видоизмѣненіемъ прежнихъ сословій. Если тяглыя сословія требовали усиленнаго значенія центральной власти, освобожденіе ихъ повело къ необходимости мѣстныхъ учрежденій. Освобожденіе дворянства отъ обязательной службы и превращеніе помѣстья въ свободную собственность должно было возвратить области классъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Освобожденіе другихъ сословій возстановило постепенно значеніе общины.

---

[1]) Тамъ же № 1062.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительственный надзоръ долженъ былъ перенестись изъ центра въ область. Правительство не могло уже довольствоваться простыми исполнительными агентами въ родѣ воеводы. Значеніе областнаго правителя возвысилось, когда онъ сталъ имѣть дѣло не съ тяглыми сословіями, а съ мѣстнымъ обществомъ, соединеннымъ не только обязанностями, но и правами.

Въ этомъ отношеніи административная и сословная исторія Россіи рѣзко отличается отъ исторіи Западной Европы. Западъ начинаетъ съ сосредоточенія всѣхъ общественныхъ силъ въ области, при чемъ главнѣйшій элементъ областнаго общества составляли феодальные землевладѣльцы. Отъ этого идея государственнаго единства тамъ крайне слаба и создается лишь мало по малу. Далѣе, провинціальное общество, составляя одно цѣлое, въ то же время представляетъ сильное сословное разъединеніе, со всѣми его невыгодами и съ преобладаніемъ землевладѣльческой аристократіи надъ всѣми другими. Только привилегированныя сословія пользовались настоящею свободой, всѣ же другія были закрѣплены и подчинены господству землевладѣльцевъ. Феодализмъ, какъ система мѣстнаго управленія, держался на порабощеніи сословій. Образованіе государства должно было совершиться путемъ освобожденія этихъ тяглыхъ сословій, то-есть, посредствомъ подчиненія ихъ непосредственно государственной власти. Освобожденіе сословій, развитіе личной свободы повело къ ниспроверженію мѣстныхъ учрежденій, державшихся на феодализмѣ. Идея государственнаго единства была тамъ *революціонною* идеей и могла быть осуществлена только съ уничтоженіемъ всѣхъ прежнихъ основъ провинціальнаго быта. Паденіе феодализма и всѣхъ сословныхъ различій казалось тамъ единственнымъ средствомъ объединить государство. Централизація была тамъ продуктомъ революціи, уничтожившей всѣ экономическія и сословныя условія провинціи. Сословія были тамъ основою провинціальной самостоятельности; общественная нивеллировка повела къ централизаціи. Въ Россіи сословія были продуктомъ государственной дѣятельности, послѣдствіемъ разнообразныхъ тяглъ, наложенныхъ на общества. Они разъединили и безъ того некрѣпкую провинцію. И съ административной, и съ общественной точки зрѣнія она представляла массу ничѣмъ не связанныхъ въ мѣстности тѣлъ. Городъ, монастырь, владѣльческое село, оброчная слобода, черная волость могли граничить другъ съ другомъ и не имѣли ничего общаго. Города связывались только съ городами, монастыри съ монастырями и т. д., и связывались не въ мѣстности, а въ Московскомъ

приказѣ, „гдѣ кто вѣдомъ". Понятно, что они тянули къ Москвѣ больше чѣмъ другъ къ другу.

Централизація была у насъ продуктомъ закрѣпленія сословій государству. Мѣстныя же учрежденія были реакціей противъ государственнаго закрѣпленія сословій; свобода, предоставленная имъ, должна была выразиться въ мѣстномъ самоуправленіи, тогда какъ на западѣ она выразилась въ централизаціи. На западѣ сила провинціи относится къ періоду государственной слабости и закрѣпленія сословій и теперь она составляетъ остатокъ полуфеодальнаго порядка. Въ Россіи государственное единство не вело борьбы съ провинціей, которая всегда тянула къ Москвѣ. Централизація была въ ней не побѣдою націи надъ привилегированными сословіями, а продуктомъ подчиненія государству всѣхъ сословій. Подчиненіе это выразилось первоначально въ формѣ разнообразныхъ тяглъ. Но съ утвержденіемъ государственной силы тяглое значеніе сословій и связанная съ нимъ централизація сдѣлались безполезны. Освобожденіе сословій требовало мѣстныхъ учрежденій.

Послѣ того какъ наши сословія сплотили и создали государственное единство, нельзя было ожидать, чтобъ они, послѣ своего освобожденія дали мѣстности какую-нибудь другую самостоятельность кромѣ административной. Даже и это понятіе еще слишкомъ широко для нашего мѣстнаго самоуправленія. Сословія наши, какъ мы надѣемся доказать это въ послѣдствіи, освободились главнымъ образомъ путемъ эманципаціи ихъ дѣятельности отъ государственнаго тягла. Слѣдовательно, это самоуправленіе должно было явиться средствомъ осуществленія экономической свободы освобожденныхъ сословій.

Свобода мѣстныхъ сословій и мѣстнаго самоуправленія постепенно ведетъ у насъ къ уничтоженію сословныхъ различій, ибо главная основа этихъ различій заключалась въ тяглѣ, теперь снятомъ съ нихъ. Разнообразіе этихъ тяглъ постепенно замѣняется общими повинностями свободныхъ гражданъ въ пользу государства. Такъ, мирно совершается подъ вліяніемъ свободы величайшая реформа, которая стоила Западу столько крови. Тамъ сословія были закрѣпощены не государству, а частнымъ лицамъ. Освобожденіе ихъ произошло путемъ возстанія закрѣпощенныхъ противъ феодаловъ. Они закрѣпили свое дѣло образованіемъ равной для всѣхъ государственной власти, которая подчиняла себѣ всѣхъ гражданъ одинаково во имя закона, а не личнаго интереса. Государственная власть была для нихъ символомъ свободы и порядка, централизація оплотомъ равенства про-

тивъ феодализма. Не даромъ Дюпонъ Вайтъ, опредѣляя роль государства, говоритъ, что оно уничтожило господство человѣка надъ человѣкомъ. Понятно, что тамъ уничтоженіе сословныхъ различій совершается иначе чѣмъ у насъ. Борьба между сословіями, начавшаяся въ области, перешла и въ государственную сферу, и здѣсь противоположеніе между сословіями дошло до послѣднихъ границъ. Въ провинціи сословія различались правами, но этимъ правамъ соотвѣтствовали обязанности. Привилегированная аристократія несла повинности подобно другимъ сословіямъ. Королевская власть уничтожила значеніе мѣстныхъ корпорацій и соединила всѣхъ подданныхъ въ государственныя сословія. Здѣсь эти корпоративныя различія утратили всякій смыслъ. Въ мѣстности крестьяне и горожане терпѣли отъ привилегій феодальнаго владѣльца, но видѣли въ немъ воина, судью, администратора. Бюрократія взяла на себя тѣ задачи, которыя прежде составляли силу аристократіи и нерѣдко заставляли забывать о ея привилегіяхъ. За нею, равно какъ и за другими привилегированными сословіями, остались одни права, что естественно довело противорѣчіе между привилегированными и подчиненными классами до послѣднихъ предѣловъ. Противорѣчіе это могло разрѣшиться только окончательнымъ разрушеніемъ стараго общества. Въ Россіи періодъ самой сильной противоположности между сословіями совпадаетъ съ эпохою ихъ всеобщаго закрѣпленія. Оно временно усиливается при Екатеринѣ II, освободившей дворянство и усилившей закрѣпленіе крестьянъ. Но это противорѣчіе не было такъ велико, какъ въ Западной Европѣ. Дворянство, даже послѣ жалованной грамоты, продолжало оставаться служилымъ сословіемъ; самоуправленіе, предоставленное ему, служило столько же сословнымъ, сколько и правительственнымъ цѣлямъ, ибо главнымъ образомъ выражалось въ правѣ замѣщенія правительственныхъ должностей. Окончательное освобожденіе сословій сотретъ послѣдніе остатки этого противорѣчія. На западѣ крѣпостное право уничтожилось довольно давно. Но личная свобода крестьянства тѣмъ сильнѣе заставляла его чувствовать привилегіи высшихъ сословій. Въ Россіи личной свободѣ крестьянства соотвѣтствуютъ болѣе широкія права, которыя поведутъ къ полному сліянію земскихъ классовъ.

Мы сознаемъ, что зашли нѣсколько далеко;, такъ камъ намъ много еще предстоитъ говорить о постепенномъ образованіи того порядка вещей, послѣдніе результаты котораго мы выставили. Пока мы оставляемъ областное общество въ слѣдующемъ положеніи: сословное раз-

дѣленіе почти уничтожило значеніе естественныхъ общественныхъ организмовъ, городскихъ и сельскихъ общинъ; личное землевладѣніе не участвуетъ въ областной жизни; въ мѣстности нѣтъ интересовъ, вокругъ которыхъ сгруппировались бы всѣ земскіе элементы. Мѣстность представляетъ массу разрозненныхъ организмовъ и даже лицъ. Нѣтъ здѣсь объединяющаго дѣйствія правительственныхъ органовъ. Вслѣдствіе всего этого въ центральныхъ мѣстахъ сосредоточивается не только направленіе администраціи и общій государственный надзоръ за нею, но и власть дѣйствительнаго управленія и мѣстнаго надзора. Московскіе приказы имѣютъ значеніе и высшихъ, и мѣстныхъ управленій. Превращеніе сословій въ простые классы единаго мѣстнаго общества, перенесеніе мѣстъ центральнаго управленія изъ столицы въ мѣстность и развитіе органовъ общаго мѣстнаго надзора было дѣломъ XVIII и XIX столѣтій.

ПРИЛОЖЕНІЕ А.

(Глава IV стр. 219 и слѣд.).

Четверти и другіе областные приказы XVII вѣка и города, имъ подвѣдомственные.

I. *Новгородская четверть:* Въ началѣ XVII ст. называлось безразлично Новгородской и Нижегородской четвертью, такъ какъ земли Великаго Новгорода и княж. Нижегородскаго вѣдались одинаково здѣсь. Послѣ 1618 г. названіе Новгородской четверти утвердилось. Ей были подчинены: земли Великаго Новгорода, Двинская земля, Псковское государство, Вятская и Пермская земля и Нижегородское княжество, т. е. слѣдующіе города:

Новгородъ, Старая Руса, Олонецъ, (Заонежскіе погосты), Ладога, Псковъ, Порховъ, Гороховецъ, Ржева пустая, Архангельскъ, Холмогоры, Кевроль и Мезенъ, Каргополь, остроги Кольскій и Пустозерскій, Вятка [1]), Вологда, Усольскъ, Кунгуръ, Яренскъ, Кайгородокъ, Нижній-Новгородъ и Арзамасъ [2]).

Приказъ *Казанскаго Дворца.* Первоначально вѣдалъ всѣ вновь завоевываемыя на востокѣ земли. Нерѣдко раздѣлялъ эту власть съ Посольскимъ приказомъ, въ томъ смыслѣ, что покоренныя земли сначала поступали въ завѣдываніе Посольскаго приказа, а потомъ уже передавались въ Казанскій дворецъ. Такъ было между прочимъ съ Сибирью. Иногда же, по дипломатическимъ соображеніямъ, нѣкоторыя земли подчинялись одновременно и тому и другому приказу. Но такое подчиненіе не было постоянно. Земли, перво-

---

[1]) Т. е. Вятская земля, въ составъ которой входили: Хлыновъ, Котельничъ, Орловъ, Слободской и Шестаковъ.

[2]) Относительно Новгородской четверти, послѣ Новгородскаго приказа, см. А. А. Э. III, № 118, 131, 142, 144, 148, 158, 188, 320. А. И. III, № 114, 198, 199, 200, 212, Доп. къ А. И. III, 2, 36, 39, 40, 58. А. И. V. № 20, 84, Доп. къ А. И. VIII, № 40. Тамъ-же VI, № 57. Названіе Нижегородской четверти встрѣчается: А. А. Э. III, № 13, 39, 40, 48, 72, 73, 91.

начально входившія въ составъ приказа, были обширны. Дворцу подчинялись: Казань и всѣ земли Казанскаго царства, все Поволжье, Астраханское царство и до 1639 г. Сибирь. Впослѣдствіи она подчинилась особому управленію. Въ половинѣ XVII вѣка и послѣ того Казанскій дворецъ вѣдалъ [1]):

Казань, Астрахань, Тернъ, Царицынъ, Самару, Саратовъ, Уржумъ, Лаишевъ, Ворскъ, Тетюши, Свіяжскъ, Чебоксары, Цывильскъ, Ядринъ, Васильгородъ, Кокшагъ, Козьмодемьянскъ, Царево-Кокшайскъ, Царево-Санчурскъ, Алатырь, Кадомъ, Касимовъ, Симбирскъ, Темниковъ, также Пенза, Инсаръ, Арзамасъ, Шацкъ и **Уфа. Всѣ эти города носили общее названіе *Понизовыхъ*.**

Къ городамъ *Сибирскаго приказа* относились [2]):

Тобольскъ, Тюмень, Тарскъ, Туринскъ, Пелымь, Березовъ, Сургутъ, Кецкій острогъ, Нерымскъ, Томскъ, Мангазея, Верхотурье, Кузнецкъ, Омскъ, Красноярскъ, Енисейскъ и друг.

Четверти: Владимірская, Галицкая, Костромская и Устюжская [3]) не завѣдывали никакими опредѣленными землями, какъ Сибирь, царство Казанское и т. д. Каждой изъ нихъ, для удобства центральнаго, управленія поручалось извѣстное количество городовъ, которое далеко не было постоянно. Оно то увеличивалось то уменьшалось. Иногда четверти временно подчинялись высшему управленію другихъ приказовъ, напр.: Посольскаго, а послѣ Большой казны. Далѣе нельзя не обратитъ вниманія и на то обстоятельство, что извѣстный разрядъ городовъ назывался по имени четверти только въ актахъ, касающихся финансоваго управленія, напр.: таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, сбора даточныхъ людей и т. д. Напротивъ, въ военномъ отношеніи города росписывались подъ другими названіями. Въ разрядныхъ книгахъ мы не встрѣчаемъ росписанія городовъ по четвертямъ. Они обозначаются здѣсь или по географическому своему положенію, напр. понизовые, поморскіе города, или по своему военно-административному положенію, напр.

---

[1]) Доп. къ А. И. VIII, № 40. Разрядныя книги I стр. 545 и друг. А. А. Э. III 153, 219, А. И. III, 87, 88, 91, 103, 106, 121, 152, 155, 134, 213, 240.

[2]) А. И. III № 207, 209, 215, 216, 236, 245. Доп. къ А. И. III, 6, А. И. II № 344, 345, Дворцовые разряды т. I, столб. 153, 154, Разрядныя книги, т. I и II, Доп. къ А. И. VIII № 40, и т. д.

[3]) А. А. Э. III, 43, 97, 100, 126, 138, 140, 146, 295, А. И. III, 3, 117, Доп. къ А. И. II, 34, 38, 39, тамъ же III, 25, 27, тамъ же VII № 66, 94, тамъ же VIII, 40. Тамъ же V, № 90, А. И. IV, № 97.

города Нѣмецкой, Польской, Крымской украйны и т. д. Въ вѣдѣніи четвертей состояли слѣдующіе города:

Владимірской: Тула, Калуга, Владиміръ, Болховъ, Тверь, Торжокъ, Переяславль-Рязанскій, Михайловъ, Зарайскъ, Волоколамскъ, Воротынскъ, Луха, Таруса, Ржевъ, Верея.

Галицкой: Галичь, Солигаличъ, Чухлома, Парѳеньевъ, Унжа, Ростовъ, Суздаль, Кашинъ, Бѣлевъ, Мещовскъ, Кашира, Шуя, Юрьевъ-Польскій, Коломна [1]), Кологривъ, Бѣлоозеро, Карачевъ, Парѳеньевъ.

Устюжской: Устюгъ, Тотьма, Чаронда, Устьянскія волости, Сольвычегодскъ, Устюжна Желѣзопольская, Сольвычегодскъ, Вымь, Вага, Можайскъ, Верея [2]), Звенигородъ, Руза, Клинъ, Вязьма, Бѣжецкій Верхъ, Ржева - Володимірова, Дмитровъ, Веневъ, Епифань, Старица, Пошехонье, Гремячево и Великія Луки, то есть нѣкоторые города Московской, Тульской и Псковской губерній, вмѣстѣ съ городами самыхъ отдаленныхъ восточныхъ губерній.

Болѣе всего неопредѣленности представляетъ Костромская четверть. Нигдѣ нельзя встрѣтить точнаго перечисленія городовъ, находившихся въ ея завѣдываніи. Въ актахъ находятся указанія лишь на нѣкоторые, напр. Ярославль, Кострому, Муромъ, иногда Ростовъ и другіе.

Всѣ означенные города, въ особенности же города Галицкой и Владимірской четверти, вѣдались въ своихъ приказахъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ. Напр. землями они вѣдались въ помѣстномъ приказѣ, а службою въ разрядѣ. Разрядъ самъ по себѣ относился къ внутреннему управленію различно. Завѣдывая разными городами относительно военной службы, онъ не вторгался въ финансовые и другіе административные вопросы. Съ другой стороны онъ вѣдалъ города и въ административномъ отношеніи, кромѣ помѣстныхъ и губныхъ дѣлъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ ему подлежали и помѣстныя дѣла. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ 1672 г. Тула, Дѣдиловъ, Епифань, Михайловъ, Кашира, Серпуховъ, Таруса, Калуга, Воротынскъ, Мещовскъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Болховъ, Новосиль, Путивль вѣдались землями въ помѣст-

---

[1]) Во второй половинѣ XVII ст. вѣд. въ новой четверти кабацкими сборами.

[2]) Въ друг. случаяхъ вѣд. во Влад. четверти.

номъ приказѣ, службою въ разрядѣ, а управленіемъ Тула, Калуга, Воротынскъ, Болховъ, Михайловъ, Таруса во Владимірской четверти, Дѣдиловъ въ приказѣ Большаго Дворца, Серпуховъ кабацкими сборами въ Новой четверти, Мещовскъ, Карачевъ, Бѣлевъ въ Галицкой четверти, Епифань въ Устюжской. Управленіе другихъ городовъ, напротивъ, было сосредоточено въ разрядѣ, за исключеніемъ помѣстныхъ дѣлъ; таковы Курскъ, Бѣлгородъ, Старый Осколъ, Ливны, Воронежъ, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Ефремовъ, Стародубъ и другіе. Спеціально въ завѣдываніи разряда не исключая помѣстныхъ дѣлъ, находилась масса мелкихъ городовъ. По отношенію къ нимъ разрядъ игралъ роль областнаго приказа. Города сіи были:

Въ нынѣшней Воронежской губерніи [1]): Землянскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Верхососенской [2]), Усердъ, Ольшанскъ, Валуйки; въ нынѣшней Курской губ.: Обоянь, Суджа, Короча, Новый Осколъ, Яблоновъ. Въ Тамбовской губ.: Козловъ, Усмань; Харьковской: Харьковъ, Чугуевъ, Салтовъ.

Изъ этого видно что границы областей, подвѣдомственныхъ приказамъ, были весьма неопредѣленны; города этихъ областей неодинаково относились къ центральному правительству: одни были подчинены больше, другіе меньше; одни подчинялись извѣстному приказу во всѣхъ отношеніяхъ, другіе не во всѣхъ.

Вслѣдствіе этого города въ разныхъ росписяхъ исчислялись по другимъ рубрикамъ, а не по принадлежнсоти ихъ къ разнымъ приказамъ. Рубрики эти были весьма разнообразны. Въ одной изъ самыхъ подробныхъ росписей 1629 г. [3]) мы встрѣчаемъ слѣдующее. Сначала исчисляетея масса городовъ съ ихъ воеводами, безъ общаго названія отдѣла. Здѣсь поставлены Владиміръ, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, Муромъ и т. д. Словомъ, всѣ города, распредѣляемые между четвертями въ центральной Россіи. Но роспись очевидно имѣла въ виду не четвертное дѣленіе; города, вычисленные въ этомъ, такъ сказать, безыменномъ раздѣлѣ, входили въ составъ Украинскаго и Рязанскаго разрядовъ и Московскаго полка. Сюда относились Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Арзамасъ, Нижній, Луха, Гороховецъ, Шуя, Коломна, Кашира, Гремячій, Шацкъ, Данковъ, Тула, Дѣдиловъ, Крапивна, Веневъ, Епифань, Пронскъ, Михайловъ, Ряжскъ,

[1]) Самъ Воронежъ управлялся также въ разрядѣ, но за исключеніемъ помѣстныхъ дѣлъ.

[2]) Нынѣ предмѣстье г. Бирюча. (Воронежской губ.)

[3]) Разрядныя книги т. II ст. 165 и слѣд.

Переяславль-Рязанскій, Зарайскъ, Серпуховъ, Одоевъ, Олексинъ, Калуга, Воротынскъ, Перемышль, Лихвинъ, Вязьма, Можайскъ, Вольскъ, Боровецъ, Борисовъ, Малый Ярославецъ, Верея, Звенигородъ, Руза, Дмитровъ, Мещовскъ, Мосальскъ, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Кромы, Новосиль, Чернь. Затѣмъ слѣдуетъ роспись городовъ, по слѣдующимъ рубрикамъ:

1. *Сѣверскіе* города: Брянскъ, Рыльскъ, Путивль, Сѣвскъ.

2. *Польскіе* города, т. е. города Польской Украйны: Воронежъ, Елецъ, Ливны, Старый Осколъ, Лебедянь, Курскъ, Бѣлгородъ, Валуйки.

3. Города *Нѣмецкой* Украйны: Новгородъ и его пригороды: Ладога, Порховъ и Старая Руса, Псковъ и его пригороды: Изборскъ, Гдовъ, Островъ и Опочка, затѣмъ: Тверь, Торжокъ, Старица, Ржевъ, Осташковъ, Торопецъ, Великія Луки, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Ростовъ, Ярославль, Кострома, Галичъ, Вологда, Романовъ, Бѣлоозеро, Пошехонье.

4. *Понизовые* города. Сюда входили всѣ города, вѣдавшіеся въ Казанскомъ дворцѣ (см. выше).

5. *Поморскіе* города. Они составляли вѣдомство отчасти Новгородской четверти: Архангельскъ съ Двинскою землею, Вятская земля (Хлыновъ, Котельничь, Орловъ, Слободской и Шестаковъ), Каргополь, Пермь, Кольскій Острогъ, Заонежскіе погосты, Мезень, Города и Пустозерскъ; отчасти въ Устюжской: Устюгъ, Соль-Вычеоодскъ, Вымсь, Вага и Тотьма.

6. *Сибирскіе* города; они уже вычислены выше.

Въ этомъ перечисленіи городовъ смѣшаны четвертныя дѣленія. Новгородская четверть напр. совершенно разбита; часть ея городовъ поставлена въ общій перечень городовъ центральной Россіи (Нижній, Арзамасъ), часть отнесена къ Нѣмецкой Украйнѣ (Новгородъ, Псковъ, Вологда и друг.), остальные поставлены въ число поморскихъ городовъ (Вятка, Архангельскъ и т. д.), Только города Сибирскаго приказа и Казанскаго дворца всегда составляютъ одно цѣлое. Города Казанскаго дворца всегда пишутся вмѣстѣ, подъ именемъ понизовыхъ; Сибирскіе города также не раздѣляются ни для какихъ цѣлей. Причина этого заключается въ томъ, что оба эти приказа въ то же время были разрядами, чего мы не видимъ въ другихъ четвертяхъ. Впрочемъ, если четвертное дѣленіе не имѣло обыкновенно вліянія на разрядное, то послѣднее не имѣло большаго вліянія на административное положеніе городовъ. Для этого лучше всего разсмотрѣть составъ нѣкоторыхъ разрядовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ Б.

(Глава IV стр. 277 и слѣд.).

Составъ нѣкоторыхъ разрядовъ Московскаго государства.

Каждый разрядъ составлялся изъ опредѣленнаго количества городовъ, изъ которыхъ во время похода должны были являться служилые люди въ городъ, назначенный сборнымъ пунктомъ полка. Этихъ сборныхъ пунктовъ было обыкновенно три, въ каждомъ разрядѣ: городъ гдѣ ставился большой полкъ, другой гдѣ ставился сторожевой и третій для передоваго полка. Во время похода разрядъ составлялся не только изъ служилыхъ людей, собранныхъ на мѣстѣ, но и изъ извѣстной части регулярнаго войска, посланнаго съ московскимъ воеводою въ одинъ изъ полковъ. Нѣкоторые полки сами по себѣ имѣли значеніе разряда, какъ напр. Сѣвскій полкъ. Разряды по большей части соотвѣтствовали различнымъ украйнамъ Московскаго государства. Новгородскій разрядъ соотвѣтствовалъ Нѣмецкой Украйнѣ, Украинный, Крымской Украйнѣ — Казанскій — Восточной и т. д. Впрочемъ главнымъ образомъ всѣ силы молодаго государства были направлены на охраненіе своихъ границъ отъ Крымскаго ханства, а потому два первенствующихъ разряда, Украинный и Рязанскій — были предназначены именно для этой цѣли. Къ нимъ было приписано наибольшее количество городовъ.

Какъ тотъ, такъ и другой разрядъ состоялъ изъ трехъ полковъ. Въ Украинномъ разрядѣ большой полкъ ставился въ Тулѣ, передовой въ Дѣдиловѣ, Сторожевой въ Крапивнѣ. Въ Рязанскомъ большой полкъ собирался въ Переяславлѣ Рязанскомъ, передовой въ Михайловѣ, сторожевой въ Пронскѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ тому и другому разряду прибавлялись полки, называвшіеся прибылыми, кои иногда получали и постоянное значеніе. Такъ со-

ставился Мценскій полкъ при Украинномъ разрядѣ. Въ каждый изъ этихъ городовъ назначался полковой воевода. Должность эта отличалась отъ должности городоваго воеводы—это видно какъ изъ того что такая должность не была постоянною, такъ и изъ наказовъ, выдававшихся такимъ воеводамъ. Когда внѣшнія сношенія и военныя соображенія дозволяли, правительство замѣняло полковыхъ воеводъ другими лицами. Напр. въ 1634 г. на Крапивкѣ, Переславлѣ Рязанскомъ, Михайловѣ и Пронскѣ не было полковыхъ воеводъ, а были осадные головы и приказные люди [1]).

Полковой воевода, при своемъ назначеніи получалъ наказъ, который отличался отъ наказовъ городовыхъ воеводъ тѣмъ, что въ нихъ ничего не упоминается объ административныхъ обязанностяхъ, а только объ военномъ управленіи. Правда, наказы эти начинаются со словъ, что «Государь велѣлъ такому-то быть въ извѣстномъ городѣ для своего дѣла и для *земскаго* [2]). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи ничего не упоминается о земскомъ дѣлѣ вообще и объ управленіи въ особенности. Вѣроятно для «земскаго дѣла» (если только оно ему поручалось, но этого кажется не дѣлалось), воеводѣ выдавался особый наказъ изъ соотвѣтствующаго приказа а разрядный наказъ имѣлъ въ виду только военныя цѣли. Военная цѣль полковаго наказа обнаруживается между прочимъ изъ слѣдующаго обстоятельства. Наказы эти указываютъ на военно-іерархическое значеніе города и его принадлежность къ такому-то разряду. Напр. «велѣно такому-то быть на государевѣ службѣ, въ Украинномъ разрядѣ въ передовомъ полку въ Дѣдиловѣ» [3]). Напротивъ въ наказахъ обыкновеннымъ воеводамъ называется только городъ куда посылался воевода, безъ всякихъ прилагательныхъ, по той простой причинѣ, что въ военномъ отношеніи между городами была іерархія, а въ административномъ, при непосредственномъ подчиненіи каждаго города Москвѣ, ея не было. Вслѣдствіе этого въ разрядныхъ книгахъ полковые воеводы перечисляются отдѣльно отъ

---

[1]) Разрядныя книги, т. II, ст. 753.

[2]) См. разрядныя книги т. II, ст. 848. «Лѣта 7144 Апрѣля въ день Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи велѣлъ стольнику и воеводамъ князю Юрію Петровичу Буйносову-Ростовскому да Ивану Ондреевичу Ржевскому для своего Государева и *земскаго* дѣла быти на своей Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всея Русіи службѣ въ Украинномъ разрядѣ, въ Болшомъ полку на Тулѣ».

[3]) Тамъ же, ст. 867.

городовыхъ. Разрядъ каждаго года начинается съ назначенія полковыхъ воеводъ, причемъ излагаются данныя имъ наказы; затѣмъ послѣ этихъ наказовъ идетъ перечисленіе городовыхъ воеводъ. Перечисленіе это начинается со словъ: «того же году въ городѣхъ воеводы и приказные люди. Мало того; изъ тѣхъ же разрядныхъ книгъ можно видѣть, что даже въ полковыхъ городахъ, административныя обязанности поручались не полковымъ, а особымъ городовымъ воеводамъ. Такъ напр. въ 1632 г. большимъ полкомъ въ Тулѣ начальствавалъ Борисъ Пушкинъ, а тульскимъ городовымъ воеводою былъ Ѳедоръ Философовъ, въ Дѣдиловѣ воеводою передоваго полка былъ Максимъ Крюковъ, а управленіе было поручено Дружинѣ Бѣшенцову, въ Крапивнѣ сторожевымъ воеводою былъ Иванъ Вердеревскій, а городовымъ Дмитрій Кожуховъ [1]). То же самое встрѣчается и въ разрядахъ другихъ годовъ. Иначе это и быть не могло. Тула вѣдалась во Владимірской четверти и назначеніе туда полковаго воеводы не лишало четверть права послать въ этотъ городъ своего городоваго воеводы; Дѣдиловъ подчинялся приказу Большаго Дворца, и онъ ни въ какомъ случаѣ не терялъ права послать туда своихъ приказныхъ людей и т. д. Вообще нельзя не пожалѣть, что въ нашихъ историческихъ трудахъ столь мало еще обращено вниманія на эти наказы полковымъ воеводамъ, наполняющіе разрядныя книги. Они способствовали бы выясненію отношеній полковыхъ воеводъ къ другимъ и значенія воеводскихъ наказовъ, до настоящаго времени порождающихъ столь противорѣчивые толки. Итакъ полковые воеводы, по крайней мѣрѣ въ центральной Россіи, не имѣли значенія для администраціи. «Полкъ» не былъ областью, разрядъ не имѣлъ значенія губерніи; полковой городъ не былъ по отношенію къ другимъ губернскимъ городомъ. Разсмотрѣніе наказовъ полковымъ воеводамъ и городовъ, составлявшихъ каждый полкъ, докажетъ намъ это.

При назначеніи полковыхъ воеводъ вмѣстѣ съ симъ опредѣлялось сколько служилыхъ людей и изъ какихъ городовъ должны были прибыть къ нимъ на полковую службу [2]) Роспись этихъ слу-

---

[1]) Тамъ же, разрядъ 1632 г.

[2]) «А съ ними (съ тульскими п. воеводами) указалъ Государь быти дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ украинныхъ городовъ тѣмъ половинамъ, которые были на Государевѣ службѣ въ 137 г. (1629 г.) Іюля съ 1-го числа на осень, а за Московныхъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и иноземцемъ Литвѣ и Нѣмцамъ тѣмъ половинамъ, которые въ 137 г. на службѣ въ полкѣхъ не были, а были по домамъ». Тамъ же т. II, ст. 225.

жилыхъ людей посылалась воеводамъ. Затѣмъ наказъ опредѣлялъ срокъ, когда долженъ былъ «стать на мѣсто» полковой воевода и когда должны были прибыть къ нему служилые люди. Срокъ этотъ обыкновенно совпадалъ съ началомъ весны, т. е. съ возможностію открыть военныя дѣйствія. Напротивъ, городовые воеводы обыкновенно смѣнялись въ началѣ гражданскаго года, т. е. съ началомъ осени, 1-го сентября. Ставъ на срокъ въ городъ, полковой воевода писалъ во всѣ города, приписанные къ его полку, къ воеводамъ и приказнымъ людямъ о высылкѣ къ нему на службу дворянъ и дѣтей боярскихъ, атамановъ, казаковъ и другихъ служилыхъ людей. Городовые воеводы должны были немедленно «на спѣхъ» исполнять требованія полковыхъ и извѣщать обо всѣхъ «вѣстѣхъ» относительно Татаръ, Черкасъ и другихъ непріятелей. Отправивъ эти предписанія городовымъ воеводамъ, полковой осматривалъ укрѣпленіе своего города, боевые снаряды, служилыхъ людей и «росписывалъ осаду», т. е. указывалъ «гдѣ кому во время осады быть». Самое же осадное дѣло поручалось мѣстному городовому воеводѣ съ осадными и другими головами [1]). Полковой воевода принималъ начальство надъ полкомъ, т. е. надъ сборными служилыми людьми, которые съѣзжались въ полкъ, а не служили «съ городомъ» на мѣстѣ. Воевода записывалъ «пріѣздъ» собиравшихся людей и списки посылалъ къ Государю [2]). Нѣтчиковъ и ослушниковъ воевода штрафовалъ, о чемъ доносилъ также Государю. Записавъ всѣхъ съѣхавшихся служилыхъ людей, воевода осматривалъ ихъ, какъ кто конёнъ и оруженъ и долженъ былъ содержать ихъ въ порядкѣ во все время похода. Затѣмъ наказъ излагалъ порядокъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, порядокъ управленія полкомъ, сношенія съ высшимъ правительствомъ и другими воеводами и т. д. Нигдѣ не упоминается о какихъ-нибудь административныхъ или полицейскихъ обязанностяхъ; нѣтъ ни слова ни о финансахъ, ни о судѣ между мѣстными властями, ни о надзорѣ за общинами, ни о таможняхъ и кабакахъ. Вѣдомству такихъ воеводъ подчинялись *только ратные люди ихъ полка.*

---

[1]) Разр. книги, т. II, стр. 228, разр. 1630 г. Наказъ Тульскому полковому воеводѣ князю Темникову-Ростовскому. «И велѣти осаду и осадныхъ людей вѣдати Ѳедору Извольскому и осадной головѣ и городовымъ прикащикамъ». Ѳедоръ Извольскій былъ городовымъ тульскимъ воеводой въ это время. См. Разрядъ 1629 г. Тамъ же, ст. 170.

[2]) Т. наз. *ѣсти* и *нѣти*.

За то по отношенію къ нимъ обязанности полковыхъ воеводъ были разнообразны. «А ратныхъ людей имъ (воеводамъ) вѣдати и по челобитнымъ ихъ судити и расправа межъ ими чинити безволокитно; а кормы свои и конскіе самимъ и ратнымъ людямъ въ уѣздѣхъ по селамъ и по деревнямъ купити цѣною, какъ цѣна подъемлетъ, а грабежемъ и насильствомъ однолично, ни у кого ничего не имати и смотрѣти имъ ратныхъ людей въ полкѣхъ по часту и по домамъ ратныхъ людей до сроку не распускати и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого ничего не имати, да и того имъ беречи накрѣпко, чтобы *ратные люди* въ городѣ и въ острогѣ по дворамъ въ лѣтніе избъ и мыленъ не топили, и позно съ огни не сидѣли; а для ратнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, велѣти ратнымъ людямъ подѣлати печи въ огородѣхъ» [1]. Береженье отъ огня возлагалось слѣдовательно на полковыхъ какъ и на городовыхъ воеводъ; но послѣдніе имѣли обязанности по отношенію къ цѣлому городу, а первые наблюдали только за своими ратными людьми. Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ былъ полковой воевода, общегородскія полицейскія обязанности возлагались на воеводу городоваго. «И велѣти Өедору Изволскому (который былъ Тульскимъ городовымъ воеводой) и осадной головѣ и городовымъ прикащикамъ по посаду и по слободамъ ѣздити въ день и въ ночь безпрестанно, и велѣти того беречи накрѣпко, чтобъ однолично на Тулѣ въ городѣ и въ острогѣ и по слободамъ было все стройно и бережно [2]. На городоваго воеводу, какъ мы видѣли, поручалось также наблюденіе за благочиніемъ и безопасностію въ уѣздѣ. Полковому воеводѣ предоставлялись тѣ же обязанности, но только относительно ратныхъ людей. «Да и того беречь накрѣпко, продолжаетъ тотъ же наказъ, чтобъ на Тулѣ отъ *ратныхъ людей* воровства, грабежу и убивства, и татьбы, и разбою и инова никакова насильства не было, и корчмы и б...ни никакіе ратные люди не держали; а которые *ратные* люди учнутъ воровать, насильства и грабежъ дѣлать и корчму и б...ню держать, и тѣмъ дѣлати наказанье, смотря по винѣ» [3]. Полковой воевода слѣдовательно, не измѣнялъ характера мѣстнаго управленія; каждый городъ, приписанный къ полку или разряду, сохранялъ значеніе самостоятельной единицы, начальство которой по всѣмъ административнымъ вопро-

[1]) Тамъ же, ст. 242.

[2]) Тамъ же, ib.

[3]) См. подобные наказы тамъ же, ст. 315—325, 641—652, 695—708 и т. д.

самъ сносилось прямо съ Москвою. Къ полковому городу тянули они *только* въ военномъ отношеніи; поэтому и полки составлялись изъ городовъ, подчиненныхъ въ административномъ отношеніи весьма различнымъ приказамъ.

Украинный разрядъ въ 1633 г. состоялъ изъ слѣдующихъ городовъ [1]): *Тульскій* полкъ (большой) составляли: Тула (Владимірской чет.), Кашира (Галицкой), Козловъ (Разряда), Таруса (Владимірской), Серпуховъ (Нов. четверти). Въ 1636 г. въ Тульскій полкъ были посланы дворяне изъ Владиміра (Влад.), Смоленска, Галича (Гал.), Костромы (Костром.), Твери (Влад.), Старицы и Пошехонья (Устюж.), Лухи (Влад.), Суздаля (Галиц.).

Передовой *Дѣдиловскій* полкъ. Дѣдиновъ, вѣдался въ приказѣ Большаго Дворца. Затѣмъ въ составъ передоваго полка входили: Тула, Мещовскъ (Галицкой четв.), Серпейскъ (разряда), Олексинъ (id.), Епифань (Устюжской).

Сторожевой *Крапивенскій*. Лихвинъ (разряда), Солова (id.), Одоевъ, Боровскъ (тамъ же). Калуга (Владим.), Серпуховъ, Руза (Устюжской), Кашира и Коломна. Въ 1636 г. въ Крапивну явились Пошехонцы (Устюж.), Дмитровцы (тоже), Нижегородцы (Новгород.), Угличане (Б. Дворца), Клиняне (Устюж.), Волочане (Владимір.), Воложане (Новгор.), Ружане и Звенигородцы (Устюж.), Бѣлозерцы (Галицкой).

Прибылой Мценскій. Мценскъ (разряда), Бѣлевъ (Галицкой четв.), Болховъ (Владимір.), Карачевъ (Галицкой), Орелъ, Новосиль, Чернь (разрядъ).

Рязанскій разрядъ.

Б. полкъ въ Переславлѣ Рязанскомъ. Переславль Рязанскій (Владим. четв.), Нижній Новг. (Новгор. четв.), Коломна (Галицкой). Кромѣ того въ Переславль были присланы 322 ч. изъ Темникова (Каз. Дворца) и 166 изъ Кодома (также).

Прочіе полки состояли изъ служилыхъ людей другихъ становъ городовъ, гдѣ стояли эти полки.

Новгородскій разрядъ состоялъ изъ городовъ т. наз. Нѣмецкой украйны. Въ административномъ отношеніи они представляли также большое разнообразіе. Новгородскій разрядъ не былъ тождественъ съ Новгородскою четвертью. Часть городовъ Новгородской четверти относилась то къ Казанскому, то къ Рязанскому разряду. За то

---

[1]) Разрядныя книги, т. II, стр. 693 и слѣд.

съ другой стороны къ Нѣмецкой украйнѣ приписывались многіе города, входившіе въ составъ другихъ четвертей. Нѣмецкая украйна состояла изъ Новгорода и Пскова съ пригородами (Новгор. четв.), Твери (Владим. четв.), Торжка (также), Старицы (Устюж.), Ржевы Володимір. (также), Великихъ Лукъ (также), Кашина (Галицкой), Углича (Б. Дворца), Бѣжецкая Верха (Устюжской), Ростова (Галицкой), Ярославля (Костром.), Костромы (также), Галича (Галицкой), Вологды (Новгор.), Романова (Пос. приказа), Устюжны (Устюж.), Пошехонья (также), Бѣлоозера (Галицкой) и нѣкоторыхъ другихъ.

Такъ мало имѣло значенія обыкновенное административное дѣленіе для военнаго и наоборотъ. Исключеніе составляли области Сибирскаго Приказа и Казанскаго Дворца. Понизовые города составляли одинъ разрядъ, равно какъ города сибирскіе. Небольшое уклоненіе отъ этого правила состояло въ томъ, что изъ нѣкоторыхъ городовъ Казанскаго разряда посылались иногда служилые люди въ другіе полки. Въ сибирскихъ городахъ не бывало даже и этого. Во всякомъ же случаѣ понизовые города и города Сибирскаго разряда представляли гораздо больше единства въ управленіи чѣмъ города центральной Россіи. Только города подчиненные разряду могли сравняться съ ними въ этомъ отношеніи. Но изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы воеводамъ главныхъ городовъ были предоставлены какія-нибудь особенныя права надъ воеводами меньшихъ городовъ. Мы видѣли выше, что ни одинъ изъ мелкихъ городовъ, управлявшихся въ Московскомъ разрядѣ, не былъ въ административномъ отношеніи подчиненъ полковому городу, какъ посредствующей инстанціи между мѣстнымь и высшимъ правительствомъ. То же самое было и въ понизовыхъ городахъ. Сибирскіе города представляли больше іерархіи. Тобольскъ долгое время занималъ между ними первенствующее значеніе, по крайней мѣрѣ многія (но далеко не всѣ) распоряженія правительства приводились въ дѣйствіе чрезъ него. Но это продолжалось не долго. Еще за долго до учрежденія Сибирскаго приказа, когда Сибирь еще вѣдалась въ Казанскомъ дворцѣ, произошло новое росписаніе тамошнихъ городовъ. Именно въ 1629 г., 3 декабря изданъ былъ указъ слѣдующаго содержанія [1]): «въ Сибири въ *Томскомъ* городѣ быти воеводѣ большому, а съ нимъ товарищу да дьякамъ и писменымъ

[1]) Разрядныя книги, т. II, ст. 201 и слѣд.

головамъ такъ же, какъ въ Тобольску, для того, что по Государеву указу изо всѣхъ сибирскихъ городовъ воеводы по ея мѣста писали въ Тобольскъ къ большому воеводѣ, и въ томъ Государевымъ всякимъ дѣломъ чинилась поруха и мотчанье великое, потому что Томской городъ отъ Тобольска и иные городы отошли далечѣ, и для того указалъ Государь и Святѣйшій Государь Патріархъ росписати городы сибирскіе къ Тобольску и къ Томскому городу и вѣдати тѣ городы всякими дѣлами, чтобъ впредь въ томъ Государеву дѣлу порухи и мотчанья не было». Вслѣдствіе этого указа Казанскій дворецъ росписалъ сибирскіе города такимъ образомъ: къ Тобольску: Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень, Пелымъ, Тара, Березовъ; къ Томску: Сургутъ, Нерымскій острогъ, Истцкой, Кузнецкой, Енисейской остроги и Новый острогъ «что велѣно поставить Ондрею Дубенскому на Красномъ Яру» (т. е. нынѣ г. Красноярскъ).

Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ Сибирскаго приказа, сибирскіе воеводы стали въ еще болѣе непосредственное отношеніе къ Московскому управленію.

Цѣна 2 руб. сер.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

